

ДЖЕФФ ЛОНГ

ПРЕИСПОДНЯ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕДСТЕЛЕР

Annotation

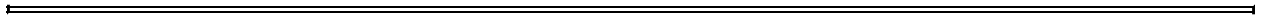
Группа, совершающая паломничество по Гималаям, прячась от снежной бури, попадает в пещеру, в которой находит испещренное надписями тело. Среди прочих надписей есть четкое предупреждение – «Сатана существует!» Все члены группы, кроме инструктора по имени Айк, погибают в пещере. Ученые начинают широкомасштабные исследования, в результате которых люди узнают, что мы не одиноки на Земле, что в глубинах планеты обитают человекоподобные существа – homo hadalis (человек бездны), – которым дают прозвище хейдлы. Подземные обитатели сопротивляются вторжению, они крайне жестоко расправляются с незваными гостями, причем согласованные действия хейдлов в масштабах планеты предполагают наличие централизованного руководства...

- [Джефф Лонг](#)
  - [Благодарность](#)
  - [Книга первая](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
  - [Книга вторая](#)
    - [8](#)
    - [Происшествие в Пьедрас-Неграс](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [Происшествие в провинции Гуандун](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)

- [Происшествие в Ред-Клауд](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
- [Книга третья](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

Джефф Лонг
Преисподняя

Посвящаю моим Еленам

Благодарность

Лишь тот писатель, что сочиняет волшебные сказки, может жить затворником, довольствуясь обществом своей музыки, но даже и ему нужны чужие мысли, подсказка, поддержка. По иронии судьбы «Бездна» родилась благодаря тому, что существуют вершины. Когда идея книги только зародилась, я рассказал о ней моему другу и менеджеру Биллу Гроссу – скалолазу. Следующие пятнадцать месяцев он помогал мне привести повествование в порядок. Его участие и талант чувствуются в каждой странице. Он сразу же ввел в проект еще двух творческих людей – Брюса Бермана и Кевина Макмэхона. Их поддержка помогла мне «возвратиться» к нью-йоркским издателям. Альпинист и писатель Джон Уотерман познакомил меня с другим альпинистом – литературным агентом Сьюзен Голомб. Она много потрудилась, чтобы сделать книгу более привлекательной, более цельной и правдивой. С таким острым глазом и памятью местности из нее бы вышел отличный снайпер.

Благодарю своих издателей: Карен Ринальди – за беспристрастие и энергию, Ричарда Марека – за его хватку и профессионализм и Панагиотиса Джианопулоса, восходящее светило в издательском мире. Еще хочу добавить особую благодарность моему безымянному и невидимому редактору. Это моя седьмая книга, и я только теперь узнал, что, оказывается, по причинам профессионального характера писателю не полагается знать, кто его редактировал. Редакторы, подобно монахам, прозябают в неизвестности. Я специально потребовал лучшего в стране редактора, и, кто бы то ни был – или была, – мне пошли навстречу. Я глубоко благодарен Джиму Уолшу, также скрыто потрудившемуся над книгой.

Я не спелеолог и не эпический поэт. Другими словами, чтобы попасть в мой воображаемый ад, мне нужен был проводник. Им стал мой отец, геолог, который заставлял меня в детстве бродить по лабиринтам – от старых штолен до полостей выветривания в песчаниках, от Пенсильвании до национальных парков Меса-Верде и Арки.

Помимо обычных и очевидных идей, использованных моей капризной музыкой, я многое почерпнул из некоторых современных произведений. «История Ада» Элис К. Тернер замечательна своим размахом, эрудицией, черным юмором. У Данте был Вергилий, у меня – Тернер. Моим путеводителем по подземному миру стал «Атлас величайших пещер мира»

Пауля Курбона. «Реставрация пещеры Лечугилья» Вэл Хилдрет-Веркер и Джима К. Веркера помогла мне глубже понять пещеру как среду обитания. «Подземные миры» Дональда Дэйла Джексона никогда не перестанут удивлять меня красотой подземных пейзажей. Наконец, упомяну замечательную поэму моего друга Стива Хэрригэна о пещерном дайвинге – «Колодезь Иакова», которая породила у меня настоящие кошмары о темных, глубоких, узких мирах.

В «Преисподней» использованы сведения, полученные и от других людей, которых так много, что я не мог перечислить всех. Однако назову некоторых:

«Туринская плащаница» Линн Пикнетт и Клайва Принса легла в основу главы о плащанице.

Статья «Кости Эгила» Джесса Бьюка (Scientific American, январь 1995) помогла мне найти подходящую болезнь для моих персонажей.

Книга «Развенчание мифа: рассказывают монахини» Мери Лаудон помогла мне понять жизнь монахинь.

«Карты следующего тысячелетия» Стивена С. Холла открыла мне мир картографии.

Питер Слосс, специалист по компьютерной графике из отдела морской геологии и геофизики Государственной администрации по океану и атмосфере, любезно показал мне, как теперь создаются карты.

«Биология и эволюция языка» Филипа Либермана помогла мне вернуться к истокам речи, равно как и доктор Ренде, специалист по патологии речи из университета Колорадо.

«Расшифровка кода майя» Майкла Д. Ко, «Разгадка древних майя» Дэвида Робертса (Atlantic Monthly, сентябрь 1991), «Происхождение индоевропейских языков» Колина Ренфрю (Scientific American, октябрь 1989) и особенно «В поисках праязыка» Роберта Райта (Atlantic Monthly, апрель 1991) помогли разработать лингвистическую сторону сюжета.

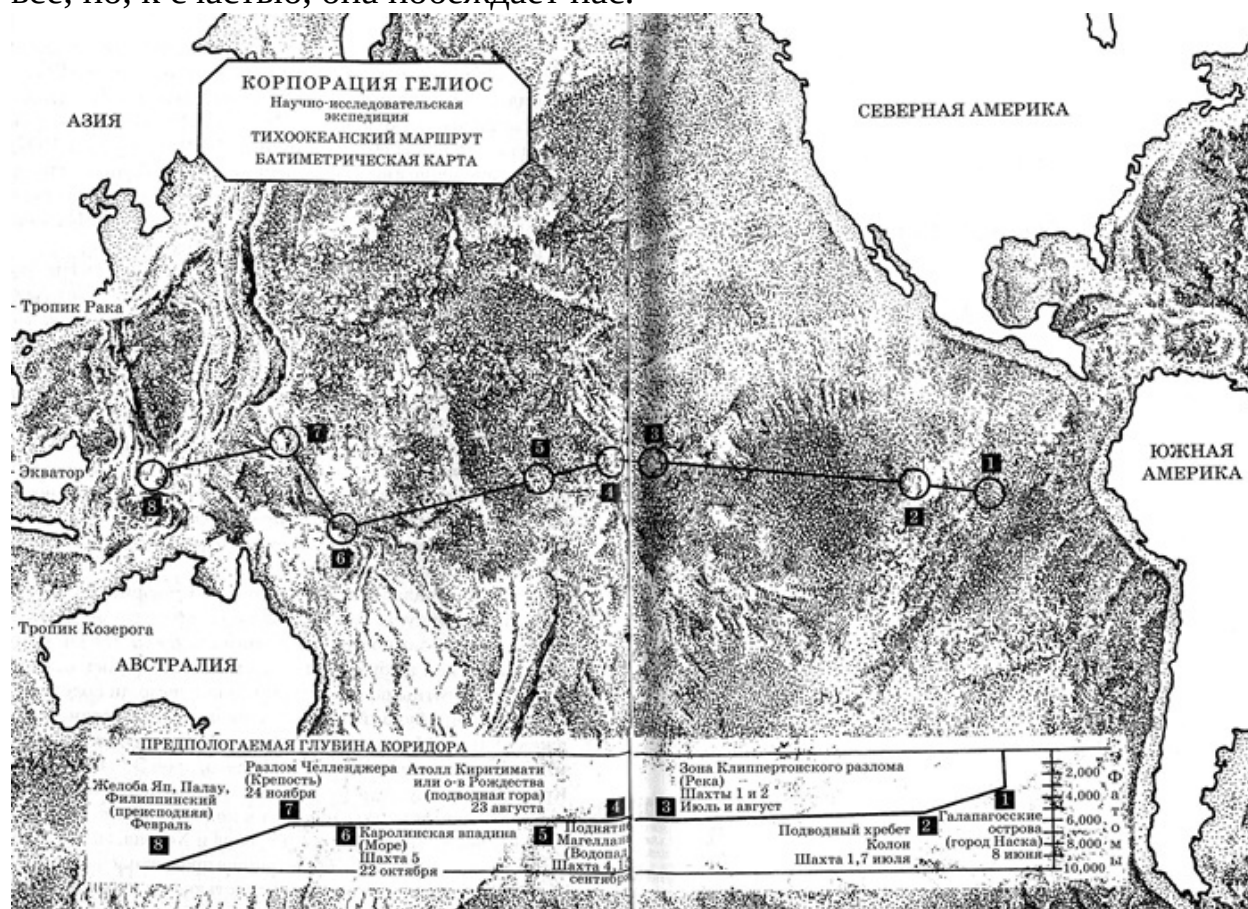
«Необычный союз» Стивена Джея Гоулда (Natural History, апрель 1997) и «Исход из Африки и раннее расселение в Азии вида homo» Роя Ларика и Рассела Л. Кьюшона (American Scientist, ноябрь-декабрь 1996) зацепили меня всерьез и заставили читать дальше.

Скалолаз Клифф Уоттс, еще один мой друг, показал мне в Интернете статью Стэнли Прузинера о прионах и давал медицинские советы обо всем – от высот до влияния различных условий на зрение. Другой скалолаз, Джим Глизон, изо всех сил пытался свести к минимуму мою научную безграмотность, но, боюсь, и сам понял, что напрасно. Остается только надеяться, что мое научное мародерство и фактические неточности смогут

кого-нибудь развлечь.

С самого начала Грэм Хендерсон, мой товарищ по Тибету, указывал мне путь, рассказывая о своем видении Дантова «Ада». Стив Лонг постоянно помогал мне в составлении путевых карт как на бумаге, так и в многочисленных разговорах. Пэм Новотны помимо издательской помощи поделилась со мной своим буддийским терпением и спокойствием. Анджела Тимен, Мелисса Уард и Марго Тимминс обеспечивали мне постоянное вдохновение. Я благодарен Элизабет Крук, Крейгу Блоквику, Артуру Линдквист-Клисслеру и Синди Бутлер за их напоминания про свет в конце туннеля.

И наконец, благодарю вас, Барбара и Хелена, за то, что вы терпели хаос, который в конце концов превратился в порядок. Любовь не побеждает все, но, к счастью, она побеждает нас.

Книга первая

Открытие

*Просто спуститься в Аид...
Но обратно вернуться,
к свету подняться опять –
несравненно труднее...*

Вергилий. Энеида

**Гималаи,
Тибетский автономный район
1988**

В начале было слово. Или слова.

Что бы они ни означали.

Фонари никто не включил. Уставшие туристы толклись в пещере, глядя на странные письма. В темной нише плыли светящиеся пиктограммы, словно кто-то вывел их, обмакнув тонкий прутик в жидкий радий или другую радиоактивную краску. Айк не мешал своим клиентам смаковать находку. Лучше им пока не думать о буре, что беснуется на склоне горы.

Приближается ночь, снег заметает следы, все вещи – теплая одежда, продукты – на выючных яках, которые куда-то запропастились. В таких условиях Айк был рад любому убежищу. Он делал вид, будто все идет по плану, хотя на самом деле группа сбилась с пути. Этой гнусной дыры Айк не помнил. И знать не знал ни о каких светящихся доисторических граффити.

– Руны, – авторитетно бросил женский голос. – Священные руны, начертанные бродячим монахом.

Неведомые знаки в недрах пещеры мерцали лиловым светом. Они напомнили Айку светящиеся постеры, которыми была оклеена спальня в студенческом общежитии. Сейчас бы косячок в зубы да оттянуться под балладу Дилана в обработке Хендрикса. Заглушить ужасный вой ветра. Как там у Дилана сказано про «Wildcat», ^[1] ревущий в холодной дали?

– Никакие не руны, – сказал мужской голос. – Это письма бон-по.

Бруклинские интонации – стало быть, Оуэн. У Айка девять клиентов, мужчин среди них двое. Управляться с такой группой нетрудно.

– «Бон-по»! – буркнула одна из женщин.

Этому бабью явно нравилось шпынять Оуэна и Бернарда, второго мужчину в группе. Айка пока что щадили. С ним обращались как с безобидным аборигеном. И на том спасибо.

– Бон-по появились задолго до буддистов, – излагала женщина.

Почти все дамы были студентки-буддистки из университета Нью-Эйдж^[2] и много чего знали.

Целью их похода – по крайней мере, сначала – была гора Кайлас. «Стань героем современных «Кентерберийских рассказов» – так преподносились в рекламе услуги Айка. Паломничество по Тибету или, выражаясь по-местному, кора – ритуальный обход священных вершин. Восемь тысяч с носа, включая стоимость ладана. Беда в том, что Айка угораздило сбиться с маршрута и потерять гору. Теперь ему стало не по себе. Группа заблудилась. Уже на рассвете небо начало менять цвет с голубого на молочно-серый. Погонщики – вместе с яками – потихоньку слиняли. Айку пришлось сообщить клиентам, что палатки и припасы сделали ноги. Час назад на горетексовые капюшоны легли первые мокрые хлопья снега, и Айк решил укрыться в пещере. Благо она так кстати подвернулась. Иначе банальный горный буран отымел бы их за здорово живешь.

Айк почувствовал, что кто-то тянет его за куртку, и понял: Кора хочет что-то сказать.

– Насколько это серьезно? – прошептала она.

В зависимости от дня недели и времени суток Кора была его возлюбленной, заправилкой в лагере и деловым партнером. С недавних пор Айка занимал вопрос: что же для нее важнее – приключенческий бизнес или бизнес как приключение? Так или иначе, их совместная треккинговая компания ей, кажется, разонравилась.

Айк не видел смысла заострять проблему.

– У нас отличная пещера, – заявил он.

– Да ну?

– Мы пока не в минусах, все целы-невредимы.

– Зато маршрут теперь к чертям. Отстали безнадежно.

– Да все нормально. Сориентируемся, когда доберемся до места рождения Сиддхарты. – Айк старался не выдать голосом беспокойства, но какое-то шестое чувство или что-то другое не давало ему покоя. – Может, оно и к лучшему, что мы немножко заблудились – туристам будет что вспомнить.

– Да не нужно им это. Они ведь не то что твои приятели. Если

девятнадцатого не улетят своим рейсом, затааскают нас по судам.

– Это же горы, – сказал Айк. – Люди все поймут. Здесь, наверху, надо помнить, что любой твой вздох может оказаться последним...

– Нет, не поймут. У них работа. Разные обязательства, семьи.

Ну вот, опять все сначала. Кора всегда хочет от жизни большего. И хочет большего от своего непутевого товарища.

– Я и так стараюсь, – оправдывался Айк.

Буря хлестала по камням и рвалась в пещеру. Ничего себе погодка для мая! Айк думал, что времени у них навалом – дойдут до Кайласа, совершат обход и вернутся. Муссоны, бич альпинистов, так далеко на север обычно не долетают. Но Айку, уже восходившему на Эверест, не следовало полагаться на бездождевые зоны. Не стоило так уж верить в график и вообще в удачу. Теперь они влипли. Снег намертво закроет перевал до конца августа. Значит, придется нанимать у китайцев грузовик и возвращаться через Лхасу – и превысить запланированные расходы. Айк пытался сделать подсчет в уме, но его отвлекал галдеж.

– Я отлично знаю, кто такие бон-по, – заявила женщина.

За девятнадцать дней похода Айк так и не смог увязать их буддийские имена с теми, что в паспортах. Одна женщина, то ли Этель, то ли Уинифрид, теперь называлась Зеленой Тарой – в честь тибетской богини. Бойкая, похожая чем-то на актрису Дорис Дэй, она утверждала, что накоротке с самим далай-ламой. Последние недели Айк слушал, как его спутницы восхваляют жизнь пещерных женщин. Что ж, вот вам пещера, дамы. Валяйте.

Туристки не сомневались, что его имя – Дуайт Дэвид Крокетт – псевдоним, как и у них. Женщины считали, что он тоже с утра до ночи думает о прошлых жизнях. Однажды вечером, в Северном Непале, сидя у костра, Айк потчевал их байками о своих прежних воплощениях: об Эндрю Джексоне – седьмом президенте США, о пиратах с Миссисипи и своей героической гибели при взятии Аламо. Он, конечно, шутил, но, кроме Кору, все поверили.

– Вы должны знать, – продолжила женщина, – что в Тибете до конца пятого века письменности не было.

– Не было известной нам письменности, – парировал Оуэн.

– Скажите еще, что это на языке снежного человека.

И так уже который день. Казалось бы, люди должны страдать от кислородного голодания, но нет, чем выше в горы, тем больше они препирались.

– Вот так мы расплачиваемся за то, что угождаем чайникам, –

пробормотала Кора. Под это определение у нее подпадали туристы, религиозные шарлатаны, основатели фондов, всякие ученые умники и все прочие. Она, в общем-то, была девушка простая.

– Не такие уж они плохие, – сказал Айк. – Просто им хочется попасть в свою Волшебную страну – так же, как и нам.

– Чайники.

Айк усмехнулся. В подобных ситуациях он обычно задумывался о своем добровольном изгнании. Нелегко жить вдали от мира. За выбор нехоженой тропы всегда приходится платить. Иногда меньше, иногда больше. Айк уже не тот парень с румянцем на щеках, что когда-то приехал сюда с корпусом мира. Те же скулы, выпуклый лоб, буйная грива. Но однажды в его группе шел врач-дерматолог, который посоветовал ему побережись от палящего солнца, не то, мол, лицо превратится в подметку. Айк никогда не считал, что его внешность – подарок для женщин, однако окончательно плюнуть на то, как выглядит, тоже был не готов. Он и так уже потерял два коренных зуба из-за нехватки в Непале стоматологов и еще один на склоне Эвереста. Не так давно он попивал черный «Джонни Уокер» и покуривал «Кэмел». Не щадил себя и даже заигрывал со смертельно опасным западным склоном Макалу. Курить и употреблять холодную выпивку Айк бросил, когда одна медсестра из Англии сказала, что голос у него как у солдат Киплинга. С Макалу он, разумеется, так и не разобрался. Хотя довольно долго об этом подумывал.

Изгнание отразилось, конечно, не только на внешности и здоровье. Одолевали сомнения – кем бы он стал, если бы остался в Джексоне и закончил учебу. Работал бы на нефтяной вышке. Или занимался строительством. А может, водил бы туристов в Тетонских горах или продавал охотничье снаряжение. Кто знает. Последние восемь лет в Тибете и Непале Айк наблюдал, как превращается из «подающего надежды молодого человека» в жалкий осколок великой американской державы. Он состарился не только внешне. Даже и теперь бывали дни, когда Айк чувствовал себя на все восемьдесят. А на следующей неделе ему исполнится тридцать один.

– Смотрите! – раздался удивленный крик. – Что за странная мандала! Линии какие-то извилистые.

Айк посмотрел. Изображение на стене светилося, словно луна. Мандала – символ сферы обитания божеств, ее используют для медитации. Она представляет собой круг, в который вписан квадрат, содержащий еще один круг. Если смотреть неотрывно, можно увидеть объемное изображение. Эта мандала походила скорее на клубок извивающихся змей.

Айк включил фонарь. Вот тайне и конец, поздравил он себя. Однако увиденное потрясло даже его.

– Господи, – выдохнула Кора.

Там, где только что, словно по волшебству, горели письмена, на выступе, проходящем вдоль стены, замер голый мертвец. Буквы оказались не на камне. Они были написаны на трупe. А мандала была нарисована на стене, справа от него. К выступу вели грубые ступени; кто-то натывал в трещины в каменном потолке множество узких белых полос с записанными на них молитвами. Теперь они покачивались взад-вперед, словно потревоженные призраки.

Мертвец уже превратился в мумию – рот скалился, глаза застыли бледно-голубыми мраморными шариками. Благодаря сильному холоду и разреженному воздуху он отлично сохранился. Под слепяще-ярким лучом – Айк включил налобную фару – бледно-красные буквы, выведенные на высохших конечностях, груди и животе, почти сливались с кожей.

Несчастный, несомненно, был издавeка. Сюда обычно забредали только паломники и кочевники либо торговцы солью, да еще беженцы. Однако, судя по шрамам и незажившим ранам, железному ошейнику, сломанной и кое-как вправленной руке, этому Марко Поло пришлось пережить нечто невообразимое. Если плоть может свидетельствовать, то его тело буквально кричало о пережитых муках и издевательствах.

Туристы столпились у выступа и таращились на жуткое зрелище. Три женщины и Оуэн всхлипывали. Айк решилe подойти. Светя фарой то туда то сюда, он прикоснулся ледорубом к голени: твердая, словно окаменелость.

Несмотря на многочисленные увечья, сразу бросилось в глаза, что покойный частично кастрирован. У него было вырвано одно яичко – не вырезано, даже не откушено – края раны висели лоскутами, а рану, как видно, прижгли огнем. Из паха расползались шрамы от ожога – лишенные волос выпуклые рубцы. Айк смотрел и не мог постичь: самое нежное, самое уязвимое место у мужчины искалечили, а потом прижгли.

– Смотрите, – выдохнул кто-то, – что у него с носом?

Посередине изуродованного лица висело кольцо – ничего подобного Айку видеть не приходилось. Вещь – не побрякушка из тех, что втыкают в себя теперешние модники. Кольцо диаметром дюйма три, покрытое засохшей кровью, было вставлено в носовую перегородку, почти вделано в череп. Оно доходило до нижней губы, такой же черной, как борода. Явно не украшение, подумал Айк. Похоже на кольца, которые вставляют в нос животным, чтобы легче было их водить.

Айк придвинулся ближе, и его отвращение сменилось изумлением. Кольцо почернело от засохшей крови, грязи и копоти, но местами явственно различался тусклый блеск чистого золота.

Айк повернулся к своим. Из-под капюшонов и козырьков на него смотрело девять пар испуганных глаз. Все включили фонари. Споры прекратились.

– Что же это такое? – всхлипывала одна из женщин.

Две буддистки неожиданно обратились в христианство и, крестясь, опустились на колени. Оуэн раскачивался из стороны в сторону и бормотал иудейскую молитву.

Подошла Кора.

– Ах ты, красавчик, – хихикнула она.

Айк вздрогнул. Она обращалась к мумии.

– Что ты говоришь?

– Мы с тобой вышли сухими из воды. Уж теперь-то они точно не станут требовать возмещения. Теперь им и священная гора не нужна. Нашли кое-что получше.

– Перестань. Нельзя так думать о людях. Не вампиры же они, в конце концов.

– Серьезно? Посмотри-ка на них.

И точно, зрители стали потихоньку доставать фотоаппараты. Одна вспышка, другая. Потрясение уступило место извращенному любопытству. Через минуту вся орава увлеченно щелкала восьмисотдолларовыми мыльницами. Словно насекомые, жужжали затворы. Под вспышками поблескивала мертвая плоть. Мысленно поблагодарив мертвеца, Айк убрался в сторонку. Невероятно – сбившиеся с пути, замерзшие, голодные, они были просто счастливы.

Одна женщина поднялась по ступеням, опустилась рядом с мумией на колени и наклонила голову вбок. Потом повернулась к спутникам:

– Так он же наш!

– В каком смысле?

– Такой же, как мы. Белый.

– Европейец? – сформулировал кто-то более деликатно.

– Бред какой-то, – возразила другая туристка. – В такой глуши?

Однако Айк тоже так считал. Светлая кожа, волоски на запястьях и груди, голубые глаза. Скулы явно не монгольские. Однако женщину заинтересовало совсем другое. Она показывала на знаки, покрывавшие бедра мумии. Айк направил на них свет и застыл.

Буквы были английские. Современный английский язык. Только

написано вверх ногами.

До Айка наконец дошло. Надписи делались не на трупe. Человек писал сам, пока был жив. Он использовал для записей собственное тело. Потому и вверх ногами. Несчастный оставил заметки на пергаменте, который всегда при нем. Теперь Аик видел, что буквы не написаны, а безжалостно вырезаны на коже. Везде, куда бедняга мог дотянуться, он нацарапал свои последние мысли.

Часть записей разобрать было невозможно – из-за пыли и копоти, – особенно ниже колен и на лодыжках. Да и остальное казалось непонятным и бессмысленным бредом. Цифры попеременно со словами наползали друг на друга, больше всего на внешних сторонах бедер, где, как, по-видимому, считал писавший, должно было хватить места для других заметок. Самой понятной оказалась надпись на животе.

– «И мир влюбиться должен будет в ночь, – Аик читал вслух, – и свету дня не станет поклоняться».

– Тарабарщина! – бросил Оуэн, который по-прежнему не мог оправиться от испуга.

– Из Библии, наверное, – предположил Аик.

– Нет, – заявила Кора. – Это не из Библии. Шекспир: «Ромео и Джульетта».

Туристы напряглись. В самом деле, почему этот измученный человек выбрал для своего некролога цитату из самой известной любовной трагедии? Из повести о двух враждующих семействах и о любви, что превыше ненависти? Между прочим, в высокогорных монастырях люди часто подвержены галлюцинациям. Обычное явление. Даже далай-лама об этом шутил.

– Значит, – сказал Аик, – он белый. И Шекспира читал. Стало быть, родился на свет не больше чем пару-тройку веков назад.

Разговор стал напоминать салонную игру. Первоначальный испуг окончательно сменился каким-то патологическим оживлением.

– Кто же он такой?

– Раб?

– Беглый узник?

Аик не ответил. Он вплотную приблизил лицо к лицу мумии, пытаясь найти разгадку. «Расскажи о своем пути, – думал он, – расскажи, как спасся. Кто повесил на тебя золотые оковы?» Никакой подсказки. Окаменелые глаза смотрят равнодушно. На лице хитрая гримаса, словно мертвец потешается над любопытными гостями. Подошел Оуэн и прочитал вслух:

– «RAF».

В самом деле, на левом плече была татуировка: буквы «RAF»,^[3] а над ними орел. Выполнено с профессиональным качеством. Айк взялся за холодную руку.

– Значит, ВВС Великобритании, – констатировал он.

Вот головоломка и сложилась. Это объясняло если не выбор цитаты, то хотя бы Шекспира.

– Пилот? – завороченно спросила коротко стриженная парижанка.

– Пилот, штурман, стрелок. – Айк пожал плечами. – Кто знает.

Он нагнулся и стал разглядывать буквы, чувствуя себя дешифровщиком. Читая строчку за строчкой, Айк пытался размотать весь клубок до конца. Водил по буквам ногтем, складывая фразы и мысли. Его спутники отошли, предоставив ему разбирать записи. Айк попытался начать с другого конца и, казалось, уловил какой-то смысл. И все равно – ничего не понимал. Вынул топографическую карту Гималаев, отыскал широту и долготу, фыркнул – все совпадает! Невероятно. Айк перевел взгляд на то, что когда-то было человеком. Снова посмотрел на карту. Неужели такое возможно?

– Выпей.

От аппетитного запаха кофе, приготовленного в поршневой кофеварке, Айк даже прищурился. Ему протянули пластмассовую кружку. Айк поднял взгляд. Голубые глаза Кору смотрели дружелюбно. Это согревало лучше любого кофе. Он принял кружку, пробормотал какую-то благодарность и вдруг почувствовал, что у него дико болит голова. Прошло уже несколько часов. В глубину пещеры грязными лужами ползли длинные тени.

Туристы уселись на корточках вокруг походной газовой плитки, словно неандертальцы вокруг костра. Они растапливали снег и готовили кофе. Случилось чудо – Оуэн расщедрился и предложил всем свои личные запасы. Кто-то молот зерна, кто-то давил на поршень кофеварки, а кто-то тер над чашками с готовым кофе кусочки корицы. Люди действовали вместе. Впервые за целый месяц Айк готов был их полюбить.

– Как ты? – спросила Кора.

– Я? – Айк не привык, чтобы кто-то интересовался его самочувствием. Тем более Кора.

Он подозревал – хотя какие уж тут подозрения, – что Кора собирается его бросить. Перед выходом из Катманду она сказала, что работает на фирму в последний раз. А поскольку вся фирма состоит из них двоих, то понятно, кем недовольна Кора.

Все это задевало бы Айку гораздо меньше, если бы речь шла о другом

мужчине, денежной выгоде или более захватывающей работе. Но дело было в нем самом. Айк «разбил ей сердце», потому что он – это он. Наивный мечтатель, плывущий по течению жизни, горный волк-одиночка. Именно то, что вначале привлекало Кору, теперь раздражало. Ей казалось, что Айк понятия не имеет о настоящей жизни – взять хотя бы сегодняшний разговор о туристах. Возможно, в чем-то Кора и права.

Айк надеялся, что поход уменьшит возникший между ними разлад, что она вновь подпадет под то очарование, что всегда влекло и его. Наверное, Кора просто устала за последние два года. Горные бури и банкротства утратили свою притягательность.

– Я тут разглядывала мандалу, – начала Кора, указывая на круг, заполненный извилистыми линиями. В темноте краски переливались, как живые, а при свете стали какими-то блеклыми. – Я их видела сотни, но здесь никак не могу разобраться. Сплошные петли и изгибы, хаос какой-то. Ни начала, ни конца, ни середины. – Она взглянула на мумию, затем на записи, которые делал Айк. – А как ты? Продвинулся?

Айк успел нарисовать загадочную схему: фигура человека, вокруг – фразы, обведенные, как в комиксах, контурами и соединенные между собой стрелками и линиями. Он отхлебнул кофе. С чего же начать? Сплошные загадки – и то, каким способом покойный рассказал о себе, и то, что он рассказал. Он записывал то, что приходило в голову, дополнял свои записи, блуждал среди многих правд, сам себе противореча. Словно человек, который, потерпев кораблекрушение, обнаруживает у себя ручку и начинает записывать все, что приходит на память.

– Во-первых, – начал Айк, – его звали Исаак.

– Исаак? – раздался голос из кучки варивших кофе. Люди все бросили и внимательно слушали Айка.

Айк водил пальцем по груди мумии. Надпись была понятной. Почти. «Я Исаак, – говорилось здесь, и далее: – В изгнании, на мучительном свету».

– Видите цифры? – спросил Айк. – Думаю, это его личный номер. А вот еще: десять, ноль, три, двадцать три – наверное, день его рождения.

– Тысяча девятьсот двадцать три? – уточнил кто-то.

Люди были по-детски разочарованы. Шестьдесят пять лет – ни о какой древности не может быть и речи.

– Сожалею, – посочувствовал Айк и продолжил: – А вот еще дата, видите? – Он отвел в сторону болтавшийся внизу живота клочок кожи. – Четыре, семь, сорок четыре. Вероятно, в этот день его сбили.

– Сбили?

– Или он потерпел аварию.

Слушатели были озадачены. Айк рассказывал то, что ему удалось сложить из кусочков:

– Вы только представьте. Он совсем мальчишка, ему двадцать один год. Идет Вторая мировая война. Его призвали, или он пошел добровольцем. У него татуировка: «ВВС Великобритании». Его послали в Индию. Ему приходилось горбатить.

– Горбатить? – переспросил кто-то. Бернард. Он яростно настукивал по клавиатуре портативного компьютера.

Айк пояснил:

– Так пилоты называют грузовые рейсы в Тибет и Китай. Летать над «горбами», то есть над Гималайским хребтом. Тогда весь район был частью Западного азиатского фронта. Жаркое местечко. Самолеты то и дело падали. Экипаж выживал редко.

– Падший ангел, – вздохнул Оуэн.

И не он один. Остальные тоже были под впечатлением.

– И это все вы узнали из десятка цифр? – спросил Бернард. Он указал карандашом на последнюю дату. – Вы полагаете, это день, когда его сбили? А может, дата его свадьбы, или окончания Оксфорда, или когда он впервые был с женщиной? Я хочу сказать, этот тип далеко не мальчик. Выглядит лет на сорок. Лично я думаю, что он прибыл сюда не больше двух лет назад – с какой-нибудь научной экспедицией. Ясное дело, умер он не в тысяча девятьсот сорок четвертом, и было ему не двадцать один.

– Согласен, – признал Айк, и из Бернарда словно выпустили воздух. – Он пишет о годах заключения. Большой срок. Тьма, голод, тяжелый труд. «Священная бездна».

– Военнопленный. У японцев?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Айк.

– Может, у китайских коммунистов?

– У русских? – посыпались предположения.

– У нацистов?

– Наркоторговцев?

– Тибетских разбойников?

Предположения не такие уж и дикие. Тибет долго был ареной разных политических и других игр.

– Вы смотрели на карту. Что-то там искали.

– Начало, – ответил Айк. – Точку отсчета.

– И?

Айк обеими руками провел по бедру мумии, где оказался еще один ряд

цифр:

– Это географические координаты.

– Того места, где он упал. Вполне логично. – Теперь Бернард поддерживал Айка.

– То есть его самолет где-то поблизости?

Про священную гору Кайлас никто и не вспоминал. Всех увлекла возможность обследовать место крушения.

– Не уверен, – сказал Аик.

– Давайте колитесь, дружище. Где его сбили?

Вот тут было слабое место. Аик произнес очень тихо:

– К востоку отсюда.

– Далеко?

– Прямо над Бирмой.

– Над Бирмой?

Бернард и Клеопатра поняли, насколько это невероятно. Остальные промолчали, устыдясь своего невежества.

– Северная сторона хребта, – пояснил Аик, – почти в Тибете.

– Но это же больше тысячи миль!

– Знаю.

Было далеко за полночь. Кофе, всеобщее возбуждение – в ближайшие часы вряд ли получится уснуть. Все – кто стоя, кто сидя – переваривали информацию.

– Как же он сюда попал?

– Не знаю.

– Вы вроде говорили, что он был в заключении.

Аик осторожно вздохнул:

– Что-то вроде.

– Вроде чего?

– В общем... – Аик прокашлялся, – как домашнее животное.

– Что?!

– Не знаю точно. Вот, он тут написал: «Любимый агнец». Агнец – значит козленок, так ведь?

– Перестаньте, Аик. Если не знаете, так не сочиняйте.

Аик ссутулился. Ему и самому это казалось бредом сумасшедшего.

– Вообще-то, – вмешалась Клео, библиотекарь, – агнец означает ягненка, а не козленка. Хотя Аик все равно прав. Речь идет о ручном животном. Животном, которое любят и балуют.

– Ягненок?

В голосе говорившего слышалось возмущение, словно то ли Клео, то

ли мертвец, а может, оба оскорбили лучшие чувства присутствующих.

– Да, – подтвердила Клео, – ягненок. Но меня больше смущает другое слово – «возлюбленный» или «излюбленный». Очень двусмысленно, правда?

Судя по всеобщему молчанию, никто об этом не задумывался.

– Он, – продолжила Клео, почти дотрагиваясь пальцами до мумии, – он – возлюбленный? Возлюбленный среди кого? И, самое главное, кем возлюбленный? Видимо, предполагается, что у него был какой-то хозяин?

– Ты все напридумывала, – сказала одна из женщин. Никому не хотелось, чтобы правда была такой.

– К сожалению, не напридумывала, – ответила Клео. – Все так и есть.

Айк повернулся к неясной надписи, на которую указывала Клео. Там было написано: «Рабство».

– А это еще что?

– То же самое, – ответила Клео. – Неволя. Может, он был в японском плену. Помните фильм «Мост через реку Квай»? Что-то наподобие.

– Вот только я никогда не слышал, чтобы японцы вставляли пленным в носы кольца, – заметил Айк.

– История еще и не такое знает.

– Кольца в носу?

– Чего только на свете не делается.

Айк подлил масла в огонь:

– И даже золотые?

– Золотые?

Айк направил фонарь на кольцо; тускло блеснуло золото, и Клео захлопала глазами.

– Вы же сами сказали – «возлюбленный агнец». И что касается вашего вопроса – «кем возлюбленный?»...

– А вы знаете?

– Будем рассуждать. Сам он, похоже, считал, что знает. Видите? – Айк ткнул пальцем в холодную как лед ногу. Над левым коленом было одно, почти невидимое слово.

– «Сатана», – одними губами прочитала Клео.

– И вот здесь... – Айк осторожно сдвинул кожу. – «Существует». А вот продолжение. – Он показал Клео. Написано было так, как записывают стихи. – «Кость от костей моих и плоть от плоти моей». Это из «Бытия». Адам и Ева.

Кора тем временем изо всех сил пыталась выстроить контраргументы.

– Он был заключенным, – начала она. – Он писал о некоем зле. Зле

вообще. Что тут удивительного? Он ненавидел своего мучителя и назвал его сатаной. Самое плохое, что пришло ему в голову.

– Ты, как и я, – сказал Айк. – Споришь против очевидного.

– Не думаю.

– То, что он пережил, есть настоящее зло. Но он не испытывал ненависти.

– Еще как испытывал!

– Тут что-то другое, – настаивал Айк.

– Сомневаюсь.

– Между строк. Какой-то оттенок... Ты не чувствуешь?

Кора чувствовала, но признаваться не хотела и нахмурилась. Ее рассудительность граничила с упрямством.

– Здесь даже нет никаких предостережений. Вроде «берегитесь» или «спасайтесь отсюда».

– Тоже мне, аргумент.

– Тебя не удивляет, что он цитирует «Ромео и Джульетту»? И говорит о Сатане, как Адам о Еве?

Кора вздрогнула.

– Рабство его не огорчало.

– Откуда ты знаешь? – прошептала она.

– Кора.

Она смотрела на него, в глазах повисли слезинки. Айк продолжал:

– Он испытывал благодарность. Именно это написано у него на теле.

Кора отрицательно покачала головой.

– Ты и сама видишь.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Все ты понимаешь, – сказал Айк. – Этот человек любил.

* * *

Долгое пребывание в замкнутом пространстве действовало на нервы.

На следующее утро Айк обнаружил, что вход в пещеру завален снегом до высоты баскетбольного кольца. Исписанная мумия утратила прелесть новизны, люди сделались раздражительными – давала себя знать скука. Одна за другой сели батарейки плееров, и скоро все остались без музыки, без своих ангелов, драконов, мирских ритмов и духовных целителей. Затем в походной плитке кончился газ, что означало нешуточные мучения для самых заядлых любителей кофе. И то, что кончилась туалетная бумага,

веселья тоже не прибавило.

Айк делал, что мог. Наверное, во всем штате Вайоминг он единственный из детей учился играть на флейте и никогда не принимал всерьез слова матери о том, что когда-нибудь это пригодится. И вот мать оказалась права. Айк носил с собой пластмассовую флейту; в пещере она звучала очень красиво. В конце каждого пассажа – он играл Моцарта – слушатели аплодировали, но потом опять впали в уныние.

На третий день утром куда-то подевался Оуэн. Айк не удивился. Ему доводилось видеть, как альпинисты, застряв в горах из-за такой вот бури, впадают в депрессию и порой становятся совершенно непредсказуемыми. Вполне возможно, Оуэн просто хочет привлечь к себе внимание. Кора тоже так считала.

– Морочит нам голову, – уверяла она, лежа в объятиях Айка: они соединили свои спальные мешки в один.

За долгие недели похода из ее волос не выветрился запах кокосового шампуня.

По совету Айка остальные туристы тоже устроились по двое, соединив мешки, – все, даже Бернارد. Только Оуэну пары не нашлось.

– Наверное, отправился к выходу, – предположил Айк. – Пойду посмотрю.

Он неохотно расстегнул мешок и выбрался, ощущая, как улетучивается тепло их тел. Вокруг царили мрак и холод. Из-за мумии пещера напоминала склеп. Встав на ноги, Айк размялся; ему стало неприятно, что все вот так разлеглись вокруг покойника. Не рановато ли?

– Пойду с тобой, – сказала Кора.

Через три минуты они добрались до выхода из пещеры.

– Что-то ветра больше не слышно, – заметила Кора. – Может, буря кончилась?

Оказалось, что вход запечатан снежным заносом метра три высотой. Сверху его увенчивал основательный карниз. Из внешнего мира в пещеру не проникали ни звуки, ни свет.

– Невероятно, – произнесла Кора.

Пробивая ногой наст, Айк карабкался вверх, пока не уперся головой в потолок. Рубя снег ребром ладони, проделал небольшую щель. Свет снаружи был серый, ураган шумел не хуже товарного поезда. Пока Айк любовался, щель успело замести. Замурованы.

Айк скользнул вниз. На минуту он даже забыл о пропавшем клиенте.

– И что теперь делать? – спросила Кора.

Значит, Кора в него верит. Ей, нет, им всем нужно, чтобы он был

сильным.

– Одно ясно, – сказал Айк, – наш беглец тут не проходил. Следов никаких, да и не мог он пролезть через такой сугроб.

– Куда ж он подевался?

– Должен быть другой выход. И нам он пригодится.

Он и сам подозревал, что есть какой-то боковой коридор.

Недаром бывший пилот ВВС писал, что «возродился из каменной утробы» и поднялся к «мучительному свету». Правда, вполне возможно, что Исаак описывал возвращение в реальность после длительной медитации. Однако Айк склонялся к мысли, что слова покойного – не просто метафора. Ведь Исаак был солдат, его готовили к трудностям. Он – за это говорило все – человек мира материального. Так или иначе, Айк надеялся, что речь идет о каком-то подземном ходе. Если Исаак смог откуда-то прийти, быть может, Айку удастся попасть туда.

Вернувшись в большой зал, он попытался растолкать спутников.

– Эй, народ! – воззвал он. – Надо бы потрудиться.

Из груды спальных мешков раздался жалобный стон:

– Только не говорите, что нужно идти его выручать...

– Если Оуэн нашел выход, то получится, что это он нас выручил. – Айк говорил резко. – Только придется сначала найти его самого.

Недовольно ворча, люди стали подниматься, расстегивать мешки. Включив налобный фонарь, Айк смотрел, как из мешков улетучивается теплый пар. Словно души отлетают. С этой минуты он не даст им присесть.

Айк повел группу в глубь пещеры. В одной стене было не меньше десятка расселин, но только две достаточно большие, чтобы пройти человеку. Как мог авторитетно, Айк разделил группу на две команды – в одной он сам, в другой все остальные.

– Так мы управимся в два раза быстрее, – пояснил он.

– Он уйдет, – в отчаянии сказала Клео, – а нас бросит!

– Плохо ты знаешь Айка, – пристыдила Кора.

– Вы нас не бросите? – спросила Клео.

Айк пристально посмотрел на нее:

– Не брошу.

Облегчение явно испытали все – от вздохов кверху поднялись длинные струйки пара.

– Держитесь вместе, – внушительно наставлял Айк. – Двигайтесь медленно. Оставайтесь друг у друга в пределах видимости. Не рискуйте. Не хватало нам еще растяжений... Если устанете и захотите отдохнуть, убедитесь, что все в сборе. Вопросы есть? Нет? Отлично. Теперь сверим

часы.

Айк дал им три пластиковые «свечи» – шестидюймовые цилиндры, наполненные светящимся веществом. Чтобы их включить, достаточно немного согнуть. Слабое зеленоватое свечение такого устройства позволяет видеть лишь небольшое пространство, и хватает его на два-три часа. Но «свечи» могут послужить маячками, если включать их через каждые несколько сотен метров. Вроде рассыпанных в лесу хлебных крошек.

– Можно, я пойду с тобой? – прошептала Кора.

Айка такое желание удивило.

– На кого же мы их оставим? – сказал он. – Вы идите в правый коридор, а я – в левый. Встретимся на этом месте через час.

И повернулся, чтобы идти. Остальные не двинулись с места. Айк понял, что они не просто смотрят на него и Кору. Все ждут какого-то напутствия.

– *Vaya con Dios*,^[4] – хрипло произнес он.

Потом, на глазах у всех, поцеловал Кору крепким продолжительным поцелуем. Кора на миг прижалась к нему, и Айк понял, что все у них наладится и дорогу они отыщут.

У Айка никогда не было призвания к спелеологии. Он страдал клаустрофобией. И все же интуиция его не подводила. На первый взгляд восходить на гору и спускаться в пещеру – вещи совершенно противоположные. Горы дают человеку ощущение свободы – пугающее и раскрепощающее одновременно. Пещеры, считал Айк, в той же степени его отнимают. Темные своды нависают над человеком, подавляя воображение и угнетая дух.

Однако и в горах, и в пещерах приходится лазить по камням. По большому счету, принцип тот же самый. И Айк быстро освоился.

Через пять минут он услышал какой-то звук и остановился. Оуэн? Все чувства Айка были на взводе. Не просто обострены темнотой и тишиной, но как бы слегка изменились. Трудно объяснить словами явственный сухой запах пыли, порожденный горами, которые сами еще только рождаются, шершавое прикосновение лишайника, который никогда не видел света. Здесь нельзя полностью полагаться на зрение. Словно темной ночью в горах, когда видишь только малую часть мира, которую вырезает из тьмы узкий луч фонаря.

До Айка донесся чей-то приглушенный голос. Он очень надеялся, что это Оуэн – тогда поискам конец, и можно будет вернуться к Коре. Но, по-видимому, просто у коридоров была общая стена. Айк приложил к ней ухо – холодная, но не ледяная – и услышал, как Бернард зовет Оуэна.

Дальше коридор превратился в лаз на высоте плеч.

– Э-эй! – крикнул Айк.

В глубине души, непонятно почему, шевельнулся животный страх. Так бывает, когда стоишь у входа в темный переулок, конец которого не виден. Все вроде бы как обычно. И все же сама обыкновенность стен и голых камней, казалось, таила неведомую опасность.

Айк посветил фарой. Он вглядывался в глубину известнякового коридора, в точности такого, как тот, где стоял сам, и не видел ничего пугающего. Вот только воздух был такой... нездешний. Чистый, как вода, почти живительный, словно дарующий просветление. Такие слабые, неуловимые запахи, что, казалось, их и нет. Что пугало еще больше.

Коридор дальше расширялся и прямым туннелем уходил в темноту. Айк взглянул на часы – прошло тридцать две минуты. Пора возвращаться к остальным. Уговор был встретиться через час. Но тут конец луча уперся во что-то блестящее.

Айк не мог устоять. Это «что-то» посверкивало, словно маленькая звездочка. Если поспешить, все предприятие займет не больше минуты. Он уперся ногой и подтянулся. Проход был такой узкий, что пришлось лезть ногами вперед.

Айк оказался по другую сторону лаза – ничего не случилось. Эта часть коридора была такой же, как остальные. Луч фонаря опять выхватил из темноты поблескивающий предмет. Айк медленно провел лучом вниз, к ногам. Почти под самым ботинком луч от чего-то отразился – такой же тусклый блеск, как и там, в конце коридора. Айк поднял ногу. Золотая монета. Он замер. Кровь стучала в висках. «Не трогай!» – упрасивал внутри слабый голос. Но он уже не мог остановиться...

Древность монеты сомнений не вызывала. Надписи стерлись давным-давно, края неровные. Чеканка явно самая примитивная. Нечеткий, расплывчатый профиль какого-то царя, а может, бога.

Айк опять посветил вдаль. В темноте за первой монетой поблескивала еще одна, третья. Может ли такое быть? Неужели Исаак убегал нагишом из какой-то подземной сокровищницы, роняя по дороге наворованное добро?

Блеск монет казался зловещим, словно блеск чьих-то злобных глаз. Каменная пасть коридора вблизи была слишком светлой, в глубине – совсем темной. Одна монета здесь, другая – там.

«А вдруг их не потеряли? Вдруг их нарочно разбросали? – Эта мысль ножом пронзила Айку. – Для приманки».

Айк прислонился спиной к холодной скале. Ловушка!

Он с трудом сглотнул и заставил себя спокойно все обдумать. Монета

была холодна как лед. Айк ногтем поскреб засохшую пыль. Монета лежит здесь много лет, а может, десятилетий или даже веков. Чем дольше он об этом думал, тем страшнее ему становилось.

Ловушка предназначалась не для него. Никто не намеревался заманить вглубь именно Айка Крокетта. Нет, приманку положили в расчете на слепой случай. Скоро ли попадется жертва, значения не имело. И терпение тут было ни при чем. Так же как рыбаки сыпят в воду прикорм, некто разложил тут приманку для случайного путника. Бросаешь в воду горсть каши, а рыба может приплыть, а может и не приплыть. Но кто же здесь ходит? Ясно кто – люди вроде Айка. Монахи, торговцы, пропащие души. Для чего их завлекать? И куда?

Пожалуй, это больше похоже не на рыбалку, а на медвежью травлю. Айк кое-что припомнил. Его отец – они жили в Западном Вайоминге – обслуживал техасцев, которые неплохо платили, чтобы посидеть в засаде и «поохотиться» на бурых и черных мишек. Подготовить такую охоту – самое обычно дело, как коров пасти. Неподалеку от охотничьей стоянки – минут десять верхом – сваливаешь пищевые отходы, чтобы медведи привыкали к регулярной кормежке. Когда приближается охотничий сезон, кладешь туда что-нибудь повкуснее. Айка и его сестру тоже подключали к этому делу. От них требовалось пожертвовать свои пасхальные сладости. Когда Айку было почти десять, отец взял его с собой, и тогда Айк увидел, для чего нужны конфеты.

Перед мысленным взором Айка проносились картинки. Вот безобидная розовая конфетка, оставленная в лесу. Вот хмурый осенний день; висят убитые медведи, и там, где прошелся нож охотника, болтаются лоскуты шкуры. Вот ободранные туши – очень похожи на людей, только скользкие какие-то, словно пловцы, только что вышедшие из воды. «Прочь, – подумал Айк. – Прочь отсюда». Не смея отвернуться от уходящего в темноту коридора, Айк сунулся обратно в лаз, проклиная шуршащую куртку, перекатывающиеся под ногами камни, проклиная собственное любопытство. Ему слышались звуки, которым тут было неоткуда взяться. Шарахаясь от собственной тени, Айк неслся назад. Ужас не проходил. Он мог думать только о том, как убежать.

Айк добежал до большого зала, совершенно выбившись из сил. По коже ползли мурашки. Он добирался не больше пятнадцати минут. Не глядя на часы, он прикинул, что весь его поход занял не больше часа.

В зале царил темнота. Никого не было. Айк остановился и с замирающим сердцем прислушался. Ни шороха. В дальнем конце зала светились надписи, обвивающие мумию, словно удивительной красоты

змеи. Айк посветил по сторонам. Сверкнуло золотое кольцо в носу. И что-то еще. О чем-то вспомнив, Айк снова посветил в лицо мумии.

Мертвец улыбался.

Луч дернулся, по стенам прыгнули тени. Какой-то обман зрения, или Айка подводит память? Он помнил сжатые в гримасе губы – ничего похожего на этот дикий оскал. Раньше виднелись только краешки зубов, а теперь зияет улыбка до ушей. «Возьми себя в руки, Крокетт».

Но успокоиться он не мог. А вдруг и труп тоже приманка? Загадочные надписи неожиданно начали приобретать пугающую ясность. «Я Исаак». Исаак – сын, отданный для жертвоприношения. Ради любви к Отцу. «В изгнании, на мучительном свете» – что это может означать?

Айку приходилось участвовать в спасательных операциях, и натренирован он был отлично, хоть и не для таких случаев. Он захватил моток прочной веревки, затолкал в карман последний комплект батареек. Огляделся: что еще? Два белковых брикета, ножной браслет на липучке, карманная аптечка. Вроде бы должно быть что-то еще... Почему-то продуктов почти не осталось.

Перед тем как оставить главный зал, Айк посветил по сторонам. Разбросанные по полу спальные мешки походили на пустые коконы. Айк вошел в правую щель. Извилистый коридор равномерно уходил вниз. Влево, вправо, спуск все круче и круче. Отправить сюда туристов – пусть даже всех вместе – непростительная ошибка. Айк и сам не понимал, как он мог подвергнуть своих подопечных такой опасности. Правда, тогда он и не думал, что посылает их на риск. А они боялись и оказались правы.

– Э-эй! – позвал он.

Чувство вины стало невыносимым. Виноват ли он в том, что люди положились на него, то ли пирата, то ли хиппи?

Айк замедлил шаги: из стен и потолка торчали края слоистой породы. Зацепи один край – и поползет вся стена. Айк попеременно восхищался и возмущался своими паломниками. Какое безрассудство – забрести в такую даль! И он теперь в опасности...

Если бы не Кора, он уговорил бы себя не спускаться ниже. В каком-то смысле она стала виновницей его храбрости. Ему хотелось повернуться и убежать. Предчувствие, которое охватило его в том, другом коридоре, возникло снова. Ноги не желали нести его дальше; казалось, и мышцы, и суставы протестуют против дальнейшего спуска. Но Айк себя преодолел.

Вскоре перед ним оказался крутой спуск, и он решил передохнуть. Сверху, словно невидимый водопад, лилась струя ледяного воздуха. Источник ее терялся в темноте: фонарь давал слишком мало света. Айк

протянул руку – холодный поток струился сквозь пальцы. Стоя на самом краю обрыва, он посмотрел вниз и обнаружил одну из своих химических «свечей». Зеленоватое свечение было таким слабым, что он едва ее заметил.

Айк поднял пластиковый цилиндр и выключил фонарь. Он пытался определить, как давно эту свечу активировали. Больше трех часов назад, но не больше шести. Выходит, он потерял счет времени. Для чего-то Айк понюхал пластик. Невероятно – ему почудился запах кокосового шампуня!

– Кора! – отчаянно крикнул Айк в темный коридор.

Там, где на пути воздушного потока торчали слои породы, рождались едва слышные симфонии, состоящие из свиста, воя, птичьего щебета. Музыка камня.

Айк сунул «свечу» в карман. Воздух казался свежим, как снаружи. Айк наполнил легкие. Все инстинкты слились в одно ощущение, которое можно было определить как душевную боль. В этот момент Айк мечтал о том, о чем ему никогда не приходилось мечтать. Ему не хватало солнца.

Он пошарил лучом по краям обрыва – вверх, потом вниз. Не прошли ли его спутники здесь? Там и тут луч выхватывал выступы и углубления – но никто, включая самого Айка в его лучшие годы, не смог бы здесь пройти и остаться в живых. Пропасть такая, что перед ней должна была спасовать самая отчаянная вера в удачу. Должно быть, группа здесь свернула и пошла другой дорогой. Айк отправился обратно. Через сотню метров он отыскал место, где они свернули. Спускаясь, он не заметил расщелины. А с обратной стороны она казалась разинутой пастью, из которой лилось слабое зеленоватое свечение. Чтобы пролезть в узкое отверстие, Айку пришлось снять рюкзак.

Внутри коридора лежала вторая «свеча». Она светила гораздо ярче первой. Сравнив «свечи», Айк установил приблизительный ход событий. Туристы, конечно, свернули в этот коридор. И только один человек в группе обладал духом первопроходца в достаточной мере, чтобы повести людей в боковой ход.

– Кора, – прошептал он.

Как и Айк, она ни за что не бросила бы Оуэна. Конечно, именно она настояла, чтобы они спустились в лабиринт.

Ходов становилось все больше. Айк посмотрел в боковой коридор и увидел, что он раздваивается, а его ответвления, в свою очередь, дают другие ответвления. Он ужаснулся. Кора невольно вела туристов – и его тоже – в неведомые глубины.

– Стойте! – крикнул он.

Первое время группа еще отмечала свой путь. В некоторых местах были выложенные из камней стрелки. Повороты были помечены нацарапанными на стенах крестиками. Но дальше все исчезло. Видимо, люди слегка приободрились и, осмелев, перестали ставить пометки.

Но Айк находил их следы – черная отметина от скользнувшей подошвы, недавно отколовшиеся от стены камни – и не только.

Чтение следов заняло уйму времени. Айк взглянул на часы. Далеко за полночь. Девять с лишним часов, как он ищет Кору и заблудших паломников. Значит, они пропали окончательно.

У Айка заболела голова. Он устал. Адреналин давно иссяк. Воздушных потоков больше не встречалось. Пахло не свежестью, а чревом пещеры, затхлой тьмой. Айк заставил себя разжевать и проглотить белковый брикет. Он уже не был уверен, что найдет обратный путь, однако сохранял присущее ему, как альпинисту, присутствие духа. Его внимания требовали тысячи мелких деталей. Что-то он замечал, что-то пропускал. Трудность в том, чтобы видеть только нужное.

Айк подошел к огромной дыре – большой горной воронке. Посветил фонарем в глубину и высоту. Несмотря на усталость, он испытал благоговейный трепет. Со сводчатого потолка свешивались гигантские, как колонны, сталактиты. На одной из стен вырезаны огромные буквы «Ом». И десятки, а может, сотни древних монгольских доспехов висели на сыромятных ремнях, привязанных к каменным выступам. Словно целое войско призраков. Разбитая армия.

Желтоватый камень в свете фонаря был сказочно прекрасен. Легкий ветер покачивал доспехи, и они разбивали луч на миллионы искорок.

На стенах висели прекрасные рисунки тангка,^[5] выполненные на мягкой коже. Айк прикоснулся к бахrome, обрамлявшей картину, и в ужасе отпрянул. Бахрома была сделана из человеческих пальцев. Кожа тоже была человеческой. Айк попятился, считая рисунки. Не меньше пятидесяти. Кому же это принадлежит – монгольским ордам?

Айк посмотрел вниз. У него под ногами оказалась еще одна мандала, шириной футов двадцать, сделанная из разноцветного песка. Ему приходилось видеть подобное в тибетских монастырях, но не такой величины. Как и мандала, нарисованная рядом с мумией, эта была совершенно непонятной – вместо обычных геометрических форм здесь было нечто, напоминающее скорее клубок червей. Айк увидел, что его следы – не единственные на разноцветном песке. Изображение смазано во многих местах. Тут ступало несколько ног, и совсем недавно. Наверное, здесь прошла Кора со своей группой.

В каком-то месте Айк потерял след. Коридор перед ним разветвлялся на несколько проходов. Он вспомнил одно правило, которому его научили еще в детстве, – в любом лабиринте нужно сворачивать все время только налево или только направо. В Тибете принято совершать ритуальные обходы против часовой стрелки, и Айк свернул в левый ход. Выбор оказался правильным. Через десять минут он нашел одну из туристок.

Айка окружали известковые отложения, такие ровные и гладкие, что почти полностью поглощали тени. Ни острых углов, ни трещин, ни выступов, только легкая шероховатость и волнистость. Свет плавно скользил по стенам и оттого казался чистым, ничем не замутненным. Куда бы ни упал луч, везде рождалось молочно-белое сияние.

Здесь была Клеопатра. Когда Айк повернул за угол, лучи их фонарей скрестились. Она сидела в восточной позе в самой середине освещенного коридора. Вокруг валялись золотые монеты – словно она просила тут милостыню.

– Вы что-то повредили?

– Ногу подвернула, – улыбаясь, ответила Клео.

Глаза ее светились мудростью и добротой – не к этому ли стремятся все паломники? Но Айка было не обмануть.

– Пойдем, – приказал он.

– Идите вперед, – выдохнула Клео ангельским голосом. – Я еще чуть-чуть побуду.

Некоторые люди могут переносить одиночество, но большинству это только кажется. Айку приходилось видеть таких: и в горах, и в монастырях, и – однажды – в тюрьме. Многие повреждались в уме от длительного одиночества, от холода, голода или даже от неумелой медитации. А Клео, похоже, досталось всего понемногу.

Айк взглянул на часы: три часа ночи.

– А где остальные? Куда они пошли?

– Они недалеко, – сказала Клео.

Хорошая новость. Но она добавила:

– Пошли вас искать.

– Меня?

– Вы все время звали на помощь. Не могли же мы вас бросить.

– Я не звал на помощь!

Клео похлопала его по ноге.

– Один за всех и все за одного! – сказала она.

Айк поднял монету.

– Это откуда?

– Отовсюду, – сказала Клео. – Полным полно, и чем дальше, тем больше. Удивительно, правда?

– Я иду за остальными. Потом вернемся за вами, – сказал Айк. Говоря, он вынул из фонаря батарейки – фонарь едва светил – и вставил последний комплект. – Обещайте, что не двинетесь с места.

– Мне и тут хорошо.

И Айк ушел, оставив Клео посреди молочно-белого сияния. Известняковый коридор уходил вглубь. Пол был ровный, Айку бежалось легко. Он неспешно трусил вперед, уверенный, что скоро догонит группу. В воздухе появился какой-то металлический привкус, непонятный, но странно знакомый. Недалеко, сказала Клео.

В 3.47 начали появляться кровавые следы.

Вначале были красные отпечатки ладоней на белых стенах. Пористый камень впитал влагу, и Айку показалось, что это какая-то примитивная живопись. А следовало быть внимательнее. Он замедлил шаги. Ему нравилась веселая пестрота рисунка. Айк представил себе беспечных пещерных людей. И тут его нога шагнула в какую-то лужу, расплескав темную жидкость, которая не успела впитаться в камень. Что-то красное брызнуло на стены; капли поползли вниз, оставляя на белом камне красные полосы. Кровь, понял Айк.

– Господи! – ахнул он, ринувшись вперед.

Приземлился на носки, потом на мокрые от крови подошвы, поскользнулся. По инерции качнулся к стене, ткнулся в нее лицом, опрокинулся и упал. Фонарь слетел с головы и погас. Айк привалился к холодному камню. Его как будто оглушили. Мир погрузился во тьму. Ни движения, ни времени, ни пространства. Айк перестал дышать. Как ни хотелось ему потерять сознание, приходилось быть начеку.

Внезапно неподвижность стала невыносимой. Айк откатился от стены; только сила тяжести и помогла ему определить, где верх, где низ. Он встал на четвереньки. Преодолевая отвращение и страх, стал водить руками по вязкой грязи, чтобы отыскать фонарь. Ему казалось, что он чувствует даже вкус этой жижи. Айк сжал губы; пахло сырым мясом, но здесь не было никакого мяса, только его люди. Какая страшная мысль.

Наконец Айк зацепил рукой провод своего фонаря, встал на ноги, нащупал и сам фонарь. Раздался странный звук, то ли вдалеке, то ли поблизости.

– Эй? – крикнул Айк.

Он замер, прислушался, но ничего не услышал.

Перебарывая панику, Айк несколько раз щелкнул кнопкой фонаря. То

же самое, что пытаться высечь огонь, когда тебя обступают волки. Опять тот же звук. На этот раз Айк расслышал. Кто-то царапает по камню ногтями? Или крысы? Запах крови усилился. Что здесь происходит?!

Айк чертыхнулся в адрес фонаря. Провел пальцами по стеклу, стараясь найти трещину. Осторожно встряхнул, с ужасом ожидая, что звякнет разбитое стекло. Тишина.

«Был слеп, но вижу свет...» – слова неожиданно прозвучали в сознании, но Айк не мог понять – то ли слышит песню наяву, то ли она возникла из его памяти. Пение стало более отчетливым. «Сперва внушила сердцу страх...» Откуда-то издали наплывал звучный женский голос, который пел гимн «О, Благодать, спасен Тобой». Не торжественно, а скорее как псалом. С отчаянной мольбой.

Это был голос Кору. Айк никогда не слышал, чтобы она пела. Но он ее узнал. Наверное, поет, чтобы подбодрить остальных. Ее присутствие, пусть даже далекое, его успокоило.

– Кору! – позвал он.

Стоя на коленях и вглядываясь в слепую тьму, Айк взял себя в руки. Выключатель работает, лампа цела... Может быть, дело в проводе? Он проверил – провод в порядке. Айк открыл отсек питания. Вытер пальцы насухо и осторожно вынул одну батарейку за другой, шепотом считая: «Одна, две, три, четыре». Снова вытер пальцы о футболку, поскреб контакты в отсеке и вставил батарейки обратно. Плюс, минус, плюс, минус. Все по порядку. Айк держал себя в руках.

Закрыв отсек, он тихонько потянул за провод, пощупал лампу. И нажал на кнопку. Ничего.

Скребущий звук стал громче. Казалось, он уже совсем недалеко. Айку хотелось развернуться и бежать. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда и побыстрее. «Держись!» – приказал он себе вслух. Это слово было его собственной мантрой. Он произносил его, когда подъем был крутой, или опора ненадежная, или ветер пронизывающий. Держись. Как будто ты совершаешь восхождение и отступать некуда.

Айк сжал зубы. Замедлил дыхание. Снова вынул батарейки. Вставил старые, что носил в кармане. Нажал на кнопку. Свет! Желанный свет. Айк не мог ему порадоваться. А вокруг творилось страшное. Убойный цех из белого камня. Айк увидел это лишь на мгновение, и тут его фонарь погас.

– Нет! – крикнул он во тьму и встряхнул фонарь.

Лампа загорелась, но совсем слабо. Оранжевый свет потускнел, потом вдруг стал немного ярче. Лампа горела в четверть накала. И на том спасибо. Айк отвел глаза от фонаря и заставил себя оглядеться.

В коридоре царил ужас.

Айк стоял в маленьком круге желтого света. Он не двигался. Кругом на стенах красовались красные полосы. Тела были аккуратно сложены в ряд.

Вообще-то каждый, кто прожил в Азии много лет, нагладелся мертвецов. Айку не раз доводилось бывать в Пашупатинатхе, главном храмовом комплексе, видеть погребальные костры и смотреть, как огонь пожирает мясо с костей.

Те, кто поднимается по южной седловине Эвереста, непременно видят труп неудавшегося южноафриканского восходителя, а на северном склоне у отметки двадцать восемь тысяч футов недвижно сидит некий француз. Однажды, когда королевская армия на улицах Катманду открыла огонь по социал-демократам, Айку пришлось зайти в больницу – опознать тело одного оператора Би-би-си. Он видел трупы, кое-как уложенные на кафельном полу. Сейчас он все это припомнил. И какая стояла мертвая тишина, и как, еще много дней спустя, хромали бродячие собаки – столько было на улицах битых оконных стекол. И то, как выглядит брошенный раздетый мертвец.

Его товарищи лежали перед ним. При жизни они были для Айка лишь недалекими занудами. Теперь же, мертвые, они вызывали не презрение, но трепет. Непреодолимый ужас. Жуткий запах распоротых кишок и сырого мяса – Айк едва снова не впал в панику.

Раны... Айк сначала их даже не увидел, так поразила его нагота. Ему было неловко перед несчастными. Было стыдно глядеть на груды плоти – черные треугольники в паху, развалившиеся ноги, груди, не поддерживаемые бюстгальтерами, животы, не обтянутые трусиками. Айк, потрясенный, стоял над ними, невольно замечая подробности – вытатуированная роза, шрам от кесарева, белые полосы от бикини, нажитые где-нибудь на пляжах Мексиканского залива. Что-то из этого при жизни тщательно скрывалось, что-то предназначалось для взоров возлюбленных, но никоим образом не для такого вот обозрения.

Айк с трудом заставил себя поверить в происходящее. Пять человек: четыре женщины, один мужчина, Бернард. Айк попытался определить, кто именно тут из женщин, но от потрясения все имена вылетели из головы. Вспомнилось только одно, но ее здесь не было.

Из глубоких – словно от лезвий газонокосилки – разрезов торчали белые обломки костей. Зияли страшные раны. Переломанные пальцы, пальцы, вырванные с корнем. Откушенные? У одной из женщин голова была раздавлена всмятку. Даже по волосам ее не узнать – их покрывала запекшаяся кровь; на лобке волосы светлые. Эта несчастная, слава богу,

была не Кора.

Айк ощутил странную связь с жертвами. Он прижал руку к больной голове и снова вздрогнул. Фонарь стал гаснуть. Тому, что случилось, не было никакого объяснения. А то, что случилось с другими, может случиться и с Айком.

– Держись, Крокетт, – скомандовал он.

Все по порядку. Он стал загибать пальцы: здесь шестеро, Клео в коридоре, Кора где-то еще. Остается Оуэн.

Айк шагнул к телам в надежде найти разгадку. С такими серьезными травмами ему не приходилось иметь дело, но кое-что он понял.

Судя по кровавым следам, на группу напали неожиданно. Огнестрельных ран не было. Обычные ножи тоже отпадали. Раны были слишком глубокие и необычно расположены. Где на верхней части тела, где на задней поверхности ног. Как будто тут орудовала толпа разбойников, вооруженных мачете. Но еще больше это походило на нападение диких зверей, особенно разорванное до кости бедро.

Только какое животное может жить здесь, в глубине горы? Какое животное складывает свои жертвы ровными рядами? Какое животное может отличаться столь дикой жестокостью и в то же время аккуратностью? Сначала дикая ярость, потом – методичная уборка? Какие-то патологические крайности. Слишком уж человечно.

Мог ли сделать это кто-нибудь, кроме Оуэна? Но он ниже ростом, чем его спутницы, и слабее. И все же кто-то их поймал и изуродовал – причем неподалеку друг от друга. Айк поставил себя на место убийцы и попытался представить, какая требовалась сила и скорость.

Были и другие загадки. Айк вдруг заметил, что вокруг, словно конфетти, разбросаны золотые монеты. Выглядело это – он только теперь понял – как плата за ценные вещи, снятые с трупов. На них не было ни колец, ни браслетов, ни часов. Все исчезло. Голые пальцы, запястья. Серьги из ушей вырваны. Вырвано и кольцо из брови у Бернарда.

Все украшения были недорогими – простенькие безделушки. Айк специально предупредил туристов, чтобы оставили ценности в Штатах или в гостинице. И вот кто-то не поленился забрать дешевое барахло. И заплатить за него золотыми монетами, стоившими в тысячи раз больше. Бессмыслица. Еще большая бессмыслица – стоять здесь и пытаться отыскать в этой бессмыслице смысл. Айк был не из тех, кто затрудняется с принятием решений, – но тем большей была сейчас его растерянность. Совесть говорила ему: «Останься!» – так, капитан, прежде чем последним покинуть судно, должен разобраться, что произошло, чтобы вернуться если

не со своими спутниками, то хоть с объяснением случившегося. Благоразумие требовало: «Беги! Спаси хотя бы тех, кого можно». Но куда бежать, кого спасать? Мучительный выбор. Где-то в белом сиянии его ждет в позе лотоса Клеопатра. А где-то ждет Кора; правда, это лишь предположение. Но разве не она только что пела?

Свет стал почти коричневым. Айк заставил себя обыскать карманы убитых. Наверняка у кого-то завалились батарейки, или запасной фонарь, или немного еды. Все карманы оказались пустыми и разорванными.

Айка поразила ярость, с которой это сделали. Для чего рвать карманы и даже тело под ними? Нет, здесь не просто грабеж. Преодолевая отвращение, Айк пытался проанализировать случившееся. Если судить по нанесенным ранам, то убийства совершены в приступе бешенства. А судя по пропаже украшений – из корысти. Опять бессмыслица.

Фонарь погас, и на Айку навалилась тьма. Казалось, гора давит на него всем своим весом. Слабый ветер, которого Айк раньше не чувствовал, веял дыханием каменных недр, словно в глубине пробуждался подземный молох. Ветер нес запахи каких-то газов, но не сильные, а едва различимые.

Однако гадать долго не пришлось. Скребущий звук возобновился. Теперь сомнений в его реальности не было. Он приближался из верхнего прохода. И в него вплетался голос Кору. Она кричала так, словно испытывала какое-то исступление, чуть ли не оргазм. Она кричала так, как кричала сестра Айку, когда из ее утробы появилась на свет дочь. Или так, словно мука ее была превыше всякого терпения. Плач, или крик, или звериный вопль, однако так или иначе мольба о пощаде.

Айку едва не окликнул Кору. Новый звук заставил его онеметь. Опытный скалолаз, он определил: ногти царапают камень в поисках опоры. А растерзанные тела внизу наводили на мысль о звериных когтях. Айку хотелось отбросить эту мысль, но он тут же ее принял. Прекрасно. Когти, зверь. Йети. Начинается. Что будет дальше?

Ужасное представление на тему «Красавица и Чудовище» продолжалось.

«Драться или спастись?» – спросил себя Айку. И то и другое бессмысленно. И он сделал единственное, что ему оставалось. Спрятался на самом виду. Подобно дикарю, который прячется в брюхе еще теплого бизона, Айку бросился на холодный пол среди убитых и прикрылся чьим-то трупом. Так гнусно и позорно. Лежа в полной темноте между мертвецами – на ноге чье-то мягкое голое бедро, на груди холодная рука, – Айку испытывал адские муки. Притворившись мертвым, он словно лишился части своей души. Находясь в здравом уме, отбросил то, что ставил в

жизни превыше всего, отбросил, чтобы спасти саму жизнь. Лишь одно доказывало, что все происходит наяву, – уверенность, что наяву такое произойти не может. «Господи!» – прошептал он.

Звуки стали громче. Последний выбор – открыть глаза или закрыть, чтобы не видеть то, чего он все равно не увидит. Айк закрыл. До него донесся запах Кору. И стоны.

Он затаил дыхание. Никогда в жизни он так не боялся. Даже не подозревал, что способен на такую трусость.

Кора и ее мучитель приблизились. Она хрипло дышала. Муки ее были невыразимы. Настала агония.

По лицу Айка катились слезы. Он оплакивал Кору. Оплакивал ее боль. Оплакивал свое утраченное мужество. Он даже не попытался ей помочь! Он ничем не лучше тех скалолазов, которые когда-то бросили его умирать на горном склоне. И сейчас, вдыхая и выдыхая по капельке воздух, слушая удары своего сердца, чувствуя объятия трупа, он продолжает предавать Кору. Каждый миг он отрекается от нее снова и снова. Проклят, да будет он проклят!

Айк щурился от слез, презирая себя за них, и проклинал свой страх. Он открыл глаза, чтобы встретить смерть как мужчина. И едва не задохнулся от изумления.

Темнота оставалась темнотой, но не абсолютной. В ней появились слова. Они светились и двигались, извиваясь, как змеи.

Это был Исаак.

Он ожил.

*Доводилось ли вам бывать в море,
когда стоит густой туман,
и вы словно заперты в густой белой мгле,
а огромный белый корабль
нетерпеливо и настойчиво движется к берегу...
а вы ждете с бьющимся сердцем,
что сейчас что-то случится.*

Хелен Келлер. История моей жизни

***Южная Африка, Пустыня Калахари,
северные окрестности Асхама
1995***

– Матушка?

Голос девочки мягко проник в хижину Али.

Так, наверное, поют призраки, подумала она. Напев банту – одна мелодия пронизывает другую. Али подняла голову от чемодана.

В дверях стояла девочка-зулуска. На ее лице застыл насмешливый оскал, глаза вытаращены: губы, веки, нос – все разъедено проказой.

– Коки, – сказала Али. – Коки Мадиба. Четырнадцать лет. Ее считают ведьмой.

За плечом девочки, в небольшом зеркале на стене, Али увидела отражение – свое и Коки. Контраст между ними ей не понравился. Али уже несколько лет не стриглась, и ее золотистые волосы рядом с изуродованной кожей девочки были как пшеничное поле рядом с солончаком. Собственная красота казалась Али неприличной. Она немного передвинулась, и ее отражение исчезло. Когда-то Али даже убирала зеркальце со стены, но потом опять повесила на гвоздик, решив, что подобное самоотречение будет паче гордости.

– Ведь мы столько раз говорили – не «матушка», а «сестра».

– Да, столько раз говорили, – согласилась девочка, – сестра-матушка.

Али считали то ли святой, то ли каким-то божеством. А может, ведьмой. Здесь, в буше, и не могло быть иного представления об одиноко живущей женщине – никто тут и понятия не имел, что такое монахиня. Это,

впрочем, сослужило свою службу. Решив, что Али тоже вроде изгнанницы, колония прокаженных приняла ее как свою.

– Что ты хотела, Коки?

– Я тебе что-то приносить. – Коки вынула шнурок с кожаным мешочком, вышитым бусинками. Кожа была небрежно обработанная, на ней даже оставались волоски. Видно, его торопились доделать до отъезда Али. – Носи на шее, и зло тебя не трогать.

Али приняла подарок из пыльных ладошек Коки. Ее удивила правильность узора из красных, белых и зеленых бусин.

– Ладно, – сказала она, вкладывая мешочек девочке в руку, – надень на меня сама.

Собрав волосы, Али нагнулась, чтобы девочка надела на нее амулет. Монахиня была серьезна, как и Коки. Подарок – не безделушка из тех, что делают для продажи туристам. Это часть верований Коки. Кому, как не этому несчастному ребенку, знать, что такое зло.

Когда пал режим апартеида, страну охватил хаос; вспыхнула эпидемия СПИДа, завезенного из Зимбабве и Мозамбика рабочими алмазных и золотых рудников. Среди беднейшего населения разразилась настоящая истерия. Возродились старинные суеверия. Ни для кого не было секретом, что из моргов крадут половые органы, пальцы, уши и куски человеческого жира. Все использовалось для изготовления амулетов. Трупы оставались непогребенными, потому что родственники умерших надеялись их оживить.

Самое скверное, что началась охота на ведьм. Люди говорили, что зло приходит из-под земли. Насколько Али знала, люди считают так с начала времен. У каждого поколения свои страхи. Монахиня не сомневалась, что тут потрудились рабочие с рудников, которые распускали разные слухи, чтобы отвратить от себя всеобщую неприязнь. Говорили о неведомых тварях, затаившихся в земных глубинах. Народ по-своему искажал их рассказы, а итогом стала настоящая охота на ведьм по всей стране. Сотни ни в чем не повинных людей были задушены, зарезаны или забиты камнями.

– Ты витамины приняла? – спросила Али.

– Ага, да.

– Когда я уеду, не забудешь про них?

Коки опустила глаза на земляной пол. Расставание с Али причиняло ей невыносимую боль. Али и сама никак не могла привыкнуть к неожиданной перемене. Письмо, сообщавшее о новом назначении, она получила два дня назад.

– Витамины нужны для малыша, Коки.

Прокаженная дотронулась до живота.

– Ага, малыш, – радостно прошептала она. – Каждый день. Солнце встает – я глотать витамин.

Али очень любила эту девочку, ибо неисповедим был Господь в своей к ней жестокости. Коки дважды пыталась покончить с собой, и оба раза Али ее спасала. Последние восемь месяцев девочка таких попыток не делала. С тех пор как узнала, что ждет ребенка.

Али не переставала удивляться, когда по ночам до нее долетали голоса влюбленных пар. Простой и понятный урок. Прокаженные не испытывают отвращения друг к другу. Им, даже в такой ужасной оболочке, доступны красота и блаженство.

Нося в себе новую жизнь, Коки немного пополнила. Снова начала разговаривать. По утрам Али слышала, как девочка напевает на смешанном диалекте сисвати и зулу странные мелодии, прекрасные, как щебет птиц.

Али тоже чувствовала себя так, словно заново родилась. Не для того ли, думала монахиня, она и попала в Африку? Казалось, сам Господь говорит с ней через Коки и других прокаженных и отверженных. Уже несколько месяцев Али с нетерпением ждала, когда у Коки родится малыш. В одну из редких поездок в Джобург – так местные называют Йоханнесбург – она на свои деньги купила для Коки витаминов и раздобыла несколько книг по акушерству. О родильном доме не могло быть и речи, поэтому Али готовилась принимать роды сама.

Она часто об этом думала. Роды произойдут в какой-нибудь хижине с жестяной крышей, может, даже здесь, на этой самой постели. В ее руках окажется здоровый малыш, и уменьшится скорбь и греховность этого мира. Хотя бы тут восторжествует чистота.

Но сегодня Али поняла горькую истину. «Мне не суждено увидеть ребенка этой девочки», – думала она.

Али переводили. Опять она летит в другое место, словно перекаати-поле. И никому не интересно, что здесь осталось полно дел, что она только-только начала осваиваться. Чурбаны! Как типично для мужчин – и для начальников. Прости меня, Господи, но я себя чувствую письмом, на котором забыли написать адрес.

Али свернула белую блузку и убрала в чемодан. С тех пор как она стала монахиней, зелено-голубой чемодан был ее верным товарищем. Куда она только с ним не ездила! Сначала в Балтимор, где работала в трущобных районах, потом в Таос – по разным монашеским делам, потом в Колумбийский университет – защитила там одним махом диссертацию.

Затем в Виннипег – занималась благотворительностью, работала на улицах. Затем год постдоктората в архивах Ватикана. Потом завиднейшее задание – девять месяцев в Европе в качестве атташе при ватиканской дипломатической миссии на переговорах НАТО о нераспространении ядерного оружия. Для двадцатисемилетней уроженки техасского захолустья это не пустяк. Таким назначением Али была обязана знанию языков и в не меньшей степени многолетнему знакомству с американским сенатором Корделией Дженьюэри. Вообще, Али гоняли по земному шару как пешку. «Привыкай, – утешала ее Корделия, – зато повидаешь мир». Еще бы, подумала Али, глядя на стены хижины.

Очевидно, церковь к чему-то ее готовила – это называлось «формирование», – но Али и сама не знала к чему. Еще год назад ее резюме представляло безупречный пример продвижения. Пока она не впала в немилость. И тогда внезапно, без всяких объяснений, не дав возможности оправдаться, ее отправили в глухое селение, затерявшееся на просторах страны бушменов, или, по-другому, сан. Из столиц, от благ западной цивилизации, вытолкали прямиком в каменный век – торчать в Калахари, где-то на задворках планеты, выполняя какую-то никому не нужную миссию.

Али не была бы Али, если бы не сделала все, что могла. Год был ужасный, по правде сказать. Однако она проявила упорство и справилась. Приспособилась и даже, слава богу, вполне преуспела. И стала раскапывать фольклор некоего древнего племени, обитавшего, как говорили, в самой глухой местности.

Поначалу она, как и все, не принимала всерьез разговоры о неизвестном племени, которое на пороге двадцать первого века живет в эпохе неолита. Места тут, спору нет, дикие, но их уже избородили фермеры, торговцы, местные самолеты, научные экспедиции – они бы давно разнесли такое известие. Только три месяца назад Али стала прислушиваться к подобным толкам. Она поняла, что для них есть основания и что основания эти в основном связаны с лингвистикой. Таинственное племя, скрывающееся где-то в буше, говорило, по-видимому, на протоязыке! День за днем Али приближалась к раскрытию тайны.

Али в основном интересовал койсан – язык бушменов. Она не надеялась его освоить, в особенности сложную систему щелкающих звуков – зубных, палатальных или лабиальных, которые могут произноситься с придыханием, назализацией или озвончением. Однако с помощью переводчика-бушмена Али выделила для себя набор слов, что всегда произносятся с определенной интонацией. Данная интонация

ассоциировалась с уважением, религиозными верованиями, с древностью. Эти слова и звуки стояли особняком в языке койсан. Они наводили на мысль о чем-то старом и вместе с тем современном. О ком-то, кто существует с незапамятных времен. Или недавно откуда-то вернулся. И кто бы ни были те люди, они говорили на языке, который родился задолго до древнейших языков бушменов.

И вот – конец мечтам. Али забирают от ее изгоев. Отлучают от ее уродцев и от исследования.

Коки начала тихонько напевать. Али продолжила складывать вещи, склонившись над чемоданом, чтобы Коки не видела ее лица. Кто теперь за ними присмотрит? Что они будут делать без нее, как обойдутся? И как она обойдется без них?

– Упхондо луайо, иизуа, – пела Коки, и ее песня растравляла грусть и разочарование Али.

За последние годы она основательно углубилась в мешанину языков Южной Африки, особенно группу нгуни, в которую входит язык зулусов. Монахиня частично понимала песню девочки:

«Бог, спаси своих детей, сойди Святой Дух;
Господь, спаси нас, своих детей...»

Али вздохнула. Этим людям всего-то и нужно – мира и немного счастья. Вначале они были похожи на потерпевших кораблекрушение – спали на открытом воздухе, пили грязную воду и ждали смерти. Благодаря Али у них теперь есть хоть какое-то убежище, колодец и зачатки ремесла: добывая из муравейников глину, они строят горны, выплавляют металл и делают нехитрые инструменты – лопаты, мотыги. Ее появление в поселке их не обрадовало, понадобилось немало времени, чтобы люди привыкли. И теперь ее отъезд стал настоящим бедствием, потому что Али принесла немного света в окружавшую их тьму; но, по крайней мере, у прокаженных теперь есть лекарства и есть чем занять время.

Вышло скверно. Им было с ней так хорошо. А теперь получается – их наказывают за ее грехи. Людям такое объяснить невозможно. Они не поймут, что таким образом церковь хочет сломить ее упрямство. Все это сводило Али с ума. Может быть, в ней говорит гордыня? Или она слишком заботится о мирском? Уж нрав свой она точно не прячет. И опрометчива к тому же. Али совершила несколько ошибок. Хотя кто их не совершает? Несомненно, к ее переводу отсюда имеют отношение проблемы, которые

она кому-то где-то создала. Или ее прошлое дает о себе знать.

Дрожащими пальцами Али расправляла защитного цвета шорты, прокручивая в голове некий давний монолог.

Он напоминал испорченную пластинку, персональную «*mea culpa*». Дело в том, что если уж Али ныряла, то ныряла глубоко. Будь прокляты все разногласия. Вечно она бежит впереди паровоза. Ей стоило дважды подумать, прежде чем отправить в «Таймс» письмо со своим частным мнением. Она написала, что Папе не следует вмешиваться в обсуждение таких вопросов, как аборты, контроль над рождаемостью, да и вообще того, что касается женского организма.

Стоило подумать также, прежде чем писать эссе про Агату из Арагона, загадочную девственницу, сочинявшую любовные стихи и проповедовавшую терпимость – тема отнюдь не популярная среди добрых дядей из церкви.

И уж было совершенно неосмотрительно – четыре года назад – дать себя застукать за служением мессы. Даже в пустой часовне, в три часа ночи, стены, оказалось, имели уши. Али тогда пошла еще дальше, имела глупость перечить матери-настоятельнице, да еще в присутствии архиепископа. Она утверждала, что женщина формально имеет право освящать гостию, быть священником, епископом, кардиналом. Она добралась бы и до Папы, но архиепископ буквально пригвоздил ее взглядом.

Али оказалась на волосок от официального выговора. Впрочем, ходить по самому краю для нее было нормальным состоянием. Вечно ее грызли противоречия, как голодный пес грызет кость. После того скандала она изо всех сил старалась быть «правильной». А потом случилась история с коктейлем. Но может же человек иногда оступиться!

Чуть больше года назад Али довелось быть на официальном банкете в Гааге. Присутствовали дипломаты и генералы из десятка разных стран, а также папский нунций. Повод – подписание какого-то очередного натовского документа. Али как сейчас помнит Рыцарский зал в Бинненхофе – дворцовом комплексе тринадцатого века. На стенах картины эпохи Возрождения, чуть ли не Рембрандт. Не забыть ей никогда и коктейль «Манхэттен», которым все время угощал ее один симпатичный полковник. Полковника напустила на Али ее патронесса Корделия, эта нечестивица.

Али не приходилось пробовать такое зелье, да и столь галантные рыцари за ней уже много лет не ухаживали. В итоге у монахини развязался язык. Сперва она затеяла дискуссию о Спинозе, потом как-то переключилась на страстную проповедь о дискриминации женщин в

епископальных институтах и закончила лекцией о забрасываемом весе баллистических ракет. До сих пор Али вспыхивает, вспоминая мертвое молчание, воцарившееся в зале.

К счастью, Корделия спасла ее – засмеялась своим грудным смехом, утащила Али в дамскую комнату, потом увезла в гостиницу, прямо под холодный душ.

Господь, возможно, и простил монахиню, но Ватикан – нет. Не прошло недели, как ей вручили билет до Претории.

– Смотри, ехать они, матушка.

Забыв – вот чудо! – о своей обычной застенчивости, Коки показала в окно тем, что когда-то было рукой. Али подняла глаза и закрыла наконец чемодан.

– Питер на своем бакки? – спросила она.

Живущий по соседству бур, вдовец Питер, иногда помогал Али. Подвозил ее в город на своем стареньком грузовичке, по-местному бакки.

– Нет. – Голос Коки замер. – Каспар.

Али и подошла к окну. Это и вправду был «каспир» – противоминный бронетранспортер, тащивший за собой пышный хвост красной пыли. Черные боялись бронемашин, словно адских колесниц, несущих смерть. Али понятия не имела, для чего за ней выслали военный транспорт – наверное, чтобы сильнее ее утешить.

– Не бойся, – сказала она перепуганной девочке.

«Каспир» трясся по равнине. Ему оставалось проехать еще несколько миль по дну пересохшего озера. Али прикинула, что у нее в запасе минут десять.

– Все готовы? – спросила она у Коки.

– Готовы.

– Тогда пойдем сделаем нашу картину.

Али взяла с койки маленький фотоаппарат, радуясь, что от зимней жары не пострадала единственная кассета кодаковской пленки. Коки зачарованно смотрела на аппарат. У нее никогда не было своей фотокарточки.

Хотя Али и огорчал вынужденный отъезд, были в этом и хорошие стороны. Эгоизм, конечно, но она не собиралась скучать по клещевой лихорадке, ядовитым змеям, хижине, слепленной из глины с навозом. По ужасающему невежеству вымиравших крестьян, по африканерам с их злыми поросычьими глазками, нацистскими флагами под цвет пожарной машины и людоедским кальвинизмом. И по жаре тоже не станет скучать.

Пригнувшись, Али вышла через низенькую дверь навстречу

утреннему свету. Запахи обрушились на нее еще раньше красок. Она глубоко вдохнула, чувствуя даже вкус этого голубого буйства. И подняла глаза.

Вокруг деревни раскинулись акры синего люпина.

Это ее заслуга. Пусть она и не имеет права быть священником, но вот оно – благословение, данное ей людям. Когда пробурили колодец, Али заказала семена диких цветов и сама их посеяла. Поля расцвели и принесли урожай – красоту и радость. И гордость, столь редкую среди отверженных. Люпин стал маленькой легендой. Фермеры – и буры, и англичане – привозили свои семьи за сотни километров, чтобы посмотреть на голубое море цветов. Приходила небольшая компания бушменов из дикого племени; они уставились на цветы, изумленно перешептываясь – уж не опустился ли на землю кусочек неба? Священник из Сионской христианской церкви провел там богослужение. Цветы скоро отцветут. А легенда останется. Али некоторым образом удалось показать, что ее подопечные тоже люди и достойны жить по-человечески.

Прокаженные ждали монахиню у канавы, проведенной от колодца к огороду и кукурузному полю. Когда Али предложила сделать групповой снимок, все немедленно решили, что фотографироваться будут именно здесь. Здесь их труд, их хлеб, их будущее.

– Доброе утро, – поздоровалась Али.

– Добрутро, фунди, – ответила за всех одна из женщин.

«Фунди», сокращенное «умфундизи», означает «наставник»; для Али это была величайшая честь.

Худые, как щепки, дети бросились навстречу, и Али присела, чтобы их обнять. Они пахли чистотой и свежестью – сегодня матери их тщательно вымыли.

– Посмотрите-ка, – сказала она, – какие вы хорошие, красивые. Так, а кто хочет мне помогать?

– Я, я!

– Я хочу!

Али попросила детей сдвинуть несколько камней и связать вместе несколько палок, чтобы получилось подобие штатива.

– Хватит, хватит, а то упадет.

Теперь нужно действовать быстро. Приближение БТР встревожило взрослых, а ей хотелось запечатлеть их радостными. Прикрепив камеру к штативу, Али посмотрела в видоискатель.

– Сдвиньтесь, – жестом попросила она, – поближе, поближе друг к другу.

Свет был подходящий – боковой, немного рассеянный. Хороший получится снимок; последствия болезни, конечно, не спрятать, но тем заметнее будут улыбки и глаза. Наведя на резкость, Али пересчитала всех, потом пересчитала еще раз. Кого-то не хватало.

Первое время после приезда Али и не думала пересчитывать своих подопечных. Она была слишком занята – приучала их к гигиене, ухаживала за больными, распределяла пищу, добивалась, чтобы им пробурили колодец и покрыли жестью крыши. Однако через месяц-другой она начала замечать, что людей становится меньше. Стала расспрашивать, и ей равнодушно ответили – люди, мол, приходят и уходят.

Ужасная правда открылась только тогда, когда Али случайно увидела все своими глазами. Сперва ей показалось, что это гиены терзают мертвую газель. Наверное, ей следовало понять все гораздо раньше. А то можно было подумать, что ей рассказал кто-то из прокаженных.

Ни секунды не думая, Али оттащила двух мужчин – худых, как скелеты, – от пожилой женщины, которую те душили. Ударил одного палкой и прогнала обоих.

Она все неверно истолковала – и поступок мужчин, и слезы старушки. В колонии жили очень больные и очень несчастные существа, но, даже доведенные до отчаяния, они сохраняли милосердие. Оказалось, прокаженные прибегали к своеобразной форме эвтаназии.

Это была одна из самых трудных проблем, с которыми столкнулась Али. Обычай не имел отношения к справедливости, да тут и не могли позволить себе такую роскошь, как справедливость. Прокаженные – измученные и затравленные – доживали в пустыне свои дни. Всех ждала смерть, но у них оставалась возможность явить свою любовь. Али пришлось понять, что убийство и есть такая возможность.

Убивали только тех, кто уже умирал и сам просил о смерти. Совершали это – всегда вдали от поселения – по меньшей мере двое и как можно быстрее. Али вынуждена была пойти на некий компромисс. Она старалась не видеть измученных страдальцев, уходящих в буш, чтобы никогда не вернуться. Старалась не пересчитывать своих подопечных. Но чье-либо исчезновение не могло остаться незамеченным, даже если при жизни на несчастного почти не обращали внимания.

Али еще раз пробежала глазами по лицам. Не было старика Джимми Шако. Али и не думала, что он настолько болен – или великодушен, чтобы избавить общество от своего присутствия.

– Мистера Шако нет, – сказала Али как бы между прочим.

– Он уйти, – подтвердила Коки.

- Пусть покойся в мире, – произнесла Али, скорее для себя.
- Не думать так, матушка. Нет ему мира. Мы его выгонять.
- Вы... что сделали? – Это было что-то новенькое.
- То и сделать. Прогнать его совсем.

Вдруг Али поняла, что не хочет знать, о чем говорит Коки. Порою монахине казалось, будто Африка открыла ей свои тайны. А порою – вот как сейчас – она видела, что тайны эти бездонны. Она снова спросила:

- О чем ты, Коки?
- Прогнать его. Для тебя.
- Для меня? – Али почти не слышала своего голоса.
- Ага, матушка. Он нехороший. Он говорить – пойти к тебе и отдать тебя. А мы его самого отдавать. – Девочка протянула руку и погладила ладанку на шее Али. – Все быть хорошо. Мы делать тебе хорошо, матушка.
- Кому вы его отдали?

Вдалеке раздавался треск – колыхались на ветру стебли люпина. Шум казался оглушительным. Али сглотнула: у нее вдруг пересохло в горле.

Коки просто сказала:

- Ему.
- Ему?

Треск стеблей потонул в шуме двигателя. «Касспир» приближался; Али пора было идти.

- Старше-чем-старый, матушка. Ему отдать.

И Коки назвала какое-то имя, состоящее из нескольких щелчков и шепота, – с той самой, особенной интонацией.

Али пристально посмотрела на девочку. Коки только что произнесла фразу на протокойсанском языке. Али попыталась ее воспроизвести.

- Нет, не так, – возразила Коки и повторила щелкающие звуки.

Со второй попытки у Али получилось, и она постаралась удержать фразу в памяти.

- Что это означает? – спросила она.
- «Голодный бог».

Али считала, что знает этих людей, и вот опять они ее удивили. Они называли ее матушкой, и она обращалась с ними как с детьми. А ведь они не дети. Али попятилась от девочки.

Куль мертвых – превыше всего. Подобно древним римлянам или современным последователям синтоизма, хой-хой, или готтентоты, в духовных вопросах подчиняются своим мертвецам. Даже африканцы-христиане верят в призраки, предсказывают будущее по брошенным костям, приносят в жертву животных, пьют колдовские снадобья, носят

амулеты и занимаются колдовством. Племя хоса ведет свое происхождение от мифического народа хоса – злого народа. Племя педи почитает Кдобу. В племени Лобеду чтут Муджаджи, королеву дождя. Зулусы считают, что мир висит на всемогущем существе, чье имя переводится как «Старше-чем-старый». А Коки только что говорила на протоязыке.

– Так Джимми умер или нет?

– Точно, матушка. Он хорошо, его взять жить внизу. Долго жить.

– Вы его убили? – спросила Али. – Из-за меня?

– Не били. Отрезать.

– Что вы делали?

– Мы не делали, – сказала Коки.

– Старше-чем-старый? – И Али воспроизвела имя, которое упоминала Коки.

– Ага. Отрезать ему. И отдать нам.

Али не стала переспрашивать. Она и так услышала слишком много. Коки вскинула голову, и на лице с навсегда застывшей улыбкой появилось выражение удовольствия. На секунду перед Али предстала неуклюжая девочка-подросток, которую так и подмывает поделиться какой-то тайной. И Коки поделилась.

– Матушка, – сказала Коки, – я смотреть. Видеть все.

Али хотелось убежать. Ребенок Коки или нет, но сейчас девочка казалась монахине настоящим демоном.

– Прощай, матушка.

«Заберите меня скорее», – думала Али. Слезы жгли ей лицо. Спокойно, как только могла, она повернулась, чтобы уйти, но ее окружила толпа рослых мужчин. Ничего не видя от слез, Али стала проталкиваться, изо всех сил работая локтями. Кто-то очень сильный крепко сжал ей запястья.

– Какого черта? – спросил негодующий мужской голос.

Али подняла глаза и увидела белого человека – румяные щеки, военное защитного цвета кепи.

– Али фон Шаде?

Позади него стоял «каспир» – грозная машина; болталась на ветру антенна, торчало дуло пулемета.

Али перестала вырываться. Надо же, она и не заметила, как они подъехали. Вокруг бушевало море красной пыли, поднятое машиной. Али метнулась назад, но прокаженные уже скрылись в зарослях кустарника. Если не считать солдат, она осталась одна в этом красном водовороте.

– Повезло вам, сестра, – сказал солдат. – Кафры опять мочат копья кровью.

– Что? – переспросила Али.

– Мятаж. Какие-то религиозные распри. Прошлой ночью убили вашего соседа и того фермера, что живет за ним. Мы сейчас оттуда. В живых – никого.

– Это ваша сумка? – спросил другой солдат. – Давайте в машину. Здесь мы все в опасности.

Потрясенная, Али позволила затолкать себя в раскаленное бронированное чрево. Вслед за ней в машину набились солдаты, установили винтовки на предохранители и захлопнули дверцы. Потные солдаты пахли иначе, чем прокаженные. Давал себя знать страх – совсем иной, чем у несчастных изгоев. Страх загнанных зверей.

«Касспир» рывком взял с места, и Али стукнулась о чье-то мощное плечо.

– Сувенир? – спросил кто-то, показывая на ладанку.

– Подарок, – объяснила Али.

Она уже и забыла о нем.

– Подарок! – буркнул солдат. – Ничего себе.

Али, словно желая спрятать ладанку, провела по ней ладонью. Пальцы пробежали по обрамляющим темную кожу бусинкам, натываясь на колючие звериные щетинки.

– Вы небось не знаете, что это? – спросил солдат.

– Что именно?

– Да вот – кожа.

– Что «кожа»?

– С какого-то парня, верно, Рой?

Рой ответил:

– А то!

– Однако! – сказал первый солдат.

– Однако, – пискляво поддакнул другой.

Али потеряла терпение:

– Прекратите паясничать!

Это вызвало новые смешки. Неудивительно, солдаты – народ грубый.

Из тени появилось чье-то лицо. Падающий через бойницу свет осветил его глаза. Наверное, католик. По крайней мере, он не смеялся.

– Сестра, это кожа какого-то мужчины. Мошонка.

Пальцы Али замерли.

Настала очередь солдат удивляться. Парни ждали, что монахиня завопит и отшвырнет ладанку. Однако она спокойно откинулась назад, прислонила голову к стальному борту и прикрыла глаза. Оберег

покачивался у нее на груди.

3

Бранч

*В то время были на земле исполины...
сильные, издревле славные люди.*

Кн. Бытия 4:6

***Республика Босния и Герцеговина, Оскова
Силы НАТО по выполнению мирного соглашения
1-я воздушно-десантная группа США
Лагерь «Молли»
02 ч 10 мин
1996***

Дождь.

Дороги и мосты размыты, берега рек обрушились. Тактические карты сразу утратили актуальность. Транспортные колонны встали намертво. Оползни засыпают с таким трудом расчищенные дороги. Движение по суше полностью парализовано.

Подобно Ноеву ковчегу, севшему днищем на Арарат, взгромоздился лагерь «Молли» на гору грязи, и грешники его притихли, а мир словно пропал. «Чертова Босния!» – выругался Бранч. Бедная Босния.

Майор Бранч пересек лагерь по деревянным мосткам – их сколотили кое-как, лишь бы не вязнуть ногами в топкой грязи. «Мы сражаемся против вечной тьмы, ведомые справедливостью». Великая тайна в жизни Бранча – двадцать лет прошло, как майор удрал из городишки Сент-Джонс, чтобы водить вертолеты, а он все еще верит в спасение души.

Прожекторы освещали спутанные гармошки колючей проволоки, танковые ловушки, противопехотные мины, снова колючую проволоку. Бронетехника подразделения, пушки и пулеметы были нацелены на отдаленные холмы.

Тени превратили ракетную установку в какой-то причудливый церковный орган. Любимые вертолеты Бранча посверкивали, словно изящные стрекозы, прихваченные алмазным инеем.

Бранч кожей чувствовал лагерь, его границы, часовых. Он знал, что часовым не сладко – их бронежилеты защищают от пули, но не от дождя. Бранч подумал о крестоносцах, которые по дороге к Иерусалиму, наверное,

ненавидели свои кольчуги не меньше, чем его рейнджеры ненавидят свои жилеты. «Любой монастырь – крепость, любая крепость – монастырь» – Бранч в очередной раз убедился в этом, глядя на изнывающих от бессонницы солдат.

Окруженные врагами, сами они ни с кем не враждовали. В сточных ямах цивилизации, таких как Могадишо, или Кигали, или Порт-о-Пренс, «новая» армия была под строгим контролем. Врагов иметь недозволено! Никаких инцидентов. Никаких разборок. Бери высоты – для того, чтобы политиканы бряцали оружием и побеждали на выборах, а потом тебя переведут в другую дыру. Ландшафт меняется, суть остается. Бейрут, Ирак, Сомали, Гаити. Послужной список читается, как анафема. И вот опять. Составители Дейтонских соглашений придумали трюк с ЗР – зонами разделения – между мусульманами, сербами и хорватами. Если этот дождь их тоже разделяет, пусть он не прекращается, думал Бранч.

В январе, когда 1-я воздушно-десантная группа перешла по понтонному мосту Дрину, солдаты словно перенесли в годы Первой мировой. Поля, изборожденные рвами, а на них пугала, одетые в солдатскую форму. Черные вороны, как точки на белом снегу. Под колесами хрустят кости. Люди с кремневыми ружьями, арбалетами, а то и копьями. Боевики повырезали в квартирах трубы, чтобы сделать оружие. Бранчу не хотелось их спасать, потому что эти дикари сами не хотели, чтобы их спасали.

Бранч добрался до бункера, где размещались командование и узел связи. На секунду сквозь пелену дождя земляная насыпь показалась развалинами какого-то культового сооружения, более древнего, чем египетские пирамиды. Майор поднялся на несколько ступенек, затем спустился по крутой лестнице мимо мешков с песком. Внутри одну стену занимала электронная аппаратура. За столами сидели мужчины и женщины в военной форме, мониторы портативных компьютеров освещали их лица. С потолка падал тусклый свет. Тут было человек тридцать. Слишком ранний час, слишком холодный для такого долгого ожидания. По резиновому пологу над дверью непрерывно стучал дождь.

– Здорово, майор! Рад видеть! Держите, я как чувствовал, что пригодится.

Бранчу протянули чашку горячего шоколада, но он скрестил два пальца и пробормотал:

– Изыди, сатана!

Майор почти не шутил. С таких мелочей все и начинается. Если слишком хорошо питаться, легко можно расслабиться. Как настоящий

спартанец, он отверг и чипсы.

– Что-нибудь слышно?

– Все глухо. – Макдэниелс мигом распорядился шоколадом Бранча – отпил большой глоток.

Майор встряхнул свои часы:

– Может, все уже давно кончилось. А может, и не начиналось.

– Вот Фома неверующий! – сказал тощий пилот. – Я сам видел. И все видели.

Видели все, кроме Бранча и его второго пилота, Рамады. Последние три дня они летали на юге – искали пропавшую колонну Красного Креста. Вернулись уставшие как собаки и попали на это полночное бдение. Рамада уже сидел здесь – отыскал свободный компьютер и торопливо проверял, нет ли почты из дома.

– Сначала посмотри записи, – сказал Макдэниелс. – И что за черт? Три ночи подряд. В то же время, в том же месте. Прямо аттракцион какой-то, хоть билеты продавай.

Лишних стульев в помещении не было. Несколько дежурных солдат работали за портативными компьютерами, связанными с базой «Игл» в Тузле, но большинство присутствующих составляли гражданские с бородками и длинными лохмами, одетые в футболки с надписями типа «Участник операции «Совместные усилия» и неременной припиской «Мясо», сделанной пониже маркером. Среди гражданских попадались люди постарше, но большинство были того же возраста, что и солдаты.

Бранч окинул собравшихся взглядом. Многих он знал. Почти все имели докторскую степень. И от каждого пахло могилой. Чтобы не нарушать картину всеобщего абсурда, они прозвали себя волшебниками, имея в виду Гудвина, волшебника страны Оз. Трибунал ООН по военным преступлениям санкционировал судебные раскопки на местах казней по всей Боснии. Этим и занимались «волшебники». Изо дня в день заставляли мертвых говорить.

Поскольку сербы, развязавшие в американском секторе геноцид, не пощадили бы этих профессиональных шпионов, полковник Фридриксон поселил их на базе. Эксгумированные тела хранились на бывшем подшипниковом заводе на окраине Калесии.

Первый воздушно-десантный предоставил научной братии кров, и как оказалось, надолго. Первый месяц развязность гражданских, их эксцентричные выходки и порнофильмы развлекали военных. Через год их кривлянье стало напоминать избитые шуточки в духе комедии «Зверинец» или сериала «Госпиталь МЭШ».

Ученые со вкусом пожирали несъедобные пайки и выпивали всю даровую кока-колу.

Поскольку все зависело от погоды, то чем дольше шли дожди, тем больше становилась толкучка. За последние две недели число ученых утроилось. Когда в Боснии прошли выборы, СВС начали уменьшать свое присутствие. Войска уходили, базы закрывались. «Волшебники» теряли покровителей. Одним им тут находиться нельзя. Многие захоронения так и останутся нетронутыми.

Доктор медицины Кристина-Мария Чемберс бросила через Интернет отчаянный призыв. В Израиле, Испании, Австралии, в Сиэтле и каньоне де Челли археологи побросали лопаты и лаборатории, не взяв даже расчета; медики пожертвовали занятиями по теннису, профессора расщедрились и прислали старшекурсников. Приехав, ученые тут же изготовили для себя таблички с именами и званиями – ни дать ни взять ходячий выпуск журнала «Кто есть кто в судебной медицине». И все же Бранч нехотя признавал, что для совместного торчания в лагере эти ребята не самая плохая компания.

– Есть изображение! – объявила мастер-сержант Джефферсон от своего монитора.

Все затаили дыхание. Люди столпились за спиной Джефферсон и смотрели на изображение, передаваемое с полярного спутника Kh-12. Шесть экранов показывали одно и то же. Макдэниелс, Рамада и еще три пилота уткнулись в маленькие мониторы перед собой.

– Бранч! – позвал кто-то, и все потеснились, пропуская майора.

На экране светилось ярко-зеленое изображение какого-то ландшафта. Компьютер вывел поверх него сетку координат.

– Z-четыре. – Рамада услужливо указал ручкой. Прямо под ручкой изображение задвигалось. На нем расплылось розовое пятно.

Мастер-сержант зафиксировала изображение и нажала другую кнопку. Появилась картинка с беспилотного самолета-разведчика «Хищник», кружащего на высоте пять тысяч футов. Не инфракрасные лучи, а какие-то другие. Та же местность, но другие цвета. Девушка методично продолжала нажимать кнопки. На краю экрана появился ряд маленьких картинок, снятых в предыдущие ночи. В середине оставалась «живая» трансляция.

– Радар бокового обзора. Теперь УФ-спектр, – комментировала Джефферсон. Низкий звучный голос. Таким можно проповеди читать. – Гамма-спектр.

– Стоп! Видите?

Из Z-4 плавно расплзлось яркое пятнышко.

– И что это такое? – рявкнул один из «волшебников» неподалеку от Бранча. – Что все это означает? Радиация, газы – что?

– В основном азот, – сказал его толстый сосед. – То же было и прошлой ночью. И позапрошлой. Кислород – то есть выбросы, то нет. А тут какой-то углеводородный коктейль.

Бранч слушал.

Другой юнец присвистнул:

– Смотрите, какая концентрация. Обычно в атмосфере сколько процентов азота? Восемьдесят?

– Семьдесят восемь и две десятых.

– А тут почти девяносто.

– Уровень непостоянный. В прошлые две ночи было почти девяносто шесть. К рассвету приходит почти в норму.

Бранч заметил, что многие прислушиваются. Его пилоты тоже заинтересовались. Они не отводили глаз от своих экранов.

– Я не врубаюсь, – сказал парень с рубцами от прыщей. – Отчего такой скачок? Откуда этот азот берется?

Бранч ждал; все молчали. Быть может, «волшебники» знают?

– Я ведь вам все время твержу.

– Так, хватит Барри, пожалей нас.

– Вы и слушать не хотите. А я говорю, что...

– Расскажите мне! – потребовал Бранч.

На него тут же уставились три пары очков. Паренек по имени Барри смутился:

– Я понимаю, звучит дико, но это все покойники. И ничего тут нет таинственного. Живая материя разлагается с образованием аммиака. Что такое азот, помните?

– Потом бактерия нитросомона, – нарочито нудным голосом продолжил толстяк, – преобразует аммиак в нитриты, нитробактер преобразует нитриты в нитраты. А нитраты поглощаются растениями. Другими словами, азот на поверхность земли не попадает. Это все не то.

– Вы говорите о нитрифицирующих бактериях. А есть, как известно, еще бактерии денитрифицирующие. Те как раз действуют над поверхностью почвы.

– Давайте просто считать, что азот выделяется в результате разложения. – Бранч обращался к Барри. – Но это ведь не объясняет такую его концентрацию, верно?

Барри начал издалика.

– Кое-кто остался в живых. Так всегда бывает, – объяснил он. – Иначе

мы бы и не знали, где раскапывать. Три человека показали, что туда свозили больше всего народу. Одиннадцать с лишним месяцев там закапывали и закапывали.

– Продолжайте, – сказал Бранч, не понимая, к чему ведет Барри.

– Мы эксгумировали триста тел, но там их больше. Может, тысяча. А может, еще больше. В одной только Сребренице еще остается от пяти до семи тысяч. Кто знает, что будет там, глубже? Мы только начали вскрывать Z-четыре, когда ливануло.

– Чертов дождь! – пробормотал очкарик слева от Бранча.

– Значит, тел много? – допытывался майор.

– Точно. Полным-полно. И все это разлагается и выделяет много азота.

– Не слушайте! – Толстяк повернулся к Бранчу и жалостливо покачал головой: – Барри опять заигрался. В человеческом организме только три процента азота. Будем считать три килограмма на тело; умножить на пять тысяч тел. Пятнадцать тысяч кэгэ. Переведем в литры, потом в метры. Не хватит даже на куб со стороной тридцать метров. А тут его гораздо больше, он улетучивается и снова выделяется. Дело не в покойниках, хотя и без них, конечно, не обошлось.

Бранч не улыбнулся. Несколько месяцев он любит, как эти судебно-медицинские субчики подкалывают друг друга – то приволокут в палатку череп, то изощряются в таком вот людоедском трепе. Однако майора раздражал не столько их настрой, сколько реакция его собственных подчиненных. А со смертью шутить нельзя.

Майор перевел взгляд на Барри. Парень не дурак. Он, видимо, все обдумал.

– А как насчет изменения концентрации? – спросил Бранч. – Как разложение тканей объясняет появление и исчезновение азота?

– А что, если дело в причине его появления?

Бранч терпеливо ждал.

– Что, если останки периодически тревожат? Причем в определенные часы?

– Дурь!

– Среди ночи?

– Дурь!

– Когда думают, что нам не видно.

Словно в подтверждение его слов, пятно на экране шевельнулось.

– Что за черт!

– Быть не может!

Бранч оторвался от серьезных глаз Барри и посмотрел на экран.

– Дайте план покрупнее, – попросил кто-то с другого конца комнаты. Изображение в несколько приемов увеличилось.

– Больше не получится, – сказал капитан. – Длина и ширина видимого участка – десять метров.

Можно было различить даже кости. Сотни человеческих скелетов переплелись в тесном объятии.

– Подождите-ка, – пробормотал Макдэниелс, – смотрите!

Бранч уставился на экран. Груда мертвецов шевельнулась. Бранч моргнул.

Словно устраиваясь поудобнее, кости снова встряхнулись.

– Вот суки сербы! – выругался Макдэниелс.

Против определения никто не возражал. В последнее время сербам удалось себя показать.

Росказни о детях, которых заставляли поедать печень своих родителей, о женщинах, которых насиловали месяцами, о разных извращениях – все оказалось правдой. В войне у любой стороны есть чем оправдать свои зверства – месть, защита границ, воля Господа.

От прочих группировок сербы больше всего отличились усердием, с которым прятали последствия своих преступлений. Пока американцы не положили этому конец, сербы в спешном порядке поднимали массовые захоронения и сваливали останки в старые шахты или раскатывали техникой по полям – словно удобрение.

Как ни странно, их усердие давало Бранчу некоторую надежду. Уничтожая следы своих преступлений, сербы стараются избежать обвинений и наказаний. Но, быть может, за всем этим стоит чувство вины – разве злодейство без него возможно? Что, если чувство вины и есть наказание? Расплата за содеянное?

– И что же теперь, Боб?

Бранч оглянулся – такая фамильярность в присутствии младших! «Боб» – полковнику! Так обратиться мог только один человек. Мария-Кристина Чемберс – предводительница ученых гробокопателей, грозная и несокрушимая. Бранч и не заметил, что она здесь.

Профессор патологии из Британского Открытого университета – сейчас в академическом отпуске – Чемберс держала себя запросто с кем угодно. Санитаркой во Вьетнаме она видела больше сражений, чем многие «зеленые береты». Ходила легенда, что во время новогоднегo наступления^[6] она даже взяла в руки винтовку. Из всех сортов пива признавала только «Курс», на ходу постоянно шаркала ногами и потрепаться любила не хуже канзасского фермера. Солдаты ее любили и

Бранч тоже. Полковник – он же Боб – и Кристи даже сдружились. Но в одном вопросе они не сошлись.

– Опять будем увиливать?

В комнате стало так тихо, что Бранч слышал, как кто-то печатает на клавиатуре.

– Доктор Чемберс... – попытался образумить ее какой-то капрал, но она его тут же срезала:

– Отвали, я говорю с твоим начальником.

– Кристи! – умоляюще сказал полковник.

Однако Чемберс была настроена серьезно. К ее чести, она была ни в одном глазу и даже без фляжки. Мария-Кристина уставилась на полковника.

Он переспросил:

– Увиливать?

– Да.

– Чего ты от нас хочешь?

Ни одна доска объявлений в лагере не обходилась без листовок НАТО с фотографиями разыскиваемых военных преступников – пятидесяти четырех человек, обвиняемых в самых страшных военных преступлениях. СПС – силы НАТО по выполнению соглашения – имели задание схватить каждого, кого найдут. Странное дело: несмотря на девятимесячное пребывание в стране и активную работу разведки, натовцы никого так и не нашли. В некоторых печально известных случаях СПС буквально отворачивались, чтобы не видеть того, что творится у них под носом.

В Сомали американцы получили урок, когда пытались задержать лидера повстанцев. Тогда было захвачено двадцать четыре американских солдата; их забили насмерть, привязали за ноги к автомобилям и протащили через город. Сам Бранч разминутся со своей смертью буквально на две минуты.

Сейчас всем войскам надлежало вернуться домой – целыми и невредимыми – к Рождеству. Самосохранение стало понятием весьма популярным – гораздо популярнее, чем долг или даже справедливость.

– Сам знаешь, чего от них можно ждать, – сказала Чемберс.

Груды костей в мареве азота продолжали тихонько подрагивать.

– Вообще-то не знаю.

Чемберс не сдалась. Она была исполнена решимости.

– «Правило номер шесть: я не допущу беспредела, пока я здесь», – процитировала она.

Субординацию профессор нарушала неспроста – хотела лишний раз

показать, что она и ее ученые не одиноки в отвращении к происходящему. Цитата была из высказываний рейнджеров – подчиненных полковника. Во время первого месяца в Боснии патрульные солдаты стали свидетелями изнасилования – и получили приказ не вмешиваться. Слух разошелся моментально. Вне себя, простые рядовые из «Молли» и других лагерей решили взять дело в свои руки и выработали собственный кодекс поведения. Сто лет назад в любой армии мира за такое наказали бы палками; двадцать лет назад Военно-юридическое управление нажарило бы кое-кому задницу. В современной контрактной армии это называется «инициатива снизу». Правило шесть.

– Не вижу никакого беспредела, – ответил полковник. – Не вижу, чтобы сербы что-то делали. И вообще людей не вижу. Это могут быть и животные.

– Черт побери, Боб! – Они иногда препирались, но никогда вот так, при всех. – Хотя бы ради приличия, – продолжала Чемберс, – ведь если мы не можем поднять наш меч против зла...

Мария-Кристина поймала себя на том, что говорит избитые фразы, и запнулась.

– Ты подумай, – начала она снова. – Мои люди обнаружили Z-четыре, вскрыли, провели там пять дней, подняли верхний слой. Потом чертов дождь нас накрыл. Это самое большое захоронение. Там еще как минимум восемьсот трупов. Наша документация до сих пор была безупречна. То, о чем свидетельствует Z-четыре, убедит самых упрямых, но только если мы закончим работу. Не хочу, чтобы наши усилия пропали из-за простого разгильдяйства. Мало того что сербы устроили массовые казни, так теперь еще хотят даже трупы уничтожить. Ваша обязанность – стеречь захоронение.

– Это не наша обязанность, – сказал полковник. – Стеречь могилы – не наша забота.

– Когда права человека...

– Права человека – не наша забота.

Радио выдало взрыв помех, потом слова, потом тишину.

– Единственное, что я вижу, – захоронение оседает после десятидневного дождя, – сказал полковник. – Действие природных сил и ничего другого.

– Один-единственный раз, – настаивала Чемберс, – больше я ни о чем не попрошу.

– Нет.

– Один вертолет и всего на час.

– В такую погоду? Ночью? И потом – посмотри, там сплошной азот.

Шесть экранов пульсировали тусклыми пятнами. «Покойтесь с миром», – пожелал Бранч. Кости снова шевельнулись.

– Прямо у нас под носом, – бормотала Кристи.

Бранч вдруг понял – он так больше не может. Даже теперь убитые мужчины – и мальчики – лишены покоя. Из-за того, что они приняли ужасную смерть, их теперь снова выволокут на свет, и, возможно, не один раз. Не одна сторона, так другая. Если не сербы постараются, так Кристи со своей сворой. Останки несчастных увидят матери, жены, дети, и ужасное зрелище будет преследовать их до конца дней.

– Я полечу, – услышал майор собственный голос.

Когда полковник понял, кто это сказал, у него застыло лицо.

– Майор? – удивился он. – И ты, Брут?

В этот миг обнажились глубины вселенной, о которых Бранч даже не подозревал. Впервые до него дошло, что он был любимчиком и полковник надеялся когда-нибудь передать ему дивизию. Слишком поздно Бранч понял размеры своего предательства.

Майор и сам удивлялся – что заставило его так поступить? Как и полковник, он был истинным служакой. Всегда помнил о долге, берег солдат, войну считал профессией, а не призванием, от трудностей не бегал и храбрость проявлял точно по чину, в меру. Майор видел свою тень на чужих землях, хоронил друзей, был ранен, сеял горе среди врагов. Несмотря на все пережитое, борцом себя не считал, да и вообще в такое не верил. Слишком сложные времена. И вдруг он, Элиас Бранч, отстаивает некую точку зрения.

– Кто-то же должен начать, – сказал майор, в ужасе от того, что говорит.

– Начать, – отозвался полковник.

Не совсем понимая начальника, Бранч больше не пытался ничего объяснить.

– Да, сэр, – произнес он, – так точно.

– Ты считаешь, это нужно?

– Просто дела приняли такой оборот.

– Хотелось бы верить. И чего ты намерен добиться?

– Возможно, – сказал Бранч, – смогу посмотреть им в глаза.

– А потом?

Бранчу казалось, что его раздели. Похоже, он выставил себя придурком.

– Заставлю их ответить.

– И они солгут, – отрезал полковник. – Как всегда. А потом?
Бранч смутился:
– Заставлю их прекратить это дело. – Он сглотнул.
Неожиданно к нему на помощь пришел Рамада:
– Разрешите обратиться, сэр? Я тоже хотел бы полететь с майором Бранчем.
– И я, – сказал Макдэниелс.
Всего вызвались три экипажа. Бранч, который никого с собой не звал, вдруг оказался во главе целой добровольческой экспедиции. Ужасное положение – он чувствовал себя почти отцеубийцей. Бранч опустил голову.
Полковник глубоко вздохнул, и Бранч почувствовал, что навсегда изгнан из сердца старика. Такой свободы Бранч не хотел, но что вышло, то вышло.
– Отправляйтесь, – сказал полковник.

4 ч 10 мин

Бранч летел низко, с погашенными огнями, молотя лопастями грязное небо.

Два других «Апача» неслись с боков, словно свирепые волки. Бранч шел в голове, он вел звено со скоростью сто сорок пять километров в час. Покончить бы с этим побыстрее. На рассвете его рыцари получают яичницу с беконом, а он – возможность отоспаться. А потом все сначала – охранять мир, охранять себя.

Майор вел вертолет через ночь, ориентируясь по приборам, чего терпеть не мог. Насколько он знал, полагаться на приборы весьма рискованно.

Однако сегодня в небе было пусто, если не считать его звена, да к тому же новую угрозу – азотное облако – глазами не увидишь; потому Бранч и решил довериться встроенному в шлем целеуказателю и прочей оптике.

И экраны, и приборы обнаружения цели показывали изображение Боснии, передаваемое с базы. Специальная компьютерная программа обрабатывала информацию – карты, картинки со спутников и стратегических самолетов-разведчиков, фотографии местности, сделанные в дневное время, – и выдавала трехмерное изображение почти в реальном времени. Сейчас Бранч видел Дрину с запаздыванием в несколько секунд. Поэтому в соответствии с виртуальной картой Бранч и Рамада прибудут в Z-4 позднее, чем на самом деле. К этому нужно было привыкнуть. Трехмерные изображения очень убедительны – так и хочется им верить. Но они показывают не то, что есть на самом деле, а то, что уже было. Они

верны только по отношению к минувшему моменту.

Z-4 находилось в десяти километрах к юго-востоку от Калесии – по направлению к Сребренице и прочим местам массовых захоронений, окаймляющих Дрину. Больше всего людей истребили на берегах этой реки, у сербской границы.

Рамада пробормотал с заднего сиденья:

– Красота!

Бранч переключился с компьютерного изображения на прибор ночного видения. И понял, что имел в виду Рамада.

Над Z-4 висел газовый купол – красный и зловещий, словно некое знамение конца света. Вблизи скопление азота походило на огромный цветок, и лепестки его клубились под пологом слоистых облаков, сталкивались с холодным воздухом и обламывались. Когда вертолеты приблизились, компьютер вывел на экран изображение зловещего цветка, а вслед за ним строчки текста. Картинка чуть сдвинулась, и спутник показал три «Апача», подлетающих к тому месту, которое на самом деле они только миновали.

– Доброе утро! – приветствовал Бранч свое запоздавшее изображение.

– Парни, чувствуете запах? – Это Макдэниелс из вертолета слева.

– Да уж, словно «Мистер Мускул» разлили. – Бранч узнал голос: Тиг.

Кто-то зажужжал настройкой телеприемника.

– Воняет, как в сортире. – Снова Рамада. Прямой, ничего не скажешь. Это он намекнул, что хватит болтать.

Бранч тоже начал улавливать запах. Сделал глубокий выдох.

Аммиак. Побочный продукт азота, выделяемого из Z-4. Вонь застарелой мочи, прокисшей мочи десятидневной давности. Дерьмо.

– Маски! – приказал майор и натянул собственную. Рисковать незачем. И он вдохнул носом кислород – свежий и чистый.

Обширный азотный купол, высотой четверть мили, поднимался и проседал.

Бранч попытался оценить с помощью приборов и светофильтров степень опасности. Посмотрел показания и плюнул на них. Они ему ничего не говорили. Лучше перестраховаться.

– Приказываю, – сказал майор. – Лави, Макдэниелс, Тиг, Шульбе и все прочие. Займите позицию в одном километре от края облака. Ждите, а мы с Рамадой облетим эту пакость по часовой стрелке.

Говоря, Бранч подумал: «А почему, собственно, по часовой, а не против? Можно было бы и по диаметру».

– Я пойду повыше и постараюсь сделать круг побольше. Не стоит

связываться с этими подонками, пока во всем не разберемся.

– Отлично придумано, шеф, – одобрил Рамада. – Приключений нам не нужно. Обойдемся без героизма.

Дома, в Омахе, у него недавно родился сын, которого Рамада видел только на фотографии. Он и Бранчу ее показывал. Конечно, ему не следовало лететь, но разве удержишь? В такие минуты майор ненавидел свой дар увлекать людей. Уже столько солдат пошло за ним навстречу опасности и не вернулось...

– Вопросы есть? – Бранч подождал.

Вопросов не было.

Заложив крутой вираж, он двинулся прочь от остальных машин. Вертолет шел по часовой стрелке, слегка приближаясь к объекту. Пятно было примерно два километра в окружности. Ощетинившийся пулеметами и ракетами «Апач» прошел полный круг, не снижая скорости, – вдруг внизу рыщет какой-нибудь придурок с бутылкой сливовицы в кармане и зенитным пулеметом на плече. Они ведь хотят не спровоцировать войну, а только разобраться в загадке. Что-то тут происходит, но что именно?

Завершая облет, Бранч посигналил светом и увидел ответный сигнал – остальные вертолеты ждали в стороне.

– Не похоже на захоронение, – заявил он. – Кто-нибудь что-нибудь видел?

– У меня – пусто, – сказал Макдэниелс.

– Никак нет, – отозвался Лави.

Тем временем собравшиеся в лагере разглядывали изображение, передаваемое Бранчем.

– Хреновая у тебя видимость, Элиас. – Это сама Мария-Кристина.

– Доктор Чемберс? – спросил Бранч.

Что она там делает?

– Обычное дело, Элиас. За деревьями леса не видим. Все напичкано разной техникой. Камеры видят только азот – и показывают азот.

– А нельзя ли опуститься и посмотреть по старинке – глазами?

Как бы ни нравилась Кристи майору, как бы ни хотелось ему разглядеть проклятуций объект – дама не вправе командовать.

– Решать полковнику, – сказал Бранч.

– Полковник вышел. И, насколько я понимаю, тебе предоставили свободу действий.

То, что Кристи Чемберс отдает распоряжения по военной связи, могло означать лишь одно – полковник действительно покинул командный пункт. Все ясно: раз уж Бранч такой умный, пусть сам и выкручивается. Говоря

попросту, майор впал в немилость. Подорвался на собственной мине.

– Вас понял, – ответил он и задумался. Что теперь делать? Возвращаться или оставаться? Искать золотые яблоки солнца? – Я должен оценить положение, – сказал майор. – О своем решении сообщу. Конец связи.

Бранч завис над плотной непроницаемой массой и вел панорамную съемку носовой камерой вертолета с таким чувством, будто под ним – первый в мире атомный гриб. Плохо, когда ни черта не видно. Потеряв терпение, Бранч резко отключил ночное видение и сдернул очки. Щелкнул выключателем подсветки шасси.

Гигантское пурпурное облако мгновенно исчезло. Вокруг простирался лес – Бранч видел деревья. Застывшие тени, мрачные, длинные. Рядом с ямой деревья были голые. Их погубили выбросы азота.

– О господи! – Голос Чемберс ударил Бранча по перепонкам. В эфире началось какое-то столпотворение.

– Что за чертовщина такая?! – вопил кто-то.

Бранч не узнал голоса, но ему показалось, что в лагере «Молли» разразился небольшой бунт. Майор подобрался.

– Повторите. Прием, – сказал он.

Чемберс продолжила:

– Неужели ты не видел? Когда ты включил подсветку...

Пункт связи галдел, словно тропический лес, полный перепуганных птиц. Кто-то визгливо требовал:

– Позовите полковника, сейчас же!

Другой голос рокотал:

– Прокрутите запись, прокрутите запись!

– Что там за фигня? – поинтересовался Макдэниелс. – Прием.

Бранч и остальные пилоты ждали, пока прекратится хаос. Вмешался чей-то суровый, явно военный голос. Это мастер-сержант Джефферсон у своего пульта связи.

– «Эхо Танго», вы меня слышите? Прием.

Ее спокойствие казалось настоящим чудом.

– База, говорит «Эхо Танго», – ответил Бранч. – Слышу вас отлично. Новости есть? Прием.

– По сообщению спутника Kh-двенадцать, у вас зарегистрировано какое-то движение. Что-то происходит. Инфракрасные приборы зафиксировали множество движущихся объектов. А вы ничего не видите? Прием.

Бранч посмотрел наружу. По плексигласовому колпаку лился дождь,

все снаружи было размазанным. Он нагнулся, чтобы не загораживать обзор Рамаде. С этого расстояния местность выглядела зловещей, но спокойной.

– Рам? – недоуменно произнес Бранч.

– Обалдеть, – отозвался Рамада.

– Так лучше? – спросил Бранч в микрофон.

– Лучше, – ответила Чемберс. – Но все равно плохо видно.

Бранч дал боковой ход и направил свет вниз. Прямо перед ним, посреди мертвого леса притаилось захоронение Z-4.

– Вот, – сказала Чемберс.

Нужно еще знать, что ищешь. Бранч увидел большую открытую яму, наполненную водой. На поверхности плавали какие-то палки. Кости, понял Бранч.

– Можно еще увеличить? – попросила Чемберс.

Бранч не двигался, пока спецы в лагере колдовали над изображением. Впереди, за прозрачным колпаком, предстала картина из Апокалипсиса. Чума, Война, Смерть... Нет лишь последнего всадника – с именем Голод. «Что ты тут делаешь, Элиас?»

– Все равно плохо, – пожаловалась Чемберс. – Только еще больше помех.

Бранч понимал: Кристи не отвяжется, ясное дело. Но нечего ей потакать.

– «Эхо Танго», база на связи, – вступила в разговор мастер-сержант. – В инфракрасном спектре вижу три, нет, четыре фигуры. Вижу четко – подвижные объекты. Как у вас? Прием.

– Ничего. Что за фигуры? Прием.

– Похожи на людей. Подробнее сказать не могу, у Kh-двенадцать слишком низкое разрешение. Повторяю: вижу несколько подвижных объектов. Рядом с захоронением или в его пределах. Детали не определяются.

У Бранча в ладони подрагивала ручка управления винтом.

Майор двинул машину вправо, пытаясь найти лучший обзор, затем вверх, не смея приблизиться ни на дюйм. Рамада поочередно направлял свет в разные стороны. Вертолет поднялся над мертвыми деревьями.

– Так держать, – сказал Рамада.

Сверху ясно просматривалось, что поверхность воды слегка колышется. Волнение было не сильное, но и не такое, которое получается, например, от падающих листьев. Вода двигалась неравномерно; она, казалось, ожила.

– Наблюдаю внизу какое-то движение, – сообщил Бранч. – База, вы

получаете картинку с нашей камеры? Прием.

– Очень неразборчиво, майор. Ничего не разглядеть. Вы слишком далеко.

Бранч сердито посмотрел на воду. Ему хотелось придумать логическое объяснение, однако объяснения происходящему не было. Ни людей, ни волков, ни падальщиков. Если не считать колышущейся поверхности воды, все кругом замерло. Значит, причина под водой. Рыба? Не так уж глупо, учитывая вышедшие из берегов реки. Сомы? Или угри? Рыбы-падальщики? Причем достаточно крупные, чтобы их засекли инфракрасные приборы спутника. Впрочем, это уже не важно. Если только из любопытства выяснить – дочитать этот детектив до конца. Будь Бранч один, он бы не удержался. Ему безумно хотелось подлететь поближе и вырвать у воды ее тайну. Однако нельзя поддаваться порыву. С ним его люди. В заднем кресле сидит молодой папаша. Как его и учили, Бранч заставил свое любопытство умолкнуть и подчиниться долгу.

И тут могила потянулась вверх.

Из воды поднялся человек.

– Господи Иисусе, – прошептал Рамада.

«Апач» шарахнулся – это Бранч вздрогнул от неожиданности. Он тут же выровнял машину, не отводя взгляда от дикого зрелища.

– «Эхо Танго-один»? – спросила база.

Покойник умер несколько месяцев назад. То, что от него осталось, поднялось над водой выше пояса: голова откинута, запястья скручены проволокой. В какой-то момент показалось, что он смотрит прямо на вертолет. На Бранча.

Даже на расстоянии майор много чего разглядел. Мертвец одет как учитель или бухгалтер, явно не солдат. Проволока на руках – Бранч видел такую на других пленниках сербских концлагерей в Калесии. На черепе, с левой стороны, ясно просматривалось выходное пулевое отверстие.

Секунд двадцать останки покачивались на месте, словно неуклюжий манекен. Затем существо завалилось на бок и рухнуло в могилу, наполовину оставшись торчать из воды. Как будто из-под него выдернули подпорку.

– Элиас? – прошептал Рамада.

Бранч не отвечал. «Ты хотел, – сказал он себе, – вот и получай».

Вспомнилось правило шесть: «Я не допущу беспредела, пока я здесь». Беспредел уже совершился – массовая казнь и захоронение. Все это уже в прошлом. Но осквернение происходит сейчас, в его присутствии.

– Рам?

Рамада сразу понял:

– Абсолютно.

Однако Бранч не спешил. Он был человек осторожный. Нужно сначала кое-что уточнить.

– База, – начал он, – будет ли турбина работать в азотной атмосфере?

– Извините, «Эхо Танго», – ответила Джефферсон, – такой информации у меня нет.

В эфире опять появилась взволнованная Чемберс:

– Возможно, я смогу выяснить. Секунду, я поговорю с одним своим человеком.

«Своим человеком?» – раздраженно подумал Бранч. Все идет наперекосяк. Она-то тут при чем? Через минуту Чемберс вернулась:

– Оказывается, ты можешь узнать все прямо из первоисточника. Это Кокс, специалист по судебной химии, из Стэнфорда.

Возник новый голос.

– Вопрос я слышал – будет ли винт работать в атмосфере с превышенной нормой азота?

– Ну, вроде того, – ответил Бранч.

– Гм... Я тут смотрю на спектрограмму, выданную «Хищником» минут пять назад. За это время вряд ли что изменилось. Восемьдесят девять процентов азота. Кислород к норме даже не приближается. Водород, похоже, подскочил больше всего. Вот вам и ответ.

Он замолчал. Бранч сказал:

– Мы внимательно слушаем.

– Да, – произнес Кокс.

– Что «да»?

– Да, можете лететь. Вам-то не придется этим дышать, а турбина будет работать. Нет проблем.

– Вы мне скажите, – попросил Бранч, – если никаких проблем, то почему мне нельзя этим дышать?

– Потому, – объяснил судебный химик, – что это было бы неосмотрительно.

– У меня же есть счетчик, – сказал Бранч.

Чертова предусмотрительность.

Умник из Стэнфорда сглотнул.

– Не поймите меня неправильно. Азот – штука не страшная. Мы дышим-то в основном азотом. Без него и жизнь невозможна. Вон в Калифорнии люди всю отстегивают за него зелень. Слыхали про синегreenые водоросли? Производство азота органическим способом.

Считается, что от него память становится прямо-таки вечной...

Бранч прервал:

– Так это безопасно?

– Приземляться я бы не советовал. Определенно. Ну, если только у вас прививки от холеры, гепатита и заодно от бубонной чумы. Да еще вода... риск заражения там просто зашкаливает. Потом придется весь вертолет помещать в карантин.

– В конечном счете, – снова начал Бранч, повышая голос, – машина там будет летать или нет?

– В конечном счете, – подвел итог химик, – да.

Внизу колыхалась зловонная жидкость. На поверхности покачивались кости. Булькали пузыри. Какой-то первобытный бульон. словно дыхание тысяч легких. словно покойники заговорили.

Бранч решился:

– Сержант Джефферсон! У вас есть личное оружие?

– Так точно, сэр, – ответила она.

Всем было велено держать оружие при себе.

– Зарядите один патрон, сержант.

– Сэр?

Заряжать оружие запрещалось, если не грозило нападение неприятеля.

Бранч не стал больше тянуть со своей шуткой:

– Если окажется, что тот парень, с которым я сейчас разговаривал, ошибся, пальните в него разок.

Где-то в эфире одобрительно хрюкнул Макдэниелс.

– В ногу, сэр, или в голову?

Умница, подумал Бранч. Он моментально выстроил ведомые машины по краям азотного облака, проверил и перепроверил орудия и поплотнее натянул кислородную маску.

– Ну что ж, – сказал майор, – будем разбираться.

04 ч 25 мин

Он шел на снижение – за спиной сидел его верный штурман. «Апачи» подойдут не спеша, медленно, поочередно исключая опасности, одну за другой. Три машины, словно три разгневанных архангела, спустятся с небес и завладеют этим выморочным местом.

Однако стэнфордский специалист по судебной химии ошибся.

«Апачам» здешний коктейль не понравился. Не прошло и десяти секунд, как раздался хлопок и двигатель выбросил струю пламени. Указатель температуры выхлопного газа пересек красную отметку.

В обязанности Бранча входила готовность к внештатным ситуациям. Летчиков готовят не только к полетам, но и к падениям. Именно такое механическое повреждение у Бранча случилось впервые, однако представлял он его не раз.

Когда двигатель отказал и приборы вышли из строя, Бранч не запаниковал. Пытаясь компенсировать возросшие обороты, изменил шаг винта.

Перестало подаваться электричество.

– Двигатель вышел из строя, – спокойно доложил Бранч.

Наверху у лопастей тем временем расцвел ярко-голубой шар, похожий на огни святого Эльма. Машина окончательно отказала, и Бранч объявил:

– Вхожу в авторотацию.

Авторотация означала, что двигатель полностью парализован.

– Иду вниз, – доложил он.

Вот так. Никаких упреков, никаких эмоций. «Отомсти за меня, Макдэниелс».

– Вы разбились, майор?

– Никак нет, – ответил Бранч. – Земли не вижу.

Турбина взорвалась.

Бранч умел выполнять авторотацию. Он интуитивно изменил шаг винта и вошел в крутое скольжение, близкое к полету. Даже при парализованном двигателе центробежная сила продолжает вращать лопасти винта, благодаря чему можно совершить вынужденную посадку. Теоретически. А при скорости падения тысячу семьсот футов в минуту на эту попытку остается секунд тридцать.

Бранч тренировался выполнять авторотацию тысячи раз, но не посреди ночи и не в ядовитом лесу. Поскольку питание отключилось, фары не горели. На Бранча навалилась темнота; он вздрогнул от ее натиска. Глаза не успели привыкнуть. Нет даже времени, чтобы глянуть в окуляр ночного видения. Чертовы приборы! Нужно было полагаться только на зрение. Впервые Бранч испугался.

– Ничего не вижу, – спокойно сказал он.

Он отогнал образ деревьев, готовых вспороть машине брюхо, и доверился силе лопастей. «Держи уклон, а винт крутится сам». Мертвый лес представлялся Бранчу неотвратимым – как ножи хулиганов на темной улице. Он отлично знал, что деревья падение не смягчат. Ему хотелось извиниться перед Рамадой – молодым отцом, который годился ему в сыновья. «Куда я нас затащил?»

Только тут Бранч понял, что окончательно потерял управление, и

доложил:

– Терплю бедствие.

Вертолет с металлическим скрежетом вошел в верхние ветки; сучья скребли алюминий, выламывали шасси, как будто хотели выцарапать людей из чрева машины. Несколько секунд вертолет скорее планировал, чем падал. Лопасты обламывали ветки, стволы обламывали лопасти. Лес вцепился в машину мертвой хваткой.

Вертолет обрушился на землю.

Шум стих.

Вмявшись носом в дерево, машина тихонько покачивалась, словно колыбель. Бранч поднял руки с пульта. Вот и все. Он потерял сознание.

Потом очнулся. Его стошнило прямо в маску. В темноте и дыму, дергая ремешки, он снял ее и с трудом высунулся наружу. Мгновенно Бранч почувствовал, как легкие и кровь наполняются ядом – ощутил его запах и вкус. Воздух обжигал горло. Бранч почувствовал, что болен, болен целую вечность, поражен до самых костей. Маска, с тревогой вспомнил он.

Одна рука не действовала. Бранч попытался найти маску здоровой рукой. Кое-как очистил и прижал к лицу. Кислород леденил горло, поврежденное парами аммиака.

– Рам? – каркнул Бранч.

Тишина.

– Рам?!

Бранч чувствовал, что сзади пусто.

С переломанными костями, поврежденной рукой, повиснув на ремнях лицом вниз, майор сделал единственное, что мог, сделал то, зачем здесь оказался. Он пришел в этот темный лес, чтобы встретиться с великим злом. И теперь заставил себя смотреть. Он смотрел, наблюдал, ждал.

Тьма рассеивалась.

До рассвета было далеко. Просто глаза постепенно привыкали. Появились неясные очертания. Серый горизонт.

Бранч заметил на прозрачном колпаке какие-то яркие вспышки. Сначала он решил, что под действием грозы вспыхивают газы. Яркие лучики чертили по разным предметам в лесу, не освещая их, а только выхватывая из тьмы силуэты. Бранч пытался разобраться в происходящем, но понимал только, что свалился с неба.

– Мак, – позвал он в микрофон.

Потом посмотрел на провод – провод был оборван. Бранч остался один. Приборная панель все еще подавала признаки жизни. Какие-то устройства на ней питались от батареек, и перед Бранчем мигали красные и

зеленые огоньки. Все приборы показывали, что машина умирает.

Майор огляделся. Вертолет лежал рядом с Z-4 на куче стволов. Бранч всматривался сквозь плексиглас, который казался покрытым тонкой паутиной. Невдалеке он увидел изящное распятие. Большой крест с тонкими перекладинами. Бранчу хотелось думать, что какой-нибудь раскаявшийся серб воздвиг памятник над братской могилой. Но тут стало видно: это лопасти сломанного винта зацепились за ветки и повисли, образуя прямой крест.

На земле среди мокрых листьев и хвои валялись многочисленные обломки. Возможно, они были мокрыми из-за дождя. Только потом Бранчу пришло в голову, что, наверное, разлилось топливо. Больше всего майора тревожило то, что он почти не беспокоился. Как бы со стороны он отметил, что топливо может возгореться и нужно спасать себя и товарища – живого или мертвого – и убираться из вертолета. Это нужно было делать срочно, но Бранч не спешил. Ему хотелось спать.

Нет!

Он старательно задышал кислородом. Приготовился превозмочь боль, как делают спортсмены, когда бежать уже невозможно...

Бранч вскочил, задел плечом колпак, услышал скрип сломанных костей. Вывихнутое колено вильнуло вперед, потом назад. Он заревел. Упал обратно в кресло; каждый нерв буквально вопил от нарастающей боли. Болело все. Откинул голову назад, нашел маску.

Колпак мягко поднялся.

Бранч вдыхал кислород, словно это могло заставить его забыть, сколько еще будет боли. Но кислород только прояснил рассудок. В голове мешались названия сломанных костей. Ужасно. Непонятный диагноз. Жуткие раны. Каждая кричала о себе, и все кричали одновременно. Боль оглушала.

Бранч поднял дикий взгляд туда, где раньше темнело небо. Теперь не было ни неба, ни звезд. Облака и облака. Какой-то бесконечный купол. Бранч вдруг испытал приступ клаустрофобии. Нужно выбраться!

Он вдохнул еще раз, оставил маску, сбросил ненужный теперь шлем. Помогая себе здоровой рукой, выкарабкался из кабины. Сила тяжести швырнула его на землю. Ему казалось, что он съеживается и делается все меньше.

Сквозь боль вдруг прорезалось, словно расцвело, какое-то странное удовольствие. Это встало на место вывихнутое колено. Облегчение, которое испытал Бранч, было сильным, как сексуальная разрядка.

– Слава богу, – простонал он.

Майор отдыхал, лежа щекой в грязи и тяжело дыша. Старался сосредоточиться на своем облегчении, которое уже слабело, забывалось. Бранч представил себе дверь. Если он войдет, боль сразу прекратится.

За несколько минут Бранч немного оклемался. Лучше всего было то, что от перенасыщения крови газом руки и ноги онемели. Хуже всего были сами газы. Ужасная вонь. Травянистый вкус во рту.

– ...«Танго-один», – донеслось до Бранча.

Он посмотрел вверх на просевший корпус своего «Апача». Голос доносился с заднего кресла.

– «Эхо Тан...»...ветьте!

Майор преодолел искушение лечь на землю. Он вообще не понимал, как еще может двигаться. Но нужно выяснить, что с Рамадой. И сообщить своим об опасности.

Бранч встал на подножку и прислонился к холодному алюминиевому корпусу. Вертолет лежал, покосившись набок; оказалось, машина повреждена гораздо больше, чем думал Бранч. Перегнувшись через борт, он посмотрел в отсек штурмана. Приготовился увидеть худшее.

Но там было пусто. В кресле лежал только шлем Рамады. Снова раздался голос, сначала едва слышно, затем громче:

– «Эхо Танго-один»...

Бранч взял шлем и натянул на голову. Майор вспомнил, что Рамада носил на забрале фото новорожденного сына.

– Говорит «Эхо Танго-один», – произнес он.

Голос у него оказался смешной – певучий и высокий, как в мультиках.

– Рамада! – Макдэниелс от облегчения позволил себе разозлиться. – Где ты шляешься, доложи обстановку! Что с остальными? Прием.

– Говорит Бранч, – сказал Элиас все тем же странным голосом. Видно, при падении вертолета он получил контузию – что-то случилось и со слухом.

– Майор, это вы? – донесся до него голос Макдэниелса. – Говорит «Эхо Танго-два». Как вы там? Прием?

– Рамада пропал, – сообщил Бранч. – Вертолет разбился.

С полминуты Мак переваривал услышанное. Затем деловито продолжил:

– Видим вас, майор, на инфракрасных приборах. Рядом с вертолетом. Оставайтесь на месте. Вам окажут помощь. Прием.

– Нет! – проскрипел Бранч птичьим голосом. – Ни в коем случае! Вы меня слышите?

Мак и прочие молчали.

– Не пытайтесь приблизиться, повторяю, не пытайтесь приблизиться!
Турбины здесь не работают!

Все приняли известие без особой радости.

– Вас понял, – сказал Шульбе.

Макдэниелс продолжил:

– Майор, как ваше самочувствие?

– Самочувствие? – Кроме боли Бранч ничего не чувствовал. Он всего лишь смертный. – Терпимо.

– Майор... – Макдэниелс сделал неловкую паузу, – что у вас с голосом?

Значит, они тоже заметили?

Доктор медицины Кристи Чемберс тоже слушала.

– Это азот, – сообщила она.

Конечно, подумал Бранч.

– Элиас, вы можете подышать кислородом? Это необходимо.

Бранч вяло поискал маску Рамады, но ее, видимо, сорвало при крушении.

– Где-то в воздухе, – слабо сказал он.

– Достаньте! – потребовала Чемберс.

– Не могу, – сообщил Бранч.

Искать маску означало снова двигаться. И еще хуже – бросить шлем Рамады и потерять контакт с внешним миром. Нет, радио нужнее кислорода. Связь – это информация. Информация – это действия, действия – это спасение.

– Вы ранены?

Майор посмотрел на себя. У него по бедрам чиркали странные цветные лучики, и он понял, что это лазеры. Его вертолеты изучают местность, выбирая цели для своего оружия.

– Нужно найти Рамаду, – сказал он. – Вам его видно?

Но Макдэниелс не унимался:

– Вы можете двигаться?

Что они говорят? Бранч обессиленно прислонился к машине.

– Вы можете ходить, майор? Вы в состоянии оттуда уйти?

Бранч оценил свои силы. Оценил условия.

– Нет.

– Передохните, майор. Не двигайтесь. Из лагеря к вам направляется биохимическая бригада. Мы их спустим на тросе. Помощь идет, сэр.

– Рамада...

– Это не ваша забота. Мы его найдем. А вы пока посидите.

Как может человек просто взять и исчезнуть? Даже мертвое тело излучает тепло еще несколько часов. Бранч поднял глаза, стараясь разглядеть Рамаду среди ветвей. Или его выбросило прямо в захоронение?

Раздался чей-то новый голос.

– «Эхо Танго-один», говорит база.

Мастер-сержант Джефферсон. Звучный грудной голос вызвал желание опустить голову и забыться.

– Майор, вы там не один, – сообщила Джефферсон. – Выполните, пожалуйста, указание. Спутник зарегистрировал какое-то перемещение к северо-северо-западу от вашего борта.

Северо-северо-запад? Его приборы молчали. Даже компаса не было. Но Бранч не жаловался.

– Это Рамада, – уверенно сказал он.

Кто же еще? Его штурман оказался жив.

– Майор, – продолжала Джефферсон, – объекты не имеют армейских опознавательных знаков. Возможно, они опасны. Повторяю, нам неизвестно, кто к вам приближается.

– Это Рамада, – настаивал Бранч.

Наверное, штурман выбрался из кабины и занялся тем, чем и положено штурману, – попытался сориентироваться.

– Майор! – Джефферсон говорила другим тоном. Забыв, что их слышат все, она сказала – ему одному: – Мотай оттуда!

Бранч прислонился к остаткам вертолета. Убираться? Он едва стоит.

Макдэниелс:

– Я тоже засек. Пятнадцать ярдов. Идет прямо к вам. Откуда, черт подери, он мог взяться?

Бранч посмотрел через плечо. Плотная атмосфера расступилась как мираж. Кто-то, пошатываясь, вышел из-за кустов и деревьев.

Лазеры неистово заматались по груди, плечам и ногам фигуры. Казалось, пришелец весь разрисован, словно модель боди-арта.

– Я его держу на мушке, – пробормотал Макдэниелс.

– И я, – сообщил Тиг.

– Вас понял, – сказал Шульбе.

Короткие реплики: ни дать ни взять – игра в карты.

– Уходите, майор!

– Отставить! – поспешно приказал Бранч, у которого мелькание лазеров вызывало ужас. «Моим врагам придется несладко», – подумал он. – Это Рамада! Не стрелять.

– Обнаружены еще объекты, – доложила Джефферсон. – Два, четыре,

пять теплых объектов. Двести метров к юго-востоку, координаты СМ восемь три...

Макдэниелс заторопился:

– Майор, вы уверены?

Лазеры не унимались. Они продолжали чертить дрожащие рисунки на теле идущего. Даже при свете нервно дергающихся лучей, с полной ясностью понимая, кто к нему приближается, Бранч осознал – он не хочет верить, что видит своего штурмана. Ибо майор узнал Рамаду – по тому, что от того осталось. Радость улетучилась.

– Это он, – угрюмо подтвердил Бранч. – Точно.

На Рамаде не было ничего, кроме ботинок. С головы до пят штурман истекал кровью. Он походил на раба, которого подвергли бичеванию. На лодыжках лоскутами болтались клочья мяса. «Сербы?» – в ужасе гадал Бранч. Он вспомнил толпу в Могадишо, в Сомали, и мертвых американцев, привязанных за ноги к грузовикам.

С момента аварии прошло не больше десяти – пятнадцати минут; когда же успели сотворить такое с Рамадой? Наверное, он пострадал при крушении от осколков плексигласа. Что еще могло так его искромсать?

– Бобби, – тихо позвал Бранч.

Роберто Рамада поднял голову.

– Нет, – прошептал Бранч.

– Что там такое, майор? Прием.

– Глаза, – сказал Бранч.

Рамаде выкололи глаза.

– Не слышу вас, «Эхо Танго-один»...

– Повторите, повторите.

– У него нет глаз.

– Повторите, повторите...

– Ему выкололи глаза.

Шульбе:

– Глаза?

Тиг:

– Зачем?

Пауза. Затем заговорила база:

– ...гие объекты. «Эхо Танго-один», вы слышите?

Макдэниелс, голосом автомата:

– Вижу еще неизвестные объекты. Пять теплых объектов. Передвигаются на ногах. Приближаются к вам.

Бранч почти не слышал.

Рамада спотыкался, словно ему мешали лазерные лучи. И Бранч понял. Рамада попытался убежать через лес. Но его вернули не сербы. Его не пропустил лес.

– Звери, – пробормотал Бранч.

– Повторите, майор!

Дикие звери. На пороге двадцать первого века штурмана Рамаду только что загрызли дикие звери.

Война превратила многих домашних животных в диких. Звери из цирков и зоопарков оказались в лесах и одичали. Бранча не удивило, что они оказались здесь. Заброшенная шахта – отличное убежище. Но какие животные могли лишиться Рамаду глаз? Вороны могли, но не ночью. Бранчу не доводилось слышать о таком. Совы? Однако Рамада жив, он бы их к себе не подпустил.

– «Эхо Танго-один»...

– Бобби, – позвал Бранч.

Рамада повернулся на свое имя и даже открыл рот, чтобы отозваться. Но рот его изверг лишь кровь, а не звуки. Языка тоже не было. Только теперь Бранч увидел его руку. С левой руки ниже локтя было содрано все мясо. Осталась голая кость. Ослепленный штурман о чем-то молил своего спасителя, однако тот слышал только мычание.

– «Эхо Танго-один», сообщаю вам...

Бранч сбросил шлем, и тот повис на проводе снаружи машины. Макдэниелсу, мастер-сержанту Джефферсон и Кристи Чемберс придется подождать. Милосердие превыше всего. Если Рамаде не помочь, он так и будет блуждать в лесу. Упадет в могилу, или его разорвут хищные звери.

Собрав всю свою силу уроженца гор, Бранч подтянулся и оттолкнулся от вертолета. Шагнул к штурману.

– Все будет хорошо, – сказал он своему другу. – Можешь подойти поближе?

Рамада уже почти лишился рассудка. Но отреагировал. Он повернулся к Бранчу. К руке майора потянулась голая кость. Бранч отшатнулся, но обхватил здоровой рукой Рамаду за пояс и попытался его поднять. Оба свалились под разбитую машину.

Ужасное состояние Рамады принесло Бранчу своего рода облегчение. Все познается в сравнении. Теперь он видел раны гораздо худшие, чем его собственные. Он положил Рамаду к себе на колени и стал вытирать с его лица кровь и грязь.

Придерживая Рамаду, Бранч прислушивался к рации в болтающемся шлеме.

– «...дин... Эхо Танго-один»... – неслоь оттуда заклинание.

Бранч сидел в грязи, прислонившись спиной к вертолету, и обнимал своего павшего ангела. «Матерь Божья, скорбящая». Руки и ноги штурмана, к счастью, обмякли. В тишине совсем близко раздался голос Джефферсон:

– Майор! Вы в опасности. Вы слышите?

– Бранч! – В голосе Макдэниелса звучали отчаяние, усталость и злость. – Они идут к вам. Если вы меня слышите, найдите какое-нибудь укрытие. Вам нужно спрятаться.

Ничего они не понимают. Теперь уже все в порядке. Бранчу хотелось спать. Мак продолжал твердить:

– ...алось тридцать ярдов. Вы их видите?

Если бы Бранч мог дотянуться до шлема, он попросил бы их помолчать. Болтовня только зря беспокоила Рамаду. Штурман явно слышал. Чем больше они кричали, тем больше бедный Рамада стонал и выл.

– Тихо, Бобби. – Бранч гладил его по окровавленной голове.

– Двадцать ярдов. Они прямо перед вами. Вы их видите, майор? Вы меня слышите?

Бранч не сердился на Макдэниелса. Он щурился в азотистую пелену. Все равно что смотреть через стакан с водой. Видимость двадцать футов, даже не ярдов, а дальше лес – покоробленный и призрачный. У Бранча заболела голова. Майор почти сдался, но тут заметил движение.

Что-то шевельнулось сбоку. Что-то бледное в проявившейся глубине леса. Бранч повернул голову, но видение уже исчезло.

– Они расходятся. Обходят вас с боков. Если вы слышите, попытайтесь уйти. Повторяю – уходите, спасайтесь.

Рамада по-идиотски хрюкнул. Бранч попытался его успокоить, но штурман впал в панику. Он оттолкнул руку Бранча и дико вопил в сторону темного леса.

– Успокойся, – шептал Бранч.

– Вижу вас на инфракрасном экране. Возможно, вы не в состоянии ходить. Так хоть спрячьтесь, черт побери, если слышите.

Сейчас Рамада выдаст их своей возней. Бранч огляделся и увидел, что рядом болтается его маска. Он взял ее и прижал к лицу Рамады. Это подействовало. Рамада перестал кричать. Он несколько раз глубоко вдохнул. Через секунду у него начались судороги.

Впоследствии люди не осуждали Бранча за смерть Рамады. Даже потом, когда коронеры дали заключение о смерти в результате несчастного случая, мало кто верил, что Бранч не хотел его убивать. Кое-кто считал, что Бранч поступил так из сострадания к изуродованному товарищу. Другие

говорили, что у Бранча сработал инстинкт самосохранения и у него не было выбора.

Рамада извивался в руках у командира. Он сорвал маску. Его вопль перешел в агонию.

– Все будет хорошо, – сказал Бранч и опять прижал маску к лицу штурмана.

Рамада весь выгнулся. Щеки надувались и опадали. Он вцепился в Бранча. Бранч не сдавался – прижимал маску к лицу Рамады, словно там был морфий. Постепенно Рамада перестал бороться. Бранч не сомневался, что тот уснул.

По обшивке «Апача» стучал дождь.

Рамада обмяк.

Бранч услышал шаги. Потом шаги прекратились. Он поднял маску. Рамада был мертв. В ужасе Бранч нащупывал его пульс. Он встряхнул тело, которое больше не испытывало боли.

– Что я сделал? – громко спросил Бранч. И стал опять трясти штурмана.

Из рации неслись разные голоса:

– ...укрытие... окружены...

– ...прицел... готовы...

– Майор, простите меня... по моей команде...

Мастер-сержант Джефферсон тем временем произносила:

– Во имя Отца, и Сына...

Опять слышались шаги, слишком быстрые и тяжелые для человека.

Бранч едва успел поднять голову. Азотистая завеса раздвинулась. Оказалось, он ошибался. То, что появилось из миража, не походило ни на каких земных тварей. Но Бранч узнал их.

– Боже! – прошептал он, широко раскрыв глаза.

– Огонь! – приказал Мак.

Бранч повидал разные сражения, но такого не видел. Это была не битва, а светопреставление.

Капли дождя превратились в куски металла. Тридцатимиллиметровки вспахивали землю, раскидывая опавшие листья, грибы, корни. Словно стены разрушаемого замка, падали деревья. Врага буквально размазали.

Вертолеты висели в километре от Бранча, и первые несколько секунд ему казалось, что мир в полной тишине вывернулся наизнанку. Земля вскипела от пуль. Затем обрушился грохот ракет. Темнота сгорела дотла. Свет такой, что человеку не пережить.

И длилось это вечность.

Когда Бранча нашли, он так и сидел, прислонившись к вертолету и обнимая своего штурмана. Обшивка вертолета покоробилась и почернела – до нее нельзя было дотронуться. За спиной Бранча на обшивке остался его силуэт. Чистый металл, который он защитил своим телом и духом.

Эти события изменили Бранча навсегда.

*И потому нам необходимо усердно бдеть, дабы
разоблачить его...*

опасайтесь его, дабы не прельстил он нас.

*Рудольф Уолтер. Антихрист, или Правдивый
рассказ..., 1576*

**Ява
1998**

Это был ужин любовников. Малину собрали на верхних склонах вулкана Мерапи, возвышающегося под лунным серпом и покрытого буйной растительностью. И не скажешь, что этот слепой старик собрался умирать, с таким аппетитом он уплетал ягоды. Разумеется, никакого сахара или сливок. Стоило видеть радость де л'Орме. Сантос перекладывал ему из своей тарелки ягоду за ягодой.

Де л'Орме вдруг перестал есть и повернул голову:

– Вот и он.

Сантос ничего не слышал, но вытер пальцы салфеткой.

– Я сейчас. – Молодой человек быстро поднялся и открыл дверь.

За порогом была ночь. Когда отключили электричество, он велел поставить вдоль дорожки горящие жаровни. Никого не видя, Сантос решил, что острый слух де л'Орме на этот раз его подвел. И тут увидел гостя.

Тот стоял в темноте на одном колене и листьями вытирал с черных туфель грязь. У него были большие руки каменщика. Волосы седые.

– Пожалуйста, входите. Позвольте вам помочь, – пригласил Сантос, но руки гостю не протянул.

Старый иезуит замечал такие вещи: слова – словами, а дела – делами. Он прекратил оттирать грязь:

– Ладно, сегодня все равно уже никуда не пойду.

– Оставьте обувь здесь, – потребовал Сантос и тут же попытался изобразить услужливость: – Я разбужу мальчика, пусть почистит.

Иезуит молчал, словно обдумывая это предложение. Молодому человеку стало совсем неловко.

– Он старательный парень.

– Как хотите, – сказал иезуит.

Потянул шнурок, и он со щелчком развязался. Гость развязал другой ботинок и поднялся.

Сантос отступил. Он не ожидал, что гость окажется таким высоким, костлявым и крепким. Угловатый, с боксерской челюстью, иезуит напоминал корабль, предназначенный для долгих и трудных путешествий.

– Томас! – Де л'Орме стоял в слабом свете керосиновой лампы. Его глаза были скрыты за черными очками. – Ты опоздал. Я уж подумал, тебя леопарды съели. Пришлось нам ужинать без тебя.

Томас приблизился к столу со скромным угощением, состоящим из овощей и фруктов, и увидел косточки: жареный голубь, любимое местное блюдо.

– Такси сломалось, – пояснил он, – а пешком получилось дольше, чем я думал.

– Ты, наверное, еле живой. Я ведь хотел послать за тобой Сантоса, но ты сказал, что хорошо знаешь Яву.

Свечи, стоящие на подоконнике позади лысой головы де л'Орме, создавали ему желтый нимб. За окном раздался негромкий быстрый шум, как будто в стекло бросили несколько монеток. Придвинувшись, Томас увидел гигантскую моль и похожих на палочки насекомых, яростно рвущихся к свету.

– Немало прошло времени, – сказал Томас.

– Очень много, – улыбнулся де л'Орме. – Сколько лет? Но теперь мы вместе.

Томас огляделся. Для деревенского *pastoran* – как здесь называлось жилище священника – гостевая комната была слишком большой, даже учитывая, насколько де л'Орме важная птица. Наверное, убрали одну стену, чтобы у старика было больше места для работы. С удивлением иезуит заметил карты, приборы, книги. Кроме полированного секретера в колониальном стиле, заваленного бумагами, обстановка была совершенно не во вкусе де л'Орме.

Характерное нагромождение храмовых статуй, окаменелостей и предметов, которыми любят украшать свои дома археологи. И все же за вещами стояло нечто, объединяющее случайные фрагменты и находки, некий единый принцип, стремление подчеркнуть гений де л'Орме и особо выделить область его работы. Сам де л'Орме не то чтобы любил держаться в тени, но он не стал бы занимать целую полку своими стихами и двухтомником мемуаров и еще одну – монографиями по народной медицине, палеотелеологии, ботанике, сравнительному религиоведению и

так далее. И уж точно не поставил бы, точно святыню, на самом видном месте свою печально известную книгу «Материя сердца», написанную в поддержку «Сердца материи» Тейяра де Шардена.

По требованию Папы Шарден покаялся и тем самым загубил свою репутацию в глазах ученых собратьев. Де л'Орме не покаялся, вынудив Папу отлучить блудного сына, выгнать его за порог. Объяснение подобной выставке работ могло быть только одно: молодой возлюбленный. Де л'Орме, возможно, и не знает, что книги стоят на виду.

– Уж конечно, я бы нашел тебя, еретика среди священников, – поддразнил Томас старого друга. Он махнул рукой в сторону Сантоса. – Да еще во грехе. Или он из наших?

– Видишь, – со смехом сказал де л'Орме Сантосу, – говорил, простой, как чугунная болванка. Только пусть тебя это не обманывает.

Но Сантос не смягчился:

– Из «ваших»? Каких «ваших»? Нет, конечно. Я занимаюсь наукой.

«Итак, – подумал Томас, – наш гордый паренек – не очередная собачка-поводырь. Де л'Орме решил завести протезе». Томас присматривался к молодому человеку, и второе впечатление оказалось несколько лучше первого. Длинные волосы, эспаньолка. Белая крестьянская рубашка. Грязи под ногтями не было.

Де л'Орме продолжал посмеиваться.

– Так ведь Томас тоже занимается наукой, – поддразнил он молодого ученого.

– Это вы так считаете, – не остался в долгу Сантос.

Улыбка де л'Орме угасла.

– Да, считаю, – подтвердил археолог. – Он прекрасный ученый, опытный, состоявшийся. Ватикану с ним повезло. Томас – посредник между наукой и религией, а в наше время религии только наука и придает убедительность.

Расхожее заблуждение, будто священник не может быть мыслителем, сильно задевало де л'Орме. Бросая вызов Церкви и отрекаясь от сана, он в каком-то смысле вынашивал собственную Церковь. И сейчас говорил о своей личной трагедии.

Сантос повернул голову в профиль. Казалось, модная эспаньолка украшает подбородок работы Микеланджело. Как и прочие приобретения де л'Орме, молодой человек был настолько совершенен телесно, что впору было усомниться в слепоте слепого. Возможно, подумал Томас, красота сама по себе духовна.

Вдалеке играл гамелан – индонезийский народный оркестр. Говорят,

чтобы научиться понимать загадочную пентатонику этой удивительной музыки, нужна целая жизнь. Томасу она никогда не казалась успокаивающей и теперь словно добавила неловкости. Ява не такое место, где запросто забегают на огонек.

– Простите меня, – сказал он, – у меня очень плотный график. Я должен вылететь из Джакарты завтра в пять вечера. Значит, на рассвете мне нужно быть в Джокья. А я из-за опоздания и так уйму времени потерял.

– Что ж, у нас вся ночь впереди, – проворчал де л'Орме. – Вообще, могли бы дать двум старикам побольше времени.

– Нужно еще выпить вот это. – Томас открыл ранец. – Только быстро. Де л'Орме даже захлопал в ладоши.

– Мое любимое шардоне шестьдесят второго года? – спросил он, хотя и так знал. – Впрочем, что же еще. Сантос, давай штопор. Сейчас попробуешь. И неси gudeg для нашего бродяги. Это такое местное блюдо, Томас. Плоды хлебного дерева, цыпленок и соевый творог – все тушится в кокосовом молочке...

Сантос со страдальческим видом отправился за штопором и едой. Де л'Орме нежно баюкал две бутылки – всего Томас достал три.

– Атланта?

– Центр контроля заболеваний, – уточнил Томас. – В районе Горна нашли новые штаммы вируса.

Следующий час двое стариков сидели за столом (Сантос подавал еду) и обсуждали «недавние» события. На самом деле они не виделись семнадцать лет. Наконец речь зашла об их теперешней работе.

– Странно, что ты тут начал раскопки, – сказал Томас.

Сантос сидел справа от де л'Орме, облокотившись локтями о стол. Весь вечер молодой человек ждал этого момента.

– Тоже мне, раскопки, – заметил он. – Террористы подбросили бомбу, а мы всего лишь прохожие, которые смотрят на чужие открытые раны.

Томас пропустил его слова мимо ушей.

– Боробудур^[7] теперь закрыт для археологов. Нижние ярусы, под холмом, вообще запрещено трогать. ЮНЕСКО не разрешает что-либо раскапывать или разбирать. Правительство Индонезии запретило проведение любых археологических работ. Никаких раскопок, никаких поисков.

– Простите, но мы ничего не раскапываем. Взорвалась бомба, и мы просто заглядываем в воронку.

Де л'Орме попытался их утихомирить:

– Некоторые считают, что это работа мусульман-фундаменталистов, но

я думаю, дело более давнее. Переселенцы. Демографическая политика правительства. Она крайне непопулярна. Правительство насильно перемещает людей с перенаселенных островов на менее населенные. Настоящая тирания.

Но Томас не дал себя сбить:

– Такого от тебя никто не ожидал. Ты нарушаешь правила. Из-за тебя все прочие исследования станут невозможны.

Сантос тоже не сдавался:

– Мсье Томас, разве не Церковь убедила ЮНЕСКО и правительство запретить раскопки? И разве не вашей лично задачей было проследить, чтобы ЮНЕСКО прекратило даже все работы по реставрации?

Де л'Орме невинно улыбнулся, словно удивляясь, что его приятелю известны такие факты.

– В ваших словах лишь половина правды, – сказал Томас.

– Но ведь распоряжения шли от вас?

– Через меня. А реставрационные работы довели до конца.

– Реставрационные – возможно, а вот исследовательские – нет. Здесь найдены следы восьми великих цивилизаций. А за последние две недели мы нашли следы еще двух.

– В любом случае, – сказал Томас, – я прибыл с целью остановить раскопки. С сегодняшнего дня все кончено.

Сантос шлепнул ладонью по столу.

– Безобразие! Скажите же что-нибудь! – повернулся он к де л'Орме.

В ответ раздался почти шепот:

– *Perinde ac cadaver.*

– Что?

– «Как труп», – пояснил де л'Орме. – Правило повиновения ордена иезуитов. «Я принадлежу не себе, но Ему, создавшему меня, и тому, кто для меня Его представляет. Я послушен, как труп, не имеющий ни воли, ни желаний».

Молодой человек побледнел.

– Это правда? – спросил он.

– О да, – подтвердил де л'Орме.

«Труп» многое объяснял. Томас видел, как Сантос сочувственно смотрел на де л'Орме, потрясенный моральными законами, которыми был когда-то связан его слепой наставник.

– Нет, – произнес наконец Сантос. – Это не для нас.

– Вот как?

– Мы требуем свободы взглядов. Полной. Слепое подчинение не для

нас.

Сантос сказал «для нас», а не «для меня». Томас начал проникаться к молодому человеку симпатией.

– Но кто-то пригласил меня, чтобы я увидел изображение, вырезанное в камне, – сказал Томас. – Разве это не послушание?

– Уверяю тебя, это не Сантос, – улыбнулся де л'Орме. – Нет, он часами спорил, не хотел тебе сообщать. Даже угрожать мне стал, когда я послал тебе факс.

– А почему?

– Потому что изображение естественное, – объяснил Сантос. – А вы постараетесь объяснить его происхождение сверхъестественным путем.

– Лицо Зла? – спросил Томас. – Так написал де л'Орме. А естественное оно или нет – я не знаю.

– Это не настоящее лицо. Просто какой-то образ. Кошмар скульптора.

– А если лицо все же настоящее? Знакомое нам по произведениям из других мест? С какой стати оно непременно ненастоящее?

– Знаете, – начал Сантос, – сколько бы вы ни играли словами, суть не меняется, вы все равно прибыли с определенной целью. Посмотреть в глаза дьяволу. Даже если это глаза человека.

– Человека или демона – я сам решу. Такая у меня работа. Собрать все, что записано человеком, и сложить стройную картину. Сверить доказательства. Вы его сфотографировали?

Сантос умолк.

– Два раза, – ответил де л'Орме. – Но первые карточки промокли и испортились. А во второй раз получились слишком темные – ничего не видно. У видеокамеры сел аккумулятор, а электричества у нас нет уже несколько дней.

– Тогда, может, слепок? Изображение ведь достаточно рельефное?

– Не успели. У ямы то осыпаются края, то поднимается вода. Это же не археологический раскоп. Да еще сезон дождей начался – настоящая напасть!

– То есть у вас нет ни одного изображения? За три недели?

Сантос, казалось, смутился. Де л'Орме поспешил на выручку:

– Завтра будет сколько угодно. Сантос поклялся, что не поднимется наверх, пока его не запечатлеет. А потом пусть яму засыпают.

Томас пожал плечами перед лицом неизбежного. Не его дело останавливать де л'Орме и Сантоса. Археологи еще не знали, что вступили в гонки не только со временем. Завтра сюда явятся солдаты индонезийской армии, и таинственная каменная колонна будет засыпана тоннами

вулканического пепла. «Хорошо, что меня здесь уже не будет», – думал Томас. Ему не хотелось смотреть, как слепой борется со штыками.

Был почти час ночи. Где-то над вулканами плыла музыка, обволакивая сладким соблазном луну и океан. Томас сказал:

– Мне бы хотелось самому посмотреть.

– Что, сейчас? – удивился Сантос.

– Я так и думал, – признался де л'Орме. – Он ведь проехал девять тысяч миль, чтобы на это взглянуть. Пойдем.

– Хорошо, – согласился Сантос, – я его отвезу. А тебе, Бернард, пора отдыхать.

Томас увидел нежность в его глазах и в какой-то миг почти позавидовал.

– Глупости, – заявил де л'Орме. – Я тоже пойду.

Они шли по тропе, под старыми зонтами с бамбуковыми рукоятками, и светили карманными фонариками. Воздух был до предела насыщен влагой. Казалось, небеса вот-вот разверзнутся и начнется потоп. Дожди на Яве трудно назвать дождями. Они скорее напоминают извержение вулкана, причем регулярное, как часовой механизм, и сокрушительное, как гнев Господень.

– Томас, – сказал де л'Орме, – найденное изображение древнее чего бы то ни было. Оно очень старое. Сделано во времена, когда люди еще лазили по деревьям, пытались добыть огонь, делали наскальные рисунки. Именно это меня пугает. Те, кто его создал, не имели орудий, чтобы высекать каменные столбы и тем более наносить на них изображения. Или создавать портреты и возводить колонны. Оно просто не может существовать.

Томас размышлял. Мало где на земле найдешь такие древности, как на Яве. Яванский человек – питекантроп, называемый также *homo erectus*, человек прямоходящий – найден лишь в нескольких километрах отсюда, у деревни Тринил, на реке Соло. Четверть миллиона лет предки человека пробовали плоды с этих деревьев. А также убивали и поедали друг друга. Состояние останков сомнений не вызывает.

– Ты писал, что там много других изображений.

– Разные чудища, – сказал де л'Орме. – Туда мы тебя и ведем. К цоколю колонны «С».

– А может, это автопортрет? Вероятно, речь идет о гоминидах, и умели они гораздо больше, чем принято думать.

– Возможно, – согласился археолог. – Но есть еще и то лицо.

Именно из-за этого лица Томас и забрался в такую даль.

– Ты писал, что оно ужасное.

– Как раз само лицо вовсе не ужасное. Дело в другом. Обычное человеческое лицо.

– Человеческое?

– Ничуть не хуже твоего или моего. – Томас пристально смотрел на слепого, а де л'Орме продолжал: – Ужасны изображения рядом с ним. Это обычное лицо взирает на сцены чудовищной дикости и жестокости.

– И что?

– И все. Просто смотрит. Причем явно без всякого отвращения. Скорее с удовлетворением. Я осязал изображение – оно отвратительно даже на ощупь. Такое соседство нормального и ужасного совершенно непостижимо. И в то же время так банально, так прозаично. Это-то и ставит в тупик. И не соответствует историческому периоду. Никакому.

Из отдаленных деревень доносился стук барабанов и грохот фейерверков. Как раз вчера кончился Рамадан – мусульманский пост. Среди горных вершин скользил молодой месяц. У людей сейчас праздник. В деревнях никто не уснет до рассвета – люди будут смотреть представления ваянг-пурво – театра, в котором на белом холсте живут, любят и сражаются тени бумажных кукол. К восходу добро победит, свет восторжествует над тьмой, как и положено в сказках.

В свете месяца одна из гор по мере приближения изменилась и приобрела очертания Боробудура – земного воплощения священной горы Меру, центра вселенной. Похороненный тысячу лет назад извержением Мерапи, Боробудур был в определенном смысле и дворцом смерти, и пирамидой-святилищем Юго-Восточной Азии.

Чтобы проникнуть внутрь, нужно заплатить смертью, пусть даже символической. Вход представляет собой пасть свирепого кровожадного чудовища – богини Кали. Оттуда вы попадаете в какой-то потусторонний лабиринт. Всю дорогу вас сопровождает каменное повествование о буддизме – десять тысяч квадратных метров каменной стены, испещренной резьбой. История, которую рассказывают рисунки, не уступает Дантовым Аду и Раю. В самом начале, внизу, изображены погрязшие в грехах люди, подвергаемые ужасным наказаниям – их истязают демоны ада. К тому времени, как вы, пройдя пять километров, поднимаетесь на украшенную ступами террасу, Будда приводит человечество к просветлению. Но сегодня ночью подниматься некогда. Уже почти половина второго.

– Прам? – позвал Сантос куда-то в темноту. – Салам алейкум!

Томас знал, что это означает «мир тебе». Однако никто не ответил.

– Прам – охранник, которого я нанял сторожить, – пояснил де л'Орме. – Он был раньше партизаном. Сами понимаете, он немолод. И

наверное, пьян.

– Странно, – удивился Сантос. – Побудьте здесь, – и, пройдя вперед, скрылся из виду.

– Из-за чего такая трагедия? – любопытствовал Томас.

– Ты про Сантоса? Он старается как лучше. Хочет произвести на тебя хорошее впечатление. Ты его смущаешь. Вот ему и остается только бравировать.

Де л'Орме положил руку Томасу на плечо:

– Пойдем?

И друзья продолжили путь. Заблудиться они не могли – впереди призрачной змейкой вилась дорожка. К северу резной горой высился Боробудур.

– И куда ты отсюда отправишься? – спросил Томас.

– На Суматру. Нашел я себе остров. Говорят, это такое место, где могут встретиться Синдбад-мореход и Пятнадцатилетний капитан. Там, среди аборигенов, я чувствую себя счастливым, а Сантос обнаружил в джунглях развалины четвертого века и постоянно там возится.

– Арак?

Де л'Орме, вопреки своему обычаю, даже не отпустил шутку.

Сантос вернулся бегом, неся в руке старый японский карабин. Молодой человек был весь в грязи и запыхался.

– Ушел, – сообщил он. – И бросил оружие прямо в грязи. Но сначала расстрелял все патроны.

– Похоже, отправился повеселиться с внуками, – сказал де л'Орме.

– Не уверен.

– Не тигры же его съели.

Сантос опустил ствол.

– Нет, конечно.

– Если считаешь, что так будет надежнее, заряди карабин, – предложил де л'Орме.

– У меня нет патронов.

– Тогда мне даже спокойнее. Пойдем.

Рядом с пастью Кали, у основания сооружения, они свернули с дорожки направо и миновали небольшой навес из банановых листьев, где, по-видимому, и отсыпался Прам.

– Видите? – спросил Сантос.

Грязь была истоптана, словно тут дрались.

Томас разглядел яму. Она походила на арену сражения. Под землю уходила дыра, вокруг торчали корни деревьев и лежали кучи земли. Сбоку

примостились каменные плиты, похожие на крышки от люка. О них де л'Орме тоже писал.

– Ну и месиво, – сказал Томас. – Вы тут сражались с самими джунглями.

– Вообще-то мне хочется поскорее с этим покончить, – пробормотал Сантос.

– Изображения там, внизу?

– На глубине десяти метров.

– Так можно мне спуститься?

– Конечно.

Томас начал осторожно спускаться по бамбуковой лестнице. Перекладины были скользкие, а его обувь никак не годилась для лазанья.

– Поосторожнее там! – крикнул сверху де л'Орме.

– Я уже внизу.

Томас поднял голову. Казалось, он смотрит вверх из глубокой могилы. Под бамбуковым настилом хлюпала жидкая грязь, размокшие стены с бамбуковыми подпорками могли обвалиться в любой момент.

Следующим полез де л'Орме. Много лет ему приходилось спускаться и подниматься по лесам археологических раскопов. Под его легким весом лестница почти не дрожала.

– Ты по-прежнему лазаешь, как обезьяна, – позавидовал Томас.

– Сила тяжести помогает, – усмехнулся де л'Орме. – Подожди, посмотришь, как я буду карабкаться обратно.

Он запрокинул голову.

– Все в порядке, – крикнул он Сантосу, – лестница свободна! Можешь спускаться.

– Сейчас, я только осмотрюсь.

– Так что ты думаешь? – спросил де л'Орме у Томаса, не зная, стоит ли тот еще рядом или нет. Томасу требовался фонарь помощнее, чем тот, которым пользовался Сантос. Он достал из кармана свой собственный и включил.

Колонна была сложена из вулканического камня и для джунглей сохранилась на удивление хорошо.

– Чистая, очень чистая, – сказал иезуит. – Можно подумать, она стояла в пустыне.

– Sans peur et sans reproche, – произнес де л'Орме. – «Без страха и упрёка». Никаких изъянов.

По профессиональной привычке Томас сперва оценил материал, затем содержание. Он посветил фонарем на край изображения – детали были

четкими, камень несколько не разрушился. Должно быть, сооружение оказалось погребено, не простояв на воздухе и ста лет.

Де л'Орме протянул руку и положил ладонь на колонну, пытаясь сориентироваться. Слепой знал все на ощупь и теперь хотел что-то найти. Томас светил на тонкие пальцы.

– Прости меня, Ричард, – произнес де л'Орме, обращаясь к стене, и Томас увидел монстра около четырех дюймов в высоту.

Тот протягивал вверх собственные внутренности, словно предлагая их кому-то в жертву. Кровь текла с рук на землю, из которой прорастал цветок.

– «Ричард»?

– Да, я всем дал имена, – сказал де л'Орме.

Ричард был одним из многих. Колонна так пестрела изображениями пыток и увечий, что неискушенный глаз не смог бы разделить один сюжет от другого.

– А вот Сюзанна. Она потеряла своих детей, – представил де л'Орме женщину, держащую в обеих руках по мертвому ребенку. – А вот три джентльмена, я их называю мушкетерами. Один за всех и все за одного. – И он указал на тройку пожирающих друг друга уродов.

Тут было нечто худшее, чем извращение. Казалось, тут представлены все виды страдания. У существ было по две ноги и отстоящий большой палец, на телах – звериные шкуры, на головах – рога.

В остальном они не отличались от бабуинов.

– Интуиция тебя не подвела, – сказал де л'Орме. – Вначале я думал, что здесь изображены врожденные уродства или мутации. Но теперь я думаю, а может, это какие-то ныне вымершие гоминиды?

– А что, если тут запечатлены чьи-то психополовые фантазии? – предположил Томас. – Например, ночные кошмары человека, чье лицо ты описывал?

– Неплохо бы, если так, – заметил де л'Орме. – Но не думаю. Предположим, наш мастер-ваятель захотел выразить свое подсознание. Пусть фигуры – из его кошмаров. Однако здесь поработала не одна рука. Чтобы вырезать эту и остальные колонны, понадобилось бы не одно поколение ремесленников. Другие мастера добавили бы свои собственные мысли или чувства. Здесь были бы сцены охоты, или земледелия, или придворной жизни, или изображения богов. Ведь верно? А мы видим исключительно одни истязания.

– Но не думаешь же ты, что это изображение реальной жизни?

– Именно что думаю. Такую реалистичность и безнадежность не выдумать.

Де л'Орме водил руками посередине колонны.

– А вот и само лицо, – сообщил он. – Лицо человека, который не спит, не погружен в размышления, который в полном сознании.

– Так где же лицо? – поторопил его Томас.

– Вот, смотри.

Де л'Орме эффектным жестом погладил середину колонны на уровне глаз. Но ладонь коснулась голого камня, и лицо его замерло. Казалось, де л'Орме потерял равновесие, как человек, который нагнулся слишком далеко вперед.

– Что? – спросил Томас.

Де л'Орме поднял руку – под ней ничего не было.

– Как же так?! – закричал он.

– Что такое? – переспросил Томас.

– Лицо. Вот это место. Оно находилось вот здесь. Его кто-то стер!

Под пальцами де л'Орме был вырезан круг. По краям виднелись остатки волос, внизу – шея.

– Лицо было здесь? – уточнил Томас.

– Кто-то его уничтожил!

Томас рассмотрел соседние изображения:

– А все остальное оставил? Но почему?

– Какая подлость! – простонал де л'Орме. – А у нас ни одного снимка. Как такое случилось? Сантос был тут вчера весь день. А потом дежурил Прам, пока... пока не ушел, черт его побери.

– Может, это Прам?

– Прам? Зачем ему?

– А кто еще знал?

– Хороший вопрос.

– Бернард, – сказал Томас, – все очень серьезно. Похоже, кто-то хотел, чтобы именно я не увидел лица.

Его замечание озадачило де л'Орме.

– Это уж слишком. Уничтожить изображение только ради того...

– Моими глазами смотрит Церковь, – напомнил Томас. – А теперь она никогда не узнает, что тут было.

Де л'Орме в растерянности припал лицом к стене.

– Это случилось несколько часов назад, не больше, – сообщил он. – Все еще пахнет каменной пылью.

Томас изучал камень.

– Любопытно, – заметил он. – Следов инструментов не видно. А борозды похожи на следы звериных когтей.

- Ерунда. Разве животное могло такое сделать?
  - Согласен. Видимо, тут действовали ножом или шилом.
  - Это преступление! – кипятился де л'Орме.
- Сверху на собеседников упал луч света.
- Вы все еще тут, – сказал Сантос.

Томас поднял руку, заслоняя глаза от света. Сантос светил прямо на него. Томас почувствовал себя оцепеневшим и беззащитным. Мальчишка! Иезуита злило такое неуважение. А де л'Орме, конечно, и не подозревает о его тихой провокации.

- Что ты делаешь? – резко спросил Томас.
- Да, – присоединился де л'Орме. – Пока ты там ходил, мы обнаружили ужасную вещь.

Сантос отвел фонарик в сторону:

- Я услышал шум и подумал, что это Прам.
- Забудь ты про него. Тут произошла настоящая диверсия: кто-то уничтожил лицо.

Сантос поспешно спустился, путаясь ногами в лестнице, которая ходила под ним ходуном. Томас чуть отступил, давая юноше пройти.

- Грабители! – завопил Сантос. – Храмовые воры! Черные археологи!
- Возьми себя в руки, – потребовал де л'Орме. – При чем тут это?
- Я так и знал, что Праму доверять нельзя! – бушевал Сантос.
- Прам не виноват, – сказал Томас.
- Откуда вы знаете?

Томас посветил в угол за колонной.

- Я, конечно, могу только предполагать. Возможно, это и не он здесь лежит. Узнать трудно, тем более я Прама никогда не видел.

Сантос рванулся вперед и посветил в угол.

- Прам! – И его тут же вырвало в грязь.

Прам выглядел так, словно по нему проехал тяжелый каток. Он находился между двумя колоннами, в проеме шириной не более шести дюймов. Чтобы затолкать человека в такую щель, переломав ему все кости, расплющив череп, нужна была поистине невероятная сила.

Томас перекрестился.

В гнев мы приходим легко, племя людское.

Гомер. Одиссея

Форт Райли, штат Канзас

1999

Здесь, на обширных равнинах, летом пересыхающих, в декабре бороздимых ветрами, Элиаса Бранча всегда считали настоящим воином. Сюда он и вернулся – ходячая загадка – мертвый, хоть и не погибший. Тщательно скрываемый пациент седьмого корпуса превратился в легенду.

Шли месяцы. Наступило Рождество. Здоровяки-рейнджеры пили в офицерском клубе за невиданную стойкость майора. Настоящий молот Божий. Наш человек! Кое-какие слухи о том, что с ним случилось, просочились наружу – про людоедов с женскими грудями. Никто, конечно, этому не верил.

Однажды среди ночи Бранч сумел выбраться из постели. Зеркал нигде не было. На следующее утро все увидели ведущие к окну кровавые следы и поняли, что искал майор и что именно он увидел через закрывающую окно решетку: первый снег.

Тополя окутались зеленой дымкой. Потом начались каникулы. Десятилетние офицерские отпрыски, спешившие мимо госпиталя купаться и рыбачить, косились на седьмой корпус, окруженный колючей проволокой. Только страшилку они рассказывали с точностью до наоборот: ведь на самом деле доктора пытались расколдовать монстра.

С Бранчем ничего нельзя было поделать. Пересадка кожи спасла ему жизнь, но не внешность. Когда все зажило, среди шрамов от ожогов он не мог отыскать следы осколочных ранений. Собственное тело с трудом признавало, что выздоравливает.

Кости зажили так быстро, что врачи даже не успели их вправить. Ожоги зарубцевались с такой скоростью, что шовный материал и пластиковые трубки буквально вросли в тело. В костях и органах остались куски металла. Все тело превратилось в сплошной рубец.

То, что Бранч выжил, а затем так изменился, поставило врачей в тупик. Они обсуждали при нем его состояние, словно он – подопытный образец,

эксперимент с которым вдруг не заладился. Новообразования в организме походили на рак, но онкологическим заболеванием нельзя объяснить уплотнение суставов, патологическую мышечную массу, неравномерное распределение кожного пигмента, странные костистые рубцы на пальцевых суставах. На черепе появились кальциевые выросты. Суточный цикл колебался. Сердце увеличилось. Число красных кровяных клеток в два раза превышало норму.

Свет – даже лунный – был для него мукой. На глазах образовалась светоотражающая пленка, как у ночных животных, и глаза стали светиться в темноте. Науке известен только один высший примат, обладающий ночным видением, – ночная обезьяна дурукули. Бранч видел в темноте в три раза лучше, чем дурукули.

Он сделался в два раза сильнее среднего человека такого же веса. Вдвое выносливее молодых солдат, не достигших и половины его возраста. Он стал очень ловким и бегал как гепард. Непонятным образом майор превратился в суперсолдата – мечту любой армии.

Местные Гиппократы пытались свалить все на неправильную комбинацию стероидов, некачественные лекарственные препараты или врожденные дефекты. Кто-то предположил, что причина в остаточном действии нервных потрясений, пережитых во время военных событий. А один даже обвинил во всем Бранча – дескать, это результат самовнушения.

В каком-то смысле Бранч сделался врагом – ведь он наблюдал что-то непопущенное. Его не понимали, а значит, он представлял внутреннюю угрозу. И не только потому, что все предпочитали рациональность. С той ночи в боснийских лесах Бранч стал для всех олицетворением хаоса.

С ним постоянно работали психиатры. Посмеиваясь над его рассказами о чудовищах с женской грудью, восставших из боснийских захоронений, медики терпеливо объясняли Бранчу, что во время обстрела он получил серьезную психическую травму. Один врач заявил, что галлюцинация Бранча – совокупный результат многих факторов: детских страхов перед ядерной войной, фильмов-ужасов, боевых действий, в которых Бранч принимал непосредственное участие. В общем, стандартный американский набор для ночного кошмара. Другой доктор приводил истории о «лесных людях» в средневековых легендах и высказал предположение, что Бранч проецирует эти истории на реальную жизнь.

Наконец Бранч понял: от него ждущ отсечения. И любезно уступил. Да, заявил он, это просто болезненное воображение. Помутнение рассудка. В Z-4 ничего подобного не происходило. Но в его искренность никто не поверил.

Однако не все столь усердно изучали пациента. Один непутевый

терапевт по имени Клиффорд настаивал прежде всего на лечении. Вопреки желанию исследователей он лечил Бранча кислородом, облучал ультрафиолетовыми лучами. В конце концов состояние Бранча улучшилось. Обмен веществ и физическая сила приблизились к нормальным показателям. Кальциевые выросты на черепе атрофировались. Сознание пришло в норму. Он мог видеть при свете. Правда, выглядел Бранч ужасающе. С его шрамами ничего нельзя было сделать, как и с ночными кошмарами. И все же ему стало лучше.

Прошло одиннадцать месяцев, и однажды утром Бранчу, жестоко страдающему от света и свежего воздуха, приказали собираться. Он уезжал. Его могли бы уволить в запас, но стране ни к чему, чтобы по улицам бродили психи со шрамами и боевыми наградами. И его отправили обратно в Боснию – там он хоть будет под присмотром.

Босния изменилась. Подразделение, в котором служил Бранч, давно перевели. От лагеря «Молли» остались одни воспоминания. На базе под Тузлой никто не знал, что делать с пилотом, который больше не может летать, поэтому Бранчу выделили в подчинение несколько пехотинцев и предоставили его самому себе. Что ж, надеть камуфляжную форму и попробовать себя в новом качестве – не самая скверная участь. Получив свободу действий, сосланный майор отправился напрямик к Z-4 вместе со своим лихим взводом.

В подчинении у него оказались мальчишки, которые недавно занимались серфингом или слушали рок, шатались по улицам или по Интернету. В боях им бывать не доводилось. Когда Бранч заявил, что отправляется под землю, вызвались идти все восемь. Наконец-то – работа!

Z-4 пришло в норму, насколько может быть в норме массовое захоронение. Газов не было. Могилу разровняли бульдозером. Теперь там стоял надгробный камень с полумесяцем. Чтобы найти обломки вертолета, Бранчу пришлось потрудиться.

Захоронение окружали угольные шахты. Бранч наугад выбрал один из коридоров, и остальные последовали за ним. Позже их неподготовленная экспедиция получила известность как первое официальное расследование государственных вооруженных сил. Она стала началом того, что позже называли Спуском.

Оснащение у них было как у всех в то время – ручные фонари да мотки бечевки.

Шагая по старой шахтерской тропе, рейнджеры углубились в аккуратные туннели, укрепленные деревянными столбами и перекрытиями. Оружие держали наготове. Через два часа увидели пролом в стене. Судя по

обломкам камней, разбросанным по полу, кто-то прорубался оттуда, из скалы.

Следуя интуиции, Бранч повел рейнджеров в этот проход. Против всех ожиданий, он уходил вглубь. Его пробили явно не шахтеры. Это была древняя естественная трещина, уходящая вниз. Коридор местами был укреплен: узкие места расширили, кое-где поставили подпорки из камней. Некоторые искусственные арки грубой работы напоминали каменные постройки древних римлян. Кое-где до самой земли свешивались сталактиты.

Еще через час рейнджерам стали попадаться человеческие кости – тут, видимо, волочили тела убитых. Кое-где валялись обломки дешевых украшений и простенькие наручные часы. Грабители явно торопились. Казалось, тут пронесли дырявый мешок с подарками. Бранчу стало противно.

Солдаты шли дальше, светя фонарями в боковые ходы и ворча про опасность. Бранч велел им возвращаться, но они не захотели. В глубочайших коридорах открывались другие, уходящие вниз. За ними обнаруживались новые.

Люди понятия не имели, насколько глубоко зашли. Они чувствовали себя, как во чреве китовом. Им неведома была история блужданий человека в пещерах, неведом опыт изучения глубин. И в каменную утробу солдаты спустились не из любви к спелеологии. Это были обычные люди обычного времени, не снedaемые страстью взбираться на горные пики или бороздить в одиночку океаны. Никто не считал себя Колумбом, Магелланом, Куком или Галилеем, первооткрывателем новых земель, дорог или планет. Они вовсе не собирались сюда лезть. И все же открыли врата бездны.

Прошло еще два дня, и силы отряда истощились. Люди начали испытывать страх. Там, где коридор, продолжая уходить вниз, разветвлялся в сотый раз, они обнаружили отпечаток ноги. Похожей на человеческую, но не человеческой. Щелкнув его поляроидом, солдаты поскорее убрались.

Этот снимок вызвал настоящую паранойю, которая обычно приберегается на случай ядерных конфликтов или военной угрозы. Операцию Бранча немедленно засекретили. Был созван Совет национальной безопасности. На следующее утро под Брюсселем состоялась встреча командования НАТО. В условиях строжайшей секретности были приведены в готовность вооруженные силы десяти стран – и все, чтобы разобраться в кошмарах Бранча.

Майор предстал перед советом военачальников.

– Я не знаю, что это за существа, – сказал он, в который раз описывая

ту ночь в Боснии. – Но они питаются мертвечиной и сильно отличаются от нас.

Военачальники рассматривали снимок. На камне отпечаталась босая ступня, широкая и плоская, с отстоящим большим пальцем – как на человеческой руке.

– Майор, что за рога у вас на голове? – спросил один из генералов.

– Они называются остеофиты. – Бранч ткнул пальцем в голову. Майор походил на странный гибрид от случайного межвидового скрещивания. – Когда мы спустились, они снова начали расти.

Это подействовало на генералов сильнее, чем неведомая дыра в балканской земле.

К Бранчу вдруг стали относиться не как к испорченной вещи, а как к своего рода прорицателю. Его восстановили в командовании и предоставили самому выбирать маршрут, руководствуясь интуицией. Вместо восьми подчиненных у него теперь было восемьсот. Позже ему добавили еще людей. Восемьсот превратились в восемь тысяч, потом их стало даже больше.

Начав с угольных шахт у Z-4, разведывательные подразделения НАТО шли вглубь и вширь. Начала вырисовываться картина разветвленной сети коридоров под Европой на глубине тысяч метров. Сеть была весьма сложная. Можно спуститься в Италии и подняться в Словакии, или Испании, или Македонии, или на юге Франции. Притом главное направление коридоров сомнений не оставляло. Все пещеры, все ходы вели в глубину.

Секретность была строжайшей. Не обошлось без несчастных случаев, в том числе со смертельным исходом. Но происходило это либо из-за обвалов, либо рвались веревки, либо люди просто оскальзывались. Объективные причины или человеческий фактор. За любой опыт приходится платить.

Секретность удалось сохранить даже после того, как некий Хэрригэн, спелеолог-дайвер, проник в дренажную скважину под названием Колодезь Иакова на юге Техаса. Скважина эта проходит через водоносный слой плато Эдуардс. Хэрригэн заявил, что на глубине пять тысяч футов обнаружил несколько уходящих вниз коридоров. Более того, по его утверждениям, на стенах там были рисунки майя и ацтеков. На глубине в целую милю! СМИ тут же подхватили новость, поиграли и отбросили как очередную утку. Техасца публично высмеяли, и он немедля пропал. Его земляки решили, что он не вынес позора. На самом же деле Хэрригэна быстренько прибрали к рукам ребята спецназа ВМС. Его зачислили на должность консультанта с

соответствующим окладом и, взяв подписку о неразглашении, отправили исследовать подземную Америку.

Поиски продолжались. После того как преодолели барьер «минус пять» (заколдованное число пять тысяч футов устрашало спелеологов так же, как альпинистов – высота восемь тысяч метров), дело пошло быстрее. Меньше чем через неделю после опубликования открытия Хэрригэна один из отрядов Бранча преодолел глубину семь тысяч футов. К пятому месяцу поисков военные взяли немыслимый рубеж – минус пятнадцать тысяч.

Подземный мир оказался беспредельным и на удивление доступным. На каждом континенте обнаружилась своя система туннелей. Под каждым городом.

Отряды проникали все глубже, изучая обширную и сложную подземную географию – под железными рудниками Южного Уэльса и пещерой Хёллох в Швейцарии; под щелью, ведущей в легендарное царство Аида в Греции, и горами Пикос-де-Эуропа на севере Испании, под угольными шахтами Кентукки и подземными озерами Юкатана, под алмазными копями Южной Африки и еще в десятках мест. Северное полушарие изобилует известняковыми отложениями, которые в нижних слоях перекристаллизуются в песчаник и мрамор, а еще глубже залегает базальтовый слой. Эта твердая порода выстилает всю планету. Поскольку люди редко проникали вглубь, если не считать бурения нефтяных скважин, геологи были уверены, что базальтовый слой – сплошная твердая масса. А теперь в ней обнаружился лабиринт коридоров, охватывающий всю планету. Проходы тянулись на тысячи миль. Предполагалось даже, что они продолжаются и под Мировым океаном.

Прошло девять месяцев. С каждым днем военные проникали все глубже, узнавали все больше. Резко возросло финансирование Инженерного корпуса США и Морского строительного батальона. Им поручили укрепление туннелей, разработку новых транспортных систем, проходку шахт и бурение скважин, строительство подъемников, возведение подземных лагерей. Они даже строили подземные автоангары – на глубине три тысячи футов. К пещерам подводились дороги. Танки, армейские вездеходы «Хамви», грузовики волокли под землю артиллерию, людей и продовольствие.

Сотни международных отрядов проводили в глубинах полгода и больше. У новобранцев появились новые тренировочные полигоны. Морпехи смотрели учебные фильмы компании «Юнайтед Майнс Уокерс» про основные технологии крепления горных выработок и про обращение с карбидными лампами. Везде набирали людей для обучения ночной

снайперской стрельбе и спуску по веревке вслепую. Фельдшеры и студенты-медики зубрили литературу про болезнь Вейля, про гистоплазмоз, вызываемый вирусом, содержащимся в помете летучих мышей, про тропическую пещерную болезнь. Никому из них не сказали, для чего это нужно. А потом однажды их возьмут и отправят во мрак.

На трехмерных картах субтерры – или подземья – все дальше и дальше расползались под Европой, Азией и Соединенными Штатами разноцветные червяки коридоров. Младшие офицеры сравнивали происходящее с игрой «Подземелья и драконы», разве что драконов не было. Состарившиеся на военной службе старшины не могли поверить в такую удачу – ну просто Вьетнам без вьетнамцев! Враг – плод воображения некоего изуродованного майора. Кроме Бранча, никто не видел демонов с белой, как рыбье брюхо, кожей.

Нельзя утверждать, что «неприятеля» вообще не существовало. Порой обнаруживались признаки обитания – любопытные, непонятные, иногда страшные. Следы говорили о существовании на огромных глубинах удивительного разнообразия видов – от сороконожек и рыб до двуногих существ ростом с человека. Найденный фрагмент кожистого крыла наводил на мысль о подземных летучих созданиях и воскрешал образы черных ангелов из видений святого Иеронима.

Еще не видя врага, ученые окрестили его *homo hadalis* – человек бездны, хотя им первым пришлось признаться, что они не знают даже, гоминид ли это. В просторечии их называли хейдлами или хедди. Изучение мусора показало, что человекоподобные существа ведут общинный, хотя и полукочевой образ жизни. Вырисовывалась картина сурового, мучительного, буквально беспросветного существования. По сравнению с ней суровый быт крестьян казался настоящей идиллией.

Но кто бы там ни жил – а свидетельства примитивных ремесел на нижних уровнях были неоспоримы, – они пропали начисто. Они не пытались оказывать сопротивление. Не входили в контакт. Не подавали признаков жизни. Зато оставляли полным-полно сувениров. Обработанные куски кремня, кости животных, настенные рисунки, кучи вещей, стянутых с поверхности, – сломанные карандаши, пустые банки из-под кока-колы, пивные бутылки, старые свечи зажигания, монеты, лампочки. Официально осторожность хейдлов объясняли их отвращением к свету. Солдатам уже не терпелось с ними встретиться.

Военные продолжали продвигаться вглубь и вширь, соблюдая строжайшую секретность. Спецслужбы отводили душу – изымали солдатские письма родным, запрещали воинским частям покидать базы,

гоняли представителей СМИ.

Военные экспедиции продолжались десятый месяц. Казалось, новый мир пуст, и правительствам осталось начать освоение субтерры, зарегистрировать свои подземные владения, урегулировать границы. Военный поход обернулся развлекательной прогулкой. Бранч, правда, оставался начеку. Но солдатам надоело таскать оружие. Экспедиции стали напоминать то ли пикники, то ли поиски иголки в стоге сена. Случались травмы – переломы конечностей, укусы летучих мышей. Иногда в пещерах обрушивались коридоры, иногда кто-то оскальзывался. Однако статистика несчастных случаев была меньше обычной. Бранч требовал от солдат бдительности, но даже самому себе начинал казаться занудой.

* * *

И вот молот упал. По всей планете, начиная с 24 ноября 1999 года, солдаты перестали подниматься на поверхность. Вниз отправились поисковые партии. Из них почти никто не вернулся. Тщательно проложенные провода связи оказались обрезаны. Коридоры засыпаны.

Как будто кто-то – в масштабах планеты – дернул за рычаг и все смыл. От Норвегии до Боливии, от Австралии до Лабрадора, от затерянных в глубине баз до неглубоких пещер исчезли целые армии. Позже это назовут децимацией, что означает истребление каждого десятого. Однако статистика событий 24 ноября была совершенно противоположной – едва ли каждый десятый выжил.

Один из древнейших военных приемов. Успокоить врага, заманить, отрубить голову. Причем буквально.

Под территорией Польши на глубине шесть тысяч футов в одном из коридоров обнаружили три тысячи черепов русских, немецких и британских военнослужащих из сил НАТО. На Крите на глубине девять тысяч футов нашли распятых солдат восьми отрядов глубинной разведки и смешанной десантно-диверсионной группы ВВС. Их захватили живыми в разных местах, собрали здесь и замучили до смерти.

Устрашала не только сама расправа, но и кое-что еще. Дело явно не обошлось без централизованного руководства. Все акции были тщательно спланированы и выполнены по чьей-то команде с точностью часового механизма. Кто-то, и возможно не один, организовал грандиозное побоище на пространстве более двадцати тысяч квадратных миль.

Казалось, на землю вторглась раса чужаков.

Бранч не погиб, но лишь потому, что свалился в приступе малярии. Пока его отряды продвигались все глубже, он лежал в лазарете, обложенный брикетами льда, и бредил. Услышав по Си-эн-эн ужасные новости, он решил сначала, что у него галлюцинации. Второго декабря майор почти в беспамятстве слушал обращение президента к народу, передаваемое по всем каналам. Президент был без грима, глаза заплаканы.

– Братья-американцы, – начал он, – мой печальный долг...

И отец нации скорбно поведал о трагедии последней недели: двадцать девять тысяч пятьсот сорок три человека пропали без вести. Половина потерь США за все годы войны во Вьетнаме.

Президент избегал упоминаний о потерях во всем мире, о невообразимой цифре в четверть миллиона солдат.

Потом он сделал паузу. Неловко прокашлялся, пошуршал бумагами, отодвинул их в сторону.

– Ад существует. – Президент поднял подбородок. – Он реален – с точки зрения географии и истории. Ад – у нас под ногами. И там есть жители. И они беспощадны. Беспощадны, – повторил президент, и тут стало видно, как он разгневан. – За последний год в сотрудничестве с другими странами США начали систематическое исследование границ обширных подземных территорий. По моему приказу было выделено сорок три тысячи американских военнослужащих. Разведка подземных рубежей показала, что недра населены неизвестными нам формами жизни. В них нет ничего сверхъестественного. Вы, конечно, спросите: как получилось, что внизу кто-то живет, а мы никогда их не видели? Ответ такой: мы их видели. С начала времен мы догадывались об их существовании. Мы боялись их, создавали религии, слагали стихи. До недавнего времени мы даже и не подозревали, как много о них знаем. Сейчас мы выясняем, как много мы не знаем. Буквально до последних дней считалось, что подземные существа либо вымерли, либо прячутся от наших вооруженных сил. Теперь мы знаем: это не так.

И он замолчал. Оператор начал затемнять кадр. Неожиданно президент заговорил снова.

– И знайте, – сказал он, – мы победим империю мрака. Мы одолеем нашего древнего врага. Мы обрушим наш страшный меч на силы тьмы. И мы восторжествуем. Именем Бога и свободы – мы победим!

Тут же пошло изображение пресс-зала. Перед толпой ошеломленных журналистов стояли пресс-секретарь Белого дома и какой-то тип из Пентагона. Даже в полубредовом состоянии Бранч узнал генерала Сэндвелла – четыре звезды и грудь колесом. «Сукин сын», – пробормотал

Бранч в телевизор.

Потрясенная представительница «Лос-Анджелес таймс» спросила:

– Значит, впереди война?

– Войну никто не объявлял, – сказал пресс-секретарь.

– Война с преисподней? – Это уже «Майами геральд».

– Не война.

– Но с преисподней?

– Это нижний слой литосферы. Глубинные области земной коры, испещренные пустотами.

Генерал Сэндвелл оттеснил пресс-секретаря.

– Забудьте то, что, как вам кажется, вы знаете, – заявил он. – Субтерра – всего лишь другое место. Только без света. Там нет неба, нет луны. И время там течет иначе.

Сэндвелл всегда любил выставляться, вспомнил Бранч.

– Вы послали туда подкрепление?

– Сейчас мы просто выжидаем. Никто пока не спускается.

– Генерал, нас ожидает вторжение?

– Нет. – Сэндвелл говорил уверенно. – Все выходы заблокированы.

– А эти существа? – Репортер «Нью-Йорк таймс», казалось, даже обиделся. – Мы говорим о чертях с вилами? Есть ли у них рога, копыта и хвосты, крылья? Опишите этих монстров, генерал.

– Вы только что описали, – сказал Сэндвелл в микрофон. Ему явно понравилось слово «монстры». СМИ уже начинают чернить противника. – Последний вопрос, пожалуйста.

– Генерал, вы верите в дьявола?

– Я верю в победу. – Генерал оттолкнул микрофон и быстро вышел из зала.

Бранч снова и снова погружался в лихорадочные кошмары. На соседней кровати лежал молоденький новобранец со сломанной ногой. Он непрерывно щелкал пультом, перескакивая с канала на канал. Просыпаясь среди ночи, Бранч всякий раз видел следующий этап развития хаоса.

Наступил день. Местные корреспонденты уже взяли себя в руки. Им удавалось подавить истерию в голосе и придерживаться текста. «В настоящее время у нас очень мало информации», «Пожалуйста, не отключайтесь», «Сохраняйте спокойствие». Внизу экрана постоянно ползла строка с сообщениями об открытых церквях и синагогах. На правительственном сайте вывесили обращение к родственникам пропавших солдат. Фондовая биржа обвалилась. Повсюду – адская смесь горя, ужаса и мрачного энтузиазма.

Наверху стали появляться выжившие. В военные госпитали поступали израненные солдаты; они по-детски лепетали о монстрах, вампирах, людоедах и прочих страшилищах. Не зная даже, как описать увиденных внизу чудовищ, люди заимствовали слова из религиозных преданий и книг-страшилок. Китайские солдаты говорили о драконах и демонах. В Арканзасе видели Вельзевула и Чужих.

Сила тяжести оказалась сильнее человеческих обычаев. В последующие после великой децимации дни не было никакой возможности поднять на поверхность все тела – только для того, чтобы опять зарыть их на глубину шесть футов, как не было и возможности копать общие могилы в пещерах. Солдаты просто сложили тела в боковых туннелях, взорвали проходы и отступили на поверхность. Отслужили лишь несколько панихид; на гробах, покрытых звездно-полосатыми флагами, были завинченные крышки с надписью «Не вскрывать!».

Федеральному агентству по чрезвычайным ситуациям поручили обучать население правилам гражданской обороны. Не имея достоверных сведений о характере угрозы, агентство откопало где-то древние – семидесятых годов – инструкции о том, как вести себя в случае ядерной атаки, и выдало их губернаторам, мэрам и городским советам.

Включить радио, запастись продуктами, водой, к окнам не подходить, сидеть в подвале и молиться.

В предвидении грядущих событий люди опустошили продовольственные и оружейные магазины. Наследующую ночь, когда стемнело, телевизионщики показывали национальную гвардию, патрулирующую автомагистрали и неблагополучные районы. Все объездные дороги перекрыли, водителей останавливали и отбирали оружие и спиртное. Наступили сумерки. По небу рыскали военные и полицейские вертолеты, освещая самые опасные места.

Первым, что не удивительно, начал Лос-Анджелес. Затем присоединилась Атланта. Стрельба, грабежи. Насилие. Озлобленные толпы. Словом, полный набор.

Потом Детройт, Хьюстон, Майами, Балтимор. Национальной гвардии было приказано наблюдать, но не вмешиваться.

Затем вспыхнули пригороды, и к этому никто оказался не готов. От Силиконовой долины до Силвер-спринг смирные обыватели, просиживающие штаны за компьютерами, вдруг сорвались с цепи. Откуда-то всплыли пистолеты, подавляемая годами зависть, ненависть. Средний класс просто взорвался. Началось с телефонных звонков из дома в дом, с постепенного осознания – а сначала никто и верить не хотел, – что смерть

затаилась чуть ли не под ногами. Многим вдруг приспичило устраивать разборки. Стрельба, насилие – даже обитатели городских трущоб от них приотстали. Впоследствии командиры отрядов национальной гвардии только и могли сказать, что не ожидали такой дикости от людей, которые по выходным подстригают свои газоны.

Бранч смотрел телевизор, и ему казалось, что настал конец света. Для многих людей так и было. Когда взошло солнце, оно осветило картину, которой Америка боялась с эпохи бомбы: шестирядные автострады были забиты сплюснутыми, сгоревшими автомобилями и грузовиками, которые пытались куда-то уехать. Кругом вспыхивали ожесточенные драки. Среди машин рыскали грабители, расстреливая и вырезая целые семьи. Те, кто остался в живых, безнадежно слонялись, изнывая от жажды. Небо заполнил грязный дым. Весь день были сирены. Вокруг гибнущих городов курсировали вертолеты метеослужб и передвижные телестанции. По всем каналам передавали картины разрушения.

В Сенате руководитель большинства К. К. Купер, наживший себе миллиардное состояние и метивший в президенты, требовал ввести военное положение. Девяносто дней на так называемый период обдумывания и переговоров.

Возражал ему один-единственный человек, темнокожая женщина – несокрушимая Корделия Дженьюэри.

Бранч слушал, как ее техасский протяжный выговор забивает реплики Купера.

– Всего-навсего девяносто дней? – гремела она с трибуны. – Нет, сэр, только не с моей подачи. Военное положение – большой соблазн. Это семена тирании. Убедительно прошу своих уважаемых коллег высказаться против подобной меры!

Голосование прошло с результатом девяносто девять «за» и один «против». Осунувшийся и невыспавшийся президент ухватился за это политическое прикрытие и объявил военное положение. В 13.00 по восточному стандартному времени генералы закрыли Америку. Комендантский час начал действовать в пятницу на закате и продлился до рассвета понедельника. По чистой случайности «период обдумывания» совпал с воскресеньем. Пуританам и не снилось, что предписаниям Ветхого Завета будут следовать с такой точностью: воздержись от дел в посвященный Господу день или тебя убьют на месте.

Мера помогла. Первый спазм ужаса прошел.

Странно, но Америка была благодарна генералам. Дороги очистились. Грабителей расстреливали. К понедельнику разрешили открыть

супермаркеты. В среду дети пошли в школу.

Открылись заводы. Идея в том и заключалась, чтобы возобновить нормальную жизнь, чтобы по улицам ездили желтые школьные автобусы, чтобы вернулись в обращение деньги и чтобы страна почувствовала: все возвращается на свои места.

Люди осторожно выбрались из домов и стали очищать дворы от остатков бунта. В пригородах соседи, которые вчера вцеплялись друг другу в глотки или насиловали чужих жен, теперь вместе сгребали лопатами битое стекло. Потянулись процессии мусорных машин. Погода для декабря была чудесная. В сетевых новостях Америка выглядела отлично.

* * *

Человек вдруг отвернулся от звезд. Астрономы стали не нужны. Настало время посмотреть вниз. Всю эту первую зиму целые армии – спешно подкрепленные ветеранами, полицией, охранниками, наемниками – находились у разбросанных входов в нижний мир в состоянии боевой готовности. Нацелив оружие в темноту, солдаты ждали, пока правительства и корпорации наскребут достаточно людей и оружия, чтобы получить численный перевес.

В течение месяца вниз никто не спускался. Президенты компаний, советы директоров, религиозные институты упрашивали военных приступить наконец к реконкисте – так им не терпелось начать исследования. Но погребальный колокол отзвонил уже над миллионом людей, включая целое афганское войско талибов, которое практически ринулось в бездну в поисках своего исламского шайтана. Посылать другие силы командующие предусмотрительно отказались.

Из НАСА откомандировали небольшой отряд роботов; они предназначались для исследования Марса, но им пришлось изучать планету внутри Земли.

Ковыляя на металлических паучьих ногах, машины несли массу датчиков и видеоаппаратуры, разработанной специально для суровых условий далекого мира. Всего роботов было тринадцать, каждый стоил пять миллионов долларов, и хозяева надеялись заполучить их обратно невредимыми.

Шесть пар роботов и один робот без пары отправились под землю в семи различных местах мира. За каждым роботом круглосуточно наблюдало множество ученых. «Пауки» держались хорошо. По мере их

проникновения в глубину качество связи ухудшалось. Радиосигналы, рассчитанные на прохождение без препятствий от полюсов и аллювиальных равнин Марса, с трудом пробивались сквозь толщу земли. В каком-то смысле подземный лабиринт был на несколько световых лет дальше, чем Марс. Поступающий сигнал надо было усиливать с помощью компьютера, обрабатывать, расшифровывать. Иногда проходило несколько часов, прежде чем сигнал поступал на поверхность, и несколько дней, прежде чем удавалось разобраться в электронном хаосе. Все чаще и чаще сигналы просто не достигали поверхности.

Геологи и планетологи отказывались верить показаниям приборов. Через неделю электронные «пауки» передали первые изображения людей. На компьютерных экранах появились ультрафиолетовые палочки – человеческие кости, обнаруженные в известняковых дебрях на глубине тысяча двести футов под пещерой Тербилтем в Папуа – Новой Гвинее. Число скелетов могло быть от пяти до двенадцати. На следующий день в Японии, в вулканических породах под пещерой Акиёси, нашли свидетельство того, что на неисследованную глубину заманили множество людей и зверски убили. Под горным массивом Джурджура в Алжире, под рекой Нанцзи в китайской провинции Гуанси, глубоко под пещерами горы Кармель и Иерусалима, в маленьких гротах и огромных залах роботы обнаруживали следы жестоких сражений.

– Скверно, очень скверно, – бормотали очерстевшие наблюдатели.

Тела солдат были раздеты, искромсаны и обезображены. Голов или не было вообще, или они валялись отдельно, кучами, словно шары для боулинга. И, что гораздо хуже, исчезло оружие. Везде и повсюду – только голые трупы, почти скелеты, неведомые, безликие и безымянные. Невозможно определить, кем были эти мужчины и женщины.

Один за другим роботы прекращали передачу. Однако заряд аккумуляторов еще не мог кончиться. И не все «пауки» достигли порога различимости сигнала.

– Хейдлы убивают наших роботов, – доложили ученые.

К концу декабря остался последний «паук»; он одиноко ковылял в таких глубинах, что там, казалось, не может быть никакой жизни.

Глубоко под Копенгагеном «глаз» робота увидел нечто странное – рыболовную сеть. Компьютерные няньки помудрили над своим оборудованием, пытаясь увеличить картинку, но она не изменилась – скрещающиеся то ли нити, то ли тонкие веревки. «Пауку» дали команду отойти, чтобы получить больший обзор.

Прошел почти целый день, прежде чем пришло следующее

изображение – эффект был не меньший, чем от первого снимка обратной стороны Луны. То, что принимали за сетку, оказалось соединенными друг с другом металлическими кольцами. Сетка была на самом деле кольчугой – доспехами древнего скандинавского воина. Скелет викинга, находившийся внутри, давно рассыпался в прах. Здесь дрались насмерть – кольчуга была пришпилена к стене железным копьём.

– Бред какой-то, – сказал кто-то.

Но когда «паук» по команде развернулся, стало видно, что пещера наполнена оружием железного века и пробитыми шлемами. Значит, отряды НАТО, афганские талибы и войска других современных армий не первыми вторглись в глубинный мир и подняли оружие против демонов.

– Что же там делается? – спросил командир центра управления.

Прошла неделя; обрывочные сигналы не принесли ничего, кроме естественных шумов и электромагнитных возмущений от сейсмических толчков. Наконец и этот «паук» прекратил передачу. Подождали три дня, затем начали демонтаж оборудования, и тут появился сигнал. Быстро установили монитор и наконец-то получили долгожданную картинку.

Помехи ослабли. На экране что-то мелькнуло, и в следующий миг он потемнел. Запись прокрутили с замедленной скоростью и тогда смогли разглядеть отдельные фрагменты изображения. У существа на экране было нечто, напоминающее большие рога и обрубок рудиментарного хвоста. Глаза – красные, а может быть, зеленые, в зависимости от светофильтра камеры. И рот, который, должно быть, выкрикивал яростные проклятия или предупреждал своих об опасности – когда существо бросилось на работа.

* * *

Выход из тупика нашел Бранч. Лихорадка у него прошла, и он опять принял командование над тем, что осталось от перебитого батальона. Склонясь над картой, майор пытался понять, где его подчиненные были в роковой день.

– Мне нужно найти моих людей, – сообщил Бранч по рации начальству, однако начальство все это видело в гробу. Майору приказали не высовываться. – Так нельзя, – сказал Бранч, но спорить не стал. Отодвинул рацию, взвалил на плечо многоцелевой портативный комплект и прихватил винтовку.

Бранч прошагал мимо колонны немецких бронетранспортеров, стоящих у входа в пещеру Леонгангер Штайнберг в Баварских Альпах. Он

не обратил внимания на крики офицеров, пытавшихся его остановить. Последние рейнджеры, числом двенадцать, следовали за ним, словно черные призраки. Экипажи «Леопардов» только перекрестились.

Первые четыре дня в коридорах была странная пустота, никаких следов сражений, запаха пороха или следов от пуль. Даже горели лампы на стенах и потолке. Неожиданно на глубине четыре тысячи сто пятьдесят метров лампы погасли. Рейнджеры включили налобные фонари. Продвижение замедлилось.

Наконец после семи привалов солдаты узнали, что случилось с их ротой.

Коридор плавно перешел в большой зал. Солдаты свернули налево, и перед ними раскинулось поле боя. Оно походило на пересохший водоем с утопленниками. Тела лежали вповалку, одно на другом, образуя переплетенный узел. Некоторые застыли в таком положении, словно и после смерти продолжали сражаться. Бранч шел впереди; он едва узнавал людей. Повсюду валялись снаряды для армейских винтовок, несколько противоголовок и разбитых шлемов. Какие-то изделия грубой работы.

Трупы медленно высыхали, кожа стягивалась на костях.

Согнутые позвоночники, отвисшие челюсти, искалеченные руки и ноги – все, казалось, кричало и стонало перед любопытными, потревожившими покой убитых. Это был тот самый ад, который когда-то уже коснулся Бранча. Гойя и Блейк хорошо знали свой предмет. Исколотые и изрубленные тела вселяли ужас.

Отряд брел через зловещий зал; в руках подрагивали фонари.

– Майор, – прошептал пулеметчик, – посмотрите – глаза...

– Вижу, – ответил Бранч.

Он оглядел сваленные в кучу останки. У каждого трупа были выколоты глаза.

– После сражения на реке Литтл-Бигхорн, – сказал майор, – женщины племени сиу пришли на поле боя и прокололи кавалеристам барабанные перепонки. Солдат ведь, дескать, предупреждали, что не нужно преследовать индейцев, вот им и прокололи уши, чтобы в следующий раз были внимательнее.

– Похоже, всех перебили на месте, – жалобно произнес кто-то из молодых.

– И ни одного хедди не видно, – сказал другой.

– Смотрите внимательно, – потребовал Бранч. – Собирайте именные жетоны. По крайней мере, сообщим наверх имена.

Некоторые трупы облепила масса полупрозрачных насекомых и белых

мух. На других вылезла какая-то плесень, разъедающая плоть до самых костей. В одном желобе мертвые тела покрылись наплывами известняка и стали частью пола. Словно их поглотила сама земля.

– Майор, – позвал кто-то, – посмотрите!

Бранч последовал за солдатом к крутому выступу, где трупы были сложены аккуратно бок о бок в длинный ряд. В свете десятка фонарей рейнджеры увидели, что тела обмазаны красной охрой и обсыпаны белыми блестящими конфетти. Почти красивое зрелище.

– Хедди? – выдохнул рейнджер.

Тела, покрытые охрой, были телами врагов. Бранч взобрался на выступ. Вблизи белые конфетти оказались зубами. Их были сотни, тысячи, и это были человеческие зубы. Он поднял один – клык со следами от камня, которым его выбили из какого-то солдатского рта. Бранч осторожно положил зуб на землю.

Головы воинов-хейдлов покоились на человеческих черепах. А в ногах лежали приношения.

– Мыши, что ли? – удивился сержант Дорнан. – Сушеные?

Их было огромное количество.

– Нет, – сказал Бранч. – Пенисы.

Хейдлы были разного роста. Некоторые – выше людей. Узкоплечие, как африканцы-масаи, они казались нелепыми рядом со своими малорослыми кривоногими товарищами.

У многих на руках и ногах вместо ногтей были странные когти. Если бы не обточенные зубы и не странные колпачки из резной кости на пенисах, они почти не отличались бы от людей, такие крепыши полузащитники.

Среди хейдлов оказалось пять худых женственных фигур, изящных, стройных, но явно мужских. На первый взгляд они показались Бранчу подростками, однако лица, покрытые слоем охры, были не моложе, чем у других. Эти пятеро имели черепа необычной формы – сплюснутые, словно в детстве они носили специальную повязку. Именно у них сильнее всего выступали клыки, у некоторых длинные, как у бабуинов.

– Нужно взять с собой несколько тел, – сказал Бранч.

– А для чего они нам, майор? – спросил рейнджер. – Они же плохие парни.

– Ага. И мертвые, – поддакнул его товарищ.

– В качестве доказательства. Начнем наконец их изучать, – пояснил Бранч. – Мы сражаемся с чем-то, чего никогда не видели. С ночным кошмаром.

До сих пор военным США не удалось добыть ни одной особи противника. Ливанская организация Хезболла заявила, что им удалось взять хейдла в плен живьем, но никто этому не верил.

– Не буду я их трогать. Настоящий черт, посмотрите-ка!

Они и вправду больше походили на чертей, чем на людей.

Какие-то животные, покрытые наростами. «Совсем как я», – подумал Бранч. Ему трудно было смириться с тем, что существа с коралловыми наростами-рогами так напоминают людей. Некоторые из них, казалось, готовы когтями прорываться назад к жизни. Бранч не винил своих подчиненных за суеверный страх.

И тут все услышали сигнал. Скребущий звук шел из груди трофеев. Бранч аккуратно подцепил и вытащил из кучи фотографий, наручных часов и обручальных колец портативную рацию. Три раза нажал на кнопку передачи и услышал ответный тоекратный сигнал.

– Там кто-то есть, – сказал один из рейнджеров.

– Да. Вот только кто?

В тишине под ногами хрустели зубы.

– Назовите себя, прием, – сказал Бранч в рацию.

Все ждали. Ответивший явно был американцем.

– Здесь так темно, – простонал он. – Не бросайте нас!

Бранч опустил рацию на землю и отвернулся.

– Погодите-ка, – вмешался пулеметчик. – Это вроде Скоупа голос. Я его знаю. Только неизвестно, где он находится.

– Тихо, – прошептал Бранч, – зато они знают, что мы здесь.

И рейнджеры побежали.

Они неслись по темным коридорам, словно рабочие муравьи, катящие перед собой огромные белые яйца. Только это были не яйца – пятна света от налобных фонарей казались большими светлыми шарами. Вчера, тринадцатого, их уже осталось только восемь. Остальные сгинули – и люди – угасшие души, – и их белые шары. Оружие попало в руки врага. У одного из оставшихся, сержанта Дорнана, были сломаны ребра.

Рейнджеры двигались без остановки пятьдесят часов и только иногда стреляли назад, в темноту. Наконец бежавший позади всех Бранч шепотом приказал:

– Развернуться цепью!

Все выстроились – от самого сильного до раненого. Тут, где коридор разветвлялся, рейнджеры сделали привал. Здесь они уже проходили. Три оранжевые полосы, нанесенные на древнюю стену флуоресцентной краской из баллончика, показались родными. Солдаты сами их начертили –

отметили место своей третьей стоянки. До выхода оставалось не больше трех дней пути.

Известняковую тишину прорезал тихий вздох сержанта Дорнана. Раненый сел и, не выпуская оружия, положил голову на камень. Остальные принялись готовиться к последнему привалу.

Удачная засада была единственной надеждой на спасение. Если она не сработает, никто из них не увидит больше солнечного света, к которому сейчас свелись все их религиозные помыслы. Да славится сияние дня.

Двое погибших, трое пропавших без вести, у Дорнана переломаны ребра. И, черт побери, автоматическая пушка производства «Дженерал электрик» с полным комплектом боеприпасов. Ее увели у рейнджеров прямо из-под носа. Терять такое оружие нельзя. Мало того что отряд лишился огневого превосходства, так еще однажды каких-нибудь смельчаков вроде них встретят тут стеной огня из американской пушки.

А сейчас их кто-то быстро догонял. На всем пути отступления отряд оставлял микрофоны, от которых теперь поступали сигналы. Враги двигались почти бесшумно, словно змеи: несмотря на усиленный сигнал, их почти не было слышно, – но притом с большой скоростью. Иногда они прикасались к стенам. Иногда разговаривали, однако их хрюканье не напоминало ни один известный язык.

Девятнадцатилетний капрал присел на корточки возле своего рюкзака; пальцы у него дрожали. Подошел Бранч.

– Не слушай, Вашингтон, – сказал он, – не пытайся их понять.

Испуганный юнец поднял глаза. Начиналась история Франкенштейна. Их Франкенштейна. Бранч знал этот взгляд.

– Они близко. Не раскисать!

– Так точно, сэр.

– Ситуация поправима. Мы возьмем все под контроль.

– Так точно, сэр.

– Значит, так, сынок. Теперь мины. Сколько у тебя «клейморов»?^[8]

– Три. И все.

– Большого и желать нельзя, верно? Одна здесь, одна там. Отлично управимся.

– Так точно.

– Остановим противника здесь. – Бранч слегка повысил голос, чтобы слышали и другие. – Тут будет рубеж. И все. Потом отправляемся домой. Мы уже почти вышли. Можете доставать крем для загара.

Шутка всем пришлась по вкусу. Кроме самого майора, в отряде были только темнокожие. Крем для загара, здорово!

Бранч двигался вдоль линии от одного бойца к другому, ставя мины, определяя каждому сектор обстрела. Он готовил засаду тщательно, как паук, плетущий свою паутину. Жуткое место. Даже если не думать об этих стенах, что вдруг начинают пестреть рисунками, о непонятных изваяниях, о неожиданных обвалах и наводнениях, окаменевших скелетах, минах-сюрпризах. Даже если здесь воцарится мир, оно все равно останется страшным. Стены пещеры свели вселенную к размерам крошечного шарика, а тьма швырнула его в свободное падение. Закрой глаза – и сойдешь с ума в этом хаосе.

Майор видел, что все устали. Связи с поверхностью не было уже две недели. Даже будь у них связь, они не смогли бы вызвать сюда подкрепление или артиллерию либо потребовать эвакуации. Рейнджеры были глубоко, одни, и окружены чудовищами, частично воображаемыми, частично настоящими.

Бранч остановился перед доисторическим изображением бизона. Из спины животного торчали копыя, внизу валялись внутренности. Он умирал, но умирал и охотник, который его поразил. Тонкая фигурка, пронзенная длинными рогами, опрокинулась на спину. Охотник и жертва, по духу одно и то же. Бранч поставил последнюю мину, отогнув специальные опоры, к самым ногам бизона.

– Майор, они приближаются.

Бранч огляделся. Это радист: на голове у него наушники. Майор еще раз проверил, все ли в порядке, прикинул направление действия мин – где шарики поразят насмерть, где могут задеть на излете, а в какие ниши не попадут вообще.

– По моей команде, – предупредил он. – Не раньше.

– Знаю.

Это все знали. Трех недель, проведенных под командой Бранча, вполне хватило, чтобы усвоить его уроки.

Радист выключил фонарь. Другие солдаты, стоящие на развилке, тоже выключили налобные фонари. Бранч почувствовал, как их затапливает тьма. Оружие все навели заранее. Каждый солдат на своем посту мысленно представил цепочку взрывов. Слева направо. Сейчас они слепы из-за темноты, но и яркий свет их тоже ослепит. Дульное пламя – еще одна помеха зрению. Лучше всего притвориться, что все видишь, и позволить отыскать цель своему воображению. Закрывать глаза и проснуться, когда все кончится.

– Еще ближе, – прошептал радист.

– Знаю, – отозвался Бранч.

Он услышал, как радист осторожно снял и отложил в сторону наушники и взял оружие.

Вражья свора двигалась, конечно, по одному. Коридор тут был в форме трубы, размером как раз по росту человека. Первый противник миновал бизона, затем еще двое. Бранч мысленно за ними следил. Они шли босиком, и, когда первый замедлил шаг, второй тоже замедлил.

«А что, если они учуяли наш запах?» – забеспокоился Бранч, однако не сказал ни слова. От выдержки зависело многое. Нужно подождать, пока все войдут, потом закрыть дверь. Бранч был готов взорвать мины, если кто-нибудь из солдат не выдержит и откроет огонь.

От противника несло немытым телом, какими-то минералами, псиной, сухим калом. Что-то скребло по стенам. Бранч почувствовал, что развилка заполнена. Не по звуку, а по состоянию воздуха. Воздух хоть и немного, но изменился. Дыхание и движение тел создало небольшие завихрения. Двадцать или тридцать, прикинул Бранч. Божьи создания, быть может. Пора.

– Время, – сказал он и согнул детонатор.

«Клейморы» одновременно раскрылись бледными фонтанами дроби. Шарики смертельным шквалом осыпали камень. Вступили восемь винтовок – солдаты поливали огнем чертовых тварей. Вспышки дульного пламени обжигали Бранчу пальцы, которыми он прикрывал глаза. Майор закатил глаза под лоб, чтобы защитить зрение, но вспышки все равно мешали. Не слепой и не зрячий, разливал он стаккато выстрелов.

Повисший в тесном коридоре запах пороха наполнял легкие. У Бранча заколотилось сердце. Он узнал свой голос среди других вопящих голосов. «Помоги мне, Господи», – молился майор над своей винтовкой.

Из-за грохота стрельбы Бранч понял, что у него кончились патроны, только когда перестал чувствовать плечом отдачу. Он дважды менял обойму. На третьей остановился, чтобы оценить результаты.

Слева и справа его парни, не переставая, палили в темноту.

Хотелось ли ему услышать, как враг молит о пощаде? Или стонет? Вместо этого Бранч услышал смех. Смех?!

– Прекратить огонь! – приказал он.

Его не послушались. Разгоряченные солдаты расходовали обойму за обоймой, перезаряжались и снова стреляли.

Бранч крикнул еще раз. Один за другим они прекратили огонь. Эхо выстрелов клокотало даже в жилах. Запах крови и каменной пыли щекотал ноздри. Чувствовался даже его вкус. Смех не прекращался, такой странный, звонкий.

– Включить свет, – поспешно сказал Бранч, пока его слышали. – Перезарядить оружие, быть наготове. Сначала стрелять, потом разбираться. Полная бдительность, парни.

Загорелись налобные фонари. Коридор был затоплен белым дымом. Наскальные рисунки забрызгала свежая кровь. А внизу лежало кровавое месиво. Наваленные расплывчатой массой тела. От крови шел пар, еще больше увеличивая влажность воздуха.

– Мертвый. Мертвый, мертвый, – говорил солдат.

Кто-то хихикнул. То ли хихиканье, то ли рыдание. Солдаты смотрели на свою работу. Это – дело их рук.

С винтовками в дрожащих руках, как зачарованные, приблизились рейнджеры к своим еще теплым жертвам. «Наконец-то, – подумал Бранч, – я увижу глаза падших ангелов». Поменяв обойму, он внимательно посмотрел в верхний туннель – не прячется ли там кто, затем поднялся на ноги. Так же осторожно обошел зал, посветил в левое ответвление, затем в правое. Пусто. Пусто. Они положили весь личный состав противника. Никто не пытается сопротивляться. Никаких кровавых следов в обратном направлении. Стопроцентное попадание.

Рейнджеры полукругом обступили убитых. Замерли над кучей тел, светя в середину. Бранч протиснулся поближе. И, как и его солдаты, замер.

– Ни фига себе! – угрюмо пробормотал кто-то.

Другие тоже не хотели верить глазам.

– Эти-то здесь откуда? Какого хрена они тут делают?

Только теперь Бранч понял, почему враги умерли так смиренно.

– Господи! – выдохнул он.

На полу лежало два десятка, а то и больше тел. Голых, жалких и – человеческих. Оружия не было.

Даже по изувеченным пулями и шрапнелью трупам было видно, какие они изможденные. Никакого мяса – одни ребра выпирают из-под татуированной кожи. Лица – настоящая иллюстрация голода. Торчащие скулы, ввалившиеся глаза. Руки и ноги покрыты язвами. Жилистые руки, тонкие, как у детей. Седалища покрыты засохшим калом. Объяснение всему этому могло быть только одно.

– Пленники, – сказал Вашингтон.

– Пленники? Что же – мы убили пленников?

– Да, – подтвердил Вашингтон. – Они были в плену.

– Нет, – возразил Бранч, – в рабстве.

Воцарилось молчание.

– В рабстве? Какие могут быть в наше время рабы?

Бранч показал на клейма, на следы побоев, на веревку, связывающую их шеи.

– Ну, точно пленники. Заключенные, а не рабы.

Вашингтон держался, словно специалист по вопросам рабства.

– Видите – следы на плечах и спине?

– И что?

– Эти ссадины от переноски грузов. Заключенные, пленники, рабы – называйте как угодно.

Теперь и другие заметили. Слова Бранча заставили их попятиться.

Перепуганные, они ходили среди дыма и трупов на цыпочках. Большинство погибших оказались мужчинами. Кроме веревки, идущей от шеи к шее, на многих были кожаные кандалы. У других – железные. У некоторых в ушах висели подвешенные бирки или были надрезаны мочки – так ковбои помечают скот.

– Ну ладно, рабы. А где тогда хозяева?

Все немедленно согласилось:

– Должны же быть хозяева. Должен быть какой-то надсмотрщик или погонщик.

Солдаты продолжали осматривать груды тел, постигая ужас случившегося и не допуская мысли, что рабы сами могли держать себя в рабстве. Они осматривали один труп за другим, однако хозяина-хейдла так и не нашли.

– Не понимаю ничего. Ни еды, ни воды. Как они вообще выжили?

– Мы же проходили мимо источников.

– Ну ладно, вода. Но рыбы я что-то не видал.

– Смотрите-ка, вот! Вяленое мясо.

Один из рейнджеров поднял длинный кусок сушеного мяса. Оно больше напоминало содранную с дерева кору или заскорузлую кожу. Потом нашлись еще такие же куски, спрятанные за кандалы или сжимаемые в руках.

Бранч рассмотрел один, согнул, понюхал.

– Не знаю даже, что это такое, – сказал майор.

Но – он знал. Человеческое мясо.

Это был грузовой караван, поняли солдаты, правда шедший порожняком. Неизвестно, куда тащились пленники, но куда-то точно тащились, и довольно далеко. Как заметил Бранч, истощенные тела имели на плечах и спинах синяки от лямок – такие узнает любой солдат – от долгого ношения тяжелой поклажи.

В мрачном гневном рейнджеры топтались среди мертвых. На первый

взгляд казалось, что большинство погибших – из Центральной Азии. Это объясняло их странный язык.

«Афганцы?» – предположил Бранч.

Для его солдат они были братья и сестры. Рейнджерам найдется, о чем подумать.

Итак, противник пользуется выючными животными. Пришли сюда из Афганистана? Но над ними – Бавария. Двадцать первый век. Вывод – ужасающий. Если враг способен провести так далеко караван рабов, то он в силах провести и войска... прямо под ногами у человека. Пройти насквозь огромные территории. В таких условиях верхний мир оказывается слепцом, беззащитным перед вооруженным грабителем. Враг может появиться в любой момент и откуда угодно, подобно кротам или муравьям.

Впрочем, разве это новость? Кто скажет, что дети бездны с самого начала не врывались в жизнь людей? Не брали их в рабство, не похищали их души, не вторгались в наши пределы? И все же новость не укладывалась у Бранча в голове.

– Смотрите, я его нашел! – крикнул пулеметчик из-за кучи тел.

Стоя по колено в кровавых ошметках, он направил свой фонарь и винтовку на что-то, лежащее на земле.

– Точно, вот он. Главный у них. Нашел-таки я ублюдка!

Бранч и прочие тут же обступили находку. Несколько раз толкнули, попинали ногами.

– Мертвый, стопроцентно, – заявил бывший студент-медик.

Он пощупал у мертвеца пульс и теперь вытирал пальцы. Это всех успокоило. Люди придвинулись ближе.

– А он покрупнее остальных.

– Обезьяний царь.

Две руки, две ноги; длинное гибкое тело переплелось с соседними. Труп покрывала запекающаяся кровь, судя по ранам – собственная. Рейнджеры внимательно его разглядывали, держа на мушке.

– Шлем, что ли, такой?

– Змеи. У него из головы растут.

– Не, это дреды. То ли от грязи затвердели, то ли еще от чего...

Волос, действительно очень грязных и спутанных, хватило бы на целый выводок Медуз горгон. Трудно сказать, были ли среди жестких прядей костяные наросты, но так или иначе выглядел хейдл отвратительно. Татуировки, железное кольцо на шее – как у настоящего демона. Он был выше, чем существа, которых Бранч видел в Боснии, и казался несравнимо крепче других убитых. Однако Бранч ожидал чего-то другого.

- Упакуйте его, – приказал майор, – и выбираемся отсюда.
- Вашингтон нетерпеливо приплясывал, словно чистокровная скаковая.
- Нужно в него выстрелить!
- Для чего это тебе, Вашингтон?
- Просто нужно, и все. Он вел всех остальных. Он и есть злодей.
- Хватит уже, – сказал Бранч.

Бормоча, Вашингтон сильно пнул тело куда-то в область сердца и отвернулся. Крупная грудная клетка шевельнулась, точно просыпающийся зверь, сделала глубокий вдох, потом еще один. Вашингтон услышал дыхание и забарахтался среди трупов, крича остальным:

- Он живой! Приходит в себя!
- Не стрелять! – заревел Бранч. – Не стрелять в него!
- Они не умирают, майор, смотрите!

Существо начало шевелиться.

– Не теряйте рассудка! – потребовал Бранч. – Давайте не будем спешить. Посмотрим. Он мне нужен живой.

До поверхности уже недалеко. Если повезет, они поднимутся наверх с живой добычей. А если придется трудно, всегда успеют разделаться с пленником.

Бранч продолжал его разглядывать.

Каким-то образом хейдл избежал массированного огня, направленного прямо в гущу толпы. Бранч расположил «клейморы» таким образом, что каждый противник должен был получить свою порцию. Наверное, этот услышал что-то, чего не слышали остальные, и в решающий момент успел увернуться. Обладая такой реакцией, хейдлы вполне могли прятаться от людей в течение всей истории.

– Он над ними главный, точно он, – сказал кто-то. – Больше тут некому.

– Возможно, – ответил Бранч.

Солдатам явно не терпелось рассчитаться.

– Сами же видите. Посмотрите.

– Застрелите его, майор, – настаивал Вашингтон. – Все равно он умирает.

Хватило бы одного слова майора. Более того, достаточно было молчания. Стоит Бранчу отвернуться, и все будет кончено.

– Умираю? – спросило существо, открыло глаза и посмотрело на солдат.

Не отскочил только Бранч.

– Рад познакомиться, – произнесло существо.

Губы поднялись, обнажив белые зубы. Улыбка создания, у которого, кроме улыбки, ничего не осталось.

Затем существо засмеялось – тем самым смехом, который они слышали раньше. Его веселье казалось неподдельным. Оно смеялось над ними, над собой, над своими страданиями, над опасностью, над вселенной. Подобной дерзости Бранчу видеть не приходилось.

– Застрелите его! – сказал сержант Дорнан.

– Нет! – приказал Бранч.

– Да ладно вам, – откликнулось существо. Произношение у него было как у жителя Вайоминга или Монтаны. – Пусть стреляют, – и перестало смеяться.

Раздался щелчок – кто-то вставил обойму.

– Нет, – повторил Бранч. Он опустил на колени. Монстр и еще один монстр. Взял в руки медузообразную голову. – Кто ты? Как тебя зовут? – В этот момент майор был похож на священника, принимающего исповедь.

– Он разве человек? Такой же, как мы? – забормотал кто-то.

Бранч приподнял голову раненого и посмотрел ему в лицо – лицо оказалось моложе, чем он ожидал. И тут рейнджеры увидели то, чего не было на других пленниках. У самого основания шеи висело железное кольцо, вделанное в позвоночник. Один рывок за кольцо – и он покойник. Люди испытали потрясение. Какой, должно быть, волей он обладает, если ее потребовалось ломать вот таким, немыслимым образом.

– Кто ты? – повторил Бранч.

Из глаза выкатилась слеза. Человек пытался вспомнить. Он произнес свое имя, словно отдал оружие. Говорил он так тихо, что Бранчу пришлось повторить для остальных:

– Его зовут Айк.

*Раньше всего ты запомни: повсюду земные
пронизаны недра*

*Множеством полых пещер, что немало в себе
заключают*

*Пропастей, скал и зеркальных озер и подземных
потоков,*

*Что свои воды стремят по камням и по скалам,
волнами вздымаясь.*

Тит Лукреций Кар. О природе вещей

Под озером Онтарио

Три года спустя

Бронированный вагон замедлил скорость до тридцати километров в час и выполз из узкого, как нора, подземного туннеля в гигантский грот, где располагался лагерь «Елена». Дорога поднималась вдоль гребня каньона, потом спускалась на самое дно. Айк бродил взад-вперед по вагону, перешагивая через пятна крови, изможденных людей и военное снаряжение. Он был неустойчивым и опять рвался в бой.

Через лобовое стекло виднелись огни лагеря. Через заднее – грязное обстрелянное жерло туннеля. И сердце Айка разрывалось надвое – между будущим и прошлым. Потому что семь жутких недель их взвод гонялся за хейдлами, за этим ужасом, в коридоре, пересекающем самый глубокий железнодорожный узел. Потому что четыре недели из семи люди держали палец на спусковом крючке. Самые глубокие линии должны были контролироваться коммерческими службами безопасности, но государственные военнослужащие тоже оказались при деле. И принимали на себя удары. Теперь солдаты ехали в новехоньком автоматическом вагоне с креслами из красного пластика; в ногах у них валялось грязное снаряжение, тут же на полу умирал солдат.

– Приехали, – сказал Айку один из спутников.

– Поздравляю, – ответил Айк. И добавил: – Лейтенант.

Это походило на обратный пас. Люди вернулись в свой мир, но Айку и тут не было мира.

– Послушай, – тихо начал лейтенант Мидоуз, – то, что случилось... может, мне и не нужно об этом докладывать. Просто извинишься при всех...

– Ты меня прощаешь? – фыркнул Айк.

Усталые рейнджеры вскинули головы. Мидоуз сузил глаза, Айк вытащил горнолыжные очки с почти черными стеклами. Он нацепил дужки на уши и опустил очки на грубую татуировку, что пересекала все лицо – от лба через щеки до самого подбородка. Отвернулся от придурка и сощурился, глядя в окно на лежащую перед ним огневую позицию.

«Небо» над лагерем прорезали искусственные молнии. Множество мечущихся лазерных лучей образовывали острый купол в милю шириной. Вдалеке мигали стробоскопы. Дреды Айка – он обрезал их до плеч – тоже частично прикрывали глаза, но этого было недостаточно. Айк, такой сильный в подземной тьме, здесь терялся.

Военные городки напоминали Айку разбитое судно в Арктике – приближается зима, и понимаешь, что навигация здесь короткая. Именно так и здесь, внизу, – в одном месте нельзя оставаться подолгу.

Каждый коридор, каждый туннель, каждую щель в высоченных стенах грота заливал свет, и все же в «небе» над лагерем мелькали крылатые животные. Иногда они уставали и спускались вниз – отдохнуть или поесть – и мгновенно сгорали в лазерном куполе. Крутые пятидесятиметровые навесы с каркасами из титанового сплава защищали рабочие и жилые помещения от обвалов, а заодно и от останков сгоревших животных. Издалека лагерь казался скоплением огромных соборов.

Конвейерные ленты, тянущиеся к боковым туннелям, лифтовые шахты, разнообразные вентиляционные трубы, выступающие из потолка, пелена смога – место походило на ад, и этот ад был создан руками человека.

По конвейеру ползли в глубину продукты, оборудование, боеприпасы, обратно – руда.

Вагон подошел к воротам и остановился, рейнджеры гуськом вышли из вагона – они даже растерялись от ощущения безопасности. Люди жаждали поскорее очутиться внутри, за колючей проволокой, наброситься на холодное пиво, горячие гамбургеры и завалиться спать.

Что до Айка, он предпочел бы присоединиться к новому отряду. Хотя сию минуту.

К вагону бежали запоздавшие санитары с носилками; проходя через ворота, освещенные дуговыми лампами, они показались белыми, как ангелы. Айк опустил на колени возле раненого, потому что это следовало

сделать и потому что ему нужно было взять себя в руки. Свет расположили таким образом, чтобы, освещать все происходящее и убивать все, что можно убить светом.

– Понесли, – сказал санитар, и Айк отпустил руку юноши.

В вагоне он остался один. Рейнджеры друг за другом прошли через ворота, превращаясь во взрывы слепящего сияния.

Айк встал перед воротами, борясь с желанием ринуться обратно в темноту. Побуждение было таким сильным, что он испытывал боль, словно от раны. Мало кто понимал его. Айк как будто впал в манихейство – для него существовали только свет и тьма. И никаких оттенков серого.

С негромким криком Айк прижал к глазам ладони и побежал через ворота. Выбеленный светом, он казался прозрачным, как воспаряющая душа. Проходить здесь было с каждым разом труднее.

За колючей проволокой и мешками с песком Айк замедлил пульс и прочистил легкие. В соответствии с распорядком вынул обойму, расстрелял оставшиеся патроны в ящик с песком, показал личный знак часовым в пуленепробиваемой форме.

«Лагерь «Елена», – гласила надпись на доске. Кто-то давно зачеркнул слова «Черные лошади» и вывел «Волкодавы».^[9] Это, в свою очередь, тоже было зачеркнуто и сверху написано еще с полдюжины названий других подразделений. Единственная постоянная надпись гласила: «– 16 232 фута».

Согнувшись под тяжестью снаряжения, Айк тащился мимо солдат в формах «ниндзя» – черный камуфляж для подземных действий; кто не при исполнении, были в армейских свитерах, в тренировочных брюках. Но куда бы ни шли солдаты – на тренировку, на мессу, поиграть в баскетбол, в гарнизонный магазин проглотить пару пирожных или выпить соку, – у всех и каждого с собой были винтовка или пистолет – про бойню двухлетней давности никто не забыл.

Из-под своих висящих, как веревки, дредов Айк косился на гражданских, которых тут становилось все больше. В основном сюда ехали шахтеры и строители, встречались наемники и миссионеры – передовой отряд колонизации. Когда Айк уезжал – два месяца назад, – их было лишь несколько десятков, теперь, кажется, стало больше, чем солдат. И конечно, они вели себя с высокомерием большинства.

Айк услышал звонкий смех и вздрогнул, увидев троих проституток, на вид лет под тридцать. У одной была не грудь, а настоящие волейбольные мячи. Впрочем, она удивилась при виде Айка гораздо больше. Соломинка, через которую она тянула какой-то напиток, выскользнула из розовых губ, и

женщина изумленно уставилась на него. Айк отвернулся и поспешил убраться.

Лагерь рос, и очень быстро. Как сотни подобных поселений во всем мире, этот рост характеризовался не только появлением новых кварталов и поселенцев; о многом говорили используемые материалы. Здесь царил бетон. Дерево считалось роскошью. Развитие производства металлопроката требовало времени, а также наличия вблизи необходимых руд. А бетон нужно лишь взять – выскрести из пола или стен. Дешевый, удобный, прочный цемент был самым ходовым материалом и питал дух первопроходчества.

Айк вошел в сектор, где два месяца назад жили рейнджеры. Теперь все – полосу препятствий, и башню для тренировок по спуску, и полигон для стрельб – прибрали к рукам поселенцы, наводнившие лагерь. Чего тут только не было – палатки, навесы, цыганские шатры. Гул голосов и дикая музыка обрушились на Айку, словно жуткая вонь.

Единственное, что напоминало о бывшем штабе подразделения, – два блока-кабинета, скрепленные скотчем. Потолок у них был из картона. Айк прислонил рюкзак к стене, посмотрел на бродивших кругом работяг и головорезов и решил взять его внутрь. По-дурацки себя чувствуя, постучал в картонную стену.

– Войдите! – рявкнули оттуда.

Бранч говорил с кем-то через портативный компьютер, кое-как установленный на коробки с консервами; с одного боку валялся шлем, с другого – винтовка.

– Элиас! – приветствовал его Айк.

Бранч радости не выказал. Его маска из шрамов и рубцов сморщилась в брюзгливую гримасу.

– А, блудный сын! – сказал он. – А мы как раз о тебе говорили. – И майор повернул ноутбук.

Теперь Айк мог видеть лицо на экране и сам находился в поле зрения видеокамеры. На связи был Джамп Линкольн, один из бывших товарищей Бранча по воздушно-десантным войскам, а теперь офицер, начальник лейтенанта Мидоуза.

– Ты, видно, остатки мозгов растерял? – спросило у Айку изображение на мониторе. – Мне на стол минуту назад лег рапорт. Там сказано, что ты отказался выполнять приказ. В присутствии всего вверенного лейтенанту отряда. И что ты, угрожая ему, направил на него оружие. Ты можешь что-нибудь сказать, Крокетт?

Айк не стал прикидываться дурачком, но и сдаваться тоже не

собирался.

– Быстро как лейтенант пишет, – заметил он. – Мы прибыли всего минут двадцать назад.

– Ты угрожал офицеру? – Динамик ноутбука придавал лаю Джампа какой-то металлический оттенок.

– Возражал.

– В боевых условиях, в присутствии подчиненных?

Бранч покачал головой, выражая недовольство.

– Этот человек нездешний, – объяснил Айк. – Из-за него один парень оказался покалечен. Я не видел смысла разделять его заблуждение. И в конце концов я его убедил.

Косое изображение Джампа кипело от злости. Наконец он сказал:

– Я считал, что район чист. Предполагалось, что это пробный марш для Мидоуза. Хочешь сказать, вы наткнулись на хейдлов?

– Ловушки, – пояснил Айк. – Многовековой давности. Думаю, с каменного века там никто не ходил.

Айк не стал напоминать, что его как раз и отправили пасти не в меру шустрого выпускника СПОР.^[10]

На экране возникло изображение настенной карты.

– Куда они подевались? – спросил Джамп. – У нас не было столкновений с противником уже несколько месяцев.

– Не беспокойтесь, – сказал Айк. – Они где-то внизу.

– Не уверен. Иногда мне кажется, что хейдлы отступили окончательно. Или вымерли от какой-нибудь болезни.

Бранч быстро вмешался.

– На мой взгляд, ситуация патовая, – заявил он Джампу. – Мой клоун обезвредил твоего. Думаю, мы договоримся.

Оба майора знали, что Мидоуз – хуже землетрясения. И конечно, вместе с Айком его больше не пошлют. Айка это устраивало.

– Растак вас, – сдался Джамп. – Засуну рапорт подальше. На этот раз.

Бранч продолжал смотреть на Айку.

– Не знаю, Джамп, – сказал он. – Может, хватит нам с ним нянчиться?

– Элиас, я же знаю, что у тебя на него особые надежды, – возразил Джамп. – Но я говорил – не зацкливайся. С бумажной посудой нужно поосторожнее. Говорю тебе, они те еще штучки.

– Спасибо за рапорт. Я твой должник. – Бранч ткнул в кнопку «Выкл.» и повернулся к Айку. – Отлично, – начал он. – Скажи, тебе что – жить надоело?

Если майор и ждал от собеседника раскаяния, то напрасно. Айк взял

несколько ящиков и сделал себе сиденье.

– «Бумажная посуда», – произнес он. – Что-то новенькое. Военный жаргон?

– Цэрэушный, если тебе непременно нужно знать. Означает «попользовался и выбросил». В ЦРУ так обычно называют разные туземные спецоперации. А тут речь идет о молодцах вроде тебя, которых мы добыли из глубин и используем как разведчиков.

Айк сказал:

– Это вроде как твоя идея.

Настроение у Бранча было по-прежнему гнусное.

– До чего же ты вовремя выступил. Конгресс закрывает нашу базу. Продает ее. Какой-то своре корпоративных гиен. Оглянуться не успеешь, а правительство проиграло очередному картелю. Мы делаем всю грязную работу, а международный бизнес тут как тут со своей службой безопасности, разработчиками, горным оборудованием. Мы льем кровь, а они купоны стригут. Мне дали три недели, чтобы перевести все подразделение во временные кварталы на глубине две тысячи футов под лагерь «Элисон». Времени у меня мало, Айк. Я тут кишки надрываю, чтобы тебя вытащить, а ты, значит, угрожаешь офицеру в боевой обстановке.

Айк поднял два пальца:

– Больше не буду, папочка!

Бранч шумно выдохнул. Он с отвращением оглядел свой крошечный кабинет. По соседству грохотал сотнями децибел какой-то кантри-вестерн.

– Ты посмотри на нас, – продолжил Бранч. – Жалкие мы люди. Проливаем кровь, а компании зарабатывают. А честь?

– Честь?

– Не надо, Айк. Именно честь. Не деньги, не власть, не имущество. Я про суть соблюдения кодекса. Вот этого. – И он положил руку на сердце.

– Ты не слишком многого хочешь?

– А ты?

– Я же не кадровый офицер.

– Ты тоже не пустое место, – сказал Бранч и сгорбился. – Трибунал над тобой продолжается. Заочно. Пока ты там сражался. Одна самовольная отлучка превратилась в дезертирство с места боевых действий.

Айк не слишком удивился.

– Подаю апелляцию.

– Это и была апелляция.

Айк и виду не подал, что расстроен.

– Есть слабый луч надежды, – продолжил Бранч. – Ты должен явиться для вынесения приговора. Я поговорил с начальником Военно-юридического управления – там считают, ты можешь рассчитывать на помилование. Я подергал все веревочки, какие только мог. Рассказал им, сколько от тебя пользы. Кое-кто наверху пообещал замолвить слово. Не то чтобы прямо, но, сдастся мне, суд проявит снисходительность. Должны, черт побери!

– Это и есть луч надежды?

Бранч не поддался:

– Могло быть и хуже, знаешь ли.

Они и раньше спорили об этом до упаду. Айк не стал возражать. Для армии он не сын, а пушечное мясо. И вовсе не армия вызволила его из рабства, напомнила ему, что он человек, сняла с него оковы и залечила раны. Его спас Бранч. И Айк этого никогда не забудет.

– Попробовать-то можно, – сказал майор.

– Не стоит, я думаю, – мягко ответил Айк. – Подниматься опять наверх.

– Здесь, внизу, опасно.

– Наверху хуже.

– Нельзя тут выжить в одиночку.

– Присоединюсь к какому-нибудь отряду.

– О чем ты говоришь? Тебя ждет увольнение с лишением прав, а то и тюрьма. Ты станешь изгоем.

– Есть и другие занятия.

– Стать наемником? Тебе? – Бранч скривился.

Айк словно не слышал.

Оба молчали. Наконец Бранч выдавил, почти шепотом:

– Ради меня...

Если бы это не стоило майору такого труда, Айк отказался бы. Поставил бы в угол винтовку, отбросил пинком рюкзак, сорвал с себя заскорузлую форму и ушел бы отсюда прямо голышом – от этих рейнджеров, от этой армии подальше. Но Бранч сейчас сказал то, чего в жизни не говорил. Только потому, что человек, который выходил его, который был ему как отец, растоптал сейчас свою гордость, Айк сделал то, чего поклялся никогда не делать. Он уступил.

– И куда мне? – спросил он.

Оба сделали вид, что ничего не произошло.

– Ты не пожалеешь, – заверил Бранч.

– Повесят меня, стало быть? – без улыбки выдавил Айк.

Вашингтон, округ Колумбия

Посреди эскалатора, крутого, словно ацтекская пирамида, Айк почувствовал, что с него хватит. Дело было не только в невыносимом свете. Подъем из земных недр казался отвратительно бесконечным. Чувства Айка путались. Мир, казалось, вывернулся наизнанку.

Когда стальной эскалатор поднялся до нулевой отметки и сверху полился вой машин, Айк вцепился в резиновые поручни. Наверху его изрыгнули на тротуар. Толпа дергала и тянула его от входа в метро.

Течение толпы, шум, случайные толчки влекли его на середину Индепенденс-авеню.

Айку доводилось испытывать головокружение, но такое – никогда. Небо рушилось прямо на голову. В разные стороны шарахался проспект. Мучимый тошнотой, метался Айк в реве автомобильных гудков. Он сражался с боязнью открытого пространства. Суженное поле зрения едва позволило ему продраться к стене, облитой солнечным светом.

– Эй, отвали отсюда! – гаркнул кто-то с индийским акцентом.

Потом продавец разглядел лицо Айка и убрался в глубь магазина.

Айк прижался щекой к кирпичам.

– Угол Восемнадцатой и С... – обратился он к прохожему.

Это оказалась женщина. Стаккато каблучков обогнуло его широкой дугой. Айк заставил себя оторваться от стены.

На другой стороне улицы он начал невыносимо трудный подъем на холм, опоясанный высоко реющими государственными флагами. Подняв голову, Айк увидел монумент Вашингтону, пронзающий чисто-голубое чрево дня. Была пора цветения вишен. Айк едва дышал из-за пылицы.

Проплыла стайка облаков, дав ему небольшую передышку, потом они растворились в небе. Солнечный свет стал невыносим. Айк, разгоряченный, двигался вперед. Тюльпаны ослепили его ураганным огнем сверкающих красок. Спортивная сумка, единственный его багаж, стала тяжелее. Айку не хватало воздуха – это ему-то, бывшему покорителю Гималаев, и где – в штате на уровне моря.

Щуря глаза, прикрытые горнолыжными очками, Айк спрятался в тенистой аллее. Наконец солнце село. Тошнота прошла. Он смог снять очки. Айк неумоимо бродил при лунном свете по самым темным частям города, словно непрерывно от кого-то убегая. И никак не мог набегаться. Он бродил без цели, как придется. С тех пор как давным-давно Айк оказался погребенным под снегом в тибетской пещере, он впервые поднялся на поверхность земли. Ему было не до еды, не до сна. Нужно все

посмотреть. Как натренированный турист с ногами спринтера, Айк без усталости рыскал по городу. Бульвары не хуже парижских, кварталы с дорогими ресторанами, величественные посольские особняки. Айк старался держаться пустынных улиц.

Ночь казалась волшебной. Звезды сияли даже сквозь яркие огни города. Воздух в час прилива был соленым и чистым. На деревьях распускались почки.

Самый настоящий апрель. И все же, шагая по траве и тротуару, перелезая через ограды и уворачиваясь от автомобилей, Айк чувствовал, что в душе у него – ноябрь. Даже для этой благодатной ночи он был чужим. Он здесь ненадолго. И Айк старался запомнить и луну, и болота, и дубы, и медленное струистое течение Потомака.

Сам не заметив как, он оказался на зеленом холме у подножия Вашингтонского кафедрального собора. Тут Айк словно попал в Средневековье. Вокруг собора обосновалась многотысячная толпа верующих.

Неряшливый палаточный городок освещали только свечи и фонари. Поколебавшись, Айк двинулся вперед. Люди собрались здесь целыми семьями и даже приходами и жили бок о бок с нищими, сумасшедшими, больными и наркоманами.

На шатких опорах колыхались огромные стяги с крестами, словно в крестовых походах. Две готические башни собора поблескивали в свете огромных костров. И ни одного фараона. Казалось, собор отдан истинно верующим. Торговцы продавали распятия, изображения ангелов Новой эры, укрепляющие таблетки из водорослей, индейские украшения, органы животных, пули, окропленные святой водой, и билеты в Иерусалим на самолет туда и обратно.

Тут же происходила запись в ополчение – «Мускулистые христиане»^[11] собрались вести партизанские действия против преисподней. За столом, заваленным литературой о наемниках, журналами «Солдаты удачи», сидели мерзавцы с накачанными бицепсами и крутыми стволами. Тут же демонстрировали учебный видеофильм – жалкую дешевку: горящая воскресная школа, актеры в гриме изображают несчастных, вопиющих о помощи.

Рядом с группой телевизионщиков стояла раздетая по пояс женщина – без руки и обеих грудей. Она демонстрировала свои шрамы, словно награды. Говорила она как уроженка Луизианы, по-видимому, протестантка. В единственной руке она держала ядовитую змею.

– Я была узницей дьявола! – вещала женщина. – И я спаслась. Я, но не

мои несчастные дети и не другие христиане. Добрые христиане ждут спасения. Идите же вниз, сильные братья, идите, вызволяйте слабых. Несите свет Господа во тьму Аида! Да поможет вам Иисус, и Отец, и Дух Святой!..

Айк попятился. Сколько же заплатили этой женщине со змеей, чтобы она показывала свои шрамы, обращала людей и вербовала легковерных? Слишком уж ее шрамы напоминали те, что остаются после удаления грудных желез. В любом случае, не похожа она на бывшую узницу. Слишком уверенная.

На самом деле у хейдлов были пленники, но они не обязательно нуждались в спасении. Те, кого доводилось встречать Айку, те, кто прожил какое-то время у хейдлов, стали как пустое место. Для людей, попавших в подземелье, плен становился чем-то вроде своеобразного бегства от повседневных забот и трудностей. Сказать такое вслух – страшная ересь, особенно среди таких вот патриотов, проповедующих свободу, но Айку был знаком этот соблазн – отдаться власти другого существа и ни за что не отвечать.

Он пробрался через толпу вверх по ступеням и вошел в средневековое здание. Тут имелись признаки и двадцатого века: национальные символы, включенные в рисунок мозаичного пола, на одном из витражей – портреты астронавтов, летавших на Луну. Если бы не это, можно было подумать, что сейчас самый разгар черной чумы.

Воздух наполнен запахом дыма и ладана, запахом потных тел и гнилых фруктов; от каменных стен отдается эхо молитв. Католическое «Конфитеор» и иудейский каддиш; призывы к Аллаху смешиваются с гимнами Аппалачских гор. Молитвы о Втором пришествии, об эре Водолея, о едином Боге, ангелах. Всеобщая мольба о спасении. Похоже, тысячелетие предстоит не слишком веселое.

Перед рассветом, помня о своем обещании Бранчу, Айк вернулся на перекресток Восемнадцатой авеню и улицы С. Сюда ему было велено явиться. Он присел на гранитные ступени и стал ждать девяти часов. Несмотря на предчувствие, Айк сказал себе, что возврата нет. Теперь его доброе имя в руках каких-то незнакомцев.

Солнце медленно вставало, величественным маршем надвигаясь на узкие ущелья небоскребов. Айк смотрел на свои следы, тающие на инее газона. Сердце у него упало.

Его переполнила печаль, ощущение предательства. Какое право имел он возвращаться в этот мир? Какое право имел мир возвращаться в него? Неожиданно собственное присутствие здесь, попытка оправдаться перед

неизвестными людьми показалась ему страшной ошибкой. Зачем было сдаваться? Ну и что, если его признают виновным?

В какой-то миг, перебирая в уме всю жизнь, Айк вернулся к своему пленению. Никаких видимых образов. Великий вопль. Костлявый изможденный человек, прижавшийся к его плечу. Запах камней. И цепи – вечная недомузыка, без ритма, без мелодии. Не грозит ли ему это снова? Бежать, подумал Айк.

– Не думал, что ты здесь, – услышал он. – Думал, за тобой придется побегать.

Айк поднял глаза. Перед ним стоял очень широкий человек лет пятидесяти. Несмотря на джинсы и куртку – все опрятное и дорогое, – осанка выдавала военного. Айк скосил глаза влево, потом вправо – они были одни.

– Вы защитник?

– Защитник?

Айк смутился. Знает ли его собеседник, кто он?

– Защитник, в суде. Не знаю, как это правильно называется. Адвокат.

Человек понимающе кивнул:

– Конечно, меня можно называть и так.

Айк встал.

– Тогда покончим побыстрее.

Он изнывал от страха, но никакого другого выхода не видел.

Его собеседник немного растерялся:

– Ты не заметил, что на улицах никого? Все закрыто. Сегодня воскресенье.

– Тогда что мы тут делаем? – спросил Айк.

Происходящее показалось ему страшно глупым. Ему конец.

– Делом занимаемся.

Айк весь извелся. Что-то не так. Бранч велел ему прийти сюда в это время.

– Вы не адвокат.

– Меня зовут Сэндвелл.

Возникла пауза – Айк не знал, что сказать. Когда Сэндвелл понял, что Айк впервые о нем слышит, он улыбнулся – с некоторым сочувствием.

– Когда-то я был командиром у твоего друга Бранча, – объяснил он. – В Боснии, еще до того, как с ним случилась беда. То есть до того, как он изменился. Он был честным человеком. – И Сэндвелл добавил: – Думаю, таким и остался.

Айк согласился. Есть вещи, которые не меняются.

– Я слышал о твоих неприятностях, – продолжал Сэндвелл. – Читал твое дело. Последние три года ты хорошо нам служил. Все тебе просто дифирамбы поют. Отлично ориентируешься, прекрасный разведчик, хорош в бою. С тех пор как Бранч тебя приручил, ты принес немало пользы. Впрочем, и тебе от нас была польза – ты смог рассчитаться, получить око за око, так ведь?

Айк ждал. Это «нас» создавало впечатление, что Сэндвелл все еще связан с армией. И в то же время что-то в нем – не наряд деревенского щеголя, а скорее манера держаться – наводило на мысль, что он клюет не только из этой кормушки.

Молчание Айка начало раздражать собеседника. Айк догадался, потому что следующий вопрос был провокационным.

– Когда Бранч тебя нашел, ты вел рабов, верно? Был у них за главного, вроде надзирателя. И одним из них.

– Называйте, как хотите, – ответил Айк.

Напоминать ему о прошлом – все равно что бросить в него камень.

– Это важно. Ты перешел к хейдлам или нет?

Сэндвелл ошибался. Совершенно не важно, что думал Айк. Айк по собственному опыту знал: люди составляют обо всем суждение независимо от истины, даже если истина ясна.

– Вот потому люди и не верят вам, побывавшим у хейдлов, – сказал Сэндвелл. – Я прочитал достаточно много психологических характеристик. Вы похожи на ночных животных. Вы – существа полумрака. Живете между двумя мирами, между светом и тьмой. Ни правые, ни виноватые. В лучшем случае слегка сумасшедшие. При обычных обстоятельствах было бы безрассудно полагаться в бою на таких, как ты.

Айк знал, что его боятся и презирают. Считанные единицы спаслись из плена хейдлов; большинство отправилось напрямик в палаты, обитые войлоком. Некоторым удалось реабилитироваться и вернуться к работе, в основном в качестве проводников у шахтеров или религиозных переселенцев.

– Вот тебе мое мнение, – сказал Сэндвелл. – Ты мне не нравишься, но я не верю, что восемнадцать месяцев назад ты хотел дезертировать. Я прочел рапорт Бранча об осаде Альбукерке-десять. Я считаю, что ты действительно перешел линию фронта. Но думаю, тебе важнее было не спасти своих товарищей, оставшихся в лагере, а рассчитаться с теми, кто сделал тебе вот это. – И Сэндвелл указал на шрамы на лице и руках Айка: – Я понимаю, что такое ненависть.

Поскольку Сэндвелл, казалось, удовлетворен, Айк не стал возражать.

Все считали, что он повел солдат против своих бывших захватчиков с целью отомстить. Айк оставил попытки растолковать, что, на его взгляд, армия тоже ведет захватническую войну. Ненависть в его уравнение не вписывалась. Она была ни при чем, иначе Айк давно бы уничтожил себя. Его вело только любопытство.

Айк и сам не заметил, как шагнул прочь от собеседника, ища защиты от солнечных лучей. Поймав на себе взгляд Сэндвелла, он остановился.

– Ты – не из этого мира. – Сэндвелл улыбался. – Думаю, ты и сам понимаешь.

Он был сама доброжелательность.

– Я уеду, как только меня отпустят, – сказал Айк. – Мне нужно отмыть свое имя. А потом опять за работу.

– Ты в точности, как Бранч. Но тут все не так просто. Суд липовый. А угроза хейдлов в прошлом. Они ушли.

– Не будьте так уверены.

– Все зависит от взглядов. Люди хотят, чтобы дракон был убит. Это значит, у нас теперь нет надобности в неудобных людях и бунтарях. Не нужны нам проблемы, разочарования и беспокойство. Вы нас пугаете. Вы похожи на хейдлов. Нам не нужны напоминания о прошлом. Год или два назад суд принял бы во внимание твои способности и ценность в боевой обстановке. А теперь им нужен корабль без течи. Дисциплина и порядок.

Сэндвелл небрежно продолжил:

– Короче говоря, ты покойник. Не принимай это как личное. Твое дело – не единственное. Армия хочет очистить свои ряды от всего сомнительного и неприятного. Ваше время прошло. Разведчики и партизаны уходят. Так всегда бывает, когда война кончается. Весенняя уборка.

«Бумажная посуда», – вспомнил Айк слова Бранча. Следовало знать или предвидеть, что чистка неизбежна. Такая простая правда. Но Айк оказался не готов ее услышать. Он почувствовал боль и даже некоторое облегчение: оказывается, он еще способен чувствовать.

– Бранч уломал тебя положиться на снисхождение суда, – констатировал Сэндвелл.

– Что еще он вам рассказал? – Айк чувствовал себя невесомым, как сухой лист.

– Бранч-то? Мы с ним не виделись со времен Боснии. Нашу встречу устроил один из моих помощников. Бранч уверен, что ты тут встречаешься с поверенным, хорошим знакомым его знакомого. С посредником.

«К чему такая сложность?» – думал Айк.

– Большого полета фантазии тут не требуется, – продолжал Сэндвелл. – На что же тебе рассчитывать, если не на снисхождение? Но, как я уже сказал, это не реально. Твое дело решено.

Его тон – не насмешливый и не сочувственный – говорил Айку, что надежды нет. Не стоит терять время, спрашивать о решении. Он просто спросил, какое его ждет наказание.

– Двадцать лет, – сообщил Сэндвелл. – Тюрьма Ливенворт.

Айку показалось, что небо раскололось на куски. Не думать, приказал он себе. Не чувствовать. Однако солнце поднялось и душило Айку его собственной тенью. Он видел под ногами свой изломанный силуэт.

Сэндвелл терпеливо ждал.

– Вы пришли полюбоваться, как я умираю? – решился Айк.

– Я пришел дать тебе шанс. – Сэндвелл протянул визитную карточку. На ней стояло имя: «Монтгомери Шоут». Ни должности, ни адреса. – Позвони этому человеку. У него есть для тебя работа.

– Какая еще работа?

– Мистер Шоут сам тебе расскажет. Главное, что работать придется глубоко – никакой закон до тебя не докопается. Есть зоны, где не действует экстрадиция. Там тебя не достанут. Только действовать нужно немедленно.

– Вы работаете на него? – спросил Айк.

«Притормози, – сказал он себе, – возьми след, отыщи отправную точку и иди».

Сэндвелл был непроницаем.

– Меня попросили найти человека с определенными навыками. Мне повезло, что я нашел тебя в таком затрудненном положении.

Тоже своего рода информация. Значит, и Сэндвелл, и Шоут замешаны в чем-то противозаконном, или тайном, или просто опасном – так или иначе, но для чего-то понадобилось устроить секретную встречу в воскресное утро.

– Бранчу вы не сказали, – заметил Айк.

Ему это не нравилось. Речь шла не о том, чтобы получить разрешение Бранча, а о его, Айку, будущем. Убежать – значит навсегда вычеркнуть армию из своей жизни.

Сэндвелл не извинялся.

– Можешь не осторожничать, – сказал он, – если ты решишься, тебя объявят в розыск. И первое, что они сделают, – допросят тех, кто был с тобой близок. Мой тебе совет: не нужно их компрометировать. Не звони Бранчу. У него и так проблем хватает.

– Значит, мне нужно исчезнуть? Слово меня и не было?

Сэндвелл улыбнулся:
– Тебя и так никогда не было.

Нет ничего сильнее, чем это притяжение бездны.

Жюль Верн. Путешествие к центру Земли

Манхэттен

Али была в сандалиях и легком платье, словно надеялась оттянуть этим приход зимы. Охранник отметил имя в списке, поворчал, что она слишком рано – других, мол, еще нет, но все-таки провел ее через металлодетектор. Выпалил пару указаний. И она осталась одна в музее искусств Метрополитен.

С чувством, что она единственный человек на земле, Али остановилась у маленького полотна Пикассо. Потом у огромной картины Бирштадта с видом Йеллоустоунского национального парка. Подошла к главной экспозиции, которая называлась «Дары преисподней». Подзаголовок гласил: «Искусство секонд-хэнд». Посвященная изделиям преисподней, выставка демонстрировала в основном предметы, которые вновь оказались наверху благодаря солдатам или шахтерам. Почти все экспонаты были когда-то так или иначе похищены у людей. Отсюда и название.

Корделия Дженьюэри назначила Али встречу, и та пришла заранее – отчасти полюбоваться музеем, отчасти посмотреть, на что способен homo hadalis. Или на что не способен. Идея выставки была такова: homo hadalis – запасливые воришки ростом с человека. Порождение подземного мира, они веками воруют у людей их изобретения. От древних горшков до пластиковых бутылок из-под кока-колы, от вудуистских амулетов до фарфоровых статуэток династии Тан, от архимедовых винтов до скульптур Микеланджело, считавшихся утраченными.

Кроме творений человеческих рук были также изделия из людей. Али подошла к известному «Надувному мячу», сшитому из разноцветных лоскутов человеческой кожи. Назначения его никто не знал, но окаменевшая идеальная сфера была для гомо сапиенс зрелищем оскорбительным: уж очень цинично ее создатель использовал расовые различия представителей этого вида – словно речь шла о лоскутах ткани.

Гораздо интереснее был кусок камня, выломанный из какой-то

подземной стены. Его покрывали неизвестные письма, почти каллиграфические. Организаторы, по-видимому, считали, что надпись сделана человеком, а потом попала в подземный мир, потому и включили ее в экспозицию. Задумчиво рассматривая каменную плиту, Али засомневалась. Надпись не походила ни на что, виденное ею раньше.

До нее донесся голос:

– Вот ты где, детка!

– Корделия? – сказала она и повернулась.

Стоящая перед ней женщина казалась чужой. Дженьюэри всегда была неукротимой – темнокожая амазонка с размашистыми жестами. А сейчас предстала неожиданно старой, словно съезжившейся. Опираясь на трость, Корделия обняла Али – только одной рукой. Али прижала ее к себе и почувствовала, как у Корделии выступают ребра на спине.

– Деточка моя, – счастливо прошептала Дженьюэри.

И Али прижалась щекой к волосам – седым и коротко подстриженным. Вдохнула знакомый запах.

– Мне охранник сказал, что ты уже час как пришла. – Дженьюэри повернулась к высокому мужчине, который приблизился вслед за ней. – Что я тебе говорила? Всегда-то она бежит впереди паровоза, с детства такая. Не зря ее прозвали Али-мустанг. Легенда графства Керр. И видишь, какая красавица?

– Корделия! – упрекнула Али.

Дженьюэри была самой скромной на свете женщиной, но и самой хвастливой. Своих детей она не имела и за несколько лет усыновила несколько сирот; всем им приходилось терпеть ее приступы материнской гордости.

– Ну, ясно, говорю же, – не унималась Дженьюэри. – Никогда и в зеркало не смотрится. Когда она ушла в монахини, в Техасе был траур – крутые техасские парни рыдали под техасской луной, словно безутешные вдовы.

И сама Дженьюэри плакала, вспомнила Али. Плакала и снова и снова просила прощения, что не может понять призвания Али. По правде сказать, теперь Али и сама его не понимала.

Томас держался в стороне. Близкие люди встретились после долгой разлуки, и он старался не мешать. Али хватило одного взгляда, чтобы его рассмотреть.

Высокий, поджарый, под семьдесят. Глаза ученого, но телосложение крепкое. Али его раньше не видела, однако, несмотря на отсутствие белого воротничка, узнала священника: она их чувствовала. Наверное, потому, что

и сама стояла особняком от других.

– Али, ты должна меня простить, – сказала Дженьюэри. – Я тебе говорила о дружеском свидании, а сама привела людей. Но так нужно.

Али увидела двоих мужчин, прохаживающихся в другом конце зала. Худощавый слепой старик и с ним высокий юноша. В дальние двери вошли еще несколько человек постарше.

– Это я виноват.

Томас протянул руку. Вот и конец. Али рассчитывала провести с Дженьюэри впереди целый день, а тут, оказывается, какие-то дела.

– Вы даже не представляете, как мне нужно было с вами познакомиться. Тем более что вы отбываете в аравийские пески.

– Речь о твоём академическом отпуске, – сказала сенатор. – Я подумала – об этом можно рассказать.

– Саудовская Аравия, – продолжал Томас. – Не самое подходящее место для молодой особы, особенно в наше время. С тех пор как к власти пришли фундаменталисты, там в большом почёте шариат. Не завидую вам – целый год проходить в абаете.

– Перспектива одеваться по-монашески меня не пугает.

Дженьюэри расхохоталась.

– Я тебя никогда не понимала, – призналась она. – Тебе дают целый год, а ты снова отправляешься в пустыню.

– Мне знакомо это чувство, – сказал Томас. – Вам, должно быть, не терпится увидеть иероглифы.

Али насторожилась. О наскальных надписях она Корделии не сообщала. Томас объяснил, обращаясь к Дженьюэри:

– В южных окрестностях Йемена их особенно много. Протосемитские письмена. Саудовский век тьмы.

Али пожала плечами, словно речь шла об известных всем фактах, но внутренне напряжилась. Иезуит как-то проведал о её планах. Что ещё ему известно? Знает ли Томас о другой причине её отпуска, о том, что она оттягивает принятие окончательного обета? Отсрочка понадобилась как для занятий наукой, так и для неё самой – для испытания веры. Быть может, его прислала мать-настоятельница, чтобы он исподволь её направлял? Али тут же прогнала эту мысль. Они бы не посмели. Такой выбор – её дело, а не какого-то иезуита.

Томас словно прочёл опасения Али.

– Видите ли, я слежу за вашей карьерой, – объяснил он. – Я и сам балуюсь антропологией и лингвистикой. Ваша работа о неолитических надписях и языке написана... как бы это сказать... весьма изящно для

вашего возраста.

Он явно старался, чтобы его слова не прозвучали лестью, и правильно делал. Али нелегко заморочить.

– Я прочитал все ваши работы, которые смог найти, – продолжал Томас. – Смело и весьма, особенно для американки. Большинство исследований по праязыкам пишется в Израиле русскими евреями. Но им просто деваться некуда. А вы-то молоды, перед вами все дороги, и все же вы взялись за такое неортодоксальное исследование. Происхождение языка.

– Не понимаю, почему люди так рассуждают, – сказала Али. Томас задел ее за живое. – Находя путь к первым нашим словам, мы возвращаемся к нашим истокам. И это приближает нас к Господу.

«Да, именно так», – подумала она. При всей наивности подобных рассуждений. Такова сущность ее исследований, ее разума и души. Иезуита ответ, казалось, вполне удовлетворил. Впрочем, для Али это значения не имело.

– Скажите мне как профессионал, – попросил он. – Что вы думаете о выставке?

Ее явно проверяли, и без Дженьюэри тут тоже не обошлось. Али решила уступить, но осторожно.

– Я немного удивлена, – отважилась она признаться, – их вкусом к священным реликвиям.

И Али показала на стенд с четками – из Тибета, Китая, Сьерра-Леоне, Перу, Византии, страны викингов, Палестины. Рядом – витрины с распятиями, потирами, изображениями для медитации, сделанными из золота и серебра.

– Кто бы мог подумать – хейдлы собирают такие изящные изделия. Я такого от них не ожидала.

Монахиня подошла к монгольским доспехам двенадцатого века; на них, исколотых, до сих пор оставались пятна крови. Повсюду висело и лежало оружие, носившее следы долгого применения, доспехи, пыточные орудия... хотя в описании экспозиции сказано, что эти предметы были изготовлены людьми.

Они остановились перед известной фотографией хейдла, который замахнулся дубиной на робота-разведчика. Первая встреча современного человека с «ними» – событие из тех, что не забываются. Люди навсегда запоминают, где они были и чем занимались в тот момент. Существо на фотографии выглядело разъяренным и походило на демона; на белой голове торчали наросты, напоминающие рога.

– Какая жалость! – сказала Али. – Может случиться, что мы так и не

узнаем, кто же на самом деле были хейдлы. Будет слишком поздно.

– Возможно, и сейчас уже поздно, – предположила Дженьюэри.

– Не верю, – ответила Али.

Томас и Дженьюэри обменялись взглядами. Томас принял какое-то решение.

– Я думаю, нам стоит кое-что обсудить, – предложил он.

Али сразу же поняла, что именно ради этого и затеяна ее поездка в Нью-Йорк, которую организовала и оплатила Дженьюэри.

– Мы принадлежим к некоему сообществу, – начала объяснять Корделия. – Томас долго собирал нас по всему миру. Мы называем себя «Братство Беовульфа». Это неофициальная организация, и собираемся мы очень редко. Встречаемся в каком-нибудь месте, чтобы поделиться собранными сведениями и...

Прежде чем она успела продолжить, раздался крик охранника.

– Положите на место!

Охранники бросились на шум. В центре событий оказались те двое, что вошли вслед за Дженьюэри и Томасом. Виновником был молодой человек. Он поднял с одной из витрин железный меч.

– Это он для меня, – оправдывался его слепой спутник, принимая меч в протянутые ладони. – Я попросил Сантоса...

– Джентльмены, все в порядке, – сказала охранникам Дженьюэри. – Доктор де л'Орме – известный специалист.

– Бернард де л'Орме? – прошептала Али.

Этот легендарный ученый пересек реки и джунгли, проводил раскопки в Азии. Читая о нем, Али представляла его человеком огромной физической силы.

Де л'Орме продолжал невозмутимо ощупывать древнесаксонский клинок и обернутую кожей рукоятку, «рассматривать» их кончиками пальцев. Он понюхал кожу, лизнул железо.

– Великолепен, – произнес ученый.

– Что ты делаешь? – спросила Дженьюэри.

– Вспоминаю кое-что, – ответил он. – Один аргентинский поэт рассказал о двух гаучо, вступивших в смертельный поединок на ножах, потому что их заставил сам клинок.

Слепой держал меч, которым когда-то бился человек, а потом демон.

– Я просто подумал – а может ли железо помнить? – сказал он.

– Друзья мои, – обратился ко всем Томас, – пора начинать.

Из-за темных стеллажей с книгами выступили фигуры. Али вдруг почувствовала себя полуголой. В Ватикане зима все еще изводила мощные улицы слякотью. По контрасту ее рождественские каникулы в Нью-Йорке казались истинно римскими, благословенными, словно позднее лето. Однако летнее платье Али подчеркивало дряхлость собравшихся: все остальные мерзли, несмотря на теплую погоду. Некоторые были в элегантных спортивных куртках, прочие, дрожа, кутались в кофты и плащи.

Все общество собралось за столом английского дуба, изготовленным до эпохи великих соборов. Он пережил войны и террор, королей, пап, буржуа и даже исследователей.

На стенах висели морские карты, на которых еще не было Америк.

Тут же стояли сверкающие приборы, которыми когда-то пользовался капитан Блай, чтобы отыскать дорогу назад, к цивилизации.

За витриной была карта из веточек и ракушек – по таким микронезийские рыбаки отыскивали между островами океанские течения. В углу стояла мудреная Птолемея астролябия, которую использовали в судебном процессе Галилея. На одной из стен висела Колумбова карта Нового Света, необычная, с белыми пятнами, выполненная на пергаменте из овечьей шкуры – ноги животного указывали главные румбы.

Были тут и огромные распечатки снимков Луны, сделанных астронавтом Бадом Персивелом, – исполинская голубая жемчужина, висящая в пустоте. Бывший астронавт довольно нескромно уселся прямо под своим фото, и Али сразу его узнала. Дженьюэри сидела рядом с Али и шепотом называла имена присутствующих. Али радовалась, что Дженьюэри с ней.

Когда все сели, дверь открылась, и, прихрамывая, вошел последний участник заседания. Али сначала решила, что это хейдл. Казалось, вместо кожи у него расплавленный и застывший пластик. На глазах – темные горнолыжные очки, непроницаемые для искусственного света. Пораженная, Али отпрянула – ей еще не случалось видеть хейдла, ни живого, ни мертвого. Он сел на соседний стул, и Али услышала его тяжелое дыхание.

– Я уж думала, ты не соберешься, – обратилась к нему Дженьюэри через плечо Али.

– С желудком что-то неладно, – отозвался он. – Вода, наверное. Обычно несколько недель проходит, пока привыкну.

Али поняла, что он – человек, а дышит тяжело, потому что недавно поднялся на поверхность. Ей еще не приходилось видеть людей, настолько изуродованных субтеррой.

– Познакомься Али, майор Бранч. Засекреченная личность. Служит в армии, наш тамошний связной. Мой старый друг. Я нашла его в госпитале несколько лет назад.

– Иногда я думаю, нужно было меня там и оставить, – поддразнил он и протянул Али руку: – Просто Элиас.

Он состроил странную гримасу, и Али поняла, что это улыбка – без участия губ. Рука была словно камень. Мускулы как у быка, но сколько ему лет – понять невозможно. Огонь и шрамы уничтожили признаки возраста.

Кроме Томаса и Дженьюэри Али насчитала одиннадцать человек, включая и молодого протеже де л'Орме. За исключением Сантоса, самой Али и таинственной личности рядом с ней, присутствующие были стары. Вместе они представляли семьсот лет жизненного опыта и памяти – если не говорить о документированной человеческой истории. Почтенные старики. Многие оставили университеты, компании или правительства, где занимали важные посты. Их награды и репутация стали им не нужны. Теперь эти люди жили жизнью разума, изо дня в день поддерживаемые лекарствами. Старики с тонкими костями.

«Братство Беовульфа» оказалось удивительным сборищем энтузиастов.

Али обозревала немощную компанию, разглядывала лица, запоминала имена. Собравшиеся представляли больше наук, чем существует колледжей в иных университетах.

Монахиня опять пожалела о своем легком наряде. Он висел на ней, словно тяжкая ноша. Длинные волосы щекотали спину. Она чувствовала свое тело под одеждой.

– Могли бы предупредить, что забираете нас от семей, – проворчал человек, чье лицо Али знала по старым журналам «Таймс».

Десмонд Линч, специалист по Средневековью и убежденный пацифист. В тысяча девятьсот пятьдесят втором году получил Нобелевскую премию за биографию Дунса Скота, философа тринадцатого века. Он использовал ее как финансовые подмости для борьбы буквально со всем – от «охоты на ведьм», которую устроил генерал Маккарти в отношении коммунистов, до ядерной бомбы и, позже, войны во Вьетнаме. Это уже история!

– Так далеко от дома, – пожаловался он, – и в такую погоду. Да еще в Рождество!

Томас улыбнулся:

– Что, так плохо?

Линч убийственно взглянул на иезуита из-за набалдашника трости.

– Не будь так уверен, что мы в твоём распоряжении, – предостерег он.

– Об этом можешь не беспокоиться, – серьёзно заверил Томас. – Я слишком стар и не уверен даже в следующем дне.

Все слушали. Томас обвел взглядом лица.

– Если бы ситуация не была критической, – сказал он, – я никогда бы не злоупотребил вашей помощью для столь опасной миссии. Но – ситуация именно такова. И потому вы здесь.

– Но почему именно здесь? – спросила крошечная женщина в детском инвалидном кресле. – И именно теперь – это как-то... не по-христиански, отец.

Вера Уоллах, вспомнила Али. Врач из Новой Зеландии. Она в одиночку противостояла и Церкви, и никарагуанским властям, настояв на введении контроля над рождаемостью. Против нее были штыки и распятия, и все же Вера принесла беднякам спасение – презервативы.

– Да, – проворчал худой мужчина, – время унылое. Почему сейчас?

Хоук, математик. Али видела, как он развлекался с картой, на которой материки были как бы вывернуты наизнанку и видны изнутри.

– И всегда-то так, – сказала Дженьюэри, недовольная его сарказмом, – Томас вечно нам навязывает таким манером свои тайны.

– Могло быть и хуже, – прокомментировал Рау, другой нобелевский лауреат.

Родился в Индии, в штате Уттар Прадеш, в семье неприкасаемых и ухитрился попасть в нижнюю палату индийского парламента. Там он много лет был спикером от своей партии.

Позже Рау почти решил уйти от мира, отказаться от своего имени – и одежды – и встать на путь садху, отшельника, живущего подаянием: горстка риса в день.

Томас дал им еще несколько минут – поприветствовать друг друга и побранить его самого. Дженьюэри продолжала шепотом рассказывать Али о присутствующих. Вот Мустафа, александриец из древнего коптского рода; его мать ведет род от самого Цезаря. Христианин по вероисповеданию, он отлично разбирался в шариате – мусульманском законодательстве – и один из немногих умел объяснить его людям Запада. Мустафа страдал от эмфиземы и мог говорить только обрывочными фразами.

На противоположном конце стола сидел промышленник Фоули,

сколотивший помимо основного состояния несколько побочных: одно – на пенициллине во время корейской войны, другое – на плазме и крови; потом он увлекся борьбой за гражданские права и облагодетельствовал нескольких страдальцев. Сейчас он спорил о чем-то с астронавтом Бадом Персивелом. Али вспомнила и его историю: сделав свой первый шаг по Луне, Персивел отправился на Арарат искать Ноев ковчег, обнаружил геологические свидетельства того, что много веков назад воды Красного моря действительно расступились, а потом изучал прочие бредовые идеи.

Ясно – «Беовульф» состоит из кучки анархистов и неудачников.

Наконец все успокоились. Наступила очередь Томаса.

– Я счастлив иметь таких друзей, – сказал он Али. Она удивилась. Слушали все, но обращался иезуит именно к ней. – Редкие души. Много-много лет во время моих странствий я наслаждался их обществом. Каждый из присутствующих немало потрудился, чтобы отвратить человечество от наиболее разрушительных идей. Их награда... – Томас криво улыбнулся, – это их призвание.

Последнее слово он употребил не случайно. Видно, каким-то образом прознал, что монахиня не тверда в своем обете. Но ведь ее призвание не ослабло, только... изменилось.

– Мы прожили достаточно долго, чтобы понять: зло – реально и не случайно, – продолжал Томас. – И последние годы мы пытались его найти. Мы поддерживали друг друга, собирали вместе наши знания и плоды наблюдений. Это было нетрудно.

Казалось, действительно просто. Немолодые люди посвящают свободное время борьбе со злом.

– Наше самое сильное оружие – знания, – добавил Томас.

– Значит, вы – научный кружок, – сказала Али.

– Мы – рыцари круглого стола, и даже более того, – ответил Томас. Некоторые заулыбались. – Видите ли, я намерен найти Сатану. – Иезуит встретился глазами с Али, и монахиня поняла, что он не шутит. Как и остальные.

Али не сдержалась:

– Найти черта?

Группа нобелевских лауреатов и книжников свела поиски Зла к игре в прятки!

– Черт, – с трудом выдохнул египтянин Мустафа, – бабьи сказки!

– Не черта, а Сатану, – поправила Дженьюэри.

Теперь все смотрели на Али. Никто не спрашивал, почему она здесь – значит, им про нее известно. Неспроста Томас знает о ее планах поездки в

Аравию, об изучении доисламской письменности, о поисках протоязыка. Члены общества собирали об Али информацию. Ее хотят завербовать. Что же здесь происходит? Чего ради Дженьюэри втянула ее в это дело?

– Сатану? – переспросила Али.

– Именно, – подтвердила сенатор. – Такова наша главная цель. И это – реальность.

– О какой реальности вы говорите? О черте, который является недоедающим и недосыпающим монахам? Или о бунтаре, описанном Мильтоном?

– Успокойся, – сказала Дженьюэри. – Мы, может быть, и старые, но не глупые. Сатана – понятие растяжимое. В данном случае оно отражает наши представления о централизованном руководстве хейдлов. Назовем его как угодно – верховным вождем, главнокомандующим, Чингисханом или Аттилой. А возможно, тут действует совет мудрецов или полководцев. Такая концепция вполне логична.

Али предпочла отмолчаться.

– Конечно, это слова, не более, – снова вступил Томас. – Наименование «Сатана» относится к историческому персонажу. К недостающему звену между нашими сказками про ад и геологически подтвержденным фактом его реальности. Подумайте сами. Если существовал исторический Христос, почему не мог существовать исторический Сатана? Подумайте – что такое ад? Недавние события говорят нам, что старые предания лгали – и в то же время говорили правду. Преисподняя полна вовсе не мертвых душ и демонов, однако там действительно есть люди-узники, а также местное население, которое до недавнего времени яростно отстаивало свою территорию. И хотя тысячи и тысячи лет хейдлов демонизировали в человеческом фольклоре, они, по-видимому, очень похожи на нас. У них, как вы знаете, есть письменность, во всяком случае была. Судя по руинам, они создали выдающуюся цивилизацию. Возможно, у них даже есть душа.

Али не могла поверить, что такое говорит священник. Права человека – это одно, а Божья благодать – совсем другое. Даже если у хейдлов есть генетическое родство с людьми, возможность наличия у них души маловероятна с точки зрения теологии. Церковь не признает души у животных, даже у высших приматов. Только человека ждет Спасение.

– Никак не пойму, – сказала Али. – Вы пытаетесь найти существо, называемое Сатаной?

Никто не возразил.

– Но зачем?

– Ради мира, – сказал Линч. – Если он – верховный вождь и с ним

можно вступить в переговоры, мы попробуем добиться вечного мира.

– Ради знаний, – сказал Рау. – Представьте только, что он может знать, куда может нас повести.

– А если он военный преступник, – вступил Элиас, который и тут оставался солдатом, – тогда ради справедливости. Ради наказания.

– Так или иначе, – заключила Дженьюэри, – мы стремимся принести свет во тьму. Или тьму в свет.

Так наивно. Так по-детски. Так притягательно и исполнено надежды. И почти убедительно – гипотетически. Новый Нюрнбергский процесс – для царя преисподней. Али погрузнела. Конечно, их втянут в сражение с ветряными мельницами. Томас притащил их всех обратно в мир, из которого они почти уже ушли.

– И как вы намерены отыскать это создание – или существо, или воплощение чего-то, или кто он там? – спросила Али. Вопрос был риторический. – Как вы надеетесь найти именно этого, единственного, если войска не могут найти вообще ни одного хейдла? Говорят, что они полностью вымерли.

– Вы настроены скептически, – сказала Вера, – но иначе и быть не могло. Ваш скепсис для нас очень важен. Без него вы бы нам негодились. Поверьте, и мы были настроены так же, когда Томас впервые изложил нам свою концепцию. Но вот прошли годы, а мы являемся по его первому требованию.

Вступил Томас:

– Вы спросили, как мы надеемся найти исторического Сатану? Сунуть руку в нору, нащупать и вытащить.

– С помощью наших знаний, – сказал математик Хоук. – Исследуя поднятые материалы, перепроверяя свидетельства, мы составим полную картину. Изучим его поведенческий профиль.

– Я это называю универсальной теорией Сатаны, – заявил Фоули. У него был разум делового человека, стратегический, нацеленный на получение максимальной отдачи. – Некоторые из нас бывают в библиотеках, посещают археологические раскопки, научные центры по всему миру. Другие опрашивают выживших, ищут зацепки. Таким образом мы надеемся выявить психологические шаблоны, обнаружить слабости, которые можно будет использовать на переговорах. Если повезет, мы даже сумеем составить описание внешности.

– Ваша затея похожа на... на авантюру, – сказала Али. Ей не хотелось никого обижать.

– Взгляните на меня, – попросил Томас.

Наверное, это была игра света. Или что-то еще. Али вдруг показалось, что ему тысяча лет.

– Он там, он существует. И уже много лет я не могу его поймать. Так не может больше продолжаться.

Али колебалась.

– Да, такова дилемма, – сказал де л'Орме. – Для неверия жизнь слишком коротка, для веры – слишком длинна.

Али вспомнила о его отлучении и подумала, что для него, наверное, это было мучительно.

– Трудность в том, что Сатана прячется на виду, – сообщил де л'Орме. – И всегда прятался. Он прячется в нашей реальности. Даже в виртуальной реальности. А мы пытаемся проникнуть в иллюзию. Надеемся таким образом его найти. Покажи, пожалуйста, мадемуазель фон Шаде фотографию, – обратился он к помощнику.

Сантос вынул рулон глянцевой фотобумаги. На фотографии была изображена старинная карта. Чтобы разглядеть ее, Али пришлось подняться. Остальные собрались вокруг.

– Остальные имеют преимущество – изучали ее несколько недель, – пояснил де л'Орме. – Это маршрутная карта, известная под названием Петингера таблица. Оригинал имеет ширину один фут и длину двадцать один фут. На карту нанесена сеть средневековых дорог общей протяженностью семьдесят тысяч миль – от Британских островов до Индии. Кроме дорог – источники, мосты, реки, моря. Правда, соотношение долготы и широты не соблюдено. Главное там – сама дорога. – Археолог сделал паузу. – Я всех просил найти на фотографии что-либо необычное. Особенно обращаю ваше внимание на латинскую фразу «Здесь драконы» в середине карты. Никто не заметил ничего особенного?

– Половина восьмого утра, – заявил кто-то. – Заканчивайте свою лекцию, чтобы мы могли наконец позавтракать.

– Прошу, – сказал де л'Орме своему помощнику.

Сантос поставил на стол деревянный ящик, вынул из него толстый свиток и стал осторожно его разворачивать.

– Это оригинал, – пояснил де л'Орме. – Он хранится в музее.

– Так вот почему нас собрали в Нью-Йорке! – догадался Персивел.

– Пожалуйста, сравните, – предложил де л'Орме. – Как видите, фото повторяет оригинал в масштабе один к одному. Я хочу продемонстрировать, что не всегда можно доверять глазам. Сантос!

Молодой человек достал резиновые перчатки, хирургический скальпель и склонился над картой.

– Что вы делаете? – тревожно воскликнул какой-то изможденный мужчина. Его звали Гольт; позже Али стало известно, что он энциклопедист и придерживается взглядов Дидро, что все на свете можно исследовать и расположить в алфавитном порядке. – Эту карту запрещено трогать! – протестовал он.

Акт вандализма, совершающийся прямо на глазах, заставил всех проснуться. Все подошли ближе.

– Тот, кто изготовил карту, – сказал де л'Орме, – сделал ее хранилищем некоей тайны. Надежным хранилищем. Если бы не мои чувствительные пальцы – пальцы слепого, тайну бы никогда не раскрыли. В нашем благоговении перед древностью есть что-то нездоровое. Мы стараемся обращаться с вещами так осторожно, что они утрачивают свое первоначальное предназначение.

– Так что там? – выдохнул кто-то.

Сантос отыскал на карте небольшую поросшую лесом гору, из недр которой вытекала река, и провел по этому месту скальпелем.

– Я не вижу, – продолжал де л'Орме, – и мне иногда доступны некоторые вольности. Я могу прикасаться к вещам, до которых прочие люди дотронуться не могут. Несколько месяцев назад я нащупал на карте небольшое уплотнение. Мы просветили пергамент рентгеновскими лучами и увидели внутри фантомное изображение. Пришлось нам прибегнуть к хирургическому вмешательству.

Сантос открыл на пергаменте маленькую потайную дверцу в горе – на петлях, сделанных из ниток. Под горой оказался дракон. Грубо сделанный, но, несомненно, дракон. В лапах он сжимал букву «В».

– «В» означает «Beliar», или «Велиал», – пояснил де л'Орме. – То есть «не-бог». Другое имя Сатаны. Это означает, что он принимал участие в составлении Петингеровой карты. В Евангелии от Варфоломея, трактате, относящемся к третьему веку, говорится о том, как вызванный из ада Сатана рассказывает о своем низвержении с небес.

Всех удивило мастерство и изобретательность изготовителя карты. Де л'Орме поздравляли с успехом.

– Ничего особенного. Очень просто. Гора с дверцей расположена в карстах бывшей Югославии. Река – подземная река Пивка, вытекающая из пещеры, называемой Постойнска-Яма.

– Постойнска-Яма? – рявкнул Гольт. – Так это же пещера Данте!

– Да, – подтвердил де л'Орме и предоставил Гольту продолжать.

– Постойнска-Яма – огромная пещера. Уже не первый век она привлекает туристов. Знать, землевладельцы спускались туда с местными

проводниками. Данте посетил ее, когда изучал...

– Господи! – сказал Мустафа. – Целую тысячу лет доказательство легенды о Сатане располагалось прямо на виду. И вы говорите – «ничего особенного»?

– Потому что эта пещера больше не ведет туда, где мы еще не бывали, – пояснил де л'Орме. – Сейчас Постойнска-Яма – главный терминал для транспорта, идущего в подземелье и обратно. Реку подорвали. К входу ведет асфальтовое шоссе. А дракон – исчез. Тысячу лет эта карта подсказывала нам, где он когда-то жил или где был один из входов в его царство. Теперь Сатана может быть где угодно.

Томас опять взял слово:

– Здесь перед нами еще одно указание на то, что мы не можем сидеть дома и думать, будто все знаем. Мы должны позабыть об интуиции, пусть даже во многом от нее зависим. Мы должны прикоснуться к недостижимому. Прислушаться к его шагам. Он – здесь, в старых книгах, в древних развалинах, произведениях искусства. В нашем языке, наших снах. Но понимание к нам не придет. Мы должны прийти к нему сами, куда бы нас это ни завело. Иначе мы просто будем смотреть в зеркала нашего собственного изобретения. Вы понимаете? Нам нужно изучить его язык. Изучить его мысли. И, быть может, привести его к людям.

Томас нагнулся. Стол слегка скрипнул под его весом. Иезуит посмотрел на Али.

– Правда в том, что мы должны выйти в мир. Должны рискнуть всем. И не возвращаться без победы.

– Даже если бы я верила в существование исторического Сатаны, – сказала Али, – это не моя битва.

* * *

Собрание закончилось несколько часов назад. «Братство Беовульфа» разошлось, Али осталась с Дженьюэри и Томасом. Она чувствовала себя усталой и в то же время как будто наэлектризованной, но старалась выглядеть невозмутимой. Томас был для нее загадкой. Из-за него она и сама себе казалась загадкой.

– Согласен, – ответил Томас. – Но ваша страсть к праязыку может помочь в нашей борьбе. Таким образом, наши интересы пересекаются.

Али посмотрела на Дженьюэри. В ее глазах было что-то незнакомое. Али ждала от нее поддержки, но видела только признательность и

озабоченность. Что же вам от меня нужно?

То, что рассказал Томас, превосходило любое воображение. Он покрутил в руках глобус, потом остановил. Указал на Галапагосские острова:

– Через семь недель в субтерру через туннельную систему плиты Наска на дне Тихого океана отправится научно-исследовательская экспедиция. В ее составе около пятидесяти ученых – в основном из американских университетов и научных лабораторий. В течение следующего года они будут работать как исследовательский институт, созданный по модели Вудсхоулского института океанографии. Располагаться он будет в каком-то городе на подземных рудниках. Мы пытаемся узнать, в каком именно и существует ли он вообще. Майор Бранч весьма нам помог, но даже военная разведка не может объяснить, почему за этот проект взялся «Гелиос» и какие у них планы.

– «Гелиос»? – спросила Али. – Корпорация «Гелиос»?

– Это международный картель, включающий около десятка различных предприятий, причем в совершенно разных отраслях, – сказала Дженьюэри. – Оружие, ватные тампоны, компьютеры. Потом детское питание, недвижимость, автомобилестроение, переработка пластика, издательское дело, теле- и кинопродукция, авиалинии. Они буквально неприкосновенны. Теперь благодаря основателю, К. К. Куперу, их курс резко переменялся. Вниз, в недра планеты.

– Он баллотировался в президенты, – вспомнила Али. – Ты работала с ним в Сенате.

– В основном – против него, – сказала Дженьюэри. – Блестящий человек. Настоящий мечтатель. Тайный приверженец фашизма. А теперь неудачник и несчастный параноик. Его собственная партия обвиняет его в провале на выборах. Верховный совет в конце концов снял обвинение в фальсификации, но Купер сохранил искреннюю веру в то, что на него ополчился весь мир.

– После его поражения я ничего о нем не слышала, – призналась Али.

– Из Сената он ушел, вернулся в «Гелиос», – сообщила Дженьюэри. – Мы полагали, с ним покончено, но Купер спокойненько продолжал делать деньги. Причем даже те, кто за этим наблюдает, не сразу заметили, что именно он делает. Купер использовал посредников, несуществующие и подставные фирмы, скупал права на разработку и оборудование для проходки туннелей и соответствующие технологии. Он договорился с правительствами девяти стран Тихоокеанского бассейна о совместном бурении и обеспечении рабочей силой. Пока мы восстанавливаем порядок

внизу, под нашими городами и континентами, «Гелиос» наложил лапу на все субокеанские исследования и разработку океанических недр.

– Я думала, колонизация находится в ведении международных организаций, – заметила Али.

– Так и есть, – ответила Дженьюэри. – Под юрисдикцией международного законодательства. Но ему некогда контролировать нейтральные территории, едва хватает времени разобраться с подземными открытиями.

– Я вот чего не понимаю, – сказал Томас. – Получается, что подземные территории океана теперь, словно Дикий Запад, принадлежат тому, кто первый открыл. Вспомните британские чайные компании в Индии, торговлю мехами в Северной Америке, земельные компании Техаса. В случае освоения тихоокеанского дна это будет огромная экспансия вне досягаемости международных законов.

– Что практически означает безграничные возможности для людей вроде Купера, – продолжила Дженьюэри. – Сегодня у «Гелиоса» больше подводных скважин, чем у любой другой организации, государственной или коммерческой. «Гелиос» лидирует в отрасли гидропоники. У них новейшие технологии в области подземных телекоммуникаций. В их лабораториях созданы таблетки, помогающие преодолевать подземные пространства. «Гелиос» подходит к освоению субтерры так же, как сорок лет назад Америка подходила к своей лунной программе, – как к миссии, требующей разработки систем жизнеобеспечения, транспортных средств, материального обеспечения. Пока остальной мир пытался мелкими шажками исследовать глубины, «Гелиос» потратил миллиарды на исследования и развитие и готов штурмовать фронт.

– Другими словами, – произнес Томас, – «Гелиос» отправляет вниз экспедицию не по доброте душевной. В ней представлены в основном науки о земле и биология. Цель экспедиции – обогатить наши знания о литосфере, узнать больше о ее формах жизни и ресурсах – особенно пригодных для коммерческого использования в энергетике, металлургии, медицине и прочих отраслях. «Гелиос» вовсе не заинтересован в очеловечивании нашего восприятия хейдлов, и потому антропологов в экспедиции почти нет.

При упоминании об антропологах Али вздрогнула:

– Вы хотите, чтобы я поехала? Туда, вниз?

– Сами мы слишком старые, – объяснила Дженьюэри.

Али была ошеломлена. Как они могут о таком просить? У нее есть планы, обязательства, желания...

– Вам следует знать, – обратился к ней Томас, – что это не сенатор вас выбрала, а я. Я много лет за вами наблюдаю, слежу за вашей работой. Ваши способности – как раз то, что нам нужно.

– Но там, внизу... – Али о подобном путешествии никогда не думала. Она не выносит темноту. Целый год без солнца?

– Вы не пожалеете, – сказал Томас.

– Значит, вы там были, – поняла Али.

Он говорил весьма уверенно.

– Нет, – ответил Томас, – но я, можно сказать, побывал у хейдлов, изучая подземные руины, изучая в музеях их искусство. Мою задачу осложняли века человеческого суеверия и невежества. Но если заглянуть в анналы нашей истории достаточно глубоко, можно найти рассуждения о том, что хейдлы представляли собой тысячи лет назад. Когда-то они были совсем не те деградировавшие, выродившиеся существа, которых мы встречаем сегодня.

У Али бешено стучал пульс. Она старалась не волноваться.

– Вы хотите, чтобы я нашла их предводителя?

– Никоим образом.

– А что же тогда?

– Для нас важнее всего язык.

– Расшифровать их письмена? Но ведь существуют только отдельные фрагменты!

– Как мне сообщили, там, внизу, огромное количество иероглифов. Каждый день шахтеры взрывают целые галереи, покрытые письменами.

Письменность хейдлов! Куда это ее заведет?

– Многие полагают, что хейдлы вымерли, – сказала Дженьюэри, – но это не важно. Даже исчезнувшие, они – факт, с которым нам жить дальше. А если хейдлы просто спрятались, нужно узнать, на что они способны, – я не только про их свирепость, но и про величие, к которому они когда-то стремились. Ясно, что некогда у хейдлов была цивилизация. И если легенды не лгут, они впали в грех. Почему? Не ждет ли такое падение и людей?

– Восстановите для нас их древнюю память, – попросил Томас. – Решите задачу, и мы узнаем Сатану.

Опять они вернулись к нему, царю преисподней.

– Их письменность пока не удалось расшифровать, – продолжал Томас. – Это утраченный язык, и вероятно – возможно, – потерянный даже для этих несчастных созданий. Они забыли о былом величии своей расы. Думаю, кроме вас, никто не способен проникнуть в язык, скрытый за

иероглифами и пиктограммами хейдлов. Разгадайте его, и, быть может, вы разгадаете секрет праязыка.

– Я хочу, чтобы ты поняла одно. – Дженьюэри смотрела Али в глаза. – Ты всегда можешь отказаться.

Но Али, конечно, не могла.

Книга вторая

Поиск

*Можешь ли пронзить кожу Левиафана копьем и
голову его рыбацьею острогою?*

Книга Иова 40:26

Галапагосские острова

8 июня

Казалось, вертолет вечно будет лететь на запад над кобальтово-синими водами, подсвеченными красным закатом. По просторам Тихого океана за ним гналась ночь.

Али по-детски хотелось убежать от этой тьмы.

Острова почти полностью были покрыты замысловатыми сооружениями – строительными лесами, настилами, тянувшимися на целые мили и местами насчитывавшими десять этажей. Ожидая увидеть бесформенные нагромождения лавы, Али была оскорблена безупречной геометрией. Здесь даром времени не теряли.

Станция Наска, названная по тектонической плите Наска и служившая базой для ее исследования, представляла собой не что иное, как огромный ангар, закрепленный на опорах. Вокруг ходили гигантские танкеры, принимая на борт небольшие прессованные штабеля руды, перетянутые ремнями. Грузовики развозили контейнеры с одного уровня на другой.

Вертолет скользнул между скелетами башен и ненадолго – только выпустить Али – приземлился. Выйдя наружу, она буквально отшатнулась от зловония клубящихся туманом газов. Ее предупреждали. Станция Наска – промышленная зона. Бараки для рабочих и ничего лишнего; никаких коттеджей, даже автоматов с кока-колой для пассажиров. Неожиданно среди машин и грохота возник пешеход.

– Простите! – обратилась к нему Ал и, стараясь перекричать шум вертолета. – Как попасть в Найн-Бэй?

Скользнув глазами по длинным ногам Али, мужчина равнодушно показал дорогу. Она побежала сквозь дым между каких-то столбов, спустилась вниз на три пролета и оказалась у дверей грузового подъемника, которые открывались вверх и вниз, словно челюсти. Какой-то остряк написал наверху: «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate». «Оставь

надежду, всяк сюда входящий» – приветствие над воротами Дантова Ада.

Али вошла в кабину и набрала на пульте свой номер. Она вдруг почувствовала странную, необъяснимую грусть.

Из кабины она попала в переход, наполненный пассажирами. Тут были сотни человек, в основном мужчины, и все двигались в одном направлении. Хотя сюда долетал морской бриз, воздух пропитался запахом людей. В Израиле, Эфиопии, африканском буше Али не раз приходилось идти среди солдат или рабочих, и во всем мире они пахли одинаково. То был запах агрессии.

Загребели динамики, требуя выстроиться в очередь, предъявить билеты и паспорта. Али втянуло в людской водоворот. «Запрещается проносить заряженное оружие. Нарушители разоружаются, оружие подлежит конфискации». Никаких угроз задержания или наказания. Значит, достаточно уже того, что нарушители отправятся вниз безоружными.

Толпа протащила Али мимо многометровой доски объявлений. Тысячи объявлений в алфавитном порядке – продажа оборудования, трудоустройство, сообщения о месте и времени встречи, электронные адреса, брань. Предупреждение Красного Креста: «Беременным женщинам настоятельно рекомендуется воздержаться от спуска. Опасность, могущая повлечь смерть плода вследствие...»

Плакат Департамента здравоохранения представил настоящий хит-парад лучшей двадцатки «пещерных пилюль» и их побочных эффектов. Али вовсе не обрадовалась, увидев в этом списке два лекарства из своей личной аптечки. Последние шесть недель прошли в суматохе сборов – прививки, оформление множества бумаг в «Гелиосе», тренировки – ни часа свободного. День за днем Али узнавала, как мало известно среднему человеку о жизни в подземье.

– Необходимо задекларировать провозимые взрывчатые вещества, – бубнил динамик, – все они должны иметь маркировку. Все взрывчатые вещества надлежит отправлять в туннель К. Нарушителей ждет...

Толпа двигалась волнообразно, рывки чередовались с остановками. Казалось, одна Али захватила с собой только ручную кладь; все остальные волокли металлические ящики, маркированные с помощью трафарета солдатские сундучки, стофунтовые вещевые мешки с пуленепробиваемыми застежками. Али никогда не видела столько чехлов с оружием. Похоже на съезд гидов сафари – все виды камуфляжа, бронежилетов, патронташей, кобур и футляров.

Волосатые руки, жилистые шеи, суровый вид. Али была рада, что народу много, потому что некоторые мужские взгляды ее просто пугали.

В действительности она сама себя пугала. Али утратила равновесие. Разумеется, путешествие – добровольное. Все, что нужно сделать, – остановиться, и путешествию конец. Но начало уже положено.

Пройдя через службу безопасности, паспортный и билетный контроль, Али приблизилась к большому сверкающему сооружению. Стоящие на твердом черном камне огромные ворота из стали, титана и платины казались неподвижными. Это была одна из пяти лифтовых шахт станции Наска, ведущих в верхний подземный уровень, на глубину три мили. Бурение комплекса подъемников и вентиляционных систем обошлось в четыре миллиарда долларов и несколько сот жизней. Как проект общественного транспорта, он не отличался от какого-нибудь нового аэропорта или американской железнодорожной системы полуторавековой давности. Предназначались лифты для обслуживания колонистов в грядущие десятилетия.

Здесь солдаты, поселенцы, рабочие, бродяги, осужденные, нищие, наркоманы, фанатики, мечтатели и прочие поневоле утихомирились и стали почти вежливыми – они поняли, что места хватит всем. Али приблизилась к стальным дверям. Три уже были закрыты, четвертая закрылась, когда Али подошла. Последняя была открыта.

Али устремилась к крайнему, наименее переполненному входу. Внутри помещение напоминало маленький амфитеатр с концентрическими рядами пластиковых сидений, спускающимися к пустому центру. Было темно, холодно и – после горячей давки – свободно. Али поспешила к дальнему сиденью, прямо напротив двери. Через минуту глаза ее привыкли к слабому освещению, и она отыскала место. Пока что, если не считать человека в конце ряда, она была одна. Али поставила вещи на пол, глубоко вздохнула и расслабилась.

Сиденье было эргономичное, с изогнутой спинкой, ремнями, которые пересекали грудь; их уровень регулировался. У каждого сиденья имелся откидной столик, кармашек для разных мелочей и кислородная маска. В спинках – жидкокристаллические экраны. На экране перед Али было изображение альтиметра с показанием 0 футов. Часы показывали время, а также обратный отсчет оставшихся до отбытия минут. Старт – через двадцать четыре минуты. Приятно успокаивала тихая музыка.

Изогнутое кривое окно сбоку от прохода напоминало стекло аквариума. У верха плескалась вода. Али хотела подойти и посмотреть, но ее внимание привлек иллюстрированный журнал, торчавший из кармашка сбоку сиденья. Он назывался «Наска ньюс». На обложке был впечатляющий рисунок тонкой трубы, поднимающейся из подводного

горного хребта, – представление автора о лифтовой шахте станции Наска. Шахта выглядела какой-то хрупкой.

Али попыталась читать, но ей так и не удалось сосредоточиться. В голове перемешались ускорение, скорость компрессии, температурные зоны. «Океанская вода достигает самой холодной точки – + 1 градус – на глубине двенадцать тысяч футов. Ниже этой отметки вода постепенно становится теплее. Температура воды у самого дна – около 2,5 градуса». «Добро пожаловать в Мохо!»^[12] – гласил соседний заголовок. «Расположенная на гребне Восточно-Тихоокеанского поднятия, база Наска открывает вход в недра земли на глубину 3 тысячи фатомов».^[13]

Страницы пестрят заголовками и объявлениями. Вот цитата из Эйнштейна: «За обычными предметами всегда таится нечто, глубоко спрятанное». Таблица содержащихся внизу газов и описание их воздействия на различные ткани человеческого организма. Еще одна статья – про сейсмический томограф, который способен отслеживать геологические аномалии на расстоянии в сотни футов. Али закрыла журнал.

На последней странице обложки помещался логотип «Гелиоса» – черная капля, а в ней солнце с крыльями.

Али обратила внимание на соседа. Он сидел всего через несколько мест, но в слабом свете она едва видела его силуэт.

Он, казалось, не смотрел на нее, однако Али чувствовала его взгляд. На нем были темные очки, вроде тех, что надевают сварщики. Наверное, рабочий, решила Али, потом обратила внимание, что на нем камуфляжные штаны. Значит, солдат. Выдающаяся нижняя челюсть, прическа – явно собственного производства – совершенно жуткая.

Али вдруг заметила, как незнакомец осторожно поводит носом. Он явно вдыхал ее запах.

У входа возникло еще несколько фигур; присутствие других людей ободрило Али.

– Вы что-то хотели? – пошла она в атаку.

Сосед полностью развернулся к ней. Стекла очков были темные и все исцарапанные; Али не понимала, как он вообще что-то видит. В следующий момент она разглядела узоры у него на лице. Даже в таком слабом свете Али заметила, что это не просто введенные под кожу чернила. Тот, кто делал татуировку, пользовался ножом. Высокие скулы были в глубоких шрамах. Такое варварство ее потрясло.

– Вы позволите? – спросил он, пересаживаясь поближе.

Чтобы лучше чувствовать запах? Али бросила взгляд на двери. Пассажиры продолжали входить.

– Слушаю вас, – выпалила она.

Невероятно – очки уставились на ее грудь. Он нагнулся, чтобы лучше разглядеть. Наверное, ему даже пришлось скосить глаза.

– Что вы делаете? – возмутилась Али.

– Когда-то давно... – сказал незнакомец, – когда-то я знал такие вещи...

Али поразила такая наглость. Еще немного, и придется его оттолкнуть.

– Как это называется? – Незнакомец показывал на ее грудь.

– Вы что, смеетесь? – прошептала Али.

Он не отреагировал, словно и не слышал. Он продолжал указывать пальцем:

– Колокольчики?

Али подобралась. Выходит, он разглядывал платье.

– Барвинки, – сказала она.

И снова испугалась. Слишком страшное у него было лицо. И он к ней пристаёт. Или нет? Али решила, что следует быть дружелюбнее.

– Точно, барвинки, – сказал он сам себе, вернулся на свое место и откинулся назад.

Али вспомнила, что у нее есть кофта с длинными рукавами, и поспешила ее надеть. Помещение быстро заполнялось. Несколько человек уселось между Али и ее собеседником.

Когда все места заполнились, двери, тихо чмокнув, закрылись. До отправления оставалось семь минут.

В салоне не было ни других женщин, ни детей. Али порадовалась, что взяла кофту. Многие учащенно дышали и поглядывали на дверь, как будто раскаивались, что поехали. Другие расслабленно обмякли и казались совершенно спокойными. Кто сложил руки на груди, кто открыл ноутбук, кто уткнулся в кроссворд, кто склонился к соседу, обсуждая какие-то дела.

Сосед Али слева опустил откидной столик и достал два пластиковых шприца. У одного была игла с голубой головкой, у другого – с розовой. Он поднял первый, показывая его Али.

– Силобан, – пояснил он. – Стимулирует палочки сетчатки. Говоря попросту, вызывает сверхчувствительность к свету. Создает способность ночного видения. Одна беда – если начал принимать, прекращать нельзя. Полно солдат с катарактой – не принимали вовремя.

– А другой шприц?

– Стероид, для акклиматизации. Изобрели в России. Русские пичкали

таким своих солдат в Афганистане. И совсем не больно.

Он поднял белую таблетку:

– А эти малютки – чтобы я мог уснуть, – и проглотил.

Али снова охватила грусть, и она вдруг вспомнила: солнце! Она забыла в последний раз посмотреть на солнце. А теперь уже поздно. Кто-то слегка толкнул ее справа.

– Это вам.

Худой мужчина протянул ей апельсин. Поблагодарив, Али нерешительно взяла подарок.

– От него. – Сосед указал на незнакомца с разрисованным лицом.

Али нагнулась вперед, чтобы кивнуть ему, но он смотрел в другую сторону. Али нахмурилась, глядя на апельсин. Что это – извинение или аванс на будущее? Очистить его и съесть или приберечь на потом?

Али была сиротой и с детства привыкла придавать подаркам большое значение, особенно вот таким простым. Но чем больше она размышляла, тем меньше понимала, как следует поступить.

– Не знаю даже, что с ним делать, – пожаловалась она соседу, который передал ей апельсин.

Он оторвался от толстого учебника по программированию и, на секунду задумавшись, сказал:

– Это апельсин.

Справедливое замечание ее только уязвило, равно как и равнодушие, с каким оно было произнесено; ее раздражал и факт подарка, и сам апельсин. Али была взвинчена, и сама это осознавала. Она испугалась. Последние недели ее сны были наполнены страшными видениями ада. Она боялась собственных предрассудков. На каждом этапе путешествия она не сомневалась, что страхи скоро рассеются. Ах, если бы все вернуть! Искушение уступить, позволить себе слабость, было громадным. А молитва уже не поддерживала ее, как прежде. Это тоже смущало.

Нервничала не только Али. В салоне чувствовалось напряжение. Люди искоса переглядывались, облизывали губы, терли виски, жевали челюстями. Али примечала все их жесты, тоже по-своему проявляя волнение.

Ей хотелось положить апельсин, но тогда бы он укатился. Пол слишком грязный. Фрукт превратился в обузу. Он лежал у нее на коленях и, казалось, начинал приобретать какое-то интимное значение. Следуя инструкциям на экране, Али пристегнула ремень. Пальцы у нее дрожали. Она снова взяла апельсин в руки, и дрожь прекратилась.

До отправления оставалось три минуты. Слово по сигналу,

пассажиры начали выполнять привычные ритуалы. Несколько человек, перетянув руку резиновой трубочкой, аккуратно вводили в вену иглу. Те, кто принимал таблетки, заглатывали их, словно птенцы червячков. Послышалось легкое шипение – некоторые прильнули губами к тубикам с аэрозолями. Другие глотали препараты из небольших пузырьков.

Словом, каждый совершал свой обряд перед погружением в бездну. А у Али был только апельсин. В темноте между ее пальцев поблескивала его кожица. Али сконцентрировалась на нем. Он вдруг стал своеобразной точкой опоры.

Раздался тихий звон. Али подняла глаза – экран показывал ноль минут. В салоне воцарилась тишина. Али почувствовала легкое движение. Лифт слегка опустился и снова встал. Под ногами раздался металлический стук. Лифт опустился еще футов на десять, снова остановился. Снова лязг, на этот раз сверху. Снова вниз, снова остановка.

Али видела схему лифтов в «Наска ньюс». Они шли один за другим, словно грузовые вагоны. Вся конструкция опускалась на воздушной подушке, без всяких кабелей. Как она потом поднимается на поверхность, Али понятия не имела. Впрочем, с обнаружением огромных запасов нефти в сверхглубоких недрах планеты энергия сделалась почти даровой.

Али вытянула шею, чтобы посмотреть через большое окно. По мере того как черед лифтов опускалась, в окне появлялся некий вид. Альтиметр показывал глубину двадцать футов. Подсвеченная прожекторами вода стала темно-бирюзовой. Потом Али увидела луну. Полная белая луна виднелась сквозь толщу воды. Изумительной красоты зрелище.

Лифт опустился еще на двадцать футов. Луна покосилась, потом пропала из виду. Али держала в руках апельсин.

Еще двадцать футов. Вода потемнела. Али смотрела в окно. Там что-то двигалось. Вокруг шахты кружили огромные морские черти, скользили на своих удивительных сильных крыльях.

Еще двадцать футов – и плексиглас сменился прочным металлом. Окно превратилось в темное кривое зеркало. Али взглянула на свои руки и выдохнула. Страх вдруг испарился. Центр притяжения здесь – у нее в руках. Может, ей для того и подарили апельсин? Она посмотрела вдоль ряда. Незнакомец откинулся и положил голову на спинку. Очки поднял на лоб и удовлетворенно улыбался. Почувствовав взгляд Али, повернул голову. И подмигнул.

Лифт вздрогнул и полетел вниз.

Резкое ускорение заставило Али схватиться за подлокотники. Она откинула голову на спинку кресла. Организм протестовал против

неожиданной потери веса. Ее моментально затошнило и заболела голова.

Согласно показаниям экрана скорость была постоянной – неизменные тысяча восемьсот пятьдесят фунтов в минуту. Неприятные ощущения постепенно проходили. Али чувствовала, что движется вниз. Она вытянула ноги, отпустила подлокотники и осмотрелась. Головная боль начала проходить. Тошнота стала вполне терпимой. Многие пассажиры дремали или погрузились в полубабытие, вызванное лекарствами. Головы опустились. Тела обвисли на ремнях. Почти все вокруг были бледны, словно в обмороке или состоянии шока. Татуированный солдат, казалось, задумался или молится.

Али сделала в уме подсчет. Она не складывала, а умножала. Тысяча восемьсот пятьдесят фунтов в минуту, глубина три и четыре десятых мили – получается десять или одиннадцать минут пути. Но в путеводителе говорилось о семичасовом «приземлении». Терпеть такое семь часов?

Альтиметр показывал уже тысячи футов, затем скорость уменьшилась. На отметке 14 347 лифт затормозил и остановился. Али ждала, что к пассажирам обратятся по внутренней связи, но никто ничего не говорил. Она окинула взглядом своих полусонных попутчиков и решила, что объяснять нечего – и так все ясно: прибыли.

Окно ожило. За плексигласовой стеной темноту пронзали прожектора. К пущему трепету Али, они освещали дно океана. Все равно что попасть на Луну.

Свет прорезал вечную тьму. Гор не было. Плоское дно, белое, исчерченное странными узорами – работа глубоководных обитателей. Али увидела странное создание, которое двигалось, осторожно перебирая ногами-ходулями. Существо оставляло следы – словно точки на листе бумаги.

Дальше виднелась еще одна вереница огней. Повсюду на подводной равнине тускло сверкали небольшие шарики. Из путеводителя Али знала, что это марганцовые желваки – их тут огромное количество, однако человек пренебрег марганцем, устремившись к еще большим богатствам, сокрытым в глубине.

Вид открывался фантастический. Али стало все труднее осознавать, что она действительно находится в таком несвойственном для человека месте. За окном было пустынно, только проплыла какая-то ужасающего вида рыба с клыками и зеленым светящимся пятном на голове – приманкой для жертв.

Али держала в руках апельсин.

Через час лифт снова двинулся вниз, на этот раз медленнее. Он

опускался, а дно океана поднималось – сначала до уровня глаз, потом до потолка и наконец исчезло из виду. Ненадолго показались стены из губчатой породы, затем за стеклом опять стало темно, и Али снова видела лишь свое отражение.

«Ну вот и началось, – подумала Али. – Вот он – край земли...»

Оказаться здесь – все равно что проникнуть вглубь себя.

Происшествие в Пьедрас-Неграс

Мексика

Оспри пересек мост пешком и с рюкзаком на спине – настоящий *turisto*. Солдаты, поджаренные на солнце, остались за баррикадами, в Техасе. На мексиканской стороне ничто не указывало на наличие государственной границы: ни укреплений, ни солдат, ни даже флага.

Согласно договоренности с местным университетом его ждал грузовик. К большому удивлению Оспри, водитель оказался девушкой – таких красавиц он еще не видел. Персиковая кожа, красная сверкающая губная помада.

– Это вы ловите бабочек? – спросила она. Голос – как чарующая музыка.

– Оспри, – заикаясь, представился он.

– Жарко. Я захватила для вас кока-колы.

Девушка протянула ему бутылку. Сама она тоже пила – ее бутылка запотела, на горлышке краснела помада.

Пока девушка вела машину, они познакомились. Ада училась на экономиста.

– А почему вы выбрали именно марипозу? – поинтересовалась она.

Оспри знал, что марипоза – мексиканское название бабочки-данаиды.

– Это моя жизнь, – ответил он.

– Вся жизнь?

– С самого детства. Бабочки... Меня завораживал их полет и цвета. А названия! Красный адмирал, монарх, геликониды. С тех пор я буквально слеую за ними. Куда бы они ни мигрировали – я отправляюсь туда же.

От ее улыбки у Оспри перехватило дыхание.

Они проехали маленький городишко над рекой. Бараки, времянки, палатки.

– Вы едете на юг, – сказала Ада, – а все отправляются на север. Из Никарагуа, Гондураса, Гватемалы. И из Мексики тоже.

– Они попытаются перейти сегодня границу? – спросил Оспри.

Он оглядел белые полотняные штаны, изношенные теннисные туфли, дешевые темные очки. Потомки древних племен – майя, ацтеков, ольмеков. Когда-то давным-давно их предки были воинами, а может, вождями. Теперь это нищие, щепки, которые никак не прибьются к берегу.

– Они же погибнут, если лишатся своих корней. Как они выстоят?

Оспри посмотрел на бурые водовороты отравленных вод Рио-Гранде – у столь желанных для беженцев берегов Америки. Дома, рекламные щиты, столбы, дрожащие в жарком мареве, казалось, сулят надежду – если игнорировать ожерелье из колючей проволоки, поблескивающее невдалеке, и вспышки линз биноклей и камер слежения, наблюдающих за проходом. Грузовик ехал вдоль реки.

– И куда вы направляетесь? – спросила Ада.

– К нагорью в окрестностях Мехико. Они устраиваются на зиму в горах. А весной возвращаются тем же путем, чтобы отложить яйца.

– Я имею в виду – направляетесь сегодня, мистер Оспри.

– Сегодня, ага. – Он теребил в руках карту.

Девушка неожиданно остановилась. Вокруг мелькали оранжево-черные крылышки.

– Невероятно, – проговорила Ада.

– Бабочки собираются на ночлег, – пояснил Оспри. – Завтра их уже не будет. Они пролетают пятьдесят миль в день.

В следующем месяце все монархи должны добраться до места зимовки.

– А ночью они не летают?

– Бабочки в темноте не видят. – Оспри открыл дверь машины и извиняющимся тоном добавил: – Я могу задержаться на целый час. Может, вам лучше за мной заехать потом.

– Я вас подожду, мистер Оспри. Не спешите. А когда закончите, мы можем пообедать, если захотите.

«Если захочу?» Ошеломленный, он взял рюкзак и тихонько прикрыл за собой дверь.

Помня о своей цели, Оспри направился на запад, к заходящему солнцу. Он изучал маршруты, по которому монархи мигрируют уже сотни лет. *Danaus plexippus* откладывают яйца в Северной Америке и потом умирают. Их потомство, не имея никого из старшего поколения, ухитряется пролететь тысячи миль до Мексики по тому же самому маршруту. Как они находят дорогу? Разве может существо весом полграмма иметь память? Ведь она должна что-то весить. И что такое вообще память? Этой тайне не видно конца. Год за годом Оспри собирал живых бабочек. Пока они зимовали в горах, он изучал пойманных в своей лаборатории.

Оспри открыл рюкзак и вынул стопку бумажных складных коробочек, в каких продается китайская еда. Отсчитал двенадцать штук, закрывать не стал. Дело простое – подойти к стайке бабочек, держа открытую коробку. Две-три обязательно залетят внутрь. Остается закрыть крышку.

Через сорок минут у Оспри на шее висело одиннадцать коробок с бабочками. Торопливо, думая только о девушке, Оспри трусил через низинку к последнему скоплению монархов. Он почти миновал ее – бабочки так и порхали вокруг, задевая руки и лицо, – когда провалился в какую-то дыру.

Перед глазами мелькнули камни, потом наступила темнота.

Сознание возвращалось маленькими порциями. Оспри подвел кое-как итог. Он ушибся, но в состоянии передвигаться. Дыра оказалась очень глубокая, а может быть, уже наступила ночь. К счастью, он не обронил рюкзак. Оспри открыл его и отыскал фонарь.

Свет принес облегчение и одновременно разочарование. Оспри обнаружил, что лежит в глубокой шахте с известняковыми стенами – помятый, но целый. Дыры, через которую он провалился, не видно. Упав, он раздавил несколько коробок со своими любимыми бабочками. На какой-то миг это расстроило его больше, чем собственное падение.

– Эй! – позвал он несколько раз.

Внизу его слышать было некому, но Оспри надеялся, что услышат наверху. Может, мексиканка станет его разыскивать. Он немного помечтал, что было бы неплохо, если бы девушка тоже провалилась и ночь-другую им пришлось бы провести в яме вдвоем. Однако никто не ответил.

Наконец он собрался, встал, отряхнулся и отправился искать выход. В стенах было полно глубоких дыр. Оспри посветил в одну, другую, надеясь, что какая-нибудь непременно ведет на поверхность, и выбрал самую большую.

Проход вился во все стороны. Сначала Оспри удавалось ползти на коленях, но лаз все суживался. Пришлось оставить рюкзак, затем ползти на животе, упираясь локтями и толкая впереди себя фонарь и уцелевшие пять коробок с бабочками. Шершавые стены по-прежнему рвали рубашку и цеплялись за штаны. Острые камни царапали руки. Он дернул головой, и в глаза потек пот. Он выберется весь рваный, грязный и вонючий. Вот тебе и пообедали!

Лаз становился все уже и уже. У Оспри перехватило дыхание. А вдруг он здесь застрянет? Окажется заживо погребенным? Он успокоил себя. Развернуться, конечно, негде. Остается надеяться, что эта нора куда-нибудь да выведет.

Проползя с превеликим трудом на спине еще десять футов – руки пришлось держать над головой и отталкиваться ногами, – Оспри выбрался в широкий коридор и воспрял духом. На камнях была едва заметная тропка. Оставалось только идти по ней. «Эй!» – крикнул он влево и вправо. Откуда-

то донеслось тихое потрескивание. «Эй!» – крикнул он еще раз. Звуки прекратились. «Сейсмические гоблины», – пожал плечами энтомолог и отправился в противоположном направлении.

Прошел еще час, но выход так и не нашелся. Оспри устал, проголодался, все у него болело. Наконец он решил изменить курс и проверить, куда ведет обратная тропа.

Тропинка шла то вверх, то вниз и привела его к группе развилок, которых он раньше не видел.

Оспри пошел в одну сторону, потом в другую, испытывая все большее разочарование. Наконец добрался до коридора, похожего на тот, по которому полз. Надеясь, что эта дорога выведет его туда, куда он провалился, Оспри сунул вперед фонарь и коробки и втиснулся следом. Он прополз совсем чуть-чуть, когда, к своей досаде, зацепился ступней за камень. Подергал ногой, но освободиться не смог. Хотел обернуться, но коридор был слишком тесен.

Потом он почувствовал движение. Сначала ему показалось, что сам лаз продвинулся вперед на дюйм или около того. Оспри двигался назад! Удивительно, ведь он даже не пытался ползти! Тут он осознал, что его держат за лодыжку. Камни тут явно ни при чем. Сзади было что-то живое, и оно старалось половчее ухватить его ногу. И это что-то – или кто-то – тянуло его назад! Оспри отчаянно хватался за камни, но с таким же успехом можно удержаться в гладкой трубе. Руки скользили по стенам. Он даже сохранил достаточное присутствие духа, чтобы ухватить фонарь и коробки. И тут сначала его ноги, а потом тело и голову выдернули из лаза. Одна из коробок упала и раскрылась, три бабочки вылетели и заметались в луче его фонаря.

Он посветил по сторонам, чтобы увидеть зверя, который его схватил. В луче света стоял настоящий живой хейдл. Оспри завопил, и хейдл метнулся в сторону. Больше всего Оспри потрясло, что тот был совершенно белый. Вытаращенные глаза придавали ему вид то ли очень голодного, то ли очень любопытного.

Хейдл неся в одну сторону, Оспри – в другую. Он пробежал футов пятьдесят, когда луч света выхватил из тьмы еще троих хейдлов, скрючившихся в глубине коридора. Они отвернулись от света, но с места не двинулись.

Оспри посветил назад. Совсем недалеко оказались еще четыре или пять белых тварей. Он вертел головой, охваченный безысходным ужасом. Достал из кармана складной швейцарский нож, открыл самое длинное лезвие. Однако хейдлы не приближались – их отпугивал свет.

Абсолютно немыслимая ситуация! Он – лепидоптерист. Имеет дело с существами, чья жизнь неразрывно связана с солнечным светом. Он не имеет никакого отношения к подземному миру. И вот он здесь, заперт под землей, лицом к лицу с хейдлами. Ужасный факт давил своей тяжестью и отнимал силы. Наконец, не в состоянии двигаться, Оспри уселся на пол.

Хейдлы в тридцати футах справа и слева от него тоже присели. Он тыкал фонарем то в одну сторону, то в другую, надеясь удержать их на расстоянии. Наконец стало ясно, что хейдлы вовсе не намерены приближаться. Оспри пристроил фонарь лампой вниз и оказался в круге света. Вокруг него запорхали три бабочки, которым удалось вырваться из плена, а он прикидывал, на сколько хватит батареек.

Оспри бодрствовал сколько, столько мог, но действие усталости, боли и пережитого страха пересилило его волю. Залитый светом, Оспри заклевал носом, сжимая в руке нож.

Ему приснился дождь. То, что он принял за капли дождя, оказалось мелкими камешками, которые кидали в него хейдлы. Первой мыслью было, что ему хотят причинить боль. Потом он понял: хейдлы пытаются разбить фонарь – и схватил его, стараясь защитить. Тут ему в голову пришла другая мысль. Раз они умеют метать камни, то могут кинуть в него достаточно большой, чтобы ранить, а то и убить. Но хейдлы этого не делают. Стало быть, хотят взять его живым.

Выжидание продолжалось. Хейдлы сидели за пределами светового круга. Терпение у них было невероятное. Не терпение современного человека, а терпение древнее, первобытное и непобедимое. Они непременно его пересидят, тут нет никаких сомнений.

Часы перешли в день, потом второй. В животе у Оспри бурчало от голода. Во рту пересохло. Что ж, так даже лучше. Без пищи и воды он упадет в забытие, а ему как раз меньше всего хотелось сохранить рассудок до самого конца.

Время шло. Оспри изо всех сил старался не смотреть на хейдлов, но любопытство победило. Он направлял свет то в одну сторону, то в другую, постепенно подмечая детали. Некоторые были совсем голые, если не считать кожаных набедренных повязок. Другие носили что-то вроде кожаных жилетов. Все мужского пола, судя по колпачкам в паху. Каждый щеголял колпачком, сделанным из рога и подвязанным для имитации эрекции, наподобие того, как делают аборигены Новой Гвинеи.

Ясно, какой будет конец. Батарейка стала садиться. Хейдлы с обеих сторон придвинулись ближе. Круг света превратился в небольшое тусклое пятно. Оспри встряхнул фонарь, и тот загорелся ярче – хейдлы

отодвинулись на несколько метров. Он вздохнул. Пора. C'est la vie. Он усмехнулся и положил лезвие ножа на запястье. Можно бы дождаться, пока фонарь погаснет совсем, но Оспри боялся, что в темноте у него не получится. Если надрезать неглубоко, дело кончится болезненной царапиной, а если слишком глубоко – вены сократятся. Так он думал. Нужно все сделать правильно, пока еще видно.

Оспри спокойно надавил на нож. Из-под лезвия брызнула кровь. Она вытекала и вытекала. Хейдлы в темноте что-то забормотали.

Оспри переложил нож в левую руку и сделал надрез на правой. Уронил нож. Через минуту ему стало холодно. Острая боль в запястьях перешла в ноющую. Кровь растекалась по каменному полу. И Оспри уже не понимал – гаснет ли окончательно фонарь или у него слабеет зрение. Он прислонился головой к стене. Мысли его успокоились. Перед глазами возник образ прекрасной мексиканки. Ее лицо пришло на смену бабочкам – они уже все погибли от недостатка света. Умиравший положил своих монархов рядышком и, сползая на бок, видел перед собой оранжево-черные лоскутки крылышек.

Хейдлы что-то насвистывали и прищелкивали. Они явно взволновались. Оспри улыбнулся. Они одержали верх, но победил все равно он.

Пятнышко света съежилось и пропало. Лицо мексиканки растворилось в темноте. Оспри издал слабый стон. И тьма приняла его.

Теряя сознание, он успел понять, что на него набросились хейдлы. Он учуял их запах и почувствовал, как его хватают и стягивают запястья веревками. Слишком поздно Оспри догадался, что ему накладывают на вены жгуты, спасают ему жизнь. Попытался вырваться, но сил не хватило.

В следующие недели Оспри медленно возвращался к жизни. Чем больше он поправлялся, тем больше боли приходилось терпеть. Иногда его несли. Иногда заставляли идти вслепую по темным коридорам. В полном мраке ему приходилось полагаться на все чувства, кроме зрения. Порой его попросту истязали. Оспри не мог понять, что с ним делают. В памяти всплывали ужасные истории о мучениях пленников. Он начал бредить, и ему отрезали язык. И тогда он почти потерял рассудок.

Разумеется, Оспри не мог знать, что хейдлы пригласили одного из лучших мастеров, чтобы снять только самые верхние слои его кожи, не более, – со всей спины от плеча до плеча. Под руководством мастера его раны посыпали солью, подготавливая холст. Выдерживание заняло несколько дней, потребовалось еще соскабливание, еще соль. Наконец набросок был готов, проведены черные контуры и оставлены зарастать.

Еще через три дня на кожу нанесли слой светлой охры.

К тому времени желание Оспри исполнилось. От боли и мучений он сошел с ума. Однако вовсе не поэтому хейдлы позволили ему свободно бродить по коридорам. Если бы безумие давало право на свободу, хейдлы отпускали бы почти всех пленников-людей. Кто знает, что на уме у этих созданий? Человеческие причуды и странности – настоящая загадка.

У Оспри был особый случай. Ему позволяли ходить, куда заблагорассудится. За кем бы он ни увязался, его кормили и берегли от всяких опасностей – заботиться о нем считалось похвальным. Его не заставляли переносить грузы. На нем не поставили ни тавра, ни метки. Оспри не стал ничьей собственностью, он принадлежал всем – создание невиданной красоты.

Хейдлы приводили полюбоваться им своих детей. Слух о нем разнесся быстро. Куда бы он ни пришел, везде знали – это святой человек, который носил на шее маленькие обиталища душ.

Оспри не суждено было узнать, что именно изобразили хейдлы у него на спине. Он был бы бесконечно счастлив. Потому что всякий раз, когда он двигался или просто дышал, казалось, что его несут переливчатые оранжево-черные крылья.

Фронтир – это передний край, место встречи дикости и цивилизации... Это линия наиболее быстрой и эффективной американизации. Дикая природа осваивает колониста.

Фредерик Джексон Тернер.

Важность фронта в американской истории

Галапагосский рифт

0,55 градуса северной широты

В 17.00 все участники экспедиции погрузились на электробусы. Их снабдили проспектами, буклетами, блокнотами – все материалы были пронумерованы и носили гриф «Секретно». Им выдали спортивную одежду с логотипом «Гелиоса». Особенно всем понравились черные кепки, как у полицейских отрядов особого назначения: в них ученые сразу приобрели суровый вид. Али удовольствовалась футболкой с эмблемой «Гелиоса» на спине. С едва слышным мурлыканьем автобусы выехали из ворот огороженной территории на улицу.

Город Наска напомнил Али Пекин с его стайками велосипедистов. В таком быстрорастущем городе в час пик на велосипеде доедешь гораздо быстрее. Люди спешили на работу. Через окно Али разглядывала их лица, лица жителей Тихоокеанского бассейна, пыталась понять, чем они живут. Вот где праздник энтузиазма!

На рассекреченных картах такие города, как Наска, походили на нервные клетки, тянущие в разные стороны свои отростки. Людей сюда влекло то же, что всегда, – дешевые земли, залежи драгоценных металлов и нефти, свобода от прежних устоев, возможность начать все заново. Али думала встретить здесь угрюмых эмигрантов, отщепенцев, которым некуда больше податься, но видела лица образованных людей – банкиров, предпринимателей, руководителей, работников сферы обслуживания. Как портовый город будущего, Наску считали новым Сан-Франциско или Сингапуром. За четыре года он стал основным связующим звеном между экваториальным подземным миром и городами западного побережья обеих

Америк.

Али радовалось, что люди в Наске выглядят нормальными и здоровыми. Разумеется, сюда, вниз, едут молодые и сильные, и потому населению здоровья не занимать. Почти все такие города оснащались лампами, имитирующими солнечный свет, и уличные велосипедисты тут были загорелые, словно заядлые серферы.

Мало кто не встречал вернувшихся снизу солдат или рабочих, страдающих непонятными заболеваниями – рост костей, увеличенные глаза, странные опухоли и наросты, даже рудиментарные хвосты. Некоторое время религиозные группы обвиняли в этом ад, считая происходящее доказательством Божественного промысла. Ад – своеобразный ГУЛАГ, и попасть туда – уже наказание. Теперь, глядя вокруг, Али убеждалась, что фармацевтические компании вполне успешно борются с воздействием преисподней. У людей в Наске не было никаких отклонений. Али поняла, что ее собственная едва осознанная боязнь превратиться в жабу или обезьяну абсолютно не обоснована.

Город был похож на огромный торгово-развлекательный комплекс – с деревьями в кадках, цветущими кустами; чистота, кругом имена новейших брендов. Рестораны, кофейные бары, супермаркеты, торгующие абсолютно всем – от рабочей одежды и сантехники до шуруповых винтовок. Идиллию слегка портили нищие-калеки и уличные торговцы контрабандой.

На одном перекрестке старуха азиатка продавала живых щенков, привязанных к палочкам, – вот бедняги.

– Мясо для жаркого, – объяснил Али сосед. – Их продают на вес, по катти – это китайская мера, чуть больше фунта или пятьсот граммов. Говядина, курятина, свинина, собачатина.

– Спасибо, – поблагодарила Али за разъяснение. Ему явно было интересно.

– Я вчера специально присматривался. Они тут все едят, что движется. Жучков, червячков, личинок. Даже ящериц. «Сяо лон» называются.

Али смотрела в окно. Вдоль дороги тянулась огромная прозрачная колбаса – двадцать футов высотой и длиной с футбольное поле. На пластике светилась надпись на хангуле – корейском письме. Али по-корейски не понимала, но теплицу ни с чем не спутаешь.

За первой оказалась вторая, потом еще одна – они лежали друг за другом, словно гигантские куколки. За стенами сутились рабочие-садовники, ползали по лесенкам, прислоненным к деревьям. Летали разноцветные попугаи, пробежала обезьяна. Здесь, внизу, процветали субсерии – растительные сообщества, порожденные вторгшимся видом, в

данном случае человеком.

Вдалеке мягко гроыхнул взрыв. Такие сотрясения Али чувствовала всю ночь, несмотря на пружинный матрац. Непрекращающиеся строительные работы, по-видимому, велись повсюду.

Узнать границу освоенных земель было нетрудно. Аккуратные прямые углы сменились грубыми каменными стенами. По асфальту ползли трещины. Своды были покрыты островками мха, среди которых торчали колючая проволока и лазерные излучатели.

Колонна выехала на недавно пробитую кольцевую дорогу, опоясывающую город; автомобильные пробки, велосипедисты и пешеходы остались позади. Электробусы стали набирать скорость. Глазам пассажиров предстал огромный соляной купол, уже заселенный. Под этим колпаком кипела жизнь. Весь свод – поперечником три мили и высотой тысячу футов – был ярко освещен. Наверху сейчас приближается закат, а здесь, внизу, ночи не бывает. Искусственный свет Наски горит двадцать четыре часа в сутки. Настоящий Прометей на скале из кофеина.

За всю ночь поспать удалось только урывками. Всеобщий подъем переходил в какое-то детское возбуждение. Али тоже захватил дух приключений. А утром, измученные ожиданием, люди были готовы к любым свершениям.

Сцена последних приготовлений растрогала Али. Напротив нее через проход сидел какой-то здоровяк; он стриг ногти с таким тщанием, словно от этого зависела его жизнь. Прошлой ночью несколько самых молодых женщин – они только-только познакомились – провели предрассветные часы, делая друг другу прически. Немного завидуя, Али слушала, как люди звонили женам, мужьям, любимым и родителям, уверяя их, что нет никакой опасности. Али про себя молилась за них.

Электробусы остановились рядом с железнодорожной платформой, и пассажиры высадились. Тут же стоял поезд в стиле ретро – не будь он с иголки новый, его можно было бы принять за допотопный. Платформу окаймляли железные рейки – черные и цвета морской волны. Большую часть поезда составляли грузовые вагоны и платформы с рудой. Станцию патрулировали солдаты в полном вооружении; рабочие грузили ящики на платформы.

Впереди стояли три роскошных спальных вагона, снаружи отделанных алюминиевыми панелями, а внутри – под вишню и дуб.

Али не переставала удивляться, как много денег вкладывается в разработку новых земель. Всего пять или шесть лет назад эти территории, по-видимому, принадлежали хейдлам. Спальные вагоны на сверкающих

рельсах – еще одно свидетельство того, насколько руководство корпорации уверено в своих завоеваниях.

– И куда нас теперь? – громко проворчал кто-то.

Были и другие недовольные. Людям не нравилось, что «Гелиос» окутывает каждый этап путешествия ненужной тайной. Никто не знал, где расположена научная база.

– В пункт Z-три, – ответил Монтгомери Шоут.

– Я о таком не слышала, – сказала женщина.

Планетолог, вспомнила Али.

– Владение «Гелиоса» – на самых задворках.

Один из геологов начал разворачивать геодезическую карту.

– На картах его нет, – ободряюще улыбаясь, добавил Шоут. – Но вы сами убедитесь, что это неважно.

Такая беспечность вызвала новый ропот, который Шоут проигнорировал.

Прошлым вечером, во время банкета, организованного «Гелиосом» для вновь прибывших ученых, Шоута представили всем как руководителя экспедиции. На первый взгляд он вполне соответствовал такой должности: неумная энергия, мускулистые руки со вздувшимися венами, однако впечатление производил двоякое. Мало того что лицо какое-то скорбное от несбывшихся амбиций, зубы кривые, Шоут и вел себя непонятно, со странным равнодушием: старался излучать обаяние, и в то же время ему было безразлично, действует оно или нет. До Али дошли слухи, что он пасынок самого Купера. У того был и родной сын, законный наследник состояния Куперов, а на долю Шоута, видно, выпадали более рискованные обязанности, например – сопровождать экспедицию на самые окраины империи «Гелиоса». Почти шекспировский сюжет.

– На следующие три дня наш дом здесь, – объявил он. – Вагоны – супермодерн, обслуживающий персонал. Занимайте любые купе. Можете сидеть по одному – места хватит всем.

Шоут говорил с великодушием человека, который привык оказывать гостеприимство за чужой счет.

– Устраивайтесь. Примите душ, поспите, расслабьтесь. Потом пообедаете. Есть вагон-ресторан. Можете заказать обед в купе, посмотреть кино. «Гелиос» не поскупился. Таким образом корпорация желает вам – и мне – счастливого пути.

О месте назначения больше никто не спрашивал. В половине шестого музыкальный звон возвестил отбытие. Бесшумно, словно отвязанный плот по течению, экспедиция «Гелиоса» двинулась в неизвестность. Путь

казался ровным, но на самом деле дорога – очень постепенно – шла вниз. Как выяснилось, тут работала гравитация. Двигатель находился позади и включался только для подъема вагонов обратно, к станции.

Один за другим, влекомые земным притяжением, вагоны уходили от сверкающих огней Наски.

Состав приблизился к терминалу с надписью «Трасса № 6». Рядом с шестеркой кто-то в приступе ностальгии вывел маркером еще одну. Потом кто-то, уже другим цветом, пририсовал третью шестерку. Один молодой биолог соскочил с поезда, чтобы в последний раз щелкнуть фотоаппаратом, и под одобрительные крики остальных запрыгнул в вагон. Все почувствовали, что начало получилось хорошее. Поезд миновал воздушно-тепловую завесу и отправился дальше.

Немедленно температура и влажность упали. Тропического климата Наски как не бывало. В туннеле было холоднее градусов на десять, а воздух – сухой, как в пустыне. Теперь, поняла Али, они спускаются в настоящую преисподнюю. Ни адского пламени, ни серы. Напоминает скорее пустыню в штате Нью-Мексико.

Рельсы блестели, словно кто-то их специально натирал. Поезд ускорил движение, и все разошлись по купе. У себя Али обнаружила плетеную корзиночку с апельсинами, шоколадом и печеньем. Маленький холодильник был заполнен до отказа. На подушке лежала красная роза. Али прилегла и увидела над собой экран – можно выбрать любой из сотен фильмов. Ее слабостью были старые фильмы-страшилки. Она помолилась, потом благополучно уснула, убаюканная триллером «Они!» и стуком колес.

Утром Али забралась в маленький душ и пустила на волосы горячую воду. Такие удобства казались просто невероятными. Как выяснилось, время завтрака она угадала правильно и, искупавшись, уселась перед окном с омлетом, тостами и кофе. Окно было маленькое и круглое, как иллюминатор. За окном темнела сплошная чернота – потому большие окна и не нужны. Потом Али заметила на стекле маленькие буквы «Пуленепроницаемые стекла компании «Эллис»» и поняла, что и весь поезд защищен на случай нападения.

В девять часов все собрались в вагоне-ресторане. Первое утро в поезде решили посвятить занятиям – освежить в памяти правила оказания первой помощи, технику скалолазания, основы стрелкового дела и прочие знания, которые люди получили в предыдущие месяцы. Большинство ученых действительно все усвоили, и занятия напоминали скорее посиделки.

После обеда Шоут расширил программу занятий. В одном конце вагона-ресторана установили проекторы и большой монитор. Шоут показал

несколько презентаций, в которых члены экспедиции представляли свои теории. Али блаженствовала. Интересные лекции, приятная музыка, вкусные креветки.

Первыми выступали биолог и микроботаник. Они объяснили различие между троглобионтами, троглоксенами и троглофилами. Первые постоянно живут в пещерах – «трогл» по-гречески «пещера» или «дыра». Подземный мир – их экологическая ниша. Вторые, троглоксены, например саламандры, живут в пещерах часть жизни и адаптированы к тамошним условиям. Третья группа, троглофилы – сюда относятся летучие мыши и другие ночные животные, – часто посещают пещеры в поисках пищи или укрытия.

Потом ученые начали рассуждать об особенностях преадаптации, о «предрасположенности» к темноте. Тогда Шоут выступил вперед и поблагодарил. Он был вежлив, но тверд. Тут все на хлебах «Гелиоса», и это – его спектакль.

В оставшееся время представили других ученых, и они тоже выступили с сообщениями. Али заметила, что вся группа довольно молода. Мало кому было за сорок, а некоторым едва исполнилось двадцать пять. Люди приходили и уходили, но Али сидела безвылазно, запоминая лица, имена и открывая для себя науки, о которых почти ничего не знала.

После ужина, похожего больше на пикник – гамбургеры и холодное пиво, – им пообещали показать новый голливудский фильм. Однако аппарат почему-то не работал, и тут Шоут растерялся. До сих пор его расписание включало ученых, имевших опыт выступления перед аудиторией или, по крайней мере, разбиравшихся в своем вопросе. Стараясь как-то оживить вечер сменой программы, Шоут придумал нечто новенькое.

– Поскольку мы уже начали знакомиться друг с другом, – заявил он, – я хочу представить вам парня, от которого мы все теперь зависим. Нам чудом удалось добыть его у наших военных – он известный разведчик и следопыт. У него высокая репутация – рейнджер среди рейнджеров, настоящий ветеран бездны. Дуайт! – позвал он. – Дуайт Крокетт! Я вижу, вы здесь. Не скромничайте.

Следопыт Шоута явно не готовился к такому вниманию. Он медлил, и Али повернулась, чтобы взглянуть на него. Упрямый Дуайт оказался тем самым незнакомцем, которого она встретила вчера в подъемнике. «Что он тут делает?» – удивилась Али.

Под взглядами всех собравшихся Дуайт оторвался от стены и выпрямился. На нем были новые дорогие джинсы и белая рубашка, застегнутая на все пуговицы, включая те, что на манжетах. Темные

горнолыжные очки поблескивали, словно глаза какого-то насекомого. Со своей чудовищной прической Дуайт казался тут совершенно неуместным. Он напоминал Али работяг-пастухов, которым неловко в большой компании и которые чувствуют себя хорошо только в своей хижине.

Татуировки и шрамы на лице и голове не вызывали желания познакомиться с ним поближе.

– Я что, должен был выступить? – спросил он из глубины вагона.

– Идите сюда, дайте нам на вас посмотреть, – настаивал Шоут.

– Невероятно, – прошептал кто-то рядом с Али. – Слышал я про этого парня. Он в бегах.

Дуайт не стал демонстрировать свое недовольство, только слегка покачал головой. Когда он наконец вышел вперед, все расступились.

– Дуайт – как раз тот, кого стоит послушать, – сказал Шоут. – Он не заканчивал школ, у него нет диплома, но в работе не это главное. Он провел одиннадцать лет в плену у хейдлов. Последние три года работал на рейнджеров и в спецназе – гонял хедди. Я ведь, ребята, читал ваши резюме. Мало кто из вас вообще спускался под землю. А дальше электрифицированной зоны и вовсе никто не ходил. А вот Дуайт может рассказать нам, каково там, внизу.

Шоут сел. Теперь очередь Крокетта.

Крокетт стоя выслушал аплодисменты, и его застенчивость казалась по-своему подкупающей, какой-то трогательной. Соседи Али обсуждали его шрамы и что ему довелось вытерпеть в плену. Кто-то обозвал его дезертиром, кто-то безумцем. Каннибалом, погонщиком рабов. Животным. Люди говорили о нем, затаив дыхание и не скупясь на эпитеты. Удивительно, подумала Али, как рождаются легенды. Его считают психопатом, и все равно их тянет к нему, влечет романтика его воображаемых деяний.

Дуайт не спешил удовлетворить всеобщее любопытство. В тишине стучали колеса; скоро люди почувствовали неловкость. Али приходилось видеть, как нервничают в такой ситуации американцы и европейцы. А Дуайт с его спокойствием казался просто примитивным. Наконец его молчание стало слишком многозначительным.

– Вам разве совсем нечего сказать? – спросил Шоут.

Дуайт пожал плечами.

– Знаете, у меня давно не было такого интересного дня. Ваши люди знают свое дело.

К такому Али не была готова, да и другие тоже. Значит, этот странный грубиян сидел весь день в уголке, тихий и незаметный, и потихоньку

пополнял за их счет свое образование. Очаровательно!

Шоут был раздражен. Наверное, рассчитывал на очередной аттракцион.

– Тогда, может, вопросы? Вопросы есть?

– Мистер Крокетт, – начала женщина из Массачусетского технологического, – или к вам нужно обращаться по званию? Капитан или...

– Нет, – ответил он, – меня выгнали. У меня нет звания. И «мистер» тоже лишнее.

– Хорошо, значит, Дуайт, – продолжила женщина. – Я хочу спросить...

– Не Дуайт, – поправил он, – Айк.

– Айк?

– Слушаю вас.

– Хейдлы исчезли, – продолжила она. – Каждый день цивилизация отодвигает тьму чуть дальше. Я хочу спросить, сэр, правда ли внизу так опасно?

– Всякое может случиться – сказал Айк.

– Значит, наша безопасность вовсе не гарантирована, – заключила женщина.

Айк посмотрел на Шоута.

– А он вам что пообещал?

Али почувствовала беспокойство. Он знает что-то, что другим неизвестно. Хотя это ни о чем не говорит, поразмыслив, решила она.

Шоут наседал:

– Ваши вопросы!

Али поднялась.

– Вы были у них в плену, – начала она. – Не могли бы вы поделиться своим опытом? Что хейдлы с вами делали? Что они вообще из себя представляют?

В вагоне наступила тишина. Рассказы о чьих-то приключениях можно слушать хоть всю ночь. Как много могла бы Али узнать от Айка – ведь ему знакома жизнь хейдлов, их культура. Да что там, он, возможно, даже знает их язык!

Айк улыбнулся:

– Мне об этом нечего рассказать.

Всеобщее разочарование.

– Как вы думаете – они еще где-нибудь остались? Есть шанс их встретить? – поинтересовался кто-то.

– А куда мы направляемся? – спросил Айк.

Али показалось, что он нарочно дразнит Шоута, касаясь сведений, которые, по-видимому, от них скрывают. Раздражение Шоута росло.

– А правда, куда мы направляемся? – подхватил какой-то мужчина.

– Никаких комментариев, – сказал Шоут Айку.

– А вы сами там бывали?

– Никогда, – ответил Аик. – Правда, слухи до меня доходили. Но я им не верю.

– Какие слухи?

Шоут посмотрел на часы.

Вагон слегка накренился. Поезд тормозил. Люди бросились к окнам, моментально позабыв про Айка. Шоут встал на стул:

– Собирайте вещи, ребята. У нас пересадка.

* * *

Кроме Али на платформе находилось трое мужчин и груз – самое тяжелое оборудование. Она сидела, прислонившись к ящику с надписью «Джон Дир. Запчасти для вездеходов». Один из ее соседей страдал от газов и все время делал виноватое лицо.

Платформа двигалась плавно. Дорога шла по искусственному туннелю диаметром двадцать один фут. Балластная подушка состояла из мелкого гравия, пропитанного мазутом.

Голые лампы лили вниз рыжий свет. Али опять подумала о сибирском ГУЛАГе. Стены затянуты проволокой, трубами, кабелями.

С обеих сторон попадались гrotы. Людей не было, только тракторы, погрузчики, экскаваторы, трубоукладчики, штабеля шин и бетонных шпал. Колеса почти беззвучно катились по рельсам, изготовленным по бесшовной технологии. Али не хватало привычного стука колес. Она вспоминала, как путешествовала с родителями, засыпая под ритмичные звуки, пока мир проплывал мимо.

Али угостила яблоком соседа, который еще не спал. Эти яблоки выращивали в гидропонических оранжереях в Наске. Мужчина сказал:

– Моя дочка любит яблоки, – и показал Али фотографию.

– Красивая девочка, – сказала Али.

– А у вас дети есть?.. – спросил он.

Али натянула куртку на колени.

– Я, наверное, ни за что бы не смогла оставить ребенка, – не подумав, сказала она. Собеседник растерянно моргнул. Али попыталась

исправиться. – Ну, то есть я не хотела сказать...

Поезд двигался ровно. Не тормозил и не ускорял ход. Али и ее соседи устроили импровизированный туалет, сдвинув несколько ящиков. Они поужинали вместе, сложив свои припасы.

В полночь стены из коричневых стали желтыми. Мужчины спали, когда поезд въехал в пояс морских окаменелостей. Экзоскелеты, древние водоросли, брахиоподы. Бурильные машины безнаказанно поуродовали ценнейшие экземпляры.

– Мейпс, ты видел? – кричал голос с передней платформы. – Членистоногие!

– Трилобитообразные! – в экстазе вопил Мейпс откуда-то сзади.

– Неужели это дорсальные каналы? Ущипните меня!

– Смотрите, скорее! Мейпс! Ранний ордовик!

– Какой там ордовик! – ревел Мейпс. – Настоящий кембрий! Причем ранний! Посмотри вон на тот камень. Черт, даже, наверное, поздний докембрий.

Окаменелости вились, переплетались, тянулись по стенам, словно узоры по многомильному гобелену. Потом они исчезли.

В три утра поезд приблизился к месту, где когда-то случилось побоище. По виду могло показаться, что здесь произошла автомобильная катастрофа.

Сначала все увидели длинную царапину на левой стороне, там, где какой-то транспорт ударился о камень. Потом машина, видимо, отлетела к правой стене, оставив выбоину, потом обратно к левой и опять к правой. Кто-то потерял управление.

Дальше пошли более загадочные и зловещие знаки.

Вывороченные из стены камни вперемешку с битыми стеклами от налобных фонарей, исковерканный кусок толстой стальной сетки.

Царапины и выбоины продолжались – и слева, и справа. Через несколько миль они кончились. Все, что осталось от бешеной езды, – груда металла. Разбитый, исковерканный экскаватор.

Поезд прошел мимо. На стенах виднелись борозды и подпалины. В Африке Али бывала в военных зонах и теперь узнала повреждения от взрывов.

На повороте белели два католических креста, установленных в вырезанных в стене нишах. Рядом к скале были прибиты клочья шерсти, какие-то лоскуты, звериные кости. Лоскуты, догадалась Али, – куски шкуры. С кого-то снятой кожи. Оставили здесь на память.

Потом несколько миль проехали молча. Вот оно – обиталище легенд о

жестоких сражениях с нечистой силой – у них перед глазами, непридуманное, избранное самим роком. Это не телерепортаж, который можно выключить в любой момент. И не поэтический ад, описанный в книге, которую можно убрать на полку. Это настоящий мир, в котором они живут.

Потом Али уснула. Когда она проснулась, туннель все еще плыл мимо. Стены его стали уже не такими ровными. Появились трещины. Потолок был испещрен разломами. Потайными чуланами мелькали расселины. Али увидела картонную вывеску: «УОТТС ГОЛД, ЛИМИТЕД». Стрелка указывала на ответвление, уходящее во тьму. Через несколько миль в стене появилась новая брешь – Али заглянула в неровный коридор и успела заметить убегающий ряд огней. На вывеске значилось: «Блоквик, заявка на территорию. Осторожно, злая собака!»

Отсюда и дальше примерно через каждую милю от основной дороги ответвлялись коридоры – помеченные то как лагерь, то как заявки на участки для разработки – короткие неприветливые надписи. Некоторые коридоры были освещены до самого конца маленькими лампочками. Другие – темные, словно заброшенные шахты. Что за люди отдали себя этим далеким глубинам? Уэллс верно предсказал будущее – подземный мир населен не демонами, а работягами.

Близость поселения Али почувствовала задолго до прибытия. В смоге смешались запахи бензина, нечистот, пороха и пыли. Глаза начали слезиться. Воздух стал тяжелым, потом просто вонючим. Было пять утра.

Туннель расширился и вывел к шахте, пропитанной зловонием. Над ней возвышались ярко-голубые утесы, освещаемые – не по-военному – всего несколькими прожекторами. В остальном пункт Z-3, известный также под местным названием Эсперанса, освещался слабо. Бремя тьмы было слишком тяжким, и, чтобы его преодолеть, отпускаемого Наской электричества явно не хватало. Несмотря на симпатичные утесы а-ля Матисс, перспектива жить здесь целый год не привлекала.

– Так «Гелиос» построил здесь научную базу? – спросил один из спутников Али. – Чего ради?

– Я ждал чего-то более современного, – согласился другой. – А тут, похоже, о канализации и не слыхивали.

Поезд вплыл через проем в блестящем шипастом заграждении из колючей проволоки. Казалось, оно выстроено из детских пружинки-слинги, острых, как ножи. Одна проволока-гармошка громоздилась на другую. Местами их высота достигала двадцати футов. Колючая проволока занимала больше места, чем само поселение, состоящее из кучки палаток

на небольших площадках, ступеньками уходящих вниз.

Поезд затормозил у гряды, дальний конец которой исчезал в пропасти. Далеко впереди с наружной стороны ограждения висел высохший труп. Его оскал казался почти радостным.

– Хейдл, – заметил кто-то. – Наверное, напал на лагерь.

Все вытянули шеи, стараясь рассмотреть висящего. Тряпки, болтавшиеся на трупе, оказались клочками военной формы США. Этот солдат пытался перелезть через проволоку. Видно, за ним кто-то гнался.

Рельсы уходили в bunker, оцетинившийся электрическими пушками. Его назначение сомнений не вызывало. Если на лагерь нападут, люди смогут здесь укрыться. Поезд – последняя надежда спастись.

Неопрятный местный житель в брезентовых штанах что-то записывал на клочке бумаги. Если бы не стальные зубы – ни дать ни взять деревенщина из вестерна.

– Как жизнь? – крикнул ему сосед Али.

Тот в ответ плюнул.

Поезд вошел в bunker и остановился. Тут же на него набросилась толпа босоногих грузчиков. Они казались какими-то вырожденцами, в которых едва можно было узнать современных людей. Мускулы как у Тайсона, брови как у Линкольна, высокие скулы, гортанная речь. Но главное – странный мускусный запах. У многих из тел торчали странные костистые выросты.

Некоторые обмотали головы кусками мешковины, чтобы защитить глаза от освещения, даже такого тусклого. Пока Али и все остальные выбирались на платформу, грузчики сняли крепления и разгрузили ящики, весившие сотни футов.

Али удивила такая невероятная мощь и уродство. Некоторые из них заметили ее внимание и заулыбались.

Али шла вдоль вагонов, пробираясь между ящиками, коробками и землеройным оборудованием. Остальные уже собрались на площадке, повисшей над краем огромной пропасти. По краю шло каменное ограждение – как у Большого каньона в Йосемитском парке. Только вдоль стены вместо наблюдательных приборов стояли пушки и пулеметы. Далеко внизу Али увидела дорожку, которая вилась вдоль каменной гряды, уходя в темную глубину.

Местные жители уже смешались с прибывшими. Они не мылись много месяцев, а может, лет. Заплаты на заскорузлой одежде казались не пришитыми, а припаянными. Смотрели они глазами шахтеров – белоснежные белки на черных лицах. Эти люди показались Али не совсем

нормальными – как животные в неволе. Рукоятки винтовок и мачете были гладкими от частого употребления.

Мужчина голодного вида со свежевыскобленными щеками произнес от имени местных жителей приветственную речь. Наверное, мэр, решила Али. Гордо указуя на голубые утесы, он разразился краткой историей Эсперансы, рассказал о первых людях, поселившихся тут четыре года назад, о «пришествии» железной дороги год спустя, о том, как «больше двух лет назад» местное ополчение отразило атаку хейдлов, как позже были обнаружены залежи золота, платины и иридия. Потом он начал описывать перспективы «города» на будущее: строительство небоскребов с фасадами из голубых утесов и атомной электростанции, круглосуточное освещение всей территории, профессиональная служба безопасности, еще один туннель для второй железнодорожной ветки и в один прекрасный день, возможно, даже собственный подъемник.

– Простите, – перебил кто-то, – мы ехали очень долго и устали. Не подскажете нам, где научная база?

Мэр беспомощно глядел в свои бумажки. К выбритым щекам пристали белые волосы от полотенца.

– Научная база? – переспросил он.

– Исследовательский институт! – крикнули из толпы.

Шоут выступил вперед.

– Заходите внутрь, – пригласил он. – Нам приготовили горячий обед и чистую воду. Через час все узнаете.

* * *

– Научной станции тут нет, – сказал Шоут.

Раздались возмущенные крики.

Шоут простер вперед руки.

– Станции нет, – повторил он. – Ни станции, ни института. Ни офисов, ни лабораторий. Даже базового лагеря. Это все фикция.

Сидевшие в глубине бункера слушатели разразились негодующими воплями и проклятиями. Возмущенная таким обманом, Али все же отдавала Шоуту должное. Люди пришли в такую ярость, что готовы его убить, а он и не думает отступать.

– Что же вы делаете? – раздался женский голос.

– От имени «Гелиоса» я соблюдаю величайшую коммерческую тайну всех времен, – ответил Шоут. – Речь идет об интеллектуальной

собственности. Вопрос стоит об обладании огромными территориями.

– Что вы такое несете?!

– «Гелиос» истратил огромные суммы на разработку информации, которую вам предстоит узнать. Вы и понятия не имеет, как много структур – корпорации, зарубежные правительства, армии – готовы убить за такую информацию. Это величайший секрет на земле.

– Бред какой-то! Лучше скажите, куда вы нас притащили!

Шоут и бровью не повел.

– С вами побеседует начальник отдела картографии корпорации «Гелиос», – сказал он и открыл дверь в стене.

Картограф оказался небольшим человечком с протезами вместо ног. Голова была слишком велика для тела. Он заученно улыбался. В поезде Али его не видела и решила, что он приехал раньше, чтобы подготовить встречу остальным. Картограф выключил свет.

– Забудьте про Луну, – заявил он, – забудьте про Марс. Вы будете исследовать другую планету – планету внутри Земли.

Видеоэкран засветился. На нем появилось изображение пожелтевшей карты Меркатора.

– Таким был мир в тысяча пятьсот восемьдесят седьмом году, – сказал картограф. Его силуэт покачивался на большом экране. – Не имея достаточно фактов, Меркатор присвоил расчеты Марко Поло, которые были основаны на устных преданиях и легендах. Вот здесь, например, – лектор указал на бесформенную Австралию, – данные полностью сфабрикованы. Средневековые гипотезы. Считалось, что расположенные в Северном полушарии континенты должны уравниваться южными; так была выдумана Terra Australis Incognita. Меркатор изобразил ее на своей карте. И вот произошло чудо. Следуя этой карте, моряки открыли настоящую Австралию.

Ученый повел карандашом вверх:

– Здесь имеется и другой ориентир, рожденный воображением Меркатора. Его называли Polus Arcticus. И вновь исследователи открыли Арктику, полагаясь на карту. Полтора столетия спустя французский картограф Филипп Буаше изобразил гигантский, и опять воображаемый, антарктический полюс – в противовес воображаемой Арктике Меркатора. И опять исследователи нашли его, руководствуясь картой, основанной на вымысле. Так же обстоит дело и с адом, в чем вы убедитесь сами. Можно сказать, что мой отдел нанес на карту земли, которые вам предстоит исследовать.

Али посмотрела вокруг. Единственный, кто удивил ее, – это Айк. Что с

ней, откуда такое любопытство? Сейчас он выглядел особенно необычно – в темной комнате в темных очках.

Карта на экране превратилась во вращающийся глобус – изображение Земли со спутника в реальном времени. Облака толпились вокруг горных кряжей или двигались над голубыми океанами. На ночной стороне, словно лесные пожары, сверкали города.

– Перед вами то, что мы называем Первый уровень, – объяснил ученый. Глобус остановился, открыв перед зрителями Тихий океан. – До Первой мировой войны считалось, что дно океана – огромная плоская поверхность, покрытая однообразным слоем ила. Когда изобрели радар, ученые испытали настоящее потрясение.

Изображение дрогнуло.

– Узрите же: дно – не плоское!

В мгновение ока пропали миллиарды тонн воды. Перед зрителями предстало осушенное океанское дно, с его впадинами, желобами, горными кряжами – словно лицо с морщинами и бородавками.

– Огромной ценой «Гелиосу» удалось очистить эту луковицу. Мы соединили результаты аэросейсмических и наземных исследований. Мы собрали до последней крупницы данные сейсмических станций, гидрофонов, сейсмокаротажа, томографов за девяносто лет. Сопоставили все со спутниковыми материалами, характеристиками отражательных свойств поверхности, гравитационного и геомагнитного полей, атмосферных газов. Подобные методы использовались и ранее, но никогда не комбинировались. И вот результат: серия послойных карт Тихоокеанского региона.

– Наконец-то сдвинулись с места, – пробормотал кто-то.

Али тоже испытала такое чувство. Это было нечто.

– Вы и раньше видели фотографии морского дна, – продолжал картограф, – но масштаб в лучшем случае был не крупнее чем один к двадцати девяти миллионам. Наш отдел разработал карты Второго уровня. Иметь такую карту – все равно что прогуляться по океанскому дну. Один к шестнадцати.

Он щелкнул кнопкой дистанционной мыши, и изображение увеличилось. Али показалось, что она уменьшается, как Алиса в Стране Чудес. Маленькая точка в Тихом океане выросла и превратилась в высокий вулкан.

– Это гора Исакова. Она находится в Тихом океане, к востоку от Японии, на глубине тысяча шестьсот девяносто восемь фатомов. Фатом равен шести футам. Для измерения глубины спуска мы используем фатомы,

для измерения высоты подъема – футы. Вы будете пользоваться и футами, и фатомами. Фатомами будете измерять свое положение относительно уровня Мирового океана, футами – высоту пещер и другие характеристики подземных объектов. Только не забывайте переводить футы в фатомы и наоборот, когда будете внизу.

«Внизу? – подумала Али. – Разве мы еще не внизу?»

Картограф подвигал мышкой. Али показалось, что она летит в глубокое ущелье. Появилось изображение равнины, покрытой слежавшимися осадочными породами. Оно стало двигаться.

– Впереди – разлом Челленджера, часть Марианской впадины.

Зрителей словно скинули с равнины в глубокую пропасть.

– Пять тысяч девятьсот семьдесят один фатом, – продолжил лектор. – Или тридцать пять тысяч восемьсот двадцать семь футов. Или шесть и восемь десятых мили. Самая глубокая точка Земли. Так считалось до сих пор.

Изображение снова дрогнуло. Появился рисунок – разрез земной коры.

– Пустоты, лежащие под континентами, не слишком глубоки. Они расположены большей частью в приповерхностных известняках, в которых вода вымывает пещеры и коридоры. В последнее время они были в центре общественного внимания, потому что они поблизости, под нашими городами. По последним подсчетам военных, общая длина континентальных туннелей достигает четырехсот шестидесяти трех тысяч миль при средней глубине всего триста фатомов.

Место, куда направляетесь вы, расположено значительно глубже. Океаническую кору подстилают породы, совершенно отличные от известняка, гораздо более молодые, чем континентальные. До недавнего времени считалось, что земная кора под океанским дном непористая, что температура и давление в ней слишком высоки, чтобы там могла быть жизнь.

Теперь нам известно: это не так. Бездна под Тихим океаном базальтовая. Каждые несколько тысяч лет она подвергается действию сероводородного раствора или серной кислоты, которая поднимается из нижних слоев. Кислотный раствор разъедает базальт, как червяк яблоко. Как мы полагаем, под Тихим океаном находятся природные полости общей протяженностью шесть миллионов миль и средней глубиной шесть тысяч сто фатомов. Это тридцать шесть тысяч футов ниже уровня моря, или шесть и девять десятых мили.

– Протяженностью шесть миллионов миль?! – переспросил кто-то.

– Точно, – ответил картограф. – Разумеется, очень немногие настолько

велики, чтобы в них мог проникнуть человек. Но и тех, куда можно проникнуть, вполне достаточно. Они, вероятно, были обитаемы в течение тысяч лет.

«Хейдлы», – подумала Али и почувствовала, что все вокруг замерли.

На экране появилась серая масса, пронизанная норами и дырами. Казалось, это черви прогрызли себе ходы, ползая вверх и вниз.

– Дно Тихого океана имеет площадь примерно шестьдесят четыре миллиона сто восемьдесят шесть тысяч квадратных миль. Как вы видите, оно испещрено сотнями и тысячами полостей. Начиная с Пятнадцатого уровня – на глубине около четырех миль – из-за плотности пород мы выполнили карту масштабом лишь 1:120 000. Тем не менее нам удалось насчитать около восемнадцати тысяч довольно крупных подземных коридоров. Все они заканчиваются тупиками или приводят к своему же началу и не ведут никуда. Все, кроме одного. Мы полагаем, что этот коридор был промыт потоками кислоты сравнительно недавно, меньше ста тысяч лет назад – в геологическом отношении пустяк. Коридор начинается под Марианской впадиной, поднимается, затем круто сворачивает в более молодые базальтовые породы. Он ведет из точки А, где мы с вами сейчас находимся, в точку Б.

Ученый прошелся вдоль экрана, ведя карандашом по Тихому океану.

– Координаты точки Б – 0,7 градуса северной широты и 145,23 градуса восточной долготы – вот с этой стороны Марианской впадины. Далее коридор уходит глубже, под впадину. Мы точно не знаем, куда он ведет. Возможно, он связан с Каролинскими островами, что к югу от Филиппин. Множество коридоров проходит через азиатские пласты и ведет к геологическим фундаментам Австралии, Индонезийского архипелага, Китая и далее. Повсюду есть выходы на поверхность. Мы полагаем, что эти коридоры связаны с Тихоокеанской сетью через пункт Б, но исследование еще не закончено. В настоящее время на наших картах там просто белое пятно, каким в свое время были истоки Нила. Но это продлится недолго. Меньше чем через год вы сообщите нам, куда он ведет.

Али и всем остальным понадобилась минута, чтобы это осмыслить.

– Вы посылаете нас туда?! – выдохнул кто-то.

Али пошатнулась. Масштаб проекта ее просто ошеломил. Ни Дженьюэри, ни Томас не говорили о том, что готовится такое. Люди вокруг тяжело задышали. «Что все это значит? – недоумевала Али. – Какая безрассудная затея!» Для чего посылать их через всю Азию? Экспедиция, конечно, хитрый ход в геополитической шахматной игре. Напрашивалось сравнение не с походами Льюиса и Кларка, а скорее с великими

экспедициями испанцев, англичан и португальцев.

Невероятно! Их путешествие – своего рода декларация. Куда бы ни шла экспедиция, «Гелиос» будет провозглашать там свои владения. А картограф только что сообщил, куда они направятся – под экватор, из Южной Америки в Китай.

В мгновение ока Али постигла их великий замысел.

«Гелиос» или Купер – неудавшийся президент – намеревается заявить права на все недра океанского дна. Он собирается создать собственное государство. Государство размером с Тихий океан! Нужно сообщить Дженьюэри.

Она сидела в темноте, глядя на экран. Это государство будет больше, чем все остальные, вместе взятые! «Гелиос» завладеет почти половиной земного шара!

Что делать с таким огромным пространством? Как можно утвердить свои права на него?

Грандиозность замысла повергла Али в трепет. Такие имперские взгляды – да этот человек ненормален! А она и остальные ученые собираются ему помогать.

Ее соседи тоже погрузились в раздумья. Почти все они, вероятно, взвешивали риск, думали о собственных целях, пытались свыкнуться с мыслью о масштабе затеянного предприятия, подсчитывали «за» и «против».

– Шоут!

Шоут с готовностью поднялся на возвышение.

– Нам об этом ничего не говорили.

– Вы дали подписку на год, – напомнил Шоут.

– Вы хотите, чтобы мы пересекли весь Тихий океан? Под землей, на глубине милю или три? По неисследованной территории? По территории хейдлов?

– Я постоянно буду рядом, – успокоил Шоут.

– Но от плиты Наска еще никто не ходил к западу.

– Правильно. Мы будем первыми.

– То есть нам придется шагать целый год?

– Именно для этого последние шесть недель вас так гоняли. Не затем вы занимались альпинизмом, приседали, упражнялись на тренажерах, чтобы улучшить фигуру.

Все продолжали соображать.

– Вы понятия не имеете о том, что там находится.

– Не совсем так, – возразил Шоут. – Кое-что нам известно. Два года

назад военная разведка исследовала часть пути. Она обнаружила остатки древних коридоров, сеть проходов и залы, которые хорошо сохранились и явно ремонтировались в течение нескольких тысяч лет. Мы предполагаем, что это своего рода Великий Шелковый путь тихоокеанского подземья.

– И насколько далеко зашли солдаты?

– Двадцать три мили, – ответил Шоут. – И вернулись.

– Вооруженные солдаты!

Шоут оставался невозмутимым:

– Они не были готовы. А мы подготовились.

– А как насчет хейдлов?

– Их не видно уже два года, – ответил Шоут. – Но чтобы обеспечить вам защиту, «Гелиос» снарядил специальную службу безопасности. Она все время будет с нами.

Встал господин, похожий на Айзека Азимова, – бакенбарды и очки в черной роговой оправе, слово «Привет» на табличке с именем у него было зачеркнуто.

Али приходилось видеть его лицо на обложках его книг: Дональд Сперриер, известный специалист по приматам.

– А как насчет того, что силы человеческие не беспредельны? Согласно вашему проекту, нам придется пройти пять тысяч миль.

Картограф повернулся к светящемуся экрану. Провел пальцем по линиям, которые шли через экватор туда и обратно.

– Фактически со всеми поворотами и изгибами, спусками и подъемами маршрут составит около восьми тысяч миль. Плюс минус тысяча.

– Восемь тысяч миль?! – переспросил Сперриер. – За год? Пешком?

– Наша поездка на поезде сократила путь на тысячу триста миль.

– Остается шесть тысяч семьсот. Мы целый год будем бежать без передышки?

– Вам поможет сама природа, – вмешался картограф.

– Аппаратура зарегистрировала там какое-то устойчивое движение, – пояснил Шоут. – Мы считаем, что это река.

– Река?

– Она течет с востока на запад. Длиной несколько тысяч миль.

– Теоретическая река. Ее никто не видел.

– Мы будем первыми.

Сперриер сдался:

– Что ж, хоть от жажды не умрем.

– Вы, видно, не поняли, – сказал Шоут. – По ней можно плыть.

Люди были ошарашены.

– А как насчет снабжения? Разве мы унесем столько продовольствия, сколько понадобится на год?

– Сначала у нас будут носильщики. Потом, приблизительно каждые пять недель, нас будут снабжать через шахты. «Гелиос» уже приступил к бурению таких шахт в определенных точках маршрута. Эти шахты бурятся в океанском дне на пути нашего следования, и через них будут спускать продукты и снаряжение. Таким образом, кстати, мы намерены поддерживать и контакт с внешним миром. Вы сможете связаться с родными. Можно будет даже эвакуировать больных и раненых.

Звучало убедительно.

– Это решительный и дерзкий шаг, – продолжал Шоут. – Из нашей жизни будет вычеркнут целый год. Мы могли бы просиживать штаны в какой-нибудь дыре, вроде Эсперансы. А вместо этого через год, считая с сегодняшнего дня, мы войдем в историю. Всю оставшуюся жизнь вы будете писать труды, издавать книги о том, что совершили. Участие в экспедиции обеспечит вам положение в научном мире, принесет высокие посты, награды и славу. Ваши дети и внуки будут слушать ваши рассказы, раскрыв рот.

– Решение трудное, – сказал кто-то. – Мне нужно посоветоваться с женой.

Большинство согласно заворчал.

– Боюсь, линия связи неисправна.

Али видела, что это наглая ложь. Но – такова цена. Он словно провел рубеж, который им оставалось перешагнуть.

– Вы, конечно, можете написать письма. Следующий поезд уходит в Наску через два месяца.

«Гелиос» явно наложил вето на сношение с внешним миром.

Шоут взирал на слушателей с невозмутимостью рептилии:

– Я не рассчитываю, что все, кто здесь присутствует, завтра утром еще будут с нами. Разумеется, каждый волен вернуться домой.

На поезде, через два месяца. Экспедиция стартует, защищенная от любой утечки информации.

Шоут глянул на часы.

– Уже поздно. Мы выходим в шесть утра. Значит, у тех, кто идет, на сон всего несколько часов. Впрочем, этого достаточно. И я твердо верю, что мы приходим в мир с уже принятыми решениями.

Включился свет. Али заморгала. Люди сидели, подавшись вперед, потирая руки, напряженно размышляя. Лица горели от волнения. Али, вспомнив про Айку, посмотрела в его сторону – как он отреагировал? Но

он ушел еще до того, как включили свет.

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше.

По ту сторону добра и зла

**Медицинский научный центр,
Университет штата Колорадо, Денвер**

– Ее поймали в доме престарелых вблизи Бартсвилла, штат Оклахома, – рассказывала доктор Ямомото.

Томас, Вера Уоллах и Фоули вышли вслед за ней из ее кабинета. Последним шагнул Бранч – на глазах горнолыжные очки, рукава опущены, манжеты застегнуты, чтобы скрыть шрамы.

– Дом из тех, что увидишь – потом не уснешь, – продолжала Ямомото.

Ей было никак не больше двадцати семи. Белый халат расстегнут. Под ним футболка с надписью «Пятидесятимильный кросс Лейк-Сити». Бранчу показалось, что доктор прямо лучится жизнерадостностью. На руке новенькое – не старше нескольких недель – обручальное кольцо.

Они поднялись в лифте, где висела специальная табличка, перечисляющая этажи по специальностям и сопровождаемая пояснениями на азбуке Брайля. В цокольном этаже – администрация. На верхних – отделения психиатрии и нейрофизиологии. Гости поднялись на самый верхний, где не было никакого названия, а потом прошли через какой-то коридор.

– Оказывается, администратор этого Бартсвиллского заведения сидел в тюрьме за мошенничество и подлог, – рассказывала доктор. – Надеюсь, он опять там. Настоящий магнат. Его так называемое заведение рекламировало себя, как специализирующееся на больных болезнью Альцгеймера. Он держал пациентов едва живыми, чтобы получать медицинскую страховку – чеки. Ужасающие условия, скверное обращение. Никакого медицинского персонала. Потому-то наша незваная гостья и

могла там прятаться больше месяца, пока дворник ее не заметил.

Молодая женщина остановилась перед дверью с кодовым замком.

– Вот и пришли, – сказала она, осторожно набирая код. Длинные пальцы. Нежные, но сильные прикосновения.

– Вы, наверное, на скрипке играете, – предположил Томас.

Ей это явно понравилось.

– На гитаре, – призналась она. – Электрическая бас-гитара. У меня есть своя группа. «Женские секреты». Несколько парней и я.

Она придержала дверь, пропуская гостей. Бранч немедленно почувствовал разницу в освещении и звуке. Никаких окон. Ни один лучик не проникает. Легкий шорох ветра по кирпичной стене. Стены тут толстые.

Слева и справа были двери, ведущие в комнаты, заполненные компьютерами. На стене – табличка с надписью: «Проект «Цифровой Адам», Государственная медицинская библиотека». Ни одной книги Бранч не увидел.

Войдя, Ямомото понизила голос:

– Нам еще повезло, что сторож обратил внимание. Администратор и его шайка даже и полицию не стали бы вызывать. Короче говоря, пришли полицейские. Они, что неудивительно, испугались. Сначала решили, что там похозяйничали звери. Один полицейский умел ловить рысей и койотов. Он где-то достал несколько старых ржавых капканов.

Посетители приблизились к ряду двойных дверей. Еще один кодовый замок. Шифр другой, заметил Бранч. Прошли по очереди: сначала комнату охраны, потом подсобное помещение, где Ямомото помогла им облачиться в зеленые халаты и хирургические маски и выдала по две пары латексных перчаток, потом главное помещение, где над пробирками и клавиатурами сидели лаборанты. Доктор вела их мимо блестящих рядов какого-то оборудования и продолжала рассказывать:

– В ту ночь она явилась опять и попала ногой в капкан. Пришла полиция – для них это было полной неожиданностью. Они к такому оказались не готовы. Ростом едва четыре фута, нога сломана – и почти одолела пятерых взрослых мужчин. Она чуть не сбежала, но все же ее поймали. Мы, конечно, предпочли бы живой экземпляр.

Они приблизились еще к одной двери – на приколотом к ней листке было написано от руки «Береги сопли».

– «Сопли»? – удивилась Вера.

Ямомото заметила табличку и перевернула надписью вниз.

– Шутка, – сказала она. – Это помещение охлаждается. Мы называем его «Яма и маятник» – помните, у Эдгара По?..

Бранчу понравилось, что она покраснела. Ямомото, конечно, профессионал. И более того, хочет произвести на них хорошее впечатление.

Доктор пропустила их внутрь. Тут оказалось не так холодно, как ожидал Бранч. Висевший на стене градусник показывал тридцать один градус по Фаренгейту.^[14] Час или два вполне можно поработать. Правда, здесь никого и не было. Вся работа выполнялась автоматически. Раздавался тихий ритмичный шорох. Ш-шш, ш-шш, ш-шш... Словно кто-то успокаивал ребенка. При каждом шорохе мигали светодиоды.

– Так ее убили? – спросила Вера.

– Нет, вовсе нет, – ответила Ямомото. – Взяли ее живой – с помощью сетки и веревок. Но капкан был ржавый. Развился сепсис, потом столбняк. Умерла до нашего приезда. Я привезла ее сюда в контейнере со льдом.

В помещении было четыре стальных прозекторских стола, на каждом – куб голубой желеобразной массы, рядом – аппаратура, каждые пять секунд производящая яркую вспышку.

– Мы называли ее Доун, – сказала доктор.

Гости посмотрели в голубой гель – там она и была, замороженная и распиленная на четыре части.

– Мы уже наполовину компьютеризовали нашу цифровую Еву, когда нашли хейдла. – Ямомото указала на холодильники вдоль стен. – Тогда мы поместили Еву обратно в холодильник и тут же начали работать с Доун. Как видите, мы расчленили тело на четыре части и поместили каждую в специальный гель. Эти аппараты – криомикротомы. Каждые несколько секунд они снимают очередной срез толщиной полмиллиметра, а синхронизированная камера делает снимок.

– И долго оно тут находится? – спросил Фоули.

«Оно», а не «она», отметил Бранч. Фоули старался называть ее нейтрально. А Бранч, напротив, воспринимал ее как родственное существо. А как же иначе? Маленькая кисть с пятью пальцами, как у человека.

– Две недели. Сейчас тут работают лезвия и камеры. А через несколько месяцев у нас будет банк данных с двенадцатью тысячами изображений. Сорок миллионов байт информации на семидесяти лазерных дисках. С помощью мыши можно будет передвигаться по ее трехмерному изображению, изучать ее анатомию.

– А смысл?

– Понять физиологию хейдлов, – объяснила доктор. – Нам нужно знать, чем она отличается от человеческой.

– А этот процесс можно как-нибудь ускорить? – спросил Томас.

– Мы ведь даже не знаем, что ищем, не знаем, какие задавать вопросы.

Мы не имеем права что-либо упустить. Сами понимаете, от мельчайшей детали может зависеть очень много.

Они разделились и подошли к разным столам. Сквозь прозрачный гель Бранч видел голень и ступню. Вот здесь капкан впился в кости. Кожа – белая, словно у рыбы.

Бранч отыскивал верхнюю часть тела. Она напоминала алебастровый бюст. Из-под полуопущенных ресниц виднелись голубые глаза. Рот приоткрыт. Лезвие криомикротомы двигалось на уровне шеи.

– Вы, наверное, видели много таких, – сказала доктор из-за плеча Бранча.

Голос у нее был строгим. Бранч придвинулся к столу и наклонил голову, почти сочувственно глядя на Доун.

– Они все разные, – сказал майор. – Вроде нас.

Возможно, она ждала от него другого. Большинство людей, видевших Бранча, не сомневались, что он постоянно жаждет крови хейдлов.

Ямомото заговорила мягче:

– Судя по зубам и неразвитому тазу, ей лет двенадцать-тринадцать. Разумеется, мы можем ошибаться. Нам не с чем сравнивать, поэтому мы вынуждены гадать. Очень трудно получить образцы. Казалось бы, если люди столько раз с ними сталкивались, мы тут должны ходить по колено в трупах.

– Странно, – заметила Вера, – они что – разлагаются быстрее, чем обычные млекопитающие?

– Это зависит от того, как долго они находятся на солнечном свету. Но дело в другом – тела обычно подвергаются надругательству.

Бранч заметил, что Ямомото старается на него не смотреть.

– То есть их расчлениают, или как?

– Гораздо хуже.

– Именно надругательство? – уточнил Томас. – Сильно сказано.

Ямомото подошла к холодильнику и выдвинула один из ящиков:

– А как еще назвать?

На металлическом поддоне лежал искалеченный скорчившийся труп – он напоминал мумию тысячелетней давности.

– Его поймали и сожгли неделю назад.

– Солдаты? – спросила Вера.

– Нет, представьте. Обычные жители города Орландо, штат Флорида. Люди напуганы. Возможно, это одна из форм проявления расизма. Отсюда и переход от страха к ненависти. Людям кажется, что нужно разделаться с врагом, даже если он уже убит. Может быть, они считают, что борются со

злом.

– А вы? – спросил Томас.

Ее миндалевидные глаза погрузнели. Но она держала себя в руках. Конечно, Ямомото так не считала, ни как ученый, ни как человек.

– Мы предлагали вознаграждение за неповрежденные экземпляры, – сказала она. – И все равно получаем в лучшем случае вот такое. Например, этот – его поймали обычные служащие средних лет – бухгалтеры и программисты, которые играли в футбол на окраине города. Когда с ним покончили, от него остался только кусок угля.

Бранч видал и не такое.

– И так по всей стране. По всему миру, – пожаловалась Ямомото. – Мы знаем, что они появляются наверху. Их иногда видят – и ловят – где-нибудь в подzemке или в сельской местности. Однако попытайтесь-ка заполучить неповрежденный труп. Задача не из легких. И это очень затрудняет исследования.

– Доктор, а зачем они, по-вашему, выходят на поверхность? А то ведь у каждого своя теория.

– Никто точно не знает. По правде сказать, я не думаю, что они стали подниматься чаще, чем на протяжении нашей истории. Просто люди начали больше обращать на них внимание, вот нам и кажется, что хейдлы выходят чаще. А в большинстве случаев тревога вообще оказывается ложной. Как с НЛО. Много случаев, когда они случайно забредают наверх, а иногда за хейдлов принимают животных или даже ветки, что скребутся в окно.

– О, – сказала Вера, – так это в основном наше воображение?

– Нет, конечно. Они существуют. Прячутся на свалках, в подземных коммуникациях, заброшенных домах, в лесах. В нашей, так сказать, ахиллесовой пяте. Но их никоим образом не столько, сколько нам преподносят политики и журналисты. Они говорят чуть ли не о вторжении, господа! Кто куда вторгается? Ведь не хейдлы же бурят шахты и колонизируют пещеры.

– Опасные вы речи ведете, – заметил Фоули.

– Нас изменили страх и ненависть, – продолжала молодая женщина. – Я думаю о том, в каком мире будут расти наши дети. Ведь это очень важно.

– Но если хейдлы выходят не чаще, чем обычно, – возразил Томас, – это опровергает все теории катастроф, о которых постоянно твердят, – что голод, чума или экологические бедствия происходят, когда среди нас появляются они.

– Наше исследование поможет ответить и на этот вопрос. История

народа записана в костях и тканях. Но пока мы не соберем достаточно образцов, чтобы расширить нашу базу данных, я могу сказать вам только то, что сообщили мне тела Доун и нескольких ее сородичей.

– Значит, нам ничего не известно об их намерениях?

– С научной точки зрения – нет. Пока нет. Знаете, иногда мы – я и мои коллеги – садимся и придумываем им биографии. – Доктор обвела рукой стальной мавзолей. – Придумываем для них имена, прошлое. Стараемся понять, каково быть на их месте.

Она коснулась рукой прозекторского стола:

– А Доун – наша любимица.

– Правда? – удивилась Вера.

Ей понравилась такая гуманность ученых.

– Думаю, дело в ее молодости. И нелегкой жизни.

– Если не возражаете, расскажите мне, что удалось о ней узнать, – попросил Томас.

Бранч посмотрел на иезуита. О нем, как и о Бранче, обычно превратно судили по внешности. Но Томас чувствует родство с этими созданиями, а такой взгляд сейчас не в моде. Бранчу казалось, что дело в характере. Или иезуиты не следуют «теологии освобождения»? [\[15\]](#)

Молодая женщина явно испытывала неловкость.

– Это не моя сфера, – сказала она. – Специалисты еще не обработали все данные, и наши предположения – лишь предположения.

– Ну вот, опять, – упрекнула Вера. – Вы просто расскажите, и все.

– Ладно. Она жила довольно глубоко и, судя по узкой грудной клетке, в атмосфере, богатой кислородом. Анализ ДНК показал родство с экземплярами, доставленными из других частей света. Есть мнение, что у нас с ними общий предок – *homo erectus* – человек прямоходящий. Но то же самое можно сказать про нас и орангутангов, лемуров и даже лягушек. В какой-то степени мы все одного происхождения.

– Удивительно, что хейдлы так похожи на людей. И что они такие разные. Вы слышали о Дональде Сперриере?

– Приматологе? – уточнил Томас. – Он здесь был?

– Мне даже неловко, – сказала Ямомото. – Я о нем до того не слышала, и только после мне сказали, что он всемирно известен. Сперриер приходил посмотреть на нашу девушку и очень кстати прочитал нам своего рода импровизированную лекцию. Он сказал, что *homo erectus* дали больше ответвлений, чем все другие группы гоминидов. Мы их потомки. Хейдлы, возможно, тоже. Вероятно, *homo erectus* мигрировали из Африки в Азию сотни тысяч лет назад, и расселившиеся группы эволюционировали в

различные формы по всему миру, а некоторые ушли под землю. Я опять же не специалист...

Скромность Ямомото импонировала Бранчу, но и мешала. Они пришли сюда по делу, собрать любые зацепки, которые она и ее коллеги получили, исследуя тело хейдла.

– В целом, – сказал Томас, – вы как раз определили нашу цель. Понять – почему мы стали такими, какими стали. Что вы еще можете сообщить?

– В тканях ее организма обнаружена высокая концентрация радиоизотопов, но этого и следовало ожидать – ведь под землей много радиоактивных минералов. Я даже подозреваю, что именно радиацией можно объяснить мутацию этих гоминидов. Только прошу не ссылаться на меня. Никому пока неизвестно, кто и почему стал таким, каким стал.

Ямомото протянула руку к блоку голубого геля, словно хотела погладить уродливое лицо.

– На наш взгляд, Доун так примитивна... Некоторые посетители считают, что здесь налицо проявление атавизма. Считают, что она ушла от *homo erectus* и австралопитека гораздо меньше, чем мы. А на самом деле Доун развита ничуть не менее нас, просто развитие ее шло в другом направлении.

Это был сюрприз для Бранча. Принято считать, что стереотипы, расизм и предрассудки процветают среди простых людей, но оказывается, ученые грешат этим не в меньшей степени. Что ж, научный снобизм во многом объясняет, почему преисподнюю не обнаруживали так долго.

– Зубная формула у нее такая же, как у нас – и как у ископаемых гоминидов возрастом три миллиона лет: две пары резцов, одна пара клыков, две пары малых коренных и три пары больших коренных зубов. – Ямомото повернулась к другому столу. – Нижние конечности тоже похожи на наши, но в костях больше губчатой ткани, и значит, можно предположить, что Доун – гораздо лучший ходок, чем *homo sapiens sapiens*. И она действительно много ходила. Через гель видно не очень хорошо, но если присмотритесь, то увидите, что эти ноги отшагали много миль. Подошвы ороговевшие – тверже, чем наши ногти. Свод стопы плоский. Одиннадцатый размер, а ширина маленькая.

Ямомото перешла к следующему столу, на котором была грудная клетка и руки.

– Тут тоже не обошлось без сюрпризов. Кардиоваскулярная система очень мощная, если не идеально здоровая. Сердце слегка увеличено, то есть она, видимо, быстро поднялась с глубины четыре или пять миль. В легких имеются рубцы, возможно, из-за подземных газов. А здесь – след

укуса старого животного.

Ямомото приблизилась к последнему столу, где помещалась брюшная полость. Одна рука хейдла была скрючена, другая – нормальная.

– Опять же трудно получить четкую картину. Однако фаланги пальцев довольно длинные, нечто между приматами и человеком. Это объясняет истории, которые мы слышали, – о том, как хейдлы забираются на стены, пробираются через узкие норы и щели.

Доктор показала на область брюшины. Лезвие ходило взад-вперед, продвигаясь сверху вниз, к тазовой области. На лобке были редкие черные волосы – это существо только начало достигать половой зрелости.

– Некоторая часть ее жизни нам известна. Жуткая история. Перед тем как начать криомикротомию, мы провели МР-интроскопию и компьютерную томографию. Нас кое-что насторожило в области тазовых костей, и я попросила посмотреть ее нашего заведующего гинекологией. Он сразу определил вид травмы. Изнасилование. Групповое.

– Что вы такое говорите? – изумился Фоули.

– И ей двенадцать лет? – сказала Вера. – Страшно даже представить. Тогда понятно, почему она вышла на поверхность.

– В каком смысле? – не поняла Ямомото.

– Бедняжка, наверное, убегала от тех, кто сотворил с ней такое.

– Но я вовсе не говорила, что это сделали хейдлы. Мы исследовали сперму. Только человеческая. Других следов насилия почти нет. Мы связались с ведомством шерифа в Бартсвилле, и нам предложили опросить мужчин-служащих приюта. Они, однако, все отрицали. Можно было сделать анализы, но что толку? Преступлением это не считается. Кто-то поразвлекся. А потом продержал ее несколько дней в холодильной камере.

Бранч опять же видал вещи и похуже.

– Какое, однако, самомнение у нашей цивилизации, – сказал Томас. Лицо его не казалось печальным или злым, только суровым. – Страдания этого ребенка позади. Но даже сейчас, каждую минуту, в мире творится подобное зло. В сотне разных мест. Мы творим зло над ними, они – над нами. Пока мы не наведем порядок в умах, злу всегда будет где спрятаться.

Он смотрел на детское тело и говорил, казалось, самому себе.

– Что еще сказать? – рассуждала вслух Ямомото. Она огляделась. Увидела область брюшины. – Ах да, стул у нее твердый и темный, с резким запахом. Типичный для плотоядных.

– Чем же она питалась?

– Последние месяцы перед смертью? – уточнила Ямомото.

– Я думаю, олады из овсяных отрубей, фруктовый сок, что там еще

можно найти среди отходов в приюте для стариков? Пища с волокнами, грубая пища, которую легко переваривать, – предположила Вера.

– Только не наша девушка. Она питалась мясом, никаких сомнений. Полицейский отчет был вполне ясен. А образцы кала подтвердили: исключительно мясо.

– Но где...

– В основном обгрызала людям ноги, – сказала Ямомото. – Потому ее так долго и не обнаружили. Работники думали, что это крысы или дикая кошка, мазали раны мазями и бинтовали. Потом Доун опять приходила поест.

Вера молчала. К «девушке» она нежности не испытывала.

– Неприятно, я понимаю, – продолжила Ямомото. – Но и ей пришлось несладко.

Шуршали лезвия, блоки геля понемногу двигались.

– Не поймите меня превратно. Я ее не оправдываю. Просто стараюсь не осуждать. Некоторые называют это людоедством. Но если мы утверждаем, что хейдлы не относятся к виду *sapiens*, то чем их поведение отличается от поведения тигра-людоеда? Правда, подобные случаи объясняют, почему люди так перепуганы. И потому так трудно получить хорошие, неповрежденные экземпляры. А предельные сроки уже ушли. Мы безнадежно отстали.

– От чего отстали? – спросила Вера.

– От самих себя, – сказала Ямомото. – Нам было отпущено время, а мы не уложились.

– Кто же отпускает время?

– Это вообще тайна. Сначала мы думали, что все зависит от военного превосходства. Мы строили компьютерные модели для развития нового оружия. Мы должны были заполнять белые пятна – изучать плотность тканей, расположение органов. Выяснить наиболее общие различия между их видом и нашим. Потом мы стали получать директивы от корпораций. Но корпорации меняются. Мы теперь не знаем, чего они хотят. Для наших целей это, впрочем, не имеет значения. Раз они оплачивают счета.

– У меня вопрос, – сказал Томас. – Вы как будто не уверены, являются ли Доун и ее сородичи отдельным видом. А как считает Сперриер?

– Он категоричен: хейдлы – отдельный вид, некие приматы. Классификация организмов – предмет особый. Сейчас Доун и прочие отнесены к классу *homo erectus hadalis*. И ему не понравилось, когда я заговорила о возможности их переименования в *homo sapiens hadalis* – то есть отнесения их к нашей эволюционной ветви. Он сказал, что наука об

erectus – мертвая наука. Как я уже говорила, страх есть везде.

– Страх перед чем?

– Разойтись с ортодоксальными взглядами. Вам могут урезать фонды. Можно потерять научную должность. Вас не станут публиковать, не примут на работу. Тут дело тонкое. Каждый старается не высовывать носа.

– А вы? – спросил Томас. – Вы занимаетесь девочкой. Проводите анатомирование. Что вы сами думаете?

– Так нечестно, – остановила его Вера. – Ведь доктор только что объяснила, какие сейчас опасные времена.

– Ничего, – успокоила ее Ямомото. Она смотрела на Томаса. – Erectus или sapiens? Поставим вопрос так. Если бы она была жива и речь шла о вивисекции, я бы не согласилась.

– То есть она, по-вашему, – человек? – уточнил Фоули.

– Нет, я только говорю, что Доун слишком похожа на нас, чтобы отнести ее к erectus.

– Можете назвать меня адвокатом дьявола или хоть дилетантом, но я не вижу, чем она похожа на нас.

Ямомото подошла к холодильным шкафам и выдвинула один из нижних ящиков. В нем помещались останки еще более странные, чем те, что они уже видели. Кожа покрыта страшными шрамами. Волосы на теле – густые и длинные. Голова напоминала какой-то кочан с отслаивающимися костистыми наростами. Из середины лбаросло что-то похожее на рог.

Доктор положила руку в перчатке на грудную клетку трупа.

– Я уже говорила, что требовалось определить различия между нашими видами. Нам известно, что различия существуют. Они видны невооруженным глазом. Или кажется, что видны. Пока мы находим только физиологическое сходство.

– Как вы можете говорить, что у нас вот с ним есть сходство? – спросил Фоули.

– Именно. Этот экземпляр нам прислал наш руководитель. Своего рода контрольный эксперимент – хотел проверить, к какому заключению мы придем. Десяток специалистов проводили аутопсию в течение недели. Мы выделили около сорока различий между ним и homo sapiens sapiens. Содержащиеся в крови газы, костная структура, строение глаза, чем он питается. У него в желудке мы обнаружили следы редких минералов. Он поедает глину и какие-то флуоресцентные вещества. Кишечник в темноте светился. И только потом нас поставили в известность.

– О чем?

– О том, что это немецкий солдат из сил НАТО.

Бранч, который в первый же момент понял, что перед ним человек, слушал Ямомото, не перебивая.

– Не может быть! – Вера потрогала разрезы и надавила на костистый «шлем». – А это что? А это?

– Результат его службы. Побочные явления от таблеток, которые им давали, или влияние геохимической среды, в которой он находился.

Фоули был потрясен:

– Я слышал, что происходят трансформации. Но чтобы такое! – Он тут же вспомнил про Бранча и замолчал.

– Действительно, на монстра похож, – прокомментировал Бранч.

– Вообще, мы получили отличный урок, – сказала Ямомото. – Есть о чем задуматься. Меня все время преследует одна мысль. Не важно, относится ли Доун к *erectus* или *sapiens*. Если оглянуться назад, то ведь *homo sapiens* когда-то были *homo erectus*.

– Значит, различий нет?

– Есть, и много. Но мы также видим, как много различий существует между человеческими особями. Это уже вопрос теории познания. Как нам узнать, знаем ли мы о том, сколько мы знаем. – Доктор задвинула ящик.

– Вы, похоже, пали духом.

– Нет, я всего лишь в растерянности. Оказалась в тупике. И все же я убеждена, что истинные различия между нами начнут выявляться в ближайшие три-пять месяцев.

– Вот как? – сказал Томас.

Ямомото подошла к столу, где голова и плечи Доун медленно, очень медленно продвигались под лезвие-маятник.

– Через три месяца мы приступим к исследованию мозга.

Начни с начала и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись.

Льюис Кэрролл.

Алиса в Стране Чудес

Между островом Клиппертон и Галапагосским разломом

В ущелье у Эсперансы ученые спускались по четыре человека. На краю пропасти стоял ряд лебедок – как пушки у борта корабля. Ревели моторы, крутились, разматывая кабель, огромные барабаны. Люди попеременно с грузами спускались на платформах и сетках. Глубина спуска – больше четырех тысяч футов. Ни пристяжных ремней, ни инструкций по безопасности, только стропы и смазанные маслом цепи; ящики прикреплены к полу болтами, а живой груз должен сам о себе позаботиться. Скрипели и стонали массивные рычаги лебедок. Забравшись на платформу для спуска, Али устроила свой багаж за спиной и пристегнулась карабинами к невысокому ограждению. Появился Шоут с папкой в руке.

– Доброе утро! – крикнула ему Али сквозь дым и рев лебедок.

Как Шоут и предполагал, кое-кто решил выйти из игры. Человек пять или шесть. Учитывая отношение к ним Шоута и «Гелиоса», Али ожидала, что отказавшихся будет больше. Судя по довольному оскалу Шоута, он тоже. Он с ней еще не разговаривал. Али вдруг испугалась, что он отстранит ее от участия в экспедиции.

– Вы монахиня, – сказал Шоут.

Его узкое лицо и голодные глаза никто бы не назвал красивыми, но он был по-своему привлекателен.

Шоут протянул Али руку, на удивление изящную, учитывая накачанные бицепсы и ноги.

– Я здесь в качестве специалиста по эпиграфике и лингвиста.

– А нам нужен лингвист? Вы как-то таинственно появились.

– Я узнала об экспедиции совсем недавно.

Он ее разглядывал.

– Сейчас последняя возможность отказаться.

Али огляделась и увидела тех, кто решил остаться. Они казались сердитыми и жалкими. Это была ночь слез и гнева – и обещаний подать против «Гелиоса» коллективный иск. Кто-то даже подрался. Обиду у людей вызвало то, что они уже приняли решение, а Шоут заставил их делать это еще раз.

– Я уже смирилась, – успокоила его Али.

– Что ж, тоже неплохо. – И Шоут отметил в списке ее имя.

Канаты над головой натянулись. Платформа поднималась.

Шоут дружески хлопнул по перилам и пошел дальше, а платформа, покачиваясь, стала опускаться в бездну. Один из спутников Али крикнул что-то оставшимся.

Скоро шум лебедек остался позади. Казалось, все огни Эсперансы вдруг погасли. Повиснув на канатах и медленно вращаясь, платформы спускались в темноту. Край ущелья очень сильно нависал над обрывом. Иногда стены утесов оказывались так далеко, что свет фонарей едва их достигал.

– Как червяки на крючке, – сказал Али сосед, когда прошел первый час. – Теперь я знаю, каково это.

Так и было. За все время пути никто больше не проронил ни слова.

Али никогда не видела такой пустоты.

Спуск закончился через несколько часов. Химические отходы, помои, нечистоты образовывали зловонное болото, которое тянулось вдаль, в темноту. Али чувствовала смрад даже сквозь маску. Она сделала вдох и с отвращением выдохнула. Приближаясь ко дну ущелья, Али даже ощутила зуд от кислотных испарений.

Платформа с глухим стуком опустилась на самом краю ядовитого болота. На перила легла чья-то мясистая грубая рука, на которой не хватало двух пальцев.

– Bajarse, rápido!^[16] – рявкнул мужчина.

Голова у него была обмотана тряпкой – наверное, от пота, а может, чтобы защитить от света глаза.

Али отстегнулась и выбралась наружу. Незнакомец сбросил ее вещи. Платформа начала подниматься. Остальным пассажирам пришлось спрыгивать на землю.

Али оглядела первую партию спустившихся.

Пятнадцать или двадцать человек стояли кучкой и светили по сторонам фонарями. Один достал большой пистолет и целился куда-то вдаль.

– Плохо вы встали, – раздался голос. – Отойдите, пока вам на голову что-нибудь не упало.

Они повернулись к нише в скале. Там сидел мужчина, прислонив сбоку штурмовую винтовку. На нем были очки ночного видения.

– Идите по следам, – указал он. – Примерно час. Остальные дорогу найдут. А ты, сопляк, засунь свою пушку назад в штаны, пока кого-нибудь не пристрелил.

Его послушались. Светя себе фонарями, все двинулись по тропке, вьющейся у подножия утеса. Заблудиться было невозможно – дорога только одна.

Внизу висел промозглый туман. У ног плавали клочки испарений. На уровне головы двигались маленькие ядовитые облака, в которых терялся свет фонарей. Тут и там, как огни святого Эльма, вспыхивали язычки пламени, потом гасли.

Мертвенно-тихое болото. Когда-то сюда десятками тысяч приходили животные. Привлеченные отходами, а через некоторое время и мясом ранее приходивших животных, они тут ели и пили. Теперь на много миль здесь лежали их разлагающиеся останки.

Али остановилась рядом с двумя биологами, которые обсуждали кучку полуистлевшего мяса и костей.

– Мы знаем, что наличие позвоночника и панциря доказывает растущее число хищников, – объяснял один из них. – Когда хищник поедает жертву, эволюция начинает создавать защиту. Протеин – не вечный двигатель. И у него где-то должно быть начало. Но никто пока не знает, где начинается пищевая цепочка хейдлов. Во всяком случае, до сих пор никто не находил здесь никаких признаков существования растительности. А без растений не будет травоядных; получается, что вся экосистема основана на поедании мяса.

Его товарищ потянул какую-то челюсть, желая рассмотреть зубы, и вытащил что-то чешуйчатое и с когтями – еще одного гостя с поверхности.

– Как я и думал. Все тут голодали. Погибли от голода.

Али прошла дальше – тут лежало не меньше десятка разных видов черепов и грудных клеток, совершенно неизвестные звери, которые, впрочем, были не новы для ее воображения.

Один скелет напоминал небольшую змею с огромной головой. Другое существо при жизни явно передвигалось на двух ногах. Еще одно животное было похоже на лягушку с крыльями. Никто и ничто не шевелилось.

Скоро Али вспотела и стала задыхаться. Ей понадобится время для адаптации к походным условиям, придется акклиматизироваться в

условиях глубины, перестроить суточный цикл, натренировать мышцы ног.

Вонь животных останков и отходов от шахт задачу не облегчала. И совсем затрудняли движение ржавые кабели, какие-то петли, гнутые рельсы, лестницы.

Али дошла до очищенного участка. Группа ученых отдыхала на каменной скамье. Монахиня сняла рюкзак и присоединилась к ним. Тропа дальше переходила в крутой уступчатый спуск. Каменная кладка казалась старой, слежавшейся. Али огляделась в поисках надписей или других признаков культуры хейдлов, но ничего не увидела.

– Это, наверное, последние из наших, – сказал кто-то.

Али посмотрела, куда он указывал пальцем.

В темноте медленно спускались три светлые точки – казалось, у них светящиеся хвосты как у комет. Али удивилась – они столько прошли, а платформы, на которых их спускали, совсем недалеко – около мили. Выше, на краю утеса, светила в ночи тусклой лампой Эсперанса. Вон и голубые утесы. Они звездочками поблескивали в ядовитом тумане, и Али решила загадать желание.

После привала дорога изменилась. Болото отступило, смертельные испарения улетучились. Тропа поднималась вверх, воздух стал чище. Люди подошли к уступу над просторной площадкой.

– Еще животные, – сказал кто-то.

– Это не животные.

Однажды давным-давно в Палестине, в долине Хиннон, люди совершали человеческие жертвоприношения. Потом они бросали там кости убитых животных и сжигали казненных преступников. День и ночь там горели погребальные костры. Со временем Хиннон превратился в Геенну – так иудеи стали называть страну мертвых. Али, которая изучила немало книг о смерти, подумала, что перед ней, возможно, некое современное подобие долины Хиннон.

Они ступили на площадку, и вид прояснился. Многочисленные тела оказались людьми, которые просто лежали и отдыхали.

– Наверное, это наши носильщики, – предположила Али.

Здесь было не меньше ста человек. Сигаретный дым смешивался с едким запахом тел. Разгадать загадку ей помогли десятки голубых пластиковых баулов. Значит, они подошли к стартовой отметке. Отсюда и двинется экспедиция. Словно бедные родственники, ученые толклись у края площадки, не зная, что делать дальше. Носильщики и не подумали отреагировать на их появление. Они лежали, постреливая друг у друга сигаретки, попивая чай и кофе, или просто спали на голой земле.

– Они похожи... – начала одна из женщин, – ой, надеюсь, хейдлов тут не нанимают.

– Как их могут нанимать? – удивился кто-то в ответ. – Мы даже не знаем, существуют ли они вообще.

Нависшие брови носильщиков, прорезающиеся рога, рисунки на коже, напоминающие скорее тюремные татуировки, – все это наводило на грустные мысли. Не то чтобы кто-то их жалел. У них были тупые каменные взгляды, на лицах – шрамы, как у уличной шпаны. Одежда – нечто среднее между нарядом жителя лос-анджелесских трущоб и обитателя джунглей. На одних – фирменные шорты и военные кепи, на других – набедренные повязки и хип-хоповские куртки. У большинства Али заметила мачете. Оружия много, одежды мало. Ножи были для защиты – от животных, мимо трупов которых ученые шли часом раньше, от незваных гостей, но более всего – друг от друга.

На шеях они носили какие-то белые пластиковые ошейники. Али приходилось слышать о том, что внизу используют труд заключенных и сковывают их цепью. Наверное, ошейники – электронные кандалы. Впрочем, носильщики были внешне похожи друг на друга и держались как-то по-семейному – вряд ли они могли быть партией заключенных. Скорее всего, это люди из одного племени. Индейцы, только из какого региона, Али не поняла. Возможно, Анды. Широкие крепкие скулы, почти восточные глаза.

Откуда-то сбоку возник здоровенный темнокожий солдат.

– Проходите вон туда; полковник приказал, чтобы вам приготовили горячий кофе. Нам сейчас сообщили по радио, что остальных ваших уже спустили. Они скоро подойдут.

К солдатскому жетону у него был приделан маленький стальной мальтийский крест – символ ордена тамплиеров. Недавно восстановленный милостью компании, производящей спортивную обувь, военно-религиозный орден прославился тем, что принимал в свои ряды спортсменов – выпускников школ, университетов и колледжей, у которых нет особых перспектив. Набор начался во время съезда «Верных слову» и «Марша миллиона».^[17] В результате получилась хорошо обученная и строго дисциплинированная армия наемников; ее услугами пользовались правительства и корпорации.

Проходя мимо кучки носильщиков, Али увидела, как кто-то поднял голову, – и узнала Айку. Он не смотрел на Али. Она до сих пор не поблагодарила его за апельсин. Аик повернулся к своим собеседникам, сидя среди них на корточках, как Марко Поло среди туземцев.

Али заметила перед ним на камне прямые линии и дуги, и он двигал взад-вперед камушки и кусочки костей. Она подумала, что это такая игра, потом поняла – Айк расспрашивает индейцев, собирает информацию. Она заметила и кое-что еще. У его ног лежала аккуратная стопка каких-то листьев – видно, только что купил. Али их узнала. Значит, он жует листья коки.

Али прошла в часть лагеря, занятую военными. Тут все было в движении – повсюду суетились люди в военной форме, проверяя оружие. Их было не меньше тридцати, они казались еще молчаливее, чем индейцы. Али решила, что байки про обет молчания, который якобы дают наемники, возможно, и не лишены оснований. Кроме нескольких самых необходимых слов и молитв разговоры тут считались излишеством.

Привлеченные ароматом кофе, ученые нашли установленную на камнях плитку и начали угощаться, потом затоптались среди аккуратно расставленных ящиков и баулов в поисках своего оборудования.

– Вам тут не место, – сказал темнокожий солдат. – Освободите лагерь. – И преградил им дорогу.

Они обошли его и двинулись дальше.

– Все нормально, – ответили ему, – это наше добро.

Все разбрелись по площадке.

– Мой спектроскоп! – радостно закричал кто-то.

– Леди и джентльмены! – раздался властный голос.

В шуме и толкотне Али едва его услышала.

В воздухе гроыхнул выстрел. Стреляли в сторону от лагеря, вниз. Пуля попала в глыбу горной породы и взорвалась россыпью ярких искр. Все замерли.

– Что это?!

– «Ремингтон Люцифер», – объявил стрелявший.

Высокий, худой, чисто выбритый – типичный старший офицер. На нем был разгрузочный жилет с небольшой наплечной кобурой, серые камуфляжные штаны, заправленные в легкие сапоги, свежая черная футболка. На шее висели очки ночного видения.

– Эти снаряды разработаны специально для субтерры. Двадцать пятый калибр, твердый пластик, носик урановый. Функциональные возможности зависят от уровня температуры и звуковой вибрации. Может причинить тяжелую рану, может разделиться на множество маленьких осколков или просто ослепить противника. Наша экспедиция – официальный дебют «Люцифера» и других новинок. – Судя по выговору, он был из образованной семьи, откуда-то из Теннесси.

К военному приблизился Сперриер – бакенбарды у него растрепались – и протянул руку. Он сам себя делегировал в качестве представителя ученых.

– Вы, наверное, полковник Уокер?

Уокер прошел мимо протянутой руки Сперриера.

– У нас, друзья, две основные проблемы. Во-первых, ящики, которые вы разграбили, были тщательно упакованы с учетом веса и центра тяжести. Все ящики пронумерованы, их содержимое расписано по позициям. У меня имеется список. Поскольку из-за вас придется все упаковывать заново, наше отбытие задержится на полчаса. Во-вторых: один из моих людей сделал вам замечание. Вы его проигнорировали. – Полковник поочередно смотрел слушателям в глаза. – В дальнейшем извольте принимать подобные замечания и требования как приказы. Мои приказы. – И он со щелчком застегнул кобуру.

– Как это «разграбили»? Тут наше оборудование. Мы что – самих себя грабим? Кто здесь вообще распоряжается?

Появился Шоут. Он еще не успел снять рюкзак.

– Вижу, вы уже познакомились, – сказал он, поворачиваясь к группе. – Как вам известно, полковник Уокер – руководитель нашей охраны. С настоящего момента он отвечает за нашу безопасность, а также за снабжение.

– Мы должны спрашивать у него разрешения заниматься наукой?

– Это экспедиция, а не ваша лаборатория, – ответил Шоут. – Поэтому на ваш вопрос отвечаю – да. С настоящей минуты вы должны согласовывать свои потребности с людьми полковника. Они будут руководить нашей погрузкой.

– Мы – команда, – сказал Уокер. Всем своим видом – высокий рост, форма, атрибуты – он показывал, что от него не отмахнешься. – В команде следует играть по правилам. Вам всего лишь нужно сообщить о том, что вам нужно, и мой интендант вам поможет. Чтобы не устраивать беспорядка, прошу обращаться к нему в конце дня. Не по утрам, когда мы пакуемся, и не днем, когда мы в пути.

– Я должен спрашивать разрешения, чтобы взять свою же технику?

– Сейчас все утрясем, – вздохнул Шоут. – Полковник, вы хотите что-то еще добавить?

Уокер сел на камень и поставил на него ногу.

– Моя работа – охранять. «Гелиос» нанял меня обеспечивать безопасность вашей экспедиции. – Полковник развернул какие-то бумаги и потряс ими в воздухе. – Это мой контракт. – Он пробежал глазами по

странице. – Тут вот есть довольно необычные пункты.

– Полковник! – предостерег Шоут.

Уокер не обратил на него внимания.

– Например, вот здесь перечислены премиальные выплаты, которые я получу за каждого из вас, кто вернется живым.

Люди слушали затаив дыхание. Шоут не решился перебить.

– Неплохое вознаграждение мне причитается также за каждую руку, ногу, ухо или глаз, которые удастся сохранить в целости и сохранности. Это ведь ваши руки, ноги, глаза. Посмотрим... Триста долларов за глаз – то есть шестьсот за пару. А вот за сохранность рассудка – всего пятьсот долларов. Словом, считайте сами.

Поднялся крик.

– Неслыханно!

Уокер помахивал контрактом, словно белым флагом.

– Вам следует знать кое-что еще.

Все слегка притихли.

– Я трачу тут свое время, – басил полковник, – а мог бы срывать цветы удовольствия. Мог бы побаловаться политикой, поработать где-нибудь консультантом. А в перерывах отдыхать с женой и детьми. А я связался с вами.

Ученые окончательно приумолкли.

– Как видите, – продолжал Уокер, – моя задача – хорошенько на вас нажать. Из своих наградных я не намерен упустить ни одного пенса. Убереечь все – будь то ваш глаз, член или палец на ноге. Вы вообще-то задумываетесь, кому можно доверять?

Уокер сложил бумагу и убрал.

– Я утверждаю, что единственная вещь в мире, которая никогда не подведет, – это корысть. В чем заключается моя корысть, вы теперь знаете.

Шоут слушал с тяжелым вниманием. Полковник только что поставил под угрозу экспедицию – и спас ее. «Но для чего?» – удивлялась Али. Что за игру он ведет?

Он похлопал себя по бедру Библией.

– Мы начинаем великий поход в неизвестность. С настоящего времени экспедиция под моим руководством и защитой. А лучшая защита – единомыслие. И закон. Причем закон, имейте в виду, мой. Будем соблюдать военную дисциплину. А по возвращении я сдам вас вашим близким.

Шоут вытянул шею, словно черепаха из панциря. Его «солдаты удачи» объявили себя высшей властью на целый год. С такой наглостью Али еще не сталкивалась. Ей казалось, что ученые вот-вот взбунтуются. Однако

было тихо. Никто не стал возмущаться, и она поняла почему. Полковник только что пообещал убересть их от смерти.

* * *

Как участники любой экспедиции, они приходили в себя постепенно. Темп увеличивался. Лагерь разбили в 8.00.

Перед тем как послать на разведку с полдюжины солдат, Уокер обычно читал своим людям Библию – что-нибудь из Откровения Иоанна Богослова, или Книги Иова, или из своего любимого Послания коринфянам. «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света».

Ученые двигались следом. Сзади шагали носильщики, сопровождаемые и подгоняемые – это становилось очевидно молчаливыми солдатами. Строгое разделение обязанностей, никакого дублирования.

Носильщики говорили на кечуа, языке империи инка. Никто из американцев его не знал, а все попытки объясниться с носильщиками на испанском встречали с их стороны отпор. Али тоже попыталась, но индейцы не были расположены заводить дружбу с остальными. По ночам солдаты в три смены патрулировали лагерь носильщиков, не столько охраняя их от хейдлов, сколько стараясь не допустить драк.

В первые недели они почти не видели своего разведчика. Айк исчез во тьме коридоров и день или два шел впереди. Его отсутствие вызвало среди ученых странное недовольство. Когда Уокера спросили, сколько платят Айку, тот отказался дать ответ. «Этот человек знает свое дело», – заявил полковник.

Али считала, что Айк входит в команду Уокера, но выяснилось, что это не так. Однако он не был, как говорится, свободным игроком. Шоут заполучил его из армии. Айк, по сути, был невольником – почти так же, как у хейдлов. Его окружала тайна, частично из-за того, подозревала Али, что он был подходящим объектом для разных домыслов. Она сдерживалась, хотя ей не терпелось расспросить его о культуре хейдлов и попытаться составить словарь основных слов. Да еще у нее из головы никак не шел тот апельсин.

Айк выполнял то, что Уокер называл его долгом. Отыскивал дорогу. Вел людей сквозь тьму. Все знали его метки – ярко-голубые кресты сантиметров тридцать высотой, которые он рисовал краской из баллончика.

Шоут сообщил, что краска держится неделю, затем бледнеет. Тоже

один из производственных секретов. «Гелиос» намеревался сбить со следа возможных конкурентов. Как заметил кто-то – они сбивают со следа сами себя, потому что лишаются возможности пройти обратно тем же путем.

Чтобы разубедить их, Шоут показал всем маленькую капсулу и сообщил, что это миниатюрный радиопередатчик. Такие передатчики он оставлял на пройденном пути. Они будут лежать в режиме ожидания, пока Шоут не включит их с помощью дистанционного управления особым сигналом. Шоут упомянул даже сказку о Гансе и Гретель. Кто-то заметил ему, что крошки, которыми Ганс помечал дорогу, склевали птички, а Шоут заворчал: «На вас не угодишь».

Экспедиция жила по двадцатичетырехчасовому суточному циклу. Шли, потом отдыхали, снова шли. Мужчины отращивали бороды, женщины себя запустили, тушь и помада вышли из употребления. Настоящей валютой стал пластырь для мозолей – вещь даже более нужная, чем шоколад «M&M's».

Али, которая никогда раньше не участвовала в экспедициях, полностью втянулась в ритм такой жизни. Это могла быть китобойная экспедиция или путешествие в фургонах на Дикий Запад. Ей казалось, она успела полностью узнать такую жизнь.

Первые десять дней суставы и мышцы болели ужасно. По ночам даже хорошие спортсмены стонали во сне от судорог. Образовался настоящий культ ибупрофена – противовоспалительных и обезболивающих таблеток. Но каждый день груз становился легче – люди поедали продукты и бросали книги, которые уже не казались такими нужными. Однажды утром Али проснулась, лежа головой на камне, и притом чувствовала себя отдохнувшей.

Остатки загара быстро пропали. Подошвы огрубели. Зрение у людей привыкало, хотя освещение было в четыре раза меньше нормы. Али даже нравилось, как она пахнет – честный, трудовой пот.

Химики «Гелиоса» добавили в протеиновые брикеты витамин D, чтобы компенсировать недостаток солнечного света. Там много было и другого – добавок, о которых Али никогда не слышала. Помимо всего прочего, она стала лучше видеть в темноте. И чувствовала себя сильнее. Кто-то поинтересовался, не могут ли брикеты содержать стероиды, что вызвало среди ученых веселье – эти книжные черви начали демонстрировать друг другу воображаемые чемпионские мускулы.

Али они нравились. Она видела в них то, что Шоут и Уокер никогда не увидят. Эти люди пришли сюда по зову сердца. Пришли не ради себя – их вела жажда знаний, наивность, в каком-то смысле – Бог.

Разумеется, кто-то придумал для экспедиции название. Как выяснилось, всем наиболее близок Жюль Верн, и они стали называться Обществом Жюля Верна, или сокращенно ЖВ. Имя прижилось. Этому способствовало, что для своего «Путешествия к центру Земли» писатель выбрал в качестве героев двух ученых, а не воинов или поэтов. А больше всего обществу ЖВ нравилось, что участники описанной в романе экспедиции чудом вернулись целые и невредимые.

Коридоры были просторные. Дорога даже казалась ухоженной. Кто-то – явно очень давно – собрал камни, обтесал углы и выложил ими стены и скамьи. Предполагали, что это сделали сотни лет назад южноамериканские рабы, поскольку кладка из огромных камней напоминала некоторые постройки в Мачу-Пикчу и Куско. Так или иначе, носильщики явно не сомневались в назначении скамей – судя по тому, как ловко они сгружали на них со спины свои баулы.

Али не переставала удивляться. Много миль дорога шла ровная, как тротуар, плавные повороты вправо и влево – просто мечта пешехода. Больше всех поражались геологи. На такой глубине полагается быть твердому базальту. Должно быть невыносимо жарко. Мертвая зона. А тут как в обычном туннеле подземки. Хоть билеты продавай, заметил кто-то. «Не сомневайся, – сказал его приятель, – «Гелиос» скоро этим займется».

Однажды ночью они разбили лагерь вблизи прозрачных зарослей кварца. Али слышала, как шуршат местные мелкие обитатели и капает вода, просачиваясь по трещинам. Это была первая встреча со здешними животными. Обычно фонари их отпугивали. Один из биологов установил на ночь записывающее устройство, а утром дал всем прослушать ритмы биения двухкамерных и трехкамерных сердец, принадлежащих подземным рыбам, амфибиям и рептилиям.

Некоторых ночные звуки пугали. Теперь к хейдлам прибавились неведомые хищники, насекомые, ядовитые змеи. Для Али наличие тут жизни было, как бальзам на душу. Ведь она пришла сюда в поисках жизни, жизни хейдлов. Лежа в темноте на спине, она никак не могла дождаться, когда увидит живых существ.

Специалисты в экспедиции почти все работали в разных областях, потому профессиональной конкуренции возникнуть не могло. У них было больше согласия, чем споров. Каждый выслушивал гипотезы другого со святым терпением. По ночам они собирались кучками. Слушали песни Джона Мэйолла – кто-то исполнял их на губной гармошке. Трое геологов организовали музыкальный ансамбль и назвали его «Тектоника». Ходить по преисподней оказалось весело.

Али подсчитала, что за день экспедиция проходит семь и две десятых мили. После пятидесятой мили устроили праздник. Пили порошковые соки, танцевали. Али отплясывала твист и тустеп. Палеобиолог исполнил с ней на пару какое-то сложное танго – ощущение было, словно все напились и резвятся под луной.

Али оставалась для всех загадкой. Она занималась наукой и в то же время была монахиней. Несмотря на то что она танцевала вместе со всеми, кое-кто из женщин говорил ей, что она, наверное, чувствует себя чего-то лишенной.

Али никогда не сплетничала, не отводила с ними душу, когда приходилось туго. О ее бывших любовниках никто ничего не знал, но думали, что у нее их было несколько. Ей прямо заявили, что намерены все выяснить. «Вы меня воспринимаете как социальную болезнь», – смеялась Али. «Ничего, – отвечали женщины, – тебя еще можно вылечить».

Постепенно комплексы отступали. Одежда стала более откровенной. Обручальных колец поубавилось.

Все происходило у всех на виду, и секс иногда тоже. Кто-то пытался уединиться. Взрослые мужчины и женщины передавали взад-вперед и прятали записки, делали вид, что обсуждают какие-то рабочие вопросы. Ночью Али слышала, как среди груд камней и ящиков постанывают люди, покрываются, словно бегемоты.

* * *

На второй неделе они наткнулись на изображения, напоминающие палеолитические наскальные рисунки пещеры Альтамира. Стены пестрели раскрашенными животными и еще какими-то каракулями: геометрическими фигурами, линиями – некоторые не больше почтовой марки. Они переливались живыми красками. Краски здесь, в царстве тьмы!

– Посмотрите на детали, – выдохнула Али.

Тут были сверчки, орхидеи и рептилии, какие-то химеры, которые мог бы изобразить Птолемей на картах или Босх на своих картинах. Звери – наполовину рыбы или саламандры, наполовину птицы или люди, наполовину козлы. Неведомый художник использовал естественные выступы на скале – для стебельков глаз, половых желез, стрел; минеральные прожилки изображали щупальца или рога.

– Выключите фонари, – попросила Али спутников. – Вот так это должно выглядеть при свете факела. – Она поводила рукой перед налобным

фонарем, и животные, казалось, задвигались.

– Некоторые из этих животных десять тысяч лет как вымерли, – заметил палеобиолог, – а некоторых я вообще не знаю.

– А кто, по-вашему, рисовал? – спросил чей-то голос.

– Только не хейдлы, – ответил Гитнер – специалист по петрологии, науке о камнях. Несколько лет назад он потерял брата, который служил в национальной гвардии, и хейдлов ненавидел. – Не эти черви, обитающие под землей. Они как змеи или насекомые.

Тут вмешалась Молли – вулканолог. Длинноногая, с бритой головой, она вызывала у носильщиков и солдат настоящий трепет.

– Посмотрите, – позвала она. – Вот здесь, возможно, и объяснение.

Все подошли к части потолка, которую она разглядывала.

– Ну ладно, – сказал Гитнер, – фигурки из черточек и красотки с буферами. И что?

На первый взгляд казалось, что так и есть. Воины с копьями и луками шли друг на друга в яростную атаку. У некоторых туловища и головы были в виде двух треугольников. У других – просто линии. В одном углу столпилось несколько дюжин фигур с большими грудями и огромными ягодицами.

– Вот здесь, похоже, пленники. – Молли кивнула на толпу фигурок-палочек, связанных веревкой.

Али указала на изображение человека, чья рука лежала на груди другого.

– А это – шаман, исцеляющий больных?

– Человеческое жертвоприношение, – пробормотала Молли. – Видишь, что у него в другой руке?

Шаман держал в вытянутой руке что-то красное. А другая рука лежала не на груди человека, а была погружена в нее. Он вынимал сердце.

В тот вечер Али перенесла некоторые зарисовки наскальных изображений на свою карту. Свои карты она обычно прятала, словно личный дневник, но как только их кто-то увидел, они тут же стали общим достоянием – своего рода ориентиром.

После раскопок в Хайфе и Исландии Али взяла на вооружение маленькие хитрости профессионалов. Она усвоила, что такое координатная сетка, контуры и масштаб, и везде носила с собой маленький кожаный тубус с бумагами. Она умела управляться с транспортом, составлять легенду. Ее карты были скорее графиками с отметками о прохождении разных мест. В подземелье не действовала глобальная система навигации – сигналы спутников сюда не проникали. Широта и долгота не определялись.

Компасы оказались совершенно бесполезными – сказывались электромагнитные помехи. И потому Али вела отсчет по дням. Они входили на территорию, где не было названий, видели места, о существовании которых никто не знал. И по мере продвижения Али начала описывать неопишное и называть безымянное. Днем она делала записи, а вечером, когда разбивали лагерь, доставала свой тубус, карандаши и акварельные краски. Она составила две карты. Одна – обзорная карта субтерры, по типу компьютерной проекции их маршрута, созданной «Гелиосом». Али проставляла там даты и приблизительные координаты экспедиции под определенными ориентирами на поверхности океанского дна. Другие карты – ежедневные – были ее гордостью. На них она отмечала пройденный за день путь. Фотоснимки напечатает, когда ученые вернутся на поверхность, а пока летопись экспедиции были акварели, зарисовки и заметки Али. Она рисовала и раскрашивала все, что привлекало взгляд, – наскальные рисунки, лист из зеленого кальцита с вишнево-красными прожилками, что колыхался в луже стоячей воды, или горошинки пещерного жемчуга – оолита, лежащего кучками, словно яйца в гнезде колибри... Али пыталась выразить, каково это – чувствовать себя внутри живого организма, продвигаться по сосудам и суставам земли, среди глянцевого, как печень, кальцита, по проходам, тянувшимся друг к другу, словно отростки нервных клеток. Она находила это ощущение прекрасным. Конечно же, Господь не предназначил подобное место для духовного гулага.

Эти карты нравились даже солдатам и носильщикам. Все с удовольствием разглядывали, как под ее карандашом или кистью оживает пройденный путь. Это их ободряло. Тут можно было разглядеть все подробности. Глядя на ее работу, они ощущали, что покоряют неисследованные земли.

Двадцать второго июня на карте появилось нечто весьма интригующее. Запись гласила: «9.55.4506 фатомов. Приняты радиосигналы».

В то утро люди не успели еще сняться с лагеря, когда радист Уокера принял сигнал. Все ждали, а радист выложил еще несколько сенсоров и терпеливо отлавливал длинноволновые сигналы. Чтобы полностью принять сообщение, которое потом, воспроизведенное на нормальной скорости, оказалось продолжительностью всего сорок пять секунд, потребовалось четыре часа.

К всеобщему разочарованию, сообщение было не для экспедиции. По счастью, одна из женщин-ученых хорошо владела пекинским диалектом.

Это оказался сигнал бедствия, посланный китайской подводной лодкой. «Представьте себе, – сказала женщина, – это сообщение послали девять лет назад».

Потом начались еще более странные вещи. «25 июня, – записала Али, – 18.40, глубина 4618 фатомов, новые радиосигналы».

На этот раз они получили сообщение, которое могло быть послано только ими самими. Оно было зашифровано их уникальным кодом. Когда его расшифровали, выяснилось, что это сигнал бедствия. «Прошу помощи... говорит Уэйн Гитнер... поги... остался один... помощ...» Самым зловещим было то, что сообщение оказалось датировано шестью месяцами позднее.

Гитнер вышел вперед и сказал, что голос его. Тип он был серьезный и возмущенно потребовал объяснений. Какой-то любитель научной фантастики предположил, что геомагнитные сдвиги могут вызвать искривление времени и сообщение можно считать пророчеством. Гитнер обозвал это чушью и заявил, что, даже если время искривляется, все равно оно движется только в одном направлении.

– Ага, – сказал любитель, – вот только в каком? А если по окружности?

Так или иначе, все согласились, что к событию нужно отнести как к хорошей истории с привидениями. На карте Али в тот день появилась малютка-привидение Каспер и запись: «Голос призрака».

Али зарисовала и первые настоящие формы глубинной жизни. Два планетолога углядели их в трещине скалы и бегом вернулись в лагерь с добычей. На вид – пушинки не больше половины дюйма в диаметре. Подповерхностные литоавтотрофные микробиологические экосистемы, или, сокращенно, ПЛМЭ. Камнееды.

– Ну и что? – спросил Шоут.

Обнаружение бактерий, питающихся базальтом, опровергало мысль о необходимости солнечного света. Значит, местные экосистемы – самоподдерживающиеся. Субтерра может себя сама прокормить.

Двадцать девятого июля экспедиция нашла окаменевшего воина. Это был человек, живший, вероятно, в шестнадцатом веке. Его тело превратилось в известняк. Доспехи оставались целыми. Наверное, гадали ученые, он попал сюда из Перу. Какой-нибудь Кортес или Дон Кихот забрел сюда, в вечную тьму, во имя Церкви, золота или ради славы. Те, у кого были фотоаппараты и видеокамеры, запечатлели заблудившегося рыцаря. Один из геологов попытался отломить кусочек каменной корки, покрывающей тело, но отломалась целая нога. Этот невольный акт вандализма был пустяком по сравнению с последствиями трехчасового

присутствия людей. Из-за выдыхаемых ими биохимических соединений на стенах стал расти светло-зеленый мох. Люди не могли оторвать глаз. Растительная форма, порожденная их дыханием, быстро заселила стены и покрыла тело конкистадора. И пока они там стояли, она заволокла весь грот. Тогда они побежали, словно хотели убежать от себя. Али вспомнила про Айка и подумала – не увидел ли он свое отражение в этом заблудившемся рыцаре.

Происшествие в провинции Гуандун

Народная Республика Китай

Уже темнело, а этого так называемого города чудес не было ни на каких картах.

Холли-Энн мечтала, чтобы мистер Ли ехал побыстрее. Агент по усыновлению оказался неважным водителем, впрочем, и агентом тоже. Восемь городов, пятнадцать сиротских приютов, двадцать две тысячи долларов – а ребенка все еще нет.

Ее муж, Уэйд, сидел, уткнувшись носом в окно. Последние десять дней они бороздили южные провинции, попадали в наводнения, страдали от болезней, убегали от эпидемий и почти голодали. Терпение у него лопнуло.

Везде то же самое, вот странно. Куда бы они ни приехали, в приютах не было детей. Повсюду им попадались только изможденные гидроцефалы, инвалиды, дети с врожденными уродствами – на грани смерти. Кроме них – необъяснимо! – детей в Китае не было.

Такого никто не ожидал. Агентство по усыновлению трубило, что в Китае видимо-невидимо подкидышей. Женского пола, сотни тысяч; крошечные девочки, первенцы, от которых избавляются семьи, желающие не девочку, а мальчика. Холли-Энн читала, что девочек-сирот продают в прислуги или в качестве будущих невест в семьи, где подрастают сыновья. «Пока не приехали мы», – подумала Холли-Энн. Слово явился какой-то Крысолов и увел всех детей. И не только сирот. Всех. Остались лишь следы – игрушки, воздушные змеи, дощечки для рисования. Но детей младше десяти лет на улицах не было.

– Куда же девались дети? – все время спрашивала Холли-Энн.

Уэйд тут же подбросил гипотезу:

– Они решили, что мы ворует детей, и прячут их.

Исходя из этого предположения и родился план партизанского набега. Удивительно, что Ли согласился. Они явятся в приют где-нибудь в глуши без всякого предупреждения.

Опускалась ночь. Ли вел машину по глухим улицам. Холли-Энн, конечно, не ожидала увидеть дождевые леса с пандами и монастыри, где изучают кун-фу, но окружающее напоминало чертеж какого-то сумасшедшего – сплошные объезды, тупики, провода, ржавая арматура, строительные леса из бамбука.

Наверное, Южный Китай – самое отвратительное место на земле. Холмы здесь срывают, чтобы засыпать озера под рисовые поля. Реки перекрывают плотинами. Странные люди – выровняли землю, а теперь еще рвутся в небо. Все равно что украсть солнце, чтобы освещать землю ночью.

По ветровому стеклу зачмокал кислотный дождь. Желтые мутные капли, похожие на плевки. В этих местах все горы изрезаны глубокими угольными шахтами, все топят углем. В воздухе висел дым.

Асфальт сменился грязью. Солнце село. Час ведем. Холли-Энн уже видела такое. Милиционеры в зеленой форме куда-то исчезли. Из каждой двери, каждого окна, каждой ниши узкой улочки провожали глазами «белых дьяволов».

Темнота сгущалась. Ли затормозил: видимо, заблудился. Он опустил стекло, жестом подозвал какого-то мужчину, угостил сигаретой. С минуту они говорили, потом мужчина взял велосипед, а Ли тронул машину. Велосипедист держался рядом. Время от времени он что-то говорил, и Ли сворачивал на другую улицу. Через открытое окно на заднее сиденье попадали капли дождя.

Следующие пять минут автомобиль и велосипед двигались бок о бок. Потом проводник что-то проворчал, хлопнул по крыше автомобиля и укатил прочь.

– Это здесь, – объявил Ли.

– Шутите? – удивился Уэйд.

Холли-Энн вытянула голову, стараясь разглядеть что-нибудь сквозь лобовое стекло. Резкий свет фар освещал серое приземистое здание какой-то фабрики. От колючей проволоки тянулись зловещие черные провода, на стене надпись – огромные корявые буквы, выведенные красной краской. Вид сзади загораживали недостроенные высотные здания. Словно они попали в какой-то вымерший город. Отсюда в разные стороны буквально растекалось оцепенение.

– Давайте заканчивать, – сказал Уэйд и вышел из машины. Он потянул дверь. Гармошка из колючей проволоки закачалась, как капли ртути. Первое впечатление оказалось ошибочным. Это скорее не фабрика, а тюрьма. Колючая проволока, надписи явно преследовали одну цель – изоляцию.

– Что за приют такой? – спросила Холли-Энн у Ли.

– Хорошее место, никаких проблем, – ответил он.

Но сам, по-видимому, нервничал.

Уэйд постучал в простую дверь. На фоне серого кирпичного ландшафта он как будто уменьшился. Никто не ответил, и он просто

повернул ручку; металлическая дверь открылась. Уэйд не стал оглядываться, чтобы кивнуть или покачать головой. Просто вошел.

– Молодец, Уэйд, – пробормотала Холли-Энн.

Она выбралась из машины. Ли свою дверь не открывал. Холли-Энн постучала ему в стекло.

Ли посмотрел на клиентку сквозь легкое облачко табачного дыма, явно желая ей провалиться, потом протянул руку и выключил зажигание. Дворники остановились. Его лицо расплывалось за мокрым стеклом. Потом он вышел. Холли-Энн подумала, нагнулась над задним сиденьем и взяла пакет с подгузниками. Ли не стал выключать фары, но запер дверцы. «Бандиты», – пояснил он.

Холли-Энн пошла впереди. С обеих сторон тянулись кривые буквы. Потом на кирпичках появились черные отметины – подпалины от огня. У подножия стены насыпаны оплавившиеся куски стекол – видно, тут применяли бутылки с коктейлем Молотова. Но кто же мог напасть на сиротский приют?

Металлическая дверь была холодной. Ли прошмыгнул вперед и пропал в темноте. «Подождите», – попросила Холли-Энн. Но его шаги уже удалялись по коридору.

Напоминая себе о цели своего приезда, Холли-Энн шагнула внутрь. Она глубоко вдохнула, пытаясь по запаху определить, есть ли тут младенцы. Она смотрела по сторонам в поисках картинок, или детских каракулей на стенах, или следов от детских ладошек. Но вместо этого штукатурку оскверняли корявые узоры из дырок. «Термиты», – подумала она с отвращением.

– Уэйд! Мистер Ли!

Холли-Энн пошла по коридору. В трещинах стен виднелся мох. Двери выломаны, в проемах зияла тьма. Если в комнатах и были окна, их, видно, заложили кирпичом. Все кругом замуровано. Потом Холли-Энн увидела гирлянду разноцветных огней. Удивительное зрелище. Кто-то протянул тут сотни разноцветных гирлянд – красные, зеленые, белые мигающие огоньки. Причем красные в виде перца, зеленые в виде лягушек, а голубые – рыбки – наподобие тех гирлянд, что можно увидеть в мексиканских ресторанчиках «Маргарита», там, дома. Наверное, они просто нравятся детям?

Воздух стал другим. Откуда-то просочился запах. Аммиак, застарелая моча. И запах детского кала. Ни с чем не спутаешь. Здесь есть младенцы. Впервые за несколько недель Холли-Энн улыбнулась. Ей хотелось себя расцеловать.

– Эй! – позвала она.

В темноте пропищал детский голосок. Холли-Энн вздернула голову, словно крошка окликнула ее по имени. Она пошла на звуки – в боковую комнату, где пахло нечистотами и лежалым старьем. Свет гирлянд сюда не достигал. Холли-Энн постаралась успокоиться, потом встала на четвереньки и стала пробираться вперед на ощупь. Кругом валялось что-то холодное. Ей потребовалось все самообладание, чтобы не думать о том, к чему она прикасается. Овощи, рис, какие-то отбросы. Больше всего она старалась не думать о том, кто выбросил сюда живого ребенка.

Пол уходил куда-то вниз. Может быть, тут произошло землетрясение? Холли-Энн почувствовала лицом дуновение воздуха. Казалось, дует откуда-то снизу. Ей вспомнилось, что тут повсюду добывают уголь. Наверное, город стоит прямо на старых шахтах, и некоторые из них обваливаются.

Ребенка она нашла на ощупь – по теплу. Так, словно это всегда был ее ребенок, словно она вынимала его из кровати, Холли-Энн взяла сверток. Маленькое существо пахло кислым. Такая крошка. Холли-Энн провела пальцами по животику – болтающаяся пуповина была совсем мягкой, как будто только что перерезана. Девочка, нескольких дней от роду, не больше. Холли-Энн прижала маленькое тельце к груди и прислушалась. У нее упало сердце. Она поняла, в чем дело. Малышка больна, она вот-вот умрет.

– Бедная, – прошептала Холли-Энн.

Сердечко девочки едва билось. В легких что-то хрипело. Ей осталось совсем недолго.

Холли-Энн закутала ребенка в свой свитер и, стоя на коленях среди вонючего мусора, стала баюкать девочку. Может ей так суждено – почувствовать себя матерью всего на несколько минут? Что ж, лучше так, чем совсем никак. Она поднялась и отправилась назад – к коридору с разноцветными огоньками.

Ее остановил негромкий шум. Раздался странный звук, как будто поднимал хвост железный скорпион, готовясь напасть. Холли-Энн медленно обернулась. Сначала она даже не заметила ружья и военной формы. В темноте стояла очень высокая и мускулистая женщина, которая не улыбалась, наверное, уже много лет. Стриглась она, должно быть, с помощью ножа. На вид из тех, кто всю жизнь сражается, но никогда не побеждает.

Незнакомка разразилась свистящей фразой на китайском. Сердитым жестом указала на сверток в руках Холли-Энн. Было ясно, чего она хочет – чтобы младенца вернули обратно, в загаженную комнату.

Холли-Энн отпрянула, крепко прижимая ребенка к себе. Медленно

подняла пакет с подгузниками.

– Все в порядке, – сказала она высокой женщине.

Женщины изучали друг друга, словно представители двух разных биологических видов. Холли-Энн гадала – не мать ли это ребенка, но решила, что такое невозможно.

Китаянка неожиданно нахмурилась и ткнула дулом в пакет с подгузниками. Потянулась к ребенку. У нее были крестьянские руки, грубые, как у мужчины.

За всю свою жизнь Холли-Энн ни разу не сжимала по-настоящему кулаки, не говоря уж о том, чтобы ими размахивать.

Ее первый в жизни удар пришелся китаянке по узким губам. Он был не таким уж сильным, но у той потекла кровь. Холли-Энн опомнилась и обхватила ребенка обеими руками.

Китаянка вытерла с подбородка струйку крови и направила дуло ружья на Холли-Энн. Та испугалась. Но китаянка почему-то ограничилась сдавленным ругательством и дернула стволом. Холли-Энн направилась, куда указывала женщина. Вот-вот появится Уэйд. Деньги переключают в другие руки, а они с мужем уйдут из этого ужасного места.

Под дулом ружья Холли-Энн перебралась через кучи кирпичей и разорванных мешков с песком. Они подошли к лестнице и стали подниматься. Под ногами что-то трещало – словно металлические жучки. Холли-Энн увидела на полу толстый слой потемневших гильз.

Они поднимались выше – на третий этаж, потом на пятый. Держа ребенка, Холли-Энн старалась не замедлять шаги. Выбора у нее не оставалось. Вдруг китаянка схватила ее за руку. Они остановились. Теперь ствол указывал вниз. Там, внизу, что-то двигалось и чмокало, словно копошащиеся в грязи угри. Женщины переглянулись. На мгновение их объединил страх. Холли-Энн осторожно прикрыла рукой ребенка. Китаянка через минуту возобновила движение, теперь уже быстрее.

Они поднялись на самый верх. Тут и там из крыши были вырваны куски, и Холли-Энн мельком увидела звезды. Почувствовала свежий воздух. Они перебрались через небольшую грудку обгорелых бревен и золы и приблизились к дверям в ярко освещенную комнату.

Перед Холли-Энн предстали такие же баррикады, только из мешков с цементом. Спереди они были разрезаны, и натекая в мешки вода образовала твердые комки бетона. Все равно что карабкаться по складкам застывшей лавы.

Холли-Энн поползла, одной рукой прижимая к себе ребенка. Наверху баррикады она ударилась головой о холодный ствол пулемета, нацеленного

на вход. Из слепящего сияния к ней потянулась рука со сломанными ногтями.

Сцена изменилась – они попали в осажденный лагерь: повсюду солдаты, ружья, полуразрушенные стены, через огромные дыры в крыше льет дождь. К великому облегчению Холли-Энн, Уэйд был здесь – он сидел в углу, держась за голову.

В этом месте когда-то располагался небольшой буфет или зал заседаний. А теперь помещение, оккупированное коммунистами и освещенное прожекторами, напоминало последний рубеж Кастера.^[18]

Солдаты Армии народного освобождения, большей частью мужчины, в зеленой форме или полосатом камуфляже, были поглощены своим оружием. Все подчеркнуто посторонились, пропуская Холли-Энн. Некоторые показывали на ребенка, завернутого в свитер.

В стороне стоял Ли и пытался объяснить что-то усталому офицеру с гордой осанкой народного героя и седым ежиком волос.

Холли-Энн подошла к мужу. Из раны на лбу ему на глаза текла кровь.

– Уэйд!

– Холли-Энн! Слава богу. Мистер Ли сказал им, что ты еще внизу и за тобой кого-то послали.

Жена уклонилась от его объятий.

– Хочу тебе кое-что показать, – спокойно сообщила она.

– Здесь очень опасно, – сказал Уэйд. – Происходит неизвестно что. Революция или что-то такое. Я отдал Ли все наши наличные. Сказал – пусть заплатит сколько угодно, только бы нам отсюда убраться...

– Уэйд! – перебила она, но муж ее не слушал. Сзади, оттуда, где стоял Ли, неожиданно раздался крик.

Кричал офицер. Он ругал высокую женщину, которая привела Холли-Энн. Все солдаты вокруг тоже, казалось, злятся или даже стыдятся за нее. Она, видимо, допустила какое-то нарушение. И видимо, дело касалось ребенка.

Офицер расстегнул кожаную кобуру и посмотрел на Холли-Энн. Вытащил пистолет.

– Господи... – прошептала она.

– Что такое? – не понял Уэйд. Он стоял рядом, как бесполезный истукан.

Холли-Энн не могла поступить иначе. Она сама себя удивила. Когда офицер направился к ней, она бросилась к нему. Они столкнулись посреди усеянной камнями комнаты.

– Мистер Ли! – скомандовала Холли-Энн.

Ли молча уставился на нее, но все же шагнул вперед.

– Скажите этому человеку, что я выбрала себе ребенка, – сказала она. – У меня в машине есть лекарство. Я хочу уехать домой.

Ли начал переводить, но офицер резко повернулся к нему. Ли сильно побледнел и заморгал. Офицер что-то приказал.

– Положите на пол, – перевел агент.

– У нас есть все разрешения, – невозмутимо продолжала Холли-Энн. Она обращалась к офицеру. – У нас, в машине. Разрешение. Понятно? Паспорта, документы.

– Пожалуйста, положить на пол, – очень тихо повторил Ли. Он указал на ребенка и брезгливо, словно речь шла о какой-то неприятной вещи, пояснил: – Вот это.

Холли-Энн ненавидела его. Ненавидела Китай. Ненавидела Бога, который допускает подобные вещи.

– Не «это», а ее, – сказала она. – Девочка поедет со мной.

– Это плохо, – тихо умолял Ли.

– Иначе она умрет.

– Да.

– Холли-Энн? – подошел сзади Уэйд.

– Это ребенок, Уэйд. Наш ребенок. Я ее нашла на куче мусора. А они хотят ее убить.

Холли-Энн почувствовала, как малышка шевельнулась. Крошечные пальчики цеплялись за ее рубашку.

– Ребенок?

– Нет, – сказал агент.

– Я забираю ее с собой.

Ли выразительно качал головой.

– Дайте им денег! – приказала Холли-Энн.

Уэйд глупо раздулся:

– Мы – американские граждане! Вы им об этом сказали, надеюсь?

– Это – не вам, – сказал Ли. – Торговля. Обмен.

Холли-Энн поняла, что девочка голодна: маленькие губки чмокали в поисках соска.

– Обмен? – спросила она. – С кем обмен?

Ли нервно глядел на солдат.

– С кем? – не сдавалась Холли-Энн.

Ли указал вниз:

– С ними.

Холли-Энн вдруг ослабла.

– Что?

– Наши младенцы – их младенцы. Обмен.

Ребенок тихонько пискнул.

Через плечо Ли Холли-Энн видела, как офицер прицеливается. Она видела, как из дула вылетело облачко дыма. Пули почти не почувствовала. Холли-Энн не упала, а скорее опустилась на землю. Стараясь не уронить ребенка.

Над ней мелькали чьи-то тени. Палили ружья. Кто-то выкрикивал ее имя. Холли-Энн улыбнулась и опустила голову на сверток, который прижимала к груди. Несчастная малышка – без имени, без будущего. «Я – твоя». И прежде чем умереть, Холли-Энн сделала единственное, что ей оставалось. Она развернула свою дочь, отвергнутую этой страной. Пора прощаться.

За время поисков по всему миру Холли-Энн повидала детей всех рас и цветов. Поиски сильно ее изменили.

Черные или голубые глазки, курчавые или прямые волосики, смуглая, черная, желтая или белая кожа, хромые, слепые, больные или здоровые – все равно дети. Разворачивая свитер, Холли-Энн не думала о том, какие именно детские черты увидит в своей крошке. Любой малыш – благословение Господне. Так она думала. До сих пор.

Даже умирая, Холли-Энн нашла силы отбросить это от себя.

«О господи!» – ужаснулась она и закрыла глаза.

Она очнулась от тяжелых шагов какого-то гиганта. Посмотрела. Это были не шаги; седой офицер, приближаясь к подкидышу, старательно всаживал в него одну пулю за другой.

Наконец все кончилось. И Холли-Энн была рада.

...природа приспособила зрение лилипутов к окружающим их предметам...

Джонатан Свифт. Путешествие Гулливера

Июль

Смертный приступил к трапезе.

Мясо еще не остыло. На самом деле это было больше чем трапеза, хотя и меньше чем таинство. Мясо добычи – как путевая веха, если разбираться в его вкусе и запахе. Главное, найти верную точку отсчета, поставить, так сказать, правильно часы – и тогда можно уверенно судить о малейших изменениях – вкуса, запаха, кожи, крови, мышц – в зависимости от места обитания добычи. Запомните частности, и вы будете ориентироваться не хуже, чем по карте. С этой точки зрения наиболее красноречива печень, реже – сердце.

Он скрючился в темной трещине, сжимая в руках добычу. Словно моряк, пытающийся определить север, изучал он расположение органов, их размер и запах. Попробовал на вкус. Ощупал пальцами череп, приподнял конечности, провел по ним руками. С таким существом он еще не сталкивался. Оно особенное – не потому, что это новый тип или вид, а потому, что почти невозможно понять, о чем говорит его плоть. И все же он постепенно поймет. И запомнит все подробности.

Подняв голову, он прислушался – не идет ли кто? Положил руки на шкуру зверя и дал волю своему любопытству.

Он был почтителен. Ведь он – ученик, а зверь – его учитель. Ему не просто нужно найти восток или запад. У бездны – своя логика, и степень упругости плоти может послужить неким альтиметром. Например, живущие в морях глубоководные монстры, такие как морской черт, передвигаются очень медленно, скорость метаболизма у них в сто раз меньше, чем у рыб, обитающих ближе к поверхности. Ткани содержат много влаги, мало мышц и не содержат жира. Так же обстоит дело и в подземном мире. Спускаясь по некоторым коридорам, можно найти рептилий или рыб, которые представляют собой желудок с зубами. И даже тех из них, кто не ядовит, есть не стоит. Их энергетическая ценность не

намного больше, чем у воздуха. Но он ел даже их.

Опять же есть много причин для охоты, помимо того, чтобы наполнить желудок. Если быть внимательным, можно определить курс, найти место назначения, отыскать воду, избежать – или выследить – врагов. И простое выживание превращается в нечто большее – Путь. Судьбу.

Это животное говорило о многом. Он нащупал глаза, попытался открыть веки, но они срослись. Животное слепое. Когти как у хищника, отстоящий большой палец. Он поймал этого зверя, когда тот планировал в легком сквозняке; для настоящего полета крылья были слишком малы.

Он снова стал ощупывать верхнюю часть. Морда. Молочные зубы, но острые, как иголки. Устройство суставов. Гениталии. Это самец. Бедро шершавые – от трения о камни. Он надавил на мочевой пузырь – жидкость имела острый запах. Приложил ногу животного к влажной почве, потом ощупал отпечаток.

Все делалось в темноте. Наконец Айк закончил. Он уложил органы обратно в брюшину, сложил конечности и затолкал тело в расселину.

* * *

Экспедиция дошла до системы глубоких впадин, напоминающих каньоны на земной поверхности. В отличие от каньонов они образовались не от воздействия сильных потоков воды. Это были окаменевшие участки морского дна. Экспедиция нашла сухое океанское дно на глубине две тысячи шестьсот пятьдесят фатомов под Тихим океаном.

Ученые разбили лагерь рядом с огромной коралловой грядой, уходящей обоими концами во тьму. Шервудский лес из окаменевших полипов. Огромные, раскидистые, словно у дубов, ветви зеленых, голубых и розовых пастельных тонов. У этих кораллов – как определил геоботаник – общий предок с *Corallium pobile* из отряда горгонарий. Под их ветвями лежали высохшие морские веера, чья окраска стала почти прозрачной. Попадались древние морские животные, превратившиеся в камень.

Экспедиция продолжалась уже четыре недели. Шоут и Уокер пошли на уступку, дав ученым задержаться здесь на лишних два дня.

За время стоянки у коралловых рифов ученые почти не спали, ведь обратно они этой дорогой не пойдут. И возможно, никто не пойдет. Они лихорадочно собирали образцы альтернативной эволюции. Вместо того чтобы нести их с собой, ученые собирали материал для цифрового архива на компьютерных дисках, и видеокамеры жужжали день и ночь.

Уокер принес двух животных с крыльями. Живых.

– Падшие ангелы, – объявил он.

Их несли головой вниз, связанных стропами, одурманенных снотворным. Одно укусило солдата, и тот теперь мучился сухой рвотой. Кто именно кусался, было видно сразу – этому экземпляру сломали ботинком крыло.

Конечно, они не падшие ангелы. Демоны, чудовища.

Ученые столпились вокруг, во все глаза глядя на обмякших животных. Те судорожно подергивались. Одно из них выпустило струю мочи – как у херувимов на старых полотнах.

– Как вам удалось, Уокер? Где вы их нашли?

– Мои люди наткнулись на их добычу – эти двое обгрызли третьего такого же. Нам оставалось только подождать, пока они вернуться, чтобы поест еще, и пойти схватить их.

– Так там еще есть?

– Два или три десятка. А может, сотни. Целая орава. Или стая. Как летучие мыши или обезьяны.

– Колония, – сказал один из биологов.

– Я приказал держать их на расстоянии. У входа в коридор – огневой мешок. Опасность нам не грозит.

Шоут тоже, оказывается, не оставался в стороне.

– Вы бы понюхали, как пахнут их экскременты! – сказал он.

Несколько носильщиков, увидев животных, забормотали и закрестились. Солдаты бесцеремонно их вывели.

Живые образцы неизвестного вида – да еще теплокровные, высшие позвоночные – такое не забредает в лагерь натуралиста запросто. Ученые немедленно окружили их с рулетками, ручками и фонарями.

Более крупный экземпляр достигал в длину двадцать два дюйма и был расцвечен самыми яркими красками. Все оттенки орхидей – от пурпурного, переходящего в бирюзовый, до желтоватого. Еще один парадокс природы: для чего в темноте такие яркие цвета?

У этого животного были молочные железы – кто-то выдавил струйку молока – и темно-красные, налитые кровью половые губы. У другого животного гениталии на первый взгляд были такие же, но когда кто-то раздвинул их кончиком ручки, всех ожидал сюрприз.

– Что я вижу!

– Пенис, ну и ну!

– Не сказать, чтобы крупный.

– У моего парня примерно такой был.

Однако, дурачась и отпуская шутки, они не забывали скрупулезно записывать данные. Более крупный оказался кормящей самкой в течке. Другой – мужского пола; коренные зубы – с тремя бугорками, разрушенные; затвердевшие подошвы, обломанные когти, язвы в тех местах, где локти, колени и плечи терлись о камни. Эти и некоторые другие возрастные признаки исключали предположение, что он – детеныш самки. Вероятно, солдаты поймали «супружескую пару». Самку дома явно ждал детеныш, и, возможно, не один.

Придя в себя после воздействия успокоительного, звери судорожно затрепыхались. Они пришли в сознание и тут же, получив шок от яркого света, снова впали в ступор.

– Не ослабляйте путы, они кусаются, – распорядился Уокер, когда животные, подергавшись, впали в полубессознательное состояние.

Такие миниатюрные – невозможно, чтобы это были хейдлы, которые вырезали целые армии, расписывали пещеры наскальными рисунками и веками пугали человека.

– До Кинг-Конга им далеко, – заметила Али. – Посмотрите, каждый весит не больше тридцати фунтов. Ваши веревки их задушат.

– Не могу поверить, что вы сломали ей крыло, – сказал Уокеру биолог. – Ведь она, наверное, просто охраняла свое жилище.

– Это еще что? – резко встрял Шоут. – Неделя защиты животных?

– У меня вопрос, – начала Али. – Сегодня утром мы выступаем. А как же они? Возьмем с собой? Они ведь не комнатные зверушки. Нужно ли было их вообще забирать сюда?

Лицо Уокера, вначале довольное, вытянулось. Он явно решил, что на нее не угодишь. Шоут это заметил и кивнул Али, словно хотел ее похвалить.

– Теперь, раз уж они тут, – пожал плечами геолог, – мы не можем упустить такой шанс.

У них не было ни сетей, ни клеток, ни каких-либо фиксирующих устройств. Пока звери оставались неподвижными, биологи завязали им челюсти и привязали к рамам ящиков, растянув руки и крылья, и примотали ноги проволокой. Размах крыльев был невелик – меньше роста.

– Могут ли они летать по-настоящему? – спросил кто-то. – Или они просто приспособляются к условиям и планируют с высоты?

Следующий час ученые с жаром обсуждали подобные детали. Так или иначе, но все согласились, что животные принадлежат к подотряду полуобезьян, отколовшемуся от генеалогического дерева приматов.

– Посмотрите – почти человеческие лица вроде тех высушенных

голов, что показывают на антропологических выставках. Какие вот у этого размеры черепа?

– Если относительно размеров тела, можно сравнить с приматами миоцена, в лучшем случае.

– Ночные разбойники, я так и знал, – сказал Сперриер. – Посмотрите на ринарий – влажный участок, где верхняя губа соединяется с носом. Как у собак. Думаю, это лемуры. Случайно образовавшаяся колония. Подземная экологическая ниша оказалась для них доступна, и они размножились. Быстро адаптировались. Образовали разные виды. Для расселения, как известно, достаточно одной беременной самки.

– А крылья, черт бы их побрал?

Звери снова начали вырываться. Ничего не видя, они медленно извивались. Один издал звук – что-то среднее между лаем и писком.

– А чем, интересно, они питаются?

– Насекомыми.

– Они ведь могут быть и плотоядными – видите, какие резцы.

– Вы целый день собираетесь проговорить? – Это подошел Шоут.

И прежде чем его успели остановить, он вынул боевой нож – обоюдоострый, с кровостоками – и одним движением отсек самцу голову.

Всех словно оглушило.

Первая опомнилась Али. Она оттолкнула Шоута. Шоут был не такой здоровяк, как солдаты Уокера, но достаточно крепкий. Во второй толчок она вложила больше силы и сумела отодвинуть его на шаг. Он отплатил тем же – от души толкнул ее в плечо. Али пошатнулась. Шоут быстро отвел нож в сторону и вниз, словно боялся, что она порежется. Они молча смотрели друг на друга.

– Успокойтесь, – велел Шоут.

Али знала, что потом раскается. В тот миг ее переполнял гнев, и она готова была сбить его с ног. Чтобы отвернуться, ей пришлось сделать над собой усилие. Али подошла к обезглавленному животному. Из разрубленной шеи вытекло на удивление мало крови. Рядом бешено билось другое, цепляясь за воздух когтистыми лапами.

Остальные протестовали вяло.

– Ну вы и тип, Монтгомери!

– Заканчивайте, – ответил Шоут. – Вскрывайте его, снимайте, варите череп, что там еще нужно. И пакуемся.

И замурлыкал песенку Вилли Нельсона «Снова мы в пути».

– Варвар, – пробормотал кто-то.

– Ну перестаньте, – отозвался Шоут и указал ножом на Али, – наша

добрая самаритянка сама сказала – это вам не домашние зверушки. Взять их с собой мы не можем.

– Вы отлично поняли, о чем я говорила, – возмутилась Али, – их нужно отпустить. Хотя бы того, который остался.

Оставшийся зверь уже не вырывался. Он поднял голову и принюхивался, слушая их голоса. Его внимание казалось каким-то неприятным.

Али ждала, что еще кто-нибудь вмешается, но все молчали. Значит, выступать ей.

Она вдруг почувствовала себя отдаленной от этих людей, чужих и непонятных. Такое ощущение было не ново. Она всегда немного отличалась от окружающих. В детстве – от одноклассников, в монастыре – от других послушниц; отличалась всегда. Почему-то Али ожидала, что здесь будет иначе, и теперь почувствовала себя глупо. Но тут же поняла, в чем дело. Прочие отстранились от участия, поскольку считали, что это ее область. Ведь она монахиня. Ей и выступать в защиту милосердия. Она показалась себе смешной. Что теперь делать? Извиняться? Уйти? Али посмотрела на Шоута, который, ухмыляясь, стоял рядом с Уокером. Черта с два она ему уступит!

Али достала свой швейцарский нож и попыталась открыть лезвие.

– Что вы делаете? – удивился биолог.

Али прокашлялась.

– Хочу ее отпустить.

– Али, думаю, сейчас это не лучший выход. У нее ведь сломано крыло.

– Их вообще не следовало ловить, – сказала она, продолжая дергать за лезвие; оно оказалось очень тугое. Все против нее! Али почувствовала, как глаза наполняются слезами, и опустила голову, чтобы волосы упали на лицо.

– Отойдите с дороги! – раздался чей-то голос позади толпы.

Образовалась небольшая давка, потом толпа резко распалась. Али удивилась даже больше остальных. К ней шагнул Айк.

Его не было видно уже больше трех недель. Он изменился. Волосы лохматые, чистая белая рубашка куда-то делась, вместо нее – заношенная камуфляжная майка. На руке красовалась полузажившая рана – он замазал ее красной охрой. Атаи уставилась на его руки – обе покрыты шрамами и отметинами, а тыльные стороны предплечий – печатными буквами, как это делают студенты для шпаргалки.

Свои вещи он потерял или спрятал, но обрез и нож висели на месте, как и пистолет с глушителем. На Айке были пучеглазые горнолыжные

очки, и пах он как охотник. Проходя, он задел Али плечом – кожа была холодной.

Али испытала небольшое облегчение: хоть какая-то поддержка.

– А мы уж думали, что ты опять куда-то подался, – сказал Уокер.

Айк не ответил. Взял нож из рук Али и легко открыл лезвие.

– Она права, – сказал он.

Он нагнулся над животным и вполголоса – кроме Али никто не слышал – произнес что-то успокаивающее и в то же время торжественное, словно официальное обращение. Возможно, молитву. Животное замерло, и Али придержала ту часть веревки, которую Айку следовало перерезать.

Кто-то сказал:

– Сейчас посмотрим, умеют ли они летать.

Но Айк не стал резать веревку. Он быстро ткнул зверя ножом в шею. Обмотанные проволокой челюсти задергались, пытаясь глотнуть воздуха. И животное погибло.

Айк выпрямился и повернулся к остальным:

– Пленных мы не берем.

Ни секунды не раздумывая, Али сжала кулак и изо всех сил ударила Айка в плечо. Все равно что толкать лошадь – такой он был твердый. По ее лицу катились слезы.

– Почему? – спросила она.

Айк вытер нож и торжественно протянул ей. Али слышала, как он прошептал: «Прости», но обращался не к ней. К ее изумлению, Айк сказал это тому, кого только что убил. Затем повернулся к зрителям:

– Напрасно жизнь загубили.

– Вот только не надо, – сказал Уокер.

Айк в упор смотрел на него:

– Я думал, вы хоть что-то понимаете.

Уокер вспыхнул.

Айк обратился уже ко всем:

– Вам нельзя здесь оставаться. За этими скоро придут другие. Нужно уходить.

– Айк! – позвала Али, когда все разошлись.

Он повернулся к ней, и Али дала ему пощечину.

Дьявол – обезьяна Бога.

Мартин Лютер. Застольные беседы, 1569

Венеция, Италия

– Али идет все глубже, – серьезно сообщила Дженьюэри, пока все дожидались Персивела.

Она сильно похудела, вены у нее на шее стали похожи на веревки, которыми голова привязана к туловищу. Она сидела в кресле и пила минералку. Рядом примостился Бранч; он тихонько постукивал пальцем по Бедекеровскому путеводителю по Венеции.

В этом месяце «Беовульф» собрался впервые. Кто-то трудился в библиотеках и музеях, кто-то, не щадя себя, работал на местах: расспрашивал журналистов, солдат, миссионеров – тех, кому приходилось спускаться под землю. Поиски продолжались.

Венеция очаровала всех. Извилистые каналы вели в сотни таинственных мест. На залитых светом площадях витал дух эпохи Возрождения. По иронии судьбы в это солнечное воскресенье, заливающее город колокольным звоном, они сидели каком-то банковском подвале.

Многие помолодели – загорелые, энергичные. В глазах снова появился блеск. Им не терпелось поделиться друг с другом находками. Дженьюэри начала первой. Только вчера она получила письмо от Али. Его передал один из семи ученых, оставивших экспедицию, когда ему наконец удалось вырваться из пункта Z-3.

Сообщение Али и рассказ ученого поразили всех. После отбытия экспедиции Шоута оставшиеся провели несколько недель в настоящих мучениях. У них отобрали вещи. Всех – и мужчин и женщин – избивали и насиловали. Потом отправили поездом в Наску. На поверхности им пришлось лечиться – от какого-то подземного грибка, от венерических болезней, от нарушений, вызванных пребыванием на глубине. Но все их несчастья меркли перед той новостью, которую они сообщили.

Дженьюэри рассказала собравшимся о намерении «Гелиоса». Читая выдержки из письма Али, написанного за час до отбытия из Z-3, сенатор объяснила план экспедиции – пройти под Тихим океаном и подняться на

поверхность где-то вблизи Азии.

– И Али тоже там, – простонала Дженьюэри. – И все из-за меня. Что я наделала?

– Не нужно себя винить. – Десмонд Линч постучал вересковой тростью в плиточный пол. – Она сама сделала выбор. Как и все мы.

– Спасибо за утешение, Десмонд.

– Но что все это значит? – спросил кто-то. – Ведь затраты совершенно непомерные, даже для «Гелиоса».

– Я знаю Купера, – сказала Дженьюэри. – И я опасаясь худшего. Думаю, он намерен создать свое собственное государство. – Она сделала паузу. – Мои подчиненные кое-что разузнали. «Гелиос» определенно готовится к полномасштабной оккупации подземных территорий.

– Именно собственную страну? – спросил Томас.

– Не забывайте, этот человек уверен, что лишился президентского кресла в результате заговора. Он, видимо, решил начать все заново. Начать там, где он сам будет писать законы.

– Тирания. Плутократия.

– Купер, конечно, назовет иначе.

– Но он не сможет! Это нарушение международных законов! Конечно...

– Захват решает все, – сказала Дженьюэри. – Вспомните конкистадоров. Между ними и их королем лежал океан, и они решили построить собственные маленькие королевства. И в мире нарушилось политическое равновесие.

Томас выглядел мрачно.

– Майор Бранч, вы, конечно, можете прервать экспедицию. Возьмите солдат и верните этих захватчиков, пока из-за них не разгорелась война.

Бранч закрыл путеводитель.

– Боюсь, святой отец, у меня недостаточно власти.

Томас повернулся к Дженьюэри:

– Это ваш солдат. Прикажете ему. Дайте полномочия.

– Так не делается, Томас. Элиас не мой солдат. Он мой друг. Что касается полномочий, я уже говорила с офицером, который отвечает за военные операции. С генералом Сэндвеллом. Экспедиция находится за пределами военной юрисдикции. И, так же как и вы, он не хочет спровоцировать войну своим вмешательством.

– Для чего тогда все ваши десантники, специалисты? «Гелиос» может отправить под землю наемников, а армия США – нет?

Бранч кивнул:

– Вы рассуждаете, как некоторые мои знакомые офицеры. Да, корпорации совсем вышли из-под контроля. Беда в том, что мы-то обязаны играть по правилам.

– Мы должны их остановить, – требовал Томас. – Иначе могут быть разрушительные последствия.

– Даже если нам дадут зеленый свет, будет, наверное, слишком поздно, – сказала Дженьюэри. – У них преимущество в два месяца. И с момента отбытия экспедиции от них не было никаких вестей. Мы понятия не имеем, где они находятся. «Гелиос» никакой информации не дает. Я уже с ума схожу. Возможно, люди в опасности. Возможно, они уже в стране хейдлов.

Немедля начались споры о том, где могут прятаться хейдлы, сколько их осталось в живых и представляют ли они угрозу. Линч считал, что популяция хейдлов небольшая и рассеянная и через три-четыре поколения вымрет окончательно. Общее количество особей, по его мнению, не более ста тысяч. «Это – угрожаемый вид», – заявил он.

– Наверное, хейдлы переселились, – предположил Мустафа.

– Переселились? Куда? Куда им переселяться?

– Не знаю, наверное, еще глубже. Такое возможно? На какую глубину тянутся коридоры?

– Я вот подумал, – начал Томас, – а что, если они хотели подняться вверх? Завоевать место под солнцем?

– Думаете, Сатана ждет приглашения? – спросил Мустафа. – Вряд ли найдутся желающие иметь таких соседей.

– Это может быть такое место, где никто не живет или куда боятся ходить, например пустыня. Или джунгли. Территории, не представляющие ценности.

– Мы с Томасом это уже обсуждали, – сказал Линч. – Когда прятаться негде, где спрячешься, кроме как у всех на виду? И возможно, он так и поступит.

Бранч внимательно слушал.

– Мы узнали об одном вожде народности карен – они живут на юге Бирмы, рядом с красными кхмерами, – продолжал Десмонд. – Говорят, к нему приходил дьявол. Так что, быть может, он разговаривал с нашим неуловимым Сатаной.

– Думаю, это только слухи, местные байки, – уточнил Томас. – Но есть и вероятность, что Сатана пытается найти себе новое прибежище.

– Если так, то это почти чудо, – сказал Мустафа. – Сатана, ведущий свое племя из глубин, подобно Моисею, ведущему народ свой в Израиль.

– А можно нам узнать побольше? – поинтересовалась Дженьюэри.

– Как нетрудно себе представить, вождь не покинет свои джунгли, чтобы дать нам интервью, – сказал Томас. – Кабели там не проложены, стало быть, телефонной связи нет. В той местности свирепствует голод и всяческие зверства. Там – зона геноцида, ситуация у них катастрофическая. Вероятно, вождь решил повернуть время вспять, к точке отсчета.

– Тогда информации мы не получим.

– Вообще-то, – заявил Десмонд, – я намерен отправиться в джунгли.

Дженьюэри, Мустафа и Рау в один голос воскликнули:

– Что ты, Десмонд, это же очень опасно!

– Я уже решил, – сказал он, довольный произведенным впечатлением.

Расследование было для него лишь одной частью цели; другой, не менее важной было приключение.

Заседание проходило в настоящей клетке с массивной стальной дверью и блестящими решетками. За решеткой виднелись стены хранилища с ячейками и другие двери со сложными запорами. Заговорщики ждали Персивела и продолжали обсуждение.

Ученые начали представлять факты.

– Его можно сравнить с Хубилаем или Аттилой, – утверждал Мустафа. – Или королем-воином, наподобие Ричарда Первого, который поднимал все христианство в поход на неверных. Личность с невероятным честолюбием. Как Александр, Мао или Цезарь.

– Не согласен, – заявил Линч. – Почему король-воин? С его стороны мы в основном видим оборонительные или партизанские действия. В лучшем случае я бы сравнил Сатану с индейским вождем Джеронимо, но не с Мао.

– Тогда уж не с Джеронимо, а с актером Лоном Чейни – «человеком тысячи лиц», – это сказал де л'Орме.

В отличие от других де л'Орме не помолодел за время расследования. Он сгорал от рака, пожирающего его плоть и кости. Левая сторона лица стала бесформенной, глаз провалился – его приходилось скрывать за темными очками. Старик был практически прикован к больничной койке. Здесь, на фоне железных решеток и мраморных колонн, он казался таким слабым и одновременно сильным – Самсон с одной почкой и одним легким.

Появились Бад Персивел и двое монахов-доминиканцев. Чуть поодаль стояли пятеро карабинеров с винтовками и автоматами. Персивел пригласил:

– Пройдите сюда, пожалуйста. У нас будет только час.

Доминиканцы озабоченно зашептались, разглядывая Бранча. Один из карабинеров прислонил винтовку к стене и отпер решетчатую дверь. Когда все прошли, доминиканцы что-то сказали карабинерам, и те преградили Бранчу путь. Майор стоял перед ними, словно людоед из сказки, одетый в поношенную спортивную куртку.

– Он с нами, – сказала Дженьюэри доминиканцам.

– Простите, но мы – стражи святой реликвии, – ответил монах. – А он не похож на человека.

– Даю вам слово, что он настоящий человек, – прервал Томас.

– Пожалуйста, поймите правильно, – продолжал монах, – времена сейчас беспокойные. Приходится подозревать всякого.

– Я дал вам слово, – повторил Томас.

Доминиканец посмотрел на иезуита – старинного врага своего ордена. Сознывая свою власть, улыбнулся. Повел подбородком, и карабинер пропустил Бранча.

Вся группа прошла гуськом вслед за Персивелом и монахами в глубину подвала, в большее помещение. Свет включился только после того, как все вошли.

Здесь висела плащаница, почти пятиметровой длины. Когда загорелся яркий свет, зрелище получилось впечатляющее. Прославленная реликвия напоминала длинную скатерть, на которой много раз обедали, но ни разу не стирали. На ветхой пожелтевшей ткани темнели пятна и подпалины. Посередине, словно следы какой-то пищи, виднелся слабый отпечаток тела. Плащаницу повесили так, что были видны отпечатки и лица, и спины. Изображенный человек был голым и бородатым.

Один из карабинеров не выдержал. Он протянул оружие товарищу и опустился на колени. Другой карабинер стал читать «Mea culpa» и ударять себя в грудь.

– Как вы знаете, – начал старший из монахов, – в тысяча девятьсот девяносто седьмом году Туринский собор сильно пострадал от пожара. Только благодаря высокому героизму и самопожертвованию великую святыню удалось спасти от уничтожения. Пока не закончится восстановление собора, святая синдон^[19] будет находиться здесь.

– Но почему именно здесь, позвольте спросить? – Томас говорил беспечно, даже пренебрежительно. – В подвале банка? В храме торговли?

Старший доминиканец не поддался на провокацию:

– Это, конечно, печально, но мафия и террористы способны на все – даже похитить святыню и потребовать выкуп. Пожар в соборе был именно попыткой похищения. Мы решили, что хранилище банка – самое надежное

место.

– И даже не Ватикан? – настаивал Томас.

Доминиканец выдал свое раздражение лишь тем, что постукивал пальцем о палец. Отвечать он не стал.

Персивел переводил взгляд с монахов на Томаса и обратно. Все мероприятие организовал он и хотел, чтобы все прошло как следует.

– К чему вы клоните, Томас? – спросила Вера, тоже заинтригованная.

Ему предпочел ответить де л'Орме:

– Церковь отказалась принять плащаницу. И тому есть причина. Плащаница – интересный памятник, но доверия больше не заслуживает.

Персивел был шокирован. Ему, нынешнему руководителю проекта исследования Туринской плащаницы, пришлось использовать все свое влияние, чтобы устроить сегодняшний показ.

– Что вы говорите, де л'Орме!

– Это подделка.

Персивел был похож на человека, который вдруг обнаружил, что пришел в театр нагишом.

– Но если вы так считаете, для чего просили меня все это устроить? Зачем мы здесь собрались? Я думал...

– Нет, я как раз верю, – успокоил его де л'Орме. – Но, во всяком случае, верю не так, как вы.

– Но это же – чудо! – не выдержал младший монах. Он перекрестился, видя такое богохульство.

– Да, чудо, – подтвердил де л'Орме. – Чудо искусства и техники четырнадцатого века.

– История говорит, что плащаница – нерукотворный образ. Священная погребальная пелена. «И, взяв тело, Иосиф обвинил его чистою плащаницею и положил его в новом своем гробе», – процитировал доминиканец.

– И все ваши доказательства – цитата из Писания?

– Доказательства? – вмешался Персивел. Хотя ему было под семьдесят, в нем оставалось много от типичного «надежного парня». Легко было представить, как он с мячом бросается в прорыв и спасает игру. – Какие вам нужны доказательства? Я сюда прихожу много лет. В рамках проекта исследования Туринской плащаницы она подвергалась десяткам анализов, потрачены миллионы долларов и сотни тысяч часов. Ученые, включая и меня, достаточно поупражнялись в скептицизме.

– Но мне казалось, радиоуглеродный анализ определил возраст плащаницы где-то в пределах тринадцатого-четырнадцатого веков.

– Вы что – проверяете меня? Я ведь рассказывал о моей теории

вспышки!

– То есть – вспышка ядерной энергии запечатлела на плащанице облик Христа? И ткань притом не сгорела дотла.

– Вспышка была небольшая, – ответил Персивел. – Она, кстати, объясняет и ошибочность радиоуглеродного анализа.

– Небольшая вспышка радиации, создавшая негативное изображение с деталями лица и тела? Разве такое возможно? В лучшем случае мог образоваться силуэт. Или просто темное пятно.

Все их аргументы были стары. Персивел давал привычные ответы. Де л'Орме задавал новые вопросы, и объяснения Персивела становились все сложнее.

– Я лишь утверждаю, что, прежде чем поклоняться, стоило бы узнать, кому или чему поклоняешься. – Де л'Орме встал рядом с плащаницей. – Одно дело – знать, кому не принадлежит этот отпечаток. А мы сегодня можем сказать, кому он принадлежит. Для того я и затеял представление.

– Он принадлежит Сыну Божьему в его человеческой ипостаси, – сказал младший доминиканец.

Старший лишь покосился на реликвию. Неожиданно глаза его расширились. Рот открылся, и губы образовали круг.

– Господи, Отец Небесный, – сказал младший.

Теперь и Персивел заметил. И все остальные тоже. Томас не верил своим глазам.

– Что вы сделали? – закричал Персивел.

Человек на плащанице был не кто иной, как де л'Орме.

– Это – ты! – хохотал Мустафа. Он пришел в восторг.

На изображении де л'Орме был обнажен, руки целомудренно прикрыли низ живота, глаза закрыты. Парик, фальшивая борода. Оригинал и изображение на ткани были одного роста, имели одинаковые короткие носы и узкие гномьи плечи.

– Отец мой Небесный! – причитал младший доминиканец.

– Иезуитские фокусы! – шипел старший.

– Обманщик! – завывал младший.

– Де л'Орме, какого черта?! – сказал Фоули.

Всеобщее смятение охватило и карабинеров. Они сравнили человека с изображением на полотне и сделали выводы. Четверо немедленно опустились на колени перед де л'Орме, один даже прижался лбом к его туфлям. Пятый солдат отступил к стене.

– Да, на полотне – я, – подтвердил де л'Орме. – Это действительно фокус. Но не иезуитский, а научный. Алхимический, если угодно.

– Схватить его! – приказал старший доминиканец.

Но карабинеры увлеченно поклонялись новому Богочеловеку.

– Не волнуйтесь, – успокоил де л'Орме перепуганных монахов. – Оригинал находится в соседней комнате, целый и невредимый. А эту я изготовил в целях демонстрации. Ваша реакция убедила меня, что мне удалось достичь нужного сходства.

Старший монах в гневе обвел глазами комнату и уставился на пятого карабинера взглядом Великого инквизитора. Несчастный словно прилип к стене.

– Ты! – сказал монах.

Солдат вздрогнул.

Значит, подумал Томас, де л'Орме заплатил карабинеру, чтобы тот помог сыграть шутку. Тогда он правильно испугался. Переполошил целый орден.

– Не вините его, – попросил де л'Орме. – Вините себя. Вас одурачили. Я обманул вас именно так, как плащаница обманула очень многих.

– Где она? – спросил монах.

– Сюда, пожалуйста, – пригласил де л'Орме.

Все прошли в соседнюю комнату, где уже ждала Вера в своем кресле. За ее спиной висела плащаница – неотличимая от подделки де л'Орме, за исключением самого отпечатка. Изображенный здесь человек был выше ростом и моложе. Нос у него был длиннее и скулы целые. Доминиканцы бросились к своей святыне, поочередно проверяя ее сохранность и загораясь от слепого обманщика.

Де л'Орме держал себя по-деловому.

– Думаю, вы согласитесь, – сказал он монахам, – что оба изображения созданы одинаковым способом.

– Вы разгадали тайну ее изготовления? – воскликнул кто-то. – И чем же вы пользовались – краской?

– Кислотой, – сказал другой голос. – Я так и подозревал. Слабый раствор – только чтобы слегка протравить волокна.

Все обратили взгляды на де л'Орме.

– Я изучал отчеты исследований. И мне стало ясно, что подделка выполнена без помощи краски. На ткани лишь следы пигмента, оставленные, вероятно, различными предметами, которые прикладывали к плащанице с целью освящения. И это не кислота, иначе цвет был бы другой. Нет, это нечто совершенно иное.

Де л'Орме сделал эффектную паузу.

– Фотография!

– Глупости! – отрезал Персивел. – Мы такую теорию проверяли. Вы вообще представляете, какой сложный процесс фотография? А химикаты? Нужно несколько этапов: подготовить поверхность, сфокусировать изображение, определить экспозицию, закрепить полученное изображение. Даже если плащаницу изготовили в Средние века, какой же нужно иметь ум, чтобы охватить все принципы фотографии в то время?

– Ум выдающийся, тут вы правы.

– Вы, знаете ли, не первые уже, – продолжал Персивел. – Была парочка умников несколько лет назад. Состряпали версию, будто это шутка Леонардо да Винчи. Мы их в пух и прах разнесли. Дилетанты.

– У меня иной подход, – сказал де л'Орме. – Вообще-то, Бад, тебе должно быть приятно. Поскольку он подтверждает твою собственную теорию.

– Ты о чем?

– О твоей «теории вспышки», – пояснил де л'Орме. – Только тут требуется не вспышка, а скорее слабый поток радиации.

– Радиации? Теперь выходит, что Леонардо обскакал мадам Кюри?

– Это не Леонардо, – ответил де л'Орме.

– Не он? Тогда Микеланджело? Или Пикассо?

– Бад, имейте терпение, – мягко вмешалась Вера. – Пусть вам все известно, но остальные хотят услышать.

Персивел кипел. Но теперь уже плащаницу не свернешь и не выставишь всех отсюда.

– Здесь изображение реального человека, – сказал де л'Орме. – Распятого человека. И его не мог создать художник – оно безукоризненно с точки зрения анатомии. Посмотрите на отпечатки ног, на полосы крови на лбу – они именно там, где складки кожи. И отверстия от гвоздей – на запястьях. Это самое интересное. Согласно результатам опытов, проводимых на трупах, распять человека, прибив ладони, невозможно. Ладони разорвутся от веса тела.

Вера, которая как врач все это знала, кивнула. Вегетарианец Рау с отвращением передернулся. Почитание мертвеца ему претило.

– Единственное место на руке, способное выдержать вес человека, – вот здесь. – Де л'Орме указал на свою руку. – Точка Десто, естественная полость между костями запястья. Недавно судебные антропологи подтвердили, что следы от гвоздей у жертв распятия находятся именно там. Это ключевой момент. Если изучить живопись того времени, когда создана плащаница, вы увидите, что европейцы и не думали о точке Десто. На всех картинах Иисус изображен с прибитыми к кресту ладонями. Такой характер

повреждений, как мы видим на плащанице, считается доказательством того, что она не могла быть подделана средневековыми фальсификаторами.

– Ну а дальше? – торопил Персивел.

– Существует два объяснения, – продолжал де л'Орме. – Основателем анатомии и судебной антропологии был, конечно, Леонардо. Он располагал временем – и трупами, – чтобы экспериментировать с различными способами распятия.

– Это смешно, – сказал Персивел.

– Другое объяснение: мы имеем настоящую жертву распятия, – рассказчик сделал паузу, – но еще живую в тот момент, когда изготовили плащаницу.

– Что? – удивился Мустафа.

– Да-да! – подтвердил де л'Орме. – Этот любопытный факт мне помогла установить Вера. На полотне – никаких продуктов разложения. Более того, Вера сообщила мне, что отпечатки ребер смазаны, как если бы человек дышал.

– Ересь! – прошипел младший доминиканец.

– Не ересь, – возразил де л'Орме, – если допустить, что здесь изображен не Иисус.

– Но это он!

– Тогда еретик – вы, святой отец. Ибо вы поклоняетесь какому-то титану.

Наверное, доминиканец никогда в жизни не бил слепого, но по его оскалу было видно, что он готов это исправить.

– Вера его измерила. Два раза. Рост у этого человека шесть футов и восемь дюймов.

– Глядите-ка, крупный парень, – вставил кто-то. – Как же так?

– Разумеется, – сказал де л'Орме, – евангелисты непременно упомянули бы о таком огромном росте Христа.

Старший доминиканец уже шипел.

– Теперь, думаю, самое время открыть наш секрет, – сказал де л'Орме Вере.

Он положил руку на ее кресло, и Вера подвела его к столу. В руках у нее была картонная коробка, из которой слепой вынул маленькую пластмассовую статуэтку Венеры Милосской. Он едва ее не уронил.

– Помочь? – предложил Бранч.

– Нет, спасибо. Вам лучше держаться подальше.

Де л'Орме и Вера напоминали сейчас двух школьников, ставящих научный опыт. Де л'Орме достал из коробки стеклянную банку и кисточку.

Вера расстелила на столе кусок ткани и надела пару резиновых перчаток.

– Что это вы делаете? – сурово спросил доминиканец.

– Ничего опасного для вашей плащаницы, – ответил слепой.

Вера отвинтила у банки крышку и опустила туда кисточку.

– Наша «краска», – объяснила она.

В банке была тщательно просеянная пыль тускло-серого цвета. Де л'Орме взял Венеру за голову, а Вера аккуратно припудрила ее пылью.

– А теперь – улыбочку. Снимаем, – сказал де л'Орме Венере.

Вера осторожно взяла статую за талию и стала держать в горизонтальном положении над расстеленной тканью.

– Это недолго, – уверила она.

– Скажи мне, когда начнется, – попросил де л'Орме.

– Уже, – сообщил Мустафа.

На ткани начало появляться изображение Венеры. Это был негатив. Постепенно прояснились детали.

– Это опровергает все! – заявил Фоули.

Персивел не желал верить. Он стоял и тряс головой.

– Радиация попадает на одну сторону ткани и создает изображение. Если подержать статуэтку достаточно долго, ткань потемнеет. Если поднять ее повыше – изображение получится крупнее. Если я подниму ее совсем высоко – миниатюрная Венера превратится в гиганта. Вот и объяснение росту Христа на плащанице.

– Наша «краска» – редкий изотоп ньютоний, – сказала Вера. – Существует в природе.

– И чтобы изготовить вот эту подделку, вы им намазались – да еще нагишом? – спросил Фоули.

– Да, – подтвердил де л'Орме. – С помощью Веры. Должен сказать, мужскую анатомию она и так знает.

Старший доминиканец, казалось, вот-вот обсосет эмаль с зубов.

– Но она же радиоактивная! – сказал Мустафа.

– Честно говоря, благодаря изотопам мой артрит на несколько дней приунылся. Я уж думаю – может, я наткнулся на подходящее лекарство и еще задержусь на этом свете.

– Глупости! – взорвался Персивел, словно вспомнив, какой занимает пост. – Если все так обстоит, мы бы обнаружили радиацию.

– На нашей ткани вы ее обнаружите, – признала Вера. – Но только потому, что на нее просыпалась пыль. А если бы мы были поаккуратнее и не прикасались к полотну, на нем не осталось бы ничего, кроме изображения.

– Я побывал на Луне и вернулся на землю, – сказал Персивел. Когда Персивел ударялся в воспоминания о своих лунных заслугах, это означало, что он дошел до точки. – Но никогда я не сталкивался с таким свойством минералов.

– Просто вы никогда не спускались под землю, – объяснил де л'Орме. – Хотел бы я, чтобы это было мое открытие. Но уже много лет шахтеры рассказывают о том, что на ящиках и вагонетках появляются фантомные изображения. Вот вам и объяснение.

– То есть, по вашим же словам, на поверхности есть только следы этого вещества, – не сдавался Персивел. – Вы утверждаете, что люди недавно обнаружили светящийся порошок в количестве, достаточном для того, чтобы создать подобный эффект. Так как же мог средневековый мошенник заполучить его столько, чтобы намазать целое тело и создать плащаницу?

Де л'Орме нахмурился:

– Но я вам уже сказал, что это не Леонардо.

– Вот чего я не понимаю, – Десмонд Линч взволнованно стучал тростью, – для чего? Для чего такие крайности? Неужели это просто чья-то шутка?

– Дело опять же касается власти, – ответил де л'Орме. – Подобная реликвия, да еще во времена таких суеверий? Когда целые церкви увлеклись чудодейственной силой простой щепки от Креста. В тысяча триста пятидесятом году Европу потрясло обретение реликвии – Плата Вероники. Вы знаете, сколько святых реликвий ходило в те дни в христианском мире? Крестоносцы возвращались домой со всевозможными военными трофеями. Среди мощей и Библий, принадлежавших святым мученикам, были и молочные зубы Иисуса, и его крайняя плоть – даже семь, если быть точным! – и столько щепок от Святого Креста, что хватило бы на целый лес. Конечно, в ход пошла не только плащаница, но она была самой могущественной. Что, если кто-то вдруг решил сыграть на легковерии невежественных христиан? Это мог быть Папа, король или просто талантливый художник. Что может быть чудеснее, чем запечатленное в натуральную величину тело Христа, изображающее его после крестных мук и перед Вознесением? Искусно выполненное, цинично разрекламированное – с помощью такого изделия можно изменить ход истории, или нажить состояние, или править умами и душами.

– Да бросьте вы, – жалобно сказал Персивел.

– А что, если цель была именно такая? – настаивал де л'Орме. – Что, если он намеревался проникнуть в культуру христианства через свое

собственное изображение?

– Он? Чье «свое» изображение? – спросил Десмонд. – Вы кого имеете в виду?

– Того, разумеется, кто изображен на плащанице.

– Отлично, – рыкнул Десмонд. – И кто же этот негодник?

– Посмотрите на него, – предложил де л'Орме.

– Да мы и смотрим.

– Это – автопортрет.

– Портрет обманщика, – сказала Вера. – Он намазался ньютонием и встал перед полотном. Намеренно прибег к столь искусному обману. Прimitивная фотокопия Сына Божьего.

– Ладно, сдаюсь. Мы что – должны его узнать?

– Он чуть-чуть на вас похож, Томас.

Томас надул щеки.

– Волосы длинные, бородка. Скорее, похож на вашего друга Сантоса, – поддел кто-то де л'Орме.

– Если на то пошло, – возразил де л'Орме, – так о любом из нас можно сказать.

Разговор уже походил на какую-то игру.

– Сдаемся, – сказала Вера.

– Но вы же почти угадали.

– Хватит! – рявкнул Гольт.

– Хубилай, – сказал де л'Орме.

– Что?!

– Вы сами говорили.

– Да что говорили-то?

– Джеронимо, Аттила, Мао. Король-воин. Пророк. Или просто скиталец, почти такой же, как мы.

– Вы серьезно?

– А почему бы и нет? Почему не автор писем Иоанна Пресвитера? Он же – автор этой подделки. И возможно, легенд о Христе, Будде и Магомете?

– Вы говорите...

– Именно, – сказал де л'Орме. – Знакомьтесь – Сатана.

Эти новые земли, что мы нашли и исследовали... мы можем по праву назвать Новым Светом... это континент более густонаселенный и более изобилующий животными, чем наша Европа, или Азия, или Африка.

Америго Веспуччи об Америке

Подводная горная гряда Колон

«7 июля, – записала Али, – стоянка № 39, глубина 5012 фатомов, температура 97 градусов по Фаренгейту. Сегодня мы достигли первой шахты».

Она огляделась. Как все это описать? Стереодинамики заливают грот музыкой Моцарта. Свет режет глаза – электричества в избытке. Пол усеян винными бутылками и куриными костями. По камням двигаются извилистой цепочкой пятьдесят ученых – грязные, заросшие, огрубевшие за долгий путь.

Они танцевали конгу под «Волшебную флейту». «Ликование», – вывела Али печатными буквами. Вокруг бушевало веселье.

До сегодняшнего полудня царило всеобщее молчаливое сомнение, что шахта окажется на месте. Геологи ворчали; по их мнению, для этого нужны немыслимое мастерство и точность, учитывая, что коридоры извиваются словно ужи. Но, как и обещал Шоут, тут лежали цилиндрические контейнеры, спущенные с поверхности. Сверху пробурили океанское дно и опустили груз строго в заданную точку на пути экспедиции. Если бы инженеры ошиблись и поместили груз хотя бы на пять метров правее или левее, он остался бы в скальных породах и пропал безвозвратно.

Возвращение к цивилизации было бы под большим вопросом – запасы продуктов подходили к концу.

Теперь провизии, одежды и прочего хватит на следующие восемь недель. Да еще сегодняшнее вино, музыка и голограмма выступления К. К. Купера с похвальной речью. «Вы – творцы истории!» – вещало его маленькое лазерное изображение.

Впервые почти за пять недель Али смогла отметить на своей ежедневной карте точные координаты: 107 градусов 20 минут западной

долготы и 3 градуса 50 минут северной широты. На обычной карте земной поверхности их положение можно было определить так: где-то южнее Мексики, в голубых безбрежных водах. На карте океанского дна их можно было поместить в районе подводного горного хребта Колон, у западного края плиты Наска.

Али отпила глоток присланного «Гелиосом» шардоне.

Запела свою печальную арию Царица ночи, и Али прикрыла глаза. У кого-то наверху есть чувство юмора. Волшебный подземный мир Моцарта! Хорошо хоть не прислали «Осуждение Фауста».

Три похожих на ракеты цилиндра длиной по сорок четыре фута лежали среди кусков скальной породы, выломанных буром. Отломанные люки валялись среди спутанных тросов – этакое гнездо стальной крысы; сверху просачивалась и капала соленая вода. Из трехфутовой дыры в куполе грота свисали разные концы – кабель связи, два кабеля питания, один – для передачи личных видеопосланий. Один из носильщиков уселся рядом с силовым кабелем, приготовив для зарядки целую горку аккумуляторов – от налобных и карманных фонарей, лабораторных приборов и ноутбуков.

Интендант Уокера и его помощники работали без перерывов – разбирали полученные припасы, укладывали коробки, выкрикивая номера. Кроме всего прочего «Гелиос» доставил вниз почту – из расчета по двадцать четыре унции на каждого.

Принеся обет бедности, Али привыкла также довольствоваться и скудными известиями от близких. И все же ее разочаровало, как мало почты прислала Дженьюэри. Сенатор, как обычно, писала от руки на официальном бланке. Письмо отправлено две недели назад; конверт вскрыт – видимо, Дженьюэри это предвидела и ограничилась общими словами. Она уже знала о событиях в Эсперансе, и ее мучило, что Али отправилась дальше.

«Ты теперь... Где же ты? Не близко и не далеко; я тебя не вижу, но ты со мной... Али, у меня как будто что-то отняли. Ты исчезла, словно тень в ночи, а мир и так слишком велик... Пожалуйста, позвони или напиши при первой же возможности. И, прошу тебя, возвращайся. Если другие захотят вернуться – иди с ними».

В письме намекалось и на успехи «Беовульфа»: «Работа над проектом дамбы продолжается». Это было условное обозначение поисков Сатаны.

«Но к местности пока не привязывали, координаты уточняются». По какой-то причине Дженьюэри вложила в письмо несколько фотографий Туринской плащаницы и объемное компьютерное изображение отпечатка головы. Али не поняла для чего.

Она смотрела на лагерь. Многие уже распаковали свои посылки, съели домашние гостинцы, показали друг другу фотографии родных и близких. Каждый что-то получил – даже солдаты и носильщики. Только Айку ничего не прислали. Перед ним была новая бобина с альпинистской веревкой – в яркую полосу. Он измерял ее, отрезал и подпаливал концы.

Новости были не только хорошие. В дальнем углу кто-то умолял Шоута поднять его на поверхность. Сквозь музыку доносился голос:

– Но речь ведь о моей жене. Рак груди!

На Шоута ничего не действовало.

– Тогда вам не нужно было отправляться, – говорил он. – Эвакуация только в случае смертельной опасности.

– Это и есть смертельная опасность!

– Имеется в виду опасность для вас, – отрезал Шоут и вернулся к отверстию шахты – докладывать, получать инструкции и передавать по кабелю собранную информацию. Участникам экспедиции было обещано, что у каждой шахты им предоставят линию видеосвязи – поговорить с родными, но до сих пор этой привилегией пользовались только Шоут и Уокер. На поверхности ураган, заявил Шоут, и буровая установка подвергается опасности. «Если погода наладится, у вас еще будет возможность», – обещал он.

Несмотря на разные затруднения и несколько серьезных случаев ностальгии, в целом настроение у путешественников было хорошее. Технология снабжения действовала. Экспедиция запаслась всем необходимым для следующего этапа пути. Люди провели внизу два месяца – осталось еще десять.

Али, прищурившись, смотрела на световое шоу. Ученые веселились, танцевали, обнимались, лихо пили калифорнийские вина, присланные Купером в знак признательности, соревновались – кто кого перепоеет; словом, казались счастливыми. Но проскальзывало и что-то другое. Какие-то они стали грязные, заросшие – каменный век, да и только. Такими Али их еще не видела – просто потому, что в последние месяцы она вообще толком не видела. С момента выхода из Эсперансы света было в несколько раз меньше обычной нормы. А теперь люди предстали во всей красе. Под ярким светом обнаружились веснушки, бородавки – как есть, без прикрас. Все вонючие, бледные, словно личинки. У мужчин в бородах высохшие

крошки еды. У женщин на головах вороны гнезда. Ученые выстроились для какого-то ковбойского танца – птицелов Папагено пел «Найти подругу сердца». И тут кто-то выключил оперу и врубил Cowboy Junkies. Медленный танец. Люди встали парами и, обнявшись, раскачивались на неровном полу.

Взгляд Али остановился на Айке, сидевшем у противоположной стены. У него наконец-то немного отросли волосы.

Со своими вихрами и обрезом он напомнил Али деревенского парня, собравшегося поохотиться на зайцев. Немного сбивали с толку его очки – Айк всегда защищал свою, как он говорил, единственную ценность. Иногда Али казалось, что за очками он просто прячет свои мысли, и очки нужны ему, чтобы сохранить уединение. Почему-то она была рада его видеть.

Поймав на себе взгляд, Айк отвернулся, и Али поняла, что он смотрел на нее. Молли и другие девушки посмеивались: Айк, мол, положил на монахиню глаз. Али на это отвечала, что они испорченные девицы; но теперь она поняла, что так и есть. Али заставила себя подняться. Он может в любой момент опять исчезнуть в темноте.

То ли вино было слишком крепкое, то ли здесь, под землей, ослабли запреты, которые она на себя наложила. Так или иначе, Али решилась. Она подошла к Айку.

– Не хотите потанцевать?

Айк сделал вид, что только сейчас ее заметил.

– Вообще-то не очень, – ответил он, не двинувшись с места. – Боюсь, я насквозь проржавел.

Он еще хочет, чтобы его уговаривали?

– Ничего, у меня прививка от столбняка.

– Seriously, я совсем не умею.

«А я что – умею?» – но вслух Али сказала:

– Пойдем.

Он сделал последнюю попытку:

– Вы не понимаете. Это поет Марго Тимминс.

– Так что?

– Марго, – повторил он. – Ее голос такое творит с человеком... Забываешь все на свете.

Али перевела дух. Айк ее вовсе не отшивает, наоборот, пытается флиртовать.

– Правда? – спросила она и подошла вплотную. В слабом свете обычных фонарей его шрамы и татуировки каким-то образом гармонировали с окружением, а сейчас, при ярком освещении, они опять

казались страшными.

– Что ж, думаю, вы понимаете, – признал Айк.

Он встал, не снимая обреза – ремень на нем был из розовой стропы. Передвинул оружие за спину, стволом вниз, и взял Али за руку. Ее рука утонула в его ладони.

Они двинулись на импровизированную танцплощадку – очищенное от камней место. Али чувствовала на себе взгляды окружающих. Молли и другие женщины, обнявшись со своими партнерами, истерически хихикали. Как ни странно, Айк, видимо, входил в первую десятку кавалеров.

В нем была какая-то изюминка. Нечто, проступавшее сквозь варварский облик. Для окружающих он представлял загадку. И вот Али первой удалось разбить лед. Переступая на носочках, как в школьном вальсе, она погрозила насмешницам пальцем.

Айк держался вполне непринужденно. Он повернулся к Али и с каким-то юношеским смущением протянул руки. Она тоже медлила. Оба встали в позицию; Айк так же не решался прикоснуться к Али, как и она к нему. Он с напускным весельем улыбался, но когда они приблизились вплотную, закашлялся.

– Я хотела попросить, – сказала Али, – чтобы вы кое-что объяснили.

– Вы о том животном? – Он не пытался скрыть разочарования и даже остановился.

– Нет, – ответила Али и возобновила танец. – Я про апельсин. Помните? Вы меня угостили апельсином во время спуска под Галапагосами.

Он слегка отступил, чтобы посмотреть на нее:

– Так это были вы?

Ничего себе, подумала Али.

– Я что, показалась такой несчастной?

– Вы имеете в виду – взывали о помощи?

– Можно и так сказать.

– Я привык заниматься скалолазанием, – сказал Айк. – Когда тебя спасают – это самый большой кошмар. Делаешь все, чтобы контролировать ситуацию. Но иногда бывают срывы. И ты падаешь.

– То есть я была в бедственном положении.

– Не-а. – Он явно лгал.

– Тогда зачем апельсин?

Однако ответа Али так и не получила. И все же круг следовало замкнуть. Что-то было странное – и романтическое – в такой удивительной

интуиции. Как он догадался, что именно тогда ей нужно было чем-то занять мысли? Подарок от грубого и звероподобного незнакомца стал для нее своего рода убежищем. Апельсин. Откуда он взялся? Может, Айк читал Флобера в своей предыдущей жизни, до своего пленения. Или Даррелла. Или Анаис Нин. Размечталась, оборвала себя Али. Нафантазировала то, чего нет.

– Так, – просто сказал Айк, и Али поняла, что он наслаждается ее смущением. – На нем было ваше имя.

– Знаете, я не хочу заикливаться, – начала она снова; немедленно в памяти всплыли его слова о самоконтроле, и Али запнулась. Айк ее раскусил. – Просто это оказалось так кстати, – пробормотала она, – и так необычно, а у меня все не было возможности поблагодарить...

– Рыжеватые блондинки, – прервал он.

– Что?

– Сознаюсь, – сказал Айк. – Рыжеватые блондинки – это моя давняя слабость.

Он не делал различия между блондинками вообще и Али в частности.

У Али перехватило дыхание. Иногда мужчины, узнав, что она монахиня, пытались бросить ей некий вызов. Айка отличала от других внутренняя импульсивность. Внешне он казался несерьезным, но не безрассудным, а готовым сознательно рисковать. Увлеченным. Он вел на Али наступление, однако не настойчивее, чем она на него, и так они и кружили, словно два призрака.

– Вот так, значит, – сказала Али. – Конец тайне.

– О чем это вы?

Хороший у них получается танец, нечего сказать.

– Мне нравится, как она поет.

Айк окинул ее быстрым взглядом. Али заметила это и вспомнила, как бесцеремонно он разглядывал барвинки у нее на платье.

Айк сказал:

– Вы рискуете.

– А вы?

– Это не одно и то же. Я-то ведь не давал обет... – Он запнулся.

– Целомудрия? – отважно закончила за него Али.

Это все вино. Она почувствовала, как Айк напрягся.

– Я хотел сказать – отречения от мира.

Айк притянул партнершу поближе и так сильно прижал к себе, что сдавил ей грудь и она непроизвольно выдохнула.

– Мистер Крокетт! – возмутилась Али, пытаясь его оттолкнуть.

Айк мгновенно разжал руки, и это вдруг испугало ее еще больше. Придумывать что-то было некогда. Обвиняя во всем вино, Али прижала партнера к себе и положила его руку себе на спину.

Следующую минуту они танцевали молча. Али старалась думать только о музыке. Однако рано или поздно музыка кончится, и ей придется покинуть безопасную площадку и возобновить разговор в другом месте, а там не так светло.

– Теперь ваша очередь, – сказал Айк. – Как вы вообще здесь оказались?

Сомневаясь, что ему действительно интересно, Али старалась говорить покороче, но Айк продолжал задавать вопросы. Скоро она обнаружила, что рассказывает ему о протоязыке и праязыке.

– «Вода», – говорила она, – на старонемецком «wassar», а по-латински – «aqua». Если идти глубже в дочерние языки, можно проследить корни. В индоевропейских языках и языках америндов вода называется «hakw», в сино-кавказских – «kwa». Еще глубже – «haku», моделированное с помощью компьютера протослово. Им никто не пользуется, оно мертвое. Так сказать, предок. Но можно проследить, как с течением времени слово возрождается.

– Наку, – сказал Айк, произнося немного иначе, с придыханием, делая ударение на первый слог. – Я знаю это слово.

Али взглянула на него.

– От них? – спросила она, имея в виду хейдлов.

Да, как она и надеялась, он знает язык!

Айк моргнул, словно от давней боли, и Али затаила дыхание. Воспоминание его оставило – если это было воспоминание. Али решила не настаивать и продолжила свой рассказ о том, как решила собирать и расшифровывать сохранившиеся надписи и рисунки хейдлов.

– Нужен переводчик, который умеет читать их криптограммы, – сказала она. – Тогда мы могли бы изучать их цивилизацию.

Но Айк понял ее неправильно:

– Вы хотите, чтобы я вас научил?

Али старалась говорить равнодушно:

– А вы могли бы?

Он недовольно щелкнул языком. Али мгновенно узнала этот звук – она слышала его от южноафриканских бушменов. Тоже звуки-щелчки? Она разволновалась.

– Хейдлы и сами не умеют читать свои письмена, – сообщил Айк.

– Значит, вам просто не доводилось видеть, – констатировала Али. –

Те, с кем вы общались, не знали грамоты.

– Они не могут читать хейдлские надписи – письменный язык для них утрачен, – продолжал Айк. – Я знал одного – он умел читать по-английски и по-японски. Но древние письма хейдлов он не понимал. Это его сильно огорчало...

– Погодите-ка, – перебила ошеломленная Али. Такого никому и в голову не приходило! – Вы утверждаете, что хейдлы умеют читать на современных языках? И говорить умеют?

– Тот умел, – ответил Айк. – Он был гений. Вождь. Остальные... им до него далеко.

– И вы с ним говорили? – У Али колотилось сердце.

О ком же он, если не об историческом Сатане?

Айк остановился. Он смотрел на нее – или сквозь нее – из-за очков было трудно понять. Али не могла догадаться, о чем он думает.

– Айк!

– Зачем вам все это?

– Это секрет. – Ей хотелось довериться ему. Их тела все еще соприкасались, и Али решила, что сейчас подходящий момент. – Что, если я скажу вам, что моя цель – установить этого человека, или кто он есть? Узнать о нем побольше, получить описание внешности, выяснить мотивы поведения. Встретиться с ним, наконец.

– Нет, – очень твердо сказал Айк.

– Но ведь это возможно!

– Нет, – повторил он. – Я хочу сказать – только не вы. Потому что, когда вы получите то, что хотите, вы перестанете быть собой.

Али задумалась. Он что-то знает, но не скажет.

– Вы о нем слишком высокого мнения, – заявила она, прибегая к провокации как последнему средству.

Вокруг двигались танцующие. Айк вытянул руку и повернулся к свету, чтобы показать Али выпуклый шрам – какое-то клеймо. С первого взгляда оно было незаметно среди других, более рельефных отметин. Али провела по клейму пальцами – так, наверное, ощупывают его в темноте хейдлы.

– И что оно означает?

– Это тавро, – пояснил Айк. – Имя, которое мне дали. Больше ничего не могу придумать. Да и сами хейдлы, кажется, тоже. Они просто воспроизводят рисунки, сделанные в древние времена их предками.

Али прощупала рубцы.

– Что значит «тавро»?

Айк равнодушно пожал плечами – словно речь шла не о его руке.

– Наверное, можно назвать и по-другому. Это я придумал такое название. У каждого клана – свое тавро и у каждого члена клана – тоже. Я могу показать вам и другие.

Али старалась сдерживать волнение. Хотя внутри у нее все кричало. Все это время у Айка были ответы на ее вопросы. Почему за столько лет его никто ни о чем не расспросил? Хотя, наверное, его и спрашивали, просто он не был готов отвечать.

– Подождите, я возьму блокнот. – Она едва владела собой.

Вот оно – начало ее словаря, своего рода Розеттский камень. Расшифровав надписи хейдлов, Али сможет подарить человечеству еще один язык.

– Блокнот? – удивился Айк.

– Да, сделаете зарисовки.

– Но у меня они с собой.

– Что – с собой?

Айк начал было расстегивать карман, но остановился:

– Вы точно хотите?

Али уставилась на карман, не в силах дождаться, пока он его откроет:

– Да.

Айк вынул небольшую стопку кожаных лоскутков, размером примерно с визитную карточку, и протянул Али. Они были нарезаны аккуратными прямоугольниками и для сохранения мягкости выдублены. Али в первый момент решила, что это какой-то пергамент, на котором Айк ведет записи. С одной стороны на лоскутках были бледные цветные рисунки. Потом Али разглядела, что это татуировки: выпуклые рубцы и тонкие бесцветные волоски. Это действительно кожа, только человеческая. Или кожа хейдлов.

Айк не заметил, как Али помрачнела, – он раскладывал лоскутки на ее вытянутых неподвижных ладонях и давал ей пояснения, сосредоточенно, словно читал лекцию.

– Этому – две недели. Обратите внимание на переплетающихся змей. Такой мотив вообще-то не встречается. Очень искусная работа, даже на ощупь чувствуешь, что они переплелись. – Он положил два лоскутка рядышком: – Эти два – свежая добыча. По изображению связанных колец можно определить, что они пришли из какого-то дальнего региона. Такой рисунок мне приходилось видеть в Афганистане и Пакистане. Пленники, стало быть. Из-под горной системы Каракорум, в Азии.

Али смотрела во все глаза то на Айка, то на кусочки кожи. Она никогда не была чересчур брезгливой, но эта коллекция ее подкосила.

– А вот пчела – потрогайте. Видите, как она раскрывает крылья? Этот

клан я не знаю. Встречал только пчелу со сложенными крыльями и с раскрытыми... А это меня вообще ставит в тупик. Просто точки – и все. Что оно должно означать – следы ног, подсчет времени, времена года? Не знаю даже. Тут, конечно, пещерная рыба. Видите – в уголках рта светящиеся усики? Я такую рыбу ел. В мелких водоемах ее можно ловить прямо руками. Хватаешь за усики – и дергаешь. Как морковку в огороде.

Айк разложил последние лоскутки.

– Тут – геометрические фигуры, которые встречаются на хейдлских рисунках-мандалах. Они довольно однообразные – замыкают внешний круг мандалы и содержат собственно информацию. Вы такие видели на стенах. Надеюсь, кто-нибудь из нашей компании сможет в них разобраться. У нас тут полно ученых людей...

– Айк! – перебила Али. – Что значит «свежая добыча»?

Он взял два лоскутка с изображениями колец.

– День или два.

– Я спрашиваю – кого-то убили? Хейдла?

– Одного носильщика. Имени я не знаю.

– Мы потеряли носильщика?

– Точнее – десять или двенадцать, – сказал Айк. – Вы не заметили? За последнюю неделю они исчезают по двое или трое. Уокер довел их до ручки своим обращением.

– А еще кто-нибудь знает? – Али ни разу не слышала, чтобы об этом кто-то говорил. Выходит, у экспедиции есть и другая сторона, темная и страшная, о которой Али и другие ученые и понятия не имеют.

– Разумеется. Рук-то не хватает.

Айк говорил бесстрастно, словно речь шла о вьючном животном.

– С тыла у нас гораздо больше солдат, чем впереди. Уокер обычно посылает за беглецами погоню. Чтобы другим неповадно было.

– Наказывает носильщиков? За то, что бросили работу?

Айк смотрел на нее с непонятным выражением.

– Когда ведешь людей, один сбежавший может поставить под угрозу всех. Могут разбежаться и остальные. Уокер это знает. Однако из-за тупости своей не понимает, что, когда люди начинают бежать, принимать меры уже поздно. Если бы зависело от меня, – просто прибавил Айк, – все было бы иначе.

Значит, слухи о его рабстве – правда. Неизвестно, в каком качестве, но он действительно водил других пленников. Впрочем, разные темные подробности Али выяснит позже.

– И значит, одного беглеца поймали... – сказала она.

– Кто, парни Уокера? – перебил Айк. – Они наемники, и мышление у них стадное. Они не станут рассредоточиваться и забираться далеко – боятся. Они на часок отстали, подождали и вернулись.

Оставалась только одна возможность, других вариантов Али не видела. И заставила себя спросить:

– Значит, это вы?

Он непонимающе нахмурился.

– Убили носильщика, – пояснила она.

– С какой стати?

– Чтобы другим было неповадно. Чтоб помочь Уокеру.

– Уокер! – фыркнул Айк. – Пусть сам убивает, если ему нужно.

Али почувствовала облегчение. Но только на секунду.

– Этот бедняга недалеко ушел, – сказал Айк. – Да и другие, думаю, тоже. Я нашел его почти полностью разделанным.

Разделанным? Так поступают с заколотым скотом. Айк по-прежнему был сама бесстрастность.

– Что вы имеете в виду? – спросила Али.

Неужели кто-то из беглецов сошел с ума и натворил такое?

– Та самая парочка, я уверен, – ответил Айк. Он потряс лоскутками: – Я их обнаружил, когда выслеживал носильщика. Они напали на него вдвоем – один спереди, другой сверху.

– И потом вы их нашли?

– Ну да.

– И вы не могли привести их обратно, к нам?

Айк изумился:

– Хейдлов?!

Только теперь до нее дошло. Это было не убийство. Но ведь он сказал – «свежая добыча». Вот так новость.

– Хейдлы? – переспросила она. – Здесь были хейдлы?

– Их уже нет.

– Не нужно меня успокаивать! Я хочу знать.

– А вы как думаете? Мы же в их берлоге.

– Но Шоут говорил, что эти коридоры необитаемы.

– Верьте ему больше!

– А вы никому не рассказывали?

– Я уже решил проблему. Дорога чистая.

Али в глубине души даже была довольна. Живые хейдлы! Теперь, правда, мертвые.

– А что вы с ними сделали? – спокойно спросила она, хотя вряд ли ей

хотелось знать подробности. И Айк предпочел о них не говорить.

– Они остались там – и другие все поймут. Неприятностей у нас не будет.

– А откуда другие? – спросила она, указывая на его коллекцию.

– Из других мест. И другого времени.

– Но вы считаете, что здесь есть еще?

– Ничего серьезного. Немного. Отдельные путники. Бродяги, отбившиеся.

Али была потрясена.

– Вы всегда это носите с собой?

– Взгляните на них, как на личные жетоны или удостоверения личности. С их помощью я пытаюсь создать общую картину миграций. И я уже узнал почти столько, как если бы они умели говорить.

Он поднес лоскут кожи к носу и понюхал, затем лизнул.

– Этот пришел с большой глубины. Очень чистый.

– В каком смысле?

Айк протянул ей кожу, но Али отвернулась.

– Вам приходилось есть мясо бычка, вскормленного на пастбище? Совсем не такое, как если бы его кормили зерном и гормонами. То же самое и здесь. Этот малый никогда не видел солнечного света. Никогда не поднимался на поверхность. И никогда не поедал животных, живущих наверху. Наверное, он впервые покинул свое племя.

– А вы его убили, – сказала Али.

Айк смотрел на нее.

– Вы даже не понимаете, как все это ужасно, – продолжала она. – Господи, что же они с вами сделали!

Айк пожал плечами. За одну секунду он вдруг отдалился от нее на тысячу миль.

– Я его найду, – сказал он.

– Кого?

Он указал на шрамы на своей руке:

– Его.

– Но вы сказали, что это ваше имя.

– Да. Его и мое. Другого у меня не было.

– Чье «его»?

– Моего хозяина.

Четыре дня спустя экспедиция вышла к реке, обещанной Шоутом. Айка заранее выслали вперед. Он дожидался остальных в гроте, наполненном грохотом воды. Этот грохот они слышали уже несколько дней.

На полу в середине была большая яма в форме воронки. Размером с городской квартал, она непрерывно ревела.

Серпентинитовые стены с зелеными вкраплениями запотели; по ним в каменную глотку стекали маленькие струйки. Люди окружили край ямы, пытаясь увидеть дно. Их фонари осветили глубокую гладкую горловину. Айк спустил туда фонарь на веревке. Внизу, метрах в двухстах, крошечный свет дрожал и скользил на водной поверхности.

– Река, будь я проклят, – сказал Шоут.

– А вы что – не ожидали? – удивился кто-то.

Шоут ослабил:

– Никто точно не знал. Отдел картографии выдал шанс один к трем. С другой стороны, это самый логичный вывод из полученных ими данных.

– Значит, мы все время шли наугад?

Шоут беззаботно пожал плечами.

– Разуваемся – и вперед! – скомандовал он. – Рюкзаки теперь таскать не придется, пешком топтать тоже. Отсюда мы поплывем.

– Думаю, сначала нужно изучить ситуацию, – возразил один из гидрологов. – Мы понятия не имеем что там, внизу. Каков профиль реки, скорость течения? Куда она течет?

– Установим опытным путем, – сказал Шоут.

Носильщики появились только через три часа. С момента ухода от шахты-1 они несли двойной груз за двойную плату. Некоторые тащили на себе сто или пятьдесят фунтов сверх нормы. Они сгрузили поклажу в соседнем гроте – там по приказу Уокера им приготовили горячий обед.

Али подошла к Айку, который спускал в яму стропу. Когда они разошлись после танцев, она была слегка пьяна, и ее переполняло любопытство и отвращение. Теперь же она была как стеклышко, и отвращение несколько ослабло.

– А что будет с носильщиками? – спросила она. – Все гадают.

– Они свое дело сделали, – ответил Айк. – Шоут их отпускает.

– Они отправятся домой? Сначала полковник преследовал беглых, а теперь их всех отпускают?

– Все решает Шоут, – сказал Айк.

– И они будут в безопасности? Разве можно отпускать людей здесь – ведь отсюда до ближайшего жилья два месяца пути?

Айк не видел смысла снова возбуждать ее негодование.

– Конечно. А почему бы нет?

– Я думала, их наняли на весь год.

Айк согнул одной рукой веревку и занялся вязанием узлов.

– Нам лучше побеспокоиться о себе, – посоветовал он. – Эти носильщики – настоящий бочонок с порохом. Поймут, что мы их кинули, и тогда возьмутся за нас.

– За нас? – не поняла Али. – Отомстят нам?

– Да нет, зачем им. Им понадобится наше оружие, припасы. Все, в общем. С военной точки зрения – то есть точки зрения Уокера – проще всего их пустить в расход.

– Он не посмеет, – сказала Али.

– Разве ты не видишь? – спросил Айк. – Носильщиков держат отдельно от всех. Тот боковой грот – клетка без выхода. А когда им надоест сидеть взаперти, они смогут выйти только по одному. Отличные мишени.

Али это казалось невероятным.

– Но он же не расстреляет их, правда?

– Ему и незачем. К тому времени, когда они надумают высунуть нос, мы уже уплывем далеко.

Интендант снова занялся перегрузкой припасов, полученных через шахту-1. Перед ним стояла важная задача – распределить между учеными и солдатами спасательные костюмы. Они были выполнены по спецзаказу НАСА фирмой, производящей для альпинистов одежду из сверхпрочной ткани, водозащитной и в то же время пригодной для пребывания на суше. Интендант выдавал костюмы всех размеров – от самого маленького, до самого большого, а худощавый солдат обучал, как ими пользоваться:

– В них можно ходить, лазать по скалам, можно спать. Если выпадете за борт, потяните вот за это кольцо, и костюм сам надуется. Он держит тепло, в нем не потеешь, и он прочный – даже акула не прокусит.

Кто-то отпустил шутку насчет волшебных доспехов.

Костюм состоял из эластичных шорт, жилета и облегающего комбинезона. Ткань – в темно-серую и синюю полоску. Когда ученые натянули костюмы, они стали похожи на двуногих тигров. Тут и там раздавались мужские и женские восхищенные возгласы.

Шоут велел спустить в воронку камеру, чтобы изучить дно, но снять ничего не удалось; тогда он отправил вниз Айка – свою палочку-выручалочку.

Несколько лет назад тут должна была быть тропа, ведущая из грота к реке. Айк уже пытался ее найти. Но самый подходящий коридор оказался завален глыбами – следствие недавних толчков. Повсюду встречались

свидетельства присутствия хейдлов – искусственные колонны, полустертые наскальные рисунки, желоба для стока воды на каменных столбиках. И никаких намеков на то, что воронку можно использовать так, как они намеревались, – попасть из нее в реку.

Айк спускался по веревке в каменную глотку, упираясь ногами в испещренный прожилками камень. Спустившись метров на сто, посмотрел вверх сквозь несущиеся потоки воды. Остальные смотрели на него и ждали.

Внизу Айка встретила пустота. Он этого не ожидал; его ноги словно вдруг засосало в темноту. Он остановился, раскачиваясь в середине огромной темной сферы. Светя фонарем под ноги, увидел в пятидесяти футах под собой реку. А сверху был естественный купол, нависающий над гладкой поверхностью воды. Почему-то грохот прекратился сразу, как только Айк спустился. Здесь было почти тихо. Слышалось только негромкое журчание воды. Если бы не ведущая вверх веревка, горлышко воронки затерялось бы среди других деталей купола.

Стены и потолок сложились мозаикой вулканической породы. В этом удивительном месте действовал только один закон – закон реки.

Айк спустился ниже и у самой воды отстегнул обрез. Вода, темная и тихая, струилась, как черный шелк. Очень осторожно Айк опустил в воду руку. Никто его не укусил. Течение оказалось сильное. Запаха не было. Если эта вода и просочилась сюда из Индийского океана, морской она не была – соль профильтровалась по дороге. Прекрасная вода.

Айк доложил обстановку по рации, которую ему дал Уокер.

– По-моему, все в порядке, – сказал он.

Люди повисли над воронкой на стропах, словно пауки. Кое-кого пришлось подбадривать, в том числе и некоторых солдат. «Чайники», – вспомнилось Айку.

Спускаться было нелегко. Плоты спускали вниз уже надутые и собранные – полы, сиденья. Айку они напомнили корабельные шлюпки.

Первая попытка не удалась – плот опрокинуло течением. К счастью, в нем никого не было.

По совету Айка следующий плот подвесили над самой водой, а группа людей спустилась по пяти другим веревкам. Они болтались в воздухе, как марионетки. На счет «три» вся команда соскочила в плот, едва он коснулся воды. Двое действовали недостаточно быстро и так и остались качаться над рекой, а плот понесло течением. Успевшие сесть схватили весла и начали грести к гладкому природному пандусу чуть ниже по течению. Дело пошло быстрее, когда к одному из плотов прицепили небольшой мотор. Теперь он

плавал под воронкой и собирал свисающих на веревках пассажиров и груз. Некоторые ученые показали себя опытными скалолазами. Кое-кто из крутых парней Уокера страдал от морской болезни. Айка происходящее радовало. Начинался следующий уровень игры.

Чтобы все спустить, потребовалось пять часов. Маленькая флотилия перевезла груз к берегу. Если не считать одного плота и брошенных на произвол судьбы носильщиков, экспедиция была в целости. Все гордились тем, как взяли речной рубеж. Общество Жюль Верна чувствовало себя сильным и здоровым, способным справиться с любой задачей, которую поставит перед ними преисподняя.

Али в ту ночь приснились носильщики. Их лица исчезали во тьме.

...И лучших сыновей на тяжкий труд пошлите за тридцать морей на службу к покоренным угрюмым племенам, на службу к полудетям, а может быть – чертям.

Редьярд Киплинг. Бремя белых^[20]

База Литтл

Америка, Антарктида

Дженьюэри ожидала увидеть настоящий белый ад – пургу, лачуги из гофрированного железа. Однако посадочная полоса оказалась чистой, полосатый ветроуказатель обвис. Чтобы попасть сюда, сенатору пришлось подергать за многие веревочки, а она даже не знала, для чего летит. Бранч сообщил лишь, что дело касается экспедиции «Гелиоса». Назревали события, которые могли повлиять на дальнейшую судьбу всего подземного мира.

Самолет мягко приземлился. Дженьюэри и Томас вышли из «боинга» на грузовой перрон, прошли мимо погрузчиков и толпы военных.

– Вас ждут, – сказал им сопровождающий.

Они вошли в лифт. Дженьюэри надеялась попасть на верхний этаж, откуда открывается хороший вид. Она мечтала посмотреть на эту бескрайнюю землю и бессмертное солнце. Но лифт пошел вниз. Спустившись на десять этажей, он остановился, и двери открылись.

Коридор привел гостей в зал для заседаний, тихий и темный. Дженьюэри решила, что в зале никого нет. Но чей-то голос произнес:

– Включаю свет!

Это прозвучало как предупреждение. Когда стало светло, оказалось, что зал полон... монстров.

Сенатор сначала подумала, что это хейдлы – они прикрывали руками глаза. Но все до единого были офицерами армии США. Прямо перед ней сидел капитан – короткая стрижка не скрывала бугров и борозд на черепе, размером и формой напоминающем шлемы американских футболистов.

В качестве члена конгресса Дженьюэри председательствовала в подкомиссии, изучающей воздействие на организм продолжительного

пребывания под землей. Теперь, в окружении офицеров своей армии, она лично убедилась, что такое «костные деформации» и остеодистрофия – вот они, изгои среди своих товарищей. Дженьюэри вспомнила название – болезнь Паже. Начинается самопроизвольный рост или дегенерация костной ткани. Черепная полость при этом не затрагивается, двигательные функции не страдают, но возникают ужасные уродства. Дженьюэри поискала глазами Бранча: он впервые не выделялся из толпы.

– Приветствую наших почетных гостей – сенатора Дженьюэри и отца Томаса!

На возвышении стоял генерал Сэндвелл, известный Дженьюэри как чрезвычайно энергичный интриган. А вот его репутация как боевого командира была не слишком хорошей. Сейчас он, по сути, предупредил своих подчиненных, что среди них поп и политиканша и нужно поостеречься.

– Итак, начинаем.

Свет погас. Присутствующие испытали явное облегчение – многие расслабленно откинулись на спинки кресел. Глаза Дженьюэри привыкли к темноте. На стене засветился голубоватый экран. На нем возникли карты, поверхность океанского дна, затем трехмерное изображение Тихого океана. План увеличился.

– Подведем итоги, – начал Сэндвелл. – События произошли в нашем западном секторе Тихого океана, на пограничной станции номер тысяча четыреста девяносто два. Здесь присутствуют командиры баз, расположенных под Тихоокеанским регионом. Они собрались, чтобы узнать последнюю поступившую информацию и получить от меня приказы.

Дженьюэри видела: это говорится для нее. Генерал демонстрировал, что у него свой план действий. Но ее это не задело. Если понадобится, она сможет изменить ход событий. Уже само ее и Томаса присутствие в зале многое говорило о ее возможностях.

– Один из наших патрулей пропал без вести, и мы решили, что он подвергся нападению. Мы послали отряд быстрого реагирования для обнаружения и помощи. Однако отряд быстрого реагирования также пропал. А потом мы получили последнее сообщение от патруля.

Дженьюэри опять охватило раскаяние. Али – где-то там, внизу, дальше, чем пропавший патрульный отряд. «Соберись!» – приказала она себе и сосредоточилась на речи генерала.

– Мы называем такие сообщения «послание в бутылке», – говорил Сэндвелл. – Кто-нибудь из патрульного отряда, обычно радист, имеет при

себе устройство, которое записывает все изображения в цифровом виде. В случае внештатной ситуации его можно активировать, и он начнет автоматическую передачу. Проблема в том, что различные подповерхностные явления замедляют наши частоты по-разному. В этом случае сигнал отразился от верхней мантии и вернулся на поверхность сквозь складчатый базальт. Говоря кратко, передачу мы приняли только через пять недель. Перехватили сигнал на подводных горах Математиков. Из-за тектонических помех было много искажений. Еще две недели мы расшифровывали передачу с помощью компьютеров. В результате с момента происшествия прошло пятьдесят семь дней. За это время мы потеряли еще три отряда быстрого реагирования. Все, что нам известно, – нападения не было. Действовал внутренний враг. Один из наших людей. Видео, прошу.

На экране засветились слова «Отправной пункт – Грин Фэлкон». В правом нижнем углу появились цифры: «Клип-Гал/МЛ1492/7-03/23:04:34».

Дженьюэри шепотом расшифровала Томасу:

– Коридор Клиппертон – Галапагосы, станция тысяча четыреста девяносто два линии Макнамара, третье июля, одиннадцать часов четыре минуты.

Название пропало. На экране возникли люди. Семеро. Они казались развоплощенными тенями.

– Вот они, – сказал Сэндвелл. – Десантники третьей подрывной группы Западно-Тихоокеанского региона. Стандартные действия по обнаружению и уничтожению противника.

Тепловые следы на экране изменились. Ярко-зеленые образы превратились в человеческие фигуры. Когда они проходили вблизи камеры, стали видны даже черты лиц. Среди них было четверо белых, двое темнокожих и один китаец.

– Этот фильм смонтирован на основе записи микрокамеры, которую носил на себе радист. Сейчас они надевают легкое снаряжение. «Линия» совсем близко.

«Линией» назывался периметр автоматического обнаружения; впервые его применили во вьетнамской войне. Своего рода автоматическая линия Мажино, которая должна служить как натянутая невысоко проволока. Здесь, на отдаленных участках подземья, технологии использовались не для войны, а для поддержания мира. За последние три года посягательств почти не было.

Экран засветился светло-голубым светом. Сработали детекторы движения, и в нишах стены загорелась первая цепочка огней – или

последняя, в зависимости от того, куда двигаться – внутрь или наружу.

Даже в темных очках десантники поспешили отвернуться. Будь на их месте хейдлы, они бы убежали. Или погибли. Именно таков был замысел.

– Теперь я немного перемотаю, – сказал Сэндвелл. – Нас интересует то, что произошло в конце коридора.

Сэндвелл включил ускоренное воспроизведение, и солдаты побежали быстрее. Когда они входили в очередную зону периметра, огни загорались, а позади них гасли. Мелькали белые и черные полосы – как полосы у зебры.

Тщательно продуманные сочетания световых и других электромагнитных волн слепили глаза и были смертельны для существующих в темноте форм жизни. При укрощении субтерры – для «удержания джинна в бутылке» – в подобных точках подавления применялись комбинированные лучи: инфракрасные, ультрафиолетовые и другие, а также лазеры с сенсорным наведением.

На экране появились свидетельства того, что джинн существует. Сэндвелл включил нормальную скорость. Ярко освещенный проход был усеян костями и телами, как если бы тут произошла жестокая битва. При хорошем освещении – мегаватт электричества – останки хейдлов казались совсем неинтересными. Лишь у некоторых кожа имела какую-то окраску. Волосы бесцветные. Хейдлы были не белыми, а мертвенно-бледными, как сало.

Патруль приблизился к дальнему концу коридора – об этом месте и говорил Сэндвелл. Здесь произошла диверсия. Лампы были разбиты или завалены камнями. Хейдлы-саперы дорого заплатили за свою работу.

Отряд остановился. Впереди, там, где темнел конец коридора, начиналась страшная неизвестность.

Дженьюэри почувствовала волнение. Сейчас что-то случится.

– Всем видно? – спросил генерал. Никто не ответил. – Они идут прямо туда, – пояснил он. – Именно так, как этого и ждали.

Он снова включил перемотку. Очень быстро солдаты сняли рюкзаки и принялись за ремонтные работы – заменяли разбитые лампы на стенах и потолке, проверяли юстировку лазеров, смазывали подвижные детали приборов. Судя по часам на экране, прошло семь минут.

– Вот тут они его нашли, – сказал Сэндвелл и замедлил воспроизведение.

Солдаты собрались вокруг выступа в скале и что-то с интересом обсуждали. Туда же приблизился и радист, и его мини-камера дала изображение маленького, с мизинец, цилиндра. Он лежал на каменном

выступе.

– Вот! – объявил Сэндвелл.

Камера записывала только изображение, звука не было. Солдат потянулся к цилиндру. Другой попытался его остановить. Неожиданно один из семерки опрокинулся на спину. Остальные просто рухнули. Камера сделала оборот, опустилась и остановилась на чем-то ботинке. Ботинок дернулся – один раз.

– Мы засекли время, – сказал Сэндвелл. – Семь человек погибли меньше чем за две секунды. За одну и восемь десятых, если уж точно. Конечно, тут была самая высокая концентрация. Но несколько недель спустя, в трех милях от этого места, после распыления препарата потребовалось чуть более двух секунд, чтобы убить несколько подразделений быстрого реагирования. Две целых и две десятых. Другими словами, препарат действует почти мгновенно. Со стопроцентным смертельным исходом.

– А что это? – шепотом спросил Томас. – О чем он?

– Понятия не имею, – проговорила Дженьюэри.

– Еще раз, помедленнее.

Кадр за кадром Сэндвелл снова показал все события с момента обнаружения находки. На этот раз маленький металлический цилиндр можно было рассмотреть в подробностях – корпус, стеклянный колпачок, слабое свечение. Увеличенная рука солдата тянется к цилиндру. Свечение меняет цвет. Цилиндр выпускает почти незаметное облачко. Люди медленно, словно утопленники на дно моря, опускаются на землю. Теперь Дженьюэри успела разглядеть результаты биологического воздействия. Один темнокожий парень повернул лицо к камере – он пытался поймать ртом воздух; глаза у него просто выпали. Мелькнула чья-то рука – из-под ногтей сочилась кровь. Опять перед камерой дернулся ботинок, и теперь было видно, как из дырок для шнурков что-то течет.

Газ, догадалась Дженьюэри. Или микроорганизмы? Но так быстро?

Офицеры в зале поняли все с первого раза. Биологические и химические ОБ – отравляющие вещества. Меньше всего им хотелось, чтобы эту часть теоретической подготовки пришлось применить в боевых условиях. Но это случилось.

– Еще раз, – сказал Сэндвелл.

– Невероятно, – произнес кто-то из зрителей. – Хедди даже не приблизились к подобным технологиям. Они живут в каменном веке. У них едва хватает разума управляться с огнем. Освоить оружие они еще могут, но никак не производить. Их предел – копья и примитивные ловушки. Не

верю, что хейдлы производят боевые ОБ.

– С того времени, – продолжил Сэндвелл, не обращая внимания на слова офицера, – мы обнаружили еще три такие капсулы. В них имеются детонаторы, которые срабатывают от кодированного радиосигнала. Нейтрализовать их тоже можно только с помощью соответствующего сигнала. Если попытаться ее обезвредить – получится то, что вы видели. И потому мы к ним не приближаемся. Вот видеозапись последней капсулы. Получена пять дней назад.

Теперь на солдатах были костюмы биохимической защиты. Люди передвигались медленно, словно космонавты при нулевой гравитации. Надпись в нижнем углу экрана была другая. «КлипГал/КаП/09-01/07:32:12». Камера показала трещину в стене пещеры. Один из солдат начал вставлять в трещину что-то блестящее. Стоматологическое зеркальце, разглядела Дженьюэри.

Затем изображение сфокусировалось на поверхности зеркала.

– Это обратная сторона капсулы, – пояснил Сэндвелл.

Надпись, хоть и перевернутая вверх ногами, читалась без труда. Обычный штрих-код и какие-то английские буквы. Генерал остановил кадр.

– Справа, наверху, – подсказал он.

За обозначением «SP-9» шли буквы «USDoD». Министерство обороны США!

– Выходит, это наши? – спросил кто-то.

– «SP» означает «синтетический прион». Девятка – номер поколения препарата.

– Так новость хорошая или плохая? – спросили из зала. – Хейдлы не производят препаратов, способных нас убить. А мы – производим.

– Прион девятого поколения включает особый ускоритель. При контакте с кожей вещество действует почти мгновенно. Как сказал руководитель лаборатории, это настоящая «сверхзвуковая чума». – Сэндвелл сделал паузу. – Прион-девять разрабатывали на тот случай, если события в субтерре выйдут из-под контроля. Но когда разработку закончили, было принято решение, что ни при каких, даже самых неблагоприятных обстоятельствах применять его не следует. Говоря попросту, прион слишком опасен. Поскольку препарат репродуцируется, даже малое количество может заполнить целую среду обитания. В данном случае речь идет обо всей субтерре.

Томас сжал локоть Дженьюэри с силой капкана. Она почувствовала его хватку буквально костью. Он тут же убрал руку и прошептал:

– Прости, пожалуйста.

Дженьюэри знала, что прерывать выступающего не положено. Однако она это сделала:

– А что случится, когда прион заполнит всю нишу и захочет попасть в следующую? Что будет с нашим миром?

– Отличный вопрос, сенатор. Есть и хорошая новость. Прион-девять разработали для применения исключительно в подземье. Он живет – и убивает – только в темноте. На солнечном свете препарат разрушается.

– Иными словами, из своей ниши он не выйдет. Это теория? – Сенатор была настроена скептически.

Сэндвелл добавил:

– Еще одно. Синтетический прион испытали на живых хейдлах. Они погибают в два раза быстрее, чем люди.

– Тогда у нас есть фора – девять десятых секунды! – проворчал кто-то.

«Пленные хейдлы? Испытания?» О таком Дженьюэри слышала впервые.

– И наконец, – произнес Сэндвелл, – все оставшиеся запасы препарата этого поколения уничтожены.

– А других поколений?

– Этот вопрос сейчас решается. Прион-девять все равно собирались уничтожить. Приказ пришел через несколько дней после кражи. Кроме похищенных капсул, приона-девять не существует.

Из темноты зала раздался вопрос:

– Генерал, как же секретный препарат попал в лапы хейдлов?

– В коридоре Клиппертон – Галапагосы его разместили вовсе не хейдлы, – отрывисто говорил Сэндвелл. – Теперь у нас есть доказательства. Это сделал один из нас.

Экран снова засветился. Дженьюэри думала, что генерал заново показывает то, что они уже видели. Тот же самый темный коридор изверг из своих недр такие же бесплотные тени. Потом ярко-зеленое пятно превратилось в человеческий силуэт. Сенатор прочла надпись внизу экрана. Это действительно была станция тысяча четыреста девяносто два, но дата – другая. Восемнадцатое июля. Запись сделали за две недели до гибели патрульного отряда.

– Кто это такие? – спросили из зала.

Тепловые образы приняли более ясные очертания. Вереница примерно из двадцати человек. Не солдаты. Но из-за очков ночного видения было трудно понять, кто они. Сработала первая линия периметра. Фигуры на экране неожиданно оживились и начали сдергивать очки. Они вели себя как обычные люди, когда им очень весело.

Их одежда с логотипами «Гелиоса» была грязной, но целой и не очень поношенной. Дженьюэри быстро подсчитала, что с начала экспедиции прошло два месяца.

– Смотри! – прошептала она Томасу.

На экране появилась Али. Али несла рюкзак; выглядела она здоровой, хоть и похудевшей, да и вообще была в лучшей форме, чем кое-кто из мужчин. Ее улыбка радовала взор. Она прошла мимо камеры, не замечая, что ее снимают.

Не поворачивая головы, Дженьюэри заметила, что военные вокруг замерли. Каким-то образом улыбка Али взывала к их благородству.

– Экспедиция «Гелиоса», – пояснил Сэндвелл для тех, кто не знал.

На экране появлялись все новые и новые люди. Сэндвелл дал своим офицерам время рассмотреть всех. Один офицер спросил:

– Вы хотите сказать, что капсулы подложил кто-то из ученых?

Но Сэндвелл снова их осадил:

– Повторяю: это – один из нас. – Он помедлил. – Не из них, а из вас.

Дженьюэри не могла оторвать глаз от Али. Молодая женщина стояла на коленях перед рюкзаком. Вот она развернула на камнях тонкую подстилку, угостила соседку конфетой. Даже в ее необщительности было свое обаяние.

Али закончила приготовления, уселась на подстилку и открыла пакет с влажными салфетками. Протерла шею и лицо. Потом сложила руки и удовлетворенно вздохнула. День прошел, и Али была им довольна. Она была счастлива.

Али подняла голову. Дженьюэри сначала показалось, что она молится, но Али просто смотрела на лампы на потолке. Почти с поклонением. Дженьюэри это растрогало и одновременно опечалило. Али всегда любила солнце и свет. Все так просто – она его любит, и она от него отказалась. Ради чего? «Ради меня», – подумала Дженьюэри.

– Я помню этого сукина сына, – заявил какой-то командир.

В центре экрана худощавый военный отдавал приказы трем солдатам.

– Его зовут Уокер, – продолжал офицер. – Служил в ВВС. Летал на истребителях F-шестнадцать, потом подался в частный бизнес. У него как-то раз перебили в колониях толпу баптистов, а те, кто выжил, судились с ним за нарушение контракта. Потом он ненадолго попал в мое поле зрения. Я слышал, что «Гелиос» набирает здоровых ребят. Ну и нажили они себе гемморой.

Сэндвелл прокрутил запись снова, уже без комментариев.

Потом сказал:

– Уокер капсулу не подбрасывал, – и остановил кадр. – Вот кто это сделал.

Томас вздрогнул, чуть-чуть. Дженьюэри поняла, что он узнал и потрясен. Она вопросительно повернулась к Томасу – иезуит тоже смотрел ей в глаза. Потом отрицательно покачал головой. Ошибка. Сенатор повернулась к экрану, напрягая память. Но этого человека с изуродованным лицом она не помнила.

– Вы ошибаетесь, – спокойно заметил один из военных. Дженьюэри узнала голос.

– Майор Бранч? – спросил Сэндвелл. – Элиас?

Бранч поднялся и загородил часть экрана. Его фигура была крупной, корявой и какой-то первобытной.

– У вас неверная информация, генерал.

– Значит, вы его узнали?

Человек на экране был повернут в три четверти. На лице – татуировки, волосы обрезаны клочьями. Дженьюэри опять почувствовала волнение Томаса. Он стиснул зубы и перевел дыхание. Иезуит смотрел на экран.

– Вы его знаете? – шепотом спросила Дженьюэри.

Томас поднял палец: не сейчас!

– Вы ошибаетесь, – повторил Бранч.

– Это наша вина, – сказал генерал. – Мы его сами взяли. Армия предоставила ему убежище. Мы думали, он с нами. Но он, видимо, так и не перестал отделять себя от хейдлов, у которых был в плену. Все вы слышали о Стокгольмском синдроме.

Бранч усмехнулся, хотя перед ним стоял старший по званию.

– Вы говорите, что он теперь работает на дьявола?

– Я говорю, что он моральный отщепенец. Крокетт застрял посередине – не принадлежит ни к какому виду и враждует с обоими. Я смотрю на это именно так. Он убивает моих людей. И нацелился на всю субтерру.

– Вот кто, – выдохнула Дженьюэри. Теперь настала ее очередь испытать шок. – Томас, о нем писала Али перед тем, как выйти из Z-три. Разведчик «Гелиоса».

– Кто? – спросил Томас.

Дженьюэри напряглась, пытаясь извлечь из памяти имя.

– Айк Крокетт, – прошептала она. – Его отбили у хейдлов. Он был у них в плену.

Али писала, что надеется расспросить его, узнать о них, изучить их знания. «Во что же я ее втянула?!»

– Насколько я могу судить, – продолжал Сэндвелл, – Крокетт пытается

затянуть петлю эпидемии на всей экваториальной субтерре. Одним сигналом он может вызвать цепную реакцию, которая истребит под землей все живое, будь то люди, хейдлы или что-то другое.

– У вас есть доказательства? – упрямо настаивал Бранч. – Покажите мне видео, где Айк размещает капсулы.

У Дженьюэри забилося сердце – он заступается! Значит, Бранч как-то связан с человеком на экране.

– У нас нет таких записей, – признал Сэндвелл. – Но мы проследили, откуда этот прион-девятый. Его похитили из лаборатории химического оружия в Западной Виргинии. Похищение произошло в ту самую неделю, когда Крокетт прибыл в Вашингтон. Он должен был предстать перед трибуналом – его ждало увольнение с лишением прав, но он скрылся. И потом четыре из пяти капсул обнаруживаются в том самом коридоре, по которому он ведет экспедицию «Гелиоса».

– Но если произойдет заражение, Крокетт тоже погибнет, – заметил Бранч. – Это не Айк. Он не самоубийца. Это скажет всякий, кто его знает. Он слишком любит жизнь.

– Вот тут и есть наша зацепка, – ответил генерал. – Твой Айк сделал себе прививку.

Воцарилась тишина.

– Мы говорили с доктором, который проводил вакцинацию, – продолжал Сэндвелл. – Он помнит о прививке, и не удивительно. Против приона-девятый вакцинировали всего одного человека.

Изображение лица на экране сменилось медицинским бланком. Сэндвелл подождал, пока все рассмотрят. В верхнем углу стояло имя и должность врача. А внизу – подпись пациента. Сэндвелл вслух прочел:

– Дуайт Д. Крокетт.

– Черт возьми! – проворчал кто-то.

Но Бранча было не переупрямить.

– Я не считаю это доказательством.

– Тебе нелегко, понимаю, – сказал ему Сэндвелл.

Люди неловко заворочались. Позже Дженьюэри узнала, что Айк многих из них тренировал, а некоторым спас жизнь.

– Этого предателя нужно найти непременно, – говорил Сэндвелл. – Он самый разыскиваемый преступник на земле.

Дженьюэри возвысила голос:

– Объясните, мне, пожалуйста. Единственный человек, имеющий иммунитет, – тот, кто расставляет капсулы?

– Верно, сенатор, – ответил генерал. – Но это ненадолго. Чтобы

воспрепятствовать распространению приона, мы закрыли взрывами весь коридор Клиппертон – Галапагосы и эвакуируем всю субтерру в радиусе двухсот миль, включая Наску. Никто не вернется обратно, не получив прививки. И начнем мы с вас, господа. В соседней комнате вас ждет медперсонал. Сенатор, отец Томас, вас тоже прошу.

Прежде чем Дженьюэри успела отказаться, Томас кивнул. И посмотрел на нее:

– На всякий случай.

На экране опять была карта. Изображение увеличилось и сфокусировалось на каком-то подземном коридоре.

– Это предполагаемый путь экспедиции «Гелиоса», – сказал Сэндвелл. – Вероятно, догнать их мы не можем, и значит, придется перехватывать сбоку или спереди. Проблема в том, что нам известно, где они прошли, но неизвестно, куда направляются. «Гелиос» согласился предоставить информацию о запланированном курсе экспедиции. Следующие месяцы мы будем сотрудничать с их картографическим отделом, чтобы определить точное местонахождение. А пока мы сами продолжаем поиск. Мы намерены использовать все возможные ресурсы. Я хочу отправить боевые подразделения. Перекрыть все выходы. Мы его оттуда выкурим. Наставим ловушек. А когда найдем его, пристрелим. Немедленно. Так приказано сверху. Повторяю – сразу стрелять на поражение. Пока он нас не убил.

Сэндвелл вновь обратился к аудитории:

– А теперь хочу спросить: есть ли среди нас люди, которые чувствуют, что не справятся с таким заданием?

Он обращался только к одному человеку. Это поняли все и молча ждали его отказа. Но Бранч не отказался.

Новая Гвинея

В половине четвертого утра Бранча разбудил телефонный звонок. Он все равно не выспался. С того дня, как офицеры вернулись на военные базы и приступили к поискам, прошло два дня. Бранчу дали задание контролировать операцию из штаб-квартиры Южно-Тихоокеанского региона в Новой Гвинее. Это выглядело как благородный жест, но сделано было для того, чтобы его нейтрализовать. Командованию требовался опыт и интуиция Бранча, но убить Айку ему не доверили. И Бранч их не винил.

– Майор Бранч! – услышал он в трубке. – Говорит отец Томас.

После того брифинга Бранч постоянно ждал звонка от Дженьюэри. Обычно он держал связь с ней, а не с ее приятелем-иезуитом.

Бранч удивился, когда сенатор привезла Томаса на брифинг на антарктической базе, и теперь, услышав его голос, радости не испытал.

– Как вы меня нашли?

– Через Дженьюэри.

– Думаю, телефон – не лучший вариант, – намекнул Бранч.

Томас пропустил это мимо ушей:

– У меня есть информация о вашем солдате – Крокетте.

Бранч молча ждал.

– Кто-то нашего друга подставил.

«Нашего?» – удивился про себя Бранч.

– Я только что вернулся из поездки – разговаривал с врачом, проводившим вакцинацию.

Бранч слушал, сжимая трубку.

– Я показал ему фотографию мистера Крокетта.

Майор буквально вдавил трубку в ухо.

– Внешность у него, как вы, наверное, согласитесь, запоминающаяся.

Но тот врач в жизни не видел Айка. Кто-то подделал подпись. Кто-то выдал себя за него.

Бранч ослабил хватку и спросил:

– Уокер? – Это была первая мысль.

– Нет, – ответил Томас. – Уокера я тоже показывал. И всех его солдат. Врач категорически утверждает, что никого из них не видел.

– Тогда – кто?

– Не знаю. Меня многое настораживает. Я пытаюсь достать фотографии всех членов экспедиции и показать врачу. Однако «Гелиос», мягко говоря, содействовать не желает. Более того, представитель «Гелиоса» заявил мне, что официально такой экспедиции не существует.

Бранч уселся на край койки. Сохранять спокойствие ему было нелегко. Что за игру ведет священник? Для чего изображает сыщика? Да еще звонит Бранчу среди ночи и заявляет, что Аик невиновен.

– У меня тоже нет фотографий.

– Мне пришла мысль использовать ту видеозапись, которую показывал Сэндвелл. Там много разных лиц.

Вот, значит, что ему понадобилось.

– И вы хотите, чтобы я ее достал.

– Вероятно, врач сможет опознать нужного человека.

– Тогда попросите Сэндвелла.

– Я просил. От него столько же пользы, сколько от корпорации. Честно говоря, мне кажется, он не совсем тот, за кого себя выдает.

– Я посмотрю, что можно сделать. – Бранч намеренно не сказал, что сам думает о теории Томаса.

– А есть ли хоть малейший шанс свернуть поиски Крокетта или хотя бы приостановить?

– Нет. Поисковые отряды уже укомплектованы. Каждый месяц вниз спускается следующий отряд. До результата.

– Тогда нам нужно поторапливаться. Перешлите видеозапись сенатору.

Повесив трубку, Бранч остался сидеть в темноте. Он чувствовал свой запах – запах пластика, запах своих сомнений. Тут от него нет пользы. Так и было задумано. Он должен спокойно сидеть наверху и ждать, пока другие все сделают. Но больше ждать нельзя.

Наверное, в том, чтобы добыть видеозапись, есть свой резон. Однако это мало что изменит. Даже если доктор ткнет пальцем в преступника, отменить решение Сэндвелла невозможно. Большинство отрядов уже за пределами радиосвязи. И с каждым часом они спускаются все дальше в глубину.

Бранч заставил себя встать. Хватит медлить. У него есть долг, долг перед собой. Перед Айком, который и понятия не имеет, что с ним намерены сделать.

Бранч отшвырнул форму. Для него расстаться с формой – все равно что содрать с себя кожу: снова не наденешь.

Странная штука – жизнь. Ему почти пятьдесят два, он провел в армии больше трех десятков лет. А то, что ему предстоит сделать, еще труднее. Его товарищи по службе, наверное, поймут и простят эту выходку. А может, подумают, что он просто рехнулся. Такова будет плата за свободу.

Раздетый, он подошел к зеркалу – темное пятно на темном стекле. Уродливое тело поблескивало, словно исковерканный опал. Бранч вдруг пожалел, что у него нет ни жены, ни детей. Некому оставить прощальное письмо или позвонить. Зато у него есть его нелепый спутник – разбитая статуя в зеркале.

Он с трудом натянул штатскую одежду и взял винтовку.

На следующее утро никто не стал докладывать наверх о самовольной отлучке Бранча. Правда, до генерала весть в конце концов дошла.

– Бранч состоит в заговоре с Крокеттом, – объявил Сэндвелл. – Они оба предатели. Застрелить их на месте.

Река там внизу была жутко громадная.

Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна

К западу от экватора

Воин преследовал врагов вдоль реки, покрывая огромные расстояния. Он узнал об очередном вторжении; на этот раз чужаки идут по древнему тракту и приближаются к последнему убежищу его сородичей. И ему предстоит проследить за ними и, возможно, уничтожить – ради своего народа.

Воин всегда сражался. Переносил лишения. Отказался от желаний. Презрел свое горе. Служа другим, он с радостью растоптал свое сердце.

Некоторые отказываются от мира. У других мир отбирают. Так или иначе, но когда-то наступает передышка. И Воин шел дальше, стараясь изгнать все воспоминания о своей большой любви.

Пока была жива, женщина родила ему ребенка, приняла свое положение и свой долг, приручилась. Пленение сломало ее дух и разум. Оно создало чистый лист, чтобы начертать на нем Путь. Как и он когда-то, женщина оправилась от увечий и перенесла обряд посвящения. Благодаря своим способностям она смогла подняться выше положения, занимаемого пленниками, положения скота. Он помог ей создать себя заново и, как это случается, полюбил свое творение. А теперь Кора мертва.

Любимая женщина мертва, он лишен своих родных, лишен корней – а мир так огромен. В нем так много новых земель и созданий, и столь многое его зовет...

Он мог бы бросить племена хейдлов и уйти в глубь планеты или даже вернуться на поверхность. Но он выбрал свой путь давным-давно.

За много часов пути аскет утомился. Пришло время отдыха.

Воин перестал бежать по следу. Прикоснулся рукой к стене. Пальцы сами знали, что нужно делать, и нашли, что хотели. Какая-то часть мозга приказала руке подтянуться; ноги последовали за ней. Он мог бы бежать вперед, но вот уже несется скачками вверх. Пробежав по диагонали до темной ниши между рекой и сводом, он остановился. Понюхал – и узнал, что здесь обитало и когда. Удовлетворенный, втиснулся в каменный мешок.

Согнул спину, подтянул руки и ноги и полностью произнес свою молитву на ночь – отчасти то была вера, отчасти суеверие. Некоторые слова были из языка, на котором говорили его родители, и родители родителей, и родители родителей родителей. Слова, которым Кора научила их дочь. «Да святится имя Твое».

Воин не закрыл глаза. Но биение сердца замедлилось. Дыхание почти прекратилось. Он замер. «Мою душу сохрани...»^[21] Внизу текла река. И он уснул.

Его разбудили отражаемые водой голоса. Человеческие.

Узнал он их не сразу. В последние годы Воин старался забыть этот звук. Даже в устах самых спокойных он звучал раздражающим диссонансом. Злобный, душераздирающий. Назойливый, словно сам солнечный свет. Неудивительно, что от людей бегут даже более сильные звери. Ему было стыдно, что когда-то и он принадлежал к их расе, хотя с тех пор и прошло больше половины века.

Здесь, внизу, речь совсем другая. Отчетливо произносить звуки – значит соединять вместе вещи, о которых говоришь. Каждый бесценный клочок пространства, каждый коридор, каждая нора, лаз или щель неразрывно связан с другим. Жизнь в лабиринте зависит от умения соединять.

Послушать этих – сама их речь оскорбляет образ существа. Их испортило пространство. У них ничего нет над головой, никакого камня, чтобы прикрыть мир, их мысли улетучиваются в пустоту, более страшную, чем любая бездна. Им волей-неволей приходится куда-то вторгаться. Человек отдал свою душу небу.

Постепенно его легкие наполнились, но вода пахла слишком сильно. Заглушала все прочие запахи. Можно полагаться только на эхо. Он мог бы уйти раньше. Теперь стал ждать.

Люди приплыли на плотях. Ни часовых, ни дисциплины, никакой охраны для женщин. А света – целое море, там, где хватило бы ручейка.

Он, прищурившись, смотрел сквозь щелку между пальцев, возмущенный таким расточительством.

Люди прошли мимо ниши, не взглянув. Ни один не посмотрел! Так уверены в себе. Он лежал почти под потолком, на самом виду, обхватив себя руками и ногами, презирая врагов за самоуверенность.

Плоты вытянулись по реке длинным неправильным пятном. Воин перестал считать головы и стал высматривать, кто послабее.

Хвастаться им нечем. Они медлительны, чувства у них ослаблены, никакой слаженности действий. Каждый поступает, не принимая в расчет

остальных. Целый час он смотрел, как отдельные особи подвергали опасности всю группу – прислонялись к стенам, разбрасывали остатки недоеденной пищи. Люди буквально преподносят себя хищникам и врагу. Дарят им свой вкус. Каждый раз, когда кто-то проводит по камням рукой, он наносит на поверхность свой жир. Их моча оставляет пронзительный запах. Ничего лучше для самоубийства не придумать, разве что лечь и вскрыть вены.

Те, у кого были хоть небольшие недомогания, даже не пытались скрыть боль. Они демонстрировали свою слабость, делали из себя самую легкую добычу. Головы у них слишком большие, суставы в бедрах и коленях неровные. Он не мог поверить, что тоже родился таким. Одна женщина сменила на ноге повязку и бросила старый бинт в воду – его прибило к берегу. Теперь он слышал даже легчайшие запахи.

Женщин было много. Невероятные создания. Болтливые, рассеянные. Беспечные. Взрослые, зрелые женщины. Когда-то Кора пришла к нему во тьму такой же.

Когда они ушли вниз по течению, ему пришлось прождать час, чтобы зрение восстановилось. Осторожно – мышца за мышцей – он высвободился из ниши. Повис, держась одной рукой за небольшой выступ, и прислушивался, выискивая не столько отставших, сколько других возможных преследователей. Потому что они обязательно будут. Удовлетворенный, отцепился и оказался на земле. В темноте прошелся по их следам, изучая мусор. Лизнул фольгу от конфеты, понюхал скалу, к которой прислонялись люди. Ткнулся носом в бинты, взял их в рот. Вкус человека. Пожевал.

И снова отправился за врагами – побежал по древней тропе, протоптанной вдоль берега реки; догнал их, пока они разбивали лагерь. Подождал.

Многие разговаривали сами с собой или напевали – слушать это было все равно что слушать их разум. Иногда Кора тоже так пела, особенно когда была с дочерью.

Опять некоторые убрели от лагеря и оказались в пределах его досягаемости. Иногда Воин думал: быть может, они ощутили его присутствие и пытаются принести себя ему в жертву?

Однажды ночью, пока все спали, он прокрался через лагерь. Их тела в темноте светились. Одна женщина вздрогнула, когда он скользнул мимо, и посмотрела прямо на него. Казалось, его облик ужаснул ее. Он шарахнулся назад, и женщина, потеряв его из виду, опять погрузилась в сон. Для нее он был всего лишь мимолетным ночным кошмаром.

Воин с трудом удерживался от нападения. Время еще не пришло, не стоило пугать их так рано. Люди все равно шли вниз, и он не знал, по какой причине они вообще сюда явились.

И Воин ел жуков, стараясь жевать потише, чтобы они не хрустели.

* * *

День за днем река все больше овладевала людьми.

Они выстроили флотилию из двадцати двух плотов – некоторые связали вплотную, другие оставили болтаться на веревке позади: кому-то требовалось уединение или отдых, кто-то проводил эксперименты, кому-то хотелось потихоньку заняться любовью. Большие плоты вмещали по десять человек и по полторы тысячи фунтов груза. Меньшие лодки-плоты использовались для перемещения от одного полиуретанового острова к другому, для доставки больных на задние плоты, для патрулирования. На патрульных плотках установили пулеметы и аккумуляторные моторы. Айку досталась единственная байдарка.

Здесь, внизу, не должно быть никакой погоды. Ни ветра, ни дождя, ни времен года – это невозможно с научной точки зрения. Вся субтерра чуть ли не герметически запечатана – так сказали участникам экспедиции. Термостат установлен на 84 градуса по Фаренгейту, атмосфера неподвижна.

Никаких стометровых водопадов, никаких, слава богу, динозавров. И, что самое главное, здесь не полагается быть свету.

Но все это было. Флотилия миновала ледник, сбрасывающий в реку маленькие голубые айсберги. Со сводов иногда падал дождь не хуже, чем в тропиках. Одного солдата укусила панцирная рыба, не изменившаяся с эпохи трилобитов.

Все чаще и чаще они попадали в пещеры, освещенные лишайниками, питавшимися каменной породой. На репродуктивной стадии эти лишайники, оказывается, выпускали мясистые стебельки – плодовые тела – с положительным или отрицательным электрическим зарядом. В результате излучался свет, привлекавший миллионы плоских червей. Их, в свою очередь, поедали моллюски, которые потом переползали в другие, неосвещенные участки. Там они выделяли вместе с экскрементами споры лишайников. Споры селились на новых участках породы. Так, дюйм за дюймом, по темным пещерам расползался свет.

Али было очень интересно.

Больше всего специалистов удивляло не выделение световой энергии, а разложение каменных пород – в результате жизнедеятельности лишайников образовывалась почва. А где почва – там растительный и животный мир. Мертвая страна оказалась вполне живой.

Геологи тоже не скучали. Экспедиция собиралась покинуть плиту Наска и пересечь Восточно-Тихоокеанское поднятие. Тихоокеанская плита – совсем молодая, она поступательно перемещается к западу. Она достигнет Азии через сто восемьдесят миллионов лет и тогда начнет вдавливаться в мантию. Геологи собирались рассмотреть всю геологию Тихоокеанской плиты – от рождения до смерти.

На третьей неделе августа экспедиция проходила под корнями безымянного подводного вулкана. Сам вулкан на милю возвышался над поверхностью, питаясь магмой через протоки, уходящие в глубь мантии. Стены коридора были горячими.

Лица у людей пылали, губы потрескались. Те, у кого еще оставался бальзам для губ, мазали им даже руки. Через тринадцать часов все поняли, что значит «поджариться заживо».

Айк велел всем покрыть голову – сам он тоже обвязался шарфом в красно-белую клетку. Предполагалось, что защитные костюмы не допускают скопления влаги – пот должен проходить во второй слой ткани, а циркуляция воздуха обеспечивать сухость кожи. Однако влаги в костюмах набиралось столько, что никто не мог больше терпеть. Скоро все разделись до нижнего белья, даже Айк в своей байдарке. Шрамы от аппендицита, родинки, пятна – все оказалось выставлено на всеобщее обозрение. Потом, разглядев друг друга голышом, напридумывают новых прозвищ.

Али никогда в жизни не испытывала такой жажды.

– Долго еще? – прохрипел кто-то с плота.

Айк усмехнулся:

– Можете попить.

Плыли дальше, дыша широко раскрытыми ртами. Аккумуляторы в моторах уже сели. Люди вяло гребли, плеща веслами.

В одном месте стена настолько раскалилась, что светилась красным светом. Сквозь щель в стене виднелась магма. Она бурлила, словно красное золото, будоража земную утробу. Али отважилась взглянуть и тут же, отвернувшись, налегла на весла. Страшное шипение звучало колыбельной песнью Земли.

Река местами огибала раскаленные корни вулкана, местами протекала прямо через них. Тут были, как обычно, развилки и тупики. Но Айк каким-то чутьем знал, куда плыть.

Коридор начал суживаться. Али плыла почти в самом хвосте флотилии. Сзади вдруг раздался крик. Она решила, что на них напали. Аик тут же развернул байдарку и полетел вверх по течению – стремительно, как водомерка.

Он проплыл мимо плота Али и остановился. Стены здесь оплавилась и нависали над водой, и самый последний плот застрял.

– Кто там? – спросил Аик у Али и ее спутников.

– Там ребята Уокера, – ответили ему. – Двое.

С последнего плота кто-то звал на помощь; голоса они не узнали. Порода, которая буквально стекала вниз, грохотала, словно ломающиеся борта корабля. Стена трескалась, стреляя во все стороны камнями.

Подошел на своей лодке Уокер. Полковник оценил ситуацию и приказал:

– Оставить их!

– Это же ваши люди! – возразил Аик.

– Сделать ничего нельзя. Плот не пройдет. Они знают: кто отстал – возвращается.

Солдаты, сидевшие с ним в лодке, остолбенели; от напряжения на руках у них вздулись вены.

– Нет, так не годится, – ответил Аик и рванул вверх по течению.

– Вернись! – кричал вслед полковник.

Аик гнал байдарку в сужающийся на глазах проход. Стены расползались. Его красно-белый шарф задел за стену и загорелся. Волосы на голове дымились. На полной скорости он пронесся через проход. Стены позади него сомкнулись с чмокающим звуком. Оставалась щель у самого потолка, но температура камня – не меньше девятисот градусов по Фаренгейту. Взобраться туда невозможно.

– Аик! – позвала Али.

Но его, казалось, поглотила скала.

Стена задерживала воду. На глазах у всех река стала мелеть, кое-где дюйм за дюймом проступало дно. Коридор наполнялся паром. Похоже, гибель будет гнаться за ними по пятам.

– Здесь нельзя оставаться, – сказал кто-то.

– Подождем! – потребовала Али. И добавила: – Пожалуйста.

Они ждали, а вода все спадала. Еще несколько минут, и плот сядет на камни.

Али едва шевелила потрескавшимися губами. «Отец Небесный, – молилась она, – пусть на этот раз обойдется».

Это было на нее не похоже. Настоящая набожность не требует

вознаграждения. С Богом нельзя заключать сделки. Только один раз, в детстве, Али просила, чтобы вернулись ее родители. С тех пор она решила – что будет, то и будет.

– Пусть они спасутся, – молила она.

Стена не открывалась. В жизни чудес не бывает. Камень оставался мертвым.

– Поплыли, – сказала Али.

И тут все услышали новый звук. Река за стеной поднималась все выше. И вдруг через щель наверху хлынула струя воды.

– Смотрите!

Словно Иона, извергнутый из чрева китова, через щель вылетел сначала один, потом другой человек. Вода защитила их от раскаленного камня и сбросила вниз. Оба солдата, шатаясь, побрели вниз по течению – безоружные, голые, обгоревшие, но живые! Вода доходила им до бедер. Сидевшие на плоту подгребли поближе и подобрали перепуганных мычащих солдат.

– Где Айк? – кричала Али, но из-за ожогов в горле они не могли говорить.

Все смотрели на бурлящий поток, в котором возник темный предмет. Длинный с темными полосами – байдарка Айка. Потом вылетело весло. И наконец – он сам.

Айк, полуошпаренный, упал на планшир байдарки. Немного передохнув, вылил оттуда воду, забрался внутрь и подплыл к остальным. У него были ожоги, но он оказался цел – даже обрез на месте. Он побывал на волосок от гибели, и сам это знал.

Айк сделал глубокий вдох, стряхнул воду с волос и попытался скрыть широкую улыбку.

– И чего мы ждем? – спросил он.

Марафон через корни вулкана закончился несколько часов спустя. Плоты вышли на мелководье – просвечивало дно из зеленого базальта. Воздух был прохладный, вода чистая, течение слабое.

Двух голых и счастливых солдат вернули Уокеру. Их переполняла благодарность к Айку. Однако их радость омрачало пятно – полковник наверняка стыдился того, что хотел их бросить.

Следующие двадцать часов все отсыпались. Когда люди проснулись, Айк накидал в воду у берега камней, чтобы всем удобнее было напиться. Али никогда не видела его таким довольным.

– Ты заставила всех подождать, – сказал он ей.

И у всех на виду поцеловал в губы. Возможно, решил, что это

единственный безопасный способ. И Али смирилась, хоть и покраснела.

Она уже успела разглядеть за обезображенной внешностью и нелепыми татуировками его настоящую сущность. Али стала доверять ему гораздо больше и в то же время меньше. У него было какое-то ощущение собственной неуязвимости. И Али видела, что каждое столкновение с опасностью укрепляет в Айке этот дух и что один поцелуй может его сломить.

* * *

Реку, разумеется, назвали Стиксом.

Плоты неспешно несло течением. Несколько дней люди почти не гребли. Сотни миль берегов тянулись с бесконечным однообразием. Наиболее заметным объектам местности давали имена, и каждый вечер Али торопливо наносила их на свою карту.

После того как прошел первый месяц, суточный цикл участников экспедиции приспособился к постоянной ночи. Сон напоминал скорее спячку с погружениями в фазу быстрого сна и яркими сновидениями. Сначала спали по десять часов, потом – по двенадцать. Каждый раз, когда люди закрывали глаза, им казалось, что они спали дольше. Вскоре их организмы настроились на пятнадцатичасовой сон. После такого отдыха сил хватало на тридцатичасовой «день».

Айку пришлось объяснять всем, как себя вести в таких долгих переходах, иначе они бы загнали себя до полного изнеможения. Чтобы идти так долго, нужны сильные мышцы, загрубевшие подошвы, нужно постоянно следить за дыханием и питанием.

Если бы не часы, люди были бы готовы поклясться, что суточный цикл такой же, как и на поверхности. Новый режим имел свои преимущества. Они проходили гораздо большее расстояние. Не завися от солнца или луны, они в каком-то смысле жили больше.

Время растягивалось. Можно прочитать за один присест книгу в пятьсот страниц. Всех потянуло на крупные произведения – симфонии Бетховена, романы Джеймса Джойса, альбомы группы Pink Floyd.

Айк старался, как мог, их просвещать. Формы камней, вкус минералов, оттенки тишины. Он требовал, чтобы ученые все запоминали. Люди слушались его, но посмеивались. Зачем им знать такие вещи, если есть он? Это его работа, не их. Айк не унимался. «Может случиться, – говорил он, – что у вас не будет ни карт, ни приборов. Ни меня. Вам придется

ориентироваться на ощупь или по эху». Некоторые пытались перенять его спокойную манеру, другие – его умение подчинять себе вещи. Всем нравилось, как он умел поддразнивать самоуверенных головорезов Уокера.

В его осторожности и расчетливости сразу чувствовался бывший альпинист. В Йосемитской долине и Гималаях Айк научился передвигаться медленно, по дюйму. Али поняла, что такое осязательное восприятие развилось у него задолго до подземья. Для Айка было естественно читать мир с помощью пальцев, и Али нравилось думать, что именно это дало ему преимущество при самом первом спуске – в Тибете.

Но вот ирония! Его способности к восхождению привели его к спуску в бездну. Часто, по утрам, до того как лагерь просыпался, Али видела, как мелькает по черной воде байдарка, не оставляя даже ряби. В такие минуты ей казалось, что внутри Айка живет обычный человек. Видя, как он ускользает, словно монах в темноту, Али думала о простой силе молитвы.

Краской Айк больше не пользовался, а просто проводил по стене двумя свечами и шел дальше. И все плыли мимо голубых крестов, светящихся над водой, словно мимо неоновой надписи «Иисус спасает». Они следовали за Айком через дыры и проходы в скале. Он дожидался остальных на каком-нибудь утесе из оливина или пирита или сидел в своей байдарке, держась за выступ в стене. Таким спокойным и невозмутимым он нравился Али.

Однажды плоты огибали излучину, и люди услышали загадочный звук – то ли свист, то ли вой. Оказывается, Айк нашел примитивный музыкальный инструмент, брошенный каким-то хейдлом. Он был сделан из кости животного и имел три отверстия сверху и одно снизу. Когда все высадились, те, кто умел играть на флейте, по очереди попробовали что-нибудь исполнить. Одному удалось извлечь несколько тактов Бетховена, другому – фрагмент композиции Jethro Tull. Потом они вернули инструмент Айку, и тот сыграл то, для чего флейта и предназначалась, – песню хейдлов с фрагментами мелодии и размеренным ритмом. Слушателей, даже солдат, заворожила чужая музыка. Значит, вот что слушают хейдлы? Синкопы, пiski и трели, неожиданное рычание и, наконец, приглушенный вопль: песня земли, в которой и журчание воды, и крики животных, и рокот землетрясений.

Али была зачарована и в то же время в смятении. Эта музыка говорила о плене Айка гораздо красноречивее, чем татуировки и шрамы. Он не просто искусно играл песню, которую хорошо запомнил, он явно любил эту музыку. Она брала его за душу.

Когда Айк доиграл, слушатели неуверенно захлопали. Он посмотрел

на флейту, словно видел ее впервые, и бросил в реку. Когда другие ушли, Али пошарила рукой у берега и достала инструмент.

Очень интересной оказалась тропа хейдлов. Там, где коридор сужался и берега пропадали, они разглядели над водой опоры для ног и рук. Потом нашли остатки примитивных цепей, вделанных с двух сторон в стены и почти полностью проржавевших. Однажды ночью, когда некуда было причалить, чтобы разбить лагерь, привязались к цепям и спали на плотках. Возможно, хейдлы пользовались цепями, чтобы подниматься на плотках по течению, а может, просто карабкались по ним. В любом случае, эти цепи раньше висели поперек реки.

Там, где река расширялась, иногда метров до ста, течение как будто останавливалось, и плоты стояли почти без движения. В других местах течение усиливалось. Однако стремнинами такие места назвать было нельзя. Река несла свои воды через перекаты с неспешностью Амазонки. Переволакивать лодки и плоты приходилось редко.

В конце каждого «дня» исследователи отдыхали, собравшись у маленьких «костров», роль которых выполняли поставленные на землю газовые «свечи». Вокруг каждой усаживались по пять-шесть человек. Они рассказывали разные истории или просто погружались в мысли.

Прошлое представало в подробностях, сны становились ярче. Рассказы звучали все увлекательнее. Однажды вечером Али одолели воспоминания. Она вспомнила кухню в доме родителей. На деревянной доске лежат три спелых лимона, солнце обливает светом поры на коже. Мама, в облачке муки, месит тесто для пирога и поет. Такие видения стали посещать ее все чаще и становились все более отчетливыми. Куигли, психиатр, считал, что такая глубина воспоминаний может быть формой слабоумия или легкого расстройства психики.

В коридорах и гротах было очень тихо. Раздавался нетерпеливый шелест переворачиваемых страниц: люди читали книги, которые передавались от ученого к ученому, словно слухи. Часами не стихал стук клавиш – все заносили в память ноутбуков данные, писали письма, чтобы передать у следующей шахты. Постепенно свечи тускнели, и лагерь засыпал.

Карта Али становилась какой-то сказочной. Вместо определенных ориентиров восток – запад она прибегла к тому, что художники называют точкой схода. Таким образом, все детали карты имели одну и ту же точку отсчета, даже если она была произвольной. По большому счету, нельзя было сказать, что экспедиция заблудилась. Люди знали, где находятся: милей ниже океанского дна между разломом Клиппертон и Галапагосским

разломом и движутся на запад. На морских топографических картах эта область была белым пятном. Пешком экспедиция преодолевала меньше десяти миль в день. За первые две недели плавания они проплывали в десять раз больше, а всего одолели тысячу триста миль. С такой скоростью, если река не кончится, экспедиция достигнет Азии не позднее чем через три месяца.

Темная вода была не совсем темной. Она слегка фосфоресцировала слабым светом пастельного оттенка. Если выключить фонари, река выступала из темноты, словно изумрудно-призрачная змея. Один из геохимиков расстегнул шорты и помочился, демонстрируя светящуюся струю – результат того, что участники экспедиции пили речную воду.

При слабом свете реки самые терпеливые вроде Али могли видеть примерно так же, как на поверхности в глубоких сумерках.

Свет, который раньше казался таким необходимым, теперь причинял глазам боль. Уокер, правда, все равно настаивал на ярком свете – ради безопасности – и тем самым часто срывал эксперименты и наблюдения.

Ученые старались плыть как можно дальше от освещенных плотов с охранниками. О том, что таким образом пропасть между учеными и охраной все больше увеличивается, никто особо не задумывался – до одного вечера.

День был короткий, всего восемнадцать часов, и почти ничем не примечательный. Маленькая флотилия обходила излучину, когда луч от чьего-то фонаря выхватил из темноты одинокую светлую фигуру на берегу. Это мог быть только Айк – он ждал на месте, выбранном им для стоянки. Однако на оклик он не отозвался. Приблизившись, все увидели, что разведчик сидит лицом к стене в классической позе лотоса. Под уступом, на котором он застыл, была подходящая площадка для лагеря.

– Что еще за дерьмо! – заворчал Шоут. – Эй, будда, давай разрешение на высадку!

Все начали высаживаться, торопливо, как захватчики, скатываясь с плотов на землю, стараясь уберечь вещи. Айка позабыли – спешили занять лучшие места для сна, разгружали плоты. Когда суматоха улеглась, вспомнили и о разведчике.

Али подошла к любопытным, столпившимся вокруг Айка. Он по-прежнему сидел к ним спиной, голый. И не двигался.

– Айк! – позвала Али. – Как ты?

Его грудная клетка едва поднималась и опускалась; Али с трудом разглядела, что он дышит. Пальцами одной руки он касался пола.

Айк был намного худее, чем казался в одежде. Тело скорее как у

нищего, чем у воина, но зрителей больше потрясло другое. Его когда-то пытали: били кнутом, резали, даже стреляли. Там, где врачи удалили у него из позвоночника то самое кольцо, спину пересекал длинный и тонкий хирургический шрам. И вся эта картина страданий была разукрашена – расписана варварскими татуировками. В подрагивающем свете фонарей геометрические узоры, изображения животных, значки и строчки – все вдруг ожило.

– Ужас какой! – сморщилась одна из женщин.

Выпирающие ребра, разрисованная кожа и шрамы казались страшной летописью его жизни. Али преследовала мысль, что он побывал у дьяволов.

– И долго он так сидит? – спросил кто-то. – Чем он занят?

Все были подавлены: такая сила чувствовалась в этом изгое. Он пережил плен, нищету, такие муки, какие им и не снились. И все же спина его осталась прямой, как тростник, а дух вознесся выше перенесенных страданий. Конечно, сейчас он молится.

Потом все заметили, что на стене, перед которой сидит Айк, начертаны ряды кругов. От света круги стали бледными и бесцветными.

– Хейдлская чепуха, – небрежно заметил кто-то из охраны.

Али подошла ближе. В кругах вились тонкие линии и закорючки – это была своего рода мандала. Али подозревала, что в темноте рисунки светятся. Но пытаться извлечь из них какую-нибудь информацию сейчас, при ярком свете, бессмысленно.

– Крокетт! – рявкнул Уокер. – Возьми себя в руки!

Странное поведение Айка уже кое-кого встревожило. Али подумала, что полковник напуган этим продолжением безмолвных страданий, словно они умаляют его собственный авторитет.

Айк не шевельнулся, и полковник приказал:

– Прикройте его чем-нибудь.

Вперед вышел солдат и начал укутывать Айка его одеждой.

– Полковник, – сказал он, – похоже, он умер. Смотрите – совсем холодный.

В следующие шесть минут врачи установили, что Айк замедлил свой метаболизм почти до полной остановки. Пульс – меньше двадцати ударов, дыхание – три вдоха-выдоха в минуту.

– Я слышал, монахи так умеют, – сказал кто-то. – Такая техника медитации.

Все отправились есть и спать. Позже, ночью, Али пришла посмотреть на Айка. «Простая вежливость, – уверяла она себя. – Если бы кто-то пришел проведать меня, мне бы было приятно». Она вскарабкалась наверх

– Айк сидел на месте. Спина прямая, пальцы прижаты к полу. Не зажигая фонаря, Али подошла поднять упавшую рубашку и накрыть Айку. И тогда она обнаружила, что у него по спине течет кровь. Кто-то сюда уже наведалься и провел ему по спине ножом – от плеча до плеча.

Али была вне себя.

– Кто же это сделал?! – негодовала она вполголоса.

Кто-то из охранников? Или Шоут? Или несколько человек?

Неожиданно Айк наполнил легкие. Али слышала, как он медленно выдыхает носом воздух. Словно во сне, он произнес:

– Какая разница?

* * *

Когда от группы отделилась женщина и отошла к желобку в стороне, Воин решил, что она хочет облежаться. Чисто человеческое упрямство – ходить вот так поодиночке.

В момент полнейшей своей незащитности – на ногах спущенные штаны, все усилия направлены на опорожнение, кругом висит запах, – то есть именно тогда, когда нужно, чтобы вокруг стояли готовые защитить товарищи, люди непременно желают уединения.

Но, к его удивлению, женщина не стала садиться. При свете своего налобного фонаря она терла куском мыла бедра и лобок, пока не появилась пена, а потом начала водить руками по ногам – вверх и вниз. Она была далека от тучных самок, столь ценимых некоторыми племенами, но и не костлявая. Крепкие мышцы на бедрах и ягодицах. Широкий таз – ей легко будет вынашивать детей. Женщина стала поливать себя водой из бутылки, и вода, струясь по коже, обрисовывала контуры тела.

Именно тогда Воин решил – он возьмет ее.

Возможно, рассуждал он, Кора умерла, чтобы появилась другая женщина. Или же она – утешение за смерть Кору, посланное судьбой. А может быть, это и есть Кора, только в другом обличье. Кто знает? Говорят, души, пока не найдут нового обиталища, томятся в камнях и пытаются ускользнуть оттуда через трещины.

Кожа у нее была без изъяна, как у младенца. Стройный торс, длинные ноги – многообещающее тело. Повседневная жизнь сурова, но, судя по ногам, у нее много сил. Воин представил ее тело с кольцами, узорами и шрамами – он и сам это прошел. Если женщина переживет посвящение, он даст ей хейдлское имя – имя, которое можно будет осязать или увидеть, но

не произнести. Воин многим так дал имя. И когда-то ему тоже дали имя.

Заполучить ее можно разными способами. Умыкнуть, соблазнить, просто вывихнуть ей ногу и уволочь. Если что-то не заладится, сгодится на мясо.

По своему опыту он знал: лучше всего действовать с помощью приманки. Это он делал мастерски, можно сказать, творчески. И его умение влияло на его положение среди хейдлов. Несколько раз у поверхности ему удавалось даже заманить небольшие группы людей. Поймай одного, а с его – или ее – помощью привлечешь остальных. Если это женщина – на нее часто ловится муж. А на ребенка непременно поймается хотя бы один из родителей. Очень легкие жертвы – паломники. Он справлялся играючи.

Воин неподвижно стоял в темноте, прислушивался – не придут ли сюда другие, люди или еще кто. Убедившись, что никто не помешает, он наконец сделал первый ход. Заговорил по-английски.

– Привет! – сказал он заговорщицким тоном.

Не пытаюсь скрыть свое намерение.

Она повернулась за второй бутылкой и при звуке его голоса замерла.

Повернула голову влево, потом вправо. Голос раздался из-за спины, но женщина догадалась, что впечатление могло быть обманчиво. Ему понравилась ее сообразительность, умение анализировать ситуацию и оценивать опасность.

– Что ты там делаешь? – строго спросила женщина.

Она держалась уверенно, не пыталась прикрыться. Она стояла к нему вполоборота, голая, не скрываясь, блистала белизной. Ее красота и нагота были ее оружием.

– Смотрю. На тебя смотрю.

Что-то в ее позе – поворот головы или изгиб спины – говорило, что она не сильно возмущена.

– И чего ты хочешь?

– Чего хочу?

Что она ждет услышать здесь, глубоко под землей? Он вспомнил Кору.

– Весь мир. И жизнь. И тебя.

Она поняла его правильно.

– Так ты из охраны?

Вот и выдала себя. Она знала, что солдаты за ней подглядывают, догадался он. И женщина не осталась равнодушной, хотя ее не влекло к кому-то одному – имени она не спросила, только кто он. Ей нравилась его таинственность. Так гораздо проще. Вполне возможно, что женщина пришла сюда одна именно в надежде кого-нибудь привлечь.

– Да, – ответил Воин и не солгал. – Раньше я был солдатом.

– Так ты мне покажешься?

Воин почувствовал, что ей это не так уж важно. Неизвестность гораздо лучше. Славная девочка.

– Нет. Не сейчас. Вдруг ты проговоришься?

– А если проговорюсь?

Воин почувствовал, как она изменилась. Мощный запах ее желания начал наполнять маленький грот.

– Меня убьют, – сказал он.

Женщина погасила свет.

* * *

Али видела, что ад начинает проникать в людей.

Здесь, подобно Ионе в китовом чреве, можно узреть лишь тьму. Им внушали с детства, что сюда никто не спускается, только проклятые Господом. И вот они здесь, и это их пугает.

Наверное, неудивительно, что они начали обращаться к Али. Мужчины и женщины, ученые и солдаты стали искать ее общества, чтобы покаяться. Напуганные собственными мифами, они хотели сбросить ношу своих грехов. Тоже способ сохранить рассудок. Странно, но Али не была к такому готова.

Люди подходили к ней поодиночке. Кто-то отставал от плота или ловил ее в лагере наедине. «Сестра», – бормотали они. Хотя только что обращались к ней по имени.

Когда говорили «сестра», Али понимала, чего от нее хотят: чтоб она стала для них чужой – безымянной, любящей и прощающей.

– Я ведь не священник, – говорила Али. – Я не могу отпускать грехи.

– Вы монахиня, – отвечали ей, как будто это что-то меняло.

И рассказывали о своих страхах и сожалениях, о слабостях, склонностях и извращениях, о неприязни и ненависти. То, что они не смели сказать друг другу, говорили ей.

Экуменисты называют это «возвращение к Церкви». Такое сильное стремление просто поражало Али. Иногда она не знала, куда деваться от их исповедей. Каждый хотел, чтобы Али защитила его от его собственных чудищ.

Али заметила, в каком состоянии Молли, когда они играли после обеда в покер. Они сидели вдвоем на маленьком плоту. Молли выбросила

тузовую пару, и Али увидела ее ладони.

– У тебя кровь!

Улыбка Молли погасла.

– Ерунда. Потечет и перестанет.

– И давно у тебя так?

– Не помню, – уклончиво сказала Молли. – Где-то с месяц.

– А что случилось? На твои руки смотреть страшно.

В ладонях у Молли были ранки. Словно из них вырвали клочки мяса. Не порезы и не нарывы. Казалось, ладони проедены кислотой, но кислота бы прижгла раны.

– Волдыри, – объяснила Молли.

У нее под глазами проступили темные круги. Она по привычке брила голову наголо, но уже не была такой цветущей и здоровой, как раньше.

– Наверное, нужно показать врачу, – сказала Али.

Молли сжала кулаки:

– Ничего страшного нет.

– Я просто волнуюсь, – объяснила Али. – Если не хочешь, не будем об этом.

– Ты подозреваешь что-то плохое.

Потом у Молли потекла из глаз кровь. Не желая рисковать, врачи изолировали обеих женщин. Их плот привязали на длинную веревку, и он плыл в сотне ярдов от остальных.

Али все понимала. Возможность заразиться неведомой болезнью привела участников экспедиции в ужас. Но ее возмущало, что солдаты Уокера подглядывают за ней и Молли через снайперские прицелы. Рации у них на плоту не было – чтобы не надоедали жалобами, сказал Шоут. К утру четвертого дня Али совершенно вымоталась.

В четверти мили ниже по течению от основной флотилии отделилась небольшая лодка и направилась к их плоту. Ежедневный врачебный визит. Врачи надели респираторы, одноразовые медицинские костюмы и латексные перчатки. Вчера Али назвала их трусами и теперь раскаивалась. Они стараются, как могут.

Врачи подплыли ближе и кивком поздоровались с Али. Один направил свет на Молли. Ее красивые губы потрескались, пышные формы пропали, по всему телу пошли язвы. Она отвернулась от света. Врач пересел на плот, а Али перебралась в лодку. Сидевший на веслах отгреб немного в сторону, желая поговорить с Али.

– Мы не можем выяснить, что происходит, – сообщил он. Из-за респиратора голос звучал приглушенно. – Мы еще раз сделали анализ

крови. Анализ по-прежнему показывает, что это яд какого-то насекомого или аллергическая реакция. Что бы это ни было, у тебя этого нет. Можешь здесь больше не оставаться.

Али отогнала искушение. Больше никто не захочет, все напуганы. Не оставлять же Молли одну.

– Сделайте переливание, – сказала Али. – Ей опять нужна кровь.

– Мы ей влили уже два с половиной литра. Она как бездонный кувшин. С таким же успехом можно было вылить в воду.

– Так вы ее бросите?

– Нет, конечно, – сказал врач. – Все постараемся сделать, что в наших силах.

Доктор отвез Али обратно на плот. Она словно одеревенела. Молли умрет.

На обратном пути врачи поснимали свое облачение. Сдернули перчатки, халаты и бросили в воду. Те поплыли по течению, как сброшенная оболочка.

Раны у Молли делались все глубже. Сквозь кожные поры проступал зловонный пот. Ее держали на антибиотиках, но они не помогали. Началась лихорадка. Наклоняясь над Молли, Али чувствовала ее жар.

Когда Али в следующий раз открыла глаза, она увидела Айку в байдарке. Байдарка плыла рядом с плотом – черно-серая, словно касатка, покачиваемая медленным течением. На нем не было ни халата, ни респиратора, и эта его небрежность показалась Али маленьким чудом. Айка привязал байдарку и соскользнул на плот.

– Пришел вас проведать, – сказал он Али.

Молли, лежа в ногах у Али, дремала.

– У нее легкие не в порядке, – объяснила Али. – Она задыхается от грибка.

Айк просунул руку под стриженую голову девушки, приподнял ее и осторожно опустил. Али показалось, что он собирается ее поцеловать, но он понюхал ее приоткрытые губы. Зубы у Молли были красные от крови.

– Уже недолго. – Он как будто утешал. – Молись за нее.

– Айка, – вздохнула Али. Ей вдруг захотелось, чтобы он ее обнял, но попросить об этом она не осмелилась. – Она совсем молодая. Да еще место такое. Молли спрашивала, что будет с ее телом.

– Я все сделаю, – ответил Айка, но пояснять не стал. – Она рассказала, что с ней случилось?

– Никто не знает, – ответила Али.

– Она-то знает.

Позже Молли во всем призналась Али. Но сестрой ее не называла. Сначала это казалось шуткой.

– Али, – заговорила Молли, – хочешь, расскажу кое-что занятное?

Ее стройное тело дергалось в судорогах. Девушка напрягалась, пытаясь с ними справиться, удержать хотя бы голову.

– Если хорошее, хочу, – пошутила Али.

С Молли иначе нельзя. Али держала подругу за руки.

– Значит, так, – сказала Молли. На губах появилась и тут же погасла улыбка. – Все началось примерно с месяц назад.

– Что началось?

– Это – может, слышала – называется «секс».

– Я слушаю.

Али ждала продолжения. Но глаза Молли выражали отчаяние.

– Да, – прошептала она.

Теперь Али поняла.

– Я думала – он солдат, – сказала Молли. – Сначала.

Али не мешала Молли рассказывать. Грех – это как похороны, а спасение – наоборот. Али не против поработать лопатой ради Молли.

– Было темно, – продолжала Молли. – Ты ведь знаешь – полковник запрещает солдатам путаться с нами, презренными. Я понятия не имела, кто он. Не знаю, что на меня нашло. Пожалела его, наверное. Не стала включать свет, не стала спрашивать, кто он такой. Отдалась ему.

Али не поразились. Отдаться неизвестному охраннику – как раз в духе Молли. О ее отчаянности ходили легенды.

– И вы занимались любовью, – сказала Али.

– Мы трахались, – поправила Молли. – Изо всех сил. Понятно?

Али ждала. В чем тут преступление?

– И не один раз. Ночь за ночью я уходила в темное место, а он меня там дожидался.

– Понятно, – ответила Али, хотя ничего не поняла. Особого греха она тут не видела. Не о чем и говорить.

– В конце концов любопытство сгубило кошку. Мне захотелось узнать, кто же мой Прекрасный Принц. – Молли сделала паузу. – И однажды я включила свет.

– И?

– Лучше бы не включала.

Али нахмурилась.

– Это оказался не охранник.

– Значит, кто-то из ученых.

– Нет.

– Как? Кто же тогда?

У Молли свело челюсти. Ее затрясло. Через минуту она открыла глаза.

– Не знаю. Я его раньше не видела.

Али решила, что Молли просто не хочет отвечать. Если Молли не хочет раскрывать своего возлюбленного, то, наверное, Али как исповедник обязана выяснить, кто этот инкуб.

– Ты же понимаешь, что это невозможно, – сказала она. – Кого в группе ты можешь не знать? Ведь прошло четыре месяца.

– Я понимаю. Но я правду говорю.

Али видела, что Молли перепугана.

– Опиши его. Опиши, какой он в темноте.

Они вдвоем составят описание, а потом включают свет.

– Он... пах по-другому. Его кожа. Когда его целовала, у него... другой вкус. Понимаешь, у человека есть свой вкус. Не важно, черный он или белый. Его язык, дыхание. Все имеет свой... привкус.

Али слушала. Совершенно бесстрастно.

– А у него – не было. У моего полночного дружка. Он был никакой. И в то же время – другой. Как будто у него в крови – земля... тьма... Не знаю. Не густо.

– А его тело? Было ли в нем что-нибудь особенное? Волосы или, может быть, мускулы?

– Когда он меня обнимал? – уточнила Молли. – Да. Я чувствовала его шрамы. Его как будто пропустили через мясорубку. Старые раны. Сломанные кости. И какие-то узоры на спине и на руках.

Под такое описание подходил только один человек. Али поняла, что Молли не хотела называть его именно ей.

– А когда ты включила свет...

– Первой мыслью было – зверь! У него были пятна и полосы. И картинки и буквы.

– Татуировки, – сказала Али.

Можно не продолжать. Но ведь Молли исповедует. Молли согласно моргнула.

– Все произошло очень быстро. Он выбил фонарь у меня из рук. И исчез.

– Испугался света?

– Я тоже так считала. Потом кое-что вспомнила. В тот самый момент я назвала его вслух по имени. И теперь думаю, он потому и убежал. Но не испугался.

– Какое имя, Молли?
– Я ошибалась, Али. Это не он. Просто похож.
– Айк, – заключила Али. – Ты назвала его имя, потому что это был он.
– Нет. – Молли сделала паузу.
– Он, конечно.
– Не он. Хотя лучше бы он. Разве ты не поняла?
– Нет. Ты думала, что это он. Тебе так хотелось.
– Да, – прошептала Молли. – Потому что если не он, то кто?
Али молчала.
– О чем я и говорю, – простонала Молли. – Что такое лежало на мне? – Она сморщилась. – Кто-то... – откуда?
Али вскинула голову:
– Хейдл! Но почему ты нам раньше не говорила?
Молли улыбнулась:
– Чтобы вы сказали Айку и он отправился на охоту?
– Но посмотри! – Али погладила изуродованную руку Молли. – Посмотри, что он с тобой сделал!
– Тебе не понять, детка.
– И не говори. Ты влюбилась.
– А почему бы и нет? Ты же влюбилась. – Молли закрыла глаза. – В любом случае он уже ушел. Он в безопасности. А ты никому не рассказывай, хорошо, сестра?
Айк был с ними до конца.
Молли дышала, как умирающая птица. Из пор сочился жирный пот. Али черпала из реки воду и омывала Молли.
– Тебе нужно отдохнуть, – сказал Айк. – Ты и так много сделала.
– Не хочу я отдыхать.
Он забрал у нее чашку и велел:
– Ложись и спи.
Когда через час она проснулась, Молли на плоту не было. Али от слабости шаталась.
– Ее забрали врачи? – с надеждой спросила она.
– Нет.
– Как так?
– Ее больше нет. Мне жаль.
Али успокоилась.
– Где она, Айк? Что ты с ней сделал?
– Я опустил ее в реку.
– Молли? Не может быть!

– Я знаю, что делаю.

На минуту Али почувствовала себя ужасно одинокой. Все было неправильно. Бедная Молли! Обречена плыть и плыть куда-то. Ни молитвы, ни похорон. Никто даже не успел с ней попрощаться.

– Кто тебе дал на это право?

– Я хотел, чтобы тебе было легче.

– Скажи мне только одно, – холодно произнесла Али. – Когда ты ее сбросил в воду, она была мертва?

Ей хотелось его только уколоть, но вопрос ранил его по-настоящему.

– Ты думаешь, я ее утопил?

Казалось, Айк на глазах отдаляется от нее. В глазах его появился страх, ужас уроды, увидевшего свое отражение.

– Я не то хотела сказать.

– Ты устала, – сказал он. – Тебе нелегко пришлось.

Он сел в байдарку, взял весло и двинулся по реке. И его поглотила тьма. Али подумала – наверное, вот так и сходят с ума.

– Не бросай меня одну, – попросила она.

Через минуту Али почувствовала толчок. Веревка натянулась, и плот задвигался быстрее. Айк вез ее обратно к людям.

Происшествие в Ред-Клауд

Небраска

Ведьмы начали лапать его третий раз. Эван не сопротивлялся. Он старался лежать неподвижно и не вдыхать их запах. Одна обхватила его сзади за грудь, а другие тем временем по очереди над ним трудились. Первая все время шептала ему в ухо. Какую-то тарабарщину. Он вспомнил старую мисс Сэндс, что выращивала розы. Но у этой изо рта пахло, как отдохлой кошки.

Эван устался на звезды, раскинувшиеся над полем. Между созвездиями летали светлячки. Из всех сил он сосредоточился на Полярной звезде. Когда его наконец отпустят, она приведет его домой. Эван представил себе черный ход, лестницу, дверь в свою комнату, лоскутное одеяло на кровати. Утром он проснется и все забудет – словно плохой сон.

Ночь была черна, как нефть. Луна не светила, огни поселка были далеко – не меньше мили, и Эван едва видел их сквозь кукурузные стебли. Первые полчаса он различал только силуэты своих похитителей, темные очертания на фоне звезд, чувствовал их прикосновения, запах. Они были голые. У них болтались длинные груди – Эвану вспомнились свернутые в трубочку журналы в сарае. Грязные космы извивались на фоне звезд, похожие на черных змей.

Эван не сомневался, что они – не американки. И не мексиканки. От сезонных рабочих он немного знал испанский, а старуха бормотала по-другому. Он решил, что это ведьмы – выполняют какой-то культ. Дело известное. Это немного даже утешало. Эван никогда особенно о ведьмах не думал. О вампирах – да. Или о крылатых обезьянах страны Оз, или оборотнях, или зомби-людоедах. И конечно, о хейдлах, хоть тут, в Небраске, все спокойно, даже народное ополчение распустили. Но ведьмы? С чего вдруг думать о ведьмах?

И все же Эван боялся. Боялся самого себя. За свои одиннадцать лет он не испытывал там таких ощущений. Это было приятно. Но – неприлично. Если мама или папа узнают, будет ему тогда.

В глубине души он считал и себя виноватым. Нельзя было ехать домой так поздно. И все равно не его ведь вина, что эти скакали по дороге. Он из всех сил крутил педали, но они его догнали безо всякого велосипеда. И он не виноват, что его притащили на поле и стали вытворять с ним всякие штуки.

Слишком уж сознательным его воспитали. Эван получал удовольствие, но это было нехорошо. Одно дело – поболтать с ребятами про то, какие у кого груди и попки. А тут – совсем другое. Он сам виноват, задержался после матча. И уж точно виноват, что ему приятно. Родители просто рассвирепеют.

В самом начале, когда его стали раздевать, ведьмы содрали с него рубашку, разорвали на клочки. Это не давало Эвану покоя. Рубашка была новая, и то, что ее испортили, испугало мальчика даже больше, чем то, с какой звериной силой и нетерпением ведьмы на него набросились. Мама и сестры и так все время чинят и стирают одежду. Они никогда не порвут рубашку в клочки и не бросят ее в грязь. И такого тоже не станут делать. Никогда.

Эван не знал, что с ним делают. Ясное дело – это все неприлично, о таких вещах не говорят. Секс. Хотя что именно творится, он так и не понимал. Если бы все происходило днем, он бы посмотрел. А так получается вроде борьбы с завязанными глазами. Он только чувствовал прикосновения, запахи, слышал звуки. Его обескуражила новизна и сила ощущения. И было стыдно, что он перепугался и кричал перед женщинами, когда они стали трогать его приборчик.

Они сделали это уже два раза – словно подоили корову. В первый раз Эван испугался. Ему не удалось избежать физической разрядки. Как будто из спины выстрелило горячее, а потом у него на животе и груди оказалось что-то густое и теплое, как кровь.

Испугавшись, что им станет противно, Эван принялся извиняться. Но вся орава сгрудилась вокруг него, запустив пальцы в жидкость. Словно в святую воду в церкви. Только вместо того, чтобы осенить себя крестом, они мазали жидкостью у себя промеж ног. Вот, значит, как это делается. Такое совсем выходило за пределы его понимания.

Эван почему-то вспомнил, как в школе смотрел документальный фильм, в котором самка богомола после спаривания поедала своего партнера. Так происходит размножение. До сих пор его удивляло, что у простого акта – такие ужасные последствия. Теперь-то он понял: это и есть наказание за грех. Неудивительно, что люди занимаются таким делом в темноте.

Эвану хотелось, чтобы они перестали, но в то же время и не хотелось. А ночные ведьмы явно хотели еще. После первого раза, думая, что уже все, он попросил: «Отпустите, меня, пожалуйста, домой». Его слова их явно разволновали. Если бы жуки или кузнечики могли говорить, они бы, наверное, говорили именно так – прищелкивали, стрекотали и

причмокивали. Эван ничего не понимал, но понял главное – его не отпустят. Ведьмы хотят еще. И еще.

В третий раз никак не получалось. Прошел, может быть, час.

Они его гладили, терли, плевали, но ничего не помогало. Эван чувствовал их разочарование.

Та, что держала Эвана за плечи, продолжала певуче бормотать и покачивать его. «Я буду стараться», – пообещал он еле слышным шепотом. Ведьма похлопала его по щеке мозолистой ладонью. Все равно как если бы тебя погладили палкой.

Эван старался. Они-то ведь не знают, что завтра утром у него контрольная по математике. Ему нужно готовиться.

Постепенно глаза привыкали к темноте. Бледная кожа ведьм слегка светилась. Он уже мог их разглядеть. Эван и его приятели видели всякие телешоу с девицами в бикини, а у некоторых были старшие братья, которые выписывали «Плейбой». Нельзя сказать, чтоб Эван не знал, как выглядит женское тело. Только эти женщины были какие-то угрюмые – никакой радости, словно на работе. Эван чувствовал себя чем-то вроде животного, над которым усердно трудится фермер. Например, свиньи – его отец каждую зиму закалывал борова. Или коровы. Ведьмы усердствовали над ним уже несколько часов.

Ведьм, наверное, было пятеро, а может, несколько десятков. Они то появлялись, то исчезали. Двигались с плавной грацией, пригнувшись к земле, словно на них давило небо. Трещали кукурузные стебли. А ведьмы кружили, как белые луны. Их вонь то отдалялась, то приближалась.

Они по очереди спорили-стрекотали над ним. У каждой было свое мнение – как с ним обращаться. Эван уже привык к той, что его держала. Она выглядела старше других. Ее грудь, к которой было прижато его ухо, напоминала стиральную доску. Он ей подчинился, и ее хватка немного ослабла. Наверное, она не злая, просто строгая. Ее морщинистая рука была такая необычная – несколько жил, обтянутых кожей, – но крепкая, как проволока. Когда другие шлепали его или толкали, старая сердито на них стрекотала.

Одна, поменьше прочих, видно, училась у остальных. Эван решил, что она младше всех, может быть, его ровесница. Ее пытались усадить верхом на Эвана, но она была такая неловкая, да и Эван не понимал, что от него требуется. Девочка казалась напуганной не меньше его. Эван мысленно ей посочувствовал.

Лиц он не различал, да и не хотел. Так он мог представлять, что его окружили соседские девушки и одноклассницы. И симпатичная

официантка из кафе. Мысленно он надел маски на скрытые тьмой лица и чуть-чуть успокоился. Так Эван как будто знал их имена.

Однако было нечто, мешавшее ему фантазировать.

Запах.

Даже миссис Петерсон, полоумная, сидевшая весь день в парке, и та никогда так себя не запустит. Эти же просто смердели. Застарелая вонь немытого тела – хуже, чем в свинарнике. Засохший кал на боках благоухал, словно коровий навоз. Когда они склонялись и бормотали, Эван чувствовал вонь из глоток.

Он был весь мокрый от их слюны и выделений. Его поразило, что у них между ног так мокро. На журнальных фотках этого не видно. И что они такие жадные. Иногда одна наклоняла голову, и у него внизу становилось мокро и тепло, как от компрессов, которые ставит бабушка.

Их руки и пальцы были сухими, как кожа ящерицы. Ведьмы истерли его до ссадин, но от изнеможения боль притупилась. Он лежал, а над ним по огромному кругу плыли звезды.

Запели сверчки. Пролетела сова. Эван вдруг подумал: а не ведьмы ли причиной, что в этом месяце начали пропадать кошки и собаки? Наверное, они боятся ведьм. Тут же ему в голову пришла и другая мысль: что, если их съели? По стеблям кукурузы прошелестел ветер. Эван дрожал.

Ведьмы стали двигаться в некоем ритме. Это напоминало танец, хотя они стояли на коленях или сидели на корточках. Он отдался на волю их движений, пения, их рук и ртов. Их одобрителное бормотание немного его обнадежило. Эван почувствовал, что сейчас опять потеряет над собой контроль. И старался не стонать, но удержаться уже не мог.

На грудь опять брызнула теплая, как кровь, струя. Эван поморщился от брызг и почувствовал соленый вкус. Теперь это действительно была кровь.

И сразу же тишину разорвал выстрел. Что-то, то есть кто-то тяжело шлепнулся Эвану на колени.

– Эван, сынок! – раздался голос. Это отец! – Не вставай!

Небо раскололось. Резкий залп охотничьих винтовок, ружей, обрезов, старых револьверов сотряс звезды. Сквозь листья кукурузы просвистели пули. Выстрелы трещали, как попкорн.

Эван неподвижно лежал на спине. Он словно плыл на плоту. Смотрел на Млечный Путь. Больше всего ему запомнятся не выстрелы, не крики людей, не то, как ведьмы бросились врассыпную. Не фонари, покачивающиеся среди кукурузных стеблей, не то, как девочку-хейдла подняли на вилах к дико освещенному охряному небу, не маленький пенек хвоста у нее на крестце, не белая личинопья кожа, не обезьянья морда и

желтые зубы. Он запомнит не звяканье вылетающих гильз. Не своего отца, который, стоя над ним и подняв лицо к звездам, ревел зверем. Нет. Больше всего Эвану запомнится державшая его старуха. Перед тем как пули разmozжили ей лицо, она нагнулась и поцеловала его в ухо. В точности как бабушка.

Ацтеки сказали, что... пока будет жив хоть один из них, он умрет, сражаясь, и что нам не достанется ничего, потому что они все сожгут или бросят в воду.

Эрнан Кортес. Третье донесение королю Испании Карлу Пятому

К западу от Клиппертонского разлома

После смерти Молли люди пустились дальше по реке: им не терпелось вновь обрести чувство уверенности. Берега сужались, течение ускорялось. Поскольку плоты двигались быстрее, у экспедиции оставалось в запасе больше времени – им предстояло достичь следующей шахты в начале сентября. Ученые стали исследовать прилегающие к реке участки, оставаясь иногда на одном месте до двух-трех дней.

Когда-то здесь процветала жизнь. Однажды в течение одного дня люди обнаружили тридцать новых растений, в том числе траву, которая росла из кварца, и дерево, словно прямиком из сказок Доктора Сьюза – вытягивая корнями газы из почвы, оно синтезировало из них металлоцеллюлозу. Новый вид подземных орхидей называли Молли. Нашли также кристаллизовавшиеся останки животных. Энтомологи поймали сверчка-монстра длиной двадцать семь дюймов. Геологи обнаружили золотую жилу в палец толщиной.

Каждый вечер, как представитель «Гелиоса», запатентовавшего возможные открытия, Шоут записывал все отчеты на диск. Если открытие имело особую ценность, как, например, золото, он выдавал расписку на дополнительные премиальные. У геологов их набралось столько, что ими пользовались как ходовой валютой, покупали на них еду, запасные батарейки.

Для Али самой большой наградой были свидетельства о цивилизации хейдлов. Здесь обнаружилась сложная система вырезанных в скальной породе акведуков для доставки воды в верхний грот на расстояние нескольких миль. На каменном выступе лежала чашка для питья, сделанная из черепа неандертальца. А где-то еще лежал, наверное, огромный скелет – быть может, изуродованный – в ржавых кандалах. Этан Трой, судебный

антрополог, считал, что геометрические узоры на черепе гиганта были вырезаны не меньше чем за год до смерти. Судя по отметинам на кости, с пленника сняли скальп и держали его в качестве живого доказательства своего художественного мастерства.

Ученые собрались вокруг плиты, расписанной охрой и покрытой отпечатками ладоней. В центре были изображения солнца и луны. Это всех озадачило.

– Они что же – поклонялись солнцу и луне? На глубине пять тысяч шестьсот фатомов?

– Не нужно спешить с выводами, – сказала Али.

Но разве может быть другое объяснение? Какая восхитительная ересь – дети тьмы поклоняются солнцу.

Али сделала только один снимок солнца и один луны. Когда сработала вспышка, вся стена побледнела и изображения – и рисунки, и отпечатки – пропали. Произведение искусства возрастом десять тысяч лет превратилось в черный камень.

Когда изображения солнца и луны и отпечатки ладоней исчезли, все увидели, что на поверхности выгравированы знаки.

Вырезанные в базальте буквы составляли строку длиной два фута. В полутьме насечки казались темными линиями на темном камне. Люди подходили к стене неуверенно, словно боялись, что исчезнет и эта надпись.

Али провела по стене пальцами.

– Возможно, знаки вырезали для того, чтобы читать на ощупь. Как азбуку Брайля.

– Вот эту надпись?

– Слово. Тут одно слово. Посмотрите на эту букву. – Али показала на значок с хвостиком, как у буквы «у», потом на обратное «е». – И вот еще. Здесь нет надстрочных знаков. Но посмотрите на сами линии. Они такие, как в санскрите и древнееврейском. Думаю, палеоеврейский шрифт. Или более древний. Финикийский.

– Еврейский и финикийский? Выходит, мы имеем дело с пропавшими коленами Израиля?

– Наши предки научили хейдлов письменности?

– Или хейдлы научили их, – сказала Али, не в силах оторваться от букв. – Вы понимаете, – прошептала она, – человек говорит не меньше ста тысяч лет. Но наша письменность ведет начало от верхнего неолита, не раньше. Хеттские иероглифы, искусство австралийских аборигенов. Семь, самое большее восемь тысяч лет. А этой надписи не меньше пятнадцати, а то и двадцати тысяч. Она в два или три раза старше любой человеческой

письменности. Настоящее лингвистическое ископаемое. Адам и Ева всех языков. Предок человеческой речи. Первое слово!

Али была в восторге. Но, оглядевшись, она поняла, что другим ее восторг непонятен. А ведь это величайшее открытие! Сделанная людьми или кем-то другим, надпись означает, что временная шкала разума в два, если не три раза длиннее, чем принято считать. А ей не с кем поделиться радостью. «Успокойся», – сказала она себе.

Куда бы Али ни ездила, ее мир всегда оставался миром лингвистов и епископов, миром библиотечных залов и записных книжек. В нем не было места шумным празднествам. А теперь ей так хотелось – хотя бы один раз, – чтобы хлопнула пробка от шампанского, вспенилась струя и кто-нибудь уговорил ее сделать глоточек.

– Сестра, поддержите рядом карандаш, – попросил фотограф, – чтобы было видно, какого они размера.

– Интересно, что означает надпись, – сказал кто-то.

– Кто знает, – ответила Али. – Если Айк прав и это мертвый язык, тогда даже хейдлы не знают. Они замазали надпись – она для них, видимо, ничего не значит.

Когда Али возвращалась к плотам, имя почему-то снова всплыло в памяти. Айк, ее партнер по медленному танцу.

* * *

Пятого сентября люди впервые увидели мертвых хейдлов. Подойдя к берегу, они выгрузились из плотов, отнесли вещи повыше и начали готовиться к ночевке. И тогда один солдат заметил под наплывами кальцита очертания каких-то фигур. Посветив туда под определенным углом, они увидели настоящие Помпеи – груды тел, покрытых слоем прозрачного камня – от нескольких дюймов до нескольких футов. Мертвецы были в тех же позах, в которых умерли, кто свернувшись, кто вытянувшись. Ученые и солдаты разбрелись по бледно-янтарному берегу, то и дело оскальзываясь на гладкой поверхности.

Из ран погибших все еще выступали обломки кремневых наконечников. Некоторые были задушены собственными кишками или обезглавлены. Над трупами немало потрудились звери – у некоторых не хватало руки или ноги, животы и грудные клетки вспороты. Ясно, что здесь погибло целое племя или поселение.

В свете фонаря белая кожа поблескивала, словно кристаллы кварца.

Несмотря на тяжелые надбровные дуги и скулы, несмотря на ужасную кончину, существа казались удивительно изящными.

Homo hadalis – по крайней мере, эта разновидность – слегка походили на обезьян, но тела были почти безволосые. Широкие негроидные носы и полные губы напоминали австралийских аборигенов, однако постоянная тьма отбелила им кожу до состояния альбиносов. У некоторых росли небольшие бороды наподобие эспаньолок. Большинство выглядело не старше тридцати. Много было детей.

Тела изрыты шрамами, но явно не от спортивных травм или хирургического вмешательства – никаких рубцов от удаления аппендикса, ни аккуратных шрамов вокруг колен или плеч. Такие, как у них, отметины получают в драке, в бою или на охоте. Сломанные кости сращены кое-как. Пальцы отрублены. Груды у женщин обвисшие, дряблые, длинные и некрасивые – просто орудия, как и их заточенные ногти и зубы, и широкие плоские ступни, и далеко отстоящие пальцы на ногах.

Али пыталась мысленно объединить хейдлов с семейством современного человека. Рога, кальциевые отложения и шишки, деформирующие череп, не очень-то этому помогали. Али даже упрекнула себя в нетерпимости. Что-то мешало ей почувствовать с ними родство – их мутации или болезнь, а может, странный поворот эволюции. Ей было тяжело по ним ходить, но успокаивало, что они заключены в камень. И вообще то, что с ними сделали, они сами вполне могли бы сделать с ней.

Ночью зашел разговор о лежащих под лагерем телах. Тайну разгадал Этан Трой. Ему удалось взять пробы – в основном у детей, – и он показал их остальным.

– Зубная эмаль толком не сформировалась и разрушилась. У всех детей – рахит, пороки развития конечностей. И посмотрите, какие у них вздутые животы. Недоедание. Настоящий голод. Я как-то видел подобное в Эфиопии, в лагере беженцев. Такое не забудешь.

– Думаешь, это беженцы? – спросил кто-то. – От кого же они бегут?

– От нас, – сказал Трой.

– То есть их поубивали люди?

– Да, хоть и не напрямую. Пищевая цепь нарушена, потому что они бежали. От нас.

– Дурь! – хмыкнул Гитнер, лежа на спине. – Может, ты не заметил – из них торчали всякие неолитические штуки. Люди тут ни при чем. Их убили такие же хейдлы.

– Не по существу, – заметил Трой. – Путники голодали и были истощены. Легкая добыча.

– Верно, – сказал Айк.
Он не часто вмешивался в разговоры, но сейчас слушал внимательно.
– Они сейчас переселяются. Все их население. Эти тоже мигрировали. Они перепуганы. Уходят вглубь, убегают от нас подальше.
– Так что? – спросил Гитнер.
– То, что они голодали. Причем страшно.
– Они умерли давным-давно. Древняя история.
– Почему ты так решил?
– По натечному камню. Как минимум пятьсот лет, а скорее всего – пять тысяч. Я еще не делал подсчетов.
Айк подошел ближе:
– Можно одолжить твою кирку?
Гитнер сунул ему кирку. Он был сыт по горло. За последние дни бесконечные разговоры о родстве людей и хейдлов лишили петролога даже того небольшого чувства юмора, что у него было.
– Надеюсь, я ее назад получу?
– Это ненадолго, – сказал Айк. – Пока мы спим.
Он отошел в сторону и прислонил кирку к стене.
Утром Гитнеру пришлось тоже одалживать кирку – чтобы очистить свою. За ночь на ней вырос слой прозрачного кальцита толщиной в одну шестнадцатую дюйма. Теперь дело было за простым подсчетом. Беженцев убили не больше пяти месяцев назад. Экспедиция идет по их почти свежему следу.

* * *

От Айка, от его безошибочного чутья зависели даже охранники. Каким-то образом к ним просочились сведения, что он был альпинистом, и его прозвали Эль-Капитан – в честь горы в Йосемитской долине. Такое свидетельство уважения несло в себе опасность и раздражало Айка даже больше, чем полковника. Айк в уважении солдат не нуждался и старался их избегать. Все дольше бывал вне лагеря. Но Али видела, что это ни к чему не ведет. Некоторые парни, подражая Айку, сделали себе на руках и лице татуировки. Другие стали ходить босиком и закидывать винтовки за спину. Полковник, как мог, старался искоренить такие беспорядки. Когда одного из вояк застукали за молитвой в позе лотоса, Уокер вкатил ему недельную вахту.

Айк вернулся к своей привычке держаться день или два впереди

экспедиции, и Али скучала по его чудаковатым манерам. Она по-прежнему вставала рано, но теперь ей не удавалось увидеть, как уходит в темноту коридоров байдарка. У Али не было причин думать, что он отдалился от всех – или от нее. И все же в его отсутствие она нервничала, особенно когда укладывалась ночью спать. Похоже, Айк пробил брешь в ее обороне.

Девятого сентября экспедиция приняла сигнал от шахты-2. Люди, сами того не зная, пересекли демаркационную линию времени.

Они дошли до места, но цилиндров не обнаружили. Вместо них на полу лежала сфера размером с баскетбольный мяч из толстолистовой стали. К ней был прикреплен кабель, свисающий с потолка высотой около сотни футов.

– Эй, Шоут, – спросил кто-то, – а где же наша еда?

– Думаю, сейчас все узнаем, – сказал Шоут, явно сбитый с толку.

Выкрутили болты, шар открыли. Внутри лежала небольшая клавиатура, упакованная в пенопласт, и записка.

«Экспедиции «Гелиоса».

Контейнеры с грузом будут спущены по вашему сигналу. Вам следует набрать первые пять цифр числа пи в обратном порядке и значок «решетка».

По-видимому, эти предосторожности принимались, чтобы не допустить разграбления контейнеров хейдлами.

Шоут потребовал, чтобы ему сообщили нужные цифры, и стал их набирать. Потом нажал «решетку», и на клавиатуре загорелся сначала красный, потом зеленый индикатор.

– Думаю, нам нужно подождать, – изрек Шоут.

Они разбили лагерь на берегу и, дежуря по очереди, светили фонарями в отверстие шахты. Вскоре после полуночи крикнул часовой. Али услышала скрежет металла. Все собрались под шахтой и светили вверх: оттуда опускался на блестящем канате серебристый цилиндр. Казалось, приземляется космическая ракета. Зрители зааплодировали.

Коснувшись воды, контейнер зашипел, потом медленно опустился набок. Сверху петлями лег канат. Корпус цилиндра покрывали голубые царапины. Люди бросились вперед, только затем, чтобы тут же отпрянуть от жара.

Контейнеры, спущенные через шахту-1, так не нагревались. Значит, они прошли через какую-то вулканическую зону, возможно подводной горы Магеллана. Али почувствовала, что поверхность металла пахнет

дымящейся серой.

– Наши припасы, – простонал кто-то. – Они там горят!

Все выстроились цепочкой и стали передавать друг другу пластиковые бутылки с водой и поливать корпус. От металла шел пар, корпус, остывая, менял цвет. Постепенно цилиндр охладился, и можно было вывинтить болты. С помощью ножей ученые пытались подцепить и открыть крышку люка.

– Господи, ну и вонь!

– Мясо. Нам что, мяса прислали?

– Оно, наверное, загорелось.

Нутро контейнера пронзили лучи. Али заглядывала через плечи других, но из-за дыма и пара почти ничего не видела.

– Боже, что они нам прислали?

– Это – люди? – спросила Али.

– Больше на хейдлов похожи.

– А ты можешь отличить? Они так сильно обгорели...

Вперед протолкался Уокер, за ним Айк и Шоут.

– Что такое, Шоут? – сурово осведомился Уокер. – Что затевает «Гелиос»?

Шоут был в замешательстве.

– Понятия не имею, – признался он.

На этот раз Али ему поверила.

Внутри контейнера в импровизированных люльках из нейлоновой сетки были подвешены три тела. Когда контейнер спускался вертикально, они висели друг над другом, словно парашютисты на стропах.

– На них форма, – разглядел кто-то. – Смотрите – «Армия США».

– И что делать? Все погибли.

– Нужно их отстегнуть и вынуть.

– Застежки-то все расплавились. Просто вырежем. Давайте еще немного охладим.

– Что они там делали? – спросил у Али один из врачей.

Обгорелые конечности солдат обвисли. Один из них прикусил язык, и кончик остался у него на подбородке.

Неожиданно раздался стон. Он шел изнутри, оттуда, где находился самый нижний обгоревший и куда нельзя было дотянуться.

Не говоря ни слова, Айк ринулся в дымящееся нутро контейнера. Перебираясь через тела, он кромсал остатки сетки, стараясь добраться до нижнего солдата. Забравшись поглубже, освободил тело и подтащил к люку, где его сразу подхватили десятки рук.

Али и кто-то еще занялись мертвыми, прикрыли их лица кусками обгоревшей одежды. Самый верхний, который загорелся первым, выстрелил себе в рот. Средний задушился ремнем – ремень буквально вплавился ему в горло. Одежда сгорела, и на них оставались только ремни и оружие. У каждого был пистолет, винтовка и нож.

– Взгляните – какая оптика. – Геолог смотрел на реку сквозь прицел винтовки. – Эти штуки для ночных снайперов. И на что они собрались охотиться?

– Я их заберу, – сказал Уокер, и его солдат собрал все остальное оружие.

Али помогла уложить обгоревшего на землю и отступила. Легкие и глотка у него были обожжены, терморегуляция нарушилась. Он кашлял, выделяя серозную жидкость. Солдат умирал. Аик встал рядом с ним на колени вместе с врачами, Уокером и Шоутом. Все смотрели на солдата. Уокер оторвал лоскут обгоревшей ткани.

– Первый воздушно-десантный, – прочел он и посмотрел на Айка. – Это ведь ваши. Зачем они посылают сюда рейнджеров?

– Понятия не имею.

– Ты его знаешь?

– Нет.

Врачи прикрыли солдата спальным мешком и дали воды. Он открыл единственный глаз и проскрипел:

– Крокетт?

– А он тебя, похоже, знает, – сказал Уокер.

Все затаили дыхание.

– Зачем вас послали? – спросил Аик.

Солдат попытался что-то выговорить. Он шарил внизу рукой. Аик дал ему еще воды.

– Ближе, – попросил солдат.

Аик наклонился и внимательно прислушался.

– Иуда! – прошипел раненый.

И ударил ножом прямо сквозь мешок.

То ли от слабости, то ли ткань была слишком плотная, но убийца промахнулся. Лезвие скользнуло по ребрам, но вглубь не проникло. Солдату еще хватило сил полоснуть Айка по спине, однако Аик схватил его за руку.

Уокер, Шоут и доктора отскочили, а один охранник успел дать три выстрела в грудь обожженному. С каждым выстрелом тело подпрыгивало.

– Прекратить огонь! – завопил Уокер.

Но все уже кончилось. В наступившей тишине журчала вода.

Люди замерли. Никто не двигался. Все слышали, что прошептал солдат, и видели, что он пытался сделать.

Айк, ошеломленный, стоял посреди них на коленях. Он все еще держал запястье убийцы; из его раны на ребрах потекла кровь. Он изумленно переводил взгляд с одного лица на другое. И вдруг издал страшный пронзительный крик.

Али такого не ожидала.

– Айк! – позвала она из толпы.

Никто не смел к нему приблизиться.

Али вышла вперед и подошла к Айку.

– Перестань, – попросила она.

Люди так привыкли полагаться на его силу, что его слабость ставит под угрозу и остальных. А он потерял самообладание на глазах у всех.

Айк взглянул на Али, вскочил и убежал.

– Что же это такое? – пробормотал кто-то.

* * *

Лопат не было, поэтому тела просто опустили в реку. Много часов спустя через шахту доставили еще два контейнера с грузом. Люди поели. «Гелиос» устроил настоящий пир на сто персон: копченая радужная форель, баранина в коньяке, сырное фондю, десятки сортов хлеба, колбас, разные мучные блюда, фрукты.

Свежий латук в салате исторг у пирующих слезы радости. Все это, говорилось в записке, в честь дня рождения К. К. Купера. Но Али подозревала, что тут кроется другое. Главное было – убить Айку, а банкет – на десерт.

Покушение на жизнь Айку было совершенно несправедливым и бессмысленным. Больше всего разгневало людей то, что выбрали самого незаменимого члена экспедиции. Так считали даже охранники. С таким разведчиком все чувствовали себя словно избранный народ, ведомый из пустыни своим татуированным Моисеем. А его вдруг заклеямили именем предателя и непонятно почему приговорили к смерти.

Кабель связи расплавился в зоне магмы, и членам экспедиции оставалось либо строить догадки, либо слепо верить «Гелиосу». Все чувствовали себя как под прицелом, потому что по опыту знали: Айк самый честный человек, а его собираются наказать за какие-то неведомые

грехи. Над всеми словно разразилась буря. Внешне люди выказали некоторое беспокойство, потом повозмущались и наконец попытались напустить на себя храбрость.

– Вопрос времени, – говорил Сперриер. – Рано или поздно Крокетт себя показал бы. Сразу было видно. Я удивляюсь, как он еще столько продержался.

– И какое это имеет отношение к чему бы то ни было? – оборвала его Али.

– Я не говорю, что он сам того хотел. Но парень явно мучается. У него за душой покойников больше, чем на кладбище.

– Что же нужно натворить, чтобы тобой армия занялась? – удивлялся Куигли, психиатр. – Их же послали на смерть. А ведь людьми просто так не бросаются.

– А это самое «Иуда»? Я думал, раз трибунал прошел, то все кончено. Тут не просто невезение. Да ему на роду написано быть изгоем!

– Как будто весь свет на него ополчился.

– Ты не беспокойся, Али, – сказала Пиа, к которой любовь пришла в образе Сперриера. – Он вернется.

– А я не уверена, – ответила Али.

Она хотела было обвинить Шоута или Уокера, но они, казалось, и сами совершенно сбиты с толку. Если «Гелиосу» понадобилось убить Айка, почему не прибегнуть к помощи своих агентов? Зачем привлекать армию? И для чего военным связываться с делами «Гелиоса»? Полная бессмыслица.

Пока все спали, Али побрела в сторону от огней лагеря. Аик оставил и байдарку, и обрез, поэтому она пошла пешком, взяв с собой фонарь. Следы Айка вели вдоль полосы прибрежного ила.

Самодовольство остальных рассердило Али. Столько времени они во всем полагались на Айка. Без него они бы давно погибли и заблудились. Аик честно им помогал, а теперь, когда помощь нужна ему, все отвернулись.

Это мы его погубили, поняла вдруг Али. Своей зависимостью. Он был бы отсюда за тысячу миль, если бы не наша слабость, невежество и гордыня. Вот что приковало его к нам. Так и ангелы-хранители скованы собственным состраданием.

Но обвинять всех, призналась себе Али, – не более чем уловка. Потому что именно ее слабость, ее невежество и гордыня связали Айка. Не всех вообще – а ее. Благополучие группы лишь сопутствующее обстоятельство. Неудобная правда заключается в том, что он отдал себя ей.

Шагая вдоль реки, Али продолжала перебирать мысли. Сначала преданность Айка была для нее обузой. Она пыталась замаскировать его к ней отношение своими домыслами, убедить себя, что Аик спустился в подземье по собственным причинам – ради погибшей возлюбленной или ради мести. Раньше, может, так и было, но теперь все изменилось. И Али это понимала. Теперь он здесь ради нее.

Она нашла Айка сидящим в темноте, без оружия. Он застыл в позе лотоса лицом к реке, подставив врагам беззащитную спину. Положился на милость суровой пустыни.

– Аик! – позвала Али.

Лохматая голова осталась неподвижной. От света фонаря его фигура бросала на реку тень, которую вода тут же поглощала. Ну и место, подумала Али. Тьма пожирает тьму.

Она подошла ближе и сняла рюкзак.

– Ты пропустил собственные похороны. Нам устроили пиршество.

Никакой реакции. Даже легкие неподвижны. Он уходил в себя, ускользал от Али.

– Аик, я знаю, что ты меня слышишь.

Одна рука Айка лежала на колене, другой он опирался на землю – всем своим ничтожным весом.

Али почувствовала себя лишней. Но ведь она собирается помешать не медитации, а началу безумия. В одиночку ему не справиться.

Али подошла сбоку. Сзади могло показаться, что он спокоен, однако лицо его исказилось.

– Не понимаю, что происходит, – сказала она.

Аик молча сопротивлялся – своей неподвижностью статуи. Челюсти у него были сжаты.

– Ну, хватит. – Али открыла рюкзак и вынула аптечку. – Промою тебе раны.

Она, не церемонясь, начала промокать рану дезинфицирующей губкой, но тут же прекратила. Ее остановил вид его тела. Она провела пальцами по спине. Тут все поражало – кости, мышцы, рубцы и узоры, мозоли от лямок рюкзака. Это тело раба. Его истязали. Каждая отметина – свидетельство о рабстве. Али была в замешательстве. Ей приходилось встречать проклятых в разных воплощениях – узников, проституток, убийц и прокаженных. Только не рабов. Такого в наши дни быть не может!

Она удивилась – его плечо как раз поместилось в ее руке. Чтобы прийти в себя, Али похлопала по лицу влажной салфеткой.

– Жить будешь, – сказала она Айку.

Потом отошла чуть поодаль и села. Остаток ночи она провела в обнимку с обрезом – охраняла Айка, пока тот не вернулся к жизни.

*Я – тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?*

Уильям Блейк. Муха [\[22\]](#)

**Медицинский научный центр,
Университет штата Колорадо, Денвер**

Доктор Ямомото, улыбаясь, вышла из лифта.

– Доброе утро, – поздоровалась она с уборщиком, вытирающим натекшую с потолка лужу.

– Что-то солнца не видно, – проворчал он.

Снаружи бушевала настоящая буря: метровые сугробы, температура – минус девять. Они тут, в университете, как в осаде. Сегодня в лабораторию больше никто не придет.

Ночной охранник все еще был на месте, дремал. Доктор отправила его в комнату отдыха – перекусить и отдохнуть.

– До обеда можете не приходить, – сказала доктор. – Я и сама справлюсь. Сегодня больше никого не будет.

В последнее время она ко всем проявляла материнскую заботу. Волосы у молодой женщины стали гуще, на щеках играл румянец. «Вся ушла в утробу», – говорил ее муж. Еще три месяца.

Проект «Цифровой Сатана» близился к завершению. Лабораторию усеивали пакеты от еды, двухлитровые пластиковые бутылки от газировки – из них получают удобные стаканчики для карандашей, окаменевшие остатки угощений от дней рождения. Доска объявлений была покрыта приколотыми кое-как снимками сотрудников лаборатории, вырезками из статей и в последние дни объявлениями о найме – здесь и за границей.

Ямомото вошла, не надев ни перчаток, ни маски. Все привычные обряды – побоку. Еще один признак того, что проект скоро закончится. В коробках из-под фаст-фуда валялись всякие пузырьки. Из компьютерных чипов, сгоревших за последние месяцы, кто-то соорудил крутящуюся подвеску.

Второй криомикротом продолжал выдавать нескончаемое убаюкивающее «ш-шш, ш-шш, ш-шш».

Если не считать головы, молодая самка хейдла уже не существовала. Зато теперь ее оживят с помощью мыши, на компьютере. Ее ждет электронное бессмертие. Везде, где только есть компьютер, можно будет воссоздать физический облик Доун. В каком-то смысле ее душа обретается в машине.

Последние недели Ямомото мучили кошмары. Ей снилась Доун. Девочка падала с утеса или тонула в море, а доктор пыталась до нее дотянуться и спасти. Другим сотрудникам снились похожие сны. Синдром долгой изоляции – определили коллеги. А Доун стала частью их компании. Им будет ее не хватать.

От хейдла оставались только верхние две трети черепа. Процесс шел медленно. Второй криомикротом был откалиброван для выполнения самых тонких срезов. Мозг – наиболее интересная часть исследования. Ученые надеялись, что смогут понять процессы восприятия и познания – то есть, по сути, заставить заговорить мертвое сознание. Следующие десять недель им только и остается нянчиться с этой колбасорезкой. Нужно запастись терпением – то есть диетической колбой и солеными шуточками.

Ямомото подошла к металлическому столу. В кубе замороженного голубого геля верхняя часть черепа Доун казалась совершенно белой. Как луна в куске неба. От верхней и боковых сторон куба отходили электроды. Внизу работало лезвие; камера все фиксировала. Лезвие уже срезало нижнюю челюсть и теперь двигалось взад-вперед в районе верхних зубов, продвигаясь к носовой полости. Большей части носа и изрезанных мочек уже не было. Что же касается внутренних органов, то удалили большую часть продолговатого мозга, идущего вверх от спинного. Почти весь мозжечок, отвечающий за двигательные функции, уже переведен в биты и байты. Пока никаких повреждений или отклонений не обнаружили. Для мертвого мозга все ткани были в отличном состоянии, практически жизнеспособные. Ученые не переставали удивляться. «Мне бы так сохраниться после смерти», – сострил кто-то.

Становилось все интереснее. Нейрохирурги, специалисты по мозгу, ученые, изучающие когнитивные процессы, звонили или писали по электронной почте со всей страны, желая быть в курсе событий.

Некоторые части мозга – уже пройденные, как, например, мозжечок, – были вполне типичны для млекопитающих. Можно понять, что делает зверя зверем, но нельзя понять, что делает хейдла хейдлом.

Доун больше не будет трупом подземного животного. Начиная со

структур головного мозга она снова станет сама собой. Можно будет воссоздать ее личность, процессы мышления, речевую деятельность, эмоции, привычки, инстинкты. Говоря кратко, люди посмотрят на мир глазами Доун. Это как посадить звездолет на чужой планете. Более того, это как впервые взять интервью у инопланетянки и расспросить, о чем та думает.

Ямомото взялась за электроды; она перебирала те, что выходили справа, и аккуратно складывала их на стол. До сих пор оставалось загадкой, почему мозг Доун генерирует слабые электрические импульсы. На диаграмме должна была быть ровная линия, но время от времени на ней появлялись небольшие зубцы. Так продолжалось несколько месяцев. Что ж, если подождать достаточно долго, то, наверное, электроды зафиксируют такой сигнал и у порции фруктового желе.

Ямомото стала разбирать электроды с чувством, будто расплетает косички ребенку. Она остановилась, всматриваясь через голубой гель в то, что осталось от лица хейдла.

– Доброе утро, – сказала доктор.

Голова открыла глаза.

* * *

Рау и Бад Персивел отыскиали Веру в международном аэропорту Денвера. Она примеряла шляпу в магазине ковбойской одежды. Трудно придумать лучшее противоядие против тьмы, охватившей разум. У каждого свое мнение, свой страх, свое решение. И никто не знает, что происходит там, внизу, что окажется там и в каком мире будут потом расти дети. Здесь, в огромном помещении, похожем на шатер, наполненный светом и простором, можно обо всем забыть и просто есть мороженое. Или примерять ковбойскую шляпу.

– Мне идет? – поинтересовалась Вера.

Рау поднял свой портфель и изобразил аплодисменты. Персивел сказал:

– Я убит!

– Вы прилетели вместе? – спросила она.

– Из Лондона через Цинциннати, – сообщил Персивел.

– Из Мехико, – ответил Рау. – Столкнулись в вестибюле.

– Я боялась, что никто не явится, – сказала Вера. – Впрочем, наверное, уже поздно.

– Ты позвала, и мы явились, – отозвался Персивел. – Мы же команда.
Его брюшко и ненавистные ему очки только подчеркивали галантность бывшего астронавта. Рау взглянул на часы:

– Томас будет не позже чем через час. А остальные?

– По-разному, – ответила Вера. – Кто в дороге, кто занят, до кого-то не дозвонилась. О Бранче вы, думаю, слышали.

– Он, наверное, рассудок потерял, – заметил Персивел. – Вот так взять и рвануть вниз, да еще в одиночку. Уж ему-то лучше других известно, на что способны хейдлы.

– Сейчас меня не они беспокоят.

– Только не начинай, пожалуйста, про то, что «враг – в нас».

– Вы слышали про приказ стрелять на поражение? – спросила Вера. – Такой приказ у всех воинских частей. И у Интерпола.

Персивел прищурился:

– То есть? Стрелять в Бранча?

– Дженьюэри сделала все, что могла, чтобы приказ отозвали. Но есть такой генерал Сэндвелл – очень злопамятный тип. Просто исключительно. Сенатор пытается выяснить о нем как можно больше.

– Томас в ярости, – вставил Рау. – Бранч ведь был в армии нашими глазами и ушами. Теперь остается только гадать, какие у них планы.

– И кто раскладывает капсулы с прионом.

– Грязное дельце, – пробормотал Персивел.

Они встретили Томаса у выхода в зал, прямо с гонконгского рейса.

На угловатые черты его лица легли скорбные тени, добавляя ему сходства с президентом Линкольном. Однако для человека, которого только что выслали из Китая, он выглядел на удивление бодрым. Томас оглядел встречающих.

– А почему в ковбойской шляпе? – спросил он Рау.

– Как хозяйева, так и гости, – пожал тот плечами.

И, окружив кресло Веры, все двинулись к выходу, обсуждая по дороге новости.

– А как там Мустафа и Фоули? – спросила Вера. – Нормально?

– Устали, – ответил Томас. – В Каши – это провинция Синьцзян – нас несколько дней продержали под арестом. Конфисковали камеры, дневники, отозвали наши визы. Официально мы – персона нон грата.

– Томас, чего ради тебя вообще понесло в Китай?

– Хотел исследовать тамошние европейские мумии и надписи. Им четыре тысячи лет. На тохарском языке. В Азии!

– Мумии в китайской глуши, – фыркнул Персивел. – Загадочные

письмена. И зачем они вам понадобились?

– Сейчас я согласна с Персивелом, – призналась Вера. – По-моему, это далеко от нашей задачи. Иногда я сама не знаю, чем занимаюсь. Последние три месяца я по твоему заданию составляю обзоры по митохондриальной ДНК и эволюции человека. Скажи, пожалуйста, каким образом информация по образцам плаценты из Новой Гвинеи приблизит нас к обнаружению первобытного деспота?

– В настоящее время мумии и индоевропейские надписи доказывают, что четыре тысячи лет назад на китайскую цивилизацию оказали влияние европейские кочевые народы, – сказал Томас.

– И потому вас выслали? – спросил Персивел. Он подышал на очки и нарисовал крест. – Или «товарищи» застукали вас за воздаянием мумии почестей?

– Подозреваю, все гораздо серьезнее, – сказал Рау. – Если я правильно понимаю, вы, Томас, пытались доказать, что китайская цивилизация вовсе не развивалась изолированно от других. Заявить, что европейцы, возможно, принимали участие в зарождении китайской культуры, – прямое покушение на основы. Они гордый народ, сыны Поднебесной.

– Но опять же, какое это имеет отношение к нам? – спросила Вера.

– Думаю, самое прямое, – решился Рау. – Допущение, что великая цивилизация могла быть изменена или даже порождена врагом, низшей расой или варварами, – очень даже важно.

– А можно попроще, Рау? – проворчал Персивел.

Томас молчал. Казалось, их рассуждения его развлекают.

– А что, если и человечество развивалось не в изоляции? Если у нас были учителя?

– О чем ты вообще, Рау? – удивился Персивел. – О марсианах?

– Зачем далеко ходить, – улыбнулся Рау. – Я о хейдлах.

– Хейдлы? – поразился Персивел. – Нас учили хейдлы?

– А вдруг на протяжении веков они помогали создавать нашу цивилизацию? Может, это они взрастили наших темных предков и помогли зарождению человеческого разума?

– То есть нас вынянчили дикари?

– Поосторожнее, – сказал Рау. – А то ты говоришь, как китайцы о варварах.

– Это правда? – обратилась Вера к Томасу. – Вы проводите аналог между Китаем и ранней человеческой цивилизацией?

– Вроде того, – признал Томас.

– И чтобы доказать свою правоту, проехали тысячу миль, сидели в

тюрьме?

– Не только за этим. Было у меня подозрение – и оно подтвердилось, – что европейские письма в провинции Синьцзян не на тохарском языке. И не на каком-либо другом известном. Все сообщения о них неверны. Нам хватило одного взгляда. Представляете, на мумиях были хейдлские татуировки. Эти европейские кочевники действовали как агенты или посланцы. Они перевозили в Древний Китай документы. Документы, написанные хейдлским шифром. Если б только мы умели его читать!

– И опять же, – сказал Персивел, – что с того? Прошло четыре тысячи лет. И читать их мы не умеем.

– Четыре тысячи лет назад кто-то послал этих людей в Китай с какой-то миссией. Неужели вам не интересно – кто?

Фургон доставил их в Научный центр. У входа в исследовательский корпус они попали в толпу полицейских и телерепортеров. Тут же собрались представители университета и по очереди выходили репортерам на растерзание. У всех изо рта шел пар. Если рассудить здраво, эта пресс-конференция на зимней улице надолго не затянется.

– Еще раз попрошу вас сохранять здравый смысл, – вещала профессорского вида фигура, протирая очки. – Никакой одержимости в природе не существует.

Какой-то молоденький корреспондент, мокрый от снега до самых бедер, кричал из толпы:

– Доктор Йарон, вы опровергаете сообщения, что университетский медицинский центр в данный момент в качестве лечения проводит процедуру изгнания духов?

Бородатый мужчина сверкнул в микрофон белоснежной улыбкой:

– Ждем, пока прибудет профи со святой водой и курицей.

Полицейские, дежурившие у раздвижных стеклянных дверей, впускать никого не собирались. Врачебный пропуск Веры не помог. Тогда Персивел помахал перед ними каким-то старым, выданным НАСА удостоверением.

– Бад Персивел! – удивился полицейский. – Вот черт, проходите, конечно!

Каждый хотел пожать ему руку. Персивел сиял.

– Ох уж эти астронавты, – шепнула Вера, повернувшись к Рау.

Внутри лабораторного корпуса деятельность была не менее сумасшедшей, разве что не такой шумной. Ученые рассматривали диаграммы, рентгеновские снимки, видеозаписи или водили мышью по компьютерным моделям, читали данные с дисплеев или бумаг, прижимая плечом мобильные телефоны. Деловые костюмы смешались с

медицинскими халатами разных цветов. Шум напомнил Вере переполненный полевой госпиталь в зоне природной катастрофы. Она остановилась перед кучкой людей, смотревших видеозапись. На экране молодая женщина склонилась над кубом из голубого геля, стоящим на стальном столе.

– Доктор Ямомото, – шепотом объяснила Вера Персивелу и Рау. – В прошлый раз мы с Томасом с ней разговаривали.

– Вот, сейчас, – сказал один из медиков. В руке он держал секундомер. – Три, два, один. И готово.

Ямомото на экране вдруг застыла, потом опустилась на колени.

Секунду она сидела на корточках, потом вскочила, завалилась на бок и задергалась в сильнейших судорогах. Члены общества «Беовульф» отправились дальше.

В следующей комнате были дисплеи: на них – разверстая затылочная часть черепа, стрелки курсора бегут по артериям, путаются среди нервных окончаний – магистралей грез и побуждений.

Вера постучала в приоткрытую дверь. Светловолосая женщина в лабораторном халате склонилась над микроскопом.

– Я ищу доктора Кениг, – сказала Вера.

Женщина подняла голову и бросилась к ней с распростертыми объятиями.

– Вера, наконец-то! Ямомото говорила, что вы были у нее несколько месяцев назад.

Вера представила спутников.

– Мэри-Кей – одна из моих лучших учениц. Когда мне удавалось привлечь ее внимание. То у нее триатлон, то альпинизм, не утонишься за ней.

– Добрые старые времена, – проговорила Мэри-Кей, которой было никак не больше тридцати.

Судя по всему, медицина стала уделом исключительно молодых и сильных.

– Правда, время теперь неподходящее, – заметила Мэри. – Мы тут все под ружьем. Кругом правительственные агенты, фэбээровцы.

Темные круги под глазами молодой женщины подтверждали ее слова. Что бы тут ни делалось, ей тоже немало перепало.

– Мы вообще-то слышали, что у вас что-то случилось, – сказала Вера. – И хотели бы узнать как можно подробнее. Если у тебя найдется свободная минутка.

– Конечно найдется. Только закончу одно дело. Я собралась тут кое-

что посмотреть.

– Я хочу помогать, – потребовала Вера.

Мэри-Кей с признательностью протянула Вере распечатку электроэнцефалограмм.

– Это снято год назад, в первый день подготовки хейдла к микротомии. Запись начата в два тридцать четыре, когда приступили к расчленению тела. Если не трудно, проверьте на диаграмме те моменты, когда производилось рассечение. Когда лезвие проходило через тело, зафиксирована некоторая активность. Я покажу где.

Она нажала кнопку на клавиатуре. Остановленный кадр начал двигаться.

– Ну вот. Вы готовы? Сейчас будут отчленять ноги. Вот, сейчас.

На экране возникло нечто, похожее на ленточную пилу. Работники придерживали длинный прямоугольник геля на боку. Двое из них убрали кусок, после того как он прошел через пилу.

– Ничего, – сказала Вера. – Никакой реакции. График – прямой.

– Секция головы. Есть что-нибудь?

– Ничего. Не шелохнулось.

– А что мы вообще должны увидеть? – спросил Персивел.

– Активность мозга. Болевая реакция. Что-нибудь.

– Мэри-Кей, – спросила Вера, – почему ты ищешь признаки жизни в мертвом хейдле?

Женщина беспомощно взглянула на Веру.

– Стараемся учитывать все варианты, – сказала она, и стало ясно, что «варианты» не соответствуют традиционным взглядам.

Мэри повела их по корпусу, рассказывая по дороге:

– Последние пятьдесят две недели наше отделение компьютерной анатомии в целях изучения хейдлов занималось микротомией одного экземпляра. Проектом руководила доктор Ямомото, очень способный патолог. В воскресенье утром, когда это случилось, она находилась в лаборатории одна.

Они вошли в большую комнату, наполненную запахами разложения и химикатов. Рау показалось, что здесь произошел взрыв. Большие машины были перевернуты, из потолочных панелей выдраны провода. Из напольного коврового покрытия вырваны целые полосы. Ученые, как и следователи, пытались по картине разгрома определить, что произошло.

– Охранник обнаружил Ямомото скорчившейся в дальнем углу. Он вызвал по радио помощь. Это было его последнее сообщение. Его нашли на трубе под потолком с вырванным пищеводом. Ямми лежала в углу, раздетая

и истекающая кровью. Ни на что не реагировала.

– Так что же случилось?

– Мы сначала думали, что кто-то сюда проник с целью грабежа или желая саботировать проект и напал на охранника. Но здесь – сами видите – окон нет, а дверь только одна. На двери повреждений не осталось, поэтому возникло предположение, что какой-нибудь хейдл проник внутрь через вентиляцию, намереваясь уничтожить нашу базу данных. Ведь мы же изучали их анатомию. Нас финансировало Министерство обороны. Производители оружия требовали информацию об их тканях, чтобы усовершенствовать оружие и боеприпасы.

– Когда Бранч так нужен, его нет, – сказал Рау. – Никогда не слышал, чтобы хейдлы такое вытворяли. Подобное нападение предполагает немалый интеллект.

– Теперь мы, во всяком случае, думаем иначе, – продолжала Мэри-Кей. – Сами представляете, какой был шум. Прибыла полиция. Мы положили Ямми на каталку, и тут она пришла в сознание и вырвалась.

– Вырвалась? – удивился Персивел. – Она все еще боялась нападения?

– Это было страшно. Она разбила аппаратуру, исполосовала скальпелем двоих охранников. Пришлось в конце концов подстрелить ее из усыпляющего пистолета. Как дикого зверя. Тогда Ямми и потеряла ребенка.

– Ребенка? – спросила Вера.

– Ямми была на седьмом месяце. То ли из-за стресса, то ли из-за снотворного... произошел выкидыш.

– Ужасно.

Они подошли к длинному анатомическому столу. Вере довелось повидать немало человеческих тел, изуродованных катастрофами, болезнями или голодом. Но увидеть такое она оказалась не готова. Хрупкая молодая женщина с японскими чертами лица была привязана к столу и укрыта одеялом. Голова – с десятками торчащих электродов – напоминала голову медузы Горгоны. Зрелище походило на пытку. Руки и ноги связаны чем придется – полотенцами, резиновыми трубками, скотчем. Обычно те, кто лежит на анатомическом столе, не требуют таких предосторожностей.

– В конце концов следователь проверил отпечатки пальцев и установил виновного, – сказала Мэри-Кей. – Это все Ямми.

– Что – «Ямми»? – не поняла Вера.

– Вы хотите сказать – натворила вот это? – спросил Рау. – Охранника убила доктор Ямомото?

– Да. У нее под ногтями нашли его ткани.

– Вот эта женщина? – фыркнул Персивел. – Да одни аппараты весят по

тонне.

Сбоку хмурился Томас, одолеваемый темными мыслями.

– Но почему она такое сделала? – спросил Рау.

– Мы и сами в тупике. У нее мог быть припадок эпилепсии, но ее муж сказал, что она никогда не страдала эпилепсией. Или неожиданный психотический приступ. Один монитор – Ямми не смогла его разбить – показал, как она упала без сознания, затем встала и начала крушить все аппараты, предназначенные для выполнения срезов. Объект ее гнева очень специфичен – именно аппараты, словно она расправлялась с ними за какое-то великое зло.

– И убила охранника?

– Точно неизвестно. Убийство произошло за пределами обзора камеры. Охранник сообщил по радио, что обнаружил ее в позе эмбриона. Она обнимала вот это. – И Мэри-Кей указала на письменный стол.

– Боже милосердный! – сказала Вера.

Персивел подошел к столу и увидел источник запаха. То, что осталось от черепа хейдла, лежало между бутылкой от газировки и телефонным справочником Денвера. Голубой гель почти полностью растаял и протек в ящики стола.

Нижняя часть головы была срезана лезвиями машины настолько ровно, что, казалось, существо материализуется из крышки стола. К уродливому черепу прилипли черные волосы. Из трепанационных отверстий росли провода электродов. Череп долго предохраняли от соприкосновения с воздухом, и теперь он быстро разлагался.

Еще больше, чем разложение и отсутствие челюстей, поражали глаза. Веки подняты, глазные яблоки навывкате, зрачки замерли в яростном взгляде.

– Какой свирепый, – произнес Персивел.

– Это она, – поправила Мэри-Кей. – Такие глаза на выкате – симптом гипертиреоза. В организме недостаточно йода. Вероятно, она жила в регионе с дефицитом основных минералов, солей например. Так выглядят многие хейдлы.

– Что же может толкнуть человека на такой поступок?

– Мы сами себя спрашиваем. Может, она начала подсознательно отождествлять себя с лабораторным экземпляром? Что могло спровоцировать такую реакцию? Мы исследовали все варианты – отождествление, замещение, трансформацию. Ямми всегда была такая спокойная. И в последнее время счастлива, как никогда. Беременность, любящий муж, интересная работа.

Мэри-Кей подоткнула одеяло вокруг шеи Ямомото, убрала со лба волосы. Над глазами оказался большой кровоподтек. Должно быть, она в ярости билась головой о стены и аппаратуру.

– Потом приступы начались снова. Мы сняли ЭЭГ – такого вы никогда не видели. Настоящая буря, просто ураган. Мы погрузили ее в кому.

– Правильно, – одобрила Вера.

– Но это не помогло. Активность не уменьшилась. Как будто что-то проридается через мозг, замыкая нервные окончания. Все равно что наблюдать замедленное воспроизведение молнии. Только электрическая активность мозга не везде одинакова. Казалось бы, картина должна быть та же в любой части мозга. Но вся активность сосредоточена в гиппокампе.

– А что такое гиппокамп? – спросил Рау.

– Центр памяти, – ответила Мэри-Кей.

– Памяти, – тихо повторил Рау. – А ваш аппарат его уже отрезал?

Все повернулись к нему.

– Нет, – сказала Мэри-Кей. – Лезвие как раз к нему приближалось. А что?

– Просто спросил. – Рау оглядел комнату. – А лабораторных животных вы здесь держите?

– Ни в коем случае.

– Я так и думал.

– При чем тут животные? – удивился Персивел.

Но Рау продолжал спрашивать.

– Доктор Кениг, что такое память с научной точки зрения?

– Память? Если коротко – электрические импульсы, возбуждающие биохимические процессы в нейронно-синаптических сетях.

– Электрическая схема, – подвел итог Рау. – Значит, все наше прошлое сводится к этому?

– Не совсем, все гораздо сложнее.

– Но в целом – так?

– Да.

– Спасибо, – поблагодарил Рау.

Все ждали продолжения, но через несколько секунд стало ясно, что он погружен в раздумья.

– И еще одна странность, – заметила Мэри-Кей, – сканирование мозга показало, что электрический потенциал – почти двести процентов от нормы.

– Неудивительно, что ее закоротило. – сказала Вера.

– И еще кое-что, – вспомнила Мэри-Кей. – Сначала это походило на

всплеск активности мозга. Потом нам удалось уточнить картину. А она такова, словно мы имеем дело с двумя разными моделями сознания.

– Что? Это невозможно, – возразила Вера.

– Я вообще не понимаю, о чем речь, – признался Персивел.

Доктор Кениг заговорила тише:

– Ямми там не одна.

– Повторите, пожалуйста, – потребовал Персивел.

– Имейте в виду, – предупредила Мэри-Кей, – информация не для огласки.

– Обещаем, – сказал Томас.

Мэри погладила руку Ямомото.

– Мы сами не можем поверить. Несколько часов назад кое-что случилось. Приступы прекратились. Полностью. И Ямми начала говорить. Она была без сознания, но говорила.

– Отлично, – сказал Персивел.

– Но не по-английски. Мы такого вообще никогда не слышали.

– Какого – такого?

– В зале оказался практикант. Он раньше работал в воинской части, в субтерре. В Мехико. Военные устанавливали в пещерах микрофоны. Ему приходилось слышать записи, и он сказал, что звуки те же.

– Еще чего не хватало! – возмутился Персивел.

Вся эта неразбериха вывела его из равновесия.

– Именно.

– Глупости! – Персивел начал краснеть.

– Мы раздобыли в Министерстве обороны пленку с голосами хейдлов – это секретная информация. Сравнили с тем, что говорила Ямми. Не совсем одинаково, но очень похоже. Чтобы овладеть такими согласными, такими вибрирующими и щелкающими звуками, нужно упражнять голосовые связки. Ямми говорила на их языке.

– Где же она могла научиться?

– В том-то и дело, – сказала Мэри-Кей. – Во всем мире всего несколько пленных хейдлов, которые могут говорить. И Ямми говорила. Все записано.

– Могла слышать кого-то из пленных, – предположил Персивел.

– Она не просто подражала. Видите – вон, на стене?

– Грязь? – спросила Вера.

– Кал. Она начертила своим калом вот эти знаки. Все согласились, что знаки – хейдлские.

– Мы не можем их расшифровать, – сказала Мэри-Кей. – Мне

рассказывали, что кто-то в Тихоокеанской подземной экспедиции начал расшифровывать хейдлский язык. Археолог, ван Скотт или как-то похоже. Экспедиция секретная, но откуда-то просочилась информация. Только теперь экспедиция пропала.

– Ван Скотт? – переспросила Вера. – А может, женщина? Али фон Шаде?

– Точно. Значит, вам известно о ее работе?

– Только в общих чертах.

– Она наш друг, – пояснил Томас, – и мы озабочены ее судьбой.

– Мне так и непонятно, – сказал Персивел, – как она может подражать языку, который только-только открыли, и имитировать речь, к которой люди не приспособлены?

– Она не подражает и не имитирует.

– Выходит, через эту несчастную с нами общаются жители преисподней?

– Нет, конечно, мистер Персивел.

– А что же тогда?

– Я понимаю, что звучит совершенно дико...

– После того, чего мы тут наслушались? – сказал Персивел. – Одержимость, бесы. Я достаточно заинтригован.

– В общем, – начала Мэри-Кей, – Ямми стала хейдлом. Точнее, хейдл завладел Ямми.

Персивел вытаращил глаза и зарычал.

– Послушаем, – прервала его Вера.

– Бад прав, – возразил Томас. – Мы добирались в такую даль, чтобы выслушивать всякую ерунду.

– Мы лишь идем туда, куда нас ведут факты, – защищалась Мэри-Кей.

– Давайте уточним. Душа из этого существа, – Персивел указал на разлагающийся череп, – перескочила в эту молодую женщину?

– Поверьте мне, – сказала Мэри-Кей, – что никто из нас не хочет в такое верить. Но произошло нечто ужасное. На диаграмме – зубец, как раз перед тем, как Ямми потеряла сознание. На видеозаписи она берется за электроды и тут же падает. Может быть, электрический сигнал прошел через ее руки. Или его послала голова. Я понимаю, звучит неправдоподобно...

– Неправдоподобно? Скажите лучше – дико, – отозвался Персивел. – Хватит с меня. – По дороге к дверям астронавт остановился перед черепом. – Не мешало бы в этом некрополе прибраться, – объявил он во всеуслышание. – Неудивительно, что тут зарождаются такие средневековые

бредни.

Он раскрыл журнал и, бросив его на голову хейдла, прошествовал вон. Казалось, что глаза хейдла следят за всеми из-под навеса глянцевых страниц.

Мэри-Кей дрожала, потрясенная такой горячностью.

– Простите нас, – молвил Томас. – Мы-то уже привыкли друг к другу. И на людях иногда забываемся.

– Думаю, нужно пойти выпить кофе, – заявила Вера. – Здесь можно где-нибудь посидеть, чтобы собраться с мыслями?

Мэри-Кей привела их в небольшой конференц-зал, где стоял кофейный автомат. Монитор на стене передавал изображение лаборатории. После запаха разлагающихся тканей и химикатов даже сам аромат кофе принес облегчение. Томас всех усадил и принес кофе. Первую чашку он подал Мэри-Кей.

– Я понимаю, как это дико, – сказала она.

– Вообще-то, – признался Рау, который успокоился после ухода Персивела, – нам не стоило так удивляться.

– Почему же? – спросил Томас.

– Речь идет о всем известной реинкарнации. Если оглянуться назад, можно увидеть, что почти все теории на этот счет одинаковы. Австралийские аборигены хранят в памяти длиннейшие цепочки своих родословных – этой традиции двадцать тысяч лет. Вера в реинкарнацию бытует у многих народов – в Индонезии, у банту, у друидов. О ней писали такие мыслители, как Платон, Эмпедокл, Пифагор и Плотин. Орфическое учение, еврейская каббала – тоже попытки открыть тайну перевоплощения. Даже современная наука занималась данной проблемой. В моей стране реинкарнация считается вполне естественным явлением.

– Я никак не могу принять подобную мысль – здесь, в научной лаборатории, душа хейдла переселилась в другое существо.

– Душа? – переспросил Рау. – В буддизме нет такого понятия. Там говорится об однообразной череде перерождений, о переходе из одного воплощения в другое. Это называется сансара.

Подстрекаемая скептицизмом Томаса, вмешалась Вера:

– С каких это пор перерождение включает эпилептические припадки, убийство и каннибализм? Это считается нормальным явлением?

– Я лишь могу сказать, что рождение не всегда проходит гладко, – ответил Рау. – Почему же с перерождением должно быть иначе? А по поводу разрушения... – он указал на картину разгрома на мониторе, – оно может быть связано с ограничением возможностей человеческой памяти.

Разумеется, так и есть, как сказала доктор Кениг: память – набор электрических цепей. Но одновременно это и лабиринт. Бездна. Кто знает, что там творится.

– А почему ты спросил про лабораторных животных?

– Хотел проверить и другие возможности, – объяснил Рау. – Обычно переселение происходит из умирающего старика в дитя или животное. Но в нашем случае у хейдла была только эта молодая женщина. Его сознанию досталось, так сказать, занятое помещение. И теперь оно пытается выселить сознание Ямомото, чтобы хозяйничать самому.

– Почему именно теперь? – спросила Мэри-Кей. – С чего вдруг так неожиданно?

– Можно только догадываться, – ответил Рау. – Вы сказали, что лезвие приближалось к гиппокампу. Вероятно, память хейдла пыталась защититься от разрушения путем захвата чужой территории.

– И она захватила Ямомото? Странное объяснение!

– У вас на Западе, – сказал Рау, – считают реинкарнацию неким социальным жестом вроде поцелуя или рукопожатия. Но перерождение – это захват. Оккупация или, если хотите, колонизация. Подобно тому, как одна страна отнимает у другой территорию, внедряет туда своих людей, язык, управление. Ацтеки очень быстро заговорили по-испански, а могавки – по-английски. И начали забывать, кем они были раньше...

– Ты подменяешь суть метафорой, – перебил его Томас. – Боюсь, так мы не приблизимся к цели.

– Подумайте сами, – взволнованно продолжал Рау. – Передача памяти. Длинная – на века – непрерывная цепь перерождений сознания. Этим можно объяснить его бессмертие. С точки зрения человеческой исторической перспективы он может показаться вечным.

– О ком вы говорите? – спросила Мэри-Кей.

– Мы ищем кое-кого, – сказал Томас. – Ничего важного.

– Извините за любопытство, – ответила доктор.

После того как она столько им рассказала, ее это явно задело.

– У нас просто такая игра, – поспешно объяснила Вера. – Глупости.

Видеомонитор на стене не передавал звук, иначе они бы обратили внимание на то, что в лаборатории поднялась какая-то суеда. У Мэри-Кей запыкал пейджер; взглянув на него, она вдруг отбросила с глаз волосы и уставилась на экран.

– Ямми... – простонала она.

По лаборатории носились люди. Кто-то на мониторе беззвучно кричал.

– Что такое? – спросила Вера.

– Голубой код!^[23] – И Мэри-Кей выскочила за дверь. Через полминуты она появилась на мониторе.

– Что происходит? – спросил Рау.

Вера развернула свое кресло к монитору.

– Бедняжка умирает. У нее остановка сердца. Вызвали реанимацию.

Томас встал и внимательно смотрел на экран. Рау присоединился к нему.

– А теперь? – спросил он.

– Теперь попробуют запустить сердце, – сказала Вера.

– Она что – умерла?

– Смерть бывает клиническая, а бывает биологическая. Быть может, еще не поздно.

Под руководством Мэри-Кей несколько человек отодвигали столы и поломанную аппаратуру, чтобы очистить дорогу для громоздкой реанимационной установки. Мэри-Кей подняла электроды. Сзади какая-то женщина держала в руках провод, растерянно озираясь в поисках розетки.

– Нельзя этого делать! – закричал Рау.

– Должны же они попытаться, – сказала Вера.

– Неужели никто меня не понял?!

– Куда ты, Рау? – рявкнул Томас.

Но того уже не было.

– Вон он. – Вера указала на экран.

– Что он вообще себе думает?!

Рау, все еще в ковбойской шляпе, оттеснил здорового полицейского и легко перепрыгнул через опрокинутый стул. Томас и Вера смотрели, как люди попятились от анатомического стола, открывая камеру Ямомото. Хрупкая молодая женщина лежала неподвижно, связанная и прикрученная к столу; к аппаратам от нее шли провода. Когда Рау приблизился, Мэри-Кей стояла сбоку, держа наготове электроды. Он начал ей что-то доказывать.

– Господи, Рау, – совсем расстроилась Вера. – Томас, нужно его оттуда забрать, это же реанимация.

Мэри-Кей что-то сказала медсестре, и та попыталась увести Рау за руку. Он ее оттолкнул. Какой-то лаборант обхватил Рау за пояс, но тот упрямо вцепился в край металлического стола. Мэри-Кей нагнулась, чтобы приложить электроды. Последнее, что увидела Вера, было выгнувшееся дугой тело Ямомото.

Они спешили. Томас катил ее кресло в лабораторию, толкая и задевая на ходу сотрудников и полицейских. Они наткнулись на каталку, загруженную оборудованием, – это отняло целую минуту. Когда добрались

до лаборатории, все уже кончилось. Люди расходились. У дверей стояла женщина, прижимая к лицу ладони.

Внутри Томас и Вера увидели мужчину, с рыданиями уронившего голову на стол.

Наверное, муж, догадалась Вера. Мэри-Кей, стоя с безучастным взглядом, так и не выпускала из рук электроды. С ней заговорил ассистент, но она не ответила. Тогда парень взял у нее электроды. Кто-то еще похлопал ее по спине, но она не двинулась.

– Господи, неужели Рау оказался прав? – прошептала Вера.

Они двигались по разгромленной лаборатории, а тело Ямомото тем временем накрыли и переложили на носилки. Санитарам пришлось подождать, пока схлынет толпа. Следом за носилками вышел муж Ямомото.

– Доктор Кениг! – позвал Томас.

На блестящем столе валялись перепутанные провода. Мэри-Кей вздрогнула и подняла глаза.

– Что, святой отец? – произнесла она в оцепенении.

Вера и Томас озабоченно переглянулись.

– Мэри-Кей, – сказала Вера, – как ты себя чувствуешь?

– Отец Томас, Вера... Ямми тоже умерла. Что же мы сделали не так?

Вера вздохнула.

– Ты меня напугала. Иди сюда, девочка. Иди ко мне.

Мэри-Кей опустилась на колени рядом с креслом и уткнулась лицом Вере в плечо.

– Рау! – позвал Томас, оглянувшись. – Куда он делся?

Вдруг Рау выскочил из своего убежища – он прятался за грудой бумаг и проводов. Индус двигался так быстро, что его не сразу узнали. Подскочив к креслу Веры, Рау сделал широкий взмах рукой – Мэри-Кей вскрикнула и, упав на спину, согнулась от боли. Ее халат разошелся от плеча до плеча – длинная рана быстро налилась кровью. Рау держал скальпель.

Теперь все увидели лаборанта, который пытался оттащить Рау от анатомического стола. Он сидел, согнувшись, а у него на коленях лежали его внутренности.

Томас что-то крикнул Рау. Это был явно приказ, а не вопрос. Вера не знала хинди – если он говорил на хинди, – да и все равно пребывала в таком потрясении, что ей было не до того.

Рау остановился и взглянул на Томаса. На искаженном мукой лице появилось выражение растерянности.

– Томас! – закричала Вера.

Пытаясь удержать раненую Мэри-Кей, она выпала из кресла.

Томас на секунду отвернулся от Рау, и тот исчез за дверью.

Самоубийство транслировали по государственному каналу. Рау не мог выбрать более подходящего времени: внизу, у входа в университет, собрались для пресс-конференции журналисты.

Им осталось только навести камеры на крышу восьмиэтажного здания. Вот к Рау приближаются с поднятым оружием полицейские из отряда особого назначения. На заднем плане пламенный закат в Скалистых горах. Нацелив микрофоны, звукооператоры ловили каждое слово речи психолога, обращенной к самоубийце. Объективы, сфокусированные на искаженном лице, отследили прыжок. Некоторые самые сообразительные операторы для пущего эффекта использовали прием дрожащего кадра.

Никто не сомневался, что бывший глава индийского парламента повредился в уме. Череп хейдла, который он сжимал в руках, был тому надежным доказательством. И еще ковбойская шляпа.

Брат мой, хвоста у нас не отнять!

*Редьярд Киплинг. Книга джунглей. Песня
бандерлогов*

Под поднятием Магеллана

176 западной долготы, 8 северной широты

В последний день лета лагерь разбудили толчки.

Али, как и остальные, спала на земле. Она почувствовала землетрясение всем телом. Казалось, оно перетряхнуло ей все кости.

Целую минуту люди лежали. Некоторые свернулись калачиком, другие держались за руки или обнимали соседа или соседку. В ужасной тишине все ждали, когда на них рухнет свод или обвалится пол.

И вдруг какой-то остряк крикнул:

– Да все нормально! Это Шоут, растак его, снова дрочил.

И все нервно засмеялись. Толчков больше не было, но людям напомнили, как они ничтожны. Али приготовилась к очередному потоку исповедей от своей нестойкой паствы.

Позже утром несколько женщин из тех, кто плыл вместе с ней, почувствовали запах землетрясения – над рекой висела слабая пыль. Пиа, планетолог, сказала, что это напоминает ей мастерскую каменотеса, по соседству с которой она жила в детстве. Запах полируемого камня, на который потом пескоструем наносятся имена умерших.

– Ты про памятники? Нашла о чем вспомнить.

Чтобы прогнать ощущение, что это недобрый знак, Али сказала:

– Видите, какая белая пыль? Знаете, как пахнет белый мрамор, когда по нему прошел резец? – И Али рассказала, как однажды, на севере Италии, она посетила мастерскую скульптора. Тот работал – без особого успеха – с обнаженной натурой и умолял Али позировать, помочь ему извлечь женщину из куска камня. Какое-то время он забрасывал ее письмами.

– Он хотел, чтобы ты позировала голая? – Пиа была в восторге. – А что ты монахиня, он не знал?

– Знал, разумеется.

– И ты согласилась?

Али вдруг стало грустно.

– Нет, конечно.

Жизнь в этих темных коридорах и переходах изменила Али. Ее всегда учили забывать о своей индивидуальности – Господь, мол, сам отметит ее своим знаком. А теперь ей отчаянно хотелось, чтобы ее кто-то помнил, пусть даже в виде куска мрамора.

Жизнь под землей влияла и на других. Али, как антрополог, отлично понимала, что происходит с ученой братией. Изучать странности в их поведении было все равно что наблюдать за постепенно дичающим садом. Люди усваивали какие-то новые манеры, заводили новые прически; они стали закатывать штанины до колен, а рукава – до плеч. Многие мужчины ходили по пояс голые, а куртки болтались у них на поясе, словно сброшенная кожа. Дезодоранты остались в прошлом, причем запах тел почти не чувствовался, разве у некоторых бедняг. Шоут, например, прославился вонючими ногами. Женщины вплетали друг другу в волосы бусинки и ракушки. Это все так, смеха ради, говорили они, но их изобретательность росла с каждой неделей.

Некоторые солдаты стали шептаться о чем-то в отсутствие Уокера, а их оружие вдруг запестрело резьбой. Они вырезали на пластиковых ложах и прикладах фигурки зверей, библейские изречения, имена подружек. Даже Уокер отрастил у себя на подбородке космы, как у Моисея, – вот где, наверное, было раздолье для пещерных вшей, которые буквально одолели всех.

Айк теперь почти не отличался от остальных. После происшествия у шахты-2 он старался показываться пореже. Его не видели неделями, встречали только пирамидки из трех зеленых «свечей», обозначающие пригодное для стоянки место. Иногда он появлялся, но не больше чем на несколько часов. Айк уходил в себя, и Али не знала, ни как до него достучаться, ни почему для нее это так важно. Наверное, потому что тот, кто больше всех нуждался в понимании, больше всех ему сопротивлялся. Была и другая возможность – она просто влюбилась. Но это несерьезно, думала Али.

Однажды, после одной из его редких ночевок в лагере, Али прихватила еды, и они вместе уселись на берегу.

– Что тебе снится, Айк?

Он сморщил лоб, и Али добавила:

– Можешь не говорить.

– Обсуждаешь меня с психиатрами, – сказал он. – Они тоже меня

спрашивали. Наверное, считают сны мерилom нормальности. То есть не снятся ли мне хейдлские сны.

Али была озадачена. Все от него что-то хотят.

– Да, наверное, мерило. И – нет, я тебя ни с кем не обсуждала.

– Тогда в чем дело?

– Просто спросила, что тебе снилось. Можешь не говорить.

– Ну и хорошо.

Они сидели и слушали шорох воды. Через минуту Али передумала.

– Нет, скажи, – попросила она.

– Али, – ответил он, – тебе это ни к чему.

– Ну пожалуйста, – упрашивала Али.

– Али! – Он покачал головой.

– Что-то плохое?

Айк вдруг встал и пошел к своей байдарке.

– Ты куда? Послушай, извини меня, я лезу не в свое дело. Прости.

– Да нет, ты не виновата, – сказал Айк, стаскивая байдарку в воду.

Он пустился вниз по реке, и ее вдруг осенило. Ему снилась она.

* * *

Двадцать восьмого сентября экспедиция достигла шахты-3.

Уже два дня радисты принимали все более сильный сигнал. Уокер, не зная, какие еще сюрпризы в запасе у «Гелиоса», и не представляя, что могут замышлять военные, велел Айку держаться подальше и отправил вперед своих солдат. Айк не стал возражать; он плыл среди ученых в своей байдарке, молчаливый и недовольный, что на этот раз не у дел.

Там, где следовало быть контейнерам, шумел водопад. Уокер и его люди выгрузились поблизости и водили по стенам мощными фонарями, установленными на лодках. С невидимой высоты по щиту из оливина катились струи воды и разбивались в мелкую взвесь, рождающую в лучах фонарей радугу. Ученые подогнали плоты и высадились. Из-за некоторых особенностей акустики грохот водопада образовывал белый шум.

Подошел Уокер.

– Детектор расстояния на нуле, – сообщил он. – Значит, цилиндры где-то совсем рядом. Но пока что мы имеем только водопад.

Али чувствовала соленый вкус тумана и всматривалась в огромную горловину шахты, уходящую в темноту. Они прошли две трети своего тихоокеанского маршрута и находились на глубине пять тысяч восемьсот

шестьдесят шесть фатомов – более шести миль ниже уровня моря. Над ними была вода, и она просачивалась вниз, сквозь океанское дно.

– Должны быть здесь, – сказал Шоут.

– У тебя есть собственный детектор, – вспомнил Уокер. – Давай посмотрим, может, он точнее?

Шоут отпрянул и вцепился в плоский кожаный футляр, висевший у него на шее.

– Это совсем не то, – заявил он. – Это прибор для активации маяков, которые я расставляю по дороге. Его используем только в случае чрезвычайной ситуации.

– А может, контейнеры легли на какой-нибудь уступ? – предположил кто-то.

– Мы проверяем, – ответил Уокер. – Точность у наших детекторов довольно высокая. Цилиндры где-то в пределах двухсот футов. Но никаких признаков – ни кабелей, ни осыпания пород от бурения. Ничего.

– Одно-то точно, – заявил Сперриер. – Пока не найдем наше продовольствие, никуда не пойдем.

Айк направил байдарку вниз, намереваясь обследовать боковые коридоры.

– Если найдешь контейнеры – не прикасайся. Возвращайся и доложи, – наставлял его Уокер. – Ты у кого-то на мушке, и я вовсе не хочу, чтобы ты был поблизости, когда этот кто-то спустит курок.

Экспедиция разделилась на поисковые партии, но ничего так и не нашли. Уокер, разочарованный, отправил своих солдат перекапывать берег, на случай, если цилиндры зарылись в гравий. Безрезультатно. Люди начали терять терпение. Кто-то затеял подсчитывать, как разделить продукты, чтобы хватило до следующей шахты, но никто не хотел его слушать.

Поиски прервали: решили поесть и обсудить виды на будущее. Али и другие уселись спиной к плотам, лицом к водопаду. Вдруг Трой предложил:

– А что, если там посмотреть? – и показал на водопад.

– В воде? – удивилась Али.

– Единственное место, где не искали.

Они бросили еду и, вглядываясь в туман и потоки воды, двинулись через небольшую протоку, вытекающую от подножия водопада. К ним присоединились и другие: мысль Троя многим показалась удачной.

– Нужно, чтоб кто-то вошел прямо туда, – сказал Сперриер.

– Я пойду, – вызвался Трой.

Тут подошел Уокер:

– Сейчас мы их достанем.

Понадобилось еще полчаса, чтобы подготовить «добровольца» – здорового угрюмого юнца родом из западной части Сан-Антонио.

Недавно он начал украшать себя хейдлскими рисунками. Али слышала, как полковник распекает его за безбожие. И теперь его посылали явно в наказание. К нему привязали конец веревки, и он напугался.

– Полковник, я с водопадами как-то не очень. Пусть Эль-Капитан идет.

– Крокетта сейчас нет! – прокричал сквозь шум полковник. – Просто иди по стенке.

В застегнутом спасательном костюме и очках ночного видения, которые сейчас больше походили на маску для ныряния, парень шагнул вперед, медленно растворяясь в тумане. Остальные держали другой конец веревки; через несколько минут она перестала подергиваться и обвисла.

Солдаты принялись тянуть и вытащили из-под воды все пятьдесят метров. Уокер поднял конец.

– Он его отвязал. – И полковник крикнул следующего добровольца. – Видимо, там яма. Не отвязываться. Когда доберешься, дерни три раза, потом прикрепи веревку к стене или еще к чему-нибудь. Остальные пойдут, держась за веревку. Понятно?

Второй солдат двинулся более уверенно. Веревка на этот раз втянулась дальше.

– Куда он там подался? – сказал Уокер.

Веревка сильно натянулась, потом дернулась. Солдат, который ее держал, недовольно заворчал, но веревка вдруг вырвалась из рук, и конец, хлестнув, скрылся в тумане.

– Тут вам не соревнования по перетягиванию каната, – поучал Уокер третьего охранника. – Просто прикрепи свой конец. Чтобы дать сигнал, достаточно тихонько дернуть три раза.

Тем временем другие солдаты потихоньку веселились. Их товарищи за пеленой тумана потешаются над полковником. Напряжение спало.

Третий разведчик ступил под водную завесу и скрылся из виду. Неожиданно он появился снова, изо всех сил пятясь обратно.

Все произошло очень быстро. Солдат молотил руками, словно пытался что-то от себя оторвать. По инерции он полетел в толпу – люди мигом бросились во все стороны. Он приземлился посередине, перекувырнулся, выгнулся спиной вверх, стараясь подняться. Что было дальше, Али не разглядела.

Солдат издал низкий утробный вопль.

– С дороги, с дороги! – кричал Уокер, пробираясь сквозь толпу.

Спина у солдата провисла, но он продолжал подергиваться.

– Томми! – звал его товарищ.

Томми – вернее, то, что от него осталось, – резко выпрямился; лицо и торс оказались изодраны в клочья. Тело опрокинулось на спину.

И тогда все увидели хейдла.

Самка прижалась к земле – там, где упала, оторвавшись от Томми. Она была слепая, белая, как подземная рыба; на губах, руках и груди блестела кровь. Али видела самку лишь долю секунды. Этому созданию на вид тысяча лет. Как могло такое морщинистое существо учинить столь ужасную расправу?

Люди с криками бросились прочь от страшного видения. Али сбили наземь и пробежались по ней ногами. Кто-то споткнулся о ее голову. Солдаты торопливо нащупывали оружие.

Через обезумевшую толпу проталкивался Уокер; среди мечущихся лучей света он больше походил на тень, чем на человека. Его пистолет палил, не переставая.

Хейдл подпрыгнул – невероятно! – на двадцать футов и очутился на каменном козырьке. В мелькающих пятнах света белая, как призрак, самка казалась опоясанной то ли чешуей, то ли грязью.

И она – хранилище праязыка? Али опешила. Последние месяцы они говорили о хейдлах почти как о людях, а те оказались ближе к диким зверям. Кожа у самки была как у рептилии. Потом Али поняла, что это рак кожи и что тело самки покрыто язвами и струпиями.

Уокер бесстрашно двинулся вдоль стены, стреляя в мечущегося хейдла. Самка стремилась к водопаду, и Али поняла, что она ориентируется на звук. Но камень ли был скользкий, или уступы недостаточно пологие, а может, выстрелы Уокера достигли цели. Она упала. Уокер и солдаты окружили ее, и Али видела только вспышки дульного пламени.

Все еще оглушенная ударом, Али поднялась на ноги и направилась к кучке взволнованных солдат. По их возбуждению она поняла, что они впервые увидели хейдла, тем более вступили с ним в схватку. Крутым ребятам Уокера враг знаком не больше, чем ей.

– Вернитесь к лодкам! – приказал ей Уокер.

– Что вы намерены делать?

– Забрать наши контейнеры, – сказал он.

– Вы войдете туда?

– Сначала утихомирим их там.

Охранники стали готовить пулеметы, установленные на плотках. Они были настроены мрачно и решительно. Али, которая видела в Африке гражданские войны, не понаслышке знала – если разбудить молоха войны,

его уже не остановить. Все происходит слишком быстро. Она жалела, что нет Айка, нет кого-то, кто бы знал местность и мог умерить ненужный пыл Уокера.

– Но там ведь наши ребята!

– Дамочка! – ответил Уокер. – Не вмешивайтесь в военные дела.

Он махнул рукой, и один из охранников взял ее за руку и отвел к другим ученым, которые грузились на плоты.

Али забралась на плот к остальным, и они оттолкнулись от берега, чтобы смотреть издалека.

Уокер приказал направить все фонари на водопад, и водяной столб превратился в огромного стеклянного дракона, который, тяжело дыша, прижался к стене. Затем по водопаду открыли огонь. Али вспомнила легенду о царе, приказавшем высечь море. Вода принимала пули. Белый шум поглощал выстрелы, превращая их в стремительные ленты фейерверков. Пули испарывали водную пелену, разбивали ее на брызги, но она тут же смыкалась. «Люциферы» с урановым носиком, ударяясь о стены, вырывали из них камни. Один солдат выстрелил в недра водопада ракетой, и оттуда выплеснулась толстая струя, обнажив внутри пустоту. В следующий миг пустоту закрыли низвергающиеся потоки воды.

Затем водопад начал кровоточить. Воды его покраснели. Покраснела и протока, и эта краснота разошлась неровными полосами по реке и устремилась вниз. Али подумала, что, если бы выстрелы не привлекли Айку, он все равно увидел бы красные струи. Ее напугали масштабы того, что сотворил Уокер. Застрелить напавшего хейдла – это одно. Но полковник, казалось, вскрыл вены какой-то природной силе. Спустил с привязи Нечто.

– Господи, что же там, внутри? – выдохнул кто-то.

Уокер дал знак прекратить огонь. Солдаты бросились к водопаду; в своих блестящих спасательных костюмах они напоминали насекомых. Винтовки у них в руках замерли, и каждый солдат казался лишь дополнением к оружию. Уокер разделил своих подчиненных на две группы: одна вошла под водопад с обеих сторон протоки, другая по-прежнему целилась вперед, готовая всадить в воду новые очереди. Ученые наблюдали за ними, сидя на покачивающихся плотках. Прошло несколько минут. Появился человек в искрящемся неопрене. Он крикнул:

– Все чисто!

– А контейнеры? – прокричал Уокер.

– Тут, внутри.

Уокер и остальные солдаты поднялись и вошли в водопад, не говоря ни

слова своим подопечным.

Ученые подгребли к берегу. Некоторые остались сидеть на плотках – боялись, что на них набросятся хейдлы, или растерялись при виде пролитой крови. Али и еще несколько человек вышли рассмотреть убитую самку. От нее мало что осталось. Пули буквально вывернули хейдла наизнанку.

Шестеро, в их числе и Али, направились через водопад. Брызги уже намочили ей волосы, поэтому она не стала надевать капюшон.

Вдоль стены шел едва заметный уступ, и люди шагали, прижимаясь к стене над озерцом – водопад походил на занавес, освещенный сзади огнями. Фонари превратились в жидкие шары, потом водопад стал совсем густым и вообще не пропускал свет. Его шум заглушал абсолютно все звуки. Али включила налобный фонарь и балансировала между водой и стеной.

Ученые оказались в сферическом гроте.

Здесь лежали все три цилиндра, опутанные сотнями ярдов толстого кабеля. Контейнеры весили вместе с грузом по четыре с лишним тонны – чтобы втащить их сюда, нужна была неслыханная сила. Али заметила два кабеля, уходящих концами вверх, под водопад. Это позволяло надеяться, что линия связи не повреждена.

На боку одного цилиндра под ободранной трафаретной надписью «ГЕЛИОС» проступали бледные буквы «НАСА». Верхняя обшивка была изрыта следами пуль и шрапнели, но не насквозь. Один солдат, то и дело смахивая с глаз брызги, трудился над люком. Хейдлы пытались добраться до содержимого с помощью камней и железных прутьев, но сумели только сорвать несколько болтов. Крышки люков остались на месте. Али выбралась из воды рядом с кучей кабеля и увидела, что первое тело, мимо которого она прошла, был солдат Уокера, тот самый парень из Сан-Антонио. У него вырвали горло. Али приготовилась увидеть кое-что похуже.

В глубине грота охранники расставили на выступках и в нишах химические «свечи», окутавшие пещеру зеленоватой пеленой. В воздухе, словно туман, повис дым от выстрелов. Солдаты бродили среди мертвых. Али только заморгала при виде мяса и костей и подняла глаза, чтобы прошла тошнота. Тел было множество. Из-за зеленого освещения стены казались просто запотевшими, но это блестела кровь. Она проникла повсюду.

– Осторожно, – предупредил Али врач, – не задевай обломки костей. Поцарапаешься – подцепишь какую-нибудь жуткую инфекцию.

Али заставила себя смотреть вниз, чтобы видеть, куда наступать. Кругом валялись оторванные конечности. Хуже всего были руки – они так и тянулись куда-то с мольбой.

Несколько солдат смотрели на Али пустыми глазами. От их рвения не осталось и следа. Она решила, что они испуганы содеянным и теперь раскаиваются. Но все оказалось еще ужаснее.

– Тут только женщины... – бормотал один солдат.

– И дети.

И Али пришлось взглядеться в раскрашенные тела и лица с нависшими бровями. Несколько минут назад здесь была целая толпа, которая просто дожидалась, пока уйдут люди.

Али посмотрела, какого они пола, и поняла, что солдат сказал правду.

– Суки и их отродье, – сострил кто-то, пытаясь скрыть стыд.

Но его никто не поддержал. Всем это было не по вкусу – безоружный противник, ни одного мужчины. Избиение младенцев.

У входа в боковой коридор появился солдат – он кричал и махал рукой. Услышать его было невозможно из-за водопада, но Али расслышала голос из чьей-то рации.

– Сьерра Виктор, это Лиса-один, – говорил взволнованный голос. – У нас тут живые хейдлы. Что нам делать?

Бродивший среди трупов полковник выпрямился и потянулся за своей рацией. Али ждала, какой он отдаст приказ. Уокер уже потерял троих. Он, не задумываясь, велит солдатам довести дело до конца. Полковник поднес рацию к губам.

– Стойте! – закричала Али и бросилась к нему. Он сразу понял, чего хочет монахиня.

– Сестра! – приветствовал он ее.

– Не делайте этого!

– Идите к остальным.

– Нет.

Спор мог зайти слишком далеко. Тут у входа появился человек и громко закричал. Это был Айк. Он стоял на цилиндре, и его обтекала вода.

– Что вы сделали?!

Подняв руки, словно не в силах поверить в случившееся, Айк спрыгнул на землю. Все смотрели на него, а он подошел к какому-то трупу и опустился на колени. Перевесил на бок обрез. Потом приподнял с земли девочку, обхватив ее за плечи. Голова с белыми курчавыми волосами вокруг рожек запрокинулась, рот открылся. Зубы у нее были заточены.

Айк обращался с ней ласково. Приподнял голову, посмотрел в лицо,

понюхал за ухом и снова опустил на землю. Рядом лежал младенец – Айк поднял его и стал покачивать на руках, словно живого.

– Вы не понимаете, что наделали, – простонал он.

– Лиса-один, говорит Сьерра Виктор, – бормотал Уокер в рацию. Полковник прикрыл рот ладонью, но Али услышала. – Открыть огонь!

– Что вы делаете? – крикнула она и выхватила рацию. Ткнула пальцем в кнопку передачи и сказала: – Не стрелять! – И добавила: – Черт бы вас побрал!

Али отпустила кнопку, и все услышали растерянный голос:

– Полковник, прошу повторить приказ.

Полковник пытался отобрать у Али рацию.

– Мы не знали, – сказал Айку молодой солдат.

– Тебя там не было, – пожаловался другой. – Ты не видел, что они с Томми сделали. А этому вообще горло выдрали.

– А ты чего ожидал?! – ревел Айк.

Все притихли. Али никогда не видела его разъяренным. Непонятно, откуда взялся такой голос.

– А младенцы?! – гремел он.

Все попятились.

– Это хейдлы, – заметил Уокер.

– Да, – сказал Айк.

Он держал на вытянутых руках мертвого детеныша, разглядывая маленькое личико, затем прижал его к груди. Потом поднял обрез и застыл.

– Они звери, Крокетт. – Уокер говорил громко, чтобы слышали все. – Они убили троих наших. Украли контейнеры и хотели их открыть. Если бы мы не напали, они бы разграбили наши припасы, и нас ждала бы смерть.

– Вот, – ответил ему Айк, сжимая в руках малыша, – вот – ваша смерть.

– Мы находимся... – начал было Уокер.

– Вы убили себя, – сказал Айк немного спокойнее.

– Ну хватит, Крокетт. Определись – или ты с людьми, или с ними.

Рация в руке Али снова ожила, и она подняла ее так, чтобы было слышно Айку.

– Они нас обходят. Повторите приказ. Стрелять или нет?

Уокер выхватил у Али рацию, но Айк был начеку. Не колеблясь, он направил обрез прямо полковнику в лицо. Обросший бородой рот Уокера перекосялся.

– Отдай мне малыша, – попросила Али и взяла у Айка мертвого детеныша. – У нас есть и другие заботы. Правда, полковник?

Уокер взглянул на нее потемневшими от гнева глазами. Он принял решение.

– Огонь не открывать! – прорычал он в рацию. – Мы сейчас придем.

Каменный пол был в рытвинах и горбах, и Али все время приходилось обходить ямы с водой. Люди вскарабкались по скользкому наклону в верхний, меньший, грот. Смертельный град пуль сюда не достал, но и попавшие рикошетом наделали немало бед – прежде чем добраться до верха, Али и ее спутники увидели еще несколько тел.

Уцелевшие прятались в нише и, казалось, кожей чувствовали свет фонарей. Али насчитала семерых, причем двое были совсем молодые. Хейдлы молчали и шевелились только тогда, когда на кого-то слишком долго светили.

– Тут все? – спросил Айк.

Ему указали еще на одну кучку – одиннадцать или двенадцать хейдлов жались у протоки. Они отворачивали лица от света, а матери старались прикрыть детей.

Кожа у них была блестящая. Когда они двигались, шевелились шрамы и татуировки.

– Вот так толстухи! – сказал Уокеру солдат.

Некоторые и впрямь были тучными. Или, точнее, у них была стеатопигия – большие жировые отложения на ягодицах – и огромные груди. Али они показались похожими на «неолитических венер». В глаза бросались нависшие брови и низкие лбы – и ей по-прежнему было трудно воспринимать их как людей.

– Они считаются священными, – сказал Айк. – Они неприкосновенны.

– Прямо-таки девственницы-весталки, – ухмыльнулся Уокер.

– Как раз наоборот. Матери. Беременные и недавно родившие. И их дети. Хейдлам известно, что они вымирают. Это сокровище их расы. Если женщина забеременеет, ее помещают в такую вот общину. Нечто вроде гарема. Или скорее монастыря. О них заботятся, их охраняют и чтят.

– Ну и?..

– Хейдлы – кочевники. У них бывают сезонные миграции. Когда они передвигаются, каждое племя держит своих женщин в середине – чтобы защитить.

– Ничего себе – защита! – влез какой-то солдат. – Мы из их следующего поколения наделали котлет.

Айк промолчал.

– Погодите, – сообразил Уокер. – Ты говоришь, что мы пересекли середину их каравана?

Айк кивнул.

– То есть с двух сторон идут самцы?

– Такое уж везение, – ответил Айк. – Гнилое. Думаю, не стоит ждать, пока они сюда явятся.

– Ладно, – сказал Уокер. – Ты посмотрел, теперь нужно с этим кончать. Но Айк вошел в толпу хейдлов.

Али не расслышала полностью, что он говорил, только заметила, что он то возвышал, то понижал тон и иногда прищелкивал языком. Женщины-хейдлы удивились, солдаты, державшие их под прицелом, тоже. Уокер метнул взгляд на Али, и ей вдруг стало страшно за Айку.

– Если хоть кто-то попытается бежать, – приказал Уокер, – открыть огонь по всем сразу.

– Но там же Эль-Капитан, – заметил кто-то.

– По всем! – непреклонно ответил Уокер.

Али отодвинулась от полковника и приблизилась к Айку, находясь прямо на линии огня.

– Вернись! – прошептал Айк.

– Это не ради тебя, – солгала она, – а ради них.

Хейдлы тянули руки, чтобы потрогать Айку и Али. Жесткие ладони, обломанные заскорузлые ногти. Айк присел на корточки. Али позволила хватать себя за руки и нюхать. Особый интерес у хейдлов вызвало тавро Айку. Одна старуха с бельмами на глазах держала его за руку. Она поводила пальцами по рубцам и что-то спросила. Когда Айк ответил, отпрянула, как будто в отвращении. Потом зашептала что-то остальным; хейдлы засуетились, затолкались, стараясь от него отодвинуться. Айк, сидя на корточках, опустил голову. Он попытался произнести еще несколько фраз, но их страх только усилился.

– Что ты делаешь? – спросила Али. – Что ты им сказал?

– Свое хейдлское имя.

– Ты говорил, что его запрещено произносить вслух.

– Было запрещено, пока я не ушел от племени. Теперь я хочу узнать, насколько плохи мои дела.

– Они тебя знают?

– Они знают про меня.

Судя по отвращению хейдлов, Айк доброй славой не пользовался. Даже дети его боялись.

– Хорошего мало, – сказал он, глядя на солдат. – Остаться здесь нам нельзя. А если мы уйдем...

Тут Уокеру по рации сообщили, что два контейнера наконец вскрыты,

и Шоут включил линию связи. Али видела по лицу полковника, что ему хочется отделаться побыстрее.

– Ну, довольно, – заявил он.

– Оставьте их здесь, и все, – попросила Али.

– Я человек слова, – ответил полковник. – Это ведь ваш приятель Крокетт установил правило: «пленных не брать».

– Полковник, – сказал Айк, – убивать хейдлов – одно дело. Но среди них есть человек. Если ее пристрелить, это будет убийство, верно?

Али не поняла – блефует он, чтобы протянуть время, или имеет в виду ее. Айк пробрался между хейдлами и схватил за руку самку, которая пряталась позади других. Та взвизгнула и укусила его, но Айк все же выволок ее наружу за руки и приподнял. Али не смогла ее разглядеть. Хейдлы уцепились самке за ноги; Айк отшвырнул их и попятился.

– Бежим, – сказал он Али, – бежим, пока можно.

Хейдлы пронзительно завопили. Али не сомневалась, что они сейчас бросятся за Айком и попытаются вернуть самку.

– Вперед! – крикнул Айк, и Али побежала к солдатам.

Они расступились, пропуская ее, Айку и пленницу. Али споткнулась и упала. Айк налетел на нее.

– Именем Господа, – возгласил Уокер, – огонь!

Солдаты открыли огонь. В небольшом гроте шум стоял оглушительный, и Али закрыла уши ладонями. Расстрел занял меньше двенадцати секунд. Несколько контрольных выстрелов – и огонь прекратился. В воздухе повисла вонь от газов. Али слышала, что одна женщина еще кричит, словно ее ранили или пытаются.

– Давайте сюда. – Солдат схватил ее за руку. Он явно за нее беспокоился. Али помнила его по исповеди. Кальвино, итальянец, молодой жеребчик. На совести у него беременная подружка, воровство и еще кой-какие грешки.

– Но Айк...

– Полковник велел, – сказал солдат, и Али увидела, что у задней стены грота происходит какая-то разборка; Айк тоже был там. В углу лежали жертвы побоища. «И ведь просто так, без всякой причины», – подумала Али. Она позволила солдату утащить себя вниз и провести через водопад.

Несколько часов она ждала у водяной завесы. Всякий раз, когда оттуда выходил солдат, Али спрашивала про Айку. Солдаты отводили глаза и не отвечали.

Наконец появился Уокер. Позади него под охраной солдат шла спасенная Айком девушка.

Руки ей привязали к туловищу, рот заткнули. Кисти обмотали скотчем, вокруг шеи, как поводок, прицепили колючую проволоку, ноги опутали кабелем. Кожа была в порезах и покрыта запекшейся кровью.

Но шла она, словно королева. Голая, как чистое небо.

Она – не хейдл, поняла вдруг Али.

Зная, что человеческое тело существует в настоящем его виде сто тысяч лет, Али сосредоточила внимание на форме черепа. Череп был современный, человеческий. Кроме него, почти ничто не выдавало принадлежности девушки к человеческой расе.

На нее устремились все глаза, но ее это не волновало. Пусть смотрят. Пусть трогают. Пусть делают, что хотят. Каждый взгляд, каждое оскорбление поднимает ее еще выше.

Татуировки Айка не шли ни в какое сравнение с ее. Татуировки девушки буквально ослепляли. Тела под ними почти не было видно. Краски, которые в нее когда-то втерли, почти полностью скрывали естественный смуглый цвет кожи. Круглый живот, большие груди – они колыхались прямо перед носом солдата, который дергал головой взад-вперед в ритме даунтаун-джаза. Не было никаких признаков, что она понимает английский или какой-либо другой человеческий язык.

С головы до ног девушка была обвешана украшениями и разрисована. На каждом пальце – тонкое железное колечко.

Стопы – плоские от хождения босиком. На вид ей было не больше четырнадцати.

– Наш разведчик сказал – она может знать, что делается впереди, – заявил Уокер. – Мы немедленно выступаем.

* * *

Казалось, им удалось отделаться малой кровью. В шахте-3 экспедиция потеряла трех солдат, зато получила запас продуктов и батарей на следующие шесть недель. Они успели провести короткий сеанс связи с поверхностью и сообщить «Гелиосу», что продолжают движение.

Никаких признаков преследования не было, но Аик гнал их тридцать часов подряд и не разрешал разбивать лагерь.

– За нами гонятся! – напоминал он.

Несколько человек, желающих все бросить и вернуться той же дорогой, – верховодил у них Гитнер, – обвинили Айку в сговоре с Шоутом. Они, мол, нарочно загоняют их поглубже. Аик только плечами пожал и

предложил им делать, что хотят.

Но никто не решился.

Второго октября пропали двое солдат, прикрывавших тыл. Их отсутствие заметили только через двенадцать часов. Уокер, убежденный, что они, сговорившись дезертировать, украли плот и отправились домой, послал в погоню пятерых солдат. Айк возражал. Однако отменить приказ полковника заставили не его доводы, а сообщение, полученное по рации. Все замерли, думая, что это пропавшие солдаты.

– Вдруг они просто заблудились, – предположил кто-то из ученых.

Сигнал был искаженный, но к ним обратился, судя по выговору, британец.

– Вы допустили ошибку, – сказал он. – Вы забрали мою дочь.

Девушка-хейдл издала гортанный звук.

– Кто говорит? – спросил полковник.

Али знала, кто говорит. Полночный приятель Молли. И Айк тоже знал. Это тот, кто когда-то давным-давно увел его во тьму. Исаак вернулся. Рация замолчала.

Люди устремились вниз по течению и целую неделю не разбивали лагерь.

*Лев выходит из логова, и змеи жалят людей;
тьма опускается, и погружается в молчание земля,
ибо отдыхает создатель всего.*

Гимн Атону. 1350 г. до н. э.

Сан-Франциско, Калифорния

Очертя голову бросился хейдл из пещеры, смотрящей множеством отверстий. Слабо дыша, голодный, изнывающий от головокружения, он все же презрел свою слабость.

Идеально круглые отверстия дренажных труб покрыты инеем. Холодный туман. В многоярусных туннелях лежат больные и умирающие. Болезнь выкосила всех, словно на хейдлов обрушилась чума, или кто-то отравил реки, или пустил в коридоры ядовитый газ.

Его глаза гноились. Этот воздух, этот ужасный свет. И пустота голосов. Звуки слишком далеко и в то же время слишком близко. Слишком много пространства. Мысли не находят отклика. Стоит что-то представить, и оно тут же растворяется в небытии.

Он обмотал голову обрывками дубленой кожи, словно прокаженный. Съежившись в кожаных лоскутах, хейдл чувствовал себя лучше, он почти мог видеть. Он нужен своим. Других взрослых мужчин перебили. Теперь все на нем – оружие, пища, вода. С поисками Мессии придется подождать.

Он не пытался бежать, ведь рядом живые женщины и дети. Они выживут все вместе или погибнут. Только так. Он за все в ответе. Ему восемнадцать, и теперь он у них старший.

Кто остался? Из его жен дышала только одна. И трое его детей.

Перед ним встал образ младшего сына – холодного как камень. Аийя! Хейдл заставил свое горе перейти в ярость.

Тела других хейдлов лежали там, где они упали, или споткнулись, или пошатнулись. Разлагались они как-то странно. Наверное, из-за этого удушливого жидкого воздуха. Или из-за света, едкого, как кислота. На своем веку хейдл видел много трупов, но так быстро они никогда не портились. Прошел только день – и уже ни один не годится в пищу.

Через каждые несколько шагов он опускал руки на колени и ловил

ртом воздух. Земля – плоская, как поверхность воды. А он – воин и охотник! – едва может стоять. Жуткое место.

И, переступив через кучу костей, хейдл двинулся дальше.

Он подошел к призрачно-белой линии и приподнял свои лоскуты, щурясь в туман. Для звериной тропы она была слишком прямой. Подумав о тропе, хейдл воспрянул. Быть может, она приведет к воде.

Он шел по белой линии, останавливаясь, чтобы отдохнуть, но присесть не решался. Стоит сесть – и он ляжет, а если ляжет – уснет и не проснется. Он пытался уловить запахи, однако грязный воздух оказался слишком насыщен вонью, ни животных, ни воду не учуешь. Слуху тоже нельзя доверять, нельзя верить голосам. Казалось, на него обрушился целый их легион. И ни одного осмысленного слова. Погибшие души.

Потом белая линия уперлась в другую, тоже уводящую в туман – вправо и влево. Налево, решил он, ведь это священное направление. Куда-нибудь выведет. Линия привела к другим линиям. И он поворачивал – то направо, то налево – в нарушение Пути.

На каждом повороте ставил пахучую метку. И все равно потерялся. Как такое случилось? Лабиринт без стен? Хейдл ругал себя. Если бы он все время, как его учили, сворачивал налево, он неизбежно вернулся бы на место или мог бы пройти назад тем же путем, сворачивая направо. Теперь он спутал направление. Да еще будучи таким слабым. И притом что жизнь племени зависит от него одного. А ведь обучают именно для таких случаев.

Все еще надеясь найти воду, или мясо, или собственный запах среди этой причудливой растительности, хейдл шел дальше. У него тряслась голова. Его тошнило. Он пробовал слизать иней с колючих растений, но вкус соли и азота был сильнее жажды. Земля постоянно дрожала.

Хейдл изо всех сил пытался сосредоточиться, ускорить шаг и прогнать плохие мысли, но светящаяся белая линия неумолимо повторялась; внимание на такое невыносимой высоте рассеивалось. И потому он заметил разбитую бутылку, только когда она наполовину распоролась ему ступню.

Он сдержал крик боли. Не издал ни звука. У него были хорошие учителя. Он держал боль в себе. Принял ее словно благодать. Боль может быть другом, а может врагом – все зависит от умения управлять собой.

Стекло! Он молил послать ему оружие – и вот оно! Опустив ногу, хейдл держал скользкий осколок в руках и внимательно его изучил.

Вещь не очень хорошая, для торговли, а не для войны. Ни остроты, как у черного обсидиана, который расщепляется на острые осколки, ни прочности стекла, изготовленного мастерами-хейдлами. Впрочем, сойдет и

такой.

Едва веря в удачу, молодой хейдл сдернул с головы лоскуты кожи, заставляя себя видеть при свете. Отдался ему, терзаемый болью в ноге, близкий к агонии. Пока есть время, нужно как-то вернуться к своим. Раз другие чувства скованы запахами и звуками этого места, нужно заставить себя смотреть.

И тут случилось нечто. Случилось откровение. Сбросив лоскуты, покрывавшие его бесформенную голову, он словно разорвал туман. Пропали миражи, и он остался наедине с правдой. Стоя на 50-ярдовой линии^[24] стадиона «Кэндлстик-парк» в Сан-Франциско, хейдл обнаружил, что находится в темной чаше на дне огромного звездного мира.

Зрелище было страшное, даже для такого смельчака.

Звезды! Небо! Луна из древних легенд!

Он по-пороссячи хрюкнул и забегал кругами. Где-то рядом – пещеры, а там его народ. Там мертвецы его рода. Хейдл – раненый, хромой – пустился через поле, не поднимая глаз, предавшись отчаянию. Окружающая пустота была как наваждение; казалось, он вот-вот упадет в опрокинутую над ним чашу.

Потом стало еще хуже. Он увидел самого себя, плывущего наверху. Громадного. Хейдл поднял правую руку, чтобы оттолкнуть свой огромный образ, и тот поднял правую руку, чтобы оттолкнуть его.

Хейдл завыл в смертельном ужасе. Образ тоже завыл.

У хейдла закружилась голова, и он упал. Он корчился на клетках поля, словно червяк на крючке.

* * *

– Господи боже мой, – сказал Сэндвелл, отворачиваясь от экрана. – Теперь и он помрет. Эдак у нас самцов вообще не останется.

Было три часа утра, пахло солью, даже в помещении. Дорогие стереодинамики пронзали комнату воплем хейдла.

Томас, Дженьюэри и Фоули всматривались в ночь через очки ночного видения.

Стоя у огромного окна VIP-ложи, примостившейся сбоку стадиона, они походили на капитанов корабля.

Далеко внизу, прямо в центре поля, корчилось несчастное создание. Де л'Орме осторожно присел на подлокотник инвалидного кресла Веры, стараясь как можно больше понять из разговора.

Последние несколько минут они наблюдали за инфракрасным изображением хейдла, который крался в холодном тумане по белым линиям поля, сворачивая то влево, то вправо на девяносто градусов. То ли его привлекало, что они ровные, то ли гнала какая-то примитивная интуиция, то ли он просто сошел с ума. А потом туман вдруг поднялся, и произошло вот это. Действия хейдла казались совершенно бессмысленными – как на огромном экране логи, так и на далекой картинке на поле.

– Они всегда так себя ведут? – спросила Вера у Сэндвелла.

– Нет. Он еще смелый. Остальные спрятались ближе к канализационным трубам. Наш самец прямо боевой. Все время крутится на пятидесятиардовой.

– Никогда не видела живого хейдла.

– Тогда смотрите получше. Как только взойдет солнце, ему конец.

Генерал был в вельветовом костюме и фланелевой рубашке всевозможных голубых тонов. Спортивные туфли «Хаш папис» мягко топтались по ковровому покрытию. На руке красовались платиновые швейцарские часы «Булова». Отставка ему явно не повредила, тем более что он мягко приземлился в объятия «Гелиоса».

– Вы говорите, они вам сдались?

– Сначала все так и выглядело. У нас был патруль под горами Сандиа на глубине две с половиной тысячи футов. Обычное дело. На этот уровень они давно уже не поднимаются. И вдруг откуда ни возьмись – целая орава. Несколько сотен.

– Вы же сказали, здесь только два десятка.

– Точно. Как я уже сказал, массовой сдачи раньше не случалось. Солдаты слишком быстро отреагировали.

– Перестарались, хотите сказать? – спросила Вера.

Генерал изобразил улыбку висельника.

– Когда их привезли, их было пятьдесят два. Вчера оставалось меньше двадцати девяти. Сейчас, наверное, еще меньше.

– Две тысячи пятьсот футов? – переспросила Дженьюэри. – То есть почти у самой поверхности. Это – набег?

– Да нет. Скорее всего, переселенцы. В основном женщины и дети.

– Что они там делали?

– Понятия не имею. Общаться с ними не получается. Наши лингвисты и суперкомпьютеры работают изо всех сил, но, возможно, то, чем пользуются хейдлы, вовсе не язык. Пока что мы получаем какую-то тарабарщину. Система знаков. Ничего информативного. Командир патруля сказал, что они явно направлялись к поверхности. Почти не вооруженные.

Похоже, они что-то искали. Или кого-то.

Члены «Беовульфа» молчали. Только посылали друг другу вопросительные взгляды. А что, если этого хейдла, который пробирается по покрытой инеем траве стадиона, послали сюда с той же, что у них, целью – найти Сатану? Что, если заблудшее племя и вправду искало своего пропавшего вождя... на поверхности?

Последнюю неделю они обсуждали некую теорию, представлявшуюся довольно правдоподобной. Это была теория Гольта и Мустафы, и заключалась она в том, что его сатанинское величество изредка делает вылазки на поверхность, изучая человечество на протяжении веков. Изображения – большей частью вырезанные в камне – и устное творчество народов мира дают замечательно схожие портреты этого персонажа. Он приходит и уходит. Возникает ниоткуда и неожиданно исчезает. Он может быть обольстительным или жестоким. Он живет обманом и притворством. Он умен, изобретателен и неутомим.

Гольт и Мустафа разработали свою теорию, когда были в Египте. С тех пор они вели по телефону осторожную кампанию, убеждая своих товарищей, что настоящий Сатана вряд ли прячется в какой-нибудь темной дыре подземья; гораздо вероятнее, что он изучает своего врага изнутри. Они утверждали, что исторический Сатана может проводить половину времени внизу, среди хейдлов, половину среди людей. Но тогда возникают другие вопросы. Является ли, например, Сатана неизменным на протяжении веков, то есть неумирающим, бессмертным существом? Или же он – сохраняющие преемственность поколения исследователей? Или династия правителей? Если Сатана бывает среди людей, вполне вероятно, что он похож на человека. Быть может, как и предположил де л'Орме, именно он изображен на Туринской плащанице. Если так, то как он выглядит теперь? И если правда, что он бывает среди людей, то какую надевает личину? Нищий, вор, тиран? Или – ученый, солдат, биржевой маклер?

Томас их теорию отверг. В подобных случаях он проявлял иронический скептицизм. Хотя, если вспомнить, именно он закрутил этот водоворот событий – поставленные с ног на голову предположения, вывернутые наизнанку выводы. Он сам велел им выйти в мир и собирать новые свидетельства, старые свидетельства, любые свидетельства. Сатану нужно понять, говорил Томас. Нужно знать, как он думает, какие у него намерения, какие желания и нужды, сильные и слабые стороны. Каким обычаям он следует, какой путь может выбрать. Иначе у нас никогда не будет перед ним преимущества. На том они и остановились, и группа

разъехалась.

Фоули перевел взгляд с Томаса на де л'Орме. Гномье лицо слепого было непроницаемым. Именно де л'Орме настоял на сегодняшней встрече с представителями «Гелиоса» и притащил сюда, на континент, других членов «Беовульфа».

Что-то намечалось. Де л'Орме пообещал, что события повлияют на результат их работы, хотя не захотел сказать, как именно.

Все это делалось через голову Сэндвелла. О делах «Беовульфа» при нем не говорили ни слова. Члены «Беовульфа» до сих пор подсчитывали, какой ущерб принес их расследованию генерал, когда пять месяцев назад перешел в «Гелиос».

Ложа служила временным кабинетом Сэндвелла. На стадионе «Кэндлстик» проводилась серьезная реконструкция. «Гелиос» строил на месте арены биотехнический исследовательский центр стоимостью пятьсот миллионов долларов. Биосфера без света, сострил генерал. Сюда приглашали ученых со всей страны. Разгадка тайны homo hadalis вступила в следующий этап. Происходящее можно было сравнить с расщеплением атома или полетом на Луну. Хейдл, который метался по белой разметке поля на вянущей траве, входил в первую исследуемую партию.

Здесь, где завоевали свою славу и состояние такие футболисты, как Титл и Монтана, где играли «Битлз» и «Роллинг Стоунз», где Папа говорил о добродетелях бедности, теперь за счет налогоплательщиков возводился передовой концлагерь. Он был рассчитан на одновременное содержание пятисот подземных животных форм. В дальнем конце арена уже напоминала развалины римского Колизея. Вовсю строились загоны. Вокруг титановых клеток вились аллеи. Потом поверхность старой арены и клетки скроются под восемью этажами лабораторий. Для уничтожения останков здесь даже соорудили бездымный мусоросжигатель, одобренный Ведомством по охране окружающей среды.

Там, на поле, хейдл пополз к канализационным трубам, где скрывались его сородичи. Бывший стадион будет готов принять новых питомцев не раньше чем через год.

– Настоящий марш обреченных, – сказал де л'Орме. – Всего за неделю от нескольких сотен хейдлов осталось меньше двадцати. Безобразие.

– Живые хейдлы – такая же редкость, как марсиане, – пояснил генерал. – Доставить их на поверхность живыми и невредимыми – все равно что вырастить шерсть на камне; нужно, чтобы не погибли бактерии у них в кишечнике, не началось легочное кровотечение, не случилась куча прочих неприятностей. Известны случаи, когда хейдлов-одиночек держали

в плену на поверхности. Рекорд поставил израильский пленник – восемьдесят три дня. То, что осталось от этих пятидесяти особей, вряд ли протянет неделю.

– Я не вижу ни воды, ни пищи. Что они едят и пьют?

– Мы не знаем. Проблема серьезная. Мы наполнили им оцинкованную емкость чистой водой, а они даже не притронулись. Видите вон те биотуалеты для рабочих? Несколько хейдлов в первый день туда вломились и стали пить нечистоты и химикаты. Прошло несколько часов, прежде чем они перестали дергаться и визжать.

– То есть они погибли?

– Им придется либо привыкнуть, либо умереть, – сказал Сэндвелл. – Мы называем это выдерживанием.

– А что за трупы вон там, вдоль края?

– Все, что осталось от пытавшихся бежать.

С высоты гости видели нижние ряды трибун, заполненные солдатами и уставленные нацеленными на поле мини-пушками. Солдаты были в объемистых комбинезонах с капюшонами и кислородными баллонами.

На огромном экране хейдл бросил еще один взгляд в ночное небо и быстро уткнулся лицом в землю. Он хватался за траву, точно висел на отвесной стене и боялся упасть.

– После нашей беседы я хочу подойти поближе, – сказал де л'Орме. – Хочу его послушать. Понюхать.

– Исключено, – ответил Сэндвелл. – Это вопрос безопасности. Туда никого не пускают. Нельзя допустить, чтобы они начали заражаться человеческими болезнями.

Хейдл переполз с сороковой линии на тридцать пятую. Пирамиды труб стояли возле десятой. Он продвигался среди скелетов и гниющих трупов.

– А почему трупы лежат вот так, на открытом воздухе? – спросил Томас – Думаю, они представляют угрозу для здоровья живых.

– Вы хотите, чтобы их хоронили? Здесь не кладбище для домашних животных, отец.

Вера повернула голову, услышав, каким он заговорил тоном. Сэндвелл явно сменил курс. Теперь генерал принадлежит «Гелиосу».

– Но и не зоопарк. Для чего было доставлять их сюда, если вы просто смотрите, как они голодают и умирают?

– Я вам уже говорил – научные исследования. Строим, так сказать, детектор лжи. Будем разбираться, как у них колесики вертятся.

– А какова ваша роль? – спросил Томас – Для чего вы здесь, с ними? Я имею в виду «Гелиос».

Генерал напыжился.

– Отвечаю за организацию, – отрезал он.

– А! – сказала Дженьюэри, словно что-то поняла.

– Да, я ушел из армии. Но все еще держу оборону. По-прежнему сражаюсь с врагом. Только теперь за мной стоит реальная сила.

– Вы про деньги? – спросила Дженьюэри. – Сокровища «Гелиоса»?

– Да что угодно – раз оно может остановить хейдлов. Столько лет мною управляли глобалисты и пламенные пацифисты. А теперь я имею дело с настоящими патриотами.

– Бросьте вы, генерал, – оборвала его Дженьюэри. – Вы обычный наемник. Помогаете «Гелиосу» заглотить подземье.

Сэндвелл покраснел:

– Опять всякая чушь про новое государство под Тихим океаном? Газетная утка!

– Когда Томас впервые об этом сказал, я решила, что у него паранойя, – продолжала Дженьюэри. – Я думала, что никто в здравом уме не додумается покромсать карту на клочки, а потом склеить их вместе и объявить новой страной. Но это происходит, и с вашей, генерал, помощью.

– Карту никто не кромсал, – раздался новый голос. Все обернулись. В дверях стоял К. К. Купер. – Мы только подняли ее и обнаружили под ней пустоту. И нарисовали новые земли там, где не было никаких земель. Мы делаем карту под картой. Карту земель, которые не видны. Можете продолжать заниматься своими делами – словно нас и нет. А мы будем заниматься своими. Мы просто сошли с вашей карусели.

Несколько лет назад журнал «Таймс» воспевал Купера как смышленное дитя рейганомики, как человека, самостоятельно нажившего состояние на торговле компьютерными микросхемами и патентами в области биотехнологии и телевизионного программирования. В статье разумно умалчивалось о его спекуляциях твердой валютой и драгоценными камнями разваливающегося Советского Союза, как и о проделке с гидроэлектрическими турбинами для проекта электростанции «Три ущелья» в Китае. Спонсорство, оказываемое им природоохранным и правозащитным организациям, постоянно преподносилось публике как доказательство того, что большие деньги не исключают большого сердца.

Во плоти он производил странное впечатление – челка и очки в проволочной оправе на человеке его возраста выглядят неестественно.

Бывшего сенатора отличала западная живость манер, которая могла бы пригодиться, стань он президентом. В такой ранний час она казалась чрезмерной.

Купер вошел в комнату, за ним – его сын. Сходство было сверхъестественным, разве что у сына волосы погуще и контактные линзы вместо очков. Шея как у спортсмена. И еще он не умел вести себя непринужденно среди врагов, как отец. Он готовился принять власть, но пока это, видимо, было ему не по силам. То, что Купера-младшего тоже пригласили на встречу – и что встреча назначена ночью, пока город спит, – говорило Вере и ее спутникам о многом. Купер считает их опасными и намерен учить сына, как управляться с противником, подальше от взоров публики.

Позади Куперов шла высокая приятная женщина лет под пятьдесят с коротко стриженными черными волосами. Она явно пришла по собственной инициативе.

– Ева Шоут, – представил ее Купер. – Моя жена. И мой сын, Хэмильтон Купер.

В отличие от Монтгомери, поняла Вера. В отличие от пасынка.

Купер провел свою свиту к столу и присоединился к Сэндвеллу и членам «Беовульфа». Имен он не спрашивал. За опоздание не извинился.

– Ваша развивающаяся страна – это правонарушение, – заявил Фоули. – Ни одна страна не может игнорировать международные институты.

– Кто сказал? – добродушно спросил Купер. – Прошу прощения за каламбур, но международные институты могут отправляться к дьяволу. А я отправлюсь в преисподнюю.

– Вы понимаете, какой начнется хаос? – спросила Дженьюэри. – Вы получите контроль над морскими и океанскими путями, получите возможность действовать без какого-либо надзора, нарушать международные правила. Проникать через государственные границы.

– Вы лучше представьте себе порядок, который я наведу, заняв субтерру. Одним броском я верну человечество в век невинности. Бездна у нас под ногами не будет больше пугать своей неизвестностью. В ней больше не будут господствовать вот такие существа. – Он указал на экран.

Хейдл поедал с травы собственную блевотину. Ева Шоут содрогнулась.

– Когда мы начнем проводить нашу колониальную стратегию, мы перестанем бояться монстров. Суевериям придет конец. Конец ночным страхам. Наши дети и внуки будут думать о подземье как о еще одной форме недвижимости. На каникулах они будут спускаться вниз, чтобы посмотреть на чудеса у нас под ногами. Будут есть какие-нибудь новые фрукты. Овладеют всей нетронутой энергией планеты. Они смогут

построить утопию.

– Это не та бездна, которой боится человек, – возразила Вера. – Та – внутри нас. – И она прикоснулась к сердцу.

– Бездна есть бездна, – сказал Купер. – Осветите одну – и вы осветите другую. И нам лучше быть заодно, сами увидите.

– Пропаганда! – Вера в негодовании отвернулась.

– А ваша экспедиция? – спросил Томас. Он был сегодня сердит. – Куда они делись?

– Новости, боюсь, не слишком хорошие, – ответил Купер. – Мы потеряли с ними связь. Можете представить, как мы волнуемся. Хэм, у тебя карта с собой?

Его сын открыл портфель и извлек батиметрическую карту океанского дна. Она была помятая и вся исчерчена разноцветными карандашами и восковыми мелками. Купер услужливо водил пальцем, показывая широты и долготы:

– В последний раз они сообщили свои координаты вот здесь – к западу-юго-западу от Таравы, это в архипелаге Гилберта. Конечно, экспедиция могла продвинуться дальше. Сообщения то и дело продолжают приходить.

– То есть вы получаете от них сигналы? – спросила Дженьюэри.

– В каком-то смысле. Больше трех недель мы получаем какие-то наборы битов информации и куски сообщений, отправленных месяцы назад. Сигнал искажается слоями породы. Иногда мы получаем отраженные сигналы. Электромагнитный экран. То есть нам известно, где они были несколько недель назад. А где они теперь – кто знает?

– Это все, что вы можете нам сказать? – спросила сенатор.

– Мы их найдем, – неожиданно вмешалась Ева.

Она говорила пылко. Глаза у нее покраснели от слез. Купер покосился на жену.

– Вы, наверное, места себе не находите, – посочувствовала Вера. – Монтгомери ваш единственный сын?

Купер, прищурившись, смотрел на Веру. Она кивнула. Вопрос был задан с умыслом.

– Да, – ответила Ева и посмотрела на пасынка. – То есть нет. Я сильно беспокоюсь. За Хэмилтона я бы тоже волновалась. Я бы никогда не отпустила Монти.

– Он сам захотел, – натянуто заметил Купер.

– Только потому, что был в отчаянии, – бросила Ева. – Как ему иначе преуспеть в такой семье?

Вера увидела на лице Томаса намек на одобрительную улыбку – она хорошо сыграла.

– Ему тоже хотелось принять какое-то участие, – сказал Купер.

– Да, – участие в этом, – заметила Ева, указав рукой на вид из ложи.

– Я тебе говорил – он тоже сыграл свою роль. Ты понятия не имеешь, какой важный вклад он должен внести.

– Мой сын должен рисковать жизнью, чтобы тебе помочь?

Купер сдался. Должно быть, этот аргумент приводился много раз.

– Так что же именно тут затевается, мистер Купер? – спросил Фоули.

– Я вам говорил, – вмешался Сэндвелл. – Исследовательский центр.

– Да, – вставила Дженьюэри, – место для «выдерживания» пленных хейдлов. Между прочим, генерал, вам известно, что это слово применялось к ввозимым в страну африканским рабам?

– Вы должны его извинить, – сказал Купер. – Он у нас недавно, еще не привык к нашему жаргону и обычаям. Уверяю вас, мы не собираемся создавать популяцию рабов.

Сэндвелл ошетинился, но промолчал.

– Тогда зачем вам живые хейдлы? Что именно вы собираетесь исследовать? – спросила Вера.

Купер торжественно сложил перед собой ладони:

– Мы уже начали собирать данные наблюдений по вопросу колонизации. Солдаты – первые люди, спускавшиеся в субтерру в больших количествах. И вот шесть лет спустя на них первых мы наблюдаем побочные эффекты. Изменения.

– Рост костей и катаракту? – уточнила Вера. – Об этом было известно с самого начала. Проблема решаема.

– Речь о другом. Последние несколько месяцев мы наблюдаем вспышку симптомов. Увеличение сердца, отек легких – как набольших высотах, дисплазия костей, острая лейкемия, бесплодие, рак кожи. Рецидивные образования на костях и черепе. Самое скверное, что такие симптомы начинают встречаться у новорожденных детей военнослужащих. Пять лет на свет появлялись вполне нормальные дети. А теперь у ветеранов рождаются дети с патологиями. Речь идет о мутациях. Резко подскочил уровень детской смертности.

– Почему мне ничего не известно? – подозрительно спросила Дженьюэри.

– По этой самой причине «Гелиос» торопится найти лекарство. Как только все станет известно широкой публике, снизу эвакуируют всех людей до последнего. Субтерра останется без охраны, без рабочей силы, без

колонистов. Это поражение. Столько усилий, столько вложений, а мы потеряем подземье – проиграем неизвестно кому. «Гелиос» не хочет, чтобы такое случилось.

– Так что же происходит?

– Вам в двух словах или подробно? Субтерра превращает нас, – Купер сделал жест в сторону существа на экране, – в них.

Ева Шоут прижала ладонь к своей стройной шее.

– Ты знал и отпустил туда моего сына?

– Такое воздействие субтерра оказывает не на всех. Среди долгослужащих эта цифра где-то пятьдесят на пятьдесят. Половина чувствует себя нормально, а у другой половины проявляются отсроченные симптомы. Их физиология приближается к физиологии хейдлов. Увеличенные сердца, отеки легких и мозга, рак кожи – такие симптомы характерны для хейдлов, когда они поднимаются на поверхность. Что-то включается и выключается на уровне ДНК. Изменяется генетический код. Организм начинает вырабатывать белки, химерные белки, которые радикальным образом изменяют ткани.

– Вы ведь не можете предсказать, кто именно подвержен такому воздействию, а кто нет? – спросила Вера.

– Мы не знаем. Но если такое случается с солдатами, отслужившими по шесть лет, это произойдет и с шахтерами и поселенцами, которые пробыли там четыре месяца.

– И «Гелиос» должен найти решение, – заключил Фоули. – Или ваша подземная империя превратится в воспоминание, еще не успев начаться.

– Грубо говоря, именно так.

– Вы, очевидно, полагаете, что решение кроется в физиологии хейдлов? – спросила Вера.

Купер кивнул:

– Генетики называют это «разрубить гордиев узел». Нужно сделать многое. Выделить вирусы и ретровирусы. Исследовать гены и фенотипы. Изучить факторы окружающей среды. Систематизировать. И вот «Гелиос» строит многомиллионный исследовательский центр и доставляет сюда живых хейдлов с целью их изучения. Чтобы сделать субтерру безопасной для человека.

– Я вот чего не понимаю, – начала Вера, – мне кажется, что все исследования было бы намного дешевле и проще проводить там, внизу. Помимо всего прочего, доставляя сюда ваших подопытных кроликов, вы причиняете им дополнительный стресс. Вы могли бы выстроить такую же лабораторию внизу за малую долю ее теперешней стоимости. А тут

приходится загонять лабораторию под землю. Почему бы не изучать хейдлов прямо в подземье? Никаких расходов на транспортировку. И уровень смертности был бы гораздо ниже. И можно проверять результаты на колонистах.

– Тут нет выбора, – сказал де л'Орме. – И не скоро будет.

Все повернулись к нему.

– Если «Гелиос» не раздобудет образчик популяции хейдлов, изучать будет некого. Так ведь обстоят дела, мистер Купер?

– Не понимаю, о чем вы.

– Тогда расскажите вы нам о прионе-девять, – предложил де л'Орме.

Купер оценивающе посмотрел на тщедушного археолога.

– Мне известно то же, что и вам. Мы узнали, что по всему маршруту экспедиции размещены капсулы с прионом. Но «Гелиос» к этому отношения не имеет. Я вас не убеждаю поверить. Мне все равно. Рискуют подвергаться мои люди. Экспедиция – моя. Если не считать вашего агента. Вашей фон Шаде.

У Дженьюэри застыло лицо.

– А что там с прионом? – спросила Ева.

– Не хочу, чтобы ты снова беспокоилась, – сказал Купер жене. – К экспедиции примазался один сумасшедший – бывший военный. Он раскладывает по пути капсулы с искусственным вирусом.

– Боже мой... – сказала его жена.

– Несчастливая! – прошипел де л'Орме.

– В смысле? – не понял Купер.

Де л'Орме улыбнулся:

– Человека, который оставляет капсулы, зовут Шоут. Это ваш сын, мадам.

– Мой сын?

– Он действует как разносчик искусственной чумы. А послал его ваш супруг.

Собравшиеся во все глаза глядели на археолога. Даже Томас пришел в смятение.

– Чушь! – выкрикнул Купер.

Де л'Орме показал пальцем в том направлении, где сидел Купер-младший:

– Он рассказал.

– Да я вас в жизни не видел! – заявил тот.

– Верно, и я тоже, – улыбнулся де л'Орме. – Но вы мне рассказали.

– Сумасшедший! – проговорил Хэмилтон.

– Да. – вздохнул де л'Орме. – И об этом – вашей несдержанности – мы тоже говорили. О том, что не годится оскорблять жену на вечеринках. И распускать кулаки. Вы обещали сдерживать свой гнев. Обуздать эмоции.

Под горным загаром молодого человека проступила бледность.

Де л'Орме теперь обращался ко всем:

– За многие годы я заметил, что рождение сына обычно усмиряет необузданных молодых людей. Иногда они даже возвращаются к вере. Поэтому, когда я услышал о крещении вашего, мистер Купер, внука, то есть сына вашего сына, у меня появилась идея. Очевидно, став отцом, наш юный грешник исправился. Он уцепился за новую опору с рвением возвратившегося блудного сына. Уже год не прикасается к героину, девушкам по вызову и каждую неделю ходит к исповеди.

– О чем вы говорите? – возмутился Купер-старший.

– У молодого Купера появился вкус к святой воде, – сказал де л'Орме. – А правила вы знаете. Причащают только после исповеди.

Купер в ужасе повернулся к сыну:

– Ты обратился к Церкви?

Хэмилтон был явно обеспокоен.

– Я обратился к Богу.

Де л'Орме подтвердил этот факт насмешливым кивком.

– Но как же тайна исповеди? – удивилась Вера.

– Я давно оставил сан, – пояснил де л'Орме, – но сохранил кое с кем хорошие отношения. Оставалось только предугадать, когда наш корыстолюбец надумает каяться, и в нужное время оказаться на месте исповедника. О, мы с ним разговаривали часами. Я много узнал о семействе Куперов. Весьма много.

Купер-старший откинулся назад. Он смотрел из ложи на арену – а может быть, на свое отражение в стекле.

Де л'Орме продолжал:

– Стратегия «Гелиоса» такова – внизу разражается эпидемия и сметает все, как смертельный ураган. Корпорации остается только оккупировать подземный мир, в котором убиты все недружественные формы жизни. Включая хейдлов. Потому-то «Гелиос» и бережет тут свою популяцию. Потому что собирается убить в субтерре все живое.

– Но зачем? – спросил Томас.

Де л'Орме ответил:

– Читайте историю. Купер изучал историю. Завоевание всегда происходит одинаково. Пустой рай завоевать гораздо легче.

Купер одарил своего незадачливого сына ядовитым взглядом.

Де л'Орме продолжил:

– «Гелиос» получил прион-девять из лаборатории, работающей на военных... Кто именно этим занимался – очевидно. Генерал Сэндвелл, ведь это вы наняли Дуайта Крокетта. Таким образом, Шоут смог получить прививку под его именем и сделать из него козла отпущения.

– Монти сделали прививку? – спросила Ева.

– Ваш сын в безопасности, – заверил де л'Орме. – Во всяком случае, он не заболевает.

– А кто управляет капсулами? – спросила Вера у Купера. – Вы?

Купер фыркнул.

– Монтгомери Шоут, – угадал Томас. – Но каким образом? Капсулы запрограммированы на автоматическую разгерметизацию? Или их активируют дистанционно? Есть какой-то код? Как они действуют?

– Вы имеете в виду – как предотвратить их действие?

– Ради бога, скажи им, – обратилась Ева к мужу.

– Ничего уже не остановишь, – сказал Купер. – И это правда. Монтгомери сам закодировал активатор. И код знает только он один. Получается двойная страховка. Так его миссию никто не подорвет. Уж, во всяком случае, не вы, – повернулся он к Томасу и горько добавил: – И не мой неразумный сынок. А мы, со своей стороны, не можем активировать капсулы, пока он сам не сочтет, что время настало.

– Значит, нужно его найти, – сказала Вера. – Дайте нам вашу карту. И покажите, где находятся капсулы.

– Вот эту? Это всего лишь проект. Только сами участники экспедиции точно знают, где они прошли. Даже если вы его найдете, не думаю, что Монтгомери помнит, где именно оставлял капсулы на всем маршруте – десять тысяч миль.

– А сколько всего капсул?

– Несколько сотен. Мы постарались на совесть.

– А активаторов?

– Только один.

Томас разглядывал лицо Купера.

– И на какое время запланирован ваш геноцид? Когда Шоут намерен запустить эту чуму?

– Я уже сказал. Когда решит, что пришло время. Разумеется, он постарается пользоваться услугами экспедиции как можно дольше. Экспедиция обеспечивает транспорт, питание, защиту. Он же не самоубийца. Не камикадзе какой-нибудь. Он настоял, чтобы ему сделали прививку. У него большая воля к жизни. И большие амбиции. Я уверен:

когда придет время, Шоут не станет колебаться.

– Даже если погибнет вся экспедиция? Ваши люди. И все солдаты, шахтеры, колонисты.

Купер не ответил.

– Во что ты впутал нашего сына? – спросила Ева.

Купер посмотрел на жену:

– Твоего сына.

– Чудовище! – прошептала она.

И тут Вера сказала:

– Смотрите!

Она не отводила взгляда от экрана. Хейдл добрался до сложенных пирамидой труб. Перед темными круглыми отверстиями он выпрямился. На экране он был высотой сорок футов. Голая грудная клетка, изборожденная старыми шрамами и ритуальными рисунками, ходила ходуном. Он, по-видимому, громко голосил.

Сэндвелл подошел к стене и, повернув какой-то регулятор, прибавил звук. Динамики опять ожили. Крики хейдла походили на вопли и фыркание пойманной обезьяны.

Из отверстия трубы появилась голова. Из соседних труб стали выбираться другие хейдлы. Покрытые коркой грязи, мокрые, они выползали из цементных нор и падали на землю к ногам своего вожака. Их осталось только девять или десять.

Голос хейдла изменился. Теперь он пел или молился. Клялся в чем-то, а может, заклинал кого-то. Он обращался не к кому иному, как собственному изображению на экране. Остальные – женщины и дети – начали подвывать.

– Что он делает?

Не прекращая петь, вожак взял у одной из женщин ребенка и стал покачивать. Потом сделал какой-то, видимо, ритуальный жест, словно посыпая ему пеплом голову или шею – было плохо видно. Затем положил ребенка на траву, поднял другого и повторил жест.

– Он перерезает им горло, – догадалась Дженьюэри.

– Что?!

– У него нож?

– Стекло, – сказал Фоули.

– Где он взял стекло?! – заорал Купер на генерала.

Перед хейдлом-убийцей встала изможденная женщина.

Она откинула голову назад и развела руки. Вожак быстро отыскал артерию и рассек женщине горло. Встала вторая женщина.

Их песня понемногу затихала.

– Остановите его! – кричал Купер Сэндвеллу. – Этот ублюдок убьет всех моих хейдлов.

Но было уже поздно.

Любовь означает долг. Хейдл взял на руки своего сына, холодного, как камень. Он выкрикивал имя Мессии. Со слезами перерезал он горло своему последнему ребенку и держал его на руках, а кровь лилась ему на грудь. И только после этого он смог смешать свою кровь с кровью остальных.

Книга третья

Передышка

Inter Babiloniam et Jerusalem nulla pax est sed Guerra continia...

Меж Вавилоном и Иерусалимом нет мира, лишь вечная война...

Святой Бернар. Проповеди

Глубина 6000 фатомов

Никому такое место даже не снилось.

Геологи, конечно, говорили о палеоокеанах, скрытых под континентами, но только как о гипотетических причинах блуждающих полюсов и гравитационных аномалий. Палеоокеаны – математическая фикция. А тут все было настоящее.

Оно возникло неожиданно, двадцать второго октября, спокойное и недвижимое. Мужчины и женщины, которые уже целую вечность плыли по реке, остановились. Они выбрались из плотов и присоединись к своим товарищам, стоявшим с разинутыми ртами на свинцового цвета земле. Впереди простиралась вода, бескрайний берег выгнулся серпом. Легчайшие волны ласкали песок. Поверхность воды была гладкая. И по ней скользил свет.

Люди не имели понятия о форме и размерах водоема. Они светили вверх мигающими лучами, пытаясь увидеть потолок; он оказался в полумиле над головой. О протяженности озера можно было сказать только, что вода тянется до самого горизонта – миль на двадцать, и конца ей не видно.

Тропа разветвлялась и вела вдоль озера вправо и влево. И неизвестно, куда именно.

– А вот следы Уокера, – сказал кто-то, и все пошли по следам.

Внизу, у воды, они нашли шахту-4. Три цилиндра лежали рядышком, чистые, словно на прилавке. Люди Уокера добрались сюда несколькими часами раньше и сложили все припасы рядом с наскоро сооруженной огневой точкой. Вокруг возвели круглую земляную насыпь, установили и нацелили во все стороны пулеметы.

Подошли ученые. Вышел охранник и поднял руку:

– Не приближайтесь.

– Это же мы! – крикнула какая-то женщина.

Появился Уокер.

– Входить на склад запрещается, – заявил он.

– Вы не имеете права!

– У нас чрезвычайное положение, – ответил Уокер. – Первоочередная задача – сохранить продовольствие и оборудование. Если на нас нападут, а вы будете находиться внутри периметра, возникнет беспорядок. Поэтому нужно выбрать правильную стратегию. Мы разбили для вас лагерь с другой стороны. Интендант уже распределил ваш рацион и почту.

– Я хочу повидать девушку, – сказала Али.

– К сожалению, не могу разрешить, – ответил Уокер. – Она считается секретным объектом.

Уокер говорил как-то странно.

– А кто ее засекретил?

– Засекретили. – Уокер моргнул. – У нее есть ценная информация о местности.

– Но она говорит только по-хейдлски.

– Научим по-английски.

– Это быстро не делается. Мы с Айком могли бы помочь. Мне приходилось составлять словари.

У Али появился шанс поработать с живым языком хейдлов.

– Спасибо, сестра, за ваш энтузиазм.

Уокер показал на лежащие на земле двадцать бутылок, упакованных в пузырчатую пленку:

– «Гелиос» прислал виски. Хотите – пейте, хотите – выливайте. Так или иначе, с собой мы их не понесем. Лишний груз нам не нужен.

Только потом ученые поняли, что виски тоже входило в план Уокера. А этой ночью они мрачно пили. Их отчуждение от охранников росло с каждым месяцем. Расстрел у водопада его еще больше усугубил. Экспедиция разделилась на два лагеря.

Всю ночь бутылки ходили по кругу.

– А мы тут жалкие слабаки, – жаловался кто-то.

– На сколько нас еще хватит? – спросила женщина.

– Видит бог, я хоть сейчас домой, – объявил Гитнер.

Видя всеобщее настроение, Али решила держаться в сторонке. Люди источали неуверенность, печаль и страх. Али отправилась разыскивать Айку, чтобы поделиться своими мыслями, но оказалось, что он тоже сидит среди камней с бутылкой. Уокер его отпустил, хотя оружие не вернул. Али

даже слегка разочаровалась в Айке. Он казался каким-то беспомощным, гораздо более зависимым от оружия, чем был на самом деле.

– Зачем ты пьешь? – возмутилась Али. – Да еще в такой день.

– А какой сегодня день?

– Все разваливается. Посмотри кругом.

Неподалеку люди Уокера устанавливали стробоскопы для защиты периметра. Чуть подальше дергающиеся силуэты ученых выделяли танцевальные па, сбрасывая одежду. Музыки не было. Слышались только споры, ругань и возня любовников на твердой земле. Настоящее лето в предместье.

– Начать с того, что все уже взрослые, – прокомментировал Аик.

Али уставилась на него:

– Тебе все равно?

Аик допил и вытер губы.

– Иногда приходится мириться.

– Не надо так, Аик.

Он смотрел в сторону.

Али отыскала укромное местечко между двумя лагерями и улеглась спать.

Среди ночи она проснулась – кто-то закрыл ей ладонью рот.

– Сестра! – прошептал мужской голос. В руку ей сунули тяжелый сверток. – Спрячьте.

И ушел, прежде чем Али успела открыть рот. Али положила сверток рядом и развернула. Стала ощупывать содержимое: винтовка, пистолет, три ножа, обреза – он мог принадлежать только Айку – и коробки с патронами. Запретный плод. Ее посетитель был, конечно, кто-то из людей полковника. Али не сомневалась, что это один из двоих солдат, которых спас Аик. Но ей-то для чего оружие?

Боясь, что Уокер решил устроить ей проверку, монахиня едва не отнесла оружие к укреплениям. Она пошла посоветоваться с Айком, но тот уже ушел. В конце концов Али спрятала свое сомнительное приобретение под камнями.

Проснувшись рано утром, она увидела, что берег накрыт светящимся туманом. В полной тишине Али скорее почувствовала, чем услышала шлепающие шаги. Она встала и разглядела фигуры, крадущиеся сквозь туман, словно призраки, уносящие сокровища. Солдаты. Али узнала одного из них. Он сделал ей знак сесть и не шуметь.

Али его немного знала – когда-то она переписывала для него стихи святой Терезы Авилльской – своей любимой представительницы

католического мистицизма. Сейчас парень старался не встречаться с ней взглядом.

Али села и безмолвно смотрела, как они проходят мимо. Солдаты направились к воде – но и тогда она не поняла, в чем дело. Через несколько минут, когда больше никто не появился, Али подошла к берегу и увидела над черной гладью озера удаляющиеся огни. Она решила, что Уокер, должно быть, отправил солдат на разведку. Но на берегу не осталось ни одного плота. Али ходила взад-вперед в поисках лодок, уверенная, что просто позабыла, где они находятся. Однако на земле виднелись следы. Ни плотов, ни лодок не осталось.

– Стойте! – крикнула она вслед огням. – Подождите!

Какая-то дурацкая ошибка. Ее попросту забыли.

Но если это ошибка, зачем солдат сделал ей знак молчать? Это план, поняла она. Ее бросили нарочно. Али испытала настоящий шок. Ее оставили. Покинули. Ощущение беды было сокрушительным; такое же чувство Али испытала давным-давно, когда к ней домой пришел помощник шерифа и сообщил, что родители погибли в аварии.

Сквозь туман донесся чей-то кашель, и тогда Али наконец-то поняла, в чем дело. Ее оставили не одну. Уокер бросил на произвол судьбы всех, кто не был у него в непосредственном подчинении. Увязая в песке, Али бросилась бежать вдоль воды и увидела ученых. Они все еще спали – прямо там, где свалились после вчерашней пьянки. Просыпались люди неохотно и не желали ей верить. Пять минут спустя, когда они выбрались к воде, где раньше лежали плоты, до всех дошла ужасная правда.

– Что все это значит?! – ревел Гитнер.

– Они нас бросили? Где Шоут? Ему придется объясниться!

Но Шоута тоже не было. И пленницы.

– Не может быть!

Их реакция была продолжением реакции самой Али. Али впала в оцепенение. В ярость. В паралич. Ей, как и остальным, хотелось вопить, топтать и кататься по земле. Неслыханное предательство!

– Зачем они так поступили? – плакал кто-то.

– Они, наверное, оставили какое-нибудь сообщение.

– Да прекратите вы, – язвительно сказал Гитнер. – Вы прямо как подростки, которых в первый раз кинули. Это бизнес, ребята. Гонка на выживание. Уокер просто-напросто избавился от лишних ртов. Странно, что он раньше этого не сделал.

Айк пришел от склада с какой-то бумагой в руке, и Али увидела на ней колонки цифр.

– Уокер оставил немного продуктов и медикаментов. Линия связи уничтожена, оружие забрали.

– Нас тут бросили для приманки! Подношение для хейдлов, чтобы задержать погоню.

Али схватила Айка за руку; выражение лица у нее было такое, что все замолчали. Она вдруг поняла значение ночного визита.

– Ты веришь в предопределение? – спросила она у Айка.

И повела всех туда, где было спрятано завернутое в одеяло оружие. Его моментально вытащили, а потом целый час спорили, как его разделить.

– Не понимаю, – сказал Гитнер. – Аик спас этого парня. Но для чего тот передал оружие монашке?

– Чего тут непонятного? – удивилась Пиа. – Она же монашка Айка.

Все посмотрели на Айку. Он предпочел не комментировать:

– Теперь у нас есть шанс, – и стал заряжать свой обрез.

На складе они разобрали коробки и консервные банки.

Уокер оставил больше, чем они ожидали, но меньше, чем требовалось. К тому же его солдаты разграбили посылки, которые прислали ученым родные и друзья. Внутри укрепления на земляном полу валялись разные мелочи, открытки, фотографии. Такой цинизм еще больше всех расстроил.

Ученых было сорок шесть человек. Тщательные подсчеты показали, что при нормальном рационе еды у них на тысячу сто двадцать четыре человеко-дня или на двадцать девять дней. Все согласились, что запасы можно растянуть на более долгий срок. Если ввести половинный рацион, пищи хватит на два месяца.

Экспедиция окончилась. Теперь речь шла о выживании. Люди оказались перед выбором: попытаться дойти пешком до Эсперансы или держать путь к следующей шахте – к продуктам и выходу на поверхность.

Гитнер был непоколебим: единственное спасение – Эсперанса.

– Так мы хотя бы не столкнемся с полной неизвестностью, – утверждал он.

С имеющимися запасами, считал Гитнер, можно дойти до шахты-3, наладить линию связи и потребовать еще продуктов. Всякого, кто возражал, он называл дураком.

– Нам нельзя терять ни минуты, – твердил он.

Всех интересовало мнение Айки.

– Это лотерея, – заявил Аик.

– Но куда лучше идти?

Али не сомневалась, что Аик уже все решил. А молчит потому, что не хочет брать на себя ответственность за выбор остальных.

– На западе – тупик, – утверждал Гитнер. – Кто хочет идти на восток – за мной.

К удивлению Али, Айк оказался себе на уме; он поменялся с Гитнером – отдал винтовку с патронами, рацию и нож в обмен на пятьдесят сухих пайков.

– Если не возражаешь, – сказал он, – мы попытаем счастья поближе к воде.

Гитнер, у которого теперь было больше и оружия, и продуктов, и сторонников, не стал возражать.

– Ты спятил, – заметил он Айку. – А остальные что же?

– Я – за новую дорогу, – решил Трой, молодой судебный антрополог.

– Айк нас еще не подводил, – поддержала Пиа.

Али не стала ничего говорить.

– Мы вас не забудем, – сказал Гитнер.

Он быстро построил свою команду и велел паковаться – дескать, Уокер может передумать и вернуться за оставленными продуктами. Времени на прощание было немного. Люди пожали друг другу руки, пожелали ни пуха ни пера, и каждая группа пообещала прислать другой помощь, если выберется наверх раньше.

Перед самым выходом Гитнер, держа свою винтовку, подошел к Али.

– Думаю, будет только справедливо, если ты отдашь нам свои карты, – сказал он. – Вам они не нужны, а нам пригодятся.

– Мои карты?

Али не хотелось с ними расставаться. Она вложила в эти карты все свое старание и привыкла считать их как бы частью себя.

– Нам пригодятся любые ориентиры.

Тут Али впервые по-настоящему захотелось, чтобы Айк вступился. Но он молчал. Под взглядами ученых Али передала Гитнеру тубус.

– Обещай, что не потеряешь, – попросила она. – Я хочу получить их обратно.

– Разумеется. – Не тратя время на благодарности, Гитнер затолкал тубус в рюкзак и зашагал вдоль реки. Его группа двинулась следом.

Кроме Айка и Али остались семь человек.

– И куда нам теперь?

– Налево, – уверенно ответил Айк.

– Но я видела, что Уокер поплыл направо, – сказала Али.

– Это, конечно, сработает, но наоборот.

– Наоборот?

– Неужели вы не чувствуете? Это священное место. В таких местах

всегда идут влево. В горах, в храмах. На озерах. Так полагается – по часовой стрелке.

– Полагается – по буддистским правилам? – спросила Пиа.

– По Данте, – сказал Айк. – Читали его «Ад»? Каждый раз на развилке нужно сворачивать влево. Всегда. Данте был не буддист.

– Как так? – изумился здоровенный геолог. – Все эти месяцы наша участь решалась с помощью поэмы и каких-то суеверий?

Айк ухмыльнулся:

– А вы и не знали?

* * *

Первые пятнадцать дней они шли босиком, словно пляжные побирушки. Между пальцами просачивался холодный песок. Спины потели под тяжелыми рюкзаками. Ночью у всех болели мышцы – долгое безделье в плавании не прошло даром.

Айк все время заставлял их двигаться, но быстро не гнал; они шли размеренно, как кочевники.

– Незачем спешить, – говорил он, – мы нормально идем.

Попробовали воду. Али окунула налобный фонарь – с таким же успехом она могла посветить с обратной стороны зеркала. Зачерпнула воду ладонями – ей показалось, что она держит в руках вечность. Вода была древней.

– Этому водоему больше полумиллиона лет, – сказала Челси, гидролог.

Вода пахла земными глубинами. Айк поболтал в воде рукой и плеснул несколько капель на язык.

– Совсем другая, – произнес он.

И пил из озера без всяких колебаний. Другим он своего мнения не навязывал, понимая, что они будут наблюдать – не заболит ли он, не появится ли у него в моче кровь. Особенно осторожен был Твиггс, микроботаник.

К концу второго дня воду пили все, не пытаясь ее очистить.

– Какая вкусная! – сказала Али.

«Пьянящая», – подумала она, но вслух не сказала. Вода отличалась от обычной, она как-то иначе скользила по языку и была очень чистая. Али набрала пригоршню воды и плеснула себе на лицо, потеряла щеки, и у нее осталось ощущение свежести. Наверное, фантазии, решила она. Просто место такое.

Однажды они увидели на черном горизонте желтые вспышки. Айк сказал, что это стреляют – где-то миль за сто, на другом берегу озера. Видимо, Уокер решал какие-то проблемы, а может – создавал.

Озеро лежало к северу от дороги. Почти шесть месяцев люди без оглядки шли по слепым коридорам, не доверяя компасу. Теперь у них есть озеро. Наконец-то появился хоть какой-то ориентир. Путники видели, какой путь ждет их завтра и послезавтра. Берег тоже не был прямым, попадались излучины и повороты, но теперь они могли видеть вокруг столько, сколько позволяло зрение, – приятная перемена после лабиринта тесных коридоров.

Хотя все недоедали, настоящего голода пока не испытывали, да еще рядом всегда была вода. Два, три раза в день, а то и чаще они ополаскивались в озере.

Потом придумали привязать к пластиковым кружкам веревки, чтобы черпать воду для питья, не нагибаясь и даже не замедляя хода. У Али сильно отросли волосы. Она больше не завязывала их шнурком, и они лежали на плечах – пышные и блестящие.

Установленный Айком режим всех устраивал. Айк никого не подгонял. Если кто-то уставал, он брал себе часть груза. Однажды, когда Айк отправился исследовать боковое ущелье, кто-то попытался поднять его рюкзак, но не смог даже сдвинуть.

– Что он там таскает? – удивилась Челси.

Никто, конечно, не решился проверить. Это значило искушать судьбу.

Когда ночью окончательно выключали свет, берег флуоресцировал. Али часами смотрела, как рядом с чернильно-черной водой пульсирует песок, заставляя тьму отступить. У нее вошло в привычку лежать на спине, представлять себе звездное небо и молиться. Что угодно, лишь бы не спать. С тех пор как Уокер устроил побоище, заснуть значило видеть ужасные сны. Ее преследовали безглазые женщины. Во имя Отца.

Однажды ночью, когда Али мучили кошмары, ее разбудил Айк.

Али так вспотела, что к коже прилип песок. Задышавшись, она уцепилась за его руку.

– Все нормально, – выдавила она.

– Что-то с тобой не то, – вздохнул Айк.

Али очень хотелось попросить его остаться. Но что потом? Что ей с ним делать?

– Спи, – сказал Айк. – Ты слишком близко принимаешь все к сердцу.

Прошла еще неделя. Люди шли все медленнее. По ночам у всех урчало в животе.

– Долго еще? – спросил кто-то у Айка.

– Вы молодцы, – ответил он.

– Есть очень хочется.

Айк задумчиво посмотрел на товарищей.

– Еще не очень, – мягко сказал он, и его никто не понял.

Насколько же мы должны проголодаться, удивлялась Али. И на что он надеется?

– Где же пятая шахта? Она должна быть где-то здесь.

– Какое число сегодня? – спросил Айк.

Он знал – и остальные тоже, – что следующие цилиндры спустят не раньше чем через шесть дней. Однако это не мешало путникам с надеждой прислушиваться – не раздастся ли сигнал. В наручные часы, которыми снабдил всех «Гелиос», были встроены микролокаторы. Сначала Пиа, а следом и Челси посадили свои батарейки, пытаясь поймать сигнал. Это была чисто детская вера в чудо. Никто даже думать не хотел о том, что будет, если Уокер со своими головорезами доберется до шахты первым.

Прошло шесть дней; шахту пока не нашли. В день они проходили только по шесть миль.

Айк тащил все больше и больше груза. Али вдруг заметила, что едва несет пятнадцать фунтов. Айк предложил каждому решать вопрос с рационом самостоятельно.

– Можно разделить один паек на двоих или троих, а можно есть один раз в два-три дня.

Однако сам он никогда не брал себе еду. Никто не видел, чтобы он ел.

– Чем он вообще живет? – спросила Челси у Али.

* * *

Двадцать два дня Гитнер вел своих людей все с меньшим и меньшим успехом. Казалось, такое невозможно, но на второй неделе пути они ухитрились потерять реку. Она была – и вот ее нет.

Гитнер свалил все на карты Али. Он вытащил их из футляра и швырнул на землю.

– Лишний груз, – заявил он. – Беллетристика.

Теперь, когда реки не было, костюмы стали не нужны. Ученые избавились от них, навалив на землю целую кучу неопрена.

К концу третьей недели люди начали отставать и пропадать.

Когда они проходили по каменной арке над пропастью, она рухнула, и пятеро провалились в пустоту.

Невероятно, но оба врача ухитрились переломать себе ноги. И не кто иной, как Гитнер, предложил их оставить. «Врачу, исцелися сам». Их отчаянные вопли затихли только через два дня.

Число идущих уменьшалось; у Гитнера оставалось три верных союзника: винтовка, пистолет и экспедиционный запас стимулирующих препаратов. Сон – враг. Гитнер все еще верил, что найдет шахту-3 и сможет восстановить связь. Еды осталось мало. Произошло два убийства. В обоих случаях орудием послужил камень, и вещи убитых были разграблены.

Когда коридор раздвоился, Гитнер, не долго думая и не считаясь с мнением большинства, повел людей в лабиринт – так называемую губчатую ветвящуюся систему, или «свалку». Вначале это никого не озаботило. Губчатая порода изобиловала ходами, боковыми пещерами, карманами и ямами – они были и спереди, и сзади, и со всех сторон. Ходить тут – все равно что пробираться через огромную каменную губку.

– Ну вот, куда-то мы и добрались, – радовался Гитнер. – Ясно, что какие-то газы поднимались снизу и разъедали породу. Мы сможем быстрее оказаться у поверхности.

И люди – те, кто остался, – полезли наверх; они ползли по вертикальным лазам. Но веревки у них перепутались, да еще они выбрали не ту дыру. Шершавая порода замедляла движение. Ходы то суживались, то расширялись.

Часто приходилось снимать рюкзаки и проталкивать их руками. Все это отнимало много времени.

– Нужно вернуться! – крикнул кто-то Гитнеру, но тот отвязал свою веревку, чтобы его не задерживали, и продолжал карабкаться вверх.

Некоторые тоже стали отвязываться, и многие в конце концов отстали и заблудились. Тогда Гитнер сказал: «Ну вот, от балласта избавились». Отставшие долго пытались докричаться до остальных, но Гитнер только прибавил ходу и не выключал свет. Наконец у него остался один спутник.

– Облажался ты, шеф, – проскрипел он, и Гитнер выстрелил ему в голову. Послушал, как тело, шурша, сползает ниже и ниже, затем развернулся и пополз дальше, уверенный, что ход выведет его из подземья наверх, к солнцу. Где-то по дороге он повесил на выступ винтовку. Немного погодя избавился и от пистолета.

Пятнадцатого ноября в четыре часа сорок минут ход кончился тупиком. Гитнер добрался до верха. Он протолкнул вверх свой рюкзак и

осторожно достал рацию. Батарея почти села, но Гитнер решил, что на один сеанс связи ему хватит. С бесконечной аккуратностью он расправил штыри антенны с учетом рельефа поверхности, затем присел на мраморный уступ, привел в порядок мысли и прокашлялся. Включил рацию. «Прошу помощи, прошу помощи, – сказал он, и в глубине сознания у него возникло слабое ощущение дежавю. – Говорит профессор Уэйн Гитнер из университета Пенсильвании, участник Тихоокеанской субтерральной экспедиции «Гелиоса». Моя группа погибла. Я остался один и нуждаюсь в помощи. Повторяю: мне нужна помощь».

Батарея села окончательно. Гитнер отложил рацию, взял кирку и начал долбить потолок. Странное ощущение, что он никак не может о чем-то вспомнить, так его и не оставило. Гитнер застучал сильнее. Замахнувшись, он остановил руку на полдороге и опустил кирку. Шесть месяцев назад он слушал свой собственный голос, произносящий просьбу о помощи, которую только что передал по рации. Круг замкнулся.

Для кого-то это стало бы шансом начать все заново.

Для такого человека, как Гитнер, это означало конец.

*Я сидел, прислонившись к скале,
а годы текли, и зеленая трава проросла под ногами
моими,
и красная пыль покрыла мою голову;
люди, считая меня мертвым, приходили,
чтобы положить приношения...
к моему трупу.*

Хань Шань. Холодная гора. 640 г. н. э.

Доломитовые Альпы

Члены общества «Беовульф» готовились к этому дню со своей первой встречи. Семнадцать месяцев расследование – «каприз» Томаса – бросало их по земному шару, как игральные кости. Наконец они снова собрались в замке де л'Орме, повисшем над обрывом; тут ничего не стоило заработать кислородное голодание.

Эмфизема Мустафы давала ему преимущество: у него был кислородный баллончик, и он мог регулировать поток воздуха. Фоули и Вера спасались от головной боли итальянским аспирином. Персивел, как бывший астронавт, жизнерадостно демонстрировал отличное самочувствие, но слегка позеленел, особенно когда де л'Орме повел их на круглую стену с бойницами, с которой открывался вид на утесы и далекие равнины.

– Не любите тесноту? – спросил Гольт.

Его болезнь Паркинсона немного приутихла. Уложенный в большое инвалидное кресло, он напоминал марионетку, которой управляет капризный ребенок.

– Разве не прекрасно? – спросил де л'Орме. – Каждое утро я просыпаюсь и благодарю Господа за то, что он создал паранойю. – Археолог уже рассказал гостям историю своего замка: какой-то немецкий крестоносец сошел в Иерусалиме с ума, и его сослали в эти горы.

Для замка строение было довольно небольшим. Совершенно круглое, возведенное на краю утеса, оно напоминало скорее маяк. Прогулка закончилась. Дженьюэри сидела там, где ее оставили, измученная

малярией, – лицом на юг, вместе с Томасом. Внизу, вдоль кончающейся тупиком дороги, стояли взятые напрокат машины. Их водители и несколько медсестер устроили среди цветов пикник.

– Пойдемте в комнаты, – предложил де л'Орме. – На такой высоте солнце всегда сильно жарит, но появившись облачко – и температура скакнет вниз. А сейчас надвигается шторм.

Толстые полена, тлеющие в железной жаровне, едва согревали прохладную комнату. Интерьер столовой был строгим, стены голые, ни гобеленов, ни кабаньих голов. Де л'Орме в красивом убранстве не нуждался.

Все уселись вокруг стола, слуга принес супницу с протертым супом. Вилки не подали, только ложки для супа и ножи для фруктов, сыра и ветчины. Слуга разлил вино и удалился, прикрыв за собой двери.

Де л'Орме предложил тост: за великие сердца своих соратников и – не меньший аппетит. Он хоть и был тут хозяином, сегодня не распорядился. Всех созвал Томас, но никто не знал почему. Иезуит с самого приезда был чем-то озабочен. Все приступили к угощению.

Обед их немного оживил; целый час прошел в приятных разговорах. Некоторые присоединились к обществу недавно и после той нью-йоркской встречи почти не виделись, однако общая цель сблизила всех, и люди чувствовали себя одной семьей. Каждый с волнением слушал рассказы других и радовался, что все живы-здоровы.

Дженьюэри рассказала о своей последней встрече с Десмондом в аэропорту Пномпеня. Он направлялся в Рангун, а потом на юг, на поиски вождя племени карен, о котором говорили, что он встречался с Сатаной. С тех пор о Десмонде никто ничего не слышал.

Все ждали, когда же поделится своими новостями Томас, но тот был печален и рассеян. Он приехал позже остальных и привез какую-то коробку. Разговаривать не хотел.

– А где Сантос? – спросил Мустафа у де л'Орме. – Подозреваю, ему наше общество не по душе.

– Уехал в Йоханнесбург, – ответил археолог. – Там, кажется, поднялась еще одна группа хейдлов. Сдались горстке невооруженных рабочих с алмазных копеек!

– Уже третья за месяц, – сказал Персивел. – Одна в Уральских горах, другая под Юкатаном.

– Кроткие, как ягнята, – рассказывал де л'Орме. – Поют что-то хором. Паломники в Иерусалиме, да и только.

– Вот так сравнил!

– Казалось бы, им безопаснее уйти вниз, подальше от нас. А они как будто страшатся бездны, что у них за спиной. Так же как мы боимся своей бездны.

– Давайте приступим, – предложил Томас.

Все так долго ждали этого момента, и вот он наступил. Мелькают ножи, исчезает вино. Сначала все осторожничали, не спешили – «сперва другие, потом я», но скоро осторожный обмен информацией превратился в общий оживленный разговор. Сатану разбирали по косточкам с энтузиазмом первокурсников. Нити уводили в самых разных направлениях. Собеседники все понимали, но удержаться не могли и городили одну дикую теорию на другую.

– Я испытал облегчение, – признался Мустафа. – Я-то думал, я один пришел к таким странным выводам.

– Мы должны придерживаться только точных фактов, – строго напомнил Фоули.

– Правильно, – сказала Вера.

Но никто не уgomонился.

Все согласились, что речь идет о существовании мужского пола. Если исключить шумерскую легенду четырехтысячелетней давности о царице Эрешкигаль и про Аллату в Ассирии, у властелина подземного мира мужская сущность. Даже если окажется, что современный Сатана – это совет вождей, наиболее вероятно, что там преобладает мужской взгляд на мир – стремление к господству, желание лить кровь.

Собравшиеся экстраполировали распространенные теории о животных – о поведении альфа-самцов, рефлексам защиты участка, репродуктивной активности. Дипломатия на такую личность, возможно, подействует, а возможно, и нет. Сжатый кулак или пустая угроза могут его лишь спровоцировать. Вождь хейдлов не глупец, напротив, его способность к обману, лицедейству, хитрым проискам, его изобретательность предполагают настоящего гения, владеющего обеими культурами. У него коммерческая сметка торговца солью, отвага одиночного покорителя Северного полюса. Среди людей он – путник, знающий их языки, способный ученик, незаметный наблюдатель, искатель приключений, исследователь, что ищет наугад, или ради выгоды, или из научного любопытства, как общество «Беовульф» или экспедиция «Гелиоса».

Его умение скрываться – настоящее искусство, великое мастерство, но оно не без изъяна. Его никогда не ловили. Но его видели. Никто точно не знает, как он выглядит, значит, он выглядит не так, как предполагают люди. Вряд ли у него красные рога, или раздвоенные копыта, или хвост с жалом

на конце. Иногда он бывает нелепым, похожим на зверя, иногда – привлекательным, обаятельным и даже прекрасным. Значит, он либо ловко меняет личины, либо у него множество помощников и агентов. Или родни.

Способность передавать память от одного сознания другому, теперь клинически доказанная, имеет огромное значение, утверждал Мустафа. Благодаря таким перевоплощениям может существовать своего рода династия; подобным образом происходят реинкарнации Далай-ламы.

Сравнение Сатаны с настоящей священной «династией» впечатлило всех.

– Этаким буддизм наизнанку, – сострил Персивел.

– Возможно, – нетерпеливо сказал де л'Орме, – Сатана скорее вымрет, превратится в абстрактное понятие, чем станет бороться за существование. Многие годы рыская в лагере противника, лев превратился в гиену. Буря оказалась дуновением ветра, пшиком, просто пуканьем.

Описывают ли археологические и лингвистические источники самого Сатану или же его помощников, речь идет о личностях с пытливым умом. Нет никаких сомнений, что тьма стремится познать свет. Но что именно познать? Цивилизацию? Условия жизни? Прикосновение солнечных лучей?

– Чем больше я узнаю о культуре хейдлов, – сказал Мустафа, – тем больше думаю, что это великая культура, пришедшая в упадок. Словно коллективный разум заболел слабоумием и начал разрушаться.

– Скорее тогда не слабоумие, а аутизм, – вмешалась Вера, – ярко выраженное эгоцентрическое восприятие. Неспособность осознавать окружающий мир и отсюда неспособность к творчеству. Посмотрите на предметы, найденные в поселениях хейдлов. Последние три – пять тысяч лет изделия все чаще и чаще человеческого производства: монеты, оружие, наскальные рисунки, орудия. Это может означать, что хейдлы, освоив более высокие искусства, ушли от физического труда, заставляя заниматься повседневными работами людей-пленников, либо же они ценят украденные предметы больше, чем изготовленные ими самими. Не забывайте и об уменьшении их численности за последние несколько тысяч лет. Некоторые демографические исследования указывают на то, что во времена Аристотеля и Будды население хейдлов могло составлять около сорока миллионов особей. В настоящее время они не насчитывают и трехсот тысяч. Что-то у них случилось. У них не развились высокие искусства. Во всяком случае, они деградировали, берегут человеческие безделушки, все меньше понимая, что это такое, для чего, не понимая даже, кто они сами.

– Мы с Верой много раз это обсуждали, – сказал Мустафа. – Конечно, нужно выполнить огромное количество исследований. Но если судить по

окаменелостям, которым миллион лет, то получается: хейдлы изготавливали орудия и даже умели извлекать металлы из руды намного раньше людей. Когда человек еще только пытался обтесать один камень другим, хейдлы делали из стекла музыкальные инструменты. Как знать – быть может, и огнем люди не сами научились пользоваться. Быть может, нас научили хейдлы. И вот: перед нами жалкие существа, опустившиеся до дикого состояния, целыми поколениями прячущиеся в норах. Печально, ничего не скажешь.

– Вопрос вот в чем, – сказала Вера, – отразился ли упадок на всех хейдлах без исключения?

– Сатана, – подхватила Дженьюэри. – Самое важное – коснулось ли это его?

– Не видя его, трудно сказать. Но всегда существует разница между вождем и его народом. Вождь – отражение своего народа. Вроде как Бог наоборот. Мы – его отражение? А может, он – наше отражение?

– Вы хотите сказать, что вождь никуда не ведет? Что он, наоборот, идет за темной массой?

– Именно, – сказал Мустафа. – Даже самый изолированный от людей деспот – представитель своего народа. Или же безумец, – Мустафа обвел рукой вокруг, – вроде рыцаря, что построил замок на вершине горы в скалистой пустыне.

– Может, он такой и есть, – предположила Вера, – независимый, одинокий. Обособленный от других из-за своей гениальности. Бродит по миру, то наверху, то внизу, отрезанный от своих, в надежде найти путь к нам.

– Мы ему так сильно нужны? – спросила Дженьюэри.

– А почему бы и нет? Что, если наша цивилизация, наше умственное и физическое здоровье – их единственное спасение? Что, если мы для них – или для него – олицетворяем рай, так же как их темнота, невежество и жестокость олицетворяют для нас ад?

– И Сатана устал быть Сатаной? – спросил Мустафа.

– Ну, а то! – не выдержал Персивел. – Как там еще? Предатель из предателей, иуда всех времен, змей жалящий? Крыса, бегущая с корабля.

– Или же разум, планирующий свою собственную трансформацию, – сказала Вера. – Разум, который страдает из-за своей участи. И пытается понять, может ли он освободиться.

– А что, собственно, не так? – спросил Фоули. – Разве смерть Христа не означала то же самое? Или загадка Будды? Их Спаситель заходит в тупик. Ему надоедает быть спасителем. Ему надоело страдать. Это значит,

наш Сатана смертен, вот и все.

Дженьюэри вытянула розовые ладони – словно половинки разрезанного фрукта.

– Зачем столько изобретать? – спросила она. – Есть и более простое объяснение. Может, Сатана хочет договориться? Может, он так же отчаянно ищет кого-то вроде нас, как и мы его.

Фоули нервно крутил карандашом, чертя в воздухе желтые круги.

– Как раз об этом я и думал! – сказал он. – По правде сказать, я считаю, что он нас уже нашел.

– Что? – спросили одновременно трое собеседников.

Даже Томас отвлекся от своих мрачных мыслей и поднял глаза.

– Как предприниматель, я на опыте усвоил одну вещь – любая идея не приходит к одному человеку. Идея приходит одновременно к людям разных культур, разных языков, разных взглядов. Почему же идея о перемирии должна быть исключением? Что, если мысль о соглашении или переговорах пришла не только нам, но и Сатане?

– И вы утверждаете, что он нас нашел?

– А почему бы и нет? Мы разве невидимки? Деятельность «Беовульфа» продолжается по всему миру уже полтора года. И если Сатана хотя бы наполовину так умен, как мы думаем, он о нас слышал. И отыскал. И возможно, даже находится среди нас.

– Это абсурд! – закричали все.

Но дальше слушали внимательно.

– Придерживайся фактов, – потребовал Томас.

– Конечно факты... – сказал Фоули. – Факты ваши собственные, Томас. Разве не вы предположили, что Сатана может сойтись с каким-нибудь вождем, таким же отчаянным, таинственным, внушающим страх, вроде него самого? Наподобие того, в джунглях, которого отправился искать Десмонд Линч. Еще, помню, вы предположили, что Сатана, возможно, захочет основать колонию на поверхности земли, где-нибудь на виду, в государстве вроде Бирмы или Руанды, в краю таком глухом и суровом, что никто не смеет пересечь его границы.

– По-вашему, я и есть Сатана? – насмешливо спросил Томас.

– Вовсе нет.

– Слава богу. Тогда кто же?

Фоули напрягся.

– Десмонд, – ответил он.

– Линч? – рявкнул Гольт.

– Я вполне серьезно.

– Что ты говоришь? – запротестовала Дженьюэри. – Бедняга пропал. А вдруг его загрызли тигры?

– Быть может. А что, если он прятался среди нас? Подслушивал наши мысли? Ждал вот такого шанса, шанса встретиться с каким-нибудь правителем и заключить соглашение? Зачем ему тогда долгое прощание?

– Глупости!

Фоули аккуратно положил желтый карандаш рядом с блокнотом.

– Ну, посмотрите: кое в чем мы согласны. Сатана – обманщик. Мастер маскировки. Живет обманом и притворством. И старается заключить сделку – ради мира или убежища – не важно. Мы только и знаем, что сенатор Дженьюэри видела Десмонда последней, когда он направлялся в джунгли, туда, куда никто не решается забираться.

– Вы понимаете, что говорите? – спросил Томас. – Я сам его выбрал. Я знаю его десятки лет.

– Сатана терпелив. У него уйма времени.

– И вы считаете – Линч с самого начала нас обманывал? Использовал нас?

– Совершенно верно.

Томас был печален. Печален и решителен.

– Скажите это ему самому, – заявил он.

Иезуит поставил свою коробку на стол среди тарелок с фруктами и сыром. Под почтовой упаковкой оказались восковые печати дипломатической почты.

– Томас, что за срочность? – в недоумении спросила Дженьюэри.

– Доставили три дня назад, – сказал Томас. – Прислали через Рангун и Пекин. Именно потому я вас и созвал.

Голова Линча была покрыта какой-то смолой. Ему бы не понравилось, во что превратили его густую шотландскую шевелюру, которую он обычно аккуратно расчесывал на пробор. Под приоткрытыми веками белели камни.

– Ему выкололи глаза и вставили голыши, – пояснил Томас. – Возможно, он был еще жив. И наверное, был жив, когда они сделали еще кое-что. – Он вытащил связку человеческих зубов; на некоторых остались следы клещей.

– Зачем ты нам это показываешь? – прошептала Дженьюэри.

Мустафа уткнулся взглядом в тарелку. Фоули безвольно опустил руки на подлокотники. Персивел был поражен: у них с Линчем вечно происходили политические стычки. Теперь у сторонника социализма рот был закрыт, кустистые брови прилипли ко лбу, и Персивел понял, что до конца своих дней будет сомневаться в твердости своих убеждений. Каким

храбрецом оказался его противник!

– И еще кое-что, – продолжал Томас. – Во рту у него были половые органы обезьяны.

– Как ты смеешь? – прошептал де л'Орме. Он почувствовал запах смерти и верно понял происходящее. – Здесь, у меня в доме, за столом!

– Да. Я принес это в твой дом, прямо к обеденному столу. Чтобы ты во мне не сомневался.

Томас встал, опираясь на стол костяшками больших рук. Голова Линча находилась между сжатыми кулаками.

– Друзья мои, – сказал Томас. – Вот и конец.

Они удивились не меньше, чем если бы он достал еще одну голову.

– Конец? – переспросил Мустафа.

– Мы потерпели неудачу.

– Как ты можешь так говорить? – возразила Вера. – Ведь мы столько сделали!

– Видите беднягу Линча? – спросил Томас, поднимая голову. – Вы слышите себя? Он – Сатана?

Никто не ответил. Иезуит убрал ужасный предмет в коробку.

– Я виноват не меньше вашего. Да, я говорил, что Сатана может встретиться с каким-нибудь вождем, живущим в глуши, и мои слова увеличили вас в сторону. Но разве не мог Сатана захотеть встретиться с тираном совсем иного рода, скажем, с главой «Гелиоса»? И если все мы были с Купером в его исследовательском центре, не означает ли это, что один из нас Сатана? Например, ты, Брайан? Думаю, не означает.

– Ладно, я сваял дурака, – сказал Фоули. – Но одна дурацкая ошибка не должна бросать тень на все наше предприятие.

– Наше предприятие как раз и есть дурацкая ошибка, ответил Томас. – Мы слишком понадеялись на свою осведомленность. И теперь мы ничуть не ближе к постижению Сатаны, чем с самого начала. Все кончено.

– Вовсе нет, – сказал Мустафа. – Еще нужно многое узнать.

Такое же чувство выражали лица остальных.

– Я больше не могу подвергать вас опасности, – сказал Томас.

– Ты нас и не подвергаешь, – с вызовом ответила Вера. – Это наш выбор – с самого начала. Посмотри на нас.

Несмотря на пережитые ими испытания и преклонный возраст, перед Томасом были не те похожие на призраков фигуры, которых он собрал когда-то в музее Метрополитен и побудил к действиям. Лица их стали бронзовыми от солнца дальних стран, кожа огрубела от ветров и холода, глаза горели энтузиазмом. Они готовились умереть, а его призыв продлил

им жизнь.

– Все хотят продолжить поиск, – сказал Мустафа.

– У меня есть кое-какие новые сведения, касающиеся ольмеков, – добавил Гольт.

– Шведы делают генетический анализ, – поддержала Вера. – Я с ними говорю каждый день. По их мнению, дело идет о новом биологическом виде. Завершение анализа – вопрос нескольких месяцев.

– Из подземья принят очередной отраженный сигнал, – сообщил Персивел. – От экспедиции «Гелиоса». Сообщение датировано восьмым августа. Я знаю, что прошло уже пять месяцев, но это – последнее, что нам удалось принять, с месячным отрывом от предыдущего. Во-первых, сигнал недостаточно сильный, во-вторых, связь фрагментарная, ясно только, что речь идет о какой-то реке. Но и это немало. Люди живы – во всяком случае, были живы всего несколько месяцев назад. Мы не можем их бросить. Они зависят и от нас.

Персивел и не думал обидеть Томаса, но тот опустил голову. За последние недели глаза у него совсем ввалились. Казалось, он окончательно загнан – теми, кого сам же спустил с цепи.

– А как же ты? – мягко спросила Дженьюэри. – Ты сам начал поиски, еще до того, как мы все познакомились.

– Начал поиски, – пробормотал Томас. – И куда они нас завели?

– Наше расследование имеет огромную важность, – сказал Мустафа. – И вы знали это с самого начала. Пусть мы выяснили мало и не смогли вытащить нашу дичь на землю, мы очень многое узнали о себе. Стараясь идти по следам Сатаны, мы приблизились к разоблачению древних заблуждений. Мы почти поняли, кто мы сами.

– Заблуждения, реальность... – сказал Томас. – Линча у нас отняли джунгли, безумие отняло Рау, Бранча – подземье. Из-за нас тут, на земле, погибла молодая женщина. Я оторвал вас от семей. Каждый день приносит новые опасности.

– Но, Томас, – возразила Вера, – мы согласны рисковать.

– Нет, – отрезал он, – я больше не могу этого допускать.

– Так уходи, – раздался голос де л'Орме.

Позади него было окно; там, снаружи, собирались тучи – надвигалась полуденная гроза. Лицо слепого буквально светилось от бликов огня. Голос был суров.

– Ты можешь передать эстафету, – сказал он Томасу, – но прервать гонку – не можешь.

– Мы подошли слишком близко, Томас, – настаивала Дженьюэри.

– Ближко к чему? – спросил Томас. – За спиной человечества больше пяти сотен лет существования наук и знаний. А к чему пришли мы за полтора года поисков? – Он уронил связку зубов в коробку, словно привычные для него четки. – К тому, что Сатана – один из нас. Друзья мои, мы так долго смотрели в темную воду, что она стала зеркалом.

Невдалеке, между двумя мраморными башнями, сверкнула молния. Зал словно раскололся от громового раската. Внизу шоферы и медсестры спешили спрятаться в машины от шквалистого горного ветра.

– Ты не можешь нас остановить, – сказал де л'Орме. – У нас есть и свои способы. Есть свои побуждения. И мы пойдем путем, который ты нам указал, куда бы он нас ни привел.

Томас закрыл коробку и опустил на нее ладони.

– Что ж, идите, – произнес он. – Мне больно это говорить, но с сегодняшнего дня вы идете без благословения и позволения Его Святейшества. И без меня. Друзья, мне недостает вашей силы и убежденности. Простите мне мои сомнения. Пусть Господь вас благословит.

Томас поднял коробку.

– Не уходи, – шепнула Дженьюэри.

– Прощайте, – сказал он и вышел навстречу грозе.

Он перестал быть неведомым местом, окутанным удивительной тайной...

Джозеф Конрад. Сердце тьмы

Под Марианской впадиной и желобом Яп

Глубина 6010 фатомов

Озеру не было конца. Они шли уже двадцать один день. Айк никому не давал расслабиться. Он сам выбрал скорость, и каждые полчаса путники отдыхали, а он курсировал между ними, словно киплингowski Гунга Дин.

[25] Наполнял им водой бутылки, хвалил за выносливость.

– Где вас, парни, носило раньше? Мне бы с вами на Макалу, – говорил он.

После Айка самым сильным в группе был Трой, молодой судебный антрополог. В те времена, когда Айк штурмовал гималайские пики, Трой, наверное, еще смотрел по телевизору «Улицу Сезам». Он старался подражать Айку, быть таким же заботливым и полезным. Но и он уже выдыхался. Иногда Айк, чтобы показать ему свое доверие, ставил его на марше впереди – на самое ответственное место.

Али решила, что лучше всего ей идти с Твиггсом, которого каждый с радостью связал бы и бросил. С самого утра он начинал ныть, клянчил у других еду и иногда подворовывал. Настоящий тунейдец – только Али его и выносила. Она все терпела, словно перед ней был молодой прыщавый послушник. Когда Пиа или Челси удивлялись ее терпению, Али объясняла – не будь Твиггса, на его месте был бы кто-то другой. В любой компании есть козел отпущения.

Палатки давно канули в прошлое. Спали все на тоненьких подстилках – в виде притязания на цивилизованность.

Спальные мешки остались у троих, остальным нести лишние три фунта оказалось не под силу. Когда становилось холодно, люди ложились вплотную и укрывались мешком. Айк редко спал вместе со всеми. Обычно он брал свой обрез и куда-то уходил, а возвращался только под утро.

Однажды таким утром, когда Айк еще не вернулся из своего ночного патруля, Али проснулась и спустилась к озеру умыться. От воды

поднимался густой туман, но при слабом свечении песка Али видела, куда ей наступать. Она хотела обойти большой валун, лежащий у воды, и тут услышала голоса.

Голоса были высокие и тихие. Али сразу поняла, что говорят не на английском и, возможно, вообще не на человеческом языке. Она прислушалась, затем осторожно, прячась за валуном, сделала несколько шагов.

Говорящих, кажется, было двое. Али слушала их голоса – бормотанье, цоканье – и постепенно настраивалась на другой диапазон бытия. Это, без сомнения, были хейдлы. Али затаила дыхание. Один голос почти не отличался от шороха воды, мягко набегающей на берег. Речь второго звучала резче, преобладали согласные, более четко прослушивались концы фраз. Беседующие, казалось, или немолоды, или очень учтивы.

Али обошла камень, чтобы их увидеть.

Оказалось, их не двое, а трое. Один, с крыльями, походил на тех существ, которых убили Шоут и Айк. Он повис над водой, раскинув руки, а крылья вяло поднимались и опускались. Другие, по-видимому, были амфибиями, вроде рыбаков, ничего, кроме моря, не знающих, наполовину люди, наполовину рыбы. Один лежал на боку, ногами в воде, другой расслабленно плавал. У них были гладкие головы с большими, как у тюленей, глазами и острые зубы. Кожа белая и блестящая, на спине – короткая черная шерсть.

Али боялась, что они исчезнут.

И еще больше – что не исчезнут.

Лежащая амфибия шевельнулась и повернулась к Али. У животного оказался толстый член, который торчал вверх. Это был самец, и он занимался мастурбацией. Хейдл растянул пасть в обезьяньей ухмылке; оскал выглядел устрашающе.

– Ой, – глупо сказала Али.

О чем она вообще думала, идя сюда одна?

Существа смотрели на нее с невозмутимостью философов, расположившихся на природе. Один подался вперед и договорил какую-то фразу, не переставая глядеть на Али.

Она обдумывала план бегства. Сделать шаг назад, повернуться и броситься бежать. Тот, что с крыльями, бросил на нее быстрый взгляд.

– Не двигайся, – раздался шепот Айка.

Он сидел на камне, слева от нее, на корточках, покачиваясь на пальцах. В опущенной руке – пистолет.

Хейдлы больше не разговаривали. Они пришли в состояние некой

безмолвной восточной неги. Лежащий продолжал мастурбировать с каким-то обезьяньим увлечением, нисколько не смущаясь, как бы между делом. Теперь Али слышала только шелест воды по песку да шорох его пальцев.

Через некоторое время крылатый снова метнул взгляд на Али, оттолкнулся от воды и медленно полетел наискосок от берега, держась над самой водой. Когда Али перевела глаза на амфибий, одна из них уже исчезла. Потом и последний тоже – который себя ублажал – окончательно впал в оцепенение и уплыл. Скользнул под воду, словно его проглотили. И сверху сомкнулась пасть озера.

– Неужели это все было на самом деле? – тихо спросила Али.

Сердце у нее стучало. Она двинулась вперед, желая увидеть следы на песке и убедиться, что ей не привиделось.

– К воде не подходи! – предостерег Айк. – Он тебя поджидает.

– Думаешь, он еще там?

Неужели хейдл-созерцатель ее выслеживает? А на вид такие миролюбивые...

– Вернись, пожалуйста. Не заставляй меня нервничать.

– Айк! – Али запнулась от волнения. – Ты их понимаешь?

– Этих? Ни слова.

– А есть и другие?

– Сколько говорить, что мы тут не одни.

– Но мы же никого не видели...

– Али, мы все время идем мимо них.

– Вот таких?

– Таких и других, которых лучше бы и не знать.

– Но у них такой мирный вид. Как три поэта.

Айк только языком щелкнул.

– Тогда почему они на нас не напали?

– Сам не знаю. Пытаюсь понять. Кажется, что они как будто знают меня. – Он помедлил и добавил: – Или тебя.

* * *

Выдохшийся Бранч едва тащился. Он шел по следу, но потом след пропадал, а может, Бранч сбился. Он понимал, что, скорее всего, заплутал. Он болел от укусов насекомых. Лучше всего было бы отыскать какую-нибудь нору и отлежаться, пока не пройдет лихорадка. Однако внизу стало столько народу, что вряд ли получится найти надежное убежище.

Остановиться – значит привлечь всех врагов на много миль вокруг. Если его убежище найдут раньше, чем он поправится, все кончено. И Бранч держался на ногах.

Незаживающие раны замедляли шаг. Лихорадка ослабляла внимание. Майор чувствовал себя стариком. Казалось, он в пути целую жизнь.

Бранч дошел до узкой шахты, в которую стекал тоненький ручеек. С винтовкой на спине спустился по веревке. Внизу смотал веревку и отправился дальше. Сюда он попал впервые, но в подземье был не новичком.

По пути ему попался женский скелет. На черепе оставались длинные черные волосы, и это было странно – хейдлы плетут из волос прочнейшие веревки. То, что волосы не забрали, говорило о том, что такого добра тут в изобилии. Для Бранча это было к лучшему – на него меньше обратят внимания.

Обнаруживалось все больше признаков человеческого присутствия – целые скелеты, ребра, следы на земле, высохшие следы мочи или явственный запах *homo sapiens* среди хейдлской вони. Кто-то нацарапал на стене имя и дату. Дата – двухнедельной давности – вселила в Бранча надежду.

Затем он нашел расплзшуюся кучу спасательных костюмов – некоторые оказались проколоты копьями или разрезаны. Неопреновые костюмы должны были показаться хейдлам волшебной запасной кожей или даже живым существом. Бранч порылся в куче, выбрал целый, подходящий по размеру, и натянул на себя.

Немного погодя он увидел рулон – карты Али. Бранч просмотрел все по порядку. В конце кто-то написал о предательстве Уокера и о том, что возле озера группа разделилась. Бранчу стало ясно, почему беззащитная группа шла отдельно и почему с ними нет Айка. Он понял, куда нужно идти: к подземному озеру. Там будут другие подсказки. В «хрониках» Али Бранч отлично разобрался. Майор взял карты и отправился дальше.

На следующий день он почувал погоню. Воздушный поток донес запахи преследователей, и Бранч обеспокоился. Это означало, что враги близко, поскольку обоняние у него слабое. Вот Аик унюхал бы их издалека. Бранч опять почувствовал себя стариком.

У него – как у любого живого существа – остался выбор: бежать или сражаться. Бранч бежал вперед.

Через три часа Бранч достиг реки. Он увидел идущую вдоль воды тропинку, но слишком поздно. Обернулся – хейдлов было четверо. Враги рассыпались по скату берега, бледные, как личинки.

Тонкое копье – тростник с обсидиановым наконечником – ударилось рядом с ним о скалу.

Другое пронзило воду. Было бы нетрудно подстрелить юнца, приближающегося слева. Но все равно их останется трое, и придется сделать то же самое, что он делает теперь.

Прыжок получился неуклюжий – Бранчу помешали винтовка и карты, упакованные в непромокаемую обертку. Он хотел прыгнуть подальше в воду, но правой ногой попал на камень. Услышал, как хрустнуло в коленке. Майор вцепился в винтовку, уронил на берег карты и только по инерции упал в реку. Течение утянуло его под воду. Бранч позволил реке протащить себя, покуда хватало дыхания. Потом дернул кольцо и почувствовал, как костюм наполняется воздухом. Бранча выкинуло на поверхность, как пробку.

Самый быстрый из преследователей все еще бежал вдоль реки. Как только голова Бранча показалась над водой, хейдл сделал бросок. Копье вошло глубоко, взметнув фонтанчик, похожий на петушиный хвост, и тут Бранч выпустил по хейдлу очередь. Хейдл перекувырнулся и, мертвый, плашмя упал в воду.

Река текла и текла, минуя излучины и изгибы, унося Бранча от опасности.

Следующие пять дней он провел в обществе мертвого хейдла; так они и плыли к озеру вдвоем. Река несла их, словно мать, не делающая различий между своими детьми. Бранч пил воду. Лихорадка его отпустила.

Копье в конце концов вышло из раны.

К коже присасывались угри-паразиты. Они пили кровь, зато рана не загноилась. Где-то по пути Бранчу удалось вправить колено.

Он столько намучился; неудивительно, что, подплывая к озеру, он впал в забытье.

* * *

А позади, на берегу реки, некто с раскрашенной кожей, весь покрытый шрамами и татуировками, поднял рулон карт. Он развернул их и придавил края камешками; хейдлы собрались вокруг. Они в таких вещах не разбирались, но Исаак понимал, как тщательно трудился картограф над этими листами.

– Вот наша надежда! – сказал он хейдлам.

Несколько дней спутники Айка обсуждали молочно-белое свечение, занимающее часть горизонта. Было высказано несколько гипотез: облачная гряда, водяная взвесь от водопада, айсберг. Али боялась, что у них начались голодные галлюцинации: все уже спотыкались и разговаривали сами с собой. Никто даже и представить не мог крепости, вырубленной в фосфоресцирующей скале.

Крепость высотой пять этажей, стены гладкие как египетский алебастр. Все сооружение вытесано из цельного камня. Кремнистый известняк, сказал Твиггс. Древние римляне добывали такой в Британии. Из него построено Вестминстерское аббатство. Кальцит кремового цвета; его извлекают из земли, мягкий как мыло, а с годами он приобретает твердость, необходимую для ваяния. Особенно Твиггс восхищался его пыльцевыми комплексами.

Давным-давно хейдлы обтесали лицевую часть скалы, обнажив более мягкий камень, чтобы вырезать комплекс комнат, крепостной вал и статуи, все из цельного куска. К этому огромному сооружению не добавили ни одного кирпича.

Крепость, в ширину три раза больше, чем в высоту, была пустая и почти развалилась. Она упиралась прямо в озеро и явно была важным узлом на торговых путях огромной исчезнувшей империи. В воде на дюймовой глубине виднелись остатки причалов.

На время люди забыли даже о голоде. Они бродили по муравейнику комнат, выходящих окнами на ночное озеро и с другой стороны крепости на скалы. На утесах были вырезаны звезды, тысячи звезд, ведущих в новые глубины.

Каменный монстр был возведен явно не для защиты от людей. Али предположила, что крепости около пятнадцати тысяч лет или больше.

– Люди тогда еще сидели в пещерах и обтесывали кремни, а хейдлы занимались морской торговлей – плавали от дома на тысячи миль, – сказала она. – Вряд ли мы для них представляли какую-то опасность.

– Куда же они подевались? – спросил Трой. – Что их уничтожило?

Идя по рассыпающимся развалинам, люди пытались понять этот народ из другой эпохи. Комнаты крепости и парапеты были построены по росту homo, и потолки везде были на удивление одинаковы – шесть футов.

На стенах виднелись следы вырезанных изображений, надписей и пиктограмм. Али сообщила, что надписи еще древнее тех, которые

встречались им раньше. Она была уверена: ни один специалист никогда таких писем не видел.

Внизу изрытого ходами здания стояла башня высотой около двадцати метров; она уходила наверх, в зал с куполом, расположенный в самой середине крепости. От основания башни людей отделяла высокая круглая платформа. Они обошли все огромное помещение по узенькой дорожке, света вверх фонарями. На платформу не было ни лестницы, ни двери.

– Быть может, башня – царская усыпальница, – предположила Али.

– Или центральное укрепление замка, – добавил Трой.

– Или же старый добрый фаллический символ, – отозвалась Пиа, которая оказалась в группе, потому что Сперриер – ее любовник – доверял Гитнеру еще меньше, чем Айку. – Вроде фараонова обелиска или лингама Шивы.

– Нужно туда попасть, – сказала Али. – Это может быть важно. – Она не добавила, что важно для ее поисков Сатаны.

– И каким образом? Крылья отрастить? – спросил Сперриер. – Ступенек-то нет.

Водя по стене тонким лучом, Айк обнаружил, что в верхней части поддерживающей платформу стены вырезаны небольшие опоры. Он открыл свой тяжеленный рюкзак и начал извлекать содержимое. Все подошли взглянуть.

– Ты таскаешь с собой веревку? – изумился Руис. – И сколько метров?

Али бросились в глаза чистые носки. После стольких-то месяцев!

– Смотрите, сколько пайков! – сказал Твиггс. – А от нас прячешь!

– Замолчи ты, – оборвала Пиа. – Это его доля.

– Я их нарочно берег, – объяснил Айк. И роздал всем пакеты. – Последние. С Днем благодарения!

И точно, было двадцать четвертое ноября. Все набросились на еду. Последние уцелевшие члены Общества Жюль Верна впопыхах вскрывали упаковки, разогревали ветчину и ломтики ананасов и наполняли съезжившиеся желудки. Распределить еду на несколько дней никто даже не пытался.

Айк стал разматывать веревки. От еды он отказался, но взял себе несколько драже «M&M's» – отобрал только красные. Его товарищи не знали, что и думать: такой надежный и бывалый следопыт – и вдруг так трепетно относится к выбору конфет.

– Разве они чем-то отличаются от синих или желтых? – спросила Челси.

– Конечно отличаются, – ответил Айк. – Они же красные.

Он обвязался веревкой.

– Подниму конец наверх, – сказал он. – Если там что-то есть, я его закреплю, и вы тоже сможете подняться.

Вооруженный налобным фонарем и их единственным пистолетом, Айк встал на плечи Сперриеру и Трою и дотянулся до нижней опоры. Отсюда до верха было около двадцати футов. Айк вскарабкался, ухватился за край платформы и начал подтягиваться, но вдруг остановился и целую минуту не двигался.

– Что случилось? – спросила Али.

Айк наконец подтянулся и посмотрел вниз:

– Взгляните лучше сами.

Он навязал на веревке петель, так что получилось подобие лестницы. Один за другим все поднялись – еле-еле, с его помощью. Для восстановления сил одного приема пищи оказалось явно недостаточно.

Вокруг башни – в девяноста футах от края – их встретила целая глиняная армия. Недвижная, но как живая.

Это были терракотовые воины-хейдлы. Целые сотни их стояли концентрическими кругами, лицом к незванным гостям.

У каждой статуи было оружие и свирепое выражение лица. На некоторых сохранились доспехи из нефритовых пластин, соединенных золотой проволокой. Кое-где золотая проволока растянулась или разорвалась, и пластины упали к ногам хозяина, оставив его беззащитным.

Говорить хотелось только шепотом. Всех охватил благоговейный ужас.

– На что это мы наткнулись? – спросила Пиа.

Некоторые воины замахивались палицами, наподобие доацтекских, утыканными кусками обсидиана. Попадались и атлатли – устройства для метания копья – и каменные булавы с железными цепями и рукоятями. Кое-что из оружия походило очертаниями на маорийское, но эта культура обогнала маорийскую на четырнадцать тысяч лет. Копья и стрелы, изготовленные из тростника, были оперены рыбьими костями.

– Совсем как некрополь императора Цинь Ши-хуанди, – сказала Али, – только меньше.

– И в семь раз старше, – добавил Трой. – И к тому же – хейдлский.

Они нерешительно вошли в круги, ступая осторожно, как ученики кун-фу, словно боялись потревожить это место. Те, у кого еще оставалась пленка, начали снимать. Айк вынул пистолет и осторожно ходил от статуи к статуе, разглядывая что-то, понятное ему одному. Али бесцельно бродила. Ошеломленный Трой присоединился к ней.

– Вон те канавки наполнены ртутью. – Он указал на сетку желобков,

вырезанных на каменном полу. – Она течет, словно кровь. Интересно, для чего?

Судя по некоторым подробностям, статуи, вероятно, делали с натуры. Получается, средний рост воинов составлял целых пять футов и десять дюймов – и это пятнадцать столетий назад! Как заметил Трой, судить по армии обо всем народе не стоит, потому что в армию обычно отбирают самых крепких и здоровых. Но даже если и так – средний рост homo sapiens в ту же самую эпоху был на пять-восемь дюймов меньше.

– Рядом с этими ребятами Конан-варвар показался бы бесформенным недоростком во главе горстки коротышек, – сказал Трой. – И мне даже удивительно – почему они нас не завоевали?

– А кто сказал, что не завоевали? – возразила Али. Она продолжала разглядывать статуи. – Что интересно – так их изогнутое основание черепа. А челюсти совсем прямые. Помните голову, которую принес Айк? Череп крепится к шее совсем иначе. Я это хорошо помню. Вытянутый, как у шимпанзе. И челюсти заметно выдаются вперед.

– Я тоже заметил, – отозвался Трой. – Интересно, ты думаешь то же самое, что и я?

– Обратный ход?

– Точно. Ну, то есть возможно. – Трой развел руками. – Я ни в чем не уверен.

На научном языке маленькая челюсть означает ортогнатизм – эволюционную ступень вверх по сравнению с прогнатизмом, то есть сильным выступанием челюсти. Антропология не пользуется или почти не пользуется такими терминами, как «эволюционное восхождение» и «эволюционный упадок». Маленькая челюсть считается так называемым продвинутым признаком. Как все признаки, она выражает адаптацию к условиям среды. Однако совокупность воздействий окружающей среды постоянно изменяется и может привести к появлению новых признаков, иногда напоминающих примитивные. Это называется реверсией. Реверсия – не поворот вспять, хотя так может показаться, не возвращение к примитивному признаку, а развитие нового продвинутого, имитирующего примитивный. Маленькая челюсть развилась у хейдлов пятнадцать или двадцать тысяч лет назад – как видно по статуям, – но потом она опять стала выступающей и очень похожей на обезьянью, то есть стала выглядеть как примитивный признак. По каким-то причинам у хейдлов произошла реверсия.

Для Али важность открытия заключалась в том, как этот процесс повлиял на речь и сознание хейдлов. Маленькая челюсть предполагает

большее разнообразие согласных звуков, а прямая шея и вогнутое основание черепа – опущенную гортань и, следовательно, большее разнообразие гласных. Тот факт, что хейдлские статуи возрастом пятнадцать тысяч лет имеют маленькие челюсти и прямую голову, а трофей Айка – нет, говорил о том, что у современных хейдлов есть проблемы с речью и, возможно, с сознанием. Али вспомнила замечания Троя о симметрии мозга хейдлов. Что, если подземное существование превратило хейдлов из существ, способных построить подобную крепость, вылепить терракотовые статуи, освоить подземные реки и озера, в обычных зверей? Аик говорил, что хейдлы не умеют читать свои письма. Что, если они потеряли способность мыслить? И Сатана – всего лишь злобный кретин? Что, если правы разные гитнеры и сперриеры, и homo hadalis не заслуживают иного отношения, чем злая собака?

Трой недоумевал:

– Но как могла реверсия быть такой быстрой? Пусть даже двадцать тысяч лет. Этого недостаточно для таких заметных изменений, правда?

– Я не могу объяснить, – сказала Али. – Но не забывай, что эволюция – реакция на окружающую среду, а посмотри, какова она. Радиоактивные камни, газы. Электромагнитный фон, гравитационные аномалии. Кто знает? Может, виновато межродственное скрещивание...

Аик шел впереди, вместе с Руисом и Пиа, разглядывал фигуры, водя лучом света как мечом, и заглядывал им в лица, словно искал самого себя.

– Что-то не так? – спросила Али.

– Теперь они совсем другие, – сказал Аик. – Похожи, но сильно изменились.

Али и Трой переглянулись.

– В каком смысле? – спросила Али.

Она думала, что он имеет в виду изменения, которые обсуждали она и Трой.

Аик обвел вокруг руками:

– Посмотрите. Здесь – мощь. Здесь – величие. Зато время, пока я жил у хейдлов, я не видел и намека на такие вещи. Какое уж там величие.

* * *

Остаток дня они посвятили дальнейшим исследованиям. Натёки кальцита свисали с потолков, разрушая дверные проемы. Спустившись поглубже, ученые нашли множество предметов, большей частью

человеческой работы. Тут были древние монеты из Стигии и Крита, американские пятицентовики начала двадцатого века с изображением бизона, испанские дублоны, отчеканенные в Мехико. Бутылки из-под кока-колы, японские бейсбольные карточки, кремневые ружья. Были здесь и книги, написанные на мертвых языках, самурайские доспехи, зеркало работы инков и, наконец, статуэтки и изделия из резной кости, глиняные таблички с письменами давно забытых цивилизаций. Одной из самых удивительных находок стала армиллярная сфера, устройство, состоящее из нескольких металлических колец – одно в другом; их применяли когда-то для демонстрации вращения планет.

– Господи, она-то для чего хейдлам понадобилась? – удивился Руис.

Больше всего людей притягивала платформа с глиняной армией. Человеческие артефакты, разбросанные по крепости, были бесценными, но по сравнению с этим зрелищем они казались обыденными. На следующее утро Айк обнаружил в самой башне несколько едва заметных выступов. Пользуясь ими, он без страховки поднялся наверх.

Остальные смотрели, как он балансирует на верхушке башни. Очень долго Айк просто стоял. Затем крикнул вниз, чтобы выключили фонари. Полчаса все просидели в темноте, лишь камни слабо светились.

Когда Айк спустился, вид у него был потрясенный.

– Мы стоим прямо на их мире, – сказал он. – Эта платформа – огромная карта. А верхушка башни – смотровая площадка.

Все посмотрели себе под ноги и увидели, что на некрашеном каменном полу вырезаны какие-то линии. Во второй половине дня Айк помог товарищам по очереди взобраться и спуститься по веревке, чтобы они тоже посмотрели. К тому времени как настала очередь Али, Айк побывал наверху уже шесть раз и стал немного разбираться в карте.

Верхушка башни была плоской, размером не больше трех квадратных футов. Всем, кроме Айка, тут было не по себе, и он сделал пару петель, чтобы другие могли сидеть на них, как на веревочной лестнице. Али повисла рядом с Айком, ожидая, пока привыкнут глаза.

– Это как огромная мандала на песке, только без песка, – объяснял Айк. – Просто удивительно, сколько я их видел там, внизу. Я имею в виду такие места, как подземье Ирана или Гибралтара. Я думал, хейдлы похитили кучку монахов и заставили их заниматься резьбой. Теперь вижу, что ошибался.

Али тоже увидела. Гигантский круг платформы у нее под ногами теплился призрачным разноцветным свечением.

– Камень пропитали каким-то пигментом, – сказал Айк. – Возможно,

когда-то это свечение можно было увидеть, стоя там, внизу. Однако мне кажется, что это не так. Скорее всего, простолюдины не имели доступа к таким знаниям. Только высшим позволялось подниматься сюда и видеть полную картину.

Чем дольше Али смотрела, тем больше привыкали глаза. Появились новые детали. Заполненные ртутью желобки превратились в текущие по камню реки. Линии – бирюзовые, красные, зеленые – извивались и пересекались самым замысловатым образом: это были коридоры.

– Думаю, вон то большое пятно – наше озеро, – сказал Айк.

У самого основания столба виднелись какие-то смутные очертания. Сюда из отдаленных мест сходились дороги. И если это все настоящее, тогда здесь, внизу, жил целый огромный мир. Быть может, были тут провинции, или государства, или края; зияющие пустоты стояли, как воздушные пузырьки в гигантских легких.

– Что такое? – Али задохнулась от удивления. – Оно оживает.

– У тебя глаза только еще привыкают. Подожди. Изображение объемное.

Плоское изображение вдруг обрело глубину и четкость. Цветные линии уже не пересекались, каждая показывала свой уровень, опускаясь и поднимаясь среди других.

– Ой, – проговорила Али, – я как будто падаю.

– Знаю. Оно открывается все дальше и дальше. В том-то и хитрость. Наверное, это искусство давным-давно позаимствовали цивилизации Гималаев. И теперь буддисты применяют его для изображения сферы обитания божеств. Если медитировать достаточно долго, создается оптическая иллюзия объема. Здесь перед нами – мандала в своем первоначальном предназначении. Полная карта подземья.

Даже у темного пятна озера был объем. Али видела и его плоскую поверхность, и то, что под ней, – неровные контуры дна. Реки казались подвешенными в пространстве.

– Я не совсем понимаю, как читать эту карту. Ни севера-юга, ни масштаба, – сказал Айк. – Но и здесь есть своя логика. Посмотри на береговую линию озера – и ты увидишь, как мы сюда шли.

Карта сильно отличалась от тех, что рисовала Али. На ее картах – она по-прежнему их рисовала – не было даже магнитного азимута, лишь ломаная линия из прямых отрезков, стремящаяся на запад. А здесь линии более округлые, более подробные. Теперь Али видела, как сильно она обузда свой страх перед этим местом. Подземный мир не имел конца и больше походил на небо, чем на землю.

Озеро имело продолговатую грушевидную форму. Али тщетно пыталась различить какие-либо особенности рельефа с правой стороны, куда ушел Уокер. Ничего опасного Али не увидела, разве что его маршрут пересекали несколько рек.

– Башня должна обозначать середину карты, нашу крепость, – сказала Али. – А крестиком отмечено это место. Но ведь башня не касается озера – она от него на некотором расстоянии.

– Меня это тоже сбilo с толку, – признался Айк. – Но видишь, как сходятся линии здесь, у столба? Мы выглядывали из крепости, и тут такого не видно. Дорога, по которой мы пришли, идет и дальше вдоль озера. И позади крепости тоже только одна дорога. Я думаю, что мы находимся где-то на одной из многих дорог, – он указал туда, где от озера отходила зеленая линия, – вот здесь.

Если Айк не ошибся и если пропорции карты верны, то получается, они не одолели и одной пятой окружности озера.

– Тогда что означает башня? – спросила Али.

– Я об этом думал. Знаешь поговорку: «Все дороги ведут...» – Он дал ей договорить.

– В Рим? Неужели?

– Почему нет?

– Сердце древней преисподней?

– Можешь на минутку встать на вершушку? – спросил Айк. – Я тебя подержу за ноги.

Али забралась на площадку, сначала встав на колени, потом на ноги. Отсюда она увидела все линии, начерченные внизу. И неожиданно испытала ощущение невероятного могущества. Словно на миг слилась с целым миром. Центр был здесь, и он был только один – цель долгого пути. Теперь она поняла, почему Айк в первый раз спустился в таком состоянии.

– Пока стоишь, – попросил Айк, крепко держа ее за лодыжки, – скажи – ты отчетливо видишь карту?

– Отсюда линии видны лучше, – сказала Али.

Ни сзади, ни спереди нее не было ничего, никакой опоры; изображение вдруг стало надвигаться на нее. Огромная паутина линий, казалось, поднимается все выше. И вдруг Али показалось, что она смотрит не вниз, а вверх.

– Господи!

Башня превратилась в яму. Али смотрела на мир из глубины. У нее закружилась голова.

– Сними меня, – взмолилась она, – а то я упаду.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал Айк ночью.

«Опять?» – подумала Али. Вечернее открытие совершенно ее опустошило. А он казался очень довольным.

– А завтра нельзя? – спросила Али.

Она устала. Прошло несколько часов, а у нее все еще кружилась голова от созерцания карты. И хотелось есть.

– Вообще-то нельзя, – ответил Айк.

Лагерь был разбит у входа с колоннами, рядом с полуразмытым желобом, по которому стекала чистая вода. Голод не давал себя забыть. Второй день исследований всех утомил. Те, кто забирался на верхушку башни, устали больше других. Они лежали на земле, свернувшись калачиком и прижав руки к пустым животам. Пиа обнимала Сперриера, который мучился от мигрени. Трой сидел лицом к озеру, держа пистолет Айка, и клевал носом. Хорошего ждать неоткуда.

Али передумала:

– Веди.

Она взяла его за руку и поднялась. Айк повел ее внутрь, каким-то тайным ходом. Там оказались вырубленные в камне ступени.

– Не спеши, – сказал он. – Береги силы.

Они дошли до башни, возвышающейся над крепостью. Потом им пришлось ползти по какому-то лазу к другой лестнице. Когда они поднялись по последнему пролету, Али увидела наверху яркий свет. Айк пропустил ее вперед.

В комнате, выходящей на озеро, стояло множество масляных ламп. Простые глиняные ковшики, в которые налито масло; с одного конца оно стекало по носику и горело.

– Где ты их нашел? – удивилась Али. – А откуда масло?

В углу стояли три большие глиняные амфоры – такие поднимают с затонувших древних кораблей.

– Они лежали в подвале. Их там пятьдесят или даже больше, – сказал Айк. – Наверное, здесь было что-то вроде маяка. Может, вдоль берега есть и другие – своеобразная система оповещения.

Света одной лампы хватило бы, чтобы рассмотреть кончики своих пальцев, но сотни ламп залили комнату золотым сиянием, и Али представила корабли хейдлов, скользившие по темному озеру двадцать тысяч лет назад.

Она украдкой взглянула на Айку. Он сделал это все для нее. У него от света болели глаза, но он их не прятал – ради Али.

– В крепости оставаться нельзя, – сказал Аик, вытирая слезы. – Я хочу, чтобы ты ушла вместе со мной.

Он старался не щуриться. То, что Али нравилось, ему доставляло боль. Она испытывала искушение погасить несколько светильников, чтобы Айку было не так больно, но решила, что он обидится.

– Выхода нет, – сказала она. – Мы не можем идти дальше.

– Можем. – Аик указал на бескрайнее озеро. – Все не так безнадежно, путь продолжается.

– А как же другие?

– Они тоже могут идти. Но они сдались. Нельзя сдаваться, Али. – Он говорил горячо. – Пойдем со мной.

Это тоже – только для нее, как и свет.

– Прости, – сказала она. – Ты – дело другое. А я – как они. Я устала и хочу остаться здесь.

Аик отвернулся в сторону.

– Ты, конечно, думаешь, что я говорю это из любезности, – добавила Али.

– Нам необязательно умирать, – настаивал Аик. – Что бы ни случилось с ними, нам необязательно здесь умирать.

Он говорил твердо. И говорил «нам».

– Аик... – начала она и замолчала.

Поститься ей уже приходилось, и она чувствовала, что на этот раз ослабла слишком быстро. Но одновременно Али испытала какое-то странное удовлетворение.

– Мы можем отсюда выбраться, – убеждал Аик.

– Ты вел нас столько, сколько мог. Ты все для нас делал. Мы совершили наши открытия, узнали, что тут когда-то существовала великая империя. Теперь все кончено.

– Пойдем со мной, Али.

– У нас нет еды.

Взгляд Айку слегка метнулся в сторону, едва заметно. Он ничего не сказал, но что-то в его молчании было не так. Он знает, где взять еду? Али была неприятно удивлена. Мелькнула мысль, что Аик слишком скрытен. Словно он сказал: «Я – не вы». Затем его взгляд стал прямым, и сам он снова стал одним из них.

Али закончила:

– Я очень благодарна за то, что ты для нас сделал. А теперь нам нужно

просто принять неизбежное. Нужно смириться. А тебе незачем тут оставаться и дальше. Ты должен идти.

Ну вот, подумала она. Выпила свою чашу благородства. Теперь его очередь. Он будет великодушно спорить. На то он и Айк.

– Что ж, пойду, – сказал он.

Али невольно нахмурилась.

– Пойдешь? – пролепетала она и тут же пожалела.

Неужели он их бросает? И ее?

– Я думал – остаться или нет, – сказал Айк. – Представил себе, как это будет романтично. Найдут нас лет через десять. Тебя и меня.

Али моргнула. По правде говоря, она представляла то же самое.

– Тебя найдут в моих объятиях, – продолжал Айк. – Потому что, как только ты умрешь, я тебя обниму. И ты навсегда останешься моей.

– Айк, – сказала Али и снова замолчала.

Она вдруг почувствовала, что не в силах вымолвить ни слова.

– Думаю, это не преступление. Ведь после смерти ты уже не будешь Христовой невестой, так ведь? Он получит твою душу, а я – остальное.

Вроде бы все правильно, но Али стало не по себе.

– Если тебе нужно мое разрешение, я говорю – да, – сказала она.

Да, он обнимет ее. Правда, в ее воображении все было наоборот. Айк умрет первым, а она будет его обнимать. Но суть та же.

– Так вот, – продолжал Айк, – я подумал и решил, что по отношению ко мне это было бы, грубо говоря, несправедливо.

Взгляд Али блуждал по светлой комнате.

– Я бы тебя получил, – пояснил он, – слишком поздно.

«Прощай, Айк», – подумала Али. Оставалось только произнести это вслух.

– Все не так просто, – сказал он.

– Я понимаю.

«Ступай с богом».

– Нет, не понимаешь.

– Все нормально.

– Нет, не нормально. У меня бы сердце разорвалось. – Он облизал губы и словно бросился в воду. – Я прождал тебя слишком долго.

Али уставилась на него.

Ее удивление его встревожило.

– Я же должен был решиться сказать тебе все, раз я собираюсь остаться, – оправдывался он. – Хоть на это я имею право?

– Что сказать, Айк? – Али слышала свой голос словно издали.

– Я уже сказал.
– Я чувствую то же самое.
«То же самое? И это все, что я могу ему дать?»
– Знаю, – отозвался Айк. – Ты меня тоже любишь. Как любую Божью тварь. – И он насмешливо перекрестился.
– Перестань, – попросила Али.
– Ладно, забудь, – сказал он, и глаза на изможденном лице закрылись.
Теперь была очередь Али. Хватит с нее призраков. Хватит фантазий, хватит мертвых возлюбленных. Ее Христос, его Кора.
Али протянула руку, словно глядя на себя издалека. Пальцы двигались, как чужие. Она прикоснулась к его волосам.
Айк отпрянул. Али поняла: он уверен, что она его жалеет. Наверное, много лет назад, когда он был молод, это не имело бы для него значения. Сейчас Айк насторожен и противен сам себе. Конечно, он не верит в ее искренность.
Казалось, Али никогда этого не делала. Она боялась показаться неуклюжей или неискренней. Если бы она готовилась заранее, хотя бы мысленно, у нее ничего бы не получилось. И все же нельзя сказать, что руки ее не дрожали, когда она расстегнула пуговицы и обнажила плечи. Одежда упала на пол.
Обнаженное тело чувствовало тепло светильников. Краешком глаза Али заметила, что этот свет, которому двадцать тысяч лет, превратил ее тело в золото.
Когда они прижались друг к другу, Али подумала, что есть хотя бы один голод, который теперь нетрудно утолить.

* * *

Их разбудил крик Челси. У нее вошло в привычку мыть по утрам голову на берегу озера.
– А мы здесь, оказывается, не одни, – пробормотала Али.
Ей приснился апельсиновый сок и печальное уханье горлицы. И запах дубового дыма в горном воздухе.
Айк так и не выпустил ее из объятий. Так обидно, когда утро нового дня испорчено ложной тревогой.
Потом в башню долетели и другие крики. Айк вскочил и высунулся из окна; спина его пестрела насечками, шрамами, буквами – свидетельствами старых мучений.

– Что-то случилось, – бросил он, хватая одежду и нож.

Али спустилась вслед за ним, и они – самые последние – присоединились к остальным на берегу. Все дрожали. Было не холоднее, чем обычно, но люди слишком исхудали.

– Вот и Айк, – сказал кто-то, и все расступились.

В озере плавал труп. Он лежал у самого берега, спокойный, как вода.

– Это не хейдл, – пробормотал Сперриер.

– Здоровенный был, – заметил Руис. – Может, кто-то из людей Уокера?

– Уокера? Откуда? – удивился Твиггс.

– Например, упал с плота и утонул. И его прибило сюда.

Тело принесло к берегу, словно покинутый корабль; оно лежало головой вперед, кверху мертвенно-бледным, отбеленным лицом, на воде покачивались обмякшие руки. Глаз не было.

– Я думала, что там плавает бревно, и хотела его вытащить, – рассказывала Челси. – Потом увидела.

Айк зашел в воду и нагнулся над телом, стоя спиной к берегу. Али показалось, что блеснул нож. Через минуту Айк повернулся к остальным, таща за собой труп.

– Точно, солдат.

– Совпадение, – предположил Руис. – Должно же было его прибить где-нибудь к берегу.

– Почему именно сюда? Он вообще мог затонуть или разложиться. Или его могли съесть.

– Его сберегли нарочно, – сказал Айк.

Али заметила то, чего другие, кажется, не видели, – насечку на бедре – там, где Айк ткнул ножом.

– То есть что-то такое в воде? – спросила Пиа.

– Нет, – ответил Айк. – Это сделано иначе.

– Хейдлы? – уточнил Руис.

– Да.

– Течение. Вероятность...

– Его сюда нарочно притащили.

Спутникам Айка потребовалось несколько минут, чтобы переварить сообщение.

– А зачем? – спросил Трой.

– Наверное, в качестве предупреждения, – предположил Твиггс.

– Хотят прогнать нас домой? – засмеялся Руис.

– Вы не поняли, – спокойно возразил Айк. – Это подарок.

– Приносят нам жертву?

– Я как раз думал – поймете вы или нет. Они могли его сами съесть. Наступило молчание.

– Нам предлагают в пищу мертвеца? – прохныкала Пиа. – Для еды?

– Вопрос – почему вдруг? – сказал Айк, глядя на темное озеро. Твиггс был оскорблен:

– Они считают нас каннибалами?

– Просто думают, что мы хотим выжить.

И Айк сделал страшную вещь. Он не оттолкнул труп от берега, а стал ждать.

– Чего ты ждешь? – возмутился Твиггс. – Убери его.

Айк молча ждал.

Искушение было отвратительное. Наконец Руис сказал:

– Ты о нас плохо думаешь, Айк.

– Не смей нас оскорблять, – потребовал Твиггс.

Айк не обратил на него внимания. Молча ждал, что скажут остальные. Прошла еще минута. Все смотрели на него. Никто не хотел сказать «да», никто не хотел сказать «нет». А он не собирался решать за всех. Даже Али не отвергла предложение с ходу.

Айк терпеливо ждал. Мертвый солдат покачивался позади него. Он тоже терпеливо ждал.

Али не сомневалась, что все думают об одном и том же – какой у него вкус, и насколько его хватит, и кто этим займется. Наконец она вышла вперед и ответила за всех:

– Ну, допустим, мы бы его съели. А что потом?

Айк вздохнул.

– Вот именно, – подхватила Пиа через несколько секунд.

Руис и Сперриер прикрыли глаза. Трой слегка покачал головой.

– Слава тебе господи, – сказал Твиггс.

* * *

Путники изнывали в крепости, сил едва хватало, чтобы выйти наружу помочиться. По очереди жались на матрацах – не очень-то приятно лежать на собственных костях.

Вот, значит, какво голодать, думала Али. Голод – ожидание окончательного изнеможения. Али всегда гордилась умением преодолеть себя. Однако легко отказаться от мирских соблазнов, когда знаешь, что можешь к ним вернуться. А с настоящим голодом совсем не так. Уход – это

тяжкое однообразие.

Пока их силы не иссякли окончательно, Али и Айк провели еще две ночи в освещенной комнате. Тридцатого ноября они спустились к остальным. У Али кружилась голова, и она больше не смогла подняться по лестнице.

Голод сделал людей очень старыми – и совсем молодыми. Твиггс выглядел особенно постаревшим, лицо ввалилось, челюсть отвисла. И в то же время они напоминали детей – спали каждый день все больше и больше, свернувшись калачиком. Кроме Айка, который, как лошадь, боялся ложиться, они спали уже по двадцать часов.

Али пыталась заставить себя работать, соблюдать гигиену, молиться, рисовать карты. Пыталась навести хоть какой-то порядок в этом хаосе Господнем.

Второго декабря утром от озера донеслась какая-то возня.

Те, кто еще мог сидеть, попытались выпрямиться: сбылись их худшие страхи. За ними пришли хейдлы.

Казалось, на берегу собралась стая волков.

Кто-то обрывочно шептал. Трой заковылял на поиски Айка, но его не слушались ноги. Он опять уселся.

– Не могли подождать, – тихо простонал Твиггс. – Так хотелось умереть во сне.

– Заткнись! – прошипел Руис. – И выключи фонарь. Может, они и не знают, что мы здесь. – Он поднялся на ноги и в призрачном свечении камня, пошатываясь, побрел к бойнице, вырубленной рядом с входом. Осторожно, как вор, высунул голову. И скользнул вниз.

– Что там? – прошептал Сперриер.

Но упавший молчал.

Сперриер подполз поближе.

– Руис, эй! Господи, да у него затылка нет!

И тут началась атака.

Внутрь повалили расплывчатые фигуры, какие-то звериные силуэты на фоне светящихся стен.

– О боже мой! – завопил Твиггс.

И если бы не его вопль, их всех скосили бы из пулемета. Воцарилась тишина.

– Не стрелять! – скомандовал кто-то. – Кто сказал «боже мой»?

– Я, – прорычал Твиггс. – Дэвид Твиггс.

– Не может быть!

– Наверное, ловушка, – сказал другой голос.

– Да это же мы! – крикнул Сперриер и посветил фонарем себе в лицо.

– Солдаты! – закричала Пиа. – Американцы!

По залу рыскали лучи.

Обросшие солдаты, не разгибаясь, сновали по всем углам, готовые стрелять. Трудно сказать, кто больше удивился – отупевшие от голода ученые или озверевшие остатки команды Уокера.

– Не двигаться! Не двигаться! – орали солдаты.

У них были красные глаза. Они никому и ничему не верили. Дула винтовок так и порхали в поисках противника – словно стайка колибри.

– Несите сюда полковника, – сказал кто-то.

Принесли Уокера – он сидел на винтовке, которую держали в руках двое солдат. Али показалось, что полковник изнурен голодом, но тут же увидела кровь. Сквозь искромсанные штанины торчали вошедшие в мясо и кости осколки обсидиана.

Таким изможденным он выглядел из-за боли. Однако хватки своей полковник не утратил. Уокер окинул зал хищным взглядом.

– Вы что, больны? – осведомился он.

Али увидела себя и своих спутников со стороны – исхудавшие тени, едва способные сидеть. Настоящие пугала.

– Мы просто голодные, – объяснил Сперриер. – У вас есть еда?

Уокер посмотрел на них.

– А где остальные? Насколько я помню, вас было не девять, а побольше.

– Они ушли домой, – сказала Челси, согнувшись над своей шахматной доской.

Она смотрела на тело Руиса. Теперь было видно, что пуля вошла ему в глаз.

– Решили вернуться тем же путем, – пояснил Сперриер.

– И врачи тоже? – уточнил Уокер.

На минуту в нем затеплилась надежда.

– Остались только мы, – добавила Пиа. – И вы.

Полковник обвел глазами зал.

– Что это такое? Усыпальница?

– Дорожная станция, – ответила Пиа.

Али надеялась, что тут она и остановится. Ни к чему Уокеру знать о карте и глиняной армии.

– Мы пришли сюда две недели назад, – вмешался Твиггс.

– И так здесь и сидели?

– У нас кончилась еда.

– Похоже, для обороны место подходящее, – сказал Уокер лейтенанту в обгоревшей одежде. – Выставь периметр. Лодки охранять. И давайте сюда наши припасы и гостью. Уберите труп.

Уокера усадили и прислонили к стене. Солдаты действовали осторожно, но когда укладывали его ноги, было видно, что ему очень больно.

Стали подходить остальные, неся припасы и оборудование, присланное «Гелиосом». Солдаты уже не походили на безупречных рыцарей, о чем полковник раньше так заботился! Форма на них превратилась в лохмотья. Некоторые ходили босиком. У многих были раны на голове и ногах. Они пахли порохом и кровью. Бороды, грязные космы – банда рокеров, да и только. Стерся налет благородных крестоносцев, остались уставшие, злые и напуганные бандиты. Их попытка сбежать не удалась.

Через несколько минут Уокер опять обратил внимание на ученых.

– Скажите, – спросил он, – какие у вас потери?

– Ни одной, – ответила Пиа. – До сегодняшнего дня.

Уокер не стал извиняться; труп Руиса за ноги вытащили из зала.

– Впечатляет. Вам удалось пройти сотни миль по незнакомой местности, да еще невооруженным.

– Айк свое дело знает, – сказала Пиа.

– Так Крокетт здесь?

– Он отправился на разведку, – быстро вставил Трой. – Он иногда пропадает. Ищет шахту-пять. Нам нужна еда.

– Зря время теряет. – Уокер повернул голову к чернокожему лейтенанту. – Возьми пятерых солдат и отыщи нашего приятеля. Хватит нам сюрпризов.

Лейтенант ответил:

– Сэр, не нужно за ним гоняться. У нас и так было много неприятностей.

– Нельзя, чтобы Крокетт гулял на свободе.

– А почему? – спросила Али. – Что он вам сделал?

– Вопрос в том, что я ему сделал. Крокетт не из тех, кто забывает и прощает. Он сейчас за нами следит.

– Он ушел. Сказал, что мы сдались. Ему здесь нечего делать.

– А слезы почему?

– Вам незачем его убивать, – тихо сказала Али.

Уокер оживился:

– Пленных не берем, понятно, лейтенант? Первое указание Крокетта.

– Есть, сэр, – выдохнул лейтенант.

Он выбрал себе пять солдат, и отряд отправился в глубину крепости.

Когда они ушли, Уокер прикрыл глаза. Один солдат вынул из сапога нож, вскрыл упаковку с пайками и сделал приглашающий жест. У Троя едва хватило сил раздать товарищам пакеты. Твиггс поцеловал свой пакет и разорвал его зубами.

Али попробовала готовые спагетти – восхитительный вкус! Она старалась откусывать понемножку и запивала водой.

Твиггса вырвало, но он тут же продолжил трапезу.

Зал начал наполняться. Принесли раненых. Двое солдат установили у окна пулемет. Всего, вместе с собой и своими спутниками, Али насчитала двадцать пять человек. Столько осталось от ста пятидесяти, вышедших в экспедицию.

Уокер открыл налитые кровью глаза.

– Несите все внутрь, – приказал он. – И плоты тоже. Их легко испортить, к тому же они выдают наше присутствие.

– Но их там двенадцать штук!

«На пятнадцать меньше, чем было вначале, – подсчитала Али. – Что же у них случилось?»

– Несите сюда, – повторил Уокер. – Несколько дней мы продержимся. Крепость – ответ на наши молитвы: хоть какая-то опора в этом гнусном месте.

Пороссячьи глазки солдата выражали несогласие. Он небрежно отсалютовал. Уокер явно терял власть.

– Как вы нас нашли? – спросила Пиа.

– По вашему свету, – ответил полковник.

– По какому свету?

Лампы Айка, поняла Али. Вот так тайна для двоих. Маяк в ночи.

– Вы нашли шахту-пять, – констатировал Сперриер.

– Половина досталась хейдлам.

– Дьявол не дремлет, – раздался новый голос, и в комнату вошел Монтгомери Шоут.

– Вы? До сих пор живы? – удивилась Али.

Она не могла скрыть отвращения. Одно дело – их бросили солдаты, но Шоут был свой, член экспедиции; он знал о грязных планах полковника и молчал. Его предательство гораздо хуже.

– Мы просто совершили небольшую экскурсию, – заявил Шоут. У него был старый синяк на щеке и свежий под глазом – его, очевидно, били. – В последнее время хедди нас что-то невзлюбили. Ребятам пришлось

трудиться по две смены подряд – они и меня не забывали. Начинаю думать, что наша грандиозная экспедиция может потерпеть неудачу.

Но Уокер, видно, был не в настроении пререкаться с придворным шутком.

– Здешнее побережье населено?

– Я видела только троих, – ответила Али.

– Троих или три? Три населенных пункта?

– Троих хейдлов.

– И все? Никаких поселков? – Заросшие черными космами губы полковника расплылись в улыбке. – Тогда, слава богу, мы от них оторвались. По воде они нас не выследят. Мы спасены. Еды у нас на два месяца, и еще есть устройство Шоута.

Шоут погрозил пальцем:

– Эй-эй! Не сейчас. Мы же договорились – еще три дня на запад. Потом будем говорить о возвращении.

– А девушка где? – поинтересовалась Али. Когда входили солдаты, она заметила, что у многих на поясе и на ремнях рюкзаков болтаются отрезанные пальцы с когтями, уши, куски женских и мужских гениталий. В памяти ее всплыли строки Йетса:

Все распадается, безвластье в мире;
Невинности обычай сокрушен
Кровавыми потоками...

– Я ее недооценил, – проскрежетал полковник.

Ему требовался морфий. Али подозревала, что солдаты тоже им пользуются.

– Вы ее убили!

– Стоило бы. От нее никакого проку.

Он махнул рукой. Двое солдат втащили девушку и привязали к стене.

Первое, что Али заметила, был ее запах. От девушки пахло потом, калом, еще чем-то резким. Волосы пропитались дымом. По скотчу, которым был заклеен рот, текла кровь и слюна.

– Что вы сделали с девочкой?

– Мои ребята не смогли устоять, – пояснил Уокер.

– И вы им позволили?..

Уокер уставился на Али.

– Вся такая правильная? Ты-то не лучше других. Всем от нее что-то

нужно. Давай составляй свой словарь, сестра! Только без разрешения отсюда не выходить!

Трой встал и накинул свою куртку девушке на плечи. Его галантность заставила пленницу отпрянуть; затем она раздвинула ноги, насколько позволяла веревка, и подставила себя. Трой шарахнулся назад.

– Я бы в такую не влюбился, – захохотал Уокер. – Зверюга. По-настоящему дикая.

Али и Трой попытались покормить девушку.

– Что это вы делаете? – возмутился солдат.

– Отрываю скотч, – ответила Али. – Как же она будет есть?

Солдат сорвал скотч и быстро убрал руку. Девушка едва не перекрутилась на проволоке, рванувшись к нему. Али отшатнулась. Зал загремел хохотом.

– К вашим услугам, – сказал солдат.

Кормить пришлось с осторожностью. Али тихонько заговорила с девушкой, назвала свое и Троя имя, попыталась ее успокоить. Человеческая пища была ей вредна, но девушка ела. Один раз она выплюнула яблочный сок и пробормотала что-то жалобное – слова прозвучали неожиданно мягко. Дело было не столько в тихом голосе, сколько в интонации. Несмотря на свирепость, у девушки стал почти благочестивый вид. Казалось, она обращается к пище или читает молитву. Нрав у нее был не простой, но и не свирепый.

Когда с кормежкой закончили, пленница улеглась на каменный пол и закрыла глаза. Между едой и сном не было никакой паузы. Она просто пользовалась, чем могла.

Прошло два дня. Айк не показывался. Али чувствовала, что он где-то рядом, но найти его не смогли.

Надеясь выпытать код устройства, солдаты избили Шоута до бесчувствия. Его упрямство привело их в ярость, и они остановились только тогда, когда Али загородила его собой.

– Убьете его – и кода не узнаете, – сказала она.

Теперь к ее заботам добавился Шоут, а ведь Али уже ухаживала за полковником и некоторыми солдатами. Кто-то же должен это делать. Все-таки Божьи твари.

Уокер время от времени впадал в лихорадку. Он ругался на разных языках. Солдаты злобно переглядывались. Али все больше волновалась. Одно утешение – Айка так и не удалось найти.

На вторую ночь Трой попытался не дать солдатам уволочь девушку наружу – там уже ждали их товарищи.

Солдаты начали бить его пистолетом и не остановились бы, но девушка стала хихикать, и они потеряли к антропологу интерес. Ее вернули не скоро, всю потную, с заклеенным ртом. Все еще истекая кровью, Трой помог Али помыть ее водой из бутылки.

– Она уже рожала, – вполголоса сказал он. – Ты заметила?

– Ты ошибаешься, – возразила Али.

Однако среди татуировок и полос грязи она разглядела следы растяжек. Ареолы сосков были темные. Просто раньше она не обратила внимания.

На третью ночь солдаты снова пришли за девушкой. Несколько часов спустя ее привели обратно, почти без сознания. Когда Али и Трой мыли ее, Али начала тихонько напевать мелодию, сама того не замечая, пока Трой не окликнул:

– Али, смотри!

Али подняла глаза от кровоподтеков на бедрах и увидела, что девочка уставилась на нее, а по щекам у нее катятся слезы.

Али запела снова:

Прошел немало я скорбей,
Невзгод и черных дней,
Но благодать всегда со мной,
Ведет меня домой.

Девушка зарыдала. Али совершила ошибку – попыталась ее обнять. Ее жалость вызвала настоящую бурю – девушка начала пинаться и толкаться. Али постигло ужасное озарение: у несчастной когда-то была мать, которая пела этот гимн.

Ночь Али провела, наблюдая за пленницей. В свои четырнадцать лет девочка была больше женщиной, чем Али в тридцать четыре. Она была замужем или, во всяком случае, у нее был мужчина. И даже, оказывается, был ребенок. И теперь, когда ее так жестоко насиловали, ей удалось сохранить рассудок. Удивительная сила духа.

Утром Твиггсу – впервые после того, как он перестал голодать, – потребовалось выйти в туалет. Поскольку Твиггс – это Твиггс, он и не подумал попросить разрешения. И один из охранников его застрелил.

Относительной свободе ученых пришел конец. Уокер приказал всех связать и отвести в глубину крепости. Али не удивилась. Она уже давно поняла, что с ними так или иначе расправятся.

И тьма была над бездною...

Кн. Бытия 1:2

Нью-Йорк

В гостиничном номере было темно, только светился голубой экран телевизора. Удивительно – в комнате слепого без звука работает телевизор. В другие времена де л'Орме и сам мог бы устроить такое, чтобы подшутить над гостями, но сегодня он гостей не ждал. Просто горничная смотрела сериал и забыла выключить.

А на экране была Таймс-сквер, новогодний хрустальный шар падал на беснующуюся от радости толпу.

Де л'Орме перебирал в уме свои любимые строки Иоганна Экхарта. Этот мистик тринадцатого века проповедовал очень простыми словами очень странные вещи. И так бесстрашно – в самой тьме Средневековья.

«Бог есть ожидание. Его любовь словно крючок рыбака. Никакая рыба не подплывет к рыбаку без того, чтобы попасть на крючок. Если она берется за крючок – ей не миновать рыбака. Тщетно она бьется – рыбак уверен в своем улове. И то же я могу сказать о любви. Тот, кого подцепит этот крючок, ловится так, что весь он, с ногами и руками, глазами и ртом, и сердцем принадлежит Богу. И чем вернее он пойман, тем вернее обретет свободу».

Неудивительно, что теолог был осужден инквизицией и отлучен от церкви.

Сделал из Господа какую-то сексуальную госпожу. И совсем уж непонятно – человек обретет свободу от Бога? Бог обретет свободу?.. И что потом? Небытие. Ты проникаешь во тьму и приходишь к тому же самому свету, который оставил. К чему тогда все? – думал де л'Орме. Ради пути? Неужели путь – лучшее, чему может посвятить себя человек?

Так он размышлял, когда зазвонил телефон.

– Узнаешь? – спросили на другом конце провода.

– Бад?

– Точно, я самый, – бормотал Персивел.

– Откуда звонишь?

– М-м-м... – Бывший астронавт говорил как-то странно.

Пьян. Наш «надежный парень» пьян?

– У тебя что-то случилось, – констатировал де л'Орме.

– Еще как. Сантос у тебя?

– Нет.

– А где? – осведомился Персивел. – Ты вообще знаешь, где он?

– Где-то в Корее, – ответил де л'Орме; он не знал, в какой именно Корее. – Там поднялась еще одна группа хейдлов. Сантос должен описать кое-какие вещи, что имеются при них. Золотые чеканки с изображением какого-то божества.

– В Корее? Это он так сказал?

– Я сам его туда послал.

– И почему ты думаешь, что он там, куда ты его послал?

Де л'Орме снял очки. Потер и открыл глаза. Совершенно белые – без радужных оболочек и зрачков. На лицо ему падали разноцветные блики от уличных фейерверков. Слепой ждал.

– Я всю ночь пытаюсь дозвониться до других, – говорил Персивел. – Без толку.

– Новый год, – объяснил де л'Орме. – Наверное, они у своих родных.

– И никто тебе не сказал! – Это звучало не как вопрос, а как упрек.

– К сожалению, не понимаю, о чем речь.

– Теперь уже поздно. А ты и вправду не знаешь? Где же ты был?

– Здесь. Болел гриппом. Неделью просидел в номере.

– А знаешь про такую газету – «Нью-Йорк таймс»? И новости не слушаешь?

– Я решил отдохнуть. Скажи наконец, в чем дело. Иначе я не смогу помочь.

– Помочь?

– Говори, пожалуйста.

– Нам угрожает опасность. Тебе нельзя там находиться.

Постепенно клубок размотался. Две недели назад в хранилище карт музея Метрополитен случился пожар. А перед этим взорвали библиотеку в пещерном храме Юньган в Китае. В последнем преступлении китайцы обвиняют исламских сепаратистов.

За последний месяц в десяти с лишним странах разгромлены или уничтожены архивы и археологические площадки.

– Про музей Метрополитен я, конечно, слышал. Об этом всюду сообщали. Но при чем здесь все остальное?

– Кто-то хочет уничтожить всю нашу информацию. Как бизнесмен, когда закрывает производство. Замечает следы.

– Какие следы? При чем тут библиотеки, музеи? Для чего их уничтожать?

– Хочет прикрыть лавочку.

– Кто? Ты о ком говоришь? Ничего не понимаю.

Персивел рассказывал и о других событиях, включая пожар Кембриджской библиотеке, где хранились древние рукописи из каирской синагоги.

– Полностью, – сказал Персивел. – Дотла. Все уничтожено. И развеяно по ветру.

– Те места, где мы работали в течение года.

– На этот раз хотят уничтожить нашу информацию полностью, – продолжал Персивел. – До недавних пор дело обстояло иначе: там рукопись подпортят, тут фото пленка пропадет. А теперь поставили на широкую ногу. Как будто кое-кто торопится все замести, прежде чем убраться восвояси.

– Совпадение, – сказал де л'Орме. – Сжигают книги, устраивают погромы. Враги разума. Чернь совсем взбесилась.

– Не совпадение. Он нас использовал. Как ищеек. Спустил нас по собственному следу. А мы и рады стараться. А теперь он дал задний ход.

– Он?

– Кто, как ты думаешь?

– Если ты и прав, что ему это дает? Он удаляет информацию, но не наши выводы.

– Стирает свое изображение.

– Тогда он уничтожает свой же образ. Чего он этим добьется?

Однако, возражая Персивелу, де л'Орме чувствовал себя не в своей тарелке. Неужели далекие звуки тревожной сирены звучат и в его мозгу?

– Он уничтожает нашу память, – продолжал Персивел. – Стирает следы своего пребывания.

– Но мы теперь его знаем. По крайней мере, знаем все существующие факты. Наши знания записаны.

– Мы – последние свидетели, – сказал Персивел. – Нас не станет – и все, вот вам и чистая доска.

Де л'Орме никак не удавалось сложить все фрагменты головоломки. Он всего неделю провел взаперти, а мир словно сошел с ума. Или

Персивел?

Археолог пытался разобраться в услышанном.

– Ты думаешь, мы вели нашего врага туда, куда он сам хотел? Тогда нужно искать среди своих. Сатана – один из нас. И теперь он – или она? – повторяет наш путь и уничтожает наши сведения. Опять же – зачем? Чего он добьется, стерев свидетельства о своей личности? Если верна наша теория о реинкарнации царя хейдлов, значит, в следующий раз он появится в другом обличье.

– Но сознание его будет все то же, – сказал Персивел, – или ты забыл? Мы же об этом говорили. Собственную натуру не переделаешь, как не изменишь отпечатки пальцев. Он может и вести себя по-другому, но опознать его можно – благодаря пятитысячелетнему опыту человечества. Не мы опознаем – так следующее общество «Беовульф». Или следующее за ним. А так – никаких фактов, никаких открытий. Он станет невидимкой. Кем бы он ни был.

– Пусть себе мечется, – сказал де л'Орме. Говоря, археолог имел в виду скорее самого Персивела, чем того, кого они искали. – Когда закончит все громить, мы будем знать о нем больше, чем он сам. Мы почти у цели.

На другом конце провода Персивел тяжело дышал в трубку. Бормотал что-то невнятное. Де л'Орме слышал даже шорох ветра по крыше телефонной будки. Потом протащился с горки на пониженной передаче грузовик. Де л'Орме представил себе Персивела – на какой-нибудь пустой автостоянке заброшенной магистрали.

– Езжай-ка лучше домой, – посоветовал он.

– Ты на чьей стороне? Я ведь затем и звоню – узнать, на чьей ты стороне.

– На чьей я стороне?

– Тут и есть зацепка, так ведь?

Голос Персивела пропадал. Шумел ветер. Он говорил как человек, которого буря лишила и души и тела.

– Твоя жена, наверное, волнуется.

– Ага, пусть она кончит, как Мустафа? Мы с ней распрощались и больше не увидимся. Это ради ее же блага.

В окно гостиничного номера что-то шлепнулось и заскреблось. Де л'Орме спрятался обратно в свою спасительную тьму, откинулся на вельветовую спинку дивана. Прислушался. По стеклу кто-то царапал. И еще хлопал крыльями. Птица. Или ангел – заблудился среди небоскребов.

– А что случилось с Мустафой?

– Ты должен знать.

– Не знаю.

– Его нашли в Стамбуле, в пятницу. То, что от него осталось, плавало в Йеребатане.^[26] А ты правда не знал? Его убили в тот день, когда в мечети Айя-София нашли бомбу. Мы – свидетели, понимаешь?

Очень тщательно и аккуратно де л'Орме положил очки на стол.

У него закружилась голова. Ему хотелось спорить, хотелось возразить Персивелу, чтобы тот взял назад ужасные слова.

– Это все мог сделать только один человек, – продолжил Персивел. – Ты и сам знаешь не хуже меня.

Затем была минута относительной тишины. Оба молчали. В трубке слышались порывы ветра, гудки снегоочистителей, штурмующих занесенные магистрали. Персивел заговорил опять:

– Я знаю, что вы очень близки.

Его сочувственный тон подтвердил догадку де л'Орме.

– Да, – сказал археолог.

Такое ужасное вероломство трудно даже представить. Их всех вела его одержимость. И теперь он как будто лишил их наследства – лишил и духа и тела. Нет, неверно, он никогда и не считал их своими наследниками. С самого начала он их только использовал. Они для него были как рабочий скот, который не жалко загнать до смерти.

– Тебе нужно убираться от него подальше.

Но де л'Орме все думал о предателе. О тысячах совершенных им обманов. Поистине королевская дерзость! И почти с восхищением он произнес имя.

– Громче говори, – попросил Персивел. – Я тебя не слышу, тут ветер!

– Томас, – повторил де л'Орме.

Какая невероятная смелость! И какой беспощадный обман. Головокружительная глубина интриги. И кто он после этого? И кто он вообще? Зачем собрал общество для охоты на самого себя?

– А, ты уже знаешь! – кричал Персивел.

Буря шумела все сильнее.

– Его нашли?

– Да.

Де л'Орме обомлел:

– Но ведь мы, значит, победили.

– Ты рассудка лишился?

– Может, ты лишился? Зачем ты прячешься? Его же поймали. Теперь мы с ним поговорим. Нужно немедленно отправляться. Давай говори подробности.

– Кого поймали – Томаса, что ли?

Персивел явно растерялся, и де л'Орме словно оглушили. Столько месяцев он смотрел на хейдла как на обычного человека и теперь не мог поверить, что Сатана смертен. Разве можно поймать Сатану? И вот – поймали. Совершили невозможное. Развенчали миф.

– Где он? Что с ним сделали?

– Ты про Томаса?

– Да, про Томаса!

– Но он же погиб!

– Томас?!

– Мне показалось, ты сказал, что уже знаешь.

– Нет! – простонал де л'Орме.

– Прости. Он всем нам был другом.

Де л'Орме наконец понял, о чем говорит Персивел, и все же не понял ничего.

– Они его убили?

– «Они»? – прокричал астронавт.

То ли он не слышит де л'Орме, то ли никак не поймет.

– Сатана! – произнес наконец де л'Орме.

Мысли его путались. Царя хейдлов – убили? Да понимают ли эти идиоты, что Сатана – бесценен? Перед мысленным взором де л'Орме предстали молодые перепуганные солдаты – малообразованные парни, разряжающие винтовки в неясную тень. И Томас, падающий из темноты на свет, мертвый.

И все же де л'Орме ошибался.

– Да, Сатана, – подтвердил Персивел. Голос его стал почти неразличим из-за урагана. – Ты верно понял. В точности, как я думаю. Сначала Мустафу, потом Томаса. Их убил Сатана.

Де л'Орме нахмурился:

– Ты же сказал – его нашли. Сатану.

– Да нет, Томаса нашли, – пояснил Персивел. – Нашли Томаса. Сегодня днем на него наткнулся пастух-бедуин. Возле монастыря Святой Екатерины. Томас упал – или его столкнули с утесов на Синайской горе. Ясно, кто с ним расправился. Сатана. Он настигает нас по одному. Знает все про нас – как мы живем, где можем прятаться. Мы его изучали, а он, тварь, изучал нас.

Только теперь де л'Орме понял, о чем толкует Персивел. Томас – не предатель. Предатель – кто-то другой, кто к нему еще ближе.

– Ты слушаешь? – спросил Персивел.

Де л'Орме прокашлялся.

– Что сделали с телом Томаса?

– То, что там обычно делают монахи. О сохранности они особенно не заботятся. Желают закопать его как можно быстрее. Похороны в среду. Там же, в монастыре. – Персивел помолчал. – Ты не поедешь?

Такие грандиозные планы – и такой ничтожный результат. Де л'Орме уже знал, что ему делать.

– Твоя голова – тебе и решать, – сказал Персивел.

Де л'Орме повесил трубку.

Город Саванна, штат Джорджия

Она проснулась и, лежа в своей постели, грезилась о старых временах, когда была молода и у нее не было отбою от кавалеров. Потом от многих осталось несколько. От нескольких – один. В своих грезе она тоже была одинока, но совсем иным одиночеством. Она была болью в сердцах мужчин, памятью, которая никогда не проходит. И ее единственный мужчина никогда не перестанет ее искать, даже если она сама себя потеряет, даже если состарится.

Она открыла глаза; комнату омывал лунный свет. Жесткие полотняные занавески покачивались от слабого ветерка. В траве у крыльца пели сверчки. Окно оказалось открыто. По комнате крутилось и вертелось крошечное яркое пятнышко – светлячок.

– Вера, – раздался из угла мужской голос.

Вера вздрогнула, из рук выпали очки. Грабитель, подумала она. Грабитель, который знает ее имя? И произнес его так грустно.

– Кто это? – спросила она.

– Я смотрел, как ты спишь, – произнес он, – и видел маленькую девочку, которую, наверное, очень любил отец.

Он ее убьет. В ласковом голосе Вера чувствовала решимость.

В лунном свете возникла какая-то тень. Кресло, лишившись груза, скрипнуло и покачнулось; человек шагнул вперед.

– Кто вы? – спросила Вера.

– Разве Персивел тебе не звонил?

– Звонил.

– И не сказал тебе?

– Что именно?

– Кто я.

На Веру опустилась зимняя стужа.

Персивел звонил ей вчера, но она оборвала его невнятные

пророчества. Небо рушится – вот и все, что она смогла понять из его бессвязных слов. И разумеется, излитый им параноидальный поток предостережений и советов привел к тому, чего не смог добиться Томас: Вера окончательно убедилась – их поиск Зла сам по себе зло. Ее потрясла мысль, что этот поиск был самопорожденным, навеянным не чем иным, как их собственными измышлениями. Многие месяцы он питался сам собой – предсказаниями, разгадками, иллюзорными знаниями, а теперь принялся за исследователей. Как и предупреждал Томас, затея стала опасной. Врагами оказались не тираны, не посягатели, не разные там куперы и не мифический Сатана. Враг – их собственное воспаленное воображение.

Вера не стала разговаривать с Персивелом, повесила трубку. И не один раз – он продолжал названивать, пугал, вещал что-то невразумительное, ни дать ни взять – представитель победившего Севера, сгоняющий плантатора с насиженного места. «Никуда не поеду!» – сказала она. А Персивел, оказывается, был прав.

Инвалидное кресло стояло рядом с ночным столиком. Вера не стала просить ночного гостя о пощаде. Не спросила, как он намерен исполнить задуманное, станет ли ее мучить. Может, он сделает все быстро, по-деловому. «Итак, ты все же умрешь в своей постели», – сказала она себе.

– А песни он тебе пел? – спросил гость.

– Персивел?

– Нет, твой отец.

Вопрос сбил ее с толку.

– Песни?

– Когда укладывал спать.

И Вера поняла – это приглашение. И приняла его. Она закрыла глаза и погрузилась в поиск. Она старалась не обращать внимания на сверчков и слушала биение своего сердца, громкое, как стук отбойного молотка, предалась воспоминаниям, про которые думала, что они ушли навсегда.

Он был с ней, и была ночь, и он пел для нее. Вера опустила голову на подушку; слова обволакивали, как одеяло, и голос обещал приют. «Папа», – подумала она.

Скрипнула половица. Вера об этом пожалела. Если бы не скрип, она бы осталась с его песней. Однако старая доска вернула ее к действительности. Скрепя сердце возвратилась она в мир сверчков и лунного света.

Вера открыла глаза – он был рядом. Руки обнажены; мятущийся сверчок чертил у него над головой нимб. Он тянулся к ней, словно к возлюбленной. И когда его лицо приблизилось, она сказала:

– Ты?!

***Монастырь Святой Екатерины
Джебель-Муса (гора Синай)***

Де л'Орме расставил чашки, достал хлеб. Настоятель предоставил ему келью – из тех, в которых тысячелетиями уединялись люди, ищущие духовной мудрости.

Сантосу понравится. Он любит суровую простоту.

Глиняная бутылка с вином. Доски столешницы вытесаны и прибиты как минимум пять столетий назад.

На окнах – ни занавесок, ни даже стекол. Пыль и насекомые – товарищи по молитвам. Темноту кельи – словно библейские слова – пронизывали солнечные лучи. Слепой чувствовал на лице их тепло. Они передвигались с востока на запад. Де л'Орме понимал, что солнце садится.

Здесь, наверху, было холодно, особенно по сравнению с жаром пустыни, через которую шла дорога. Дорога была плохая. Де л'Орме страдал от тряски на ухабах. Поскольку туристов приезжало немного, не стоило и ремонтировать асфальт. Святая земля уже не влекла людей как раньше.

Открытие миру настоящей преисподней – простой сети коридоров – привело к тому, чего не мог достичь библейский ад, – оно убило страх Божий. Смерть Бога от руки экзистенциализма и материализма была и без того скорбным событием. А теперь гибель Высшего Зла превратила загробный мир в балаганную комнату страха. Во времена Моисея, Магомета и Августина такие страшилки были хороши, но теперь спросом не пользуются.

Вместе с дорогой впадал в запустение и сам монастырь. Некоторые монахи, с возмущением рассказывал настоятель, решили стать отшельниками – купили себе участки в заброшенной туристской деревушке, едят мясо, вешают у себя в жилищах иконы, зеркала и ковры. Такое разложение ведет к непослушанию. А что за монастырь без послушания? Даже горная ежевика, про которую говорили, что она и есть неопалимая купина Моисея, начала сохнуть.

Де л'Орме глубоко наполнил легкие вечерним воздухом; он вдыхал аромат ладана, словно кислород. Даже сейчас, зимой, слепой чувствовал запах растущего поблизости миндального дерева. А в небольшом горшке рос базилик. И витал здесь еще один запах, слабый, но ощутимо сладковатый: запах почивших святых.

У антропологов это называется повторное захоронение – обычай

откапывать мертвых через несколько лет и добавлять останки монахов к собранию мощей. Склеп в шутку прозвали университетом. Мертвые продолжают учить – учить через память. Такова традиция. «А чему научишь их ты, Томас? – думал де л'Орме. – Благодати? Всепрощению? Или предостережешь их против тьмы?»

Начиналась вечерняя служба. Во двор вынесли клетку с длиннохвостым попугаем. И он, словно маленький ангел, подпевал монахам: «Кирие элейсон – Господи, помилуй...»

В такие моменты де л'Орме хотелось вернуться к Церкви или хотя бы в келью отшельника. Если оставить все как есть, то мир – избыток сокровищ. А если замереть, то вся вселенная – твой возлюбленный. Однако теперь уже поздно.

Сантос приехал в джипе, который дребезжал по кочкам высохшей грязи. Машина распугала стадо коз: послышался звон колокольчиков и стремительный топот. Де л'Орме слушал. Сантос приехал один. Он шагал широко и уверенно.

Попугай умолк. А пение монахов продолжалось. Де л'Орме не стал окликать Сантоса.

Через несколько минут Сантос сунул голову в келью:

- Вот ты где.
- Входи, – пригласил де л'Орме. – Я не знал, успеешь ли ты до заката.
- Успел, – сказал Сантос. – О, ужин! А я ничего не привез.
- Садись. Ты устал, наверное.
- Долго пришлось ехать, – признал Сантос.
- Ты был сильно занят.
- Приехал сразу, как только смог. Его уже похоронили?
- Сегодня. На кладбище.
- Все прошло нормально?
- Да, монахи похоронили его как своего. Томас бы одобрил.
- Мне он не особенно нравится. Но ты его любил, я знаю. Как ты тут?
- Отлично, – ответил де л'Орме.

Он заставил себя встать и обнять Сантоса. Запах молодого пота и Моисеевой пустыни был хорош. Сантос, казалось, всеми порами впитал солнце.

- Томас жил полной жизнью, – сказал Сантос.
- Кто знает, что еще он мог открыть, – заметил де л'Орме.

Он похлопал Сантоса по спине и разомкнул объятия. Осторожно опустился на трехногий деревянный табурет. Сантос положил сумку на пол и сел на табурет, который де л'Орме поставил с другого конца стола.

– А теперь? Что будем делать? Чем нам заняться?

– Давай есть, – предложил де л'Орме. – Обсудим планы за ужином.

– Оливки, брынза, апельсин, хлеб. Сосуд с вином. Приготовления к Тайной вечере.

– Хочешь смеяться над Господом – твое дело. Но над едой не смейся. Если не голоден, можешь не есть.

– Я просто пошутил, умираю с голоду.

– Там где-то и подсвечник есть, – вспомнил де л'Орме. – Наверное, уже темно. А вот спичек у меня нет.

– Еще только темнеет, – сказал Сантос. – Достаточно светло. Мне так больше нравится.

– Тогда наливай вино.

– Интересно, – размышлял Сантос, – что его могло сюда привести? Ты говорил – Томас закончил поиски?

– Теперь ясно, что он никогда бы не смог их закончить.

– И он что-то искал именно здесь?

Сантос явно был озадачен. Он и вправду не понимал, почему де л'Орме заставил его проделать этот путь.

– Думаю, он приехал ради Синайского кодекса, – ответил де л'Орме. Сантосу, конечно, известно про Синайский кодекс – один из древнейших списков Нового Завета. Он включает три тысячи свитков, но только некоторые из них хранятся в библиотеке этого монастыря. – Однако теперь я полагаю, что причина в другом.

– Да?

– Думаю, сюда его заманил Сатана.

– Сатана? Каким образом?

– Своим присутствием. Или посланием. Не знаю.

– Тогда у Сатаны артистичная натура, – заметил Сантос, прожевав кусок. – На гору Господа.

– Да, видимо.

– А ты не проголодался?

– У меня сегодня нет аппетита.

Монахи в церкви тем временем усердствовали. Их низкие голоса отражались от каменных стен. «Господи, помилуй. Господи, помилуй».

– Ты оплакиваешь Томаса? – спросил вдруг Сантос.

Де л'Орме не пытался вытереть катившиеся по щекам слезы.

– Нет, – ответил он. – Тебя.

– Меня? Почему? Я же здесь, с тобой.

– Да.

Сантос заговорил тише:
– Тебе со мной плохо?
– Дело не в этом.
– А в чем? Скажи.
– Ты умираешь, – ответил де л Орме.
– Ты ошибаешься, – с облегчением рассмеялся Сантос. – Я совершенно здоров.
– Нет, – сказал де л'Орме. – Я отравил твоё вино.
– Что за шутка!
– Не шутка.
Сантос схватился за живот. Он поднялся, и ножки табурета со скрипом скользнули по плитам.
– Что ты сделал? – задыхаясь, спросил он.
Никакой трагедии. Сантос не упал на пол. Тихонько опустился на колени и улегся.
– Это правда?
– Да. Я подозреваю тебя в двойной игре ещё с самого Боробудура.
– Что?!– Это ты уничтожил изваяние. И убил беднягу охранника.
– Нет!
Протест Сантоса был всего лишь легким выдохом.
– Нет? Тогда кто же? Я – или Томас? А больше там никого не было. Кроме тебя.
Сантос застонал. Испачкает на полу свою любимую белую рубашку, подумал де л'Орме.
– Это ты стал уничтожать повсюду своё изображение, – продолжил он. В ответ только затрудненное дыхание.
– Не могу объяснить, почему ты выбрал именно меня. Наверное, потому, что я мог свести тебя с Томасом. И я свел.
Сантос собрал последние силы, чтобы сделать вдох.
– ... неправда все... – прошептал он.
– Как твоё имя?
Но было уже поздно. Сантоса, или Сатаны, не стало.

* * *

Де л'Орме собирался бодрствовать рядом с телом всю ночь. Сантос был слишком тяжел, и старик не смог бы поднять его на скамью. Воздух

совсем остыл; де л'Орме чувствовал, что засыпает. Он укутался одеялом и лег на пол рядом с трупом. Утром он все объяснит монахам. Все остальное уже не важно. И де л'Орме уснул рядом со своей жертвой.

Проснулся он от боли в животе. Боль была неожиданная и очень сильная. Де л'Орме решил, что ему приснилось и волноваться нечего. Потом он почувствовал, что у него в груди ползет какое-то животное, и тут же понял, что это рука. Уверенно – словно рука хирурга – она поднималась к сердцу. Де л'Орме попытался успокоиться, прижал ладони к полу, но шея выгнулась назад, и тело не могло, просто не могло сопротивляться столь ужасному вторжению.

– Сантос! – вытолкнул он остатки воздуха.

– Нет, это не Сантос, – проговорил хорошо знакомый голос.

Глаза де л'Орме уставились в ночь.

Так поступают в Монголии. Пастух надрезает овце живот, засовывает внутрь руку, через другие органы дотягивается до бьющегося сердца. Если все сделать правильно, такая смерть, как считалось, совершенно безболезненна.

Чтобы остановить сердце, нужна сильная рука. Эта рука была сильной.

Де л'Орме не сопротивлялся. У такого способа есть преимущество. К тому времени, когда рука проникает внутрь, сопротивляться уже нельзя. Плоть, потрясенная столь немыслимым насилием, сама помогает. Все инстинкты в человеке замирают. Чувствовать, как чьи-то пальцы сжимают твое сердце... Умиравший ждал, когда убийца разобьет сосуд жизни. Понадобилось меньше минуты.

Голова упала набок, туда, где лежал Сантос, холодный, как воск, – дело рук де л'Орме. Ужас слепого был абсолютным. Он согрешил против себя самого. Во имя чистоты убил саму чистоту. Год за годом молодой человек дарил ему свою любовь, а он осуждал его, постоянно испытывал, не веря, что это может быть правдой. И ошибся.

Губы сложились, чтобы произнести любимое имя, но ему не хватило дыхания.

Со стороны могло показаться, что де л'Орме добровольно отдает себя в жертву. Он сделал маленький вдох, и рука поднялась выше. Он тянулся, как тянется кукла за пальцами кукловода, и не знал – есть ли они в нем? И он тихонько положил ладонь на грудь. На свое беззащитное сердце.

«Господи, помилуй».

Кулак сжался.

В последний миг де л'Орме услышал песню. Она возникла в его голове, почти невозможная, такая прекрасная. Чистый голос юного монаха?

Чей-то радиоприемник, ария из оперы? Де л'Орме понял – это попугай в клетке. Мысленным взором умирающий увидел полную луну, восходящую над горами. Наверное, все звери радуются ей. Наверное, они споют ее сиянию песнь пробуждения. Де л'Орме никогда не видел такого света, даже в своем воображении.

Под Синайским полуостровом

Войти через рану. Отступить по венам. Поиск его закончен.

В этом кропотливом поиске он, как и следовало, нашел себя. Теперь он нужен своему народу в его скорби. Его предназначение – вести людей в новую землю, ибо он – их Спаситель.

Он устремился вниз. Вниз от египетского солнечного ока, вглубь от Синая, прочь от небес, что как перевернутое море, от звезд и планет, что ранят душу, прочь от городов, что как насекомые – жалкая оболочка с механизмом, от их слепоты даже при свете, от равнин, что кружат голову, от гор, что сокрушают разум. Вниз от миллиардов существ, что лепят мир по образу и подобию своему. Дела их порою несут красоту, но они же несут смерть. Они – это мир, и мир этот – мир шакалов, объедающих плоть с твоих ног, даже если пытаешься убежать.

Земля над ним сомкнулась. И продолжала смыкаться с каждым изгибом и поворотом пути. И воскресли давно похороненные чувства.

Одиночество, покой! Тьма стала светом.

Снова слышал он, как пульсируют жилы земли, как движутся ее суставы. Как живет камень. Дела далекой древности... Время здесь как вода. Здесь самые ничтожные создания – для него праотцы, самые древние останки – его детища. И он сам превращался в память.

Он отталкивался голыми ладонями от стен, шершавых и гладких, впитывал их тепло и холод. Бросаясь вперед, несясь большими прыжками, осязал он плоть Господню – благородный камень. Тут – его твердыня. Тут – Мир. Земля.

Миг за мигом, шаг за шагом он возвращался к древности. Благословенно освобождение от всего человеческого! В этом огромном монастыре, состоящем из множества пещер, среди расщелин, старых желобов, зияющих ям, озер с водой, что древнее любых млекопитающих, память была лишь памятью. Здесь не нужно заносить ее в календари, хранить в книгах, отмечать на картах. Не нужно помнить ни о чем более вечном, чем твое собственное бытие.

Он вспоминал дорогу по вкусу почвы, по движению разбегавшихся в разные стороны воздушных потоков. Он выбросил из памяти вид Святой

земли, и ее пещер, ведущих сквозь гору Джебель-эль-Лоз в таинственную страну мадианитян. Проходя под Индийским океаном, он уже не помнил его названия. Он чувствовал золото, его мягкие жилы, извивающиеся по стенам, но больше не признавал его за золото. Прошло время, но он перестал его считать. Дни? Недели? Он потерял память, как только ее обрел.

Он увидел себя на гладкой поверхности обсидиана и не понял, что это он. В черноте камня возник чей-то темный силуэт. Он приблизился, положил руки на вулканическое стекло и смотрел на свое собственное лицо. Что-то в глазах показалось ему знакомым.

И он бросился дальше, изнуренный, но в то же время подкрепленный. Глубина облекала его силы плотью.

Случайные животные давали ему мясо. Все больше и больше наблюдал он жизнь тьмы, слушал ее шорохи и щебет. Видел следы своих подданных: беженцев, и еще раньше – кочевников и паломников. Знаки, начертанные на стенах, наполняли его скорбью об утраченном могуществе державы.

Его народ впал в грех, и падение было глубоким и длилось столько, что люди перестали его осознавать. И даже теперь, в их убожестве, его людей преследуют именем Господа, а этого допускать нельзя. Потому что они тоже Его дети и прожили в пустыне достаточно долго для искупления своих грехов. Они уже заплатили за свою гордость и независимость и за все прочее, что могло оскорбить естество. И теперь, после многовекового изгнания, они обрели былую невинность.

Господу не следует больше гневаться на них. Позволить перебить их – настоящее святотатство. С самого начала его народ не верил, что Господь вообще бывает милосерден. Они – его ложь, они – его грех. И надежда, что Господь избавит их от своего гнева и ниспошлет любовь, всегда была тщетной. Нет, этим придется заняться кому-то другому.

У мертвых нет прав.

Томас Джефферсон, незадолго до смерти

Пятое января

Конец начался с крошечного предмета, который Али разглядела под ногами. Все равно как если бы тут появился невидимый для других ангел и приказал ей готовиться. Она немедленно поставила ногу на послание и раздавила его в лепешку. Возможно, это было и необязательно. Кто бы обратил особое внимание на шарик «M&M»?

Немного погодя, согнувшись в темном закутке, отведенном под уборную, она увидела второй красный шарик – на этот раз его засунули в трещину в стене у самого пола. Присев над лужей нечистот, Али, несмотря на связанные руки, ухитрилась дотянуться пальцами до трещины. Ожидая найти записку, она нащупала что-то гладкое и тяжелое. Из щели появился нож, тяжелый, черный, с кровостоками; даже рукоять казалась страшной.

– Чего застряла? – окликнул ее солдат.

Али быстро опустила нож за пазуху, и охранник повел ее обратно, в маленькую боковую комнатку, ставшую камерой. Али, у которой даже кровь стучала в висках, уселась на обычное место, рядом с девушкой. Ей было и страшно, и радостно. У нее появился шанс.

Что теперь? Даст ли Айк другой знак? Следует ли ей сразу перерезать веревки или повременить?

И чего вообще ждет от нее Айк? Понимает ли он, что есть вещи, на которые она не способна? Она ведь монахиня.

* * *

Трое солдат прошагали в десяти футах от терракотовой армии, выстроившейся вокруг столба.

– Зря время теряем, – сказал один. – Он ушел. Я бы на его месте ушел.

– Да и мы-то зачем здесь торчим? Полковнику мало досталось?

– Ждем, пока он умрет. Хочет, чтоб его держали за руку, пока не

загнется. Да еще арестованных кормим. Что-то не видал я, чтоб здесь еду продавали.

– Тот, кто неподвижен, – лучшая мишень. Мы – такая мишень, что лучше не пожелаешь. Как утки на болоте.

– В точности, как и я думаю!

Пауза. Каждый старался проникнуть в мысли других.

– Ну, так что?

– Жестокие времена, приятель. И нужны жестокие меры. Полковник только время убивает. Штатские лопают нашу еду. А кто умер – тот умер. Это называется – «ограниченные ресурсы».

– Понимаю...

– Кто еще с нами?

– С вами двумя уже двенадцать. И еще Шоут, придурок. Никак не хочет сообщить код своего прибора.

– Дай-ка мне его на часок. Я узнаю код. И номер телефона его матушки.

– Зря время потратишь. Он уже смирился, знает, что он покойник. Нужно просто дождаться, пока он сам включит прибор. А там уж его хоть на собачьи консервы.

– И когда двигаем?

– Уже совсем скоро. Пакуй вещички.

– Черт! – выругался один. – Истуканы долбаные.

– Скажи спасибо, что не живые.

– Постойте-ка, подружки, что это тут у нас?

– Глядите, монеты! Ух ты, какие!

– Ручной работы. Видите – рубленные края? Очень старые.

– Да черт с ним, что старые. Главное – золото!

– Очень кстати. А вон там еще!

– И здесь тоже! Отлично прибрахлимся, ребята!

И солдаты разбрелись, то и дело нагибаясь за монетами, точно куры за кормом. Они отходили друг от друга все дальше и дальше. Наконец один вернулся – в кепке козырьком назад, утиным шагом, словно на тренировке. Винтовку подвесил к поясу, чтобы грести монеты обеими руками.

– Эй, ребята! – позвал он. – У меня полные карманы. Одолжите мне местечко в рюкзаке.

Прошла минута.

– Эй! – снова крикнул солдат и замер. – Ребята!

Руки у него опустились, монеты попадали на пол. Он медленно потянулся к винтовке. Солдат слышал звон нефритовых пластинок, но было

уже поздно. В китайском языке есть особое слово, обозначающее музыкальное позвякивание нефритовых украшений, издаваемое на ходу вельможей: «линь-лань». Неизвестно, как могли бы двадцать столетий тому назад передать этот звон хейдлы, но когда ближайшая к солдату статуя ожила, звук был именно такой.

Солдат начал подниматься, но тут сверху на него обрушилась доацтекская булава, с хирургической точностью раскроив ему голову. Обсидиан острее, чем современные скальпели. Статуя сбросила нефритовые доспехи и превратилась в человека. Айк сунул булаву в глиняные руки и взял винтовку. Отличный обмен.

* * *

Мятежники стащили плоты к озеру и погрузили на них все продовольствие экспедиции. Это делалось на виду у командира, которого предварительно обмотали проволокой и подвесили на стену.

– Ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от возмездия Господа нашего! – кричал им полковник.

Узники в боковой комнате тоже его слышали. «Любви, а не возмездия», – думала Али, лежа на полу. Полковник все переврал. Это была цитата из Послания римлянам, и речь там не о возмездии, а о любви. Впрочем, спорный вопрос.

Часовой ушел помогать с погрузкой. Он уже знал – ученых с собой не берут.

Время настало. Айк сделал для нее все, что мог. Теперь нужно действовать самой. Али вытащила нож. Трой поднял голову. Али поместила нож перед веревкой, связывающей руки. Лезвие было острое, и веревка мигом разлетелась. Али перекатилась к Трою.

Сперриер услышал и оглянулся.

– Вы что там делаете? – прошипел он. – С ума сошли?

Али размяла запястья и плечи и, встав на колени, перерезала веревку, которой ее привязали за шею к стене.

– Разозлишь их, и они нас не возьмут с собой! – сказал Сперриер.

Али нахмурилась:

– Нас куда и не берут.

– Как это не берут! – не поверил ученый. – Возьмут, имей терпение.

Али уже разрезала его веревку.

– Солдаты сейчас вернутся. Нам лучше уйти.

Трой взял нож и подобрался к Челси, Пиа и Сперриеру.

– Уберись от меня, – велел Сперриер.

Пиа схватила Али за руку и подтащила к себе. Она смотрела на монахиню сумасшедшим взглядом. Дыхание у нее было зловонным. Сперриер сказал:

– Нельзя их злить, Пиа.

– Тогда оставайтесь! – не выдержала Али.

– А она?

Трой стоял на коленях возле пленницы. Та твердо и внимательно смотрела ему в глаза.

Девушка может кинуться к выходу, или закричать, или даже наброситься на своих спасителей. И в то же время оставить ее здесь – значит вынести ей смертный приговор.

– Возьмем, – решила Али. – Только скотч не отклеивай. И руки не развязывай. И веревку на шее оставь.

Трой продел нож под веревку, собираясь ее разрезать. Он медлил. Девушка сверкнула глазами в сторону Али. Отливающие желтизной глаза были как у кошки.

– Не развязывай ее, Трой. Я только об этом прошу.

Сперриер уходить отказался.

– Дурачье, – процедил он.

Пиа направилась к двери, но тут же вернулась.

– Не могу, – сказала она Али.

– Нельзя здесь оставаться, – ответила та.

– Как я его брошу?

Али потащила Пиа за руку, потом отпустила.

– Прости, – произнесла Пиа. – Береги себя.

Али поцеловала ее в лоб.

Беглецы прокрались из своей темницы во внутреннюю крепость. Фонарей у них не было, но хватало исходящего от стен свечения.

– Я знаю одно место, – решила Али.

И все, не задавая вопросов, последовали за ней. Она отыскала лестницу, которую показал ей Аик.

Челси досталось от охранников, и она сильно хромала. Али помогала ей идти, а Трой помогал девушке. Наверху Али провела их тайным ходом в комнату с лампами.

Здесь было почти темно – только снизу пробивался слабый свет. Кто-то открыл подвал и опустошил его. И оставил одну зажженную глиняную

лампу. Али спустилась в подвал и помогла сойти Челси. Трой спустил пленницу. Али удивилась, какая та легкая.

– Айк здесь был, – сказала она.

– Похоже на склеп, – заметила Челси. Она дрожала. – Не хочу здесь сидеть!

– Здесь хранились сосуды, – объяснила Али. – В них было масло. Айк их куда-то забрал.

– А где он сам?

– Побудьте здесь, – попросила Али. – Я его найду.

– Я с тобой, – предложил Трой, но как-то неохотно.

Ему не хотелось бросать девушку. За последние несколько дней он буквально на ней заиклился. Али посмотрела на Челси – та выглядела ужасно. Трою лучше остаться. Али попыталась поставить себя на место Айка.

– Ждите здесь. Сидите тихо. Ни звука. Когда опасность минует, мы с Айком за вами вернемся.

Слабый огонек освещал их лица. Али хотелось остаться здесь, с ними, где светло и безопасно. Но Айк где-то там, и ему, возможно, нужна помощь.

– Возьми нож, – предложил Трой.

– Я с ним не умею обращаться.

Али очень хотелось поддержать их слабую надежду.

– Ну, пока, – сказала она.

* * *

Плоты покачивались на воде. Толчков не чувствовалось, но озеро колыхала зыбь. Продукты и прочий груз уложили и увязали морскими узлами. Установили пулемет, включили большой фонарь. Одиннадцати путникам придется нелегко. Впрочем, не беда: рог изобилия прокормит их несколько месяцев, а ноша по мере продвижения облегчится.

Половина отряда уже погрузилась, остальные вернулись, чтобы «прибраться». Они тянули жребий – кому делать мокрую работу. Когда Шоут попросил их заняться этим делом, им стало противно.

Нельзя оставлять живых свидетелей, даже таких доходяг. Пока они не сдохли от голода, с кого-нибудь станется нацарапать на стене свои дурацкие показания. И тогда могут возникнуть проблемы. Может, пройдет целых десять лет, пока какой-нибудь колонист найдет чертову крепость, но зачем ненужный риск, зачем давать призракам возможность обвинять?

Правда, их несколько смущал полковник. Впрочем, он сам назвал бы это долгом; хотя ничего, кроме преступления, тут не было.

Солдаты сделали все от и до, и сделали в лучшем виде. Каждый из раненых товарищей получил точный выстрел в переносицу. Уокера убивать не стали, он без того висел на стене и бормотал куски из Писания. Оттуда ему и за миллион лет не выбраться, растак его.

Оставались только ученые. Двое солдат вошли в боковую комнату.

– Что за черт?! – воскликнул один.

Сперриер поднял голову, прикрывая Пиа.

– Они убежали, – сообщил он. – Мы тоже могли, но видите – остались.

– Вот дерьмо, – сказал солдат.

Солдаты швырнули в комнату по осколочной гранате, прижались к стене, затем выпустили еще по обойме в то, что осталось.

Закончив, они вернулись в большой зал. Тут стояла тишина, потому что раненые больше не стонали. Только Уокер похныкивал.

– Ну и хреново, – пожаловался солдат.

– Это еще что, – ответил Шоут.

– О чем ты?

– Да так. Не все йогурты одинаково полезны, – бормотал Шоут, устанавливая у стены очередной маячок.

– Эй, а зачем ты их тут ставишь? – спросил его кто-то. – Нам же сюда не нужно возвращаться.

– Посади дерево, вырасти сына... – продолжал нести Шоут.

– Заткнись, придурок.

* * *

Одни смотрели на крепость с озера, другие подбирались сверху, вымазавшись глиной, незаметные, как камни. Нападающие действовали с хладнокровием змей или насекомых. Наступали кланами. Так их расставил Исаак.

Если бы солдаты догадались осветить утесы на воде, они бы заметили слабое подрагивание, зыбь от дыхания многих легких. А направляемый на воду свет просто скользил по покрытой рябью поверхности. И людям казалось, что, кроме них, тут никого нет.

Отряд палачей неспешно вышел из ворот крепости. Они ступали тяжело, словно крестьяне после рабочего дня. Пока сам не займешься, не поймешь: такое дело, как казнь, требует основательности.

– Мне отмщение и аз воздам! – доносился из крепости дикий голос Уокера.

– Успехов! – пробормотал кто-то.

Дрожащие языки пламени осветили проем ворот. Кто-то устроил костер из уцелевших документов экспедиции.

– Парни, мы едем домой! – приветствовал своих солдат лейтенант.

Пронзившее его копье являло прекрасный образчик изделия солютрейской культуры позднего палеолита. Изящный кремневый наконечник, изготовленный методом отжимной ретуши, имел форму продолговатого листа и был обработан ядом, добываемым из подземных скатов.

Безупречный бросок, прямо из воды, поразил лейтенанта точно в анус, именно так, как поступал он сам, препарируя лягушек в научной лаборатории средней школы.

Никто сразу и не понял. Лейтенант стоял прямо или почти прямо. Он слегка наклонил голову, но глаза были открыты, и на лице расплзлась широкая улыбка.

– Лейтенант, все тип-топ, – доложил ему солдат.

У самого дальнего плота, верхом на поплавке, сидел снайпер по фамилии Гриф. Он услышал странные звуки – как будто рядом кто-то производил сепарацию масла – и обернулся.

Вода разверзлась, и, прежде чем его схватили и утащили вниз, Гриф успел увидеть довольную морду с бельмами вместо глаз. И вода сомкнулась над его ногами.

Солдаты рассыпались по берегу, стараясь добраться до лежащих на песке плотов. Двое несли винтовки за рукояти, один положил ее на плечи, словно распятие.

– Пошли, ребята, – позвал кто-то с лодки, – чую я, где-то тут их призраки шляются.

Считается, что римские пращники могли поражать мишень размером с человека на расстоянии сто восемьдесят пять метров. Камень, ударивший Джефферсона по кличке Бум-Бум, пролетел двести тридцать пять метров – настоящий рекорд. Его приятель услышал глухой удар о грудную клетку, такой, как если бы шлепнулся арбуз. Он повернулся к Бум-Буму и увидел, как бывший прославленный центровой баскетбольной команды «Юта-Джаз» вдруг застыл и рухнул, словно огромное дерево, которому вышел срок.

Прошло десять секунд.

– Хейдлы! – завопил приятель.

Люди уже попадали в такие переделки, так что особого сюрприза не получилось. Сработала автоматическая реакция – жать на спуск и производить как можно больше шума и света. Стрелять было не в кого, но с хейдлами и не стоило дожидаться, пока появятся мишени. В первые несколько секунд единственная возможность ошарашить противника и чуть-чуть исправить положение – вести непрерывный огонь. И солдаты начали стрелять. Они стреляли в скалы, стреляли в песок, стреляли вверх. Старались не попадать друг в друга – но этот риск был наименьшим.

Специальные патроны давали отличный результат. Образуемые «Люциферами» шары ударялись о камни и разлетались искрами ярчайшего света: ни дать ни взять фейерверки в День независимости, только смертельные. Они вспахивали землю, взрывали сверкающими дугами воду. В высоте, под самым потолком вспыхивали и осыпались каменным дождем зловещие созвездия.

И это действовало.

Хейдлы отступили.

На минуту.

– Огонь не прекращать! – кричал кто-то. – Рассчитаться! Первый!

– Второй! – отозвался другой.

– Третий!

Их осталось только семеро.

Те, кто был ближе к воде, побежали вниз, к плотам. Трое стали ползком пробираться к крепости по вязкому, как патока, песку.

– Меня зацепили!

– Лейтенант убит.

– А Гриф?

– Пропал.

– А Бум-Бум?

– Уже все? Хедди отступили?

Такую жизнь солдаты вели несколько недель – бежали и стреляли. Ночь в этом царстве ночи принадлежала хейдлам.

– Чертовы хедди! Как они нас нашли?

Суется внутри крепости, Шоут обдумывал ситуацию и подсчитывал шансы. Когда началась атака, он еще не вышел и теперь не видел необходимости демонстрировать, что уже поправился. Шоут потрогал мешочек, в котором держал активатор. Прибор был для него словно талисман: давал уверенность и ощущение власти. Шоут мог легко стереть этот мир. Нажав несколько кнопок, он сразу окажется в безопасности. Хейдлы превратятся в призраков. Но ведь и солдаты тоже, а они ему еще

пригодятся. Среди прочих вещей Шоут, в частности, не любил грести. И, держа в мешочке своего джинна, думал – выпустить сейчас или попозже? Лучше потом. Сейчас ему ничто не грозит – осталось только подождать, пока уляжется пыль. Кажется, хейдлы поняли намек и смотались подальше в темноту.

– Что делать будем? – вопил какой-то солдат.

– Убираться! Надо уходить! – кричал другой. – Всем – на плоты! На воде мы будем в безопасности.

Несколько плотов плавали пустыми. Пулеметчик на своем греб обратно к берегу.

– Давайте, давайте! – подгонял он троих товарищей, которые жались к стене крепости.

Те неуверенно озирались, боясь новой засады. Никого не увидев, они стали перезаряжать винтовки и готовиться к пробежке. Сидевшие на плотках махали им и торопили.

– Сто метров, – прикинул один из троих, застрявших у стены. – Я как-то раз пробежал за девять и девять десятых.

– Только не по песку.

– Подожди-ка.

Они разгрузили рюкзаки и бросили все лишнее: гранаты, ножи, фонари, несгораемые жилеты.

– Готовы?

– Девять и девять десятых? Ну ты и ползаешь!

Все приготовились.

– На старт!

С верхних этажей крепости на них обрушился женский вопль. Его слышали все. Али, которая в это время пробиралась по лестнице, даже остановилась. Трой ее не послушался.

Солдаты подняли головы. Кричала пленная девушка – она высунулась из окна башни, выходящего на озеро. Скотч с нее кто-то снял. И во всю мощь своей глотки пленница испустила второй вопль. Ее завывание подхватило эхо. Людям показалось, у них сердце выскочило прямо в воду.

Она, наверное, взывала к земле или воде. Или заклинала о чем-то своего бога.

И земля, словно по ее зову, поднялась.

Али успела добраться до окна и увидеть.

Посередине между крепостью и водой берег вспучился, и возник небольшой холм. Холм стал расти и принимать очертания какого-то существа. Потом с него осыпалась земля, и он превратился в человека.

Солдат это настолько потрясло, что они даже не стреляли.

Человек не походил на атлета-силача, его мышцы веревками обвивали тело. Как будто они выросли прямо из костей, по необходимости и без особой красоты. Али смотрела во все глаза.

Его рост и статью, серебряные обручи на руках выдавали своего рода высокое происхождение. Ростом он был не ниже солдат и выглядел внушительно, даже величественно. На какой-то миг Али подумала: а не есть ли это страхолюдное существо тот самый Сатана, которого она ищет?

Фонари светили прямо на него, и Али отлично его разглядела. Он стоял достаточно близко, и она узнала в нем воина – по расположению шрамов. Из судебной антропологии известно, что в бою с применением холодного оружия наиболее уязвима левая сторона тела. Этого дикаря шрамы покрывали с ног до головы, и на левой стороне их было в два раза больше, чем на правой. Левое предплечье носило следы порезов и переломов – результат отбитых ударов. Из головы торчали кольчатые костяные выросты; у одного был обломан конец.

В правой руке дикарь держал самурайский меч шестнадцатого века. Воин мало чем отличался от терракотовых солдат в башне – свирепый взгляд, вымазанная землей кожа. Демон, охраняющий святая святых.

Он заговорил, и в его речи слышался лондонский выговор.

– Извини, парень, – обратился он к своей первой жертве.

Этот голос Али слышала раньше – по рации. Тогда еще Айк застыл от удивления.

Исаак стряхнул с себя песок и повернулся к крепости, не обращая внимания на противника. Он смотрел куда-то вверх и приняхивался, жадно ловя ноздрями воздух. Что-то почувствовал. Потом ответил на крик девушки, и Али все поняла. Люди похитили его дочь. Теперь ад требует ее обратно. Прежде чем кто-либо успел нажать на курок, ловушка захлопнулась. Исаак бросился к ближайшему солдату и свернул ему шею.

Главный плот опрокинулся набок, и его пассажиры вывалились в черную воду.

В остальные плоты вонзились снизу десятки гарпунов, и пулеметчик, потеряв голову, дал очередь по собственным ногам.

Фонари попрокидывались. Сами собой включились стробоскопы. Осколки обсидиана посыпались и на людей, и на хейдлов. Последние из команды Уокера повсюду натывались на собственное оружие, которое противник в последние месяцы забирал у погибших солдат. Те хейдлы, кому удавалось разобраться в предохранительной системе, нанесли своим не меньший урон, чем врагу. Многие использовали винтовки как дубины.

Трое солдат, застрявших под крепостью, попытались скрыться внутри, но хейдлы уже прыгали со стен и отрезали им путь. Один солдат, прижавшись спиной к стене, крикнул: «Помни Аламо!» – а его приятель, мачо из Майами, сказал: «Да хрен Аламо, viva la Raza!»^[27] – и прострелил ему череп. Третий солдат прицельно выстрелил в соседа, затем взял дуло в рот и выпустил последнюю очередь. На хейдлов все это произвело сильное впечатление.

А на воде пулемет поливал огненными струями темный горизонт. Когда закончилась обойма, одинокий пулеметчик схватил весло и начал грести от берега. В наступившей тишине шлепало по воде весло, словно хлопали крылья.

Уокера смаковали прямо живьем. Хейдлы не стали тратить время и снимать его со стены, просто отрезали от него куски, а он выкрикивал изречения из Священного Писания.

* * *

На верхних этажах крепости метался Айк в поисках Али. Он бросился искать ее, как только услышал крик пленницы. Совершенно мокрый – он прятался в озере у берега, – бежал Айк по лестницам и коридорам.

Следовало догадаться – Али воспользуется ножом, чтобы освободить остальных. Конечно, откуда монахине знать, что лишнее рвение ни к чему. Если бы она сделала так, как хотел Айк, предоставив других их судьбе, все прошло бы безупречно. Хейдлы обрушились бы на солдат как гром среди ясного неба. Напоили бы вдосталь свои копья кровью и ушли, оставив Айка с Али, – и все. А теперь народ прочесывает крепость в поисках того, что принадлежит им, – пленной девушки. Они не остановятся, пока не найдут ее, и Али они тоже найдут.

Девушка непременно о ней расскажет, хотя Али и проявляла к ней всяческую доброту.

Нужно найти Али и забрать ее оттуда. Хейдлы готовили нападение несколько дней. Уокер и его наемники по своей глупости ничего не замечали. Но Айк, засев в укрытии среди утесов, видел, как хейдлы начали прибывать почти сразу после появления полковника, и в их намерениях сомневаться не приходилось. Они дождутся, пока солдаты отправятся домой, и нападут во время посадки на плоты. Размышляя об этом, Айк подготовил диверсию, отыскал укромные места, рассчитал, что именно ему понадобится из припасов. Ему нужно будет двести фунтов пайков и плот.

Больше ничего не нужно. Двести фунтов хватит Али на дорогу, а еду для себя он добудет сам.

Единственной надеждой Айка оставалась маскировка. Хейдлы не знают, что он среди них и так же вымазан охрой, покрыт пылью, одет в обрывки человеческой одежды. Месяцами Айк питался их пищей, подбирал всякую живность, ел мясо – теплое и холодное, свежее и вяленое. Он пах, как они, и был почти так же силен. Оставлял такие же следы. Пот его не отличался от пота хейдлов. Его не будут искать. Некоторое время.

Он добрался до лестницы в башню и устремился наверх. Раскрашенный, с хейдлским оружием, почти голый, Айк ворвался в комнату.

Челси сидела на подоконнике, перекинув ноги наружу, как будто собралась на прогулку.

Она увидела, что в комнату вбежал хейдл. Челси рванулась вперед в тот самый момент, когда Айк крикнул: «Стой!» В последний миг она его услышала и узнала:

– Айк?! – Но Челси уже начала падать и остановиться не могла. И полетела вниз.

Айк не стал терять время и сразу бросился в погреб. Там оказалось пусто. Али ушла. Троя и девушки тоже не было.

Вокруг него замкнулся огромный круг. Вот так. Все возвращается. Однажды он уже потерял женщину, а теперь теряет Али. Неужели судьба у него такая – все время изображать Орфея в подземном царстве?

Они с Али едва не выбрались из лабиринта, но все началось сначала. «Господи, помоги мне!» Айк посмотрел вниз, и ему показалось, что под ногами вырастает новый лабиринт, большой, как лабиринт Минотавра, и тянется на тысячи миль. «Начни с нуля», – сказал он себе. Парадокс – чтобы найти свой путь, нужно было его потерять.

Не осталось никаких зацепок. Айк осмотрелся. Ни следов, ни капель крови. Ни царапинки на стене.

И он побрел прочь, пытаясь понять, разобраться. Кто тут был и когда? Что заставило их уйти? Однако мало что удалось выяснить. Если бы Али взяла с собой Троя и девушку, она не стала бы оставлять Челси. И Айк понял: Али пошла искать его.

Догадка была очень важной. Это означало, что Али пойдет туда, где, по ее мнению, должен быть он. Если бы только понять ход ее мыслей – тогда бы Айк ее нашел. Но надежда слабая. Али не догадается искать его среди скал, в двухстах футах от плотов; ей неизвестно про убежище, вырытое в песке, полном червей и моллюсков. Али будет искать его в

крепости, кишащей хейдлами.

Айк взвесил варианты. Действовать отдельно безопаснее, но так теряется время. Можно потихоньку обыскать всю крепость, да только это не игра в прятки, а гонка на выживание. Остается только объявиться открыто и надеяться, что Али поступит так же.

– Али! – закричал он.

Подойдя к выходу, Айк выкрикивал ее имя, прислушивался, подходил к окну и снова звал.

Далеко внизу хейдлы, толпящиеся у своей добычи, подняли головы. Они грабили плоты, вытряхивали припасы. Раздавались длинные беспорядочные очереди – стреляли просто так, для развлечения.

Самые крупные солдаты уже пошли под нож, на мясо; большие аппетитные полосы прокоптят над огнем или положат в рассол. По меньшей мере двоих взяли живыми – пригодятся как транспорт. Несколько костлявых воинов-хейдлов решили попользоваться телом Челси, как если бы она была живая. Вожди кланов, чтобы повысить свой престиж, частенько отдают мертвую добычу своим подчиненным – пусть тренируются.

У воды толпилось не меньше сотни хейдлов, и наверняка еще больше их было в крепости. В одном месте редко собирается столько воинов. Айк уже насчитал одиннадцать кланов. Они отлично подготовили западню; это предполагало хорошее знание людей, что уже достаточно необычно.

Айк высунул голову в окно. Хейдлы взбирались по стенам, спеша до него добраться. Тщательно целясь, он тремя выстрелами пробил три амфоры, из тех, что раньше разложил на зубцах крепости. Масло загорелось и, выбрасывая языки пламени, потекло вниз. Хейдлы на стенах шарахнулись в разные стороны. Некоторые успели спрыгнуть, других огонь настиг на месте. Голубые языки, постепенно уменьшаясь, разбегались по стенам.

Целый град стрел полетел в стену рядом с окном; некоторые попали внутрь. Теперь все были заняты Айком. Он услышал, как кто-то спешит вверх по лестнице, и неспешно шагнул в дверной проем. Одним выстрелом пробил привязанные над лестничной площадкой амфоры. Масло из двадцати сосудов потекло по ступеням, затапливая лестницу огнем. До него донеслись вопли.

Айк подошел к заднему окну и снова позвал Али. Тут он увидел внизу, в полумиле от себя, маленький огонек, движущийся вниз по крутому спуску. Это, несомненно, люди. Но кто именно? Айк потянулся к винтовке. Обойму он расстрелял, но оптика работала. Айк включил прицел, направил

дуло вниз и отыскал огонек. По тропинке шли Трой с девушкой. Айк прижался щекой к ложу винтовки. Али нигде не было.

И тут он ее услышал.

Айку показалось, что эхо от ее крика раздается у него в голове, доносится из пламени лестничной площадки, идет из глубин здания. Он приложил ухо к стене. И даже сквозь стену услышал, как дрожит ее голос.

– Боже мой, – простонала вдруг она, и у Айка сжалось сердце.

Ее схватили!

– Подождите! – умоляла Али.

Сейчас ее голос звучал отчетливее. Она старалась быть храброй; Айк знал, на что она способна. И знал, на что способны хейдлы.

И тут Али сказала нечто, от чего он застыл. Она произнесла имя Бога на языке хейдлов. Ошибки тут не было – Али верно и в нужном порядке издала щелкающие и гласные звуки. Айк стоял как оглушенный. Откуда она знает? И будет ли от этого прок? Он ждал, прижавшись головой к камню и почти обезумев от страха за Али. Он абсолютно беспомощен и даже не знает, где она – этажом ниже или где-то еще. Голос ее, кажется, доносился откуда-то из крепости. Айк хотел побежать, но не мог заставить себя оторваться от камня. Он отнял голову от стены, и голос Али затих. И тут же раздался снова.

– Вот, – сказала она. – Вот что у меня есть.

«Говори, говори», – молил Айк, надеясь определить, где она находится.

Но она вдруг заиграла на флейте. Айк узнал звук. Та самая флейта, которую он несколько месяцев назад бросил в реку. Али, наверное, взяла ее как сувенир. Ей удалось извлечь из флейты только гудки и свист. Неужели она думает их этим пронять?

– Все, Айк, – неожиданно сказала Али.

Но сказала для себя. Она прощалась.

Айк вскочил. Что там происходит? Он бросился к окну; в это время из ворот вышла толпа хейдлов. Они направлялись к воде. В середине шла Али. Связанная, хромающая, но живая.

– Али! – закричал Айк.

Она посмотрела вверх.

Неожиданно в окне возник похожий на обезьяну силуэт – какой-то хейдл цеплялся за подоконник. Айк отпрянул, но его уже схватили лапы, оставляя когтями длинные царапины. Айк потянул за розовую стропу у себя на груди, медленно перемещая обрез со спины вперед, и нажал на спуск.

Когда он снова увидел Али, она сидела на плоту, и не одна. Плот уплывал от берега; его тащили снизу амфибии. Она замерла на носу и смотрела на него. Тот, кто сидел рядом с ней, проследил за ее взглядом, однако с такого расстояния не узнал Айку. Плот миновал утесы.

Это все, что успел сделать Айка.

Он остался один – последний враг, и хейдлы опять карабкались на стены, торопясь схватить его. Айка – теперь он действовал быстро – пошарил над окном. Шнур был на месте, там, куда он его положил. Стащить у солдат взрывпакет оказалось до безобразия просто. Времени у Айку было навалом, он успел спрятать взрывчатку и расставить сосуды с маслом. Сейчас двумя ловкими движениями он подсоединил концы шнура к детонатору, резко повернул рычаг, потянул и нажал.

Крепость словно расплавилась. Амфоры с маслом взрывались, сверкая на верхушке башни солнечной короной, а сама башня рассыпалась на куски.

Эта обитель тьмы никогда не видела такого света. Впервые за сто шестьдесят миллионов лет стали видны мельчайшие детали грота – гигантской утробы с породой, полной изломов и коридоров.

Али бросила на крепость долгий взгляд и от сильного жара закрыла глаза. Она представила себе, как Айка, широко улыбаясь, сидит рядом с ней на плоту и огонь отражается от стекол его черных очков. И улыбнулась. Он сам превратился в огонь. Потом снова наступила темнота, и рядом был не Айка, а все то же страшное существо. Али боялась, как никогда.

*На том стою, и не могу иначе.
Да поможет мне Бог. Аминь.*

*Мартин Лютер. Защитная речь на Немецком
конгрессе в Вормсе*

Под желобами Ян и Палау

Она гналась за человеком уже три дня; понять его было так же трудно, как спускаться извилистыми путями в великую бездну. Человек хромал. У него была рана, и, наверное, не одна. И еще он все время боялся.

Правда ли он хотел убежать? Она плохо знала повадки людей. В те короткие минуты, когда он что-то делал, она видела, что он сообразительнее своих собратьев. Просто он, видимо, выдохся. Впрочем, долгий путь утомил и ее.

Она полизала стену там, где человек прислонялся, и его вкус придал ей решимости. Она мало о нем узнала, но была голодна, а вкус его пота неожиданно оказался очень заманчивым. И она подчинилась желудку. Пора убивать. Расстояние между ними постепенно сокращалось.

Чтобы догнать человека, хватило одного дня. Девушка держалась поодаль, чтобы не спугнуть его. Много ведь ходит охотничьих баек о зверях, которые с испугу шарахались в какую-нибудь пропасть, откуда их уже не достанешь. К тому же незачем гонять его попусту. От этого на нем станет меньше мяса, а она уже привыкла считать его мясо своим.

Так они добежали до узкой щели; каменные глыбы почти полностью завалили проход. Человек озадаченно топтался у груды камней, глядя на лаз у себя под ногами. Потом опустил на колени и полез. Девушка метнулась вперед, чтобы успеть разрубить ему сухожилия, однако человек, словно догадавшись, быстро подтянул ноги. Она опустила нож, припала к земле и, ориентируясь по звуку, стала ждать, пока он заползет глубже. Наконец все стихло, и она, встав на четвереньки, полезла в щель. Камни, отполированные проходившими здесь хейдлами и животными, были скользкие и гладкие. Она гордилась, что ползает почти так же быстро, как бегает. В детстве она всегда побеждала в гонках по таким вот узким лазам.

Этот проход оказался длиннее, чем она думала, но и не таким, чтобы

пришлось ползти несколько дней. Рассказывали о таких лазах всякое. Страшные истории о том, как целое племя ползло и ползло вот так, один за другим, только для того, чтобы обнаружить ноги мертвеца, закупорившего лаз. Хотя сейчас беспокоиться не о чем – для тупика тут слишком много живых запахов.

Лаз еще сузился; тут оказался очень неудобный поворот вбок и вверх. В таких поворотах нужно быть гибким, как змея. Ей часто приходилось сталкиваться с такими испытаниями, одно непродуманное движение – и можно вывихнуть плечо или колено. Девушка была маленькая и гибкая, но и ей пришлось два раза остановиться, прежде чем она поняла, как правильно двинуться. Она ползла лицом вверх, удивляясь, что крупный человек проделал это с такой легкостью.

Девушка выбралась из лаза, держа перед собой нож, и уже становилась на ноги, когда он прыгнул откуда-то сверху. Он накинул ей на шею веревку и потянул. Она махнула позади себя ножом, но человек уперся ей коленом в спину и заставил лечь. Быстро и туго связал ей запястья, примотал локти и крепко затянул веревку.

Это заняло десять секунд и произошло в полном молчании. Только теперь стало ясно, кто за кем охотился. Слабость, хромота, страх – все оказалось хитростью. Он изобразил растяпу, а она поверила. Девушка завопила от ярости и тут же почувствовала во рту веревку – человек закончил связывать и заткнул ей рот.

Она подумала, что, быть может, это хейдл, испорченный человеческими болезнями. Потом при слабом свечении камня разглядела, что он и вправду человек и действительно ранен. Судя по меткам на теле, он когда-то был пленником, и девушка сразу поняла, кто это. Она знала его по легендам как отщепенца, который причинил много зла ее народу. Его все знали. Его боялись и презирали. Его считали дьяволом, и его историю рассказывали детям как пример подлости и предательства.

Человек заговорил с ней на ломаном языке хейдлов; она едва поняла его шипение и щелканье. Произношение у него было как у дикаря, а вопрос он задал совсем глупый. Если она правильно поняла, предатель хотел узнать, где находится сердце их страны. Она встревожилась – новых бед ее народ не вынесет. Человек махнул рукой в том направлении, в котором они шли. Думая, что он заблудился, и надеясь запутать его окончательно, девушка спокойно показала в другую сторону. Он понимающе улыбнулся и похлопал ее по щеке – с явной издевкой, – прибавив что-то на своем дурацком языке. Затем потянул за веревку, и они двинулись дальше.

За все время своего плена у солдат девушка ни разу по-настоящему не

беспокоилась. Она находилась одна среди людей, а это все равно что превратиться в собственную тень. Ведь ее жизнь – часть жизни сангха,^[28] общины, а вне сангха она словно и не жила. Вот так. Теперь страшный враг хочет вернуть ее к жизни, ведет к народу и хочет принести вред ее сангха. А это хуже, чем тысяча смертей.

* * *

Айк потратил целую неделю, чтобы отыскать девушку, и еще неделю, чтобы заманить. Он мог только гадать, куда приведет его выбранный путь. Но она, похоже, знала, куда идет, и Айк верил, что дорога выведет его к цели.

Семь месяцев собирал он сведения о миграции хейдлов. Нужно остановиться и открыть свои чувства; тогда ощутишь движение этого мира, который как будто весь устремился в какое-то глубокое убежище. И бездна, куда Айк спускается вместе с девушкой, и есть то самое убежище. Вполне разумно предположить, что они попадут в центр той карты-мандалы, которую Айк видел в крепости. Где-то там внизу сходятся все подземные дороги. Там найдет он ответ на вопрос о том, что случилось с народом. Там найдет он Али. Имея в руках девушку, Айк был готов действовать.

Понимая, что она скорее убьет себя, чем станет ему помогать, Айк дважды ее обыскал. Ощупав пальцами все тело, нашел три запрятанных под кожу тонких осколка обсидиана. Один оказался на внутренней стороне локтя, два других – на всякий случай – на внутренней стороне бедер. Айк быстро надрезал ножом кожу и извлек маленькие острые осколки, избавив ее от выбора между жизнью и смертью.

Девушка нужна ему как заложница, и в то же время она – пленница хейдлов, которая, как и он когда-то, сумела среди них выжить. Айк внимательно рассмотрел девушку.

Почти все пленные люди, которых ему довелось видеть внизу, были хилыми, безумными и покорно ждали, пока из них сделают вьючных животных, приманку для других людей или пустят на мясо. Но эта – не такая. Она, пока могла, сама распоряжалась своей судьбой. Ей лет тринадцать, решил Айк.

Девушка была не такой внушительной, как казалась на первый взгляд, а почти хрупкой. Ее тайна заключалась в гордой осанке и удивительной независимости. Вокруг глаз и на руках у нее были метки клана, но Айк не узнал их. Ясно, что она попала к хейдлам в раннем детстве. Как и то, что ее

вырастили для продолжения рода. Грудь у нее была безукоризненной, ни татуировок, ни раскраски. Два белых плода, выступающих над множеством меток, покрывающих остальное тело. Значит, грудных детей оставляют в покое хотя бы в первый месяц жизни. Потом они начинают учиться, читая тело своей матери.

Последние две недели она постоянно мылась, смывала со своего тела солдатские грехи. От нее ничем не пахло, синяки быстро заживали.

Единственным ее имуществом, кроме осколков обсидиана, был дорожный запас еды: кое-как проявленная рука, на запястье которой еще красовались часы с логотипом «Гелиоса». Мяса на ней почти не осталось, девушка объела все чуть не до самой кости. Мимо останков Троя Айк прошел двенадцать дней назад.

Его собственные часы испортились при взрыве, и он взял часы Троя. Было четырнадцатое января, два часа сорок минут, но время уже не имело никакого значения. Альтиметр показывал глубину семь тысяч девятьсот пятьдесят фатомов. Путники находились на девять миль ниже уровня моря, на много миль глубже, чем когда-либо спускались люди. Это само по себе уже было знаменательно. Бездна сдержала обещание: где-то еще глубже располагается твердыня хейдлов – или их ковчег.

Так же как Али и ее «хозяева» – иезуит со своей компанией – при помощи чистой дедукции вычислили существование у хейдлов верховного вождя, Айк собрал из кусочков картину главного убежища, где могут скрываться пропавшие племена. Где-то они должны быть. Не похоже, что они рассеялись и прячутся в нескольких укрытиях, иначе с ними бы сталкивались солдаты или колонисты. Айк как-то видел сбор нескольких кланов. Десятки хейдлов сидели на корточках в гроте. Собрание продолжалось много дней, они рассказывали друг другу о себе, обменивались подарками. Айк пришел к выводу, что такое происходит регулярно – часть их годового миграционного цикла – и зависит от наличия на маршруте воды или пищи.

В Гималаях он усвоил, что в каждом круге бывает другой круг. Например, кора вокруг главного храма в Лхасе лежит внутри коры вокруг города, а та, в свою очередь, в коре вокруг страны.

У хейдлов, не сомневался Айк, тоже практикуются коры – ритуальные обходы, причем маршруты проходят через некое главное убежище.

Крепость усилила его уверенность – она была древняя и явно служила дорожной станцией на торговом пути. Нападение хейдлов окончательно подтвердило его теорию. Против горстки людей-мародеров действовали на удивление многочисленные силы. И, что еще важнее, там было огромное

количество кланов. Происходит массовое перемещение хейдлов в какое-то безопасное место, столь же древнее, как их раса. И потому, вместо того чтобы вернуться к озеру и пытаться найти тех, кто схватил Али, Айк решил спускаться, теряя при этом недели. Если его теория верна, рано или поздно они встретятся, и он явится не с пустыми руками. А пока Али, чтобы выжить, придется призвать на помощь всю свою сообразительность и силу духа. Айк не мог уберечь ее от того, что случилось с ним в самом начале плена, а отчаиваться ему нельзя, и потому он пытался просто забыть. Как будто Али не существует.

Однажды утром она приснилась Айку, и он проснулся. Девушка сидела на нем верхом и поглаживала у него в паху через штаны. Предлагала ему себя – свое покорное тело, волнующуюся грудь. Плавно двигала тазом, выписывая восьмерки. Айк испытал желание, но только на миг.

– Ты – молодец, – прошептал он с искренним восхищением.

Умница, старается использовать любые средства. А его явно презирает. Так вот и Трой погиб, не сумел разглядеть, что к чему, ослепленный страстью. Парень уступил соблазну, не сомневался Айк, и ему тут же пришел конец.

Айк поднял девушку. Его смутило не вульгарное приставание, не опасность, не воспоминание об Али. Девушка показалась ему знакомой. Они уже встречались, и это сбивало его с толку. Айк мог видеть ее только во время своего плена, а она тогда была совсем ребенком. Однако такого ребенка он не помнил.

День за днем они спускались все глубже. Айк помнил слова геологов о том, что миллион лет назад из мантии Земли произошел выброс серной кислоты, и она проела коридоры до самой литосферы. И когда путники спускались в дикую бездну, Айк думал – не эту ли самую дорогу проложила для них кислота, поднимаясь из глубин? Оставаясь в душе альпинистом, он не мог не думать об этой тайне природы. Насколько глубоко бездна? Где она становится невыносимой?

Девушка наконец догрызла остатки кости.

Айк, отыскав змеиное гнездо, обеспечил их едой на неделю. Потом на их пути возник ручей, и, значит, воды им хватит. На вкус она была как в озере; можно предположить, что вода стекала из озера, в свою очередь питаемого реками.

На глубине восемь тысяч семьсот фатомов, или почти десять миль, они достигли нависающего над ущельем обрыва. Ручей слился с другими и превратился в летящий вниз водопад. Камень был испещрен вкраплениями

флюорита и призрачно светился. Айк и девушка стояли у края покато­го козырька, не доходя до стены. Их водопад был лишь одним из многих, низвергающихся по стенам.

Дальше тропа спускалась по отвесной стене из оливина – где-то по естественным выступам, где-то вырублена в породе. В одном месте она проходила по зарослям сталактитов. Там, где не было опоры для ног, висели железные цепи.

Айк был вынужден полностью сосредоточиться на спуске. Тропа была старая и шла над пропастью глубиной тысячу футов. Девушка решила, что это ее шанс все покончить. Она отважно бросилась вниз. Айку пришлось нелегко – пленница едва не утащила его за собой, но ему кое-как, рывками, удалось ее вытащить. Следующие три дня он постоянно был начеку, чтобы такое не повторилось.

На дне большими косматыми облаками лежал туман, словно тучи над Нью-Мехико. Наверное, его рождали водопады. Путники подошли к ряду разбитых колонн, образующих неровную лестницу из многоугольных ступеней. Горизонтальные срезы у колонн были плоские и гладкие. Айк увидел, что у его спутницы дрожат ноги, и решил отдохнуть.

Ели они мало, в основном насекомых да верхушки тростников, росших у воды. Айк мог поискать какую-нибудь падаль, но передумал. Голод замедлял продвижение, зато помогал сломить упрямство девушки. Ведь кругом вражеская территория, и нельзя допустить, чтобы она подняла тревогу. Голод гуманнее, чем кляп, решил Айк.

От льющейся по стенам воды стоял непрерывный грохот. Они шли среди каменных гребней, которые разрезали туман и уводили с верной тропы. Попадались скелеты животных, погибших от голода в каменном лабиринте.

Туман уходил и поднимался, словно вода в отлив и прилив. Иногда лежал под ногами, иногда закрывал путников с головой. В один из отливов Айку по чистой случайности удалось услышать, как приближается толпа хейдлов. Он моментально уложил спутницу на землю, не дав ей поднять тревогу. Прижал к земле животом вниз, лег сверху для верности и зажал ей рот ладонью.

Она сопротивлялась, но быстро выбилась из сил. Прижавшись щекой к ее густым волосам, Айк огляделся под пологом тумана. Холодная масса стояла лишь на несколько дюймов выше гребней. Неожиданно рядом с его головой возникла нога. Айк легко мог бы схватить лодыжку. Ступня с длинными пальцами поерзала, словно пробуя устойчивость камня. Свод стопы был плоский – сказывалась походная жизнь. Айк посмотрел на свои

пальцы, и они показались ему совсем тонкими и слабыми рядом с этим воплощением жестокой силы – желтые потрескавшиеся ногти, выступающие вены.

Ступня ослабила сцепление с землей, а другая тем временем шагнула вперед. Хозяин ног двигался легко, как балерина. Мысли у Айка путались. Размер ноги – не меньше шестнадцатого.

За первым хейдлом шли другие. Аик насчитал шестерых. А может, семерых или восьмерых. Не ищут ли они его и девушку? Маловероятно. Наверное, охотники или патруль. Легионеры каменного века.

Шлепанье ног затихло.

Хейдлы обнаружили добычу и теперь ломали ей кости. Судя по звуку, они поймали что-то гораздо крупнее гоминида. Затем раздался такой звук, словно рвали ковер. Снимают шкуру, понял Аик. Свежую добычу. Ему очень хотелось дождаться их ухода и подобрать остатки. Но пока держался туман, он забрал девушку и они обогнули хейдлов большой дугой.

На стенах становилось все больше рисунков, старых и новых. Надписи, вырезанные или нанесенные краской десять тысяч лет назад, закрывали изображения, сделанные раньше, а те, в свою очередь, были нанесены на другие. Все равно что читать сокрытый между строк старой книги еще более древний текст на мертвом языке.

Путники шли через лабиринт; Аик вел свою заложницу на веревке. Подобно варварам, идущим на Рим, им приходилось встречать все более удивительные места. Они проходили под изъеденными временем арками, вырезанными из цельного куска скальной породы. Дорога представляла переплетение ровно уложенных плит, покосившихся от многовекового движения земли. В одном уцелевшем месте дорожка была удивительно плоской, и полмили они шли по мозаике из светящихся камней.

Среди каменных гребней грохот водопадов немного стих. Дно ущелья давно бы затопило, если бы не канавы, заботливо проложенные по обеим сторонам дороги. Акведуки во многих местах обвалились, путникам пришлось брести по воде, но большей частью вся система была в исправности.

Иногда они слышали музыку; оказалось, в камни встроены специальные инструменты.

Путники приближались к цели – Аик понял это по поведению девушки. К тому же им встретился длинный ряд человеческих мумий, выставленных вдоль дороги.

Аик и девушка увидели остатки воинства Уокера, числом тридцать. Согласно ритуалу, им изрезали бедра и бицепсы; из-за выпотрошенных

животов грудные клетки казались бочкообразными. Глаза вынули и вставили белые круглые мраморные шарики. Шарики были великоваты, и это придавало их «взгляду» свирепость; казалось, у них вытаращенные, как у насекомых, глаза. Здесь были и Кальвино, и черный лейтенант, и, наконец, голова Уокера. В знак презрения хейдлы привязали его высушенное сердце к бороде – чтобы все видели. Если бы он был достойный враг, сердце съели бы на месте.

Теперь Айк был рад, что мало кормил свою пленницу. В нормальном состоянии девушка бы не дала ему выполнить задуманное, а так едва проходила милно без отдыха. Ничего, думал Айк, скоро она будет сыта и на свободе. А он вернет себе Али.

Двадцать третьего января девушка попыталась утопиться в одном из каналов – прыгнула в воду и засунула голову в какую-то щель. Айк бросился ее вытаскивать и чуть не опоздал. Ему пришлось рассечь веревку, которой был завязан рот девушки, и откачивать из легких воду. Ослабев, лежала она у него на коленях, обмякшая и едва живая. Оба переводили дух.

Немного погодя девушка запела. Глаза так и не открыла – она пела для себя, стараясь приободриться, пела тихо, на своем языке; такие щелчки и интонации хейдлы используют в семье. Айк не сразу разобрал, что за песню она поет, но когда понял, его пронзило в самое сердце. Не веря ушам, он вскочил. Прислушался. Он слишком плохо знал язык, чтобы понять все слова, но мелодию спутать не мог. «О, Благодать»!

Айк зашатался. Девушка знала эту песню и любила – так же как и он. Это было последнее, что он слышал от Кору тогда, много лет назад, в Тибете, когда ее поглотила бездна. На этот гимн он бежал в темноте пещеры. «Был мертв и чудом стал живой, был слеп, но вижу свет». Девушка пела другие слова, однако мелодия была та же.

Он не усомнился, когда Исаак заявил, что девушка – его дочь, но никакого сходства между ним и девушкой не видел. И вот песня помогла ему открыть в ней черты Кору.

Айк искал объяснение. Она могла научиться песне от Кору, а могла услышать в крепости Али. И все же недаром он постоянно испытывал неясное тревожное чувство, что знает девушку.

Было нечто знакомое в скулах, в линии лба, в том, как она упрямо выпячивает подбородок, в фигуре. Айк обратил внимание и на некоторые другие детали. Неужели? Она так сильно похожа на мать. И в то же время не похожа – глаза, форма рук, подбородок.

Девушка устало открыла глаза. Айк не видел в них Кору, потому что это были не бирюзовые глаза Кору. Наверное, он ошибся. И все же он знал

эти глаза. Его словно толкнули. У нее – его глаза. Она – его дочь.

Айк сполз по стене. Возраст как раз подходящий. Цвет волос. Он сравнил их руки – такие же длинные пальцы, такая же форма ногтей. «Господи!» Что теперь?

– Ма. Ты. Где, – произнес Айк на ломаном языке хейдлов.

Девушка перестала петь. Уставилась ему в глаза. Нетрудно догадаться, о чем она думает. Увидев его состояние, пленница решила попытаться счастья. Она попробовала шевельнуться, но тело ей не повиновалось.

– Пожалуйста, говори яснее, человек-зверь, – вежливо произнесла она на верхнем диалекте.

Для Айка это в целом прозвучало как «что?». Он попытался еще раз, стараясь не ошибиться в синтаксисе и падежах.

– Где. Твоя. Мама. Быть.

Она фыркнула, и Айк понял, что его слова для нее не больше чем звериное мычание. Девушка все время отводила глаза от его ножа с черным лезвием. Это был вожденный предмет. Ей хотелось убить Айка.

Он начертил на земле знак, затем другой и соединил их.

– Ты, – сказал Айк. – Мать.

Быстрым движением пальцев она стерла нарисованное. Таков ее ответ. Нельзя говорить о мертвых. Ведь они становятся кем-то или чем-то другим. А поскольку неизвестно, в кого или во что они перевоплотились, разумнее всего о мертвых не упоминать. Айк не настаивал.

Кора, конечно, мертва. А если бы и была жива, он бы ее не узнал. Здесь действуют их законы. Девушка нужна ему для обмена. Такой у него был план. Айк вдруг понял: плот, собранный им из обломков прежней жизни, только что опять разбился.

Настоящая мука – появление дочери, о которой он не знал и которая стала такой, каким чуть не сделали его.

И что теперь – спасти ее? А потом? Хейдлы вырастили ее своей. Она понятия не имеет ни о том, кто она, ни о том, из какого она мира. А если честно, то Айк и сам не знает. Что же это за спасение?

Айк посмотрел на худую разрисованную спину девушки. С самого начала он обращался с ней как с вещью. Одно хорошо – он ее не избил, не изнасиловал и не убил. «Моя дочь?» – Айк опустил голову.

Разве он может менять свою плоть и кровь – пусть даже на любимую женщину? А если не поменять, Али навечно останется в неволе. Айк пытался разобраться в своих мыслях. Девушка не знает о своем прошлом. Как это ни скверно, но ее жизнь – жизнь хейдлов. Забрать ее отсюда – значит лишить корней, разлучить с теми, кого она любит. А оставить Али?..

Она может и не знать, что он выжил при взрыве и тем более что он ее ищет. А если бы и знала, не сомневался Айк, она бы запретила ему рисковать. И что тогда получается? Получается – он проклят. Все, кого он любил, погибают.

Айк подумывал отпустить девушку, но понимал: это простая трусость. От решения никуда не деться. Нужно его принимать. Или одно, или другое. Он был реалистом и даже не пытался представить, что они могут спастись все трое и зажить счастливой семьей. Так он промучился всю ночь.

Когда девушка проснулась, Айк принес ей завтрак – личинок и клубни – и ослабил веревки. Если она наберется сил, его задача только усложнится; с другой стороны, мучиться за нее угрызениями совести тоже не дело. Он не станет больше морить ее голодом.

Понимая, что она все равно не скажет, Айк спросил, как ее зовут. Девушка презрительно отвернулась. Ни один хейдл не сообщит своего имени рабу. Скоро он снова вел пленницу вниз по тропе, теперь уже медленнее, считаясь с ее усталостью.

Сделанное открытие вконец измучило Айка. После своего возвращения к людям он поклялся, что отныне выбирает только между «да» и «нет». Держись своей заповеди. Отступишь от нее – и ты погиб. Если на вопрос нельзя ответить за три секунды, значит, ответа нет. Теперь самое простое – все бросить и уйти, пока можно. Айк никогда не верил в предопределение. Бог ничего за тебя не сделает, нужно действовать самому.

Теперешняя ситуация опровергала его теорию.

Эта головоломка не давала Айку покоя, и их и без того медленный спуск еще замедлился. Тяжесть, которая на него давила, не имела отношения к глубине – теперь уже одиннадцать миль. Напротив, по мере увеличения давления он получал все больше кислорода и в результате ощущал какую-то неприятную легкость, наподобие той, что испытываешь, спускаясь с вершины. Только теперь лишний кислород в голове вызывал новые мысли и вопросы.

И хотя Айк не мог объяснить почему, он не сомневался, что сам сделал выбор, приведший его к падению. Но какой же выбор сделала его дочь? За что ей выпало родиться во мраке и никогда не видеть ни света, ни настоящего отца, ни своего народа?

* * *

Дорога вниз была дорогой текущей воды. Первые дни Али провела с

завязанными глазами, слушая, как плещет вода под плавниками тащивших плот амфибий. Потом был спуск мимо маленьких и огромных водопадов. Затем, уже на твердой земле, она шла по перегороженным камнями ручьям. Вода стала путеводной нитью.

Али держали отдельно от двух солдат, захваченных живьем. Однажды ее повязка соскользнула, и она увидела их в вечном сумеречном свете лишайников. Солдат связали ремнями из сыромятной кожи; из ран до сих пор торчали стрелы. Один с ужасом посмотрел на Али, и монахиня его перекрестила. Ее охранник поправил повязку, и они продолжали путь.

Хейдлов не беспокоило, что солдаты могут запомнить дорогу, ведь у них все равно не будет возможности по ней пройти. Это вселило в Али некоторую надежду. Значит, ее пока убивать не намерены. Подумав о судьбе солдат, она почувствовала стыд за свой оптимизм, но ухватила за эту соломинку с жадностью, которой раньше не знала. Ей даже в голову не приходило, что инстинкт выживания может быть настолько сильным. Героизмом тут и не пахло.

Ее тащили, дергали, несли, подгоняли, а она ушла в себя, словно забила в щель, которая стала центром ее бытия. Ей не причиняли вреда, не насиловали. Но Али страдала.

Прежде всего она голодала, хотя нельзя сказать, что ее не кормили. Али отказалась есть мясо, которое ей дали. Монстр – тот, главный – как-то подошел к ней.

– Вам, милая, нужно поесть, – сказано на безупречном английском, – а то вы не сможете завершить хадж.

– Я знаю, что это за мясо, – сказала Али. – И я знала этих людей.

– Ага, понятно. Просто еще не проголодалась.

– Кто вы?

– Паломник, вроде вас.

Но Али знала. До того, как ей завязали глаза, она видела, что он командует – отдает приказы, распределяет обязанности. Да и без того он определенно выглядел именно так, как может выглядеть Сатана, – нависший лоб, по-разному изогнутые рога, надписи по всему телу. Он казался выше прочих хейдлов, шрамов на нем было больше, и в глазах его читалось знание – такое, о каком Али не хотелось даже думать.

В конце концов Али стали кормить насекомыми и мелкой рыбой. Она заставила себя есть. Путь продолжался. Идти приходилось по камням, и у Али ночами ужасно ныли ноги. Боль была даже кстати – помогала отвлечься от остального. Возможно, если бы у нее, как у солдат, торчали из ран стрелы, ей вообще было бы не до душевной скорби. Однако

действительность не отпускала. Айк погиб.

Наконец отряд подошел к развалинам какого-то города – таким старым, что они скорее напоминали остатки горы. Путешествие кончилось. Али поняла это, когда с нее сняли повязку и она смогла идти сама.

Измотанная, напуганная, словно одурманенная, поднималась Али по тропе. Город почти полностью затопили прозрачные ледники из натечного камня, испускавшего слабое свечение. Не свет, а скорее полумрак, но хватало и этого. Али разглядела, что город лежит на дне огромной пропасти. Медленный каменный потоп поглотил большую его часть, однако осталось еще немало зданий с целыми комнатами. Стены и колоннады украшала резьба – звери и сцены из древней жизни хейдлов; все рисунки обрамлены изящными арабесками.

Разрушенный временем и геологическими процессами, город тем не менее оказался населенным, во всяком случае не пустующим. К изумлению Али, сюда собрались тысячи, нет десятки тысяч хейдлов. Вот и ответ на вопрос о том, куда они пропали. Со всего мира они стекались в это убежище. Как и думал Айк, они скрываются, здесь их приют.

Войдя в город, Али увидела изможденных детей, лежащих на материнских коленях. В безмолвной толпе почти не было младенцев и стариков. На земле валялось множество разного оружия – видимо, поднять его хозяева уже не могли.

У хейдлов, вялых и равнодушных, был такой вид, словно они дожили до конца света. Али всегда удивляло, что беженцы – неважно, какой расы – останавливаются и не идут дальше. Это и есть отличие беженца от первопроходца – у первых, когда они пересекают определенную границу, словно срабатывает некий импульс. Что же мешает хейдлам идти дальше?

Али и ее захватчики поднялись на холм в самой середине города. Там, на янтарного цвета натечных образованиях, лежали развалины здания. Али повели в коридор, выющийся среди руин. Ее тюрьмой оказалась библиотека. Пленницу оставили одну.

Она оглянулась, изумленная окружающим богатством. Вот, значит, каков ее ад – целая библиотека нерасшифрованных текстов. Если так, ей придумали неподходящее наказание. Али увидела глиняную лампу – такую же, как те, что зажигал Айк. Из носика вился маленький огонек. Подняв лампу, она стала осматриваться, но от неосторожного движения лампа погасла. Али стояла в темноте, полная сомнений, напуганная и одинокая. На нее вдруг свалилась усталость, и она просто упала и уснула.

Когда Али пробудилась спустя час, в дальнем углу комнаты горела другая лампа. Али подошла, и от стены поднялась фигура в рваном

холщовом балахоне.

– Кто здесь? – сурово спросил мужской голос.

Он казался усталым и безжизненным, словно говорил призрак. Али воспрянула. Это, конечно, ее товарищ по несчастью. Она не одна!

– А вы кто? – спросила она и подняла у него с лица капюшон.

Невероятно.

– Томас!

– Али! Неужели?..

Али обняла его – кожа да кости.

Иезуит изменился с их встречи в нью-йоркском музее – все то же морщинистое лицо, но еще больше нахмурился лоб, отросла седая борода, грязными космами висели волосы, покрытые засохшей кровью. Глаза остались такими же – они всегда были глубоко посаженными.

– Что с вами сделали? – спросила Али. – Сколько вы уже здесь? Как вы сюда попали?

Она помогла старику сесть и принесла воды. Он прислонился к стене и, не переставая, гладил ее руку, вне себя от радости.

– Это Божья воля, – повторял он.

Несколько часов они рассказывали друг другу о своих приключениях. Томас сообщил, что, когда до него дошла весть об исчезновении экспедиции, он отправился вниз – на поиски Али.

– Твоя покровительница, Дженьюэри, постоянно мне твердила, что общество «Беовульф» несет за тебя ответственность. Мне ничего не осталось, кроме как пойти и найти тебя. Самому.

– Какой абсурд! – возмутилась Али.

Человек его возраста, в одиночку!

– Но ведь нашел! – радовался Томас.

Он спустился в подземье через пещеру на Яве и постоянно молился, чтобы найти путь, которым шла экспедиция.

– Я в таких делах не силен, – рассказывал иезуит. – Сразу же заблудился. Батарейки сели, еда кончилась. Попасть к хейдлам для меня было скорее избавлением, чем пленом. Кто знает, почему они меня не убили? Или тебя?

Все это время Томас томился над горой книг и рукописей.

– Я думал, мои кости так и останутся среди книг, – сказал он. – Но теперь и ты здесь!

Али в свою очередь поведала о печальном конце экспедиции. Упомянула, как Айк подорвал себя вместе с крепостью.

– А ты уверена, что он погиб? – спросил Томас.

– Я сама видела, как... – начала она, но ее голос сорвался.

Томас выразил соболезнования.

– На все Божья воля, – сказала Али, немного оправившись. – Это Он привел нас сюда, в эту библиотеку. Теперь мы попытаемся завершить работу, которую начали. Вдвоем мы быстрее сможем подойти к тайне.

– Ты – замечательная женщина!

И они приступили к работе: полностью сосредоточились, стали сортировать тексты, сравнивать свои наблюдения. Сначала осторожно, потом жадно и нетерпеливо, они разглядывали книги, листы, рукописи, свитки и таблички. Источники были расположены без всякой системы. Казалось, кто-то собрал тут все это, словно грудку кирпичей. Поставив сбоку лампу, Томас и Али углубились в самую большую стопку.

Сверху лежали наименее древние источники: кое-что на английском, кое-что на японском и китайском. Чем глубже проникали исследователи, тем древнее были записи. Бумага распадалась в пальцах. Кое-где чернила полностью ее пропитали. Некоторые книги оказались запечатаны известняковыми отложениями, но сквозь камень проступали рисунки и письмена. По счастью, комната была большая, потому что исследователям пришлось выложить на полу своеобразное языковое дерево, состоящее из книжных стопок.

На исходе пятого дня Али и Томас обнаружили алфавиты, совершенно неизвестные лингвистике. Али стало ясно, что у них почти нет зацепок, чтобы подступиться к этой горе информации. Здесь – начало всей литературы и истории. В некотором смысле здесь должно быть и начало памяти – памяти хейдлов и памяти людей. Что же сокрыто в этих записях?

– Нам нужно отдохнуть. Нужно работать не так быстро, – предупредил Томас. – Уже ясно, что они похожи на нас. А мы на них. В этом и ключ к их Раю. К прежнему их не вернуть. Но можно поддержать их, помочь обрести единство как народу, проложить мост между людьми и хейдлами, дать им шанс вернуться к свету. Или хотя бы признать их как расу. Быть может, нам удастся найти общий язык. Найти для них место среди нас. Или они найдут нам место среди себя. И все это начинается вот здесь.

Хейдлы стали пытаться солдат. Их вопли долетали и до Томаса и Али. Иногда крики затихали. Как-то после целой ночи тишины Али была уверена, что несчастные умерли. Потом крики возобновились и с небольшими перерывами продолжались несколько дней.

Прежде чем Али и Томас смогли продолжить свои исследования, к ним явился посетитель.

– Это о нем я говорила, – прошептала Али. – Думаю, он их вождь.

– Наверное, ты права. Только чего он от нас хочет?

Гость нес исцарапанный тубус с надписью «Гелиос». Али сразу его узнала. Вождь подошел к ней; от него пахло свежей кровью. Он был босиком. Достав карты, Исаак развернул их и произнес на своем безупречном английском:

– Вот что я получил.

Али хотела спросить откуда, но тут же передумала. Очевидно, Гитнер и его группа далеко не ушли.

– Это мое, – сообщила она.

– Знаю. Мне солдаты сказали. Я и сам изучил записи и не сомневаюсь в вашем авторстве. К сожалению, это не настоящие карты, а только примерные зарисовки. Они показывают продвижение вашей экспедиции в целом. А мне нужно большее, нужны подробности: обходные пути, боковые коридоры. И стоянки – все и каждая. Кто там был, кого не было. Мне нужно все. Вы должны воссоздать для меня весь пройденный путь. Это необходимо.

Али, испуганная, смотрела на Томаса. Разве она сумеет столько вспомнить?

– Я попытаюсь.

– Попытаетесь? – Монстр ее обнюхивал. – От вашей памяти зависит ваша жизнь. Я бы на вашем месте очень постарался.

Томас шагнул вперед:

– Я ей буду помогать.

– Тогда помогай побыстрее. Твоя жизнь тоже от этого зависит.

* * *

Одиннадцатого февраля в четырнадцать часов двадцать минут на глубине девять тысяч восьмьсот пятьдесят шесть фатомов Айк и его дочь пришли на утес, возвышающийся над ущельем. Это был не конец спуска; далеко внизу зияла пустота. Но тут на их пути в бездну был очередной геологический рубеж.

Чтобы его безымянная дочь не попыталась покончить с собой, Айк привязал ее к острому скальному выступу. Затем пополз на животе вдоль края, чтобы рассмотреть спуск и выбрать дорогу.

Пропасть имела форму кратера. По круглым стенам охряного цвета разбегались светящиеся минеральные жилы, колыхались светлые языки тумана. Айк внимательно рассмотрел строение этой огромной впадины

двух или трех миль в поперечнике, ее ячеистые стены и лежащий внизу большой город с запутанными улицами. Город, занимавший все дно огромной чаши, казался величественным и заброшенным. Айк висел над ним на высоте пятьсот метров, и ему была видна вся древняя столица.

Башни и пирамиды лежали в руинах. Вдалеке одно или два здания стояли почти вровень с краями котловины, причем верхушки у них обвалились. Каналы, размыв свои русла, местами превратили улицы в глубокие извилистые ущелья. Почти все было разрушено, затоплено или покрыто известняковыми наплывами. Несколько сталактитов достигли таких гигантских размеров, что рухнули с невидимого купола и пробили здания.

Айку понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к масштабу увиденного. Только тогда он заметил толпы хейдлов. Толпы были столь огромны и многочисленны, а сами хейдлы столь ослаблены, что показались ему сначала большим пятном. Однако пятно это двигалось, двигалось с неспешной скоростью ледника. То тут, то там из разбросанных на скалах гнезд вылетали, пронзая туман, крылатые твари.

Беженцы прятались не в помещениях, а сверху. С такого расстояния Айк не мог разглядеть отдельных фигур, но полагал, что их там тысячи. Десятки тысяч. Он оказался прав насчет убежища.

Должно быть, они стекаются в одно-единственное место со всего подземья. И хотя Айк об этом догадывался, их численность его поразила. Он знал, что хейдлы – раса отшельников – видят во всех врага, которого нужно уничтожить, и предпочитают скитаться небольшими кучками. Айк считал, что во всем подземье их осталось несколько тысяч. И вот перед ним в пятьдесят раз больше. А если они собрались здесь, да еще в состоянии перемирия, значит, для них наступил конец света.

Их многочисленность была для Айка и хорошей новостью, и плохой. Она почти гарантировала, что Али тоже приведут сюда, если еще не привели. Айк не успел продумать свой первый шаг, но надеялся иметь дело с гораздо меньшим противником. Теперь разглядеть Али издалека представляется почти невозможным, а проникать в самую гущу хейдлов – долгий кошмар. Только на поиски уйдут месяцы, а ему еще нужно заботиться о заложнице, своей дочери.

Такая перспектива заставила его пасть духом. Айк посмотрел на свои – то есть Троя – часы и заметил день, час и глубину.

Раздалось шлепанье ног, и Айк, держа нож, стал подниматься. Он успел заметить приклад винтовки. Приклад обрушился ему на голову и впечатался в висок; на этом схватка кончилась.

Когда Айк пришел в себя, он с головы до ног был обмотан своей же веревкой. Слегка приподняв веки, он увидел, что его похититель, босой и одетый в лохмотья, расположился неподалеку и смотрит ему в лицо через оптический прицел американской армейской винтовки. На шее у него висел бинокль. Айк вздохнул. Рейнджеры все же его достали.

– Погоди, – сказал Айк, – не стреляй.

– Конечно, – ответил тот, чье лицо скрывалось за прицелом.

– Скажи хоть зачем. – Айк не понимал, за что ему хотят отомстить.

– Что – «зачем», Айк? – И палач поднял голову.

Айка словно громом оглушило. Это не солдат!

– Сюрприз! – сказал Шоут. – Не думал я, что такое возможно – обскакать великого Айка Крокетта. А оказалось – просто. Кто же должен хвастаться? Я поймел супермена и добыл девчонку.

Айк не знал, что и сказать. Он посмотрел на свою дочь. Шоут совсем затянул на ней веревки. Это важно. Он не застрелил ее на месте.

Отощавший и обросший, Шоут не утратил дурацкой улыбки. И был очень доволен собой.

– В некотором смысле, – говорил он, – мы с тобой – похожие ребята. Падальщики. Можем прожить на чужом дерьме. И всегда стараемся заприметить, где запасной выход. Там, в крепости, я подготовился не хуже тебя.

От удара прикладом у Айка ныло лицо, но его самолюбие пострадало гораздо больше.

– Ты меня выследил? – спросил он.

Шоут похлопал по прицелу.

– Супертехнологии! Я тебя за милую видел, четко, как днем. А когда ты заарканил эту пташку, стало еще проще. Ты стал медленно ходить, Айк, и сделался каким-то сентиментальным. Стареешь, наверное. В любом случае, – Шоут оглянулся на пропасть, – мы добрались до сути дела, так ведь?

Пока Шоут разглагольствовал, Айк соображал. К камню прислонен полупустой рюкзак. Позади девушки – Айк поймал ее настороженный взгляд – валялась пластиковая упаковка армейского пайка. Значит, он пробыл без сознания достаточно долго, и Шоут не только успел его связать, но и пообедал.

Что еще важнее – с ним никого нет, рюкзак только один, и упаковка от пайка тоже одна. А раз Шоут носит с собой пайки, значит, добывать пищу он не умеет. Очевидно, Шоут порылся в развалинах крепости и отыскал самое необходимое – винтовку, еду. Айк озадачился: у человека, можно

сказать, есть билет домой, так для чего ему соваться еще глубже?

– Тебе нужно было взять плот или хоть пешком пойти, – сказал Айк. – Ты бы уже половину пути прошел.

– Прошел бы, да кто-то забрал мою самую большую ценность. – Шоут поднял кожаный футляр, который, словно амулет, висел у него на шее. Все знали, что там он держал свое активирующее устройство. – Забрали мою гарантию возвращения. Я и не знал о краже, пока прибор не понадобился. Открыл футляр, а там оказалось вот это.

Открыв застежку, Шоут показал нефритовую пластинку.

Все понятно – кто-то украл у него прибор и подложил кусочек древних хейдлских доспехов.

– И ты хочешь, чтобы я тебя отсюда вывел, – догадался Айк.

– Не думаю, что это получится. Далеко ли мы уйдем, пока нас не отыщут хедди? Или пока ты со мной не разделаешься?

– Тогда чего ты хочешь?

– Мой активатор. Было бы неплохо его вернуть.

– А если мы его и найдем, что это даст?

С активатором или без, хейдлы все равно его догонят. И Айк тоже.

Шоут загадочно улыбнулся, держа нефритовую пластину, словно телевизионный пульт:

– Давай переключим на другую программу. Мне неприятно это говорить, но вы, господин йог, – всего лишь иллюзия. И девушка тоже. И те, что там, внизу. Все вы не существуете.

– А ты существуешь? – Айк не издевался; где-то здесь была разгадка странного поведения Шоута.

– Да, я-то существую. И я всему первопричина. Номер первый. И последний. Вас уже не будет, а я останусь.

Шоут что-то знал или думал, что знает, но Айку даже в голову не приходило, о чем может идти речь. Этот человек так беззаботно последовал за ним в самое сердце бездны и теперь, находясь в окружении врагов, устроил засаду на своего единственного возможного союзника. За последние недели он много раз мог пристрелить и Айку, и девушку. Должна же быть какая-то логика. Шоут – не псих, он умен и очень опасен. Айк во всем винил себя. Он его недооценил.

– Ты не того поймал, – сказал Айк. – Я не брал твой активатор.

– Конечно не брал. Я много об этом думал. Парни Уокера вряд ли стали бы возиться. Просто пристрелили бы меня. И ты тоже. Взял кто-то, кто хотел, чтобы кража осталась в тайне. Кто-то, кто думает, что он, точнее она, знает мой код. Я все вычислил – и кто взял, и когда.

– Она?! – Айк кивнул на девушку.
– Думаешь, я подпустил бы к себе это животное? Нет, я говорю про Али.

– Али? Она монахиня.
Айк даже усмехнулся. Хотя кто же тогда?
– Плохая монахиня. И не спорь, Айк, я знаю, что вы с ней трахались. Я такие вещи сразу чую, слишком хорошо знаю людей.

Айк смотрел на него:

– И ты пошел за мной, чтобы найти ее.
– Умница!
– Но я ее не нашел.
– Еще как нашел.

Шоут подтащил Айку к краю утеса. Повесил ему на шею бинокль, осторожно отвязал веревку, стягивавшую руки и ноги, и отодвинулся, целясь в него из пистолета.

– Посмотри. Там, внизу, – твои знакомые. Она и этот царек. Его сатанинское величество. Тип, что ее похитил.

Айк с трудом сел. Известие об Али его взбодрило. Онемевшими руками он кое-как поднес бинокль к глазам. Пробежал взглядом каналы, засыпанные камнями улицы, остатки домов – в окуляре ночного видения все было зеленым.

– Найди высокую башню, затем возьми левее, – посоветовал Шоут, глядя в прицел винтовки.

Но и с его помощью Айку потребовалось несколько минут.

– Столбы видишь?
– Это солдаты Уокера?

На столбах повисли два человека. Но Али не было. Пока.

– Отдыхают, – пояснил Шоут. – С ними тут немножко разобрались. И еще есть пленник. Я его видел вместе с Али. Его, правда, все больше прячут.

Айк поднял бинокль повыше.

– Да вон она, – показывал Шоут. – Я ее вижу. С ума сойти, она, кажется, пишет что-то в своем дневнике. Записки из подземелья?

Айк продолжал искать. На развалинах вырос целый холм натечного камня; он закрывал почти все этажи покрытого резьбой здания. Кроме самого верхнего. С той стороны, откуда смотрел Айк, у здания обвалилась стена, открыв просторную комнату без крыши. И тут была Али – сидела на большом камне. Ни руки, ни ноги ей не связали – а зачем? Здесь повсюду хейдлы.

– Нашел?

– Вижу.

Обряд посвящения над ней еще не проводили. Пленников, как правило, клеймят, увечат и заковывают в кандалы в первые же дни. Для выздоровления иногда нужны годы. Но Али, казалось, цела и невредима.

– Хорошо. – И Шоут выхватил бинокль. – След ты взял, знаешь, куда идти.

– Хочешь, чтобы я проник в город, где кишат хейдлы, и украл твой прибор?

– Я же не дурак. Ты простой смертный. Есть вещи, которые даже тебе не под силу. И потом, зачем лезть через окно, когда можно войти в дверь?

– То есть мне нужно просто войти и попросить назад твою вещицу?

– Лучше тебе, чем мне.

– Даже если прибор у Али, что с того?

– Айк, я деловой человек. Переговоры – мой хлеб. Подумай, как с ними можно договориться. Старый проверенный способ – обмен.

– С ними? Здесь?

– Пойдешь как мой представитель. Личный посланник.

– Они ее не отпустят.

– Мне нужен только мой прибор.

Айк окончательно зашел в тупик.

– Зачем им его отдавать?

– Вот это я и хочу с ними обсудить. – Шоут полез в рюкзак и вытащил тонкий исцарапанный ноутбук с логотипом «Гелиоса» на крышке. – Раций у нас не осталось, но в ноутбуке есть кое-какие устройства связи. Организуем видеоконференцию.

Шоут поднял крышку и включил аппарат. Отступил, прицепил к уху наушник и поднес к лицу шарик-видеокамеру. На экране появилось его лицо.

– Проверка связи, проверка связи, – произнес он в микрофон ноутбука.

При виде такого колдовства девушка в страхе вытаращила глаза и что-то заворчала.

– Поступим следующим образом. Берешь с собой ноут и спускаешься в город. Когда доберешься до Али, открой его. Проверь, чтобы он был у меня на линии прямой видимости, а то связь пропадет. Соединишь меня с их рогатым presidente. Между делом вернешь ему его отродье. Такой жест доброй воли. А дальше – мое дело.

– И зачем мне все это?

Шоут оскалился:

– Ну, говорю же, наш человек! А что ты хочешь? Остаться в живых? Или чтобы Али осталась? Спорим, я знаю.

Именно этого шанса для Али Айк и ждал.

– Ладно, – сказал он. – Командуй.

– Приятно иметь с тобой дело.

– Веревки перережь.

– Конечно. – Шоут погрозил Айку ножом, словно капризному ребенку, и положил нож на землю. – Только сперва нужно как следует договориться. Чтобы освободиться и выкарабкаться отсюда, тебе потребуется время. А я пока что найду себе поблизости удобную позицию для стрельбы. Ты ведешь дикарку вниз, мимо этого сброда, и отдаешь ее сородичам. Потом связываешь меня с их генеральным, или кто он там.

Шоут положил ноутбук и попятился к большой расщелине. Айк не сводил глаз с ножа.

– Никаких фокусов, не пытайся меня надурить. Компьютер включен. Не выключай. Каждое твое слово я услышу. Меня не ищи. Я все время буду за тобой следить. Напортачишь – устрою фейерверк. Но в тебя стрелять не стану, пусть Али расплачивается. Первой убью ее, потом, просто чтоб им нагадить, – их предводителя. А дальше – в кого попаду. Но ты пули не дождешься, обещаю. И живи, как знаешь. Отправляйся обратно в ад. Все понял?

Айк начал развязываться.

*И для меня разверзлась в бездне сей
Иная пропасть; рядом с нею Ад,
Где стражду я, мне показался Раем.*

Джон Мильтон. Потерянный Рай

Под пересечением желобов Палау, Яванского и Филиппинского

Айк спустился в древний город, ведя на веревке свою дочь. Город вырисовывался в сумеречном органическом свечении – лабиринт развалин, расплзающиеся очертания домов, слепые окна.

На дне обширного каньона, у начала развалин, Айк повесил ноутбук на плечо и согнул пластиковую «свечу», чтобы сломать активирующий стержень. Свеча загорелась зеленым светом. Шоут сможет следить за его продвижением по городу даже без оптического прицела.

Первые полмили никакой явной опасности не было, хотя по камням рыскали звери. Айк напряженно думал, как изменить ход событий. Шоут сплел прочную паутину. Айку постоянно мерещился собственный затылок в оптическом прицеле. Если бы дело было только в нем, он ушел бы от пули – или принял ее. Но Шоут ясно сказал: первая мишень – Али. И Айк продолжал шагать через окаменевший город.

Весть о вторжении людей разлетелась быстро.

Фигуры, казавшиеся силуэтами на фоне слабо светящегося камня, при свете «свечи» мелькали, как темные тени. «Свеча» мешала ночному видению Айка.

С самого начала проклятой экспедиции Айк растрачивал те ресурсы организма, что помогали ему существовать во тьме, – хотя бы тем, что ел человеческую пищу. А теперь ему не нужно скрывать свою сущность.

Из темноты раздавалось пощелкивание – хейдлы разговаривали. Айк чувствовал их запах, резкий, смешанный с запахом охры. В него швырнули камень, но не сильно, скорее хотели напугать. Над самой головой носились крылатые. Айк старался шагать твердо. Некоторые крылатые поднимались повыше и плевали в него. По шее Айка стекала теплая слюна. Откуда-то выскочил здоровенный хейдл и загородил ему дорогу. Коренастый, разрисованный светящейся грязью, он поигрывал топором, демонстрируя

боевые шрамы и колпачок на пенисе. При этом хейдл вызывающе поводил языком, словно змея жалом, и свирепо таращил глаза. Айк не отреагировал, и ему дали пройти.

Скользкие каменные натеки, по которым шагал Айк, стали подниматься в гору. Он приближался к холму в центре города, к месту, которое видел в бинокль. Толпа беженцев прибывала, в каналах плавали свежие трупы и нечистоты. Хейдлы, больные и голодные, лежали прямо на земле.

За долгие годы плена Айк ни разу не видел такого разнообразия. У некоторых хейдлов вместо рук были плавники, у других ноги не отличались от рук. Были тут хейдлы с плоскими от перевязывания головами, с пустыми от природы глазницами. Поражало также разнообразие в одежде и росписи. Одни ходили голышом, другие в панцирях или кольчугах. Айк шел мимо евнухов, явно гордых своим отличием, мимо воинов с волосами, украшенными бисером, и рогами, увешанными скальпами, мимо специально выведенных самок – очень маленьких и тучных.

Несмотря ни на что, Айк оставался бесстрастным. Он поднимался по тропе, ведущей на вершину холма, и толпа становилась все гуще. Там и тут торчали белыми решетками ребра обглоданных трупов. В такие тяжкие времена в первую очередь поедают пленников-людей.

Позади шла девушка, его дочь, его пропуск к хейдлам. Никто их не задерживал, они шагали и шагали. Сверху Айк видел, что спуск здесь не кончается, а только приостанавливается. И все же весь народ хейдлов собрался здесь, точно прирос. Почему-то инстинкт кочевников не влек их дальше, в глубину. Айку захотелось спуститься еще ниже, в самую бездну, в эту гору наоборот, спуститься и посмотреть – что там. Но он тут же отрезвел, вспомнил, что, скорее всего, не проживет и часа и, конечно, не увидит никаких новых земель.

Из массы натечного камня выступили новые развалины, и Айк устремился вверх. Поднимаясь, он и девушка увидели распятых солдат. Те были привязаны к разбитым столбам, но не веревками, а собственными кишками.

Девушка при виде своих истязателей радостно запрыгала; Айк не стал ей мешать. Один солдат поднял безглазое лицо. Ему выломали нижнюю челюсть. В глотке судорожно дергался язык.

Через минуту Айк двинулся дальше. Подъем закончился. Развалины занимали несколько акров плоской вершины холма. Хейдлы сидели и лежали на бесформенных каменных грудах, а вот уцелевшая часть здания,

как ни странно, пустовала. Айк в который раз поразился их умению ждать.

Стена с одной стороны обвалилась; Айк и девушка начали карабкаться по камням. Воины выкрикивали угрозы и оскорбления, но никто не переступал границ разливаемого «свечой» света. Айку хейдлы казались лишь мельканием зеленых теней.

Они поднялись на верхний этаж дома, который Айк видел в бинокль. Крыша то ли провалилась, то ли ее снесли, и получилась высокая площадка, видимая Шоуту в его прицел. Коридор был гораздо шире, чем показалось Айку. То, что он сейчас увидел, походило на библиотеку, набитую книгами и рукописями.

Айк остановился в середине комнаты. Здесь он и видел Али; сейчас она куда-то ушла. Пол был ровный, но наклонный, словно палуба тонущего корабля. Место не хуже прочих. Тут возникало ощущение, что находишься под открытым небом. Будь у него выбор, Айк предпочел бы умереть не в какой-нибудь узкой щели или лазе. Пусть это случится на открытом месте. К тому же Шоут велел оставаться в пределах видимости.

Во время своего ожидания Айк торопливо рассматривал помещение, строил планы на случай непредвиденной ситуации, готовил путь к отступлению, просчитывал разные возможности в зависимости от потенциального противника и его оружия. Руководила им привычка, а не надежда.

Он увидел отломанную колонну и установил на нее, на уровне глаз, ноутбук. Открыл крышку. На экране возникло лицо Шоута – уменьшенный вариант волшебника страны Оз.

– Чего они там ждут? – раздался его голос.

Девушка отпрянула. Внизу хейдлы с негромкими тревожными криками убрались в темноту.

– У них свои понятия, – сказал Айк.

Он огляделся. У стены стояли стопки каменных табличек, лежали горами свитки, похожие на карты, свернутые в рулоны; рукописи, пергаменты, покрытые письменами и рисунками. Чтобы Али работалось быстрее, хейдлы дали ей отобранные у солдат фонари. И она самоотверженно трудилась над расшифровкой праязыка.

Прошло еще минут десять. Из-за темных груд камня появилась Али. Не дойдя до Айка пятнадцати или двадцати футов, она остановилась. По щекам у нее текли слезы.

– Айк!

Она уже оплакала его и теперь оплакивала снова.

– Я думала, ты погиб. Я за тебя молилась. И еще молилась, чтобы ты,

если как-то уцелеешь, не искал меня.

– Наверное, последняя молитва не дошла, – сказал Айк. – Как ты тут?

Как он и разглядел с утеса, ей еще не делали татуировок, во всяком случае на видных местах. Али у них уже три недели. К этому времени хейдлы обычно выбивают пленным женщинам передние зубы и начинают проводить другие обряды посвящения. У Али не было тавра владельца, и это вселило надежду, что обмен еще может состояться.

– Я все время слушала крики солдат. Они погибли?

– Не думай о них. Ты сама как?

– Со мной почти нормально обращаются. Пока ты не пришел, я даже думала, что для меня здесь найдется место.

– Не говори так! – оборвал Айк.

Значит, она уже начала поддаваться. Неудивительно. Ее влекут эти книги и здешний соблазн – соблазн стать человеком без родины. Когда попадаешь в какое-нибудь особенное место – в Черную Африку, Париж, Катманду, – словно лишаешься национальности, становишься гражданином века. Айк знал это по себе. Среди людей-пленников всегда были рабы, ходячие мертвецы. И редко, но бывали такие, как он – или Исаак, – потерявшие в глубинах свои души.

– Но я почти у цели. Я уже чувствую первые слова.

Их жизнь висит на волоске. Вот-вот разразится буря, а она думает о древнем языке? Слово для нее – все. А она – все для Айка.

– Совершенно исключено, – сказал он.

– Привет, Али, – поздоровался с экрана Шоут. – Скверная ты девчонка.

– Шоут? – произнесла Али, уставясь на экран.

– Спокойно, – предупредил Айк.

– Что происходит?

– Он не виноват, – заступился Шоут. – Просто мальчик на побегушках.

– Айк, я прошу, – начала Али, – что он намерен делать? Что бы вы ни затеяли... они мне обещали... Дай мне с ними поговорить. Мы с тобой...

– Обещали? Ты их держишь за благородных разбойников?

– Я могу их спасти.

– Спасти? Да ты оглядись.

– У меня есть ключ. – Али указала на свитки и книги. – Сокровище здесь, здесь тайна их прошлого, память их народа.

– Они не умеют читать. Они выродились и погибают от голода.

– Потому-то я им и нужна, – сказала Али. – Мы возродим их величие. Нужно время, но мы сможем, я уверена. Здесь, в этих рукописях, – наследие поколений. Древний язык отличается от современного так же, как

древнеегипетский от английского. Это хранилище – все равно что гигантский Розеттский камень. Все разгадки здесь, в одном месте. Быть может, нам удастся найти ключ к цивилизации, вымершей двадцать тысяч лет назад!

– «Нам»?

– Есть еще один пленник. Совпадение просто невероятное! Я его знаю. Мы вместе работаем.

– Хейдлы не станут тем, чем были. Не нужны им легенды о золотом веке. – У Айка раздувались ноздри. – Чувствуешь запах? Это запах смерти и разложения. Их город – не Шангри-Ла.^[29] Не знаю, для чего они здесь собрались. Да и не важно. Они вымирают. Потому и похищают наших женщин и детей. Потому и тебя не убили. Ты нужна им для размножения. Мы для них – гены, не более того.

– Эй, друзья! – раздался тихий голос Шоута. – Счетчик-то тикает. Пора закругляться.

Али приблизилась к экрану, не зная, что он смотрит на нее через прицел.

– Что тебе нужно, Шоут?

– Во-первых, главного босса. Во-вторых, мою вещь. Начнем с первого. Соедините меня, пожалуйста.

Она оглянулась на Айка.

– Он хочет заключить сделку, – пояснил тот. – Думает, у него получится. Пусть попробует. Кто здесь распоряжается?

– Тот, кого я искала. И кого ты искал.

– Мы искали не одного и того же.

– Одного. Он здесь. Я с ним говорила, он тебя знает. – И Али произнесла на щелкающем языке имя, данное хейдлами своему мифическому божественному правителю.

Это было запретное имя, и заложница Айка бросила на Али изумленный взгляд.

– Старше-чем-старый, – добавила Али по-английски. – Это его знак. – Али показала на тавро на руке Айка, и он похолодел. – Сатаны.

Взгляд Айка забегал среди неясных очертаний за спиной Али. Неужели он здесь?!

Неожиданно девушка вскрикнула. «Батр!» – произнесла она на языке хейдлов. Это застигло Айка врасплох. Сердце его подскочило, он повернулся к девушке, но та к чему-то приняла позу. Через секунду Айка тоже почувствовал запах. Если не считать короткого взгляда во время осады подземной крепости, в последний раз Айка видел этого человека в

тибетской пещере.

Исаак, пожалуй, выглядел получше, чем тогда. Исчезла аскетическая худоба, появились накачанные мышцы; значит, он занял более высокое общественное положение и, соответственно, стал есть больше мяса. Кальциевые наросты на раскрашенной голове превратились в изогнутые рога, глаза стали более выпуклыми, как у всех жителей тьмы. Передвигался Исаак с грацией мастера ушу. От перетягивающих бицепсы серебряных браслетов до демонического взгляда и древнего самурайского меча все в нем говорило, что он рожден править здесь, – настоящий вождь, каудильо подземного мира.

– А, наш перебежчик! – приветствовал он Айка с плотоядной улыбкой. – Да еще с дарами! Моя дочь. И машина.

Девушка рванулась к нему. Айк дернул ее назад и еще раз обмотал веревкой кулак. Исаак оттопырил губу, показывая спиленные зубы, и произнес что-то на языке хейдлов. Для Айка фраза была слишком сложной. Он сжал рукоять ножа, стараясь подавить страх. Так это и есть Сатана Али? Очень в его духе – обмануть женщину, чтоб считала его царем. И обмануть чужую дочь, чтоб считала его отцом.

– Али, – пробормотал Айк, – это не он.

Айк не произнес имя Старшего-чем-старый даже шепотом. Он только дотронулся до своего тавра.

– Нет, он.

– Нет. Он всего лишь человек. Пленник, вроде меня.

– Но его все слушаются.

– Потому что он служит повелителю. Он – помощник. Фаворит.

Али нахмурилась:

– Тогда кто же повелитель?

Айк услышал слабый звон. Он помнил этот звук еще с крепости – позвякивание нефритовых пластинок. Воинские доспехи возрастом десять тысяч лет. Али повернулась и вгляделась в смутные тени.

На Айка обрушилась страшная тяжесть, ему показалось, что все опоры рухнули и его повлекло в бездну.

– А мы по тебе соскучились, – раздался голос из развалин.

Когда из тьмы возникла знакомая фигура, рука, в которой Айк держал нож, упала. Он отпустил веревку, и его дочь метнулась в сторону. В голове была тяжесть, в сердце – пустота. Он провалился в бездну.

«Наконец-то, – подумал Айк, падая на колени. – Он!»

Сидя в снайперском гнезде и немзыкально мурлыкая, Шоут установил винтовку в каменный желобок над пропастью. Не отрывая глаз от прицела, он глядел на крошечные фигурки, исполняющие действие по его сценарию.

– Так-так-так, – бормотал он.

Пришла пора забить крышку гроба и отправляться в обратный путь. Синтетический вирус очистит все коридоры, и никакой живности можно не бояться. Худшее, что его ждет, – скука. Впереди одиночное полугодовое путешествие, питание белковыми брикетами, которые Шоут припрятывал у шахт по всему маршруту.

Встретить хейдлов, собравшихся в одной вонючей яме, – чистая удача. Ученые «Гелиоса» рассчитали, что для распространения приона по всему Тихоокеанскому подземью и полной ликвидации пищевой цепи, включая хейдлов, нужно больше десяти лет. Но в корпус ноутбука вмонтировано пять капсул с прионом. И Шоут истребит это гнусное население с большим опережением графика. Отличный троянский конь.

Шоут чувствовал себя как уцелевший в катастрофе. Конечно, есть кое-какие огрехи и еще будут, хотя в целом чутье его не подвело. Экспедиция самоликвидировалась, но успела провести его по субтерре. Охрана взбунтовалась, да она ему уже была не нужна. А теперь Айк доставил погибель прямо в святая святых хейдлов. «Усни, мой принц, пусть ангелов полет тебя баюкает...»^[30] – бормотал Шоут, щурясь в прицел.

Всего минуту назад Айк, похоже, готовился бежать. А теперь вдруг распростерся перед каким-то типом, появившимся откуда-то из здания. Ну и вид у Крокетта – пресмыкается, уткнувшись головой в пол.

Шоут жалел, что прицел недостаточно мощный. Кто же там такой? Интересно бы рассмотреть его лицо. Хотя, наверное, хватит и этого прицела.

«Рад познакомиться, – промурлыкал Шоут, – надеюсь, вы поняли, кто я».

– Значит, ты ко мне вернулся, – сказал голос из темноты. – Встань.

Айк даже головы не поднял. Али смотрела на голую спину, испуганная

его покорностью. Он всегда отличался независимым духом, настоящий бунтарь. И вот теперь преклонил колени в каком-то раболепном благоговении и не собирается ни дать отпор, ни возразить.

Повелитель хейдлов – или царь, или хан, или шах, как бы он ни назывался – недвижно стоял перед коленопреклоненным Айком. На нем были доспехи из нефритовых и хрустальных пластин, а под ним – кольчуга крестоносца с короткими рукавами; каждое кольцо тщательно смазано для предохранения от ржавчины.

Али поняла, и ей стало дурно. Это – Сатана? Это его лицо искал Айк среди убитых хейдлов? Не для того, чтобы, как она считала, уничтожить, а чтобы служить? Айк беспомощно склонился, не скрывая страха – и стыда. И опустил голову на камни.

– Что это значит? – спросила Али, но не у Айка.

Томас торжественно развел руки, и со всех концов города хейдлы издали приветственный вопль. Али обмякла и безмолвно опустилась на колени. Она была не в силах постичь всю глубину его коварства. Как только она осмысливала очередную ложь, в памяти всплывала другая, еще более вопиющая, – начиная с того, как он прикинулся узником, заканчивая тем, как он манипулировал обществом «Беовульф», как носил обличье человека, будучи хейдлом.

Даже теперь, видя его здесь, облаченного в древние доспехи, слыша приветственные крики хейдлов, Али по-прежнему видела в нем иезуита, сурового аскета и – человека. Она не могла просто взять и перечеркнуть дружбу и доверие, которые связали их в последние недели.

– Встань! – приказал Томас, затем посмотрел на Али и проговорил уже мягче: – Скажи ему, пожалуйста, чтобы встал. У меня есть к нему вопросы.

Али стояла на коленях рядом с Айком, и они могли слышать друг друга, несмотря на ликующие вопли хейдлов. Она провела рукой по его жилистой спине, по шрамам на шее, где в позвоночнике было когда-то железное кольцо.

– Встань! – повторил Томас.

Али посмотрела на него:

– Он тебе не враг.

Инстинктивно ей хотелось заступиться за Айка. Не только из-за его явного страха и растерянности. Али вдруг подумала о другом и еще больше испугалась. Ведь если Томас – повелитель, значит, именно с его позволения все эти дни истязали солдат Уокера. Айк – тоже солдат.

– Не сразу, – признал Томас, – вначале, когда мы приняли его, он был как сирота. Я привел его к своему народу. И какова награда? Он несет нам

войну, голод и чуму. Мы сохранили ему жизнь и наставили на путь. А он привел солдат и поселенцев. Теперь он возвратился к нам. Но как – как блудный сын или как заклятый враг? Ответь мне. Встань!

Айк поднялся.

Томас взял его руку и поднес к своему рту. Али показалось, что он хочет в знак прощения поцеловать руку грешника, и у нее забрезжила надежда. Томас раздвинул пальцы и взял указательный в рот. И начал сосать. Али моргнула – что за непристойность? Старик полностью держал палец во рту – все суставы – и водил губами у основания.

Айк, сжав губы, смотрел на Али.

«Закрой глаза», – попросил он взглядом.

Она не закрыла.

Томас сжал челюсти.

Зубы с хрустом сомкнулись. Он резко отбросил руку Айка.

Кровь брызнула на нефритовые доспехи и на волосы Али. Она вскрикнула. Айк содрогнулся; больше он ничем не проявил своих чувств, только покорно опустил голову. Рука так и осталась вытянутой. Али испугалась, что ему откусят и другие пальцы.

– Что вы делаете?! – закричала она.

Томас, с окровавленными губами, смотрел на нее. Он вытащил изо рта палец, точно это была рыбья кость, сунул Айку в искаленную руку, и тот ее опустил.

– А что мне, по-твоему, делать с заблудшим агнцем?

И тут Али увидела. Он был настоящий Сатана.

Он с самого начала увел ее с пути. Она сама себя увела. Изучая собственные карты, читая алфавит хейдлов, расшифровывая их письма, Али уверовала, что понимает законы этого мира. Школярское заблуждение, что слова – это и есть мир. Перед ней была легенда с тысячей ликов. Добрый и злой, дающий и берущий, человек и хейдл.

Айк, не поднимая головы, опустился на колени.

– Пощади эту женщину, – попросил он.

В его голосе слышалась боль.

Томас был холоден:

– Какая самоотверженность!

– Она тебе пригодится.

Али потрясло не то, что Айк за нее просит, а то, что она, оказывается, нуждается в заступничестве. Всего несколько минут назад Али не сомневалась в своей безопасности. А теперь на ее волосах – кровь Айка. И не важно, насколько глубоко она продвинулась в своем исследовании;

жестокость здесь всегда превыше всего.

– Пригодится, – согласился Томас.

Он погладил ее волосы, и доспехи зазвенели, словно подвески на люстре. От его властного прикосновения Али вздрогнула.

– Она восстановит нашу память. Расскажет мне тысячи преданий. С ее помощью я вспомню обо всем, что украло у меня время. Как читать древние рукописи, как выдумать державу, как привести народ к величию. Столь многое ускользнуло от моего сознания. Как все было вначале. Лицо Бога. Голос, слова.

– Бога? – прошептала Али.

– Называй его как угодно. Шекина,^[31] бывший прежде меня. Воплощенное божество. Тот, кто был до начала времен. У самых истоков моей памяти.

– Вы его видели?

– Я – и есть Он. Память о нем. Жестокий уродец. Похожий больше на обезьяну, чем на Моисея. Но, как видите, я позабыл. Нельзя помнить собственное рождение. Мое первое рождение – и есть я сам.

Голос его обволакивал, как облако.

Первое рождение? Голос Бога? Али не понимала этих загадок; она вдруг почувствовала, что и не хочет понимать. Ей хотелось домой, хотелось уйти из этого ужасного места, хотелось быть с Айком. Почему-то судьба забросила ее в самое лоно планеты. Всю жизнь молиться Богу и вот оказаться здесь, в окружении чудовищ.

– Отец Томас, – начала Али; она не столько боялась, сколько не могла заставить себя произнести другое имя. – С тех пор как мы познакомились, я все время следую вашим желаниям. Я позабыла о своем прошлом, спустилась сюда, чтобы восстановить ваше прошлое. И я останусь здесь, как мы договаривались. Помогу вам расшифровать ваш мертвый язык. Ничто не изменилось.

– Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

Однако Али видела, что ее самопожертвование для него лишь еще одно приобретение. Она покорно сложила руки, стараясь не смотреть на кровь в его бороде.

– Располагайте мной, пока я жива. Только взамен вы не должны причинять вред этому человеку.

– Ты требуешь?

– Вам он тоже пригодится. Айк поможет дополнить мои карты. Заполнить белые пятна. Может отвести вас куда угодно.

Айк слегка поднял голову.

– Нет, – сказал Томас. – Ты не понимаешь. Айк теперь сам не знает, кто он такой. Осознаешь ли ты, как это опасно? Для всех он – рабочий скот. Солдатам он нужен, чтобы убивать нас. Корпорациям – чтобы открывать наши территории и вести сюда убийц, которые заражают все. Заражают чумой. А он пытается скрыться от своего собственного зла, мечась меж двумя расами.

Позади Томаса улыбался чудовищный Исаак.

– Чумой? – переспросила Али.

Отчасти ей хотелось сменить тему, но она и вправду не поняла, о какой чуме речь.

– Вы принесли истребление моему народу. Оно следует за вами.

– Какая чума?

Томас сверкнул на нее глазами.

– Довольно лжи! – прогремел он.

Али отшатнулась.

– Совершенно согласен, – пропищал слабый голос из ноутбука.

Томас повернулся, словно на жужжание мухи. Увидев ноутбук, нахмурился.

– Что это? – прошипел он.

– Человек по имени Шоут, – объяснил Айк. – Хочет с вами поговорить.

– Монтгомери Шоут? – Томас выплюнул имя, как харкнул. – Я тебя знаю.

– Понятия не имею откуда, – сказал Шоут, – но у нас имеются обоюдные интересы.

Томас схватил Айку за руку и развернул его лицом к утесам.

– Где он? Близко? Наблюдает за нами?

– Тсс. Айк, ни слова, – предостерег Шоут, грозя с экрана пальцем.

Томас замер позади Айку, только поворачивал голову, вглядываясь в сумерки.

– Присоединяйтесь к нам, мистер Шоут, – пригласил он.

– Спасибо, – ответило изображение. – Мне и тут хорошо.

Абсурд происходящего не мог не поражать: экран компьютера в этой преисподней. Сама древность говорит с сегодняшним днем. Али увидела, что Айк водит глазами по сторонам. Он внимательно разглядывал полуразрушенный зал.

– Вас все равно скоро отыщут, мистер Шоут, – обратился Томас к экрану. – Может, тем временем хотите поговорить?

– Вам в руки попало нечто, принадлежащее «Гелиосу».

– О чем толкует этот идиот? – обратился Томас к Айку.

– О своем активаторе. Прибор, с помощью которого можно вернуться на поверхность, – объяснил Айк. – Он считает, что его украли.

– Без него я пропаду, – сказал Шоут. – Верните его, и я от вас отвяжусь.

– Это все, что тебе нужно? – спросил Томас.

Шоут поразмыслил:

– Ну, для начала.

Лицо Томаса налилось гневом, но голосом он владел:

– Я знаю о твоих делах. Мне известно про прион-девять. И ты покажешь мне, где его спрятал. Каждое место.

Али посмотрела на Айку, но он тоже явно ничего не понимал.

– Общие интересы – основа любых переговоров! – Шоут демонстрировал восторг. – У меня есть необходимая вам информация, у вас – гарантия моего возвращения. Quid pro quo.^[32]

– Не бойтесь за свою жизнь, мистер Шоут, – сказал Томас, – вы проживете с нами очень долго. Так долго, что вы и не мечтали.

Али видела – он тянет время. А позади него Исаак разглядывал сумерки, искал прячущегося в утесах человека. Девушка стояла рядом, шепотом подсказывая, куда смотреть.

– Мой активатор, – произнес Шоут.

– А я недавно гостил у твоей матушки, – вспомнил Томас, словно поддерживая светскую беседу.

Исаак бормотал в сторону приказы, отсылая воинов на поиски. Их неприметные силуэты были неотличимы от теней. Они устремлялись вниз с холма.

– У моей матушки? – Шоут пришел в замешательство.

– У Евы. Три месяца назад. В ее Хемптонском поместье. Превосходная хозяйка. Мы много о тебе говорили. Она очень расстроилась, узнав, во что ты ввязался.

– Это невозможно.

– Спускайся, Монти. У нас есть о чем поговорить.

– Что вы сделали с матерью?

– Зачем все усложнять? Мы же тебя найдем. Через час или через недельку, какая разница. Никуда ты не денешься.

– Я спрашиваю о моей матери!

Айк перестал бегать взглядом по залу. Он выжидательно, со значением смотрел на Али. Она попыталась изгнать страх и растерянность и не отрывалась от его глаз.

– Quid pro quo? – спросил Томас.

– Что вы с ней сделали?
– С чего начать? С начала? С твоего начала? Ты родился в результате кесарева сечения...

– Она не стала бы рассказывать!..

Томас посуровел:

– Она и не рассказывала.

– Тогда как?.. – Голос Шоута стих.

– Я сам нашел шрам, – объяснил Томас. – И я его вскрыл. Тот самый разрез, через который ты появился на свет.

Шоут хранил молчание.

– Спускайся, – повторил Томас, – и я расскажу тебе, в какой помойке ее закопал.

Глаза Шоута заполнили весь экран, потом исчезли. Экран был пуст.

«И что же теперь?» – думала Али.

– Он убегает, – сказал Томас Исааку. – Приведите его. Живым.

Лицо Айка стало вдруг спокойным. Томас стоял у него за плечом; Аик устремил взгляд на далекие утесы. Али не могла понять, что он там ищет. Она посмотрела в ту сторону, в этот момент там блеснуло. Как мерцающая звездочка.

Айк резко нагнулся.

В это же мгновение Томас загорелся.

Его не спасли ни нефритовые доспехи, ни кольчуга крестonosцев. В обычном случае снаряд прошил бы его насквозь, а потом превратился бы в огненный шар, рассыпающий шрапнель. Но поскольку на Томасе были доспехи, снаряд не вылетел наружу. Разрыв произошел в его теле. Плоть взорвалась пламенем. Позвоночник переломился. Пал он, казалось, бесконечно.

Али смотрела словно загнипнотизированная. Из горловины доспехов рвались языки пламени. У Томаса началось удушье. По горлу полз огонь. Вождь попытался вдохнуть, но изо рта вырвалось пламя. Голосовые связки сгорели, он не мог издать ни звука. Со звоном падали на землю нефритовые пластины – скреплявшая их золотая проволока расплавилась.

Томас возвышался над Али. Он должен был упасть, но держался силой воли. Глаза смотрели ввысь, словно он хотел взлететь. Наконец колени у него подогнулись. Али почувствовала, что ее куда-то дернули.

Айк тащил ее, торопясь укрыться за сломанной колонной. Он затолкнул Али за колонну и метнулся следом в тот самый момент, когда начался настоящий разгром. Шоут действовал как целая армия. Его снаряды били, словно удары грома, взрываясь белым сиянием и вспахивая

библиотеку смертоносными осколками. Он поливал здание огнем; хейдлы падали.

Колонна защищала от снарядов, но не от осколков и шрапнели. Айк прикрыл себя и Али телами убитых, как мешками с песком.

При виде корчащихся в огне бесценных рукописей и свитков Али закричала. Лопались стеклянные глобусы, гравированные изнутри каким-то давно утраченным способом. Превращались в прах глиняные таблички с описаниями дьяволов, богов, городов, что в десятки раз старше «Энума элиш» – месопотамского мифа о Сотворении мира. Огонь двинулся в недра библиотеки, пожирая пергаменты и рисовую бумагу, папирус и деревянные статуэтки.

Казалось, взвыл весь город. Толпы хейдлов ринулись с холма, а некоторые сгрудились вокруг Томаса, чтобы защитить своего повелителя от поругания. Исаак с пронзительным воплем бросился в темноту – схватить убийцу; за ним устремились другие воины.

Али выглянула из-за колонны. Снайперское гнездо Шоута все еще озаряли вспышки. Чтобы получить свое, ему хватило бы единственного выстрела, но ярость взяла верх.

Пока хаос не прекратился, Айк спешил замаскировать Али. Церемониться было некогда. Огонь, кровь, ниспровержение веры, науки, истории – это оказалось для нее слишком. Айк начал сдирать с Али одежду, натирать тело охрой и грязью с убитых хейдлов. Ножом срезал с трупа кожаную повязку, веревку, перетягивающую волосы. Нацепил повязку на Али, смочил ей волосы кровью и скрутил из них рога. Час назад она еще походила на исследователя, изучающего древние тексты, на гостью повелителя. Теперь от нее пахло смертью.

– Что ты делаешь? – рыдала Али.

– Все кончилось. Мы уходим. Потерпи.

Стрельба прекратилась. Шоута нашли. Айк встал.

Кругом все еще метались раненые, слепо топтались по острой, как иглы, шрапнели. Спасаясь от жара горящих свитков, Айк припал к земле. Поднял Али.

– Быстро! – сказал он, набрасывая ей на голову какие-то лоскуты.

Они прошли мимо Томаса, лежащего в окружении преданных слуг, горящего и истекающего кровью, неподвижного под своими доспехами. Лицо его было в ожогах, но целое. Невероятно – он еще жил! Открытые глаза смотрели по сторонам.

Наверное, пуля перебила ему позвоночник, решила Али. Он только и мог, что шевелить головой. На нем лежали другие жертвы Шоута. Айк и

Али, проходя, посмотрели на Томаса, и он их узнал. Он открыл рот, хотел крикнуть, но сожженные связки не издали ни одного звука.

На холм поднимались все новые хейдлы – позаботиться о своем божественном повелителе. Айк нагнул голову и побежал вниз, таща за собой Али. Кажется, им удастся убежать. И вдруг Али схватили сзади за руку.

Девушка-пленница. По лицу у нее текла кровь, она была ранена и насмерть перепугана. Девушка мигом поняла, что они затеяли – скрыться, замаскировавшись под хейдлов. Ей достаточно было крикнуть.

Айк достал нож. Девушка посмотрела на черное лезвие, и Али поняла, о чем та думает. Выросшая среди хейдлов, она немедленно заподозрила самые кровожадные намерения.

Но Айк просто протянул ей нож. Девушка переводила взгляд с Айка на Али. Может, она вспомнила что-то хорошее, что они для нее сделали, или как ее пожалели. А может, увидела в чертах Айка что-то родное, увидела свое собственное отражение. Неизвестно, о чем она подумала, но решение приняла.

Девушка на секунду отвела взгляд. Когда она повернулась обратно, варвары уже скрылись.

*До основания гор я нисшел, земля своими запорами
навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой,
изведешь душу мою из ада.*

Кн. пророка Ионы 2:7

Словно рыба с красивой зеленой чешуей, лежал Томас на каменном полу, лежал с открытым ртом, безмолвный, умирающий. Ему пришел конец. Ниже шеи он ничего не чувствовал и не мог ничем шевельнуть. И это было благо, учитывая, что после пули Шоута там осталось только обгорелое месиво. Агония продолжалась.

С каждым вымученным вдохом Томас чувствовал запах своего горелого мяса. Он открывал глаза, и над ним маячил его помощник. Закрывал – и слышал свой народ, упрямо ждущий великого перевоплощения. Сильнее всего его мучило, что он не может приказать своим людям уйти – огонь сжег ему гортань.

Томас открыл глаза: перед ним на кресте, оскалив зубы, висел Шоут. Хейдлы сделали все как следует – прибили руки гвоздями, для ног и ягодиц сделали небольшие опоры, чтобы он не повис на руках и не задохнулся. Распятие установили в ногах у Томаса, и он мог наслаждаться муками человека.

Шоут проживет несколько недель. На плечо ему повесили клочок мяса, чтобы он мог поесть. Локти вывернули из суставов, гениталии изуродовали; все остальное почти не тронули. На теле вырезали узоры. Искромсали уши и ноздри. Чтоб никто не подумал, что у пленника нет хозяина, на лицо ему поставили тавро «Старше-чем-старый».

Томас отвернулся от мерзкого зрелища. Откуда его людям знать, что вид Шоута не доставляет ему удовольствия, а лишь приводит его в ярость. Этот человек разложил на всем пути экспедиции капсулы с прионом, а Томас не может его допросить и узнать важнейшие подробности. Он не может предотвратить геноцид. Не может предостеречь своих детей, отослать их подальше, в недоступные глубины. И, что вызывало у него самый сильный гнев, он не может покинуть свою изуродованную оболочку и перейти в новое тело. Не может умереть, чтобы возродиться.

Дело не в отсутствии нового вместилища. Уже несколько дней Томаса кольцом окружали женщины на разных сроках беременности и с младенцами разного возраста, в воздухе витал запах надутых женских тел и молока. На минуту ему показалось, что это не настоящие женщины, а пышнотелые статуэтки каменного века.

По традиции хейдлов женщины-матери были тучными, закормленными. Подобно женщинам любого великого племени, они носили на своих обнаженных телах целое состояние: пластиковые фишки, монетки десятков разных стран, связанные в ожерелья; в волосы вплетали разноцветные ленточки, перья, морские раковины. Некоторые были покрыты высохшей грязью, и, глядя на них, казалось, будто ожила сама земля.

Их ожидание было бдением у смертного одра, но не простой формальностью. Женщины предлагали Томасу содержимое своих утроб. Те, у кого были младенцы, время от времени поднимали их вверх, надеясь привлечь его внимание. Заветная мечта каждой матери – чтобы Мессия нашел воплощение в ее ребенке, пусть даже ценой уничтожения новой зарождающейся души.

Однако Томас не спешил. Он не видел подходящей возможности. Присутствие Шоута постоянно напоминало, что вирус здесь, готовый уничтожить. Попытавшись переселиться в «обитаемое» тело, Томас рискует потерять память. А какой прок оказаться в теле новорожденного, если он будет не в состоянии предупредить людей о надвигающейся чуме? В качестве предосторожности он, а с ним Дженьюэри и Бранч несколько месяцев назад сделали прививки на антарктической военной базе. Это произошло, когда обнаружили, что в подземье заложены капсулы с прионом. Его обожженная и изуродованная оболочка хотя бы защищена от воздействия препарата.

И повелитель лежал в склепе собственного тела, терзаемый необходимостью выбора. Смерть – это мука. Но, как сказал Будда, рождение – тоже мука. Во всем царстве хейдлов шаманы и жрецы не переставали стучать в барабаны и бормотать. Плакали дети. Постоянно хныкал и корчился Шоут. В стороне дочь Исаака никак не могла оторваться от компьютера и зачарованно тыкала пальцем в кнопки, словно обезьяна перед пишущей машинкой.

Томас закрыл глаза, пытаясь избавиться от кошмара, в который он сам превратился.

Через неделю пути Айк и Али добрались до извилистого озера. Последний из плотов «Гелиоса» лежал недалеко от горловины озера, переходящей в водопад глубиной несколько миль. Плот крутился возле берега в небольшой воронке, словно верный конь, ждущий хозяина. К одному из поплавков было даже привязано весло.

– Влезай! – прошептал Айк, и Али с радостью опустилась на резиновое дно.

С момента их побега Айк почти не давал ей отдыхать. Времени на поиски пищи и охоту не было, и Али ослабела от голода.

Айк оттолкнулся от берега, но грести не стал.

– Ты узнаёшь место? – спросил он.

Али покачала головой.

– Коридоры идут во все стороны. Я потерял дорогу. Не знаю, куда идти.

– Может, вот это пригодится.

Али открыла маленький кожаный футляр, висевший у нее на поясе, и протянула Айку прибор Шоута.

– Так это и вправду ты! – сказал он. – Ты его украла!

– Шоута все время избивали. Я побоялась, что его убьют. А прибор мог еще понадобиться.

– Но код...

– Он в бреду все время повторял какие-то цифры. Не знаю, код или нет, но я запомнила.

Айк присел рядом на корточки:

– Давай попробуем.

Али колебалась. Вдруг не получится? Она осторожно нажала нужные кнопки и стала ждать.

– Ничего.

– Попробуй еще раз.

Теперь на десять секунд загорелся красный индикатор. На крошечном дисплее светилась надпись «Устройство в действии». Затем прибор пикнул, и появилась надпись «Активация выполнена».

– И что теперь? – в отчаянии спросила Али.

– Да ничего, это не конец света, – сказал Айк и швырнул прибор в воду.

Он достал квадратную монетку, найденную где-то в подземных

коридорах. Она была старинная, на одной стороне – дракон, на другой – китайский иероглиф.

– Орел – идем направо, решка – налево, – и подбросил монету.

Они поднялись от светящихся вод озера, его ручьев и проток в мертвую зону, разделяющую два мира. Во время спуска от Галапагосского архипелага экспедиция здесь не проходила, но Айк бывал в этих местах раньше. С одной стороны, здесь было слишком глубоко, и фотосинтез не мог обеспечить пищевую цепочку, и в то же время слишком близко к поверхности, чтобы могла выжить глубинная биосфера.

Живые существа почти не проходили между двумя мирами. Только самые отчаянные решались пересечь эти пустынные коридоры.

Айк повернул из мертвой зоны вниз, отыскал для Али безопасную пещеру и отправился на охоту. Через неделю он возвратился, неся с собой длинные полосы сушеного мяса, и Али не спросила, откуда оно.

С запасом провизии они вновь поднялись в мертвую зону. Продвижение замедляли завалы, ловушки хейдлов, идолы. Кроме того, путники поднимались все выше, и по мере приближения к уровню моря воздух делался все более разреженным. С точки зрения физиологии условия не отличались от подъема в гору, и даже чтобы просто шагать вперед, требовались немалые усилия. А когда им приходилось взбираться по стенам трещин или вертикальным коридорам, Али казалось, что ее легкие вот-вот разорвутся.

Однажды ночью она сидела, жадно вдыхая воздух. Айк пользовался старым правилом альпинистов: днем – вверх, вечером – вниз. Весь день они поднимались, а перед сном спускались футов на тысячу или около того. Так им удалось избежать отека мозга. И все же Али мучили головные боли, а иногда случались галлюцинации.

Они не могли следить за временем или каким-то образом записывать пройденный путь, но так Али чувствовала себя даже свободнее. Без календаря и часов она жила настоящим моментом. Ведь за каждым поворотом может появиться солнечный свет! Однако поворотам не было конца, и, пройдя тысячный, Али перестала думать об избавлении.

* * *

Следующее, что услышал Томас, была тишина. Причитания, напевы, барабанный бой, плач детей, женские голоса – все умолкло. Все замерло. Весь его народ уснул, изнуренный долгим бдением и горем. И молчание

принесло Томасу облегчение.

«Тихо! – мечтал он крикнуть распятому безумцу. – Ты их разбудишь».

И только потом Томас услышал слабый свист и увидел струйку аэрозоля, выходящего из ноутбука Шоута.

Томас с трудом набрал в обожженные легкие воздуха и с таким же трудом выдохнул, издав то ли стон, то ли свист. Его народ никогда не проснется. В ужасе он смотрел на Шоута. А Шоут, пожирая лоскут мяса, висящий у него на плече, уставился на Томаса.

* * *

У Айка отросла борода. Золотистые волосы Али доходили ей почти до пояса. Путники не то чтобы заблудились – ведь им с самого начала было неизвестно, где они. Али находила утешение в утренних молитвах и еще в растущей близости с Айком. Она думала о нем, даже лежа в его объятиях.

Однажды утром она проснулась и увидела, что Айк сидит лицом к стене в позе лотоса – почти такой, каким она его впервые увидела. Во тьме мертвой зоны Али разглядела слабо светящийся круг, нарисованный на стене. Раньше она решила бы, что это плоды грез какого-нибудь аборигена или доисторическая мандала, но после увиденного в крепости знала, что это карта. Она попыталась погрузиться, как и Айк, в созерцание, и скоро змеящиеся и пересекающиеся линии в круге обрели объем и смысл. В следующие дни путники шли дальше, держа карту в голове.

* * *

Сильно хромая, Бранч вошел в развалины города обреченных. Он уже не надеялся увидеть Айка живым. Жар, лихорадка, яд с хейдлского копья – все это его измучило, и он вообще едва помнил про Айка. Блуждания уводили Бранча все глубже и дальше от цели; земное ядро стало Луной, тянущей его в свою орбиту. Мириады дорог свелись в голове к одной. И вот он здесь.

Все лежали неподвижно. Тысячи неподвижных тел. В смятении Бранч вспомнил ту давнюю ночь в Боснии.

Скелеты замерли в вечном объятии. Многие трупы уже скрылись под наплывами известняка. Все вокруг пропитано гниением. Потоки зловония обтекали углы зданий, словно вопли взбесившихся призраков.

Единственным звуком, кроме свиста ветра, было журчание воды, текущей по каналам где-то в недрах города.

Бранч бродил посреди этого светопреставления.

В центре города он увидел холм, покрытый обломками какого-то большого сооружения. Внимательно рассмотрел его в прибор ночного видения. На вершине холма стоял столб, на столбе висел распятый. Крест вызвал в памяти какие-то детские воспоминания, легенды про поиски Грааля.

Больная нога и лежащие вплотную тела затрудняли подъем. Бранчу вспомнилось, с каким восхищением Айк рассказывал о Гималаях.

Он подумал, что Айк может оказаться где угодно, даже на том самом кресте.

Тот, кто висел на кресте, умер гораздо позже, чем остальные, – о нем жестоко позаботились, оставив ему кусок мяса. Внизу валялся ноутбук и разломанная на куски снайперская винтовка. Трудно сказать, был ли распятый ученым или военным. Бранч видел одно – это не Айк. Татуировали его недавно; посмертная гримаса открывала скверные зубы.

Повернувшись, чтобы уйти, Бранч заметил труп хейдла, облаченный в нефритовые доспехи. В отличие от других он отлично сохранился, по крайней мере голова. Это заставило Бранча присмотреться внимательнее. Лицо показалось ему знакомым. Нагнувшись, он узнал иезуита. Как же он сюда попал? Именно он звонил Бранчу, чтобы сообщить о невинности Айка. Не затем ли он здесь, чтобы спасти Крокетта? Должно быть, преисподняя ввергла священника в шок. Бранч смотрел ему в лицо, пытаясь вспомнить имя этого самоотверженного человека. И вспомнил:

– Томас!

И Томас открыл глаза.

Новая Гвинея

Онемев, стояли они в устье неведомой пещеры, а вокруг простирались джунгли. Почти голая, в полубреду, Али прибегла к единственному средству, какое знала, и хриплым голосом стала возносить благодарственную молитву. Айк, как и она, был ослеплен, потрясен и напуган. Боялся он не солнца, светившего сквозь навес из лиан, не зверей, не того, что могло ждать его в этом мире. Его пугало другое. Он не знал, кто он теперь.

При спуске с любой вершины есть миг, есть черта, пройдя которую оставляешь позади снега и возвращаешься к жизни. Это первый пучок зеленой травы, или дымка над дальними лесами, или тонкие струйки талой

воды, свивающиеся в ручей. Раньше каждый раз, когда Айк уходил – на час, на неделю или очень надолго, – сколько бы гор ни осталось позади, миг возвращения он принимал всем своим существом. И сейчас его охватило то же чувство: это не уход, а приход к чему-то новому. Не избавление, но передышка.

Боясь, что голос его выдаст, Айк молча обнял Али.

---

notes

Примечания

Первоначально «Wildcat» – шестилитровый бьюиковский двигатель V-8 (от 250 до 325 л.с., в зависимости от типа карбюратора). На серийную машину «Бьюик Уайлдкет» двигатель был установлен в сезоне 1962 года.

New Age (англ.) – буквально «новая эра» – движение в культуре, религии, философии, науке, возникшее во второй половине XX века в западных странах. Характеризуется смешением разнородных религиозных и научных традиций.

Royal Air Force – Королевский воздушный флот (англ.).

4

Иди с Богом (исп.).

Тибетская буддийская икона; пишутся на мягкой поверхности – ткани, коже, коре.

Широкомасштабное наступление коммунистических сил в 1968 году; переломный момент войны во Вьетнаме.

Боробудур – буддийское святилище на юге острова Ява, памятник средневекового индонезийского искусства.

Противопехотная управляемая мина направленного действия.

Blackhorse – прозвище 11-го бронекавалерийского полка армии США,
Wolfhounds – 27-го пехотного полка.

Служба подготовки офицеров резерва.

«Мускулистые христиане» – движение, возникшее в англиканской церкви во второй половине XIX века и проповедовавшее важность телесного здоровья.

Поверхность Мохоровичича, граница раздела между земной корой и мантией Земли.

Фатом – морская сажень, равняется 182 см.

14

Около нуля по шкале Цельсия.

Бунтарское направление латиноамериканской религиозной мысли.

Спускайтесь, быстро! (исп.).

«Верные слову» – консервативное христианское движение в США, проповедующее идеи сильной традиционной маскулинности. «Марш миллиона мужчин» – марш афроамериканцев на Вашингтон 16 октября 1995 года, организованный лидером организации чернокожих мусульман. Цель – критика социальной политики правительства.

В битве у реки Литл-Бигхорн (1876) индейские племена разбили и полностью уничтожили конный отряд генерал-майора Кастера.

Саван, погребальная одежда (греч.).

Перевод М. Фромана.

Слова известной «народной» молитвы в США.

Перевод С. Маршака.

В американских госпиталях принято оповещать сотрудников о внештатной ситуации с помощью так называемых цветных кодов, где каждый цвет означает определенную ситуацию.

Т. е. на центральной линии поля.

Герой произведения Р. Киплинга, водонос; рискуя жизнью, подносил воду сражающимся английским солдатам.

Древнее подземное искусственное водохранилище.

Да здравствует (мексиканский) народ! (исп.).

Сообщество, собрание (санскр.).

Мифическая земля, «земной рай», описанный английским писателем Джеймсом Хилтоном в романе «Утраченный горизонт».

Слова Горацио в сцене смерти Гамлета.

В иудаизме – термин, обозначающий присутствие Господа.

Услуга за услугу (лат.).